

АГАТА КРИСТИ

К 100-летию со дня рождения

Агата Кристи

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2001

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

ЭХНАТОН
ПАУТИНА
ВЕРНУТЬСЯ, ЧТОБЫ БЫТЬ ПОВЕШЕННЫМ
ВЕРДИКТ
НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ
ВОЗВРАЩЕНИЕ К УБИЙСТВУ
ТРОЙНОЕ ПРАВИЛО
ПЬЕСЫ

Перевод с английского

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2001

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)
К82

AGATHA CHRISTIE

1891—1976

Составление
А ТИТОВА

Художественное оформление
Г КЛОДТА, И ПЧЕЛКО

ISBN 5-93776-018-2 (т.25)
ISBN 5-93776-001-8

© Составление, художественное оформление, редакция произведений Издательство «Артикул-принт», 2001

ЭХНАТОН

ПЬЕСА

Перевод

Л БЕЛЯЕВОЙ

под редакцией

Е ЧЕВКИНОЙ

Akhnaton

1937

© Перевод. Беляева Л., 2001

© Редакция. Издательство «Артикул-принт», 2001

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭХНАТОН¹, царевич Египта, в дальнейшем фараон.

ТИИ, великая царица, мать Эхнатона и супруга Аменхотепа III.

МЕРИПТАХ, верховный жрец Амона.

ХОРЕМХЕБ, молодой воин знатного рода.

НЕФЕРТИТИ, великая царица, супруга Эхнатона.

ТУТАНХАТОН, знатный юноша, нареченный женихом младшей дочери Эхнатона и Нефертити.

НЕЗЗЕМУТ, сестра Нефертити.

ПТАХМОС, молодой жрец Амона.

ЭЙЕ, жрец, ученый муж средних лет.

ПАРА, чернокожая карлица, рабыня Незземут.

РЕНЕХЕХ, чернокожий карлик, раб Незземут.

ГЛАШАТАЙ.

СЛУГА-НУБИЕЦ.

ПОСЛАНЦЫ ИНОЗЕМНЫХ ГОСУДАРСТВ.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА	} жители Фив.
ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА	
ВТОРОЙ МУЖЧИНА	
ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА	

СТАРУХА.

ПЕРВЫЙ КАМЕНОТЕС.

ВТОРОЙ КАМЕНОТЕС.

НАЧАЛЬНИК ЦАРСКОЙ СТРАЖИ.

*Мужчины, женщины, рабы и рабыни,
крестьяне, чужеземцы*

¹ Эхнатон (букв. «угодный Атону») — имя, которое принял египетский фараон Аменхотеп IV (1368—1351 до н.э.), пытавшийся сломить могущество жречества и выступавший как религиозный реформатор, введя культ бога Атона и сделав столицей вместо Фив город Ахетатон (совр. Амарна).

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Передний двор дворца Аменхотепа III¹, отделенный от улицы стеной. Фасад дворца украшен знаменами с разноцветными кистями. Посредине — вход во дворец и большой церемониальный балкон с колоннами и ведущей вниз лестницей. Стены покрыты красочной росписью.

Главный вход во двор охраняют два стражника.

Полдень. Двор залит ярким светом.

С улицы доносится нарастающий гул голосов большой толпы. Несколько человек вытесняются во двор напиральной толпой, они взволнованы и вытягивают шеи, чтобы лучше видеть.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Они идут сюда.

МУЖЧИНА

Кто?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Иноземцы. Сирийцы.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Как они отвратительны!

МУЖЧИНА

Посмотрите только на их волосы... И на шапки.

¹ Аменхотеп III (1405—1367 до н.э.) — египетский фараон из XVIII династии, при котором могущество Египта достигло наивысшей точки, шло строительство храмов, возводились ирригационные сооружения и т.п.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Просто уроды! До того омерзительны. И кажутся такими грязными!

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

Говорят, в мире чего только нет.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Что это? Что происходит?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

(нетерпеливо)

Они привезли богиню Иштар¹, чтобы исцелить фараона от болезни.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

Иштар Ниневийская² очень могущественна.

СТАРУХА

Я слыхала о сотворенных ею чудесах.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Кто знает, может, она и мне принесет счастье и я рожу сына.

ТОЛПА

(снаружи)

Иштар... Иштар... Иштар Ниневийская!

СТРАЖНИК

Вон отсюда.

Мужчины и женщины покидают двор. Верховный жрец Амона³, высокий властный мужчина, появляется из главных дверей дворца. Он в

¹ Иштар — в древнесемитской мифологии богиня плодородия и плотской любви, а также войны.

² Ниневия — древний ассирийский город (на территории современного Ирака), в начале VII века до н.э. разрушенный войсками вавилонян и мидян.

³ Амон — в древнеегипетской мифологии первоначально местный бог солнца и покровитель города Фивы, культ которого по мере превращения Фив в столицу Египта распространился на весь Египет, а сам Амон стал отождествляться с верховным богом Ра (Амон-Ра).

льняном одеянии, голова гладко выбрита. С ним выходит Хоремхеб,
молодой воин.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(величественно поднимая руку).

Успокойтесь. Что за шум?

СТРАЖНИК

Посольство из Митанни¹, досточтимый жрец.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Пусть войдут.

Входит посланник, следом четыре человека его свиты несут носилки
со статуей богини.

ПОСЛАНИК

Приветствую тебя, мой господин,
и твоего владыку,
могущественного повелителя Египта,
от лица Душратты, владыки Митанни.
Мой господин, Душратта,
в сердце своем скорбит,
услышав о болезни
возлюбленного брата
и мужа дочери его,
царя Египта, сына Ра²,
государя и повелителя.
Он посылает статую Иштар,
богини, творящей чудеса,
дабы она, как это было прежде,
смогла изгнать злой дух,
болезнью поразивший государя.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Благословение Амона с вами.
Войдите во дворец, дабы
перед Великою предстать царицей.

¹ М и т а н н и — древнее государство в северной части Месопотамии (север современной Сирии), сложившееся около XVI века до н.э. и в XIII веке до н.э. захваченное Ассирией.

² Р а — в древнеегипетской мифологии бог солнца, почитавшийся во всем Египте как отец богов и царь богов и изображавшийся в облике фараона.

ПОСЛАННИК,

Благодарю тебя.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(первому стражнику)

Проводишь благородных слуг Душратты
туда, где ждут их пища и напитки.

Посольство проходит во дворец

(Второму стражнику.)

Ступай и извести Великую царицу,
что прибыла Иштар.

Все уходят, кроме верховного жреца и Хоремхеба, который почтительно застыл, ожидая приказаний.

Скажи мне, Хоремхеб...

ХОРЕМХЕБ

Да, досточтимый жрец?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Что думаешь ты о сирийцах?

ХОРЕМХЕБ

Они наездники, каких немного.
Их всадники срastaются с конем.
Есть среди них и славные воики.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Приятные,— хотя и диковаты.

ХОРЕМХЕБ
(почтительно)

Да что с них, сущих варваров, возьмешь!

Пауза. Верховный жрец глубоко задумался

ХОРЕМХЕБ
(робко)

А правда ли, о досточтимый жрец,
что некогда Иштар уже гостила
у государя?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Да, сын мой.

ХОРЕМХЕБ

И что, сумела исцелить его?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(снисходительно)

Так дикари сирийские считают.

ХОРЕМХЕБ

Чужие божества, по-моему, грубы.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Нам, просвещенным мудростью Амона,
известно: Ниневийская Иштар —
лишь иное воплощение Хатор¹

ХОРЕМХЕБ

Неужто? Я поистине невежда!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Знать обо всем и незачем. Державе
нужны различные дары ее сынов.
Она ждет мудрости и знаний, — от жрецов,
от воинов же —
(кладет руку на плечо Хоремхеба)
мощи их десницы.

ХОРЕМХЕБ
(угрюмо)

Мою десницу истомила праздность
не подобающая ей! Египет
завоевал же весь мир —
и всюду мир царит в его владеньях.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Тебе это не по сердцу, сын мой?

¹ Х а т о р — в древнеегипетской мифологии богиня неба, любви и брачного плодородия, а также музыки и танца, олицетворением которой была кошка.

ХОРЕМХЕБ

Мир не приносит повышения в чине

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Залогом мира служит только сила,
об этом, сын мой, помнить надлежит.
У нас огромная держава,
и удержать ее от смут
лишь неусыпной бдительностью можно.
Мгновенные слабости — и мы
не будем знать покоя
от этих же неистовых сирийцев и других
племен немирных.

ХОРЕМХЕБ

Они дерутся хорошо, и это
я признаю.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

И правильно, мой сын.
Воистину разумен победитель,
который не унижит побежденных.

ХОРЕМХЕБ

Да. Честный бой, без злобы и коварства —
Залог удачи. И еще — пощада
к поверженным врагам.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Такое благородство
Египет сделало великою державой.
Не должно забывать: мы управляем
народами во имя их же блага.
Когда б не мы, они бы все исчезли,
в усобицах друг друга истребив.

ХОРЕМХЕБ

Они, к несчастью, слишком дики.
И даже те
царевичи, кого здесь воспитали,
домой вернувшись, все забывают

вновь погружаясь в варварство и дикость.
А не считает ли мой господин,
что иногда... им...

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Продолжай, сын мой.

ХОРЕМХЕБ

Мне вот подумалось — ты не считаешь,
что это воспитанье им не нужно?
И многих удивляет,
что мы пытаемся их изменить привычки...
Не будут ли счастливее они
без наших наставлений и заботы?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Нам надлежит заботиться о всяком,
кем правим мы, — учить и наставлять.
Аменхотепа Третьего держава
великая — да станет просвещенной!

ХОРЕМХЕБ

Да, господин, конечно же ты прав.

Пауза.

Не понимаю, почему державе
не перейти за рубежи Двух Царств?¹

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(вздыхая)

Ты молодой. Ты в будущем уверен.

ХОРЕМХЕБ

Я заблуждаюсь?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Я вижу — приближается гроза.
Великий фараон Аменхотеп

¹ В эпоху Древнего Царства в истории Египта из множества мелких княжеств образовались два царства — Нижний Египет, расположенный в дельте Нила (Северные Земли), и Верхний Египет в верхнем течении Нила (Южные Земли).

уже на смертном ложе.
Когда к Осирису¹ он отойдет,
державой женщине придется править.

ХОРЕМХЕБ
(с почтением)

Великой царице.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Властительница Тии — воистину великая царица.
Божественная соправительница Солнца.

Пауза.

И первая царица
нецарской крови.

ХОРЕМХЕБ

Это правда.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Ее отец, Юан, был мудр и дальновиден,
и правил
в своих уделах властной рукой.
Другому было бы довольно
увидеть дочь женою фараона,
а между тем ее провозгласили
Великою царицей, — старшей. Имя Тии
стоит в указах рядом с фараоном, —
подобного от веку не бывало.

ХОРЕМХЕБ

И это правда. Все нововведения
опасны... Мне не нравятся они.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Разрушить легче, чем построить.
А нарушать обычай — неразумно.

¹ О с и р и с — одна из важнейших фигур в религии древних египтян, бог производительных сил природы и царь загробного мира.

ХОРЕМХЕБ
(задумчиво)

Но женщины... Ты никогда не знаешь,
На что они способны.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Они способны стать причиной многих бедствий

ХОРЕМХЕБ

Царица будет править вместе с сыном.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Царевич нездоров, он грезит наяву.
Возлюблен он из всех богов
лишь Ра Характой, богом наваждений.
Боюсь, царевич будет только грезить,
а власть оставит матери своей —
последние шесть лет она державой правит

ХОРЕМХЕБ

Когда-нибудь царевич возмужает.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(раздраженно)

Я не уверен: он так странен.
Он смотрит на меня, на Мериптаха,
верховного жреца Амона —
как если б вовсе не было меня.
Он иногда смеется без причины,
как будто чьей-то шутке — но никто
из говорящих с ним ее не слышит.
Быть может, его разум нездоров.

(Понизив голос)

Но это тайна, сын мой, — пусть она
замкнет твои уста.

ХОРЕМХЕБ

Я буду нем. Мне можно верить

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Я верю. Пусть ты молод и безвестен,
но коли будешь верен ты Амону,
то далеко пойдешь. Я верю в юных.
(Ласково улыбается Хоремхебу)

Кровь молодых нужна Амону. Воин
не менее, чем жрец, ему угоден.
А ты, я слышал, воин не последний!

ХОРЕМХЕБ

(радостно и чуть смущенно)

Мой господин, ты так великодушен!
Не сомневайся в верности моей
Амону и великому Египту.
Когда перед Осирисом предстанет
Великий царь,— я сына государя
с таким же рвением стану защищать.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Я говорю так, потому что знаю —
нас смуты ждут. Поскольку Тии править...

ХОРЕМХЕБ

(торопливо)

Под женской властью
держава может показаться слабой,
и убедиться в том захочет всякий.
Но слабость эта
может быть и мнимой.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Ты говоришь как воин.

ХОРЕМХЕБ

Все, чем владеем, сможем удержать!
Нельзя, чтобы ослабла мощь Египта.

В проеме центральной двери появляется глашатай.

ГЛАШАТАЙ

Великая царица,
Божественная соправительница Солнца,
приветствует посланцев державы Митанни.

Слова глашатая подхватывает толпа. Посольство выходит во двор через боковую дверь. Верховный жрец входит во дворец через центральную. Хоремхеб отступает в сторону и с интересом наблюдает за происходящим. Посланцы стоя ожидают появления царицы. Наконец, во всем великолепии, в сопровождении богато одетой челяди, на балконе появляется царица Тии, женщина средних лет. Лицо ее красиво и

властно, на ней великолепные одежды и тщательно уложенный парик. Все падают ниц. С одной стороны от царицы стоит Мериптах, верховный жрец Амона, с другой — ее сын Эхнатон, хрупкий на вид юноша с умными глазами. В отличие от матери он одет очень просто. У него на запястье сидит сокол, которому онуделяет куда больше внимания, чем происходящей церемонии.

ЦАРИЦА ТИИ

Приветствую посланников
Душратты, царственного брата,
владыки Митанни. Приблизьтесь.
Мой сын и я — вам рады мы.

ПОСЛАНЕЦ

(падая ниц)

Приветствую Великую царицу,
Божественную соправительницу Солнца.
Так говорит Душратта,
львов поражающий владыка Митанни.
Пусть великая богиня
изгонит снова злого духа,
что стал причиной болезни
его могучего собрата,
великого царя Египта.

ЦАРИЦА ТИИ

Великий фараон
ждет появления Иштар с нетерпением.
Пусть вместилище Богини
будет доставлено в его покой.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(поднимая руку)

Именем Амона приветствую Богиню, творящую чудеса.

Посольство медленно уходит, царица и верховный жрец возвращаются во дворец. Эхнатон по ступеням спускается во двор, подходит к нему.

ЭХНАТОН

(разглядывает Хоремхеба)

Кто ты такой?

ХОРЕМХЕБ

(стремительно оборачивается)

Приветствую царевича!

ЭХНАТОН

Но кто ты?

ХОРЕМХЕБ

Мое имя Хоремхеб.

Меня привел сюда верховный жрец Амона.

ЭХНАТОН

Ты жрец?

ХОРЕМХЕБ

Нет, воин.

ЭХНАТОН

(насмешливо)

Конечно. Если ты не жрец,
то, значит, воин.

ХОРЕМХЕБ

(недоумевая)

Как так, о мой царевич?

ЭХНАТОН

Я перепись последнюю читал.
Сословий в государстве лишь четыре —
жрецы, и воины, и царские рабы,
ну, и ремесленники. Прочие, разумеется, отменю.

ХОРЕМХЕБ

А были и еще какие-то сословья?

ЭХНАТОН

Я вижу, ты истории не знаешь.

Да и зачем тебе? Ты сильный.

(Касается рукой мускулистого плеча Хоремхеба.)

Твое тело и без того прекрасно.

Но я — я не силен. И потому читаю
и грежу лишь о прошлом. Я люблю читать
о временах, когда Египет был свободен,
и счастлив, и прославлен.

ХОРЕМХЕБ
(изумленно)

В темные века?
Да, это правда, пирамиды были
построены тогда, но вспомни, мой царевич,
как много с той поры
придумал человек.
Тогда ни лошадей, ни колесниц
еще не знали люди. Но теперь
мы изменились, всех опередив. Египет
ведет подвластные ему народы к свету.
Держава наша...

ЭХНАТОН

В которой не заходит солнце!
Расхожая сегодня поговорка,
не правда ли?
Что до меня — из всех нововведений
предпочитаю лошадей.

ХОРЕМХЕБ

Конь — это благородное создание.

ЭХНАТОН

Не просто благороден — он прекрасен!
(насмешливо)
Ты размышлял хоть раз о красоте?

ХОРЕМХЕБ

О красоте?

ЭХНАТОН

Я уже вижу, — нет.

ХОРЕМХЕБ

Я только воин
и ничего не знаю об искусствах.
Но храмы, посвященные Амону,
великолепны.

ЭХНАТОН
(с горечью)

Амону!

ХОРЕМХЕБ
(*благоговейно*)

Храмы — чудо мироздания!

ЭХНАТОН

Построены рабами,
так далеко от их родной страны.

ХОРЕМХЕБ
(*пропуская намек*)

Они работали весьма искусно.

ЭХНАТОН

(*внимательно глядя на Хoremхеба*)

Ты посвятил себя Амону?
Ну да, верховный жрец — твой покровитель.
Какого рода ты?

ХОРЕМХЕБ

Того, что правит в номе¹ Алебастра.

ЭХНАТОН

Славнейший род! Я мог бы догадаться!

ХОРЕМХЕБ

Верховный жрец
Амона Мериптах
питает благосклонный интерес
к моим успехам.

ЭХНАТОН

О да, поистине Амон
умеет нас вознаградить за службу,
и для солдата это лучший выбор.
И разве не стоял среди толпы,
немало лет тому назад,
в верховном храме молодой вельможа,

¹ Н о м — административный округ в Древнем Египте, обладавший известной самостоятельностью: имел свой политический и религиозный центр, войско и бога-покровителя.

когда несли жрецы
Амона статую под шум и крики?
Амон остановился перед ним,
поднял с колен и к возвышенью,
где молятся цари, его подвел,
и все увидели, кому отныне должно
владыкой стать.

ХОРЕМХЕБ
(с благоговением)

То был великий Тутмос Третий¹.

ЭХНАТОН

Да. Теперь ты видишь,
как выгодно служить Амону?
Как знать, кем станешь ты?

ХОРЕМХЕБ

Я только воин, а не жрец.

ЭХНАТОН
(задумчиво)

Гляди! Всего четыре касты:
жрец, воин и царский раб,— и лишь потом,
последний тот, кто ремеслом владеет.
Но всех главней — жрецы.
А знаешь ли, из тех, кто умер
и похоронен в Абидосе², в прошлый год,
каждый четвертый — жрец, заметь — четвертый!
Жрецом в Египте скоро станет каждый!
И кто же к ним тогда придет молиться
и покупать священных скарабеев?³
Доходы храмов это подорвет.

¹ Тутмос III (1490—1436 до н.э.) — египетский фараон из XVIII династии который вел многочисленные войны и восстановил господство Египта в Сирии и Палестине.

² Абидос — древнеегипетский город и религиозный центр, место почитания богов загробного мира и особенно Осириса, где сохранились некрополь и храмы.

³ Скарабеи — род жуков-навозников, почитаемых в Древнем Египте как воплощение солнечного бога; изображения скарабеев служили амулетами и украшениями.

ХОРЕМХЕБ

Но так нельзя — чтоб все жрецами стали,—
Должны быть и рабы.

ЭХНАТОН

Да, это правда.
Должны быть вспаханы поля,
и виноград взращен, и собран мед,
и выгнан скот на пастбище...

(Его лицо светлеет.)

Ты не поэт?

ХОРЕМХЕБ

Нет, мой царевич.

ЭХНАТОН

Мне нравится играть словами —
прекрасными словами —
и все, что вижу,
облекать в слова.
Я песнь сложил
для Ра Характы, солнечного бога.

(Читает нараспев.)

Все стада на лугах для тебя,
все деревья и травы цветут,
птицы живут в тростниках —
их крылья подняты в восхищении тобой.
Звери танцуют, крылатые — крыльями машут,
они живут, покуда ты им светишь...

(Поднимает глаза к солнцу.)

О, как оно прекрасно, Хоремхеб!
Дарующее жизнь...

(Его голос внезапно становится резким)

Но я забыл, что ты, конечно,
предпочитаешь смерть и разрушение!

ХОРЕМХЕБ

Мой господин!
Я смерть несу,
но лишь врагам Египта.

ЭХНАТОН
(иронически)

Та песня — старая! Ее сложить,
мне помнится, велел сам Тутмос Третий!
(Декламирует, нарочито-свирепо.)

Я приказал тебе ударить
по тем, чья родина — болота
и земли Митанни трепещут
из страха пред тобой.
Я позволил им увидеть твое величие,
подобное величью крокодила,
повелителя Ужаса в неприступных водах.

Я приказал тебе ударить
по тем, на островах живущим,
по тем, кто и посреди моря,
твой слышит рык.
Я позволил им увидеть твое величие,
подобное величью мстителя,
поднимающемуся над телом жертвы.

Я приказал тебе ударить
по ливийцам.
И острова Утенти
покорились могуществу твоей доблести.
Я позволил им увидеть твое величие,
подобное величью льва.
пока ты истреблял их в их долинах.
(Задумчиво повторяет.)
Истреблял их в долинах...

ХОРЕМХЕБ

Тутмос Третий
великим фараоном был,
завоевателем великим.

ЭХНАТОН
(внимательно на него посмотрев)
Ты нравишься мне, Хоремхеб.
(Пауза.)

Ты прост душой, и в твоём сердце
нет зла. Ты веришь в то,

во что тебя учили верить.
Ты дереву подобен.

(Дотрагивается до его руки.)

Как сильна твоя рука!

(Взволнованно смотрит на Хоремхеба.)

Как твердо ты стоишь —
воистину, ты дереву подобен.

А я — меня снесет
любой порыв ветров небесных.

(Неистово.)

Кто я? Что я?

(Смотрит на Хоремхеба.)

Вижу, что тебе, мой добрый Хоремхеб,
кажусь безумцем!

ХОРЕМХЕБ

(в замешательстве)

Нет, нет, отнюдь, о мой царевич!

ЭХНАТОН

Ты слишком скромн.
Если мысль не стала делом,
что проку в ней?

(Резко.)

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Амона говорил
с тобою обо мне? Что он сказал?

ХОРЕМХЕБ

Он говорил, что Ра Характа благосклонен
к царевичу.

ЭХНАТОН

(задумчиво)

Что я мечтатель... Что же, это правда.
Я грежу о былом...
А иногда — о том, что будет;
но о прошедшем грезить безопасней.
Послушай, Хоремхеб,

перед нашествием гиксосов¹
Египет был другим.
Тогда в нем люди жили...

ХОРЕМХЕБ
(недоуменно)

Как — жили?

ЭХНАТОН

Так, как я сказал. Они дома имели и сады,
гуляли, говорили о делах,
о том, что думают...

ХОРЕМХЕБ
(презрительно)

Жизнь в праздности!

ЭХНАТОН

Но праздности те люди не боялись.
Безделье их сердца
не наполняло ужасом священным.
Они способны были думать
и не боялись говорить о том,
чем были заняты их мысли.

ХОРЕМХЕБ

О, мой царевич, вечно невозможно
лишь говорить и думать. Наконец
приходит время действовать.

ЭХНАТОН
(внезапно отпрянув)

Как верно!
Приходится врагов уничтожать
и вырезать из камня скарабеев
священных, — их кладут на грудь умершим

¹ Гиксосы — кочевые племена, пришедшие с севера и около 1700 года до н.э. завоевавшие Египет, поселившись в дельте Нила. В начале XVI века до н.э. египтяне освободились от власти гиксосов, борьбу с которыми возглавили правители Фив, основавшие XVIII династию фараонов.

чтоб обмануть Осириса. Для храмов
доходно — стало быть, Амону
(*С горечью.*)

Все Амон. Амон. Амон...

Хоремхеб смотрит на него с удивлением

ХОРЕМХЕБ

Амон являет милость беднякам.

ЭХНАТОН

О да! Его порою величают
«Заступник бедных, не берущий взятки».
Смешно! Но бедняки, однако, верят!

ХОРЕМХЕБ

(*угрюмо*)

Я, господин, тебя не понимаю.

ЭХНАТОН

(*подходит к нему и смотрит ему в глаза*)

Это правда — ты удивлен.

ХОРЕМХЕБ

Ты говоришь, как будто... будто...

ЭХНАТОН

Продолжай.

ХОРЕМХЕБ

Нет.

ЭХНАТОН

Похоже, ты умен. Мудрее,
покуда не наступит срок,
хранить молчанье.
Я слишком многое тебе сказал...

ХОРЕМХЕБ

Неправда, нет.

ЭХНАТОН

Нет, правда.
Ведь ты служишь Амону.

ХОРЕМХЕБ

Нет, я служу Египту.

ЭХНАТОН

Да ведь Египет — это мой отец.

ХОРЕМХЕБ

Да, господин мой.

ЭХНАТОН

И может, вскоре буду я Египтом!

ХОРЕМХЕБ

Да, господин.

ЭХНАТОН

Ты будешь мне служить?

ХОРЕМХЕБ

Да, господин.

ЭХНАТОН

Ты будешь верен мне?

ХОРЕМХЕБ

Клянусь, мой господин.

(Взволнованно.)

Я для тебя не пожалею жизни.

ЭХНАТОН

Но я совсем не этого хочу!
Я не хочу, чтоб верные мне люди
теряли жизнь. Я предпочел бы,
чтобы они со мною рядом жили!

ХОРЕМХЕБ

Да будет так, царевич.
Но мужчина готов быть должен к смерти.

ЭХНАТОН

Ради чего?

ХОРЕМХЕБ

Ради своей земли и ради фараона,
служа богам...

ЭХНАТОН

(неистово)

Смерть, смерть... Повсюду смерть!
Я не хочу, чтоб люди умирали
ради меня!

ХОРЕМХЕБ

И все же, если будет нужно,
они с готовностью пойдут на это.

ЭХНАТОН

Зачем?

ХОРЕМХЕБ

Во имя твоего великого наследства.

ЭХНАТОН

(насмешливо)

Державы?

ХОРЕМХЕБ

Да.

ЭХНАТОН

Я понимаю. Значит, Тутмос Третий,
Тутмос Четвертый и Аменхотеп¹ —
твои герои. Кто они, скажи-ка?

¹ Называются имена египетских фараонов XVIII династии, которые вели жестокие завоевательные войны.

ХОРЕМХЕБ
(*благоговейно*)

Великие воители, царевич.

ЭХНАТОН
(*неистово*)

Воители, герои, полководцы!
А знаешь, что все это означает?

(*Медленно, словно в трансе.*)

Я слышу умирающих стенанья.

Я вижу груды тел гниющих.

Я вижу жен, рыдающих о мертвых
мужьях. Детей, растущих без отцов.

И это все — и стон, и смерть, и смрад,
проклятия и боль — восходит к небесам.

И вопрошает Ра: «Зачем? Зачем все это?»

И вот ответ,

простой ответ: все только для того,
чтоб фараон воздвигнуть стелу¹ мог,
на ней свои победы прославляя...

ХОРЕМХЕБ
(*тихо и печально*)

Но завоеванными племенами
мы правим справедливо и достойно,
не угнетая покоренных,
не заставляя подчиниться.
Для них поистине не может
быть лучшей доли...

ЭХНАТОН

Как приятно так считать!

ХОРЕМХЕБ

Дикие народы
не в силах сами мудро управлять.

ЭХНАТОН

А ты, я вижу, далеко пойдешь!

¹ С т е л а — в древнем Египте вертикально стоящая каменная плита с надписью, рельефным или живописным изображением.

ХОРЕМХЕБ

Ты мало знаешь о войне, царевич!
Я никого не убивал по злобе.

ЭХНАТОН

Нет — только из усердия к державе!
Вот что страшит.

ХОРЕМХЕБ

Зачем об этом думать?
На то война.

ЭХНАТОН

Когда Аменхотеп Второй
вернулся из сирийского похода,
с собой привез он семерых царей Такши,
вниз головой привязанных к бортам
своей ладьи. И он собственноручно
всех семерых принес Амону в жертву,
повесив шестерых на стенах. Но Амона,
седьмого, тело в Нубию¹ отправив,
и на стене Напаты² в назиданье
оставил. Как это тебе?

ХОРЕМХЕБ

Уверен,
явилась эта жертва благотворной!

ЭХНАТОН

Неужто беспричинная жестокость
в твоей душе не порождает ужас?

ХОРЕМХЕБ

Закон войны — тебе он непонятен...

ЭХНАТОН

Нет, это ты, ты сам мне непонятен!
Твои глаза добры, ты прост и не заносчив.

¹ Н у б и я — древняя страна, расположенная между первым и четвертым порогами Нила (территория современного Египта и Судана).

² Н а п а т а — столица древней Эфиопии, расположенная у четвертых порогов Нила.

И нет в тебе жестокости, но я
тебя боюсь...

ХОРЕМХЕБ

Меңя? О мой царевич!

ЭХНАТОН

Мы далеки, нас разделяет бездна.

ХОРЕМХЕБ

О да! Ты государь, наследник трона,
а я — солдат, каких десятки тысяч.

ЭХНАТОН

Я не о том. На разных языках
мы говорим. Но есть меж нами узы,
незримые. Они соединяют
бессильные видения мои
с твоей простою прямою и силой.
Принять все сущее, как оно есть,
умеешь ты. Когда б и мне уметь!

Пауза.

Будь другом мне!

ХОРЕМХЕБ

Я твой, о господин!

ЭХНАТОН

Когда я стану править, — ты мне поможешь?

ХОРЕМХЕБ

(горячо)

О, помогу! Ты превзойдешь величием
царей всех стран, династий и народов!

ЭХНАТОН

Но чем я превзойду царей былых?

ХОРЕМХЕБ

Обширнейшей державой, чьи владенья
раскинутся за рубежи Двух царств.

ЭХНАТОН

Еще земель? Еще народов пленных?
Еще блистающих дворцов и храмов,
и тысячи наложниц вместо сотен,
которыми владел отец?
Нет, воин, я мечтаю о другом.
О царстве, где живут в любви и мире,
где пленникам дарована свобода,
жрецы немногочисленны, а жертвы
не так обильны. Вместо тысяч женщин —
единственная, чей прекрасный образ
через века не позабудут люди...

Пауза.

(Очень тихо.)

Вот, Хоремхеб, о чем мечтаю я.

Слышится взволнованный гул голосов, плач и стенания. В центральной двери появляется Верховный жрец.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

О царевич!

ЭХНАТОН

Да, господин?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(торжественно)

Великий фараон, возлюбленный сын Солнца
отошел в страну Осириса.

ЭХНАТОН

(изумленно)

Отец мой умер?

(Медленно, как во сне, приближается к Верховному жрецу, но, не доходя до него, оборачивается, поднимает голову и воздевает руки к солнцу).

Но кто же мой отец?

Отец мой, Ра, кого зовут Атоном.

О Солнце!

Когда над горизонтом ты восходишь,
тьма исчезает.

Когда ты утром шлешь свои лучи,
то пробуждается Земля,
когда ты низко,
твои лучи ее ласкают.
Когда стоишь в зените —
у ног твоих лучится день,
твоя заря
украшает края небес,
о живой Атон,
податель жизни.

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Три года спустя. Комната во дворце, увешанная яркими гобеленами. Тии и Эхнатон восседают на стоящих рядом золотых креслах. Чуть в стороне — кресло Верховного жреца. Царский писец держит свитки папируса. Эхнатон скучает.

ТИИ
(*писцу*)

Продолжай.

ПИСЕЦ

Вот что дальше пишет
Душратта, царь Митанни:
«С отцом твоего сына
мы жили в дружбе, но
с сыном твоим
да возрастет наша дружба десятикратно.
Да будет благословен он,
и дом его, и колесницы, и кони,
его чиновники, его земли
и все его имущество, и владенье».
Его отец прислал мне много золота —
еще больше золота я жду от брата,
ибо много его в Египте, словно пыли.

ТИИ
(*Верховному жрецу*)

Что скажешь, господин мой?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Царь Митанни
нам написал как друг.
Таким же должен быть ответ наш.

ТИИ

А золото?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Десять талантов¹.

ТИИ

(Эхнатону)

Что скажете, сын мой?

ЭХНАТОН

Я не слушал.

ТИИ

(писцу)

Прочти еще раз,
чтоб царь услышал.

ЭХНАТОН

В этом нет нужды.

ТИИ

Но, сын мой...

ЭХНАТОН

Это письмо написано не мне.

ТИИ

Душратта пишет мне — но для тебя!

ЭХНАТОН

Спроси Верховного жреца. Все нити
происходящего у нас в стране —
в его руках.

¹ Т а л а н т — самая крупная весовая (и денежно-счетная) единица Египта, Вавилонии, Древней Греции и других стран, величина которой была в различных странах неодинаковой (так, в Древнем Египте талант был равен 26,5 кг).

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Я, государь, служу тебе усердно.

ЭХНАТОН

Такое бескорыстное служенье!
Я восхищен!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(бесстрастно)

Советую любезный дать ответ
Душратте и с письмом отправить десять
талантов золота.

ЭХНАТОН

Но, может быть, богам оно нужнее?
Не лучше ль будет
оставить золото жрецам Амона?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Речь не идет о золоте из Храма.

ЭХНАТОН

О, понимаю! Что попало в Храм —
обратно не воротишь.
Ты, жрец, должно быть, строгий казначей!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Да. Ибо это — тоже часть служенья.

ТИИ

(Эхнатону)

Что отвечать Душратте?

ЭХНАТОН

Что угодно!
Я сочинил стихи. Хотите
их услышать?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Дозвольте покорному слуге
услышать слово фараона.

ЭХНАТОН

Прежде чем птенец родится из яйца,
прежде чем впервые подаст свой голос,
Ты вдуваешь в него дыхание, чтобы он жил.
Ты назначаешь ему срок разбить скорлупу,
и он выходит из яйца,
дабы славить Тебя своим щебетаньем,
на шатких ногах своих
покидая темницу...

(Снисходительно улыбается.)

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(неуверенно)

М-м, прелестные стихи, мой государь.

ЭХНАТОН

Тебе, конечно,
классика милей.
Амон, насколько я припоминаю,
внушил прапрадеду другие строки.
Великий Тутмос Третий сказал так:

(Декламирует.)

Крит и Кипр застыли в страхе,
те, кто и посреди моря
твой слышат рев.
Я позволил им увидеть твое величие,
подобное величию мстителя,
поднимающегося над телом жертвы.

(Качает головой.)

Прошу меня простить.
Птенец, пробивший скорлупу,
не так уж важен.

ТИИ

(решительно)

Есть ли еще дела,
из тех, что нужно обсудить сегодня?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Нет. Ничего, что было б столь же важно.

ТИИ
(*вставая*)

Тогда, мой господин, тебя мы отпускаем.
Ведь нам известно, сколько важных дел
ждет твоего участия и решения.

Верховный жрец уходит, за ним писец.

(*Эхнатону, сердито.*)
А ты? Зачем валяешь дурака!

ЭХНАТОН
Что, матушка?
(*Продолжая начатые стихи.*)
...и чирикает от полноты своего сердца...

ТИИ
Почему ты столь враждебен к Мериптаху?
Его огромна власть.

ЭХНАТОН
Сверх всякой меры.

ТИИ
Молчи. Амон — великий бог.
Ему обязана держава
своим величием.

ЭХНАТОН
Конечно. А его жрецы — своим богатством.

ТИИ
Богатства ищут все.

ЭХНАТОН
О нет, не все.

ТИИ
Ты как дитя — бесхитростен и прям.
А со жрецами говорят иначе —
искусно мудрость перевив лукавством.

ЭХНАТОН

Но ты ведь и сама жрецов не любишь?

ТИИ

Нет. Но при этом не желаю,
чтобы они об этом знали.

ЭХНАТОН

(задумчиво)

Ты — женщина великого ума
и грозной силы. Мой отец
любил тебя и объявил
Великою царицей, Старшей.
И все же ты, Великая царица,
унизиться способна до обмана!
До хитрости. Чтоб ладить со жрецами...

ТИИ

Что делать — ведь они сильнее меня!

ЭХНАТОН

Ты ненавидишь
всевластного Амона,
ты эту ненависть передала мне в детстве,
не посвятив меня Амону,
как требуют жрецы, но Ра Характа,
владыке наваждений. Как ты можешь
с врагом беседовать и улыбаться,
в улыбке пряча яд!

ТИИ

Змеиный яд опасней рыка льва.

ЭХНАТОН

Ложь! Вечно ложь!
Я так устал от лжи.
Я буду правдой жить — она прекрасна.

ТИИ

Но что есть правда?

ЭХНАТОН

Ответить нелегко... Что это? Почему я существую?
Кто я? Откуда? Куда иду?

ТИИ
(обеспокоенно)

Дитя, дитя...

ЭХНАТОН

Я не дитя уже.

ТИИ

Но для меня
ты навсегда останешься ребенком.

ЭХНАТОН

И потому ты враг мне.

ТИИ
(со слезами в голосе)

Я — твой враг?

ЭХНАТОН

Хоть птицы и поют в неволе,
под небом песнь их веселей и звонче.
Ты и жрецы — вот сеть, которой
я связан. Эта сеть — иных оков прочнее.

ТИИ

Это не так. Я лишь сберечь тебя хочу.
Мой сын, мой сын! Моей любви доверься!
Пусть для тебя горька моя наука,
меня она пока не подводила.
Меня, простую женщину, она,
возвысила до царского престола.
Жрецы меня не любят, но боятся,
перечить мне не смеют.
Свой жребий мне доверь —
и станешь ты великим фараоном,
и сын затмит величием отца!

ЭХНАТОН
(молитвенно)

Завет Отца мне внятен одному.
Я буду поступать, как Он прикажет.

ТИИ

Но твоему отцу приказывала я.

ЭХНАТОН

Я говорю не об усопшем государе,
Отцом назвал я
Того, чей лик Египет освещает.
Ра, солнце, чей огонь рождает радость,
сей жар пылает в сердце у меня...

ТИИ

Но я не понимаю.

ЭХНАТОН
(с иронией)

Так, значит, это только титул!
Не называют разве
владык Египта сыновьями Солнца?

ТИИ

Конечно, называют.

ЭХНАТОН

Так это, стало быть, пустая фраза?
Замысловатая фигура речи?

(Вдохновенно.)

Нет! Эти пышные слова
на самом деле истинная правда!
Повтори мне снова
рассказ о том, как я родился.

ТИИ

Все мои дети мертвыми рождались.
Я начала стареть
и испугалась, что уж не смогу
родить дитя, что примет

наследие египетских царей.
Мне показалось, моему бесплодью
жрецы Амона рады.
И я тогда отправилась к святыне —
в храм Ра Характи, бога
сновидений,— и дала обет
что если у меня родится сын,
то будет посвящен ему.

ЭХНАТОН

Храм Ра Характа, Повелитель Снов!
И я родился. Я...

(Захлебывается от восторга.)

Я...

ТИИ

(испуганно)

Сын мой, сын мой!

ЭХНАТОН

(внезапно очнувшись)

Нет, ничего. Теперь меня оставь.
Скажи, чтобы Эйе, жрец, ко мне пришел.

ТИИ

Эйе? Как часто ты его зовешь.
Зачем?

ЭХНАТОН

Он много знает о богах Египта
и этому меня охотно учит.

ТИИ

Что ж, это хорошо — заняться прошлым.

ЭХНАТОН

(насмешливо)

Оставив настоящее и власть
тебе?

ТИИ

Мой сын, я правлю для тебя.
И все, что делаю, — тебе на благо.

ЭХНАТОН

Так принято считать!

ТИИ

О чем ты говоришь?

ЭХНАТОН

Ты правила так долго
и так в искусстве этом преуспела,
что это у тебя теперь в крови —
стремление править.

ТИИ

Ты несправедлив.

ЭХНАТОН

Пускай пошлют за Эйе.

Тии уходит Эхнатон остается один и возвращается к своей поэме

Прежде чем птенец родится из яйца
прежде чем впервые подал свой голос,
ты дуваешь в него дыханье, чтобы он жил...

(С чувством.)

Дыханье...

(Вздыхает)

Свежее дыханье .

Входит Эйе, жрец, ученый муж средних лет Он падает ниц

Ты пришел так быстро!
Как хорошо.

ЭЙЕ

Всегда к твоим услугам, государь.

ЭХНАТОН

Меня ты любишь, Эйе?

ЭЙЕ

Я люблю
правду, что в тебе заключена.

ЭХНАТОН

И снова правда...
Ты растолкуй мне, Эйе, что в ней проку?

ЭЙЕ

Лишь истина важна. Все остальное
значенья не имеет.

ЭХНАТОН

Так Расскажи еще мне о богах,
которые Египтом правят.

ЭЙЕ

(с явным удовольствием)

Здесь путаницы много,
но в глубине ее мерцает правда.
В простых умах смиренных землепашцев
мерилом правды служит жизни ход:
Смерть и рожденье, плодородье нивы,
да вечный страх. И оттого их боги —
Сехмет¹ — богиня с головою львицы;
Хатор — деторождения богиня,
Осирис — бог, который судит мертвых;
да разрушитель Сет² — простой народ
лишь этих изначально почитает.

ЭХНАТОН

А дальше? Что о разуме ты скажешь?

ЭЙЕ

Птах Мемфисский³ использует наш разум
и нашу речь, чтоб с нами говорить.

¹ С е х м е т — богиня войны и палящего солнца, воинственная супруга бога Птаха, изображавшаяся с головой львицы.

² С е т — коварный бог пустыни и чужеземных стран, олицетворение зла, брат и убийца Осириса.

³ П т а х (Пта) — бог с человеческим обликом, покровитель искусств и ремесел, первоначально почитавшийся в городе Мемфисе как создатель всего сущего. М е м ф и с — древнеегипетский город (к юго-западу от Каира), крупный религиозный, культурный и политический центр, столица Египта во времена Древнего Царства.

ЭХНАТОН

А что Амон?

ЭЙЕ

(насмешливо)

Амон — речной божок —
как быстро выскочка пробился к власти!

ЭХНАТОН

(взволнованно)

Но кто ж тогда
могущественнейший из всех богов Египта?¹

ЭЙЕ

Он — Ра. Ра — Характа Гелиополийский².
Ведь и Амон,
дабы свое возвысить имя,
Амоном Ра назвался — сыном Ра.
Ра — это Солнце, повелитель мира.
Недаром
повелители Египта
зовутся сыновьями Солнца
и это — первый титул фараонов,
и это имя первое из всех.

ЭХНАТОН

(волнуясь все сильнее)

Ра и Атон — одно и то же?

ЭЙЕ

Да, солнца диск — одно из воплощений
для Ра Характы.

ЭХНАТОН

(восторженно)

Да, я предчувствовал, я знал!
Не Солнце должно почитать — но Жар,

¹ Религия древних египтян характеризовалась многобожием, культ некоторых богов был распространен по всей территории Египта, культ других богов был связан с отдельными номами или городами, и в случае возрастания влияния того или иного города или нома культ их бога становился общеегипетским. Так произошло с культом бога Атона.

² Г е л и о п о л ь («город солнца») — древнеегипетский город (близ современного Каира), главный центр культа бога Ра.

живущий в нем,— Свет, от него идущий,
чей пламень... чей божественный огонь
я чувствую... я чувствую сейчас...

*(Вздрагивает. Его глаза блуждают. Он вскакивает, затем,
стиснув подлокотники кресла, снова садится. Уже другим,
почти деловым тоном.)*

Отныне не должно быть
ни поклоненья идолам из камня,
ни угнетенья слабых,
не будут больше храмы торговать
благорасположением богов
и скарабеями резными,
чтоб выманить последнее у бедных.
Все заменит свобода и любовь —
любовь Атона. Через месяц
я стану взрослым. Моя мать
не сможет больше править.
Я стану фараоном, и тогда
никто не назовет меня Аменхотепом —
«Амон доволен» значит это имя
Я стану называться Эхнатон —
Атона духом и душой.

(Встает с кресла и простирает вперед руки.)

Ибо я — сын Ра,
воистину, не на словах!

(Обращает взор к небесам)

Твой огонь в моем сердце,
Никто Тебя так не знает,
Как сын Твой Эхнатон...

Пауза.

Я прав, мой старый друг?

ЭЙЕ

Ты прав. Наши земли стонут
от вымогательства надменных
жрецов Амона. Их власть
низвергни, сын мой,
дай отдых, мир и пищу
для разоренных бедняков.

ЭХНАТОН

Настанет мир и счастье
для всех. И люди будут жить

в согласие и любви —
любви Атона, моего отца.

ЭЙЕ

Ты хорошо сказал.

ЭХНАТОН

Я в честь его построю новый город
И назову его Ахетатон —
«Небесный склон, где властвует Атон».
В нем будет пенье птиц,
цветущие сады и водопады.
Я стану просто жить —
не как цари,
там будет смех детей вокруг,
любовь и счастье.
В Египет вновь вернется красота...

ЭЙЕ

Сын мой...

ЭХНАТОН

Там будет истина...

Продолжительная пауза.

Распорядись, чтоб царская ладья
была готова к долгому пути
и чтобы Хоремхеб пришел ко мне.

ЭЙЕ

Как скажет государь.

(Уходит.)

Эхнатон стоит глубоко задумавшись
За его спиной отодвигаются занавески и входит Нефертити. Некоторое время она медлит на пороге, не входя в комнату.

ЭХНАТОН

Здесь кто-то есть.

(С улыбкой.)

Кто здесь?

НЕФЕРТИТИ

Здесь Нефертити, царская жена.
(Вытягивается в струнку и смеется.)

ЭХНАТОН

Хочу услышать все ее именованья.

НЕФЕРТИТИ

Любимая жена Великого царя,
Владычица Обоих царств,
Живущая и Процветающая...

ЭХНАТОН

(обернувшись)

Любимая

(Идет к Нефертити и преклоняет перед ней колени.)

НЕФЕРТИТИ

(положив руку ему на лоб)

Твой лоб пылает, государь.

ЭХНАТОН

Ко мне пришли виденья.

НЕФЕРТИТИ

Зачем тебе они.

Когда меня ты видишь?

ЭХНАТОН

Когда я на тебя смотрю,
я вижу красоту и совершенство.

НЕФЕРТИТИ

Мой любимый!

ЭХНАТОН

А ты что видишь, глядя на меня?
Царя?

НЕФЕРТИТИ

Возлюбленного моего.

ЭХНАТОН

Как музыка твой голос.

НЕФЕРТИТИ

Ты утомлен.

Присядь — дай я прижму
к своей груди твое лицо,
и снизойдет покой тебе на сердце.

(Садятся.)

ЭХНАТОН

(бормочет)

Глаза голубки, грудь твоя нежна,
а руки...

(Берет ее руки в свои.)

эти руки!

Я бы хотел их вылепить из глины —
прекраснейшие руки Нефертити!

НЕФЕРТИТИ

Их может время огрубить и сморщить!

ЭХНАТОН

Нет. Истинная красота — нетленна!

НЕФЕРТИТИ

О, ты Поэт, мой государь!

ЭХНАТОН

Послушай же, царица:
я выстрою великий город
далеко отсюда.
Мы будем плыть по Нилу
и выберем прекраснейшее место.
Там встанет город — Небосклон Атона.

НЕФЕРТИТИ

Какое имя,
как звучит красиво!

ЭХНАТОН

Тот город должен быть прекрасным,
его по чертежам моим воздвигнут
искуснейшие зодчие из тех,
кто молод и не станет повторять
застывшие и умершие формы.
Пусть росписью они покроют стены:
изобразят бегущего оленя,
ход рыбы под водой, паренье птицы в небе.
Я повелю им вырезать из камня
царя с царицею, соединенных
в любовном поцелуе.

(Целует Нефертити.)

а рядом с нами — детей, которые родятся...

НЕФЕРТИТИ

Наша дочка спит.
Во сне она твое бормочет имя.

ЭХНАТОН

Наши дети
должны расти в Ахетатоне, наши сыновья
и дочери...

НЕФЕРТИТИ

(тревожно)

Коль боги мне помогут,
смогу тебе я сына подарить.

ЭХНАТОН

Пусть будет назван он
Осуществленьем замысла Атона.
(Его губы безмолвно шевелятся.)

НЕФЕРТИТИ

О государь мой, что ты говоришь?

ЭХНАТОН

Я песнь слагаю.

НЕФЕРТИТИ
(польщенная)

Для меня?

ЭХНАТОН

Для моего отца Атона. Этот гимн,
который будут петь
в его святилище в столице новой.
Таким он будет.

(Читает нараспев.)

Ты сотворяешь семя в мужчине,
Ты даешь жизнь сыну во чреве матери,
Ты успокаиваешь его, чтоб он не плакал...
Скажи, Нефертити, тебе нравится?

НЕФЕРТИТИ

О да!

ЭХНАТОН
(продолжает)

Один ты создал все, все сущее,
из себя, единого, творишь ты миллионы образов своих.
Города и селенья, поля и дороги,
горы и река созерцают тебя, каждое око
устремлено к тебе, когда ты, диск полднѣвного солнца,
сияешь над землей.

(Вскакивает, подняв руки.)

Твой огонь в моем сердце,
Никто тебя так не знает,
Как сын твой Эхнатон...

Нефертити встает и отступает назад, она дрожит

ЭХНАТОН
(обернувшись к ней)

Что случилось?

НЕФЕРТИТИ

Ты иногда меня пугаешь.
Ты словно забываешь, что я здесь...

ЭХНАТОН

Я забываю о тебе? Неправда!

НЕФЕРТИТИ

В твоих стихах ты славишь Божество.
А я? Сложи стихи и обо мне!

ЭХНАТОН

Нет, о тебе стихов слагать не стану —
я лучше выстрою тебе дворец.

НЕФЕРТИТИ

В Ахетатоне?

ЭХНАТОН

Да.

Входит Хоремхеб.

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, по твоему приказу ладья готова.

ЭХНАТОН

Тогда пусть приготовят остальное.
Возьмут любимый мой цветной шатер,
разнообразной пищи и припасов,
хор, музыкантов и танцоров.
И пусть пошлют за Беком, нашим зодчим.

ХОРЕМХЕБ

Все будет сделано как хочет повелитель.
Могу ли, государь,
тебя сопровождать?

ЭХНАТОН

Могу ли я поехать
куда-то без тебя, мой верный Хоремхеб?

ХОРЕМХЕБ

Дозволь мне, о Владыка,
всегда твоей быть правою рукой.

ЭХНАТОН

Боюсь, надеется мой Хоремхеб
найти врагов, чтобы предать их смерти.
Признайся, это так?

ХОРЕМХЕБ

Конечно нет.

ЭХНАТОН

(горячо)

Я не хотел тебя обидеть.
В тот день, когда я воцарюсь в Египте,
я сделаю тебя начальником над войском.
Ну а сейчас — сейчас мы выйдем в сад.
Прощай, моя царица.

НЕФЕРТИТИ

Прощай,
мой государь.

Эхнатон и Хоремхеб выходят. Нефертити остается, погруженная
в свои мысли. Внезапно в комнату входит царица Тии.

ТИИ

Где государь?

НЕФЕРТИТИ

Он в сад спустился вместе с Хоремхебом.

ТИИ

(успокаиваясь)

Хоремхеб нам верен.
Он ведь родом
из дружественной нам семьи.

НЕФЕРТИТИ

Случилось что-то?

ТИИ

Я боюсь...

НЕФЕРТИТИ

Чего же?

ТИИ

Я вижу, что ему грозит опасность.

НЕФЕРТИТИ

Опасность государю? Но откуда?

ТИИ

Она в его таится сердце.

НЕФЕРТИТИ

Не понимаю.

ТИИ

Скажи — что означает быть царем?

НЕФЕРТИТИ

Державой править
и властвовать над землями своими.

ТИИ

Нет.

НЕФЕРТИТИ

Разве фараон над всем не властен?

ТИИ

Да на словах, и только на словах.
Я видела, как это начиналось.
Как тучи закружились над Египтом,
когда была я молодой.

НЕФЕРТИТИ

(испуганно)

Какие тучи?

ТИИ

Всевластие жрецов. Повсюду
Амону строят храмы, и жрецы
становятся богаче и сильнее
день ото дня. Кто подать собирает?
Жрецы. И с каждой новой победой, что фараон
одержит над врагом,
несут Амону щедрые подарки
и жертвы. Оттого теперь в Египте
власть у Амона и его жрецов.

НЕФЕРТИТИ

(робко)

Но так быть не должно

ТИИ

Дитя, дитя, невинная душа!
Ни слез, ни угнетенья бедняков
быть не должно — но это существует.

НЕФЕРТИТИ

(доверительно)

Царь уничтожит всю несправедливость.

ТИИ

О дочь моя — и ты, и муж твой —
вы оба — дети, вы живете в грезах,
а во дворцах все слышат только то,
что сами захотят услышать.
Но я, Великая царица ТиИ,
Аменхотепа Третьего супруга,
жила не только во дворце.
Я ведаю людей
и знаю горечь правды.
Я знаю, что за лстивыми речами
таится яд змеи и ярость тигра!
Во всем корысть и — все корысти ради!

Пауза

Мне ведомо,
что носит в сердце сын,—
прости мне Ра,—
сама туда я семя заронила.
Он хочет уничтожить
всевластие жрецов, не так ли?

НЕФЕРТИТИ

Он хочет, чтобы люди были
свободными. Он хочет счастья
для всех людей.

ТИИ

Всем сердцем он Амона ненавидит.
Как я — но я хитрей, и ~~ненависть~~ моя

находит путь окольный.
Открытая вражда опасна.
Нет, надо исподволь, тихонько,
по камешку подтачивать устои,
чтобы однажды рухнули они.

НЕФЕРТИТИ

Скажи, чего ты хочешь от него?

ТИИ

Притворства. Чтобы он с почтеньем
приветствовал жрецов. Чтобы таил
глубоко в сердце то, что он задумал.

НЕФЕРТИТИ

Но Эхнатон на это не пойдет —
он слишком любит правду!

ТИИ

Эхнатон?

НЕФЕРТИТИ

Он мне сказал, что примет это имя.

ТИИ

Не слишком мудро — это может
жрецов встревожить, вызвать подозренье

НЕФЕРТИТИ

Он обещал построить город,
великий город — Город Небосклона,
великий город, город Ра...

ТИИ

Пусть строит город —
так поступали все великие цари.
Пусть посвящает храмы Ра Характе —
жрецы не могут это запретить,
но пусть потом построит и меньший храм
и посвятит его Амону.

НЕФЕРТИТИ

Возможно. Я не знаю.
Он все время
слагает гимны богу Ра,
которого зовет Атоном.

ТИИ

Безумец.

НЕФЕРТИТИ

Нет! Он полон дивных мыслей!

ТИИ

(с горечью)

О, это то же самое. Скажи,
кому нужны возвышенные мысли?
Рабам? Нет, им нужнее хлеб и лук.
Солдатам? Их мечты лишь о добыче
и скором продвижении по службе.
Жрецов заботит золото и власть,
ремесленных умелых мастеров —
лишь то, что из-под их руки выходит.
Запомни, дочь моя: все то, что ново,
рождает подозрение и страх.

НЕФЕРТИТИ

Но что мне делать?

ТИИ

Мой сын меня не слышит.
(Оценивающе смотрит на Нефертити.)

Но у тебя над ним есть власть —
власть красоты.
Когда ты будешь говорить,
он станет слушать.

НЕФЕРТИТИ

Скажи, царица, — что ему сказать?

ТИИ

Пусть строит город свой, пусть созывает
художников, и скульпторов, и зодчих,

но пусть они возводят
не храмы, а дворцы.
О красоте с ним говори почаще,
о наслажденье чистой красотой.

НЕФЕРТИТИ

Отвлечь его от помыслов о Ра?

ТИИ

Отвлечь его от мыслей, что ведут
к опасности. Или ты хочешь
смотреть, как он своими же руками
свою готовит смерть?

НЕФЕРТИТИ

Нет, нет!

ТИИ

Дорога, что избрал мой сын,
ведет к гибели. Он восстает
против Амона, но Амон сильнее.
Амон его убьет.

НЕФЕРТИТИ

Но разве...

(Замолкает.)

ТИИ

Что ты сказала?

НЕФЕРТИТИ

(осторожно)

Я не умею объяснять словами,
что у меня на сердце.

ТИИ

Говори!

НЕФЕРТИТИ

Ведь Эхнатон — сын бога Ра.
Он сам сказал.

ТИИ

Все фараоны — дети Ра,
но это только пышный титул.

НЕФЕРТИТИ

Но Эхнатон... мне кажется, что он...
что с ним иначе все...
он правда сын Атона.

ТИИ

Молчи! Не говори об этом с ним.
Не поощряй его безумных мыслей, ведущих к смерти.

НЕФЕРТИТИ

Но и смерть сама...

ТИИ

Что за жена ты сыну моему!
Его толкаешь в этот бред опасный.

НЕФЕРТИТИ

Но я люблю его.

ТИИ

Тогда спаси его...

НЕФЕРТИТИ

Ты, государыня, не понимаешь,
не так все это просто.
Я, думая о дочери своей,
хотела б тоже оградить ее от бедствий.
Но сын твой — фараон. Он не дитя,
он должен делать, как считает нужным,
а я — смиренно следовать за ним.

ТИИ

Ты обезумела. Как дурочку, тебя
мой сын околдовал и свел с ума
виденьями своими.

НЕФЕРТИТИ

Нет. Неправда.

ТИИ
(поднявшись в гневе)

Я говорю тебе: опасность велика.
Я знаю нрав людей моей земли.
Они не примут нового порядка —
в конце концов они опять вернутся
к своим привычным каменным богам.
О, у жрецов Амона есть опора!
Они царей на троны возводили
и низводили с тронов. Неужели
династия царей, что стала величайшей
в истории Двух Царств, что покорила
державы сопредельные — погибнет лишь оттого, что
юному царю

покоя не дают пустые грезы?
Мы — женщины. Все женщины мудры,
как матери. Мужчины — это дети,
Их надо опекать и наставлять —
то словом ласковым, то поцелуем,
и только так мы сможем их спасти
от роковых последствий их чудачеств.

НЕФЕРТИТИ

Но сын твой — не дитя.

ТИИ

Любой мужчина — мальчик
остается до старости — поверь мне.
Я-то это знаю.

НЕФЕРТИТИ

Мы, верно, сами в этом виноваты.

ТИИ

Как ты глупа!
Прекрасна, но глупа.
Ты ничего так и не поняла!

В гневе удаляется. В покои робко заглядывает Незземут.

НЕЗЗЕМУТ

Ты здесь одна, сестра?

(Входит.)

Мне показалось — здесь была царица.

НЕФЕРТИТИ

(безразлично)

Она была тут, но уже ушла.

НЕЗЗЕМУТ

Боюсь.

Все говорят — она весьма умна,
она годами правила Египтом,
она умела провести царя
как простака на рынке —
это всем известно.

Наверное, она была красива.
Ну а теперь... Как страшно сознавать,
что все стареет
и делается мерзким и убогим.

Прижимает руки к щекам.

Пара! Ренехех!

Появляется Пара, чернокожая карлица.

Подай мне зеркало.

Заметив, что Нефертити отвернулась.

Ты так не любишь карликов?
За что?

НЕФЕРТИТИ

Они так безобразны!

НЕЗЗЕМУТ

Но Пара так мудра!
Она владеет чародейством Пунта,
любовные напитки ей известны
и зелье хитрое из сока

¹ П у н т — древнеегипетское название страны в Восточной Африке на побережье Аденского залива (по-видимому на территории современного Сомали), которая часто становилась объектом грабительских походов египетских фараонов.

одной травы —
оно мгновенно убивает
и не найти следов...

Пара приносит зеркало и уходит. Рассматривает в зеркале
свое лицо.

А впрочем, ты права — сейчас тебе не стоит
смотреть на них — чтоб не родить уroda.
Негоже некрасивым быть царю...
Н-да... лицом, конечно, я не вышла!
Ты — самая красивая из нас,
Но я зато умней. И я честолюбива.
На самом деле я
должна была бы стать
Владычицей Египта.
Ты же помнишь, Пара
гадала на песке и предсказала —
я выйду замуж за царя Египта
и стану я Великою царицей.
Я ей поверила, и что же?
Ты избрана была!
Я сильно рассердилась
тогда на Пару, а она клялась —
не лжет песок. А может, фараон
возьмет меня второй женой?
Хотя на этот счет он странно говорит —
не то, что прежний царь...
Но что с тобой, ты мне не отвечаешь?

НЕФЕРТИТИ
(встревоженно)

Я думаю.

НЕЗЗЕМУТ

Царицей быть
тебе не по плечу.
А у меня бы это вышло лучше.
Царь так мечтателен и столь печален
и некому его расшевелить.

НЕФЕРТИТИ
Довольно. Замолчи, сестра.

НЕЗЗЕМУТ

Я знаю, милая: я откровенна,
и все зову своими именами.
Нам с Эхнатоном не поладить! Он
смеяться совершенно не умеет.
Все его мысли только о богах.
А для меня нет ничего скучнее!
Неужто принимать всерьез
все эти камни с головой звериной,
поставленные для простонародья,
которому во что-то нужно верить.

Пауза.

Ты, Нефертити,
по-моему, не слушаешь меня.

НЕФЕРТИТИ

Прости, сестра.

НЕЗЗЕМУТ

Нет, право же, сестрица,
ты очень хороша.
Неудивительно, что царь
сошел с ума от красоты твоей
и на других не смотрит даже.
И на меня...

Пауза

Знаешь, этот новый
начальник царской стражи —
премилый. Как его бишь?
Хоремхеб?

НЕФЕРТИТИ

Да.

НЕЗЗЕМУТ

Вот кто мужчина так мужчина!
Я как-то говорила с ним.
Он был учтив со мною — но и только
Душа его осталась холодна.
Он, видно, предан только фараону?

НЕФЕРТИТИ

Один из самых преданных ему.

НЕЗЗЕМУТ

И царь доволен им.
Мужчины так скучны,
когда меж ними возникает дружба,
они все об охоте говорят
да о сражениях, — а не болтают
о людях — просто так, для развлечения,
как мы привыкли.

НЕФЕРТИТИ

(вставая)

Мне пора к моей дочурке.

НЕЗЗЕМУТ

(вслед выходящей Нефертити)

Не понимаю, что с тобой случилось —
сегодня ты скучна, как никогда.

(Зевает.)

Входит Пара

А ну-ка погадай мне на песке.

Пара приносит два неправильной формы сосуда с песком и подает их Незземут, которая высыпает песок на пол. Пара садится на корточки рядом, раскачиваясь над песком и ритмично всхрипывая, покуда не погружается в некое подобие транса

ПАРА

Я вижу... вижу...
Здесь поднимается песок,
а раньше был он низким...
И много дней пройдет, так много..
Величие придет...
Я вижу царского Урея¹,
я вижу символ власти над Египтом

¹ У р е й — изображение священной кобры, хранительницы власти фараонов на земле и на небе, которое укреплялось на повязке на середине лба фараона

над головой твоей и над его,
Владыки Верхнего и Нижнего Египта .
Развалины... Разбитый камень...
Рабочие сбивают с камня имя...
Приходит он —
и тяжкий шаг грохочет по холмам...
шаг воинов — шаг тысячного войска. .
Я вижу... храм, священные быки...
Я вижу... вижу...

(Говорит все тише, потом, встряхнувшись, садится)

НЕЗЗЕМУТ

Ты — старая мошенница!

ПАРА

Я не мошенница, о госпожа моя.
Все, что я говорю, сбывается.

НЕЗЗЕМУТ

Пока что незаметно.
Ты каждый раз сулишь мне мужа,
но где же он?

ПАРА

Они, о госпожа!
Ведь у тебя их будет двое.

НЕЗЗЕМУТ

Боюсь, они меня разочаруют,
как только
я их встречу.

Входит Хоремхеб

ХОРЕМХЕБ

Привет, о царственная госпожа!

НЕЗЗЕМУТ

(приветливо глядя на него)

В чем дело, Хоремхеб?

ХОРЕМХЕБ

Весть от фараона его жене,
возлюбленной царице.
Лады готовы для царя
и всех его домашних. Царь с царицей
отправятся вниз по реке,
чтоб место присмотреть, где будет новый город

НЕЗЗЕМУТ

Я передам сестре.

ХОРЕМХЕБ

(поворачивается, чтобы уйти)

Останься ненадолго, Хоремхеб,
и расскажи немного о сирийцах
и войнах с ними.
Меня все это,
очень занимает.

ХОРЕМХЕБ

Прости мне, царственная госпожа.
Но государь
мне повелел не мешкать;
он приказал мне проследить,
чтоб погрузили в барки все, что нужно.
(Выходит.)

НЕЗЗЕМУТ

(разочарованно)

Грубиян.

Пара дергает ее за одежду

ПАРА

Госпожа, госпожа...

(Показывает на дверь, за которой скрылся Хоремхеб)

НЕЗЗЕМУТ

(раздраженно)

Чего тебе?

ПАРА

На голове! На его голове!

(Рисует в воздухе змею и корону.)

НЕЗЗЕМУТ
(изумленно)

На его голове?

ПАРА
(кивая)

Да, да.

НЕЗЗЕМУТ

На его голове...

(В изумлении мотрит на дверь, за которой скрылся Хоремхем. Ее лицо принимает трезвое, расчетливое выражение.)

З а н а в е с

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Миновал месяц. Царская ладья у берега Нила. Эхнатон стоит на возвышении в центре ладьи, Нефертити чуть ниже, Хоремхем — на носу судна. Бек, юный архитектор, стоит рядом с царем, в его руках чертежи и отвес. Тут же стоит писец, готовый записывать все, что скажет фараон.

ЭХНАТОН

Вот место славное. Три сотни поприщ¹ —
вниз по Реке от Но Амона².

Да, здесь, и только здесь,
заложен будет город.

Что скажешь ты, Бек?

БЕК

Державный государь бесспорно прав.

Здесь лучшее из мест
для города прекраснейшего в мире,
не виданного прежде никогда.

ЭХНАТОН

Здесь, у воды,
где травы зелены как изумруд,

¹ П о п р и щ е — старинная мера длины, равная 1480 м.

² Н о А м о н — город Фивы, древнеегипетский город в Верхнем Египте на берегах Нила, религиозный и политический центр с некрополем, гробницами, заупокойными храмами.

пусть разобьют дворцовые сады,
мой и царицы. Нужно привезти и посадить деревья.

Бек делает пометку на чертеже.

Пусть над садами высятся дворцы,
а над дворцами храм, который я воздвигну
в честь моего отца Атона.

А дальше, в скалах, вырубят гробницы
и для меня, и для моих придворных.

Пусть выкопают озеро большое
и назовут его по имени царицы

(Обращаясь к Нефертити.)

Вам нравится, моя царица?

НЕФЕРТИТИ

Довольна, да.

ЭХНАТОН

Мы будем счастливы в столице Небосклона?

НЕФЕРТИТИ

Никто не будет нас с тобой счастливей.

ЭХНАТОН

Я верю в это.

Оба с любовью смотрят друг на друга.

(Торжественно провозглашает.)

Царь, Сын Ра, Золотой Сокол Гора,

Носящий венцы Гелиополя,

Владыка Верхнего и Нижнего Египта,

Первенец у Ра, сын Солнца,

Хозяина на небе,

Верховный жрец Ра Характы,

Соединяющийся с Небосклоном, нареченным именем Его,

Огнем, который есть Атон.

(Замолкает.)

Все, кроме царицы, падают ниц.

¹ Гор — в древнеегипетской мифологии бог солнца, покровитель власти фараона, сын Осириса и Исида, отомстивший Сету за убийство отца и изображавшийся в виде сокола или человека с головой сокола.

Се — город Небосклона, нареченного именем Атона,
что повелел Атон воздвигнуть для него,
как память о моем величии навеки.
Ибо он, Атон, Отец мой,
привел меня в город Небосклона.
Ни один из знатных не указал мне пути,
ни один из землепашцев не привел меня сюда, говоря:
«Вот место годное для Царя,
чтобы государь построил здесь город».
Нет, лишь Атон, мой Отец, привел меня сюда.

(Поднимает руки.)

Да живет он во веки веков, Отец мой Ра Характа,
Атон живой и великий, предопределивший жизнь,
сильный в жизни, сотворивший Себя Своими руками,
постоянный в восходе и закате и их повторении.
На Земле или на Небе всякий глаз видит Его,
когда наполняет Он землю лучами своими
и пробуждает к жизни.

Глаза мои наслаждаются видом Его, когда восходит Он
над храмом Атона в городе Небосклона и наполняет его
Своими лучами, прекрасный в любви, и освещает ими
жизнь мою во веки веков.

Я построю на этом месте храм для Атона, моего Отца.
Я построю здесь дворец фараона для себя
и дворец царицы для Нефертити.

Здесь, в холмах восточных, появится потом гробница,
в которой буду похоронен я,

моя Великая царица Нефертити и дочь моя Меритатон

Если я умру в одном из городов на юге, севере,
западе или востоке, мое тело

пусть привезут в город Небосклона и в нем погребут.

И если моя жена, Великая царица Нефертити,
умрет в одном из городов на юге, севере,

западе или востоке, ее тело

пусть привезут в город Небосклона и здесь погребут.

Верховные жрецы, служители храмов Атона,
должны быть здесь погребены.

Здесь, от этих четырех камней и до восточных
и западных холмов

раскинется город Небосклона, принадлежащий Ра Характе.

Ибо все, что есть —

и горы, и долины, моря и берега, животные и люди —
им создано. И это — моя праведная клятва,
которую приношу охотно, отныне и навеки.

(Лихорадочно, вскинув руки к небесам)

О Атон живущий,
ты даешь сыну своему Эхнатону
постигнуть предназначения твои
и мощь Твою.
Вся земля во власти Твоей десницы,
ибо Ты создал людей;
Ты восходишь — и они живут,
Ты заходишь — и они умирают.
Ты время их жизни, они живут в Тебе.
До самого захода Твоего
их глаза обращены к Твоей красоте.
Когда Ты заходишь на западе,
останавливаются все работы.
Когда восходишь, труды продолжаются снова,
ибо Ты устроил порядок на земле,—
ради сына Твоего,
отпрыска тела Твоего,
Царя, живущего Правдой,

(С безмерным ликованием.)

Эхнатона, да продлятся дни его жизни!
И Великой Царицы, возлюбленной царем,
Владычицы Обоих Царств

(Берет ее руку в свою.)

Нефертити,
Живущей и Процветающей
во веки веков!

З а н а в е с

Действие второе

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Восемь лет спустя. Берег Нила около Фив. Три женщины стирают в реке. Верховный жрец, Мериптах, сидит под пальмой, завернувшись с головой в покрывало, и, кажется, спит

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Какие новости?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Подорожала мука.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Опять?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

А ему, старику, подавай в день шестнадцать просяных лепешек.

СТАРУХА

Нынче все переменялось, все не так, как в старые добрые времена. Скарабея для покойника и то не купишь.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

А слыхала, что устроили в новом городе?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Нет.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Там вырезан огромный барельеф, а на нем — царь целуется с царицей.

СТАРУХА

Да что ты!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Правда! Шурина сына своими глазами видел!

СТАРУХА

Куда катится мир! Ни приличий не осталось, ни веры! Царица-мать — она хоть достойно держится. Ее не увидишь в этих прозрачных одеждах, она не мелькает каждый день то там, то сям, как эта, но́чая!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

А эта вместе с фараоном разезжает по городу на колеснице!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Нет!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Да я говорю тебе — моему дяде сам четвертый колесничий рассказывал.

СТАРУХА

Стыд и срам!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

А что, правда, будто у царя нет жен, кроме Нефертити, — или только слухи?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Совершеннейшая правда. Колесничий дяде говорил... И все это знают!

СТАРУХА

Что, ни одной наложницы?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Нет.

СТАРУХА

И это Великий Царь! К чему катится мир!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

У него только одна женщина! Знаешь, что на это сказал бы мой муж? Он сказал бы... *(Шепчет что-то на ухо Второй женщине. Обе смеются.)*

СТАРУХА

Осторожней, вы!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

О, здесь нас никто не услышит.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Что же он за мужчина, если ему хватает единственной женщины?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Посмотрела бы я на своего мужа, стань он фараоном. Ему подавай не меньше трех сотен! И чтобы триста сыновей всего через год!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Твой-то муж — известное дело! — Он и лев, и бык!

СТАРУХА

Кстати о быках. *(Понижает голос до шепота.)* Священные быки Мневиса — их больше нет.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Что?

СТАРУХА

Священных быков больше не разводят. *(Качает головой.)* Последние времена, последние — уж и богов позабыли.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

На храмы гоненья!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Наш отец Амон не забывал о нас, а теперь у нас бога нет.

СТАРУХА

Старик мой то же говорит. Не может солнце быть богом. Оно спокон веку по небу ходит.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Да если бы хоть солнце почитать как Бога — так и этого нельзя, — надо, вишь, поклоняться жару Солнца или какой-то подобной чепухе!

СТАРУХА

А уж этот вовсе глупости.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Ясное дело, глупости.

СТАРУХА

Весь мир сошел с ума.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

А как вы думаете, это правда... *(Озирается.)*

Верховный жрец храпит.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Что?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Да говорят, будто прежняя царица ему не мать вовсе, и мальчика подбросили — и не царский он сын, а молоденького жреца Ра.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Первый раз слышу.

СТАРУХА

Похоже на правду.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Люди говорят... (*Неразборчиво шепчет.*)

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Да, я слышала. (*Шепчет, хихикая.*)

СТАРУХА

Тише вы. За такие слова можно остаться без ушей и носа.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Теперь все можно. Если твои овцы украдены, чиновник, принявши жалобу, не станет их искать, а спустит с тебя шкуру да заберет весь урожай.

СТАРУХА

Срамота!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Зато в Нижнем царстве, говорят, совсем даже неплохо.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Да, потому что там Хоремхеб управляет — оттого и порядок.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Ах, Хоремхеб! Вот это мужчина!

СТАРУХА

Настоящий правитель, совсем как в старину.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Наместник царя такой и должен быть.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

И такой красавчик!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Его все боятся — и никто не смеет обманывать: ему все про всех известно.

СТАРУХА

Вот правитель так правитель. И богов почитает!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА
(поднимаясь и собирая белье)

Что ж, все сделано. Вот бы и нам пожить во дворце и поездить на колеснице в прозрачной одежде! *(Принимает соответствующую позу.)*

СТАРУХА

Ой, слышал бы тебя муженек — он бы дурь-то из тебя мигом выбил. Он человек приличный.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Все говорят — во дворце такое творится — такие танцы! Там голыми ходят!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Ну будет тебе!

СТАРУХА
(собирая стирку)

Мы живем в греховные времена. Ох, не знаю, не знаю — чем все это кончится?

Все три женщины уходят. Входит Птахмос, он одет скромно, как простой горожанин.

Верховный жрец, подождав его, снимает покрывало с гладко выбритой головы. Птахмос почтительно приветствует его, низко кланяясь.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Приветствую моего сына Птахмоса.

ПТАХМОС

Приветствую достопочтенного жреца.
Мне показалось неразумным
приблизиться к тебе, покуда
здесь были эти женщины.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Ты осмотрителен.
Я выбрал этот берег не случайно:
тут спрятаться не сможет соглядатай.
А то, что мне подслушать удалось
из болтовни трех этих глупых женщин,
небесполезно. Помни, сын мой Птахмос,
что женским неразумным языком
порою говорит общественное мнение.

ПТАХМОС

Я буду помнить, о почтенный жрец.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Теперь — что новенького о новинке —
о новомодном граде Небосклона?

ПТАХМОС

(доставая свиток папируса)

Вот это вам прислала тайно
сестра царицы, Незземут.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(разворачивая свиток)

А сам что скажешь?

ПТАХМОС

Никто не сомневается, что я
и в самом деле только юный скульптор,
решивший счастья попытать в столице новой.
Почтенный Бек, верховный царский зодчий,
изволил похвалить мою работу.
И нынче там я в милости большой.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Что ж, все прекрасно.

Все идет по плану.

(Читает свиток, затем задумчиво сворачивает его.)

Итак у Нефертити снова дочь.

ПТАХМОС

О да, почтенный жрец.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(задумчиво)

Амон во гневе.

Да, это нужно будет втолковать народу в Но Амоне.

Скажи, а что, в Ахетатоне

шпионов часто ловят?

ПТАХМОС

(улыбаясь)

О нет, мой господин, там все спокойно.

Покуда мне опасность не грозит.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Неужто впрямь уверены они,

что власть Амона сломлена навеки?

ПТАХМОС

Уверены.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

О простаки!

Как опрометчива бывает юность!

Царица-мать не столь неосторожна.

Пришлось назначить нашу встречу здесь,
на берегу, — ведь в городе шпионы Тии
куда внимательней к жрецам.

(Снова просматривает свиток.)

А что ты можешь рассказать

о юноше Тутанхатоне?

ПТАХМОС

Тутанхатон? Который обручен

с Анхепатон, царицы младшей дочкой?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Что он за птица?

ПТАХМОС

Он совсем юнец,
горячий и привязчивый мальчишка

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

И что ж, он сильно предан Эхнатону?

ПТАХМОС

О да, почтенный жрец.
Для юных фараон подобен богу.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Скажи — а эта преданность — надолго?

ПТАХМОС

Надолго? Разве можно это знать?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

А вот сестра царицы, Незземут,
здесь пишет: молодой Тутанхатон —
восторженный поклонник Хoremхеба.

ПТАХМОС

Мальчишки все героев обожают!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Да, Хoremхеб увлечь людей умеет,
особенно восторженных юнцов.
Что, фараон ему благоволит, как прежде?

ПТАХМОС

Сильней, чем прежде. Весь оплот царя —
жрец Эйе с господином Хoremхебом,
который мало что военачальник
Обоих царств, — отныне он наместник
на землях Севера
и Нижнего Египта.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Да, Хоремхеб... Таких в Египте мало.
Он истый воин, прирожденный вождь,
воспитанный в почтении к Амону,
и все же наш противник, а не друг.

ПТАХМОС

Но, может быть, богатые подарки...
(Многозначительно замолкает.)

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Учись, мой сын, читать людское сердце.
Товар добротный продается редко,
и при покупке можно погореть.

ПТАХМОС

Я виноват. Я глупость предложил.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(про себя)

Мужчина, равнодушный к женским чарам,
тем больше привлекателен для женщин.

(Задумчиво глядя на папирус.)

А что до царственной сестрицы, Незземут,
будь осторожней, Птахмос. Пусть и мысли
о ваших с ней беседах не возникнет.

ПТАХМОС

Я действую как можно осторожней.
Я нанят изготовить барельеф
с изображеньем царственной сестры
и карлиц. Так что с нею говорить
мы можем без опаски. В остальном
я полагаюсь на служанку,
чья преданность хозяйке безгранична.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Что ж, хорошо.

ПТАХМОС

(вздыхая)

Плохие дни настали для Амона,
а будет хуже. Иногда

мне в этом городе становится так тяжело.
Их ~~новый~~ нечестивый культ
распространился по всему Египту,
а мы бессильны с этим совладать.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Ты молод, сын мой, и неискушен
Ты судишь с лету — и не видишь сути.
В тень отступив, не ослабел Амон.
Пусть восемь главных храмов в запустенье,
пусть наши земли отошли в казну,
но мощь Амона этим не сломить —
когда воротится, он разберется
и с ревностью честолюбивых женщин,
и с преклонением юнцов, и с безрассудным
и дерзостным отступником-царем.
О нет, Амон насмешек не потерпит.
И трудятся жрецы его во мраке
не хуже, чем при свете. Пусть покуда
безумец молодой свой украшает город —
еще последнее не прозвучало слово.

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Шесть месяцев спустя. Царская беседка в Ахетатоне, легкая, воздушная, украшенная изображениями животных и птиц, с верандой, выходящей к Нилу. Вдоль стен — большие кувшины из расписного фаянса и ложе. В центре — небольшой помост, на нем золотые кресла и табуреты. На одном из них расположилась Нефертити. Эхнатон, одетый в простые льняные одежды, наносит последние мазки на ставшее сегодня знаменитым скульптурное изображение головы Нефертити¹.

ЭХНАТОН

(делает шаг назад и долго рассматривает свою работу, переводя взгляд с Нефертити на ее портрет)

Вот так и так...

(Возвращается на прежнее место, наносит последний мазок, затем качает головой.)

Я сделал все, что мог, Атон свидетель.

¹ В 1912 году во время раскопок в египетском городе Амарна (на месте древнего Ахетатона) были найдены скульптурные портреты Нефертити, представляющие собой замечательные произведения искусства и хранящиеся в музеях Каира и Берлина

НЕФЕРТИТИ

Уже готово?

ЭХНАТОН

Да.

НЕФЕРТИТИ

Могу я посмотреть?

Эхнатон не отвечает. Нефертити спускается вниз и становится рядом с ним.

О!

ЭХНАТОН

(отвернувшись)

Я сделал все, что мог, но это
не то, что я хотел, не то,
что видел я.

НЕФЕРТИТИ

Но это так прекрасно.... так прекрасно...

ЭХНАТОН

Нет-нет, совсем не то, совсем не так...
(в возбуждении мечется по беседке)

НЕФЕРТИТИ

(мягко)

Ты так всегда твердишь — но ведь напрасно!

ЭХНАТОН

Нет, ты меня не понимаешь, это —
совсем не то, что вижу я.

(Склоняет голову.)

Вот если бы ты знала, только знала...
она должна была бы — ну, такая...
Я разобью ее...

НЕФЕРТИТИ

(становясь между ним и статуэткой)

Нет, нет. Я не позволю.

Я голову мою разбить не дам.

Она красивая. Пусть Бек посмотрит —
слушаем, что скажет он.

ЭХНАТОН

Бек хвалит все, чего бы я ни сделал.
Льстить фараону — в этом мудрость жизни.

НЕФЕРТИТИ

Для всех, но только не для Бека.
Иные царедворцы таковы,
но Бек — он честен.

ЭХНАТОН

Пусть.
Мне ненавистен сам вид вот этой вещи.

НЕФЕРТИТИ

(накрывая статуэтку тканью)

Не надобно смотреть сюда до завтра,
а может, еще много-много дней.
Едва завершено творенье,
его ты начинаешь ненавидеть,
как все художники.

(С удивлением.)

Но это странно...
Когда ты создал красоту,
ты должен ею наслаждаться,
ты радоваться должен, всех вокруг
ты должен спрашивать: «Ну разве не прекрасно
мое творение?» Но ты
его готов разбить. Не понимаю...

*(Эхнатон улыбается ей снисходительно, пытаясь успокоить.
В голосе Нефертити внезапно появляется тоска.)*

Но я не в силах ничего создать.

ЭХНАТОН

(мягко)

Зачем тебе? Ведь ты сама —
прекрасное создание искусства.

НЕФЕРТИТИ

Создание? Какое?

ЭХНАТОН

Красота.

НЕФЕРТИТИ

О нет! Вся красота — в твоих глазах,
в твоей душе и разуме и сердце.
В Египте много женщин есть
красивее меня...

ЭХНАТОН

Но для меня
одна красавица на свете — Нефертити.

НЕФЕРТИТИ

(приподняв угол ткани, смотрит на статуэтку)

О да, я вижу.

(Опустив взгляд на свои руки.)

Должно быть, странно — что-то создавать.

(Шевелит пальцами.)

ЭХНАТОН.

Прекрасны руки Нефертити, когда она
приветствует Атона на закате
и приглашает отдохнуть под рокот систра¹.
Я изваяю их из глины —
прекраснейшие руки Нефертити,

(Опускается на кушетку.)

но не сейчас — я так устал.

(Закрывает глаза, но через минуту открывает их и смотрит на Нефертити.)

Скажи мне, отчего ты так печальна?

НЕФЕРТИТИ

Я ничего создать не в силах
ни даже сына подарить тебе.

ЭХНАТОН

(приподнимаясь)

Любимая...

¹ С и с т р — ритуальный предмет в форме трещотки, использовавшийся в Древнем Египте в обряде почитания богов.

НЕФЕРТИТИ

(бросается к нему и, плача, падает на колени)

Пять девочек, пять дочерей у нас —
и некому наследовать корону
Двух царств...

ЭХНАТОН

Не надо, нет. Пусть наше счастье
ничем не омрачится. Мы не сможем
любить мальчишку больше, чем дочурок —
Меритатон, Анхепатон...

НЕФЕРТИТИ

Но сына —
Тебе должна я подарить.
Ты знаешь, люди говорят такое...

(Понизив голос.)

Мол, это гнев Амона — оттого
у нас с тобой не будет сыновей.

ЭХНАТОН

Такое говорят в Ахетатоне?

НЕФЕРТИТИ

Нет, нет. А в Но Амоне — говорят!

ЭХНАТОН

(смеясь)

Все это выдумки жрецов Амона.
Их сила сломлена, их золото отняли,
отдав Атону, и теперь
им остается только сеять злобу,
что остается скорпиону — жалить!

(Махнув рукой.)

Пусть говорят!

НЕФЕРТИТИ

Но люди в это верят.

ЭХНАТОН

Лишь те, кто глуп, и те, кто слишком стар,
они Амону весь свой век служили,

им измениться трудно. Остальным
день ото дня любовь Атона
все очевидней.

(Мечтательно.)

Подданным моим жизнь дарую вместо смерти

вольность

взамен сетей из дряхлых суеверий,
им красоту и истину несу
взамен былой вражды и угнетения.
Все злое в прошлом, свет Атона
их озарил, теперь они
вольны жить в мире и ладу, свободны
от тени прошлого, от ужаса былого.

НЕФЕРТИТИ

По-твоему — они все это понимают?

ЭХНАТОН

Они глупы,

(Улыбается.)

их ум медлительней улитки,
но кто же из людей способен
свободе рабство предпочесть?

НЕФЕРТИТИ

(пожимает плечами)

Но Хoremхeб — он думает иначе!

ЭХНАТОН

(с любовью в голосе)

О, Хoremхeб всегда беду пророчит.
Он сущий ворон, этот Хoremхeб!

НЕФЕРТИТИ

(ревниво)

Но ты его так любишь, государь мой!

ЭХНАТОН

А отчего же ты его не любишь?

НЕФЕРТИТИ

Скорее, это он меня не любит.

ЭХНАТОН

Не может быть.

НЕФЕРТИТИ

Он презирует женщин

ЭХНАТОН

Что ж, это объяснимо. Для солдат
не существует красота и прелесть,
а женщина для них —
военная добыча.

НЕФЕРТИТИ

(настойчиво)

Отчего ты так к нему привязан?
Ведь вы во всем различны —
чувства, мысли
и даже боги разные у вас.
В душе твой Хoremхeб Амону верен

ЭХНАТОН

Нет, что ты!

НЕФЕРТИТИ

Уверяю — это правда.

ЭХНАТОН

Пожалуй. Верный Хoremхeб возрос
в тени Амона. Верность этой тени
не так-то просто в сердце побороть.
Что деду было хорошо
во времена Аменхотепа
Второго, деда моего, —
то было б хорошо и Хoremхeбу...

(С осуждением и нежностью.)

Как странно! Но ведь именно за это
я так его люблю — ведь даже
в угоду государю или другу
не станет Хoremхeб кривить душой.
В нем есть надежность, словно в камне,
который простоит века...
При всем его упрямстве, он не глуп,

напротив — если я не заблуждаюсь —
он очень пронизателен. К тому же
сложением его тело превосходно,
подобное железу. Он прекрасен!

Нефертити сочувственно смотрит на супруга

Он всем хорош! Прекрасный человек —
такой живой и сильный — настоящий!
Ну разве можно не любить его —
не я один — все любят Хoremхеба!

НЕФЕРТИТИ

Ты замечал, как чернь его встречает!
И говорят, на Севере его
обожествляют.

ЭХНАТОН

Славный Хoremхеб!

*(Полуобернувшись, смотрит на глиняную статуэтку головы
Нефертити)*

Пусть он рассудит нас.
Я так люблю показывать ему
скульптуру или роспись —
он вмиг теряется — не знает, что сказать.
Пускай за ним пошлют...

Собирается хлопнуть в ладоши, но Нефертити его останавливает

НЕФЕРТИТИ

Постой. . Постой... Послушай .. Я должна...

Эхнатон смотрит на нее с удивлением

Должна тебе сказать, а ты — должен услышать .

ЭХНАТОН

(садится, мрачно)

Я слушаю тебя.

НЕФЕРТИТИ

(отчаянно)

Ты — государь, а я .. Я не могу
родить тебе наследника престола.

Когда б ты в жены взял мою сестру —
а Незземут ведь тоже царской крови, —
она тебе бы сына родила...

ЭХНАТОН

О Нефертити, я тебя избрал
Великою царицей, Старшей,
и для меня вовек другой не будет,
не может быть другой любви на свете —
такой, как наша.

НЕФЕРТИТИ

(покачнувшись, едва не падая)

Ах...

Эхнатон подхватывает ее

ЭХНАТОН

Что хочешь ты, чтоб я тебе ответил?

НЕФЕРТИТИ

То, что уже сказал ты, государь.
Но Хoremхeб — он думает иначе.

ЭХНАТОН

Но я ценю лишь сердце Хoremхeба,
а не его разумные советы.

НЕФЕРТИТИ

И матушка твоя, царица Ти,и,
с тобой, пожалуй, вряд ли согласится.

ЭХНАТОН

Она уже давно страной не правит.

НЕФЕРТИТИ

(робко)

Зато она мудра.

ЭХНАТОН

Но это мудрость предков.
Отныне нам дана иная мудрость.

На мгновение вновь впадает в мистический транс и возводит глаза к солнцу, но Нефертити одним жестом возвращает его на землю.

(Обычным голосом.)

Любимая, быть надобно разумной.
Сменхкара в жены взял Меритатон,
а младшая обручена с Тутанхатоном,
и оба эти юноши достойных
полны любовью к истине и Ра.
Да будет бесконечным наше счастье
в прекрасном нашем городе Небес.
Давай пошлем за нашими друзьями.
(Хлопает в ладоши.)

Появляется слуга-нубиец.

Пускай сюда придет мой главный зодчий,
почтенный Бек, и все кто будет с ним —
в мастерской. Еще пускай пошлют
за полководцем Хоремхебом.

Слуга падает ниц, затем покидает комнату.

Ты счастлива теперь,
моя прекраснорукая царица?
(Берет ее руки в свои и поднимает вверх.)

НЕФЕРТИТИ

Да, счастлива.
Но я еще счастливей оттого,
что мы с тобой поговорили,
до появления матушки твоей —
она сегодня к нам должна приехать.

ЭХНАТОН

Как, ты боишься матушки моей!
Как все вокруг — она умна и властна.

НЕФЕРТИТИ

Она тебя так любит!

ЭХНАТОН

До поры,
покуда я иду ее дорогой.

НЕФЕРТИТИ

Не думаю, что ты сумел постигнуть
всю глубину ее любви к тебе.

ЭХНАТОН

Она во мне ребенка любит, не мужчину.

НЕФЕРТИТИ

А ты — неужто ты ее не любишь?

ЭХНАТОН

А разве я не посвятил ей храм
в Ахетатоне? Храм царицы Ти!
И разве я не предлагал ей
оставить прежнюю столицу
и поселиться здесь, в Ахетатоне?
Но ей привычней, чтобы было все как встарь.
Она осталась в прошлом
и им живет. Но мы должны
жить будущим.

(Его лицо смягчается.)

Но все-таки она сюда приедет.

НЕФЕРТИТИ

Мы можем сделать так,
чтоб ей не захотелось возвращаться.

Входит Бек с четырьмя или пятью молодыми художниками, среди
которых Птахмос.

ЭХНАТОН

Друзья, смотрите, вот — она готова.
(Срывает ткань с глиняной головы.)

ЮНОШИ
(хором)

Божественно! Чудесно! Превосходно!
Так нежно! Так изысканно!

Эхнатон снисходительно улыбается молодым художникам, но
смотрит на Бека.

ЭХНАТОН

Итак,— что скажет мне мой добрый Бек?

Бек долго разглядывает скульптуру, затем внезапно опускается на колени и целует руку Эхнатона

БЕК

Работа мастера.

ЭХНАТОН

(со вздохом облегчения)

Так, значит, удалось!

НЕФЕРТИТИ

(нежно)

Я говорила!

Новый взрыв похвал и возгласов восторга Эхнатон обнимает Нефертити. Входят Хoremхeб и Тутанхатон — юноша с приятным, но несколько безвольным, невыразительным лицом. Он явно старается заслужить одобрение окружающих и легко воодушевляется любой идеей. Хoremхeб угрюмо, с презрением глядит на художников.

ПТАХМОС

О! Это лучшее твоё творенье,
мой государь. Ты превзошел
те барельефы — хоть они прекрасны.
Ты, господин, не только царь Египта,
Ты — царь художников и лучший скульптор!

ЮНОША

А это звание царского превыше!

ДРУГОЙ ЮНОША

Ты прав

ХОРЕМХЕБ

(не в силах больше слушать)

Кхм, кхм!

ЭХНАТОН

(обернувшись и заметив вновь вошедших)

Ты здесь, мой добрый Хoremхeб,
и ты, мой сын.

Тутанхатон вспыхивает от смущения

(Тутанхатону)

Что ты об этом скажешь?

ТУТАНХАТОН

(страстно)

Прекраснейшая статуя на свете —

Она прекрасна, как сама царица.

И это все, что я могу сказать.

Нефертити улыбается юноше и протягивает руку

ЭХНАТОН

(озорным тоном)

А ты, мой Хоремхеб?

ХОРЕМХЕБ

(чуть смущенно)

Красивая... Ну прямо как живая.

Эхнатон смотрит на него выжидающе, рассчитывая на продолжение
Художники, едва удерживаясь от смеха, не сводят глаз с Эхнатона)

ЭХНАТОН

Мой лучший друг

(Берет Хоремхеба за руку)

Выражение лиц художников резко меняется

Ты хвалишь все, чего бы я ни сделал,
лишь потому, что ты мой друг.

ХОРЕМХЕБ

(смущенно)

Да, государь.

ЭХНАТОН

(с нотками тоски в голосе)

Но это новое искусство,
придуманное мной, не трогает тебя?

ХОРЕМХЕБ

Я виноват — но я не понимаю
таких вещей.

ЭХНАТОН

(пристально глядит на него)

Я сделаю и твой портрет.

ХОРЕМХЕБ

(растерянно)

Мой? Но зачем...

ЭХНАТОН

(про себя)

Я должен силу показать — как ходят мышцы
от напряжения... Я должен знать,
как человек устроен...

(Задумывается.)

ХОРЕМХЕБ

Господин мой, нам надобно с тобой поговорить.
К нам прибыли послы с дарами
из Сирии и Митанни,
а также из Верхнего Египта.
С каким ты словом обратишься к ним?

ЭХНАТОН

(беспомощно)

Нет, только не сейчас.

(Отходит в сторону.)

ХОРЕМХЕБ

Из Но Амона к нам дурные вести.

ЭХНАТОН

(резко)

Из Фив?

ХОРЕМХЕБ

Из Фив. Там сборщики налогов...

ЭХНАТОН

Обсудим это позже.

(К Беку и остальным.)

Над чем сейчас работаете вы?

ЮНОШИ

Над росписью стенной — цветущий лотос,
полет гусей, сбор урожая в поле...

ЭХНАТОН

Пойдите на поля, спуститесь по реке —
рисунок должен быть правдив и точен.
Освободитесь от застывших форм —
пусть торжествует простота и правда.

ЮНОШИ
(хором)

Да, мастер.

ЭХНАТОН

А ты, мой мудрый Бек?

БЕК

С верховьев Нила
прислали блоки красного гранита.

ЭХНАТОН

Прекрасно.

БЕК

Тот барельеф, где вы с царицей вместе
почти готов,
но прежде, чем закончить,
я показать его хочу царю —
вдруг он захочет что-то изменить?

ЭХНАТОН

Надеюсь, я увижу там живых людей,
не идолов, исполненных величия?

БЕК

А разве мог я сделать по другому?
Я верный ученик твой, государь.

ЭХНАТОН

И самый лучший!

БЕК

Тебя я, господин, изобразил
танцующим. Великая Царица
тебе протягивает лотос. Впрочем,
хотелось бы, чтоб сам ты посмотрел...

ЭХНАТОН

Идем сейчас.

НЕФЕРТИТИ

Конечно.

Эхнатон, Нефертити, Бек и остальные выходят, весело смеясь. Хоремхем смотрит им вслед с тревогой и печалью. Тутанхатон испуганно смотрит на Хоремхеба.

ТУТАНХАТОН

Мой господин, я вижу, ты в тревоге?

ХОРЕМХЕБ

Да

ТУТАНХАТОН

Что, скажи, тебя тревожит?

ХОРЕМХЕБ

Лукавство, властолюбие и алчность

ТУТАНХАТОН

Я, господин, тебя не понимаю.

ХОРЕМХЕБ

Без постоянного надзора свыше
у слабых нет от сильного защиты.
Любой закон нетрудно извратить
в защиту богача
и к выгоде мздоимца.

ТУТАНХАТОН

Неужто вправду так?

ХОРЕМХЕБ

Увы, мой господин.

ТУТАНХАТОН

И невозможно ничего исправить?

ХОРЕМХЕБ

(сурово)

Творящий зло
наказан должен быть!

ТУТАНХАТОН

И что тогда?

ХОРЕМХЕБ

Впредь осторожней будет он,
нескоро
осмелится опять закон нарушить.

ТУТАНХАТОН

И много ли таких злодеев
у вас на Севере?

ХОРЕМХЕБ

Теперь — немного.

Тутанхатон смотрит на него с восхищением.

ТУТАНХАТОН

(нерешительно)

Ты начал говорить, мой господин,
о том походе в Азию. Когда
нас государь позвал...

ХОРЕМХЕБ

Да, верно. И теперь ты хочешь,
чтоб я продолжил свой рассказ?

ТУТАНХАТОН

О господин! Конечно!

ХОРЕМХЕБ

(с воодушевлением)

Дело было так:
враг находился здесь.

(Берет в руки стек и кладет, чтобы отметить место.)

ТУТАНХАТОН

(наклоняясь, чтобы лучше видеть)

Да.

ХОРЕМХЕБ

А здесь стояло наше войско.

(Берет другой стек.)

ТУТАНХАТОН

Да.

ХОРЕМХЕБ

Вот здесь течет Евфрат¹.

(Проводит мелом черту на полу.)

ТУТАНХАТОН

Да-да, я вижу.

ХОРЕМХЕБ

Они сражаются, сомкнув ряды,
их колесницы тяжелее наших —
и в каждой воин со щитом,
он прикрывает лучника с возницей.

ТУТАНХАТОН

Да.

Входит Незземут.

ХОРЕМХЕБ

Почтенье царственной сестре!

(Встает, то же делает Тутанхатон.)

НЕЗЗЕМУТ

Не стоит прерывать рассказ
ради меня. Все это
так интересно...

¹ Евфрат — полноводная река, которая начинается на Армянском нагорье, течет по Месопотамской низменности и, сливаясь с рекой Тигр, впадает в Персидский залив.

ТУТАНХАТОН

Мой господин рассказывал о битве...

НЕЗЗЕМУТ

Как занимательно.

(Садится, одарив Хoremхеба ослепительной улыбкой.)

Прошу вас, продолжайте.

ХОРЕМХЕБ

(Тутанхатону)

Мы их превосходили в быстроте
и скорости передвиженья.

И вот решились мы на хитрость, сделав вид,
что потеряли строй. Враги попали
в ловушку: луки бросили они,
пошли на нас в атаку с топорами,
крича и улюлюкая, безумцы!

Они ведь дикари —
отважны, но глупы.

НЕЗЗЕМУТ

А дальше?

ХОРЕМХЕБ

(Тутанхатону, не глядя на Незземут)

Я приказал, чтоб наши лучники стреляли
лишь по сигналу моему.

НЕЗЗЕМУТ

Как умно!

ХОРЕМХЕБ

И вот настал момент:
мы перестроились, и полетели стрелы.
Все колесницы оказались здесь.

(Отмечает место.)

А здесь пехота.

(Отмечает другое место.)

И враг был окружен и сброшен в реку.

ТУТАНХАТОН

О!

НЕЗЕМУТ

Изумительно!

ХОРЕМХЕБ

Но как они дрались!
Игра окончилась победой нашей,
но в жизни не встречал достойнее бойцов!

НЕЗЕМУТ

Ах, верно, это было просто чудо!

Входит слуга-нубиец и кланяется Неземут.

СЛУГА

Великая царица Тии
сошла на землю с царской
лады.

НЕЗЕМУТ

Пускай ее приветствуют как должно,
проводят в отведенные покои
и сообщат об этом государю.

Слуга уходит.

(Выбегает на веранду.)

И вон она — при парике и в пышном платье!
Но как как бледна!
Ужасно подурнела!

ТУТАНХАТОН

(выбегает следом)

Где?

НЕЗЕМУТ

Тсс! Там. Она одета
как одевалась двадцать лет назад!

ТУТАНХАТОН

Царица Тии — старая такая!

НЕЗЗЕМУТ

Мой друг, но ей, должно быть,
не меньше сотни лет! А впрочем,
на вид она, пожалуй, и постарше!
Ой, посмотри, Тутанхатон,
на эти золотые украшения.
Такие броские
никто давно не носит!

ТУТАНХАТОН

Так только варвары способны нарядиться!

НЕЗЗЕМУТ

(бросая кокетливый взгляд на Хоремхеба)

Мы должны быть осторожней,
ведь с нами — досточтимый Хоремхеб.
Он может бросить нас в тюрьму
или подвергнуть страшным пыткам!

ХОРЕМХЕБ

(сухо)

Это бы явилось превышением
дозволенного мне и потому не входит
в мои обязанности.

НЕЗЗЕМУТ

На самом деле ты большой поклонник
Властительницы Тии. Я права,
достопочтенный Хоремхеб?

ХОРЕМХЕБ

Ее нельзя не уважать.

НЕЗЗЕМУТ

Ты любишь старомодные наряды?
Неужто наши, нынешние, хуже?
(Качает бедрами, многозначительно.)
В них чувствуешь себя куда свободней!

ХОРЕМХЕБ

(угрюмо глядя на ее полупрозрачное одеяние)
Пожалуй.

НЕЗЗЕМУТ

(снова повернувшись к реке)

Конечно, властвовать она умеет.

Чернь говорит —

до кончиков ногтей царица!

Хотя она — отнюдь не царской крови.

Но ей не подчиниться невозможно.

Неудивительно, что прежний царь

был воском у нее в руках.

(Повернувшись к Хоремхебу.)

А знаешь, ты ведь тоже государь

до кончиков ногтей!

ХОРЕМХЕБ

(смущен; Тутанхатону)

Не так ли?

ТУТАНХАТОН

Конечно.

ХОРЕМХЕБ

(смущенно)

Я всего лишь старый воин.

НЕЗЗЕМУТ

Неправда. Ты весьма хорош собой!

(Тутанхатону.)

Ведь правда?

ТУТАНХАТОН

Правда.

ХОРЕМХЕБ

(растерявшись)

На самом деле...

Незземут хохочет.

НЕЗЗЕМУТ

Я тебя смутила.

(Другим тоном.)

Прошу меня простить. Я вправду восхищаюсь
не только тем, что ты хорош собой,
но тем, что ты — великий полководец,
а твой рассказ меня заворожил.
Я прежде никогда не понимала,
что битва —
это тонкое искусство...

Вбегает испуганный слуга-нубиец.

СЛУГА

Царица! Сюда идет царица Тии.

Тии входит в комнату без свиты, она очень постарела и выглядит
больной. Взгляд ее останавливается на Хоремхебе.

ТИИ

Как хорошо,
что я нашла тебя.
Мне нужно побеседовать с тобою.

Незземут выступает вперед и приветствует царицу, но та лишь устало
кивает.

Оставь нас, дочь.
И ты, мой нареченный внук...

Незземут и Тутанхатон выходят. Тии обессиленно опускается на
ложе.

Как хорошо, что я тебя нашла.
Я так боялась, вдруг ты задержался
в своих владениях...

ХОРЕМХЕБ

Я две недели здесь.
(Понимаяще.)
А что случилось?

ТИИ

Близится беда.

ХОРЕМХЕБ

Что за беда? Откуда?

ТИИ

Я не знаю,
но чувствую ..

ХОРЕМХЕБ

Но есть ли основания...

ТИИ

(с горечью)

Мне ли не знать его,—
он старый лис...
Я говорю о Мериптахе,
жреце верховном...

Пауза

Да, я забыла, ты воспитан был
в тени Амона, в прежней вере.

ХОРЕМХЕБ

Да, я приучен почитать Амона.
Хоть боги для меня не так уж много значат —
я уважаю веру наших предков.

ТИИ

(с неподдельным интересом)

Но почему?

ХОРЕМХЕБ

Она давала людям, что им нужно.
Понятное, надежное, простое —
обычаи, и утешенье в горе
и должное смирение перед властью.

Тии кивает

ТИИ

Да, да, ты прав. Что может дать им вера,
что выдумал мой сын?
Жар солнца как источник жизни —
вот сути суть. Но что она — для них?
Ничто, лишь звук пустой! Мидей для черни

большие изваяния из камня,
коснулся их рукой — и ощутил их мощь,
ей нужно, чтобы жрец вещал устами бога,
и разные божки
для повседневной жизни.
Да, множество богов —
удобней, чем один.
Когда б жрецы
не так любили власть ..

ХОРЕМХЕБ
(осторожно)

О том не мне судить.

ТИИ

Да, я опять забылась,
Ведь Мериптах — твой давний покровитель.

ХОРЕМХЕБ

Он добр ко мне
и оказал мне милость.
Я не могу не уважать его.

ТИИ

Тогда, возможно, ты не тот, кого ищу я.

ХОРЕМХЕБ

Скажи, владычица, зачем так говоришь?

ТИИ

Сторонник прежней веры
не станет Эхнатону помогать,
ведь невозможно
служить двум господам одновременно.

ХОРЕМХЕБ

Но я служу царю.

ТИИ

Царю? Ты не лукавишь?

ХОРЕМХЕБ

Царю, единому — вовек веков!

ТИИ

А если ополчится царь на Бога?

ХОРЕМХЕБ

Я говорил, что боги для меня
не так уж много значат
Пусть вера новая
и кажется мне странной
или безумной — но не мне о ней судить.

ТИИ

Итак, твой выбор сделан...

ХОРЕМХЕБ

О выборе здесь речи нет. Служу
лишь фараону.

ТИИ

Ты поклянешся в этом, Хоремхеб?
Клянешся? Жизнью сына моего?

ХОРЕМХЕБ

Клянусь.
Он — жизнь моя.
И за него я умереть...
(Внезапно замолкает.)

ТИИ

В чем дело?

ХОРЕМХЕБ

Однажды он сказал...

ТИИ

Что?

ХОРЕМХЕБ

Сказал однажды, что не хочет,
чтоб люди умирали за него,
но жили...
для него.

ТИИ

Но это
куда труднее — жить...

Хоремхеб удивленно смотрит на нее.

Послушай, Хоремхеб, тебе я доверяю,
тебе лишь одному во всем Египте.
Уверена, что ты предать не сможешь.
Твоя семья всегда была верна...

Хоремхеб склоняет голову.

К тому же ты —
единственный из всех его людей
способный действовать и думать.
Себя он окружил людьми искусства,
вокруг него — художники, танцоры
и зодчие, и ни у одного
ни толики ума!

ХОРЕМХЕБ

Все — жалкие глупцы.

ТИИ

Так слушай же. Мой сын
здесь грезит о гармонии и мире.
Но я — его глаза и уши в Но Амоне.
(Улыбается.)

И у меня осталась горстка верных
людей — я знаю кое-что.

ХОРЕМХЕБ

И что же?

ТИИ

Там беспокойно. Люди недовольны.

ХОРЕМХЕБ

Но чем? Нам государь уменьшил подать,
смягчил суровость наказаний — бедным
жить стало легче.

ТИИ

Так гласит закон,
но много ль проку в нём,
коль некому следить
за честным соблюдением законов?

ХОРЕМХЕБ

Поистине!

ТИИ

А сборщик податей
берет вино и мед, зерно и скот,
а что в казну он взял
и что себе —
проверить некому...

ХОРЕМХЕБ

Да. Все понятно.

ТИИ

И так повсюду — угнетенье, алчность,
несправедливость.

ХОРЕМХЕБ

А царю никто
не сообщал об этом?

ТИИ
(сухо)

Сообщали.

ХОРЕМХЕБ

Но как...

ТИИ

А как бы ты за дело взялся?

ХОРЕМХЕБ

Я первой сотне пойманных мерзавцев
поотрубал бы руки и носы
на страх другим.

ТИИ
(кивая)

А сын мой Эхнатон
призвал их к справедливости и правде.
И ждет,
когда исправятся злодеи!
Что скажешь ты на это, Хоремхеб?

ХОРЕМХЕБ

Что государь наш слишком добр
и в доброте своей не понимает,
как много зла живет — в сердцах людей.

ТИИ

Ну а жрецы мздоимцев подстрекают.
А сами в то же время
подогревают в людях недовольство,
шепнув небрежно слово — здесь,
два слова — там.
И люди говорят: Амон — защитник бедных,
он защищает нас.
А новый бог нас бросил.

ХОРЕМХЕБ

И это все?

ТИИ

Еще не все. Я до сих пор как будто
в хороших отношениях с Мериптахом.
Хоть сломлено могущество его,
отобраны сокровища и храмы —
но дух его не сломлен, разум — ясен.
Мы с ним играем в старую игру —
ни он, ни я не знаем до конца,
насколько обманул один другого.
Но что-то близится — он что-то замышляет!

ХОРЕМХЕБ

Что именно?

ТИИ

Я чересчур стара.
Смерть близко — я теперь уж не могу

так ясно видеть все, что происходит,
но я могу предположить...

(Замолкает.)

Скажи мне, что еще задумал Эхнатон
против жрецов Амона?

ХОРЕМХЕБ

Насколько знаю — ничего.
Мсть побежденным
не для его возвышенного сердца.
Он только сокрушил Амона мощь,
а подданные моут поклоняться
кому хотят, — хоть государь считает
что вера прежняя
сама собой угаснет
по всей стране.

ТИИ

Так, значит, я ошиблась.

ХОРЕМХЕБ

В чем, царица?

ТИИ

Вот слушай, Хоремхет. Я говорила
любезней, чем обычно, с Мериптахом
и посоветовала попросить
у сына часть изъятых богатств
вернуть Амону. Цель моя была —
внушить ему, что я не одобряю
затеи Эхнатона.
Понимаешь?

ХОРЕМХЕБ

Да. Ты хотела,
чтобы он раскрылся.

ТИИ

Он не настолько глуп, чтоб обмануться
и мне поверить полностью, но все же
он полагает, что и я, как он,

смириться не могу с утратой власти, и
заключить готова с ним союз,
чтоб власть себе вернуть.

ХОРЕМХЕБ

Я понимаю.

ТИИ

Я предложила помощь. Он в ответ
вздыхал да пожимал плечами, —
мол, будет лучше нам повременить,
царь, он сказал, во гневе и теперь
задумывает новые гоненья.

ХОРЕМХЕБ
(решиительно)

Неправда, я уверен.

ТИИ

Хорошо.
Ведь их и не должно быть, понимаешь?

ХОРЕМХЕБ

Боюсь, что нет...

ТИИ

Нельзя, чтоб начались
опять гоненья на жрецов Амона, —
не то мы Мериптаху подыграем.

ХОРЕМХЕБ

Мы подыграем? Чем же, госпожа?

ТИИ

Мсть — обоюдоострое оружие.
Народ всегда преследуемых любит.
Пусть ныне чернь рассказывает сказки
о доброте Амона к бедным — ведь они
вольны ему и дальше поклоняться.
Но если поклоненье запретить...

ХОРЕМХЕБ

Я понял. Только, думаю, бояться
тут нечего. Наш царь давно забыл
свою вражду к жрецам.
Он занят ныне
скульптурой и заботами о том,
как сделать город свой
еще красивей.

ТИИ

Что ж, хорошо. Но нужно присмотреть,
чтобы жрецы его не подтолкнули,
ведь Мериптах хитер

ХОРЕМХЕБ

Но что мне делать?

ТИИ

Нет, ничего. Но глаз с них не спускать!

ХОРЕМХЕБ

Я обещаю, госпожа моя!

ТИИ

Пусть Ра тебя хранит
за верность сыну.

Хоремхеб целует руку царицы

(Совсем другим тоном.)

А что, ты часто видишь Незземут?

ХОРЕМХЕБ

Да нет С какой бы стати?

ТИИ

Я не знаю
Но я бы ей не слишком доверяла.

ХОРЕМХЕБ

Да я, владычица,
и не любитель женщин

Входит Эхнатон с Нефертити и Тутанхатоном Эхнатон подходит
к Тии и нежно приветствует ее

ЭХНАТОН

Ты все-таки решила с нами жить?
А твой дворец готов,
и храм закончен

(С воодушевлением)

Не правда ли, Ахетатон прекрасен?
Ты видела его озера,
его дома, сады? А птицы? Птицы
привезены издалека! Я так люблю их —
они летают в светлых небесах
и радуют Атона звонкой песней!

ТИИ

Прекрасный город.

ЭХНАТОН

Город счастья и любви

ХОРЕМХЕБ

Другие города
не так уж счастливы.
Из Библоса¹ приходят письма
с мольбой о помощи Хабиры² постоянно
набегами терзают этот город,
скот угоняя и губя посевы.
И слишком мало войска для защиты
сирийских берегов — отправить нужно
туда еще солдат. В горах грабители смеют
и некому их наказать.

ЭХНАТОН

Но почему вокруг лишь разрушение?
Я напишу воззвание, чтоб его читали
на площадях сирийских городов —
и это беззаконье прекратится

¹ Б и б л о с — древний финикийский город на побережье Средиземного моря (севернее современного Бейрута), издавна связанный с Египтом тесными торговыми и культурными связями, а в эпоху Среднего Царства и политически некоторые правители Библа состояли на службе египетских фараонов

² Х а б и р ы (хапиру) — воинственные кочевые племена пустыни, возможно относившиеся по языку к западносемитическим

ХОРЕМХЕБ

Не лучше ли
послать туда войска?

ЭХНАТОН

Но это лишь начало.
А дальше...

(Меряет шагами беседку.)

Все вокруг должны учиться
жить в мире и согласии друг с другом.
Спустя столетия войн и кровной розни
народам это будет непонятно.
Но так должно быть! Пусть Египет просвещенный
примером будет для других земель.

Хоремхеб утрюмо молчит.

ТИИ

Да и в Египте просвещенном, сын мой,
не ладно. В Но Амоне бедняки
под игом стонут.

ЭХНАТОН

Все жрецы?

ТИИ

О нет. На этот раз —
тобой назначенные сборщики налогов.

ЭХНАТОН

Но это дурно! Я хочу,
чтоб мой народ
жил вольно и богато.

ХОРЕМХЕБ

Я предложил бы наказать злодеев —
оставил бы главнейших
без носа и руки. Я полагаю,
всем остальным
урок пойдет на пользу.

ЭХНАТОН

Так думаешь?

(Улыбается.)

А если человек лишится носа,—
ты, Хоремхеб, создашь ему другой?

ХОРЕМХЕБ

(изумленно)

Конечно нет.

ЭХНАТОН

И руку сможешь дать
не хуже прежней?
Ты не боишься, Хоремхеб,
разрушить то,
чего не восстановишь?

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, я не пойму тебя.

ТИИ

Я понимаю.

ЭХНАТОН

(повернувшись к ней)

Что ты скажешь, мать?

ТИИ

Для подданных твоих — большое благо,
что близ тебя еще остались люди,
которые, подобно Хоремхебу,
тебя не понимают.

ЭХНАТОН

И это ты мне говоришь?

ТИИ

Да, сын мой.
За жизнь свою я много повидала.

ЭХНАТОН

Нет, есть один лишь путь —
любовь и милосердье,
что дарит нам Атон.
Вы все должны прозреть, чтобы понять
уничтожение плоти, что он создал —
тяжелый грех.

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, ты слишком милосерден.

ЭХНАТОН

А ты жестокосерден, как скала.
(*Другим тоном.*)
А что послы?

ХОРЕМХЕБ

Ждут милости Великого Царя.

ЭХНАТОН

Что, если их принять теперь, не медля?
Вас это развлечет. Пускай они пройдут
пред нами здесь.

ТИИ

Тогда пойди надень
парадные одежды.

ЭХНАТОН

Но зачем? Нет, пусть они увидят
царя Египта в будничных одеждах,
живущего простою жизнью.
Пускай они увидят: фараон
такой же человек, как все они,
пускай поймут: все люди — братья.

ТИИ

Нет.
Царь должен всем внушать благоговенье,
всем видом отличаясь от людей.

ЭХНАТОН

Казаться богом,
а не человеком?
Но если бог спустился бы на землю,
я думаю, он был бы прост —
как все.
Да, если б бог спустился...
(Его лицо становится отрешенным.)
Неужели...

(Про себя.)

Что, если я...
(Смотрит в небо)

ТИИ

Прими их, государь, на троне сидя,
с двойной короной на челе.
Молю тебя, мой сын, — пусть вострепещут
они перед могуществом Египта.
Припомни, что сказал Великий царь:
в былые дни
«Царь — это тот, кого боятся.
Не показывайся людям,
дабы не могли они сказать,
«Он только человек».

ЭХНАТОН

Нет, это не для нас.
Жена моя, сядь рядом.
Ты, матушка, присядь вот в это кресло.
Ступай, мой Хоремхеб, и позови послов.
(Вместе с Нефертити садится на помосте в центре беседки)

ТИИ

Ты опрометчив. Эта простота
еще терпима дома, среди близких.
А тут, мой сын,
торжественность уместней.

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, прошу тебя, послушай,
что я скажу о данниках Египта.

Я знаю их, со многими я дружен.
Они просты как дети, на Египет
они глядят со страхом и восторгом,
нам остается их ошеломить
блистающим величием фараона,
чтобы домой они вернулись в страхе.

ЭХНАТОН

В благоговении и страхе
перед моею властью и богатством —
вот, право же, отрадная картина!

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, они картину эту
увидеть жаждают — фараон Египта
для них — легенда, и не человека,
но бога им увидеть надлежит!

ЭХНАТОН

Но фараон — сын Ра —
и вправду бог!

Пауза.

ХОРЕМХЕБ

Я лишь хотел сказать:
они хотят увидеть бога
таким, каким его воображают.

ЭХНАТОН

Но если представленья неверны,
нам следует развеять заблужденье,
а не лелеять их.

ТИИ

Мечтатель...

ЭХНАТОН

Поклонения и веры
на свете лишь одно достойно — Правда!
Ступай и приведи сюда послов.

Хоремхеб уходит.

ТИИ

Мой сын! Не отвергай моей любви
и мудрости, что я всю жизнь копила
лишь для тебя?

ЭХНАТОН

(мягко)

Но это мудрость прошлого.

ТИИ

О нет!
Такая мудрость не устаревает,
ведь это — знание того, что в сердце скрыто.

ЭХНАТОН

Есть в каждом сердце
внутренняя сущность,
невидима она, непостижима.

ТИИ

Я вижу, ты готов рискнуть державой
ради мечты,— и я уже не в силах...
не в силах...

(Хватается рукой за сердце.)

Мое время тает... тает...

(Умолкает.)

ЭХНАТОН

(Тутанхатону)

Пойди сюда, мой мальчик.
Садись у ног моих.
Где мои дочери?

НЕФЕРТИТИ

Катаются на лодке
по озеру.

ЭХНАТОН

Да, правда, я забыл.

Входит Бек с художниками.

Идите все сюда — вам это будет любопытно.
Художники...
Забавно... Вот, должно быть, чудеса...

Входят посланцы покоренных стран, падают ниц. Потом поднимаются и подходят с дарами. Слитки золота, мешки с золотым песком, которые несут негры, перья страуса из Ливии. Дикие звери в клетках из Сирии, прекрасные полунагие девушки, луки, копья и щиты из Сирии, парадная конская сбруя. Когда пышная процессия подходит к концу, Эхнатон поднимается и простирает руку. Все падают ниц. Эхнатон говорит, почти поет, высоким, чистым голосом.

ЭХНАТОН

О Атон, отец всего живущего, наш милостивый отец!
Ты сотворил землю по желанию сердца твоего,
Сирию, и Нубию, и земли Египта.
Ты создал Нил на небе для чужеземных стран,
чтоб падал он на землю и поил их посевы.
Твоя любовь равна для всех,
как и моя любовь.
Для жителей Восточной пустыни,
для обитателей Нубии, для людей Сирии
и народа Двуречья — и все они,
как египтяне — равно мои дети.
Все люди братья. Пусть они живут
в любви и мире.

Пауза.

(Хоремхебу.)

Пусть все это оружие
отныне ценится лишь за свою отделку,
но пусть никто его не обратит
для умерщвления человека.
Рабов освободите от цепей,
им принесите пищу и питье,
пусть трудятся они
для украшения Ахетатона,
не утомляясь и не голодая.
Пусть золото уйдет в дома Атона
для прославления его в земле Египта.
А вы, посланники, домой вернитесь,
неся мои слова. Да будет с вами мир.

Слышен смущенный шепот, данники озадачены услышанным и неуверенной походкой покидают беседку. Хоремхб пожимает плечами. Царица Ти держится за сердце. Когда чужеземцы уходят, Эхнатон смотрит на сурового Хоремхеба.

Мой друг, ты осудил меня за правду
которую я высказал послам?
Я понимаю, меч тебе милее,
но разве не отбросишь ты его
ради меня?
Отныне да не выйдет меч из ножен,
стрела да не нацелит свое жало
в живую человеческую плоть
да не пронзит копье живого тела!

ХОРЕМХЕБ

Но может ли так быть, мой государь?

ЭХНАТОН

Так быть должно.

ХОРЕМХЕБ

(качая головой)

Но эти дикари
немногим лучше, чем лесные звери.

ЭХНАТОН

Зверей толкает на убийство страх и голод.
Но если нет ни голода, ни страха,
не должно людям убивать друг друга!

ТИИ

Ах...

(Векакивает, указывая на Птахмоса. Ей плохо.)

Кто это? Кто?

(Птахмос скрывается за спинами художников.)

НЕФЕРТИТИ

Кто? Что?

ТИИ

(хрипло, с трудом держась на ногах)

Я прежде уже видела его...
в храме Амона...
беда...

(Падает.)

Хоремхем успевает подхватить ее.

ЭХНАТОН

(властно)

Прислать к царице лекарей моих!
(Подходит к ней, с глубокой нежностью)
О матушка!

ТИИ

(глядя не на него, а на Хоремхеба)

Ты... помни... Ты поклялся мне...

Хоремхеб склоняет голову. Тии успокаивается.

ЭХНАТОН

О матушка!

ТИИ

(медленно и с трудом)

Мой сын... Мой маленький сынок...
(Умирает.)

З а н а в е с

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Год спустя. Комната во дворце, ярко освещена светильниками. Хоремхеб и Тутанхатон занимаются оружием. Тутанхатон чистит наколечник копья.

ХОРЕМХЕБ

Оно должно сиять. Работай.
пока лицо твое в клинке не отразится,
как в зеркале.

ТУТАНХАТОН

(поднимая копье вверх)

Ну как?

ХОРЕМХЕБ

Неплохо.
Ты станешь славным воином, мой мальчик.

ТУТАНХАТОН

(вспыхнув от смущения, польщенно)

Я? Правда — я?..

Возьмешь меня в поход?

ХОРЕМХЕБ

Охотно.

ТУТАНХАТОН

Обещаешь?

ХОРЕМХЕБ

Что я могу тебе пообещать?

Скорей всего, поход не состоится.

ТУТАНХАТОН

(удрученно)

Не состоится? Наверно, нет!

Пауза. Хоремхеб вздыхает.

Мой господин, ты чем-то опечален?

ХОРЕМХЕБ

Нет, это не печаль.

(Медленно.)

Я раздражен,

как всякий,

кто остался не при деле.

ТУТАНХАТОН

Ты любишь воевать.

ХОРЕМХЕБ

При чем тут я...

(Помедлив.)

Но видеть, как Египет унижают...

ТУТАНХАТОН

Кто унижает? Где?

ХОРЕМХЕБ

В Ханигалбате.
Они прислали дерзкое письмо
взамен обычной ежегодной дани.

ТУТАНХАТОН

Но кто посмел?

ХОРЕМХЕБ

Недавно царь Митанни
велел держать посланца фараона
под стражей и, когда мы возмутились,
ответил оскорбительным письмом.
А вавилонский царь¹ осмелился писать,
что-де его послы ограблены в Египте
и что, мол, фараон обязан —
заметь, обязан — им потери возместить.
И хетты² продвигаются на юг
по нашим землям — и дерзят не меньше

ТУТАНХАТОН

Мы стерпели?
А, право, мы могли бы...

ХОРЕМХЕБ

Могли бы, да, — у нас достало б войска,
чтоб отплатить сполна за оскорбление.

ТУТАНХАТОН

Но ведь Великий Царь, мой нареченный тесть,—
он выразил им возмущение!

ХОРЕМХЕБ

Он выразил им возмущение?
Но дикари не понимают слов.

¹ В а в и л о н и я — древнее государство на юге Месопотамии, расцвет которого относится к XVIII веку до н.э. Столица — город Вавилон (к юго-западу от современного Багдада)

² Х е т т ы — народ, живший в центральной части Малой Азии и основавший здесь в XVII—XII веках до н.э. государство Хеттское царство, которое в период расцвета (XIV—XIII века до н.э.) соперничало с Египтом в борьбе за господство в регионе.

Ты знаешь, что подумали они?
Они решили, что мы испугались.

ТУТАНХАТОН

Неправда.

ХОРЕМХЕБ

Египет — и боится жалкой горстки
головорезов-горцев и бродяг пустыни?
Смешно! И все же тут смешного мало,
лиха беда начало.

ТУТАНХАТОН

А потом?

ХОРЕМХЕБ

На чем стоит величие страны?
В чем смысл существования ее?
Египет жив непобедимой силой
и справедливостью своих законов.
А эти маленькие страны
друг друга грабят непрерывно,
но власть Египта принесла им мир,
теперь приходится им жить в согласие —
не то Египта гнев падет на них.
Но стоит им однажды усомниться —
что если мощь Египта — мертвый лев и гнев ничей
их боле не настигнет,—
как вновь пойдут разбои,
и непрестанная вражда меж племенами,
и все, что сделано к их просвещению,
забудется, они вернутся
обратно в дикость, из которой вышли.

ТУТАНХАТОН
(взволнованно)

Я никогда не думал о подобном.

ХОРЕМХЕБ
(с горечью)

Еще бы! В этом городе чудес
о чем и думать, кроме удовольствий?

ТУТАНХАТОН

Здесь так красиво.

ХОРЕМХЕБ

И ты о красоте...
На ней все словно помешались.
Но что в ней проку —
раз она не может
ни хлеб растить, ни защитить людей
от угнетения и произвола!
А мне клочок земли, где честный управитель
следит исправно за порядком,
где землепашец хлеб растит
живя в довольстве и без страха, —
дороже дюжины прекрасных статуй
или дворца
со всем его убранством.

ТУТАНХАТОН

Да, понимаю.

ХОРЕМХЕБ

Ты меня не должен слушать.
Ведь я ценить искусство не умею.
От чтения стихов я засыпаю,
а эти разговоры насчет формы
и ритмике в скульптуре...
Они превыше моего ума.

Входит нубиец-слуга

СЛУГА

Мой господин! К нам прибыли посланцы
из Сирии, чтоб говорить с тобой,
сказали, что они
сыны Риббади.

ХОРЕМХЕБ

Сыны Риббади? Я сейчас приду
(Выходит вместе со слугой.)

Тутанхатон продолжает чистить оружие, берет копье и шпатель. В это время входит Верховный жрец, неузнаваемый в длинной шер-

стяной сирийской одежде, остроконечной шапке и туфлях с загнутыми носами, и некоторое время наблюдает за юношей. Тутанхатон оборачивается и замирает, удивленный.

ТУТАНХАТОН

Ох! Я не думал,
что здесь кто-то есть
кроме меня.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(поспешно)

Я в свите состою сынов Риббади.
Мне велено дожидаться здесь
прихода господина Хоремхеба.

ТУТАНХАТОН

Ах, да. Я думаю, что он вот-вот вернется.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Позволит благородный египтянин
узнать, с кем говорит
смирный чужестранец?

ТУТАНХАТОН

Он говорит с Тутанхатоном,
который вскоре станет
супругом дочери царя.

Верховный жрец почтительно кланяется

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Ты — тот, о ком так много говорят!

ТУТАНХАТОН
(изумленно)

Я?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Да, ведь предсказано, что ты
воссядешь на престол Египта в свой черед,
чтоб славою своею превзойти
всю славу
тех, кто правил прежде.

ТУТАНХАТОН
(*смутившись, но в то же время польщенно*)

О, я уверен — это чепуха!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
Все знают — ты умен и даровит.
(*Задумчиво.*)
Ты станешь величайшим полководцем.

ТУТАНХАТОН
Навряд ли!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
О тебе прекраснейшего мненья
достопочтенный Хоремхеб.

ТУТАНХАТОН
Он сам сказал? Мне так приятно.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
Предсказано, что ты Египет поведешь
к победам новым!

ТУТАНХАТОН
(*с воодушевлением*)
Это значит, я...
(*Смешавшись.*)
Но больше войн не будет.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
О да, ведь новый бог не любит войн
Но прежний бог, Амон,
привел Египет к торжеству над миром.

ТУТАНХАТОН
От веры той теперь осталось мало!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
Печально! Все бывшие полководцы,
чьи имена и ныне не забыты,

к победам шли,
ведомые Амоном.

ТУТАНХАТОН
(задумчиво)

Наверное, ты прав.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Сомнения нет — приверженцев своих
Амон вознаграждает щедро.
Не сказано ли древле:
«Блаженны те,
кто радость познал его даров.
Мудры те, кто знает его.
Благословенны те, кто служит ему.
Защищены те, кто за ним следует».

ТУТАНХАТОН

Наш отец, Атон,
нас окружает миром и любовью.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Но не могуществом и славой

ТУТАНХАТОН

Нет.

В комнату стремительно входит Хоремхеб, он встревожен

ХОРЕМХЕБ

Мой господин Тутанхатон,
прошу тебя сейчас пройти со мною
к царю. Я...
(Замолкает, увидев Верховного жреца)
Достопочтенный жрец, ты!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Я

ХОРЕМХЕБ

Но как... зачем. .

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Просить об одолженье.

ХОРЕМХЕБ

Достопочтенный жрец, чем я могу помочь...

ТУТАНХАТОН

Достопочтенный жрец?

(Уставясь на него.)

Кто этот человек?

Хоремхеб медлит, Верховный жрец хранит молчание.

ХОРЕМХЕБ

Верховный жрец Амона.

ТУТАНХАТОН

Амона?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(с достоинством)

Да, сын мой.

Верховный жрец, чья гордость сокрушилась,
пришел униженно просить защиты у того,
к кому благоволил когда-то.

ХОРЕМХЕБ

(смущенно)

Поверь, отец,
твоей не позабыл я доброты,
как в оны дни я был тобой замечен,
я не забуду твоего участия
в моей судьбе.
Поверь, я не хочу
в долгу остаться.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Я знаю, сын мой,
благородный сердцем
добра и милостей не забывает.
Неблагодарность — свойство низких душ,
не верю, чтобы ты все позабыл.

ХОРЕМХЕБ
(по-прежнему смущенно)

Ты прав.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

И ныне я тебя, о Хоремхеб,
о помощи прошу!

ХОРЕМХЕБ

Увы, отец! Мне больно — я бессилен
помочь тебе. В твоих глазах, конечно,
я стал отступником от веры,
но кончим с этим. Я свой выбор сделал
по долгу службы. Я —
приверженец Атона.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

По долгу службы —
не по зову сердца?

ХОРЕМХЕБ

Мне до богов, признаться, дела мало.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Но ты же верен богу, и друзьям, и фараону.

ХОРЕМХЕБ

И эта верность с верностью в разладе.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Бывает.

ХОРЕМХЕБ

Ты пойми меня, отец,
пойми и раз и навсегда — прости за дерзость.
Я — человек царя,
ему лишь буду верен.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Так, значит, ты увидел в этом выбор
между Амоном и царем —
и предпочел царя.

ХОРЕМХЕБ

Да, предпочел

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Я понял Ну а если так: спрошу:
что выберешь — царя или Египет?

ХОРЕМХЕБ

Я не пойму

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Но это очень просто —
ты служишь и Египту и царю —
но что тебе важнее —
царь или Египет?

ХОРЕМХЕБ

Они — единое.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Так было прежде —
ныне миновало.

ХОРЕМХЕБ

Я не пойму, о чем толкуешь ты?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Не важно. Мне казалось, ты поймешь
Я, как и ты, люблю Египет.

Пауза

Но ты ошибся, думая, что я
пришел к тебе беседовать о божестве.
Нет, я пришел к тебе,
как старый друг,
просить защиты
от опасности и бедствий.

ХОРЕМХЕБ

Опасности и бедствий?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

О да. Во имя нашей старой дружбы
прошу тебя, поговори с царем
и защити нас от его опалы

ХОРЕМХЕБ

Царь не подверг опале никого.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Так ты не знаешь, что произошло.

ХОРЕМХЕБ

А что произошло?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

В столице прежней смута поднялась,
смутьяны разгромили храм Атона,
дабы опять Амон торжествовал.

ХОРЕМХЕБ

Беда!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Но в этом нет моей вины.
Хотя никто теперь мне не поверит
Осталось мне просить твоей защиты
пред фараоном, дабы гнев его не пал
на голову мою иль головы злосчастных
жрецов Амона.

ХОРЕМХЕБ

Поверь, отец, я объясню царю,
что ты не виноват, — но, в самом деле,
вам нечего бояться его гнева —
он ласков и привержен милосердию.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Мой сын, поистине, ты благодороден —
и верен старой дружбе и друзьям.

В это время Эхнатон, незаметно раздвинув дверные занавеси,
застывает в дверях

ЭХНАТОН
(иронично)

Глазам своим не верю! Неужели
жрец Мериптах, мой старый друг!
(Выходит вперед.)

Не ждал, достопочтенный жрец, тебя увидеть
среди сирийских подданных моих.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(почтительно кланяясь)

Приветствую тебя, Великий Царь!

ЭХНАТОН

Как интересно.
Я слышал, Хоремхеб,
что у тебя гостят сирийцы,
но не предполагал, что вот такие!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Поверь мне, Государь,—
почтенный Хоремхеб
не ведал о моем приходе.
Не думай, государь, ни сговора, ни козней...

ЭХНАТОН
(холодно)

Почтенный жрец, ты, видимо, решил,
что я, как ты,
повсюду вижу только козни.

ХОРЕМХЕБ

Это правда. Я не знал,
что здесь Верховный жрец.

ЭХНАТОН

Я вижу.
В тебе, мой Хоремхеб,
не сомневаюсь.

ХОРЕМХЕБ

Подобного доверья я не стою.

ЭХНАТОН

Ты — ты достоин высшего доверья!

ХОРЕМХЕБ

Его я оправдаю, государь!

(Улыбается.)

Но все-таки доверью есть предел
и подозрительность не помешает.
Я знаю жизнь,— которой ты не знаешь.

ЭХНАТОН

Попробую учиться недоверью —
начнем с тебя,
мой верный Хоремхеб.

ХОРЕМХЕБ

(мрачно)

Уж лучше мне не верь,
как остальным,
чем слепо доверяться слишком многим.

ЭХНАТОН

Неправильно. Доверье и любовь —
вот истины великое оружие,
оно способно мир преобразить.

ХОРЕМХЕБ

Однако, государь, иные люди
не в силах оценить прекрасных этих качеств.
Из Сирии пришли дурные вести.
И хеттов племена идут на юг, захватывая земли.
Итакама назвал себя царем Кадеша¹,
он истребил всех жителей покорных Тунипа².
Риббади,— верный нам царь Библа —
послал за помощью своих сынов в Египет,
чтоб мы прислали войско для усиления Симиры³ —
едва она падет, не устоит и Библ.

¹ К а д е ш — древний город на территории современной Сирии

² Т у н и п — древний город в средней части современной Сирии.

³ С и м и р а — город на побережье Средиземного моря к северо-востоку от Библа

Риббади будет драться насмерть,
но просит помощи, и чем скорей, тем лучше.
Пустынное отродье — хабиры —
опустошают города и веси.

ЭХНАТОН

Как много зла в сердцах людей!

(С тоской.)

Когда же люди
научатся любить друг друга
и в мире жить?

ХОРЕМХЕБ

Позволь послать туда
хотя бы два отряда?

ЭХНАТОН

Нет.

ХОРЕМХЕБ

Но как их защитить от беззаконья?
Египет жив
законностью и правом!

ЭХНАТОН

Отныне пусть живет он милосердьем!
Пушай туда идут
послы, а не войска!

ХОРЕМХЕБ

Мы сделаем Египет, государь мой,
посмешищем для покоренных стран!

ЭХНАТОН

Но на насилие насилием ответив,
мы только большее насилие породим.

ХОРЕМХЕБ

Так, значит, мертвые не будут отмщены?

ЭХНАТОН

Прекрасна смерть
за родину свою.

ХОРЕМХЕБ

Мои друзья убиты!

ЭХНАТОН

Неужели
отмщение вернет их к жизни?

ХОРЕМХЕБ

Нет, но...

ЭХНАТОН

Учись, мой Хоремхеб, прощать врагов.

ХОРЕМХЕБ

Египет — мощный, славный, справедливый,
сегодня верных предаст своих!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(*тихо, к Хоремхебу*)

Египет видеть
униженным и посрамленным ..

ЭХНАТОН

Весь мир взирает на Египет славный
и станет следовать его примеру.

ХОРЕМХЕБ

Весь мир увидит, что Египет слаб!
(*Отворачивается.*)

Входят Эйе, Нефертити и Незземут, а также нубиец-слуга

ЭЙЕ

Великий Царь, к нам весть из Но Амона.
Там беспорядки: дерзкие смутьяны
разрушили святилище Атона —
они на улицах кричат Амона имя.
Его жрецы их к бунту подстрекали.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(*шагнув вперед*)

Неправда.

ЭЙЕ

Мериптах? Ты, право же, безумен,
коли посмел явиться во дворец!

ЭХНАТОН

(гневно)

Амон! Амоновы жрецы!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Они тут ни при чем.

ХОРЕМХЕБ

Мой государь! Верховный жрец
просил меня все объяснить тебе:
он знал, что на жрецов ты ополчишься.

ЭЙЕ

Всю эту смуту сеяли жрецы,—
я точно знаю.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Это все — неправда.

ЭХНАТОН

(неистово)

Я слишком долго все это терпел —
как милосердный мой отец, Атон.
Амона власть — проклятие Египта.
Амон благословил кровопролитье,
поработив безвинные народы.
Нет, это зелье
надо вырвать с корнем!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Казни меня, владыка, если хочешь...

ЭХНАТОН

Я крови не хочу, как вам известно.

(Громко.)

Пошлите за писцом,
пусть он мои слова запишет.

Слуга выбегает из комнаты.

ЭЙЕ
(обеспокоенно)

Мой господин, что ты желаешь сделать?
Не стоит принимать решение поспешно.

ЭХНАТОН
Я все решил. Я знаю, что нам делать.

НЕЗЗЕМУТ
(Верховному жрецу)
Опасный ход!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
Но он ведет к успеху.

НЕФЕРТИТИ
(Эхнатону)
Одумайся, мой государь, —
ты вне себя от гнева.

ЭХНАТОН
По всей стране распространилось зло —
я вырву корень —
злую власть Амона!
Верховный жрец и Незземут переглядываются.

ХОРЕМХЕБ
Мой государь, не соверши ошибки.
Ведь испокон веков Амона чтят,
для многих тысяч эта вера — благо!

ЭХНАТОН
Амон есть зло. А зло должно исчезнуть!

НЕФЕРТИТИ
Не делай ничего во гневе, государь!
Входит писец.

ЭХНАТОН
Слушайте мои слова,
слова Владыки Верхнего и Нижнего Египта,
живущего Правдой.

Пауза Писец записывает.

Вот моя воля:
отныне поклоненье Амону повсеместно запрещено,
имя же его
должно быть стерто со всякой надписи.

ХОРЕМХЕБ

Мой государь...

ЭХНАТОН
(повышая голос)

И мой приказ для всех, кто служит мне —
войти в гробницы и стереть Амона имя.

ХОРЕМХЕБ
(с ужасом)

Но имя твоего отца!

ЭХНАТОН

Оно — не исключенье
и будет стерто вместе с остальными!

ЭЙЕ

Но это святотатство!

Слышен ропот

ЭХНАТОН
(писцу)

Ступай. Пусть мой указ
известен станет каждому в Египте.

Писец поспешно выходит Мериптах, напустив на себя удрученный
вид, выходит следом Незземут, отступив назад, наблюдает

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, нельзя так поступать!
Ты этим всех настроишь против нас,
последствия окажутся ужасны

ЭХНАТОН
(в ярости)

Амона имя стерто быть должно
из памяти Египта!

ЭЙЕ

Нет мудрости в таком решении.
Ты разрушаешь то, что создал.
Уничтожение надписей в гробницах. .

(Качает головой.)

НЕФЕРТИТИ

Отцово имя! Эхнатон, нельзя так!

ЭЙЕ

Послушай, сын мой, государь мой
Своим указом ты сердца людей
лишь отвращаешь от Атона.
С тем большим рвением теперь
они к Амону повернутся.
А святотатство с именем отца...

(Качает головой.)

Одним богам
известно, чем закончится все это.

ЭХНАТОН

Слова, слова — одни слова пустые.
В Египте есть единственное зло —

(Его губы дрожат.)

всесилие жрецов Амона.

Я знаю — как никто другой —
в его тени я вырос.

Война! Теперь — война, мой Хоремхеб,
воистину — вот разразилась битва
меж Тьмой и Светом, Истиной и Ложью,
Живым и Мертвым. Мертвой темной сетью —
жрецы Амона оплели Египет.

Но я спасу страну от темных сил
и приведу мою державу к свету,
предвечного вечно живого Бога.

Отныне между мною и жрецами
война — и да восторжествует Свет!

(Вздымает руки и падает на ложе.)

ХОРЕМХЕБ

Египет! Что с тобою будет? Мой Египет...

З а н а в е с

Действие третье

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Царская беседка в городе Небосклона, три года спустя. Эхнатон лежит на ложе, он очень изменился, выглядит больным, его глаза блуждают. Рядом Писец, он готов записать слова фараона. Кроме него, в беседке Нефертити и Тутанхатон.

ЭХНАТОН

Пиши.

Пауза.

Благословенное дыхание,
исходящее из уст Атона...
Благословенное дыхание...
Я вдыхаю его, оно во мне...
(Вдыхает.)

Как горячо оно!

НЕФЕРТИТИ

То дует раскаленный южный ветер.

ЭХНАТОН

(бессильно)

Ветер смерти —
он обжигает и слепит —
он отнимает жизнь.

НЕФЕРТИТИ

Он переменится, и вскоре
дыханье севера прохладу принесет.
(Гладит рукой его лоб.)

ЭХНАТОН

(повторяя, словно ребенок)

Дыханье — севера прохладу —
(Берет ее за руки.)
прохладу рук твоих прекрасных.
(Писцу.)

Пиши.

(Приподнимается на локте, с внезапной яростью в голосе.)

О мой отец Атон,
я твой желаю слышать голос —
твой голос, и прохладное дыханье,
что наполняет жизнью плоть мою,
твой голос и твою любовь,
что жизнью наполняет
плоть мою.

(Всхлипывает.)

НЕФЕРТИТИ

Мой господин, скажи мне, что с тобою?

ЭХНАТОН

Они оставили меня —
слова моих видений.
Ослаб я телом.

НЕФЕРТИТИ

Жара пройдет —
к тебе вернуться силы.

ЭХНАТОН

Ах, эти руки!
(Играет с ее руками.)

Я хочу
их снова вылепить из глины
и снова расписать
нежнейшими оттенками всех красок!
Но не сейчас — сейчас я так устал...

НЕФЕРТИТИ

Ты отдохни.

ЭХНАТОН

Я так устал, что даже
мои видения оставили меня...
(Гладит ее руки.)

Любимые,
прекраснейшие руки...
(Вдохновенно.)

Дай твои руки, о Атон,
державшие твой дух,
дабы я мог его узнать
и жить им...

Нефертити отдергивает руки. Входит Хоремхеб и останавливается

Твой дух, чтобы я мог им жить...

НЕФЕРТИТИ

Ты хочешь с государем говорить,
почтенный Хоремхеб?

ХОРЕМХЕБ

О новостях из Сирии, царица!

НЕФЕРТИТИ

О нет! Царь утомлен Великою Жарой.
Его теперь нельзя тревожить.

ХОРЕМХЕБ

Уже семь дней подряд
гонцам так отвечают,
скакавшим день и ночь,
без усталости, поскольку промедление
подобно смерти, — здесь им отвечают:
«Царь спит», «Царь плавает на лодке»,
«Царь молится»... Не стоит ли сказать
им раз и навсегда, что у царя
для подданных нет времени?

ЭХНАТОН

(очнувшись)

Так это ты, мой верный Хоремхеб?

ХОРЕМХЕБ

Да, я, мой государь,
со срочным делом.
Но, может быть, я этим песнь прервал —
прекраснейшую песнь
о красоте Царицы?

НЕФЕРТИТИ
(горько)

Увы, не обо мне.

ЭХНАТОН

Гимн моему отцу Атону.
Он будет вырезан на плитах
моей гробницы.

ТУТАНХАТОН

Мой тесть и государь, ты говоришь
так, будто скоро нас покинешь!

ЭХНАТОН

Готовым к смерти надо быть всегда —
как наши предки были к ней готовы.
Вот Хoremхeб свою гробницу
построил много лет назад,
моя уже меня готова принять,
и скоро мастера начнут твою гробницу.
Но к смерти должно подготовить нам
не только усыпальницу, но душу.

ХОРЕМХЕБ

Я бы сперва поговорил о теле,
вернее — о телах,
коль государь позволит
от мыслей о душе его отвлечь.

ЭХНАТОН

Что ж, говори.

ХОРЕМХЕБ

(разворачивает свиток папируса и читает)

От правителя твоего города Тунипа,
что в землях Митанни.
Жители Тунипа твои слуги,
да будешь ты здравствовать вечно.
Припадаем к стопам твоим, говоря:
кто бы мог разорять Тунип в прежние времена
и не быть разоренным воинами Великого царя Тутмоса?
Разве боги Египта не живут в Тунипе?

Пусть царь спросит стариков, —
а ныне мы остались без защиты
Великого Царя Египта.
Если не придут его воины и колесницы,
Азиру Аморийский¹ сделает с нами то же,
что раньше сделали воины фараона.
Он будет делать что пожелает
на землях, принадлежащих нашему государю,
царю Египта. Тунип, твой город, плачет,
но он бессилен и слезы его бесполезны.
Много раз мы посылали к нашему государю, царю Египта,
в ответ не слышали ни единого слова.

Долгая пауза.

ЭХНАТОН

Мой бедный город!

ХОРЕМХЕБ

Они по-прежнему верны нам.
Они надеются и верят,
что мы их защитим и не дадим погибнуть.

ЭХНАТОН

Какое тяжкое несую бремя!

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, еще не поздно.
Нам верны, как прежде, Библ и Симира,
в их гаванях мы высадим войска,
чтоб до Тунипа шли они по суше.
Душратта, царь Митанни, тоже с нами.
Пусть Итакама, царь Кадеша,
успел от нас переметнуться к хеттам,
его нетрудно будет одолеть,
чтоб легче было говорить с Азиру.

¹ А м о р и т ы (амореи) — семитические племена, выходцы из Аравии, в XXIV—XVI веках до н.э. расселившиеся по Сирийской степи, около 1894 года до н.э. захватившие Вавилон и основавшие свое царство, а впоследствии смешавшиеся с местным населением Двуречья, Сирии и Палестины.

ЭХНАТОН

Когда ты наконец поймешь,
что силой мира не добиться?

ХОРЕМХЕБ

Риббади пишет, что Симира
как птица в клетке.

Пауза.

Мой государь, Риббади — это друг мой,
он человек прямой и честный, верный,
таких — один на тысячу. Неужто,
мой государь, ты обречешь
его и сыновей его на смерть?

ЭХНАТОН

Не понимаешь сам, о чем ты просишь...
Вернуться к старому — к насилию и смерти...
Нет, этого быть не должно...

ХОРЕМХЕБ

Но Аскалон, Гезер, Лашиш¹
уже не подчиняются Египту.
Послушай, что слуга твой верный пишет.
Абдихиба.

(Читает.)

Все царские земли скоро будут потеряны.
Смотри, земля Сеир, вплоть до горы Кармель,
враждой исполнилась,
и погибли князья ее.
Пусть государь позаботится о своих землях
и пришлет свое войско.
Если в этом году не придет к нам подмога,
все земли государя моего будут утрачены.

Пауза.

И вот что пишет этот славный воин
в конце письма:

¹ Города-крепости в Древней Палестине.

«Если же в этом году к нам не придет подмога,
пришли, мой государь, за мной и братьями моими,
чтоб мы могли умереть подле нашего государя».

ЭХНАТОН

Пиши, писец.
Пиши мои слова к Азиру, моему слуге.
Слышал я о тебе дурные слова,
что ты угнетаешь и разоряешь моих верных слуг
и мои города. Поэтому я приказываю тебе сей же час
прибыть в город Небосклона и ответить
передо мной за все беззакония,
в которых тебя обвиняют.
Ты обещал возлюбить Атона,
а вместе с ним — мир и добродетель.
Прибуди немедленно и подтверди свою клятву.

ХОРЕМХЕБ

Напрасно! Он тебе ответит
известной лестью, лживыми словами,
что он Египту-де, как прежде, верен,
что принял веру Солнечного Диска,
тем временем все наши города падут
и верные нам будут перебиты.

НЕФЕРТИТИ

(гневно)

Я вижу, ты забылся, Хоремхеб!
Так говорить с Властителем Египта,
сыном Ра, живущим Правдой!

ЭХНАТОН

Нет, не вини его — его устами
одна любовь к друзьям и горечь говорит.

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, молю тебя, во имя
остатков той любви, что ты ко мне питал,
пошли войска и заступись за верных!

ЭХНАТОН

Послушай, Хоремхеб.
Ведь если эти люди

сѡшли с ума,
друг друга убивают, грабят
им это позволительно, они
не знают лучшей жизни.
Но если это все — насилие, грабежи —
произойдет по моему приказу,
то этого понять не смогут люди.
По моему приказу кровь не может литься —
так заповедал мой Отец, Атон.
Скорее лебедь станет черным, ворон — белым,
холмы — долинами, пески — морями,
чем я его нарушу волю.

Хоремхеб со стоном отворачивается.

(Хоремхебу.)

Пойми меня, возлюбленный мой друг!

Хоремхеб отворачивается

ХОРЕМХЕБ

Я не могу

ЭХНАТОН

(со вздохом, писцу)

Ступай. Пускай мои приказы
известны станут всем.

(К Тутанхатону и Нефертити.)

Пойдем. Становится свежо.

(Выходит, за ним Нефертити и Тутанхатон.)

Незземут видит убитого горем Хоремхеба.

НЕЗЗЕМУТ

(ядовито)

Ну, понял ты,
что фараон безумен?

ХОРЕМХЕБ

(испуганно)

Безумен?

НЕЗЗЕМУТ

От глубокой веры в бога
с ума иные сходят. В этом деле

порядок нужен, правила и мера —
как было прежде у жрецов Амона.

ХОРЕМХЕБ

Я этого не вынесу!

НЕЗЗЕМУТ

А будет хуже.

(Пристально смотрит на Хoremхеба.)

Безумье это
быстро нарастает...

ХОРЕМХЕБ

Как? Государь? Мой господин возлюбленный —
безумен?

НЕЗЗЕМУТ

(нетерпеливо)

Как странно, что никто не замечает
его безумия. А мне давно все ясно.

ХОРЕМХЕБ

(наконец осознав смысл ее слов)

Тебе, о Царственная Госпожа?

НЕЗЗЕМУТ

Не веришь? Ты считаешь, в женском сердце,
пустом и легковесном, места нет
любви к Отечеству? А я горжусь Египтом
и не хочу, чтоб он посмешищем служил
для варварских народов и племен.

ХОРЕМХЕБ

(вздрагивает)

Позволить издеваться над собой
сирийцам, хеттам и нубийцам!
Прошу тебя...

НЕЗЗЕМУТ

Ты воин,
а воин должен не бояться правды.

Какой дорогою идет Египет
последние пятнадцать лет?

ХОРЕМХЕБ

Да, это правда...

НЕЗЗЕМУТ

Я люблю Египет.
Он потерял величие, но сможет
великим снова стать — еще не поздно.

ХОРЕМХЕБ

Но скоро станет поздно.

НЕЗЗЕМУТ

Слишком поздно. Скоро...
(Многозначительно.)
Если мы вовремя не примем меры.

ХОРЕМХЕБ

Что тут поделаться, если господин мой,
Амон его спаси — сошел с ума?

НЕЗЗЕМУТ

Ты это понял?

ХОРЕМХЕБ

Да.

НЕЗЗЕМУТ

Один лишь человек спасти Египет может —
ты, Хоремхеб.

ХОРЕМХЕБ

Я?

НЕЗЗЕМУТ

Ты прославлен, ты любим народом,
тебя боготворит и чернь и войско.
С тобою разум, мужество и власть,
тебе достанет сил спасти Египет.
Ведь больше нет у трона никого!

ХОРЕМХЕБ

Одни танцоры, упаси Амон!
Художники и музыканты!
Мир грез и неги,
чуждый жизни настоящей!

НЕЗЗЕМУТ

Один лишь ты от жизни не уходишь!

ХОРЕМХЕБ

(просто, без тени тщеславия или гордости)

Мне тоже так казалось иногда.

НЕЗЗЕМУТ

Признайся: все, что происходит,
как сон дурной и хочется проснуться?

ХОРЕМХЕБ

Да.

НЕЗЗЕМУТ

Так действуй же, Амоном заклинаю!

ХОРЕМХЕБ

О чем ты, госпожа?

НЕЗЗЕМУТ

Ведь ты солдат,
привыкший действовать без промедленья.
Ведь ты не будешь, голову склонив,
отчаянно бессильно предаваться?

ХОРЕМХЕБ

Ты укажи мне путь прямой — и я пойду.
До этих пор я словно связан.

НЕЗЗЕМУТ

Страна — во власти одного безумца,
хоть и любимого — как мной, так и тобой!

ХОРЕМХЕБ

Но государство
не может быть игрушкой одного!
(*Меряет шагами беседку.*)

НЕЗЗЕМУТ

(*понижив голос и озираясь*)

Есть вести для тебя.

ХОРЕМХЕБ

Как? Для меня?

НЕЗЗЕМУТ

От Мериптаха,
Верховного жреца Амона.

ХОРЕМХЕБ

Что ему нужно?

НЕЗЗЕМУТ

Он просил тебя припомнить
слова, что были сказаны когда-то —
спросить себя: что для тебя важнее —
держава или царь?

ХОРЕМХЕБ

Они — одно.

НЕЗЗЕМУТ

Нет, не всегда.
А что важней сегодня?

Входит Эхнатон.

ЭХНАТОН

Оставь нас, Незземут.
Я говорить желаю
с Хоремхебом.

Незземут выходит. Эхнатон подходит к Хоремхебу.

(*Нежно.*)

Мой лучший друг, мой самый верный друг!

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, любимый господин мой!

ЭХНАТОН

О сердце верное!
Хоть ты меня не понимаешь,
любовь твоя не может измениться.

ХОРЕМХЕБ

Не может...

ЭХНАТОН

(с огромным воодушевлением)

Но теперь
понять меня ты должен!
Найду слова, чтоб объяснить тебе...
Любовь, и Красота, и Мир, и Правда —
все это вечно и куда важнее
рождения, и смерти, и страданий,
что мучают тела людей.

ХОРЕМХЕБ

Страдания, Рождение и Смерть —
все это — человеческая жизнь,
все остальное же — слова.

ЭХНАТОН

(вздыхая)

Ты тот же, что тогда — давным-давно,
у стен отцовского дворца.
Не стали ближе мы в понятиях и мыслях.
Но отчего тогда друг друга любим мы?

ХОРЕМХЕБ

Быть может,
чтоб друг друга мучить.

ЭХНАТОН

Я был так юн, надежд исполнен.
Жизнь мне простой казалась, ясным — путь.
Я дать хотел стране любовь и мир.

Но вижу: их Египет не желает,
представь, что и мои ученики,
мои друзья, здесь, во дворце...
Ты знаешь,
они — они задумали воздвигнуть
огромнейшую статую Атона,
похожую на идолов былых,
Хатор и Птаха,
на эти чучела —
на этого

(С ненавистью.)

Амона! Вот и все,
что им понятно о моем отце, Атоне,
Живущем Свете, им бы только
воздвигнуть в храме статую из камня.
И это — мои дети,
которых вел я к мудрости и свету,
не слышат ничего, не видят,
не понимают, нет, не понимают.
Никто из них — и даже Нефертити, —
никто из них не понимает,
кроме меня?

(Мягко.)

И это значит —
быть сыном Бога?

(Замирает, воздевает руки.)

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, мой господин любимый,
ты нездоров, я вижу, ты устал.

ЭХНАТОН

(задиристо)

Я нездоров? О да, я нездоров!
Да, я устал — от непосильной ноши!

ХОРЕМХЕБ

Ты должен отдохнуть. Нельзя ли сделать так,
чтоб ты, живя в своей прекраснейшей столице,
доверил бы другим дела страны?

ЭХНАТОН

Как это можно?

ХОРЕМХЕБ

Ты наследника объявишь
и сопровителем его провозгласишь —
так прежде делали.

ЭХНАТОН

Наследника ведь нет —
меня не сменит сын.
За что, Атон,
ты не дал сына мне?

ХОРЕМХЕБ

С тобою вместе сможет править
муж дочери — таков обычай.
Тутанхатон, мне кажется, сумеет
страною править. Пусть скорей он станет
супругом дочери твоей, Анхепатон.

ЭХНАТОН

Муж старшей дочери, Сменхара,
быть должен первым. Он Атону верен,
виденья светлые его не оставляют.

ХОРЕМХЕБ

Он хрупок телом и здоровьем слаб,
зато Тутанхатон силен и молод.

ЭХНАТОН

Как может мальчик
управлять Египтом?

ХОРЕМХЕБ

Я мог бы стать советником его ..

ЭХНАТОН

(медленно)

Не будет этого. Я не могу отдать
другому свою ношу. До конца
ее нести придется самому.

Входит Нефертити

НЕФЕРТИТИ

Ты до сих пор еще не отдыхал?
Ну сколько можно говорить еще
о государственных делах?

(Гневно, Хоремхебу.)

А ты, почтенный, — разве ты не видишь,
Царь нездоров, нельзя его тревожить?

ХОРЕМХЕБ

Я это вижу.

ЭХНАТОН

(взбешенный, заикаясь)

Но что-то... что-то... нужно сделать срочно!

НЕФЕРТИТИ

Но не сейчас.

ЭХНАТОН

Да, изваяние Атона!
Неужто все — слепцы? Упрямые невежды?

НЕФЕРТИТИ

Не стоит беспокоиться об этом —
ты ведь сказал им:
статуи не будет!

ЭХНАТОН

Но почему они не видят сами,
не понимают...

(Внезапно замолкает и пристально смотрит на Нефертити.)

Ты-то — понимаешь?

НЕФЕРТИТИ

Что я должна понять?

ЭХНАТОН

Что невозможно —
не может быть изображения Бога?

НЕФЕРТИТИ
(немного неуверенно)

Ну, если ты не хочешь — то не надо...

ЭХНАТОН

Я не о том. Я просто знать хочу,
я должен знать — мне это очень важно.

НЕФЕРТИТИ

Скажи мне, что ты хочешь знать.

ЭХНАТОН

Ты бы смогла себе вообразить,
что кто-нибудь сумеет изготовить
изображение Бога?

НЕФЕРТИТИ

Вероятно,
оно должно быть чудом красоты.

(Задумчиво.)

Пожалуй, никому из мастеров твоих -
такое будет не под силу.

ЭХНАТОН
(со стоном отворачивается)

Один — один — совсем один. Ты тоже...

НЕФЕРТИТИ

Да, тоже.
Один ведь сын Атона.

ЭХНАТОН

Но это ясно — и это очень просто.
И все-таки они не понимают!

*(Мечется по беседке, затем внезапно поднимает глаза
к небу)*

Когда-то в прошлом
Амона звали государем
среди богов, а разве он им был?

НЕФЕРТИТИ

Да, был, но только это миновало.
Теперь ему уже никто не служит.

ЭХНАТОН

Нет, нет. Ах да, теперь я понимаю,
что нужно сделать.

(Молчит, уставясь в пространство широко открытыми глазами.)

НЕФЕРТИТИ

Мой государь любимый, что с тобой?

ЭХНАТОН

(поднимая голову и воздев руки)

Зачем, зачем меня оставил ты, Отец?
Что не одушевляешь ты меня своим дыханием?
Я одинок... один...

(Делает несколько шагов, потом, пошатнувшись, едва не падает.)

Нефертити и Хoremхeб успевают подхватить его и подвести к ложу.

НЕФЕРТИТИ

Царь заболел. Пошлите за врачами.

ЭХНАТОН

Не надо, это не опасно.

(Садится.)

Теперь я понимаю.
Я должен сделать больше, больше. Нефертити...

НЕФЕРТИТИ

Да, господин мой?

ЭХНАТОН

Слушай, Нефертити.
Атон — не царь богов, а будь он им,
его изобразить нетрудно было б.
Атон не царь богов хотя бы потому,
что нет других богов — лишь он один.

Вот почему и надобно покончить
со всеми идолами остальными.
Да, наконец я понял, в чем ошибка:
я прежде думал об одном Амоне
и о его жестокой власти. Нет,
должны уйти все остальные боги,
и лишь тогда, прозрев, поймут все люди,
что значит Бог, в чем сущность Бога...

(Закрывает глаза, потом открывает, отрывисто.)

Мой Хоремхеб, ты должен проследить,
чтобы мои приказы выполнялись.
Во всем Египте имена богов —
Хатор и Птах, Осирис и Исида¹,
Сехмет, Анубис² — надлежит стереть
и уничтожить!

ХОРЕМХЕБ

Это невозможно,
мой государь, — ведь люди не потерпят...

НЕФЕРТИТИ

Нет, Эхнатон, нельзя! Хатор-богиню
так любят женщины и хлебопашцы,
бог Осирис утешает бедных,
когда уходят те, кого они любили.

ЭХНАТОН

Пусть они сгинут — все до одного!

НЕФЕРТИТИ

Нет, нет, не надо лишать людей
того, что им несет покой и утешенье.

ЭХНАТОН

Все это — ложь. А ложь должна исчезнуть
для торжества Живой и Вечной Правды.

¹ И с и д а — в древнеегипетской мифологии супруга и сестра Осириса, богиня плодородия, олицетворение супружеской верности и материнства; изображалась в виде женщины с головой и рогами коровы.

² А н у б и с — бог — покровитель мертвых, некрополей, погребальных обрядов и бальзамирования, изображавшийся в облике шакала или человека с головой шакала

НЕФЕРТИТИ

Не каждый сможет Правдой жить, как ты.

ХОРЕМХЕБ

Мой государь, твой шаг не слишком мудр.

ЭХНАТОН

Они должны уйти — должны уйти...

(Вскакивает словно в горячке.)

Должно уйти все то, что затмевает
путь человеку к Правде — к Правде Бога!

НЕФЕРТИТИ

Тогда и я должна уйти? Уйду!
Вели стереть мое повсюду имя —
как стерли имя твоего отца!

(Кричит.)

Я отрекаюсь от Атона!
Ты слышишь? Отрекаюсь от него!

Эхнатон падает. Нефертити бросается к нему.

Эхнатон, Эхнатон...

ХОРЕМХЕБ

Да, Незземут права —
наш государь безумен.

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Улица в Фивах, шесть месяцев спустя. На углу стоят двое мужчин,
закутанных в плащи. Хоремхеб и Верховный жрец прижались к стене.
Входят две женщины.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Не торопись, я так устала.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Держись, недалеко уже.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Прямо тут и умру, на улице.
Сын-то мой уже отошел к Осирису.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Т-сс, теперь нельзя упоминать Осириса

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Осирис милостив, он заботился о наших мертвых. Что-то с ними будет, если Осирису нельзя уже их защищать?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Боги оставили Египет. Они прогневались

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

А кто этот новый бог? Что он нам сделал хорошего?

Оступается, один из мужчин подбегает и подхватывает ее

МУЖЧИНА

Держись, матушка.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Она с голоду падает.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Они забрали все, что было — и бобы, и лук...

МУЖЧИНА

Не стало больше закона!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА

Тс-с, будь острожен. Мой сын пожаловался, а сборщики налогов ударили по голове его. С тех пор он такой странный — прямо как малое дитя.

Мужчина качает головой Женщины продолжают путь

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

(уходя)

Осирис — Осирис добрый, милосердный...

Подходит Второй мужчина

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Несчастливая старуха.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

Такие мрут как мухи. Боги гневаются на Египет.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

В этом году одни несчастья.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

Сначала саранча...

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

А потом водопад с небес. Последний раз такое было лет пятьдесят назад.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

Это потому, что храмы закрыли.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Все говорят, скоро — конец света.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

Ничего удивительного. Станно даже подумать, что мы когда-то были счастливы и богаты. Мое вино — кто его не знал!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Помню, помню. Да, те времена уж не вернутся.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

А помнишь, как по городу Амона носили?

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Торжественная процессия...

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

С пением...

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Амон — защитник бедных.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

А теперь нельзя даже его имени помянуть.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Царь, говорят, велел сбить имя своего отца с его гробницы.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА
(покачивая головой)

Человек, который на такое способен, он способен на все!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Не человек, а царь.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА

Царь он или нет,— но будь он проклят Амоном!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Молчи!

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА
(с вызовом)

А чего бояться? Хуже уже не будет. Он нас сам довел до этого. Все эти красивые слова воззвания о любви и мире...
(Уходят вместе.)

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
(Хоремхебу)

Ты слышал, сын мой?

ХОРЕМХЕБ

Да. Услышал я достаточно.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Кругом, по всей земле
руины, нищета и бедность,
и люди горем сломлены. А вспомни,
каким Египет был
пятнадцать лет назад!

ХОРЕМХЕБ

Не надо, не напоминай!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Еще два города сирийских пали,
защитники их преданы мечу.

ХОРЕМХЕБ

Я знаю. Окаянные хабиры
опустошают снова наши земли
всех истребляя на своем пути

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Египет низко пал.

ХОРЕМХЕБ

Какой позор!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Что войско?

ХОРЕМХЕБ

Рвется в бой —
на выручку товарищам за море.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Еще не поздно.

ХОРЕМХЕБ

Нет! Клянусь Амоном,
Дай мне два года, можно даже меньше —
Египет возвеличится опять
и сможет гордо голову поднять!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Идем.

З а н а в е с

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Тот же день. Комната в доме Верховного жреца в Но Амоне. Верховный жрец, Незземут, Тутанхатон и Хоремхеб сидят вокруг стола. Хоремхеб мрачен и погружен в свои мысли.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Мы, в основном, достигли соглашения?

НЕЗЗЕМУТ

Да.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Итак, во имя блага и спасенья
Египетской державы решено,
что фараон Аменхотеп Четвертый,
себя нарекший Эхнатомом,
оставить должен трон. Подобное решение
подсказано не жадной мятежа,
но беспокойством за судьбу Египта.

НЕЗЗЕМУТ и ТУТАНХАТОН
(хором)

Да.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(Тутанхатону)

Мой господин, тебе мы предлагаем
корону Верхнего и Нижнего Египта, —
она тебе достанется по праву
супруга царственной Анхептатон.
Готов ли ты поклясться в том, что будешь
всегда заботиться о благе государства?

ТУТАНХАТОН

Клянусь.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Еще — когда твоей корона станет,
клянешься ли восстановить
в Египте почитание Амона
и всех богов, а также храмы их?

ТУТАНХАТОН

Клянусь восстановить
в Египте почитание Амона.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

И в том, что в нужный час готов ты отказаться
от имени Тутанхатона
дабы принять угодное богам —
Тутанхамон?

ТУТАНХАТОН

Клянусь.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Тогда я, Мериптах,
Верховный жрец Амона,
именем его клянусь,
что все жрецы Амона
тебя поддержат на пути к престолу.
Мы обещаем из сокровищ храма
украсить хорошо твою гробницу,
да будешь ты Царем Великим,
да прирастет могущество твое!

ТУТАНХАТОН

*(польщенный и по-детски взволнованный, склоняет голову;
к Незземут)*

Тебе же, Царственная Госпожа
дарую титул я
Верховной жрицы,
Божественнейшей соправительницы Солнца —
так звали прежнюю царицу, Ти,
и это наивысший титул,
который может даровать Амон,
а с ним — сокровища,
что полагаются на долю
Верховной жрицы.

Незземут склоняет голову.

Все дело за тобой, почтенный Хоремхеб.
Мы без тебя не сможем ничего
Ты — с нами?

Хоремхеб молчит.

Мой господин, — судьба Египта на кону!

ТУТАНХАТОН

Мой господин, не подведи меня.
Я без тебя не сделаю и шагу!

ХОРЕМХЕБ
(медленно)

Я понял так, что царь
останется в Ахетатоне
и сохранит почет и уваженье?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Мы так решили.

ХОРЕМХЕБ
(встает, принимается рассказывать по комнате)
Другого нет пути?

НЕЗЗЕМУТ
Другого — нет.

ХОРЕМХЕБ
Он верит мне... он любит... доверяет...

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ
Симира пала,
уничтожен Библ...
Хранилища пусты — Египет нищий...
Нет в шахтах золота, нет иноземной дани —
скоро начнется голод...

Хоремхеб стонет

НЕЗЗЕМУТ
Иди сюда.
(Ведет его к окну и отодвигает занавеси.)

Снаружи слышен рев толпы.

ТОЛПА

Хоремхеб! Хоремхеб!

Хоремхеб отшатывается от окна Незземут задерживает занавеси.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Ты слышал ли Египта голос?
В тебя Египет верит, он взывает
к тебе. Что выберешь теперь — свой долг
любви и преданности Эхнатону —
или свой долг любви
перед своей страной?

ХОРЕМХЕБ

(вскинув голову)

Я выбираю долг перед страной.
(Стремительно выходит.)

Верховный жрец и Незземут облегченно вздыхают.

НЕЗЗЕМУТ

Я так боялась: вдруг он не захочет?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Но, к счастью,
все закончилось прекрасно.

(Тутанхатону.)

Мой господин, советую тебе
пойти за господином Хоремхебом,
чтобы его утешить.

ТУТАНХАТОН

Я сейчас его найду.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Прощай, о мой государь.

Тутанхатон выходит Незземут и Верховный жрец смотрят друг на друга.

Ну наконец-то!

Ты, дочь моя, все сделала прекрасно.
Ты так честолюбива и умна.

НЕЗЗЕМУТ

Я жду награды.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Ждать уже недолго,
но торопить события не стоит.

НЕЗЗЕМУТ

Конечно нет.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(после паузы)

Мы будем откровенны?

НЕЗЗЕМУТ

Безусловно.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Надеюсь, понимает госпожа,
что этот мальчик — только ширма,
а править будет Хоремхеб?

НЕЗЗЕМУТ

Но этого
мне мало.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(многозначительно)

Но через год-другой случиться может так,
что мальчик занеможет и умрет.
Почти уверен — так оно и будет.

НЕЗЗЕМУТ

Два года?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Нельзя спешить, ведь Хоремхеб
сам должен дорасти до этой мысли.

Он ни за что не согласится
сменить на троне Эхнатона,
но, если этот мальчик захворает,

Пауза.

мы можем так устроить, что народ
захочет видеть Хoremхеба
царем, и статуя Амона
ему поклонится во время празднеств.
Исполнит волю он народа и богов.
А чтобы подтвердить свои права, ему придется
взять в жены деву царской крови,
Божественную соправительницу Солнца.

НЕЗЗЕМУТ

Ах!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Вот обязательства мои.

(Многозначительно.)

Теперь — твоя работа.
Покуда Хoremхеб пока еще привязан
к отступнику —
покуда Эхнатон живет,

Пауза

мы никогда не сможем
уверены быть в Хoremхебе.

НЕЗЗЕМУТ

Царь нездоров уже с тех пор, как Нефертити
оставила его, он все слабеет.
Коль он умрет внезапно — от припадка...
(Многозначительно улыбается.)

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Ты это обещаешь, госпожа?

НЕЗЗЕМУТ

Моя служанка Пара знает средство —
для этой смерти...

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Пусть Амон благословит благое начинанье!

(Торжествующе.)

Повсюду наши храмы возроятся
в былом блистанье и великолепии,
Амон Египтом снова будет править,
а ересь Эхнатона
сотрется прочь из памяти людей.

НЕЗЗЕМУТ

Но пусть не трогают мою сестру —
хоть Нефертити больше не царица,
но ведь она вернуться может к мужу!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Ей зла не причинят.

НЕЗЗЕМУТ

Она нам не страшна. Сестрица станет плакать
по Эхнатону, — но в дела державы
не сунется она — на это
не хватит ей ни духа, ни ума.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Как ты умна, о госпожа моя.

НЕЗЗЕМУТ

Я возвращаю похвалу — ты не глупее.
Скажи, ведь в этой смуте в Но Амоне
виновен только бедный Эхнатон
и неразумные его законы!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

(улыбаясь)

О да! У нас, жрецов, свои секреты.
Мы действуем подспудно, не спеша,
все, как один, — и в этом наша сила.

НЕЗЗЕМУТ

Не зря царица Тии вас боялась.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Нам повезло, что сын не перенял
ее привычки никому не верить.

НЕЗЗЕМУТ

А смог бы он
вас победить?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Когда б он отвечал
на хитрость — хитростью
и кознями — на козни.

(Качает головой.)

Но он избрал открытую войну.

(Презрительно.)

Глупец! Восстать против Амона,
и все, могущества его жрецов!

З а н а в е с

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в царском дворце, несколько недель спустя. Полдень давно миновал. Эхнатон полулежит в большом золотом кресле. Рядом на табурете сидит Нефертити. На подставке стоит скульптурная голова Нефертити. Входит Бек.

БЕК

Мой государь, я был у казначея,
я золота просил, чтоб закупить нам камня,
и он сказал: казна пуста.

ЭХНАТОН

Пуста? Как это может быть?

БЕК

Не поступает иноземной дани,
не шлют нам денег сборщики налогов,
закрыты золотые рудники.

ЭХНАТОН

Истрачено все золото Египта?

БЕК

Похоже, так.

ЭХНАТОН

Но ведь страна богата зерном и золотом ..
Где Хоремхеб?

БЕК

Пока что не вернулся.

ЭХНАТОН

(с тоской)

Я одинок!

НЕФЕРТИТИ

Ступай, наш добрый Бек, царь утомлен.

(Эхнатону.)

Я здесь, я рядом, я — с тобою.

Бек удаляется

ЭХНАТОН

Из Сирии нет ни вестей, ни дани.
Что там?

НЕФЕРТИТИ

Мой государь, не говори об этом.

ЭХНАТОН

О мой народ, несчастный мой народ.

(Нефертити)

Ты думала, я должен...

НЕФЕРТИТИ

Должен? Что?

ЭХНАТОН

Нет, ничего. Но где же Хоремхеб?

НЕФЕРТИТИ

Все крысы с корабля бегут, когда он тонет.

ЭХНАТОН

Нет, Хoremхeб — не крыса.

НЕФЕРТИТИ

Но почему тогда
он едет в Амон,
а не в свои провинции, на север?

ЭХНАТОН

(улыбаясь)

Меня ты разуверить не сумеешь!
Мой Хoremхeб всем сердцем предан мне.

НЕФЕРТИТИ

Возможно.

ЭХНАТОН

Как давно все это было:
его впервые я увидел во дворе
отцовского дворца — он был там с Мериптахом.
И за какой-то час я убедился,
что мы не предадим друг друга никогда.

НЕФЕРТИТИ

За что вы любите его? Кто он?
Простой вояка, грубый и жестокий,
не ведающий красоты, ни музыки, ни танца,
не понимающий твоих высоких мыслей,
не знающий возвышенных видений.

ЭХНАТОН

Любовь — всегда отчасти тайна.

НЕФЕРТИТИ

Для всех нас будет лучше
его не видеть.

ЭХНАТОН

Но почему?

НЕФЕРТИТИ

Боюсь его. Всегда его боялась.

ЭХНАТОН

Моя прекрасная, но глупая жена.

НЕФЕРТИТИ

Ты до сих пор меня такой считаешь?

ЭХНАТОН

Какой, красивой — или глупой?

НЕФЕРТИТИ

Наверное, и той — и той.
Я мудрой не была и раньше.

ЭХНАТОН

Вся твоя мудрость — в сердце нежном
и глубоком.
и красота не только в форме скул
или оттенке кожи...

НЕФЕРТИТИ

Нет, красота покинула меня
Я породила многих дочерей,
и мое тело потеряло стройность
и грацию, мое лицо в морщинах.

ЭХНАТОН

Но для меня ты — красота сама.
Единственная женщина — навеки!

НЕФЕРТИТИ

(с чувством)

Тогда позволь мне умереть сейчас,
пока не стала я старухой дряхлой
и взор твой радовать еще могу,
чтоб в памяти людей остаться
прекрасной, и любимой, и желанной.

ЭХНАТОН

Но ты такой останешься навек.
Там, на дворцовом барельефе,
и в храмах, что воздвиг я в честь твою.

НЕФЕРТИТИ

Дворцы из камня время сокрушает,
и храмы в запустение приходят.
Когда-нибудь забудется и облик,
и даже имя это — Нефертити.

Входит слуга

СЛУГА

Здесь господин военачальник Хоремхеб,
он прибыл и с царем желает говорить.

ЭХНАТОН

Зови его скорей сюда.

Слуга выходит.

Ну, разве я не говорил, что Хоремхеб — не крыса?

Нефертити пожимает плечами. Входит Хоремхеб, исполняя ритуал
приветствия, он суров и надменен

ЭХНАТОН

Входи, мой старый друг.
Я был обеспокоен
твоим отсутствием
столь долгий срок.
Так радостно тебя увидеть снова!

ХОРЕМХЕБ

Нерадостною будет речь моя.

ЭХНАТОН

Но что случилось?

ХОРЕМХЕБ

(с иронией)

Это, несомненно,
тебе, мой государь, неинтересно.

Риббади мертв — вернейший твой слуга!
Его владения отняты врагом,
земля разграблена, а брат и сыновья
убиты. Он погиб, не изменив
Царю Египта, что о нем забыл.

ЭХНАТОН

Нет, все не так...

ХОРЕМХЕБ

Его погибель — срам для всей державы.
Сегодня сквозь толпу иноплеменных
идет, понуря плечи, египтянин
и глаз поднять не смеет от стыда.
И в Сирии, и в землях Ханаана¹,
в Кадеше, в царстве Митанни —
повсюду недруги Египта торжествуют,
хабиры разоряют земли и верных наших предают мечу.
И на тебе, Великом Государе,
на милосердном, не пролившем крови,
отныне — кровь народа твоего
и тех несчастных, что тебе верны остались.

ЭХНАТОН

(со стоном)

Жестокость... Кроважая жестокость...

ХОРЕМХЕБ

Их кровью и я запятнан,
я, военачальник
Двух царств, — я ждал, помочь не в силах,
в то время как и союзники, друзья —
все гибли за Египет, проклиная
его в предсмертном хрипе. Ну а я —
я во дворце в то время жил,
я созерцал движения танцоров
и слушал музыку — и это мой позор.
Теперь же...

¹ Х а н а а н — древнее, доизраильское название Палестины, Сирии и Финикии, населенных в основном древнесемитскими племенами — ханаанеями

НЕФЕРТИТИ
(встревоженно)

Что теперь?

ХОРЕМХЕБ
(медленно)

Теперь, мой государь, дороги наши
расходятся В развалинах Египет,
его народ от горя обезумел,
ослеп, лишенный всех своих богов,
он мечется, как бессловесный зверь,
в силках судьбы и восхода не видит.
Могу ль и дальше я сидеть без дела?
Возможно, что потеряно не все,
еще порядок в наши земли возвратится,
еще вернется уважение к Египту.
Что можно сделать — то я должен сделать,
но нет, не прежде, чем с тобою объяснюсь.
А вот теперь — прощай, мой государь.

Пауза

Прости за все, что мне придется сделать

ЭХНАТОН
(с мукой в голосе)

Ты, Хоремхеб. Ты, в чьей любви
я никогда не сомневался?

ХОРЕМХЕБ

Я говорил тебе, мой государь:
никто не стоит полного доверья —
слаб человек и выбор его труден

ЭХНАТОН

Так что, твоя
любовь ко мне мертва?

ХОРЕМХЕБ
(холодно)

Нет, но отныне между нами
разграбленные города, и трупы,

и павшее величие Египта
Великий Царь! Ты только человек,
а для меня моя страна важнее!

ЭХНАТОН

Как взор твой сузился — одна страна!
А для меня весь мир куда важнее!
Моя любовь — не к одному Египту,
но к миру целому.

ХОРЕМХЕБ

Слова! Как много лет
я очарован был словами!
Но не слова дела важнее.

ЭХНАТОН

(снова с иронией)

Да, ты всегда был
человеком дела!

ХОРЕМХЕБ

(с достоинством)

Таким я создан. Мы всего лишь те,
чем созданы.

НЕФЕРТИТИ

Жрецы Амона без вознаграждения
тебя, конечно, не оставят.

ХОРЕМХЕБ

Разве в этом дело?

(Замешкавшись)

Прощай, мой господин!

ЭХНАТОН

Прощай!

Хоремхеб, помедлив, выходит

НЕФЕРТИТИ

И все же — крыса.

ЭХНАТОН

(бормочет себе под нос)

Хоремхеб. .

О Хоремхеб...

Уходят — все уходят...

НЕФЕРТИТИ

Мой господин, возлюбленный супруг!

ЭХНАТОН

*(отшатываясь от нее, встает и идет словно ошупью,
вытянув руки перед собой)*

Один, совсем один.

НЕФЕРТИТИ

(испуганно глядя на него)

Эхнатон!

Эхнатон!

(Воздев руки к небесам.)

Лишь мне известна твоя воля, о Отец мой.

Я был твоею волей. Что теперь я?

Когда заходишь ты, Атон, весь мир во тьме,
а темнота подобна смерти.

Спят люди, и их головы покрыты,

и не видят они один другого,

и похищается имущество их,

что лежало у них под изголовьем,

а они и не ведают.

Всякий лев выходит из своего логова.

(С горечью и мукой)

Все змеи жалят во тьме.

Мрак воцарился...

Пауза

И тишина настала...

(Падает на ложе)

Входит Эйе, он очень стар, его руки трясутся. Нефертити идет к нему.
Отойдя в сторонку, они шепчутся. Затем Нефертити опять подходит
к Эхнатону.

НЕФЕРТИТИ

(робко)

Мой господин?

Эхнатон не отвечает.

Мой господин...

(Смотрит на Эйе, потом опускается на колени рядом с мужем, касается его руки)

Любимый...

ЭХНАТОН

(словно просыпаясь)

Да?

НЕФЕРТИТИ

Муж нашей дочери, Тутанхатон,
он так и не вернулся
и все свое имущество забрал.

ЭХНАТОН

И где теперь он?

НЕФЕРТИТИ

В Но Амоне.

ЭХНАТОН

Он тоже! Этот мальчик,
которого мы так любили...

(К Эйе.)

Что еще?

ЭЙЕ

Мятеж там, государь. Жрецы Амона
открыто встали во главе восставших,
и ныне город им принадлежит.

ЭХНАТОН

Жрецы Амона...

(Долго молчит; к Эйе.)

Что сделал я, отец?
Чего не сделал?
Я причинял зло людям?
Грабил бедных?
Я справедливость отвергал?
А может, это преступление —
любить прекрасное,
желать для мира — мира?

(Эйе печально качает головой.)

Я свой народ любил, я так хотел,
чтоб жил он в мире, и любви, и счастье.
Они же норовят друг друга истреблять,
в жестоких грабежах опустошая землю.
Но почему, старик, скажи мне, почему?

ЭЙЕ

Не знаю почему... Не знаю...
Должно быть, это им велит их сердце,
в котором утнездилося зло...

(Выходит, качая головой.)

ЭХНАТОН

(бросаясь к Нефертити)

О Нефертити, это правда?
Все то, что Хоремхеб сказал?
Что эта кровь, страдания — на мне?
Я должен был послать войска, как он просил?
Я должен был? Я должен?

НЕФЕРТИТИ

Нет.

ЭХНАТОН

Вся эта кровь — на мне?

НЕФЕРТИТИ

(твердо)

Нет!

ЭХНАТОН

Ты это говоришь, чтобы утешить!

НЕФЕРТИТИ

Нет, потому, что знаю.
Прав Эйе — эти люди убивают
лишь потому, что так велит их сердце.
Но прежние надежные пути,
что знает Хоремхеб, — не для тебя,
Ты вслед за сердцем собственным идешь
дорогой новой, в новый мир и к новой жизни,
которая придет...

ЭХНАТОН

Она придет?

НЕФЕРТИТИ

Она придет. Конечно!

ЭХНАТОН

Атон живущий, я есмь Правда!
(Обращаясь к небесам.)

Я — тот, кто знает твое сердце.
(Его глаза закатываются, его шатает, истерически хохоча.)

Ты помнишь день,
когда мы основали этот город?
(Декламирует.)

Фараон, живущий Правдой, Эхнатон
и Великая царица Нефертити,
(Берет ее руки в свои.)

Владычица Двух царств, Живущая и Процветающая.
(С хохотом падает на ложе.)

Занавес опускается и подымается снова.
Вечер перед заходом солнца. Фараон сидит в золотом кресле и смотрит в пространство смутным, остекленным взором. Нефертити, понурившись, сидит рядом.
Входит Эйе, тревожно, с немим вопросом смотрит на Нефертити, та печально качает головой.

НЕФЕРТИТИ
(тихо)

Не ест, не пьет.
Боюсь его побеспокоить —
он странен стал и дик.

ЭЙЕ

Не стоит ли послать
за царскими врачами?

НЕФЕРТИТИ

Нет, бесполезно!
Что они сумеют сделать?
Он болен тут.

(Прижимает руку к голове.)

ЭЙЕ

Любовь Небесная, сиречь Атон,
да исцелишь ты сына своего!
(Идет к двери. Нефертити следует за ним.)

НЕФЕРТИТИ

Есть новости?

ЭЙЕ

Лишь слухи. Что в них толку?

НЕФЕРТИТИ

Но расскажи, о чем толкуют люди.

ЭЙЕ

Поднялся весь Египет — оба царства,
повсюду старые открылись храмы,
поверженные статуи вернулись.

НЕФЕРТИТИ

Ах, это! Что еще?

ЭЙЕ

Еще — большую статую Амона
несли по улицам столицы старой...

НЕФЕРТИТИ

Ну? Ну? И что?

ЭЙЕ

Обычный трюк жрецов.
Она остановилась
перед Тутанхатоном¹.

НЕФЕРТИТИ

Тутанхатоном?

ЭЙЕ

Да, жрецы Амона
решили возгласить его царем.

НЕФЕРТИТИ

В Египте царь — один,
и это — Эхнатон.

ЭЙЕ

Жрецы хотят, чтоб государь признал
мальчишку соправителем своим.

НЕФЕРТИТИ

Царь не допустит этого. Сегодня
признал он соправителем Сменхкару.

ЭЙЕ

Жрецы Сменхкару признавать не станут.
Известно им, он возлюбил Атона
и возродить Амона не позволит.

НЕФЕРТИТИ

И люди предпочтут желание жрецов
решенью фараона?

¹ Тутанхатон — муж младшей дочери Эхнатона и Нефертити, египетский фараон (1351—1342 до н.э.) из XVIII династии, при котором были отменены реформы Эхнатона. Царской чете пришлось переехать в Фивы, а самому Тутанхатону изменить имя на Тутанхамон. В раскопанной в 1922 году гробнице Тутанхамона в Долине царей, по счастливой случайности не разграбленной, были обнаружены ценные памятники древнеегипетского искусства и культуры.

ЭЙЕ

Я не знаю.
Почтение к фараону велико
и власть жрецов не безраздельна.
Быть может, Мериптах еще увидит,
как станут прахом все его труды.

НЕФЕРТИТИ

А Эхнатон не сдастся никогда.

ЭХНАТОН
(про себя)

Один... Совсем один.

Нефертити и Эйе вздрагивают.

НЕФЕРТИТИ

Что ты сказал, мой господин любимый?

ЭХНАТОН

Меня оставила любовь Амона.
Мир погружен во тьму.

Нефертити и Эйе переглядываются.

НЕФЕРТИТИ

Что делать?

ЭЙЕ

Если он поест... попьет...

НЕФЕРТИТИ

Я говорю ему — но он не слышит.

ЭЙЕ

Меня, должно быть, сердце обмануло —
я стал дурным советником царю.

НЕФЕРТИТИ

А что ты должен был советовать ему?

ЭЙЕ

Я потакал ему в его мечтаньях.
Мне следовало предостерегать,
учить его
неспешной мудрости змеиной.
А он подобно юному... орлу...

НЕФЕРТИТИ

Да, правда. Он — орел, летящий к солнцу!

Пауза.

Не надо, Эйе, не казни себя.
Когда орел летит, никто не может
остановить его полет советом.

Эйе качает головой и выходит; в дверях сталкивается со входящей
Незземут. Ее сопровождает Пара.

НЕЗЗЕМУТ

(с нарочитой веселостью)

Вы почему сидите в темноте?

НЕФЕРТИТИ

(подбегая к ней)

Сестра, сестра, я думала, что ты
покинула нас, как и остальные!

НЕЗЗЕМУТ

Какие глупости!
Как Эхнатон?

НЕФЕРТИТИ

(поворачивая голову)

Ш-ш! Вот он, здесь сидит.
Я так тревожусь за него — он болен.

НЕЗЗЕМУТ

Сестрица, полно, полно, не терзайся!

НЕФЕРТИТИ

Как хорошо, что ты пришла.
(Отводит ее в сторону.)

Пара следует за ними.

НЕЗЗЕМУТ

Да, да.

НЕФЕРТИТИ

Я так тревожусь.

НЕЗЗЕМУТ

Глупое дитя!

НЕФЕРТИТИ

Мне кажется, мой мир разбился на куски.

НЕЗЗЕМУТ

Почти уверена, что все не так уж плохо.

НЕФЕРТИТИ

(понижив голос)

Я правда так боюсь за Эхнатона!

Уверена — он очень болен.

Он лишь сидит и смотрит пред собою,

я говорю с ним — он меня не слышит...

Что делать?

НЕЗЗЕМУТ

Погоди.

(Поворачивается и смотрит на Пару.)

Я знаю, что нам делать.

Пусть Пара приготовит для него

из трав своих целебную настойку.

(Обменивается с карлицей многозначительным взглядом.)

Ты понимаешь, Пара?

ПАРА

Да, повелительница.

НЕЗЗЕМУТ

Используй все свои умения.

Пара выходит.

Незземут и Нефертити подходят к ложу и садятся рядом.

НЕФЕРТИТИ

(гладит руку Незземут)

Ты не оставила... Не бросила меня...
Моя любимая сестра, о Незземут!

НЕЗЗЕМУТ

(стараясь казаться беззаботной)

Ну вот еще — о чем ты говоришь?
Да разве я могу тебя покинуть?

НЕФЕРТИТИ

Но почему тогда ты уезжала?

НЕЗЗЕМУТ

Мы тут живем, не зная, что творится
вокруг. Мне показалось, что пора
узнать, что в самом деле происходит.

НЕФЕРТИТИ

Ты знаешь, нас Тутанхатон покинул —
уехал в Но Амон!

НЕЗЗЕМУТ

Жрецы в него вцепились мертвой хваткой.
Ты не вини его. Страна идет к развалу —
но Хоремхеб сумеет все исправить.

НЕФЕРТИТИ

(с горечью)

А-а, Хоремхеб!

НЕЗЗЕМУТ

(резко)

Он был здесь?

НЕФЕРТИТИ

Да.

НЕЗЗЕМУТ

(замешкавшись)

Что он сказал?

НЕФЕРТИТИ

Что мог сказать он?
Все крысы с корабля бегут,
когда он тонет.

НЕЗЗЕМУТ
(задумчиво)

Понятно.

Пауза.

Значит, ничего он не сказал.

НЕФЕРТИТИ

Он о Египте говорил.

НЕЗЗЕМУТ

Ну это ясно!
А о Тутанхатоне? О других?

НЕФЕРТИТИ

Нет.

Незземут вздыхает с облегчением
Входит Пара с золотой чашей.

ПАРА

Лекарство, госпожа.

Обменивается с Незземут понимающими взглядами.

НЕЗЗЕМУТ

(берет у Пары чашу и передает ее Нефертити)

Да, Пара — просто чудо!
И снадобья ее сильны необычайно.
Пусть Эхнатон вот это выпьет.

НЕФЕРТИТИ

Но он не станет пить. Он ни глотка не сделал
почти что сутки.

НЕЗЗЕМУТ

Ты его уговори!

(Встает.)

Ну что ж, оставлю вас наедине.

Идет к двери, останавливается, затем выходит.

Пара следует за ней.

Нефертити подносит чашу Эхнатону.

НЕФЕРТИТИ

Мой господин.

Эхнатон не отвечает.

Нефертити ставит чашу и гладит его по руке.

Мой государь, вернись!

Эхнатон делает слабое движение.

Здесь Нефертити, царская жена.

ЭХНАТОН

(как во сне)

Царская жена.

(С улыбкой.)

Великая царица.

НЕФЕРТИТИ

(с радостью)

Да. Послушай, государь,
нельзя сидеть так долго
без пищи и питья.

ЭХНАТОН

(словно издали)

Как я могу есть или пить —
ведь на моих плечах
все скорби мира?

НЕФЕРТИТИ

Прошу! Ради меня!

ЭХНАТОН
(*диким голосом*)

Священная любовь Атона
оставила меня.
Я одинок.

НЕФЕРТИТИ
(*поднося чашу*)

Испей, мой господин, из этой чаши,
из рук моих.

ЭХНАТОН
(*приходя в чувство*)

О ласковые руки —
прекраснейшие руки Нефертити.
Те руки, что дают Атону отдых.

НЕФЕРТИТИ

Да, эти руки принесли тебе покой и отдых.

ЭХНАТОН
(*принимая чашу*)

От рук твоих — моим губам.

Пьет.

Какая горечь! Странное питье...
(*Отдает чашу.*)

Я не могу допить.

НЕФЕРТИТИ

Оно тебе поможет,
оно тебя наполнит новой жизнью.

ЭХНАТОН

Как? Новой жизнью?
(*Растерянно.*)

Новой жизнью...
А вот она ползет, ползет по жилам
и дышит холодом, и пламя гасит...
(*Роняет голову.*)

НЕФЕРТИТИ
(встревоженно)

Должно быть, ты сейчас заснешь...

ЭХНАТОН

За горизонт
уходит солнце.

НЕФЕРТИТИ
(выглянув в окно)

Нет еще.

ЭХНАТОН
(с трудом)

Садится солнце...
Ты возьми
бесценный сistr
и в храме отпусти
Атона на покой, как подобает.

НЕФЕРТИТИ

Нет, не теперь.
Я буду тут, с тобой.

ЭХНАТОН

О холод — холод идолов из камня...

Входит Незземут. Нефертити на цыпочках
подходит к ней.

НЕФЕРТИТИ

Он выпил это.

НЕЗЗЕМУТ
(с облегчением)

Хорошо.

НЕФЕРТИТИ

Ему так холодно — он каменеет.
Его это лекарство усыпит?

НЕЗЗЕМУТ

Да, да, он будет спать,
а утром встанет бодрым.

НЕФЕРТИТИ

(вздыхая)

Вот хорошо.

(Возвращается к Эхнатону и забирает чашу.)

Я тоже буду спать.

(Подносит чашу к губам.)

НЕЗЗЕМУТ

(испуганно)

Нет-нет, не пей, нельзя!

Подбегает и отрывает чашу от ее губ, но Нефертити удерживает ее,
глядя на сестру с растущим пониманием.

НЕФЕРТИТИ

Так вот в чем дело!

НЕЗЗЕМУТ

(испуганно)

Сестрица, я клянусь...

НЕФЕРТИТИ

Так, значит, это смерть!

Так вот какие зелья знает Пара...

Смертельное, и нет противоядия,
я поднесла отраву государю
своими же руками...

НЕЗЗЕМУТ

(неистово)

Тут ошибка,
клянусь, ошибка!

НЕФЕРТИТИ

(презрительно)

Видимо, ошибка.

НЕЗЗЕМУТ

Да, правда! Только я боялась...

Замолкает, пораженная презрением сестры

НЕФЕРТИТИ

(с тоской)

О, неужели правды нет нигде, —
осталось только вероломство?

НЕЗЗЕМУТ

(в ужасе)

О, смилуйся сестра моя — не надо,
не посылай меня на казнь!

НЕФЕРТИТИ

(с холодным презрением)

Здесь, в городе Атона, не казнят.
Приходит смерть из Но Амона.
Вернись к хозяевам и расскажи,
что выполнила все, что нужно...

Незземут на цыпочках выходит.

(Падает, плача, на колени возле Эхнатона.)

Вот эти руки — проклятые руки...

ЭХНАТОН

(словно издали)

Я не могу твоих расслышать слов.

НЕФЕРТИТИ

Любовь моя, мой господин любимый, —
о, твои руки холодны как камень!

(Берет его руки в свои.)

ЭХНАТОН

Дай мне увидеть
твое лицо — я не могу пошевелиться —

так тело тяжело — как камень,
живет лишь голова.

НЕФЕРТИТИ

О, как жестоко, как жестоко...

ЭХНАТОН
(*настойчиво*)

Твое лицо — я должен видеть
прекрасное лицо царицы Нефертити
Пусть это будет
последнее, что я увижу.

Нефертити поднимается, вытирает слезы с лица, затем, повинувшись
внезапному озарению, снимает с подставки глиняную голову и ста-
вит так, чтобы ее освещали последние лучи солнца и Эхнатон мог
ее видеть.

НЕФЕРТИТИ
(*стоя в тени*)

Ты видишь, государь?

ЭХНАТОН

Ах!
(*С глубоким удовлетворением*)
Как прекрасно!
Я до сих пор не знал, как ты прекрасна,
моя царица!

Нефертити закрывает лицо руками Глаза Эхнатона медленно закрыва-
ются.

Как только солнечные лучи уходят с портрета Нефертити, она возвра-
щается к Эхнатону и опускается рядом на колени

(*С трудом.*)
Холод... Тьма...

Нефертити всхлипывает.
Входит Эйе.

ЭЙЕ
(*тревожным шепотом*)

Что происходит? Царственная Незземут опять уехала...

НЕФЕРТИТИ

Пусть она едет.
Она все сделала.

ЭЙЕ

Что сделала?

НЕФЕРТИТИ

Что ей велел Амон.

ЭЙЕ

Не понимаю.
(Устало.)
Я стар.

НЕФЕРТИТИ

(подходит к нему)

Послушай, Эйе. Это мой приказ,
приказ царицы,
Властительницы Верхнего и Нижнего Египта,
Живущей и Процветающей!
Слушай и повинуйся.
Пускай никто сюда не входит,
пока Атон на небо не вернется.
Потом пусть тело государя
в его гробницу отвезут.

ЭЙЕ

(в ужасе)

Великий царь...

НЕФЕРТИТИ

(прервав его)

Великий царь не доживет и до утра.
Пусть все изображения моих рук
разбиты будут, ибо эти руки
отныне прокляты — с тех пор, как поднесли
к устам царя со смертью чашу.

Пауза.

Пусть этот мой портрет,
что вылеплен руками государя,
отсюда унесут и спрячут в тайном месте,
чтоб избежал он разрушенья,
которое несут жрецы Амона.

(Мечтательно.)

И может, через многие века
те, кто его найдет, увидят
и скажут: «Это сделал лучший скульптор в мире».
Пусть даже
имя Эхнатона уничтожат,
но эта красота пускай живет.

Пауза.

Послушай, Эйе,
приказ последний мой.
Пусть мое тело никогда не попадет
в мою гробницу. Пусть меня схоронят
смиренно, как жену простолюдина,
ведь мое имя проклято с тех пор,
как я убила Сына Ра.

Эйе растерян, хочет что-то сказать.

Не говори ни слова,
оставь меня, но помни
мои слова. Пусть будет так, как повелела я,
Великая царица Нефертити.

Эйе медленно выходит — старый, сломленный человек, он плачет
и что-то бормочет про себя.

Нефертити берет в руки чашу и задумчиво в нее смотрит, затем подхо-
дит к Эхнатону, касается его головы, кладет руку ему на грудь, слу-
шает сердце — и качает головой. Он все еще жив. Потом садится у его
ног, поставив рядом, на пол, чашу.

Проходит несколько минут. Уже совсем темно, когда дверь в комнату
распахивается и входит Хоремхеб.

НЕФЕРТИТИ

Кто смел сюда войти,
презрев запрет?

ХОРЕМХЕБ

Что сделал я? Что я наделал?

НЕФЕРТИТИ

Зачем пришел ты?

ХОРЕМХЕБ

Любить и погубить? О, есть ли горе горше?

НЕФЕРТИТИ

Не знаю.

ХОРЕМХЕБ

Так будет лучше —
я здесь умру, с ним рядом.

НЕФЕРТИТИ

Нет, не лучше.
Ведь ты его уже однажды предал —
не предавай же вновь.
Жить ради дела, а не умирать —
вот твоя доля.

ХОРЕМХЕБ

Как ты была права, боясь меня и ненавидя!

НЕФЕРТИТИ

Той ненависти больше нет.

(Медленно, с трудом.)

Мы оба
его любили — и мы же погубили.
Нет большей горечи, чем погубить что любишь.

ХОРЕМХЕБ

Кто это сделал?

НЕФЕРТИТИ

Разве это важно?

ХОРЕМХЕБ

Во всем — моя вина!

НЕФЕРТИТИ

(обессиленно)

Слова, слова!

Но лишь дела значения имеют!

Запомни, Хоремхеб: тебе здесь места нет,

тебя Египет ждет!

ХОРЕМХЕБ

Египет?

Любил ли я Египет

так сильно, как его?

НЕФЕРТИТИ

Уйди!

ХОРЕМХЕБ

Мой государь... Мой господин-любимый...

НЕФЕРТИТИ

Тебя он не услышит, не увидит...

ХОРЕМХЕБ

О Эхнатон...

НЕФЕРТИТИ

(с силой в голосе)

Ступай же! Уходи!

Они встречаются взглядами, и Хоремхеб первым отводит взгляд, потом, пошатываясь, выходит.

Нефертити касается руки Эхнатона, его головы, садится рядом. Легкая судорога пробегает по телу Эхнатона. Нефертити чувствует ее и поднимает взгляд. Глаза Эхнатона открыты. На нем лежит отблеск серебристого света.

ЭХНАТОН

(ясным голосом)

О мой отец Атон, я дышу твоим благословенным

дыханием,

которое исходит из уст твоих.
Я слышу твой благословенный голос даже в шуме
северного ветра.
Твоя любовь наполняет жизнью мою плоть.
Дай мне твои руки, держащие твой дух,
чтобы я мог принять его и жить им.

Пауза.

Позови меня именем моим
в Вечность твою, которая не пресечется..
(Умирает.)

Нефертити подносит чашу к губам

З а н а в е с

ЭПИЛОГ

Каменотесы стесывают фигуру Эхнатона с каменного барельефа. Скоро рассвет. Кучка крестьян собралась поодаль и смотрит. Неподалеку стоит начальник царской стражи со свитком папируса в руке. Каменотесы прекращают работу, начальник, откашлявшись, начинает читать.

Именем Великого царя, Могучего быка, Твердого в устремлениях, Основателя Двух царств, Владыки Верхнего и Нижнего Египта, Возлюбленного Амоном, Хоремхеба. Амон, царь Богов, защитник его плоти. Государь путешествует вниз по реке, обустроивая эти земли. Он восстанавливает храмы, увеличивая их красоту. Он строит новые храмы, украшая драгоценностями лики богов. Он восстановил ежедневные жертвоприношения. Он вернул храмам их богатства. Он даровал храмам земли и скот. Все сосуды в храмах теперь из золота и серебра. Небеса торжествуют, земля радуется. Пусть Великий царь Хоремхеб и Великая царица Незземут живут в радости, как радуются все земли.

Крики одобрения

Вот приказ Великого Государя Египта.
В Египте не должно быть угнетения.
Если солдат виновен в вымогательстве или угрозах,
его нос должен быть отрезан.

Виновный в укрывательстве краденого должен быть бит.
Ни зерно, ни овощи не должны быть украдены.
Нечестные сборщики податей должны быть жестоко
наказаны.

Во всем Египте должны быть назначены судьи,
чтобы судили по справедливости, не страшась расправы
и не соблазняясь музыкой.

Государь печется о законах в Египте
для процветания его жителей.

Снова гул одобрения.

Сказано Амоном, царем богов:
«Как велико имущество того, кто знает меня
и боится меня.
Мудры те, кто служит мне, благословенны те,
кто познал меня,
защищен и богат тот, кто следует за мной».
Отныне и впредь во всех землях Египта имя отступника
Эхнатона должно быть забыто.
Его имя с отвращением и ненавистью должно быть исторг-
нуто из памяти людей. Его изображения из камня должны
быть уничтожены, его имя стерто.
Да будет отступник забыт и да исчезнет из памяти людей...

Гул одобрения нарастает.
Стража уходит. Крестьяне постепенно расходятся.
Каменотесы продолжают свою работу. Солнце поднимается из-за
горизонта, его лучи отражаются от свежего скола на камне.

ПЕРВЫЙ КАМЕНОТЕС
(прикрывая рукой глаза)

Ох!

ВТОРОЙ КАМЕНОТЕС

Что с тобой, приятель?

ПЕРВЫЙ КАМЕНОТЕС

Ничего не вижу!
Свет так слепит.

ВТОРОЙ КАМЕНОТЕС

Это солнце отражается от камня.

ПЕРВЫЙ КАМЕНОТЕС

Трудно работать, когда такой яркий свет — сам
не видишь, что делаешь.

Пауза

Продолжим. Все равно — работу нужно довести до конца

Прикрыв глаза руками, каменотесы продолжают сбивать изображение

З а н а в е с

ПАУТИНА

ПЬЕСА

Перевод

Ф. САРНОВА

Spider's Web

1954

© Перевод Сарнов Ф , 2001

© Редакция Издательство «Артикул-принт», 2001

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЭР РОЛАНД ДЕЛАХЭЙ, пожилой джентльмен
лет 50-ти

КЛАРИССА ХОЙЛШЕМ-БРАУН, племянница
сэра Роланда, молодая, красивая, жиз-
нерадостная женщина.

ГЕНРИ ХОЙЛШЕМ-БРАУН, муж Клариссы,
высокопоставленный чиновник Мини-
стерства иностранных дел, симпатичный,
но маловыразительный мужчина, лет 40.

ПИППА ХОЙЛШЕМ-БРАУН, дочь Генри от пер-
вого брака, долговязая девочка 12 лет.

ДЖЕРЕМИ УОРРЕНДЕР, элегантный молодой
человек, чиновник Министерства инос-
транных дел, подчиненный Генри Хол-
шем-Брауна.

ХЬЮГО БЕРЧ, джентльмен, довольно раздра-
жительного нрава, 60 лет.

ОЛИВЕР КОСТЕЛЛО, опереточно красивый
брюнет с неприятным лицом.

МИЛДРЕД ПИК, садовница, крупная, жиз-
нерадостная женщина 40 лет.

ЭЛДЖИН, дворецкий, средних лет.

ЛОРД, инспектор полиции.

ДЖОНС, констебль.

Действие первое

Мартовский вечер. На откидном столике стоит поднос с тремя бокалами портвейна, помеченными цифрами «один», «два» и «три»; там же — карандаш и бумага. Сэр Роланд Делахэи сидит на подлокотнике одного из кресел, это обаятельный джентльмен лет пятидесяти, с завязанными глазами, и он пробует напиток из бокала номер два. Рядом стоит Хьюго Берч — джентльмен лет шестидесяти, довольно раздражительного нрава. Он берет бокал номер три. Хьюго и сэр Роланд спорят.

СЭР РОЛАНД (*пригубляя вино*). Я бы сказал... да... определенно... да, это «Доу» сорок второго.

ХЬЮГО (*беря бокал у сэра Роланда*). «Доу» сорок второго. (*Передает ему следующий бокал, а первый ставит на стол и записывает сказанное сэром Роландом.*)

Сэр Роланд пробует вино, пригубляет еще раз и уверенно кивает.

СЭР РОЛАНД. О да, вот это настоящее вино. (*Отпивает*). «Кокберн» двадцать седьмого. Тратить... (*передает бокал Хьюго*) бутылку «Кокберна» двадцать седьмого года...

Хьюго, оставив бокал на столик, пишет.

...на подобный эксперимент — просто кощунство. (*Он встает, снимает повязку с глаз и кладет ее на спинку своего стула. Встает справа от Хьюго.*)

ХЬЮГО (*читая свои записи*). Значит, ты говоришь, это «Кокберн» двадцать седьмого года. Номер два был «Доу» сорок второго. Номер один... (*С отвержением.*) «Рич Руби» — дешевка типа портвейна. Фу-у! Не могу себе представить,

зачем Кларисса держит дома такую гадость. *(Берет со спинки стула повязку, вручает ее сэру Роланду и снимает свои очки.)*

СЭР РОЛАНД *(подходит к Хьюго сзади и завязывает ему глаза)*. Возможно, чтобы тушить в нем зайца или заправлять суп. Давай, Хьюго. Надо бы трижды повернуть тебя, как в жмурках. *(Подводит Хьюго к креслу и поворачивает кругом.)*

ХЬЮГО. Эй, хватит.

СЭР РОЛАНД. Готов?

ХЬЮГО *(ищет кресло ощупью)*. Да.

Сэр Роланд усаживает Хьюго в кресло.

СЭР РОЛАНД. Тогда я поверну не тебя, а бокалы. *(Чуть подвигает бокалы.)*

ХЬЮГО. Не стоит. Думаешь, на меня повлияют твои слова? Роли, мальчик мой, я не хуже тебя разбираюсь в портвейне.

В стеклянную дверь входит Джереми Уоррендер — элегантный молодой человек в плаще-дождевике — и, с трудом переводя дыхание, быстрым шагом проходит к дивану.

СЭР РОЛАНД. Осторожность никогда не помешает. *(Берет бокал номер три.)*

ДЖЕРЕМИ *(тяжело дыша)*. Что здесь происходит? Игра в три листика с бокалами? *(Снимает плащ и пиджак.)*

ХЬЮГО. Кто это? Кто притащил в комнату собаку?

СЭР РОЛАНД *(громко)*. Это всего лишь юный Уоррендер.

ХЬЮГО. А дышит, как собака на заячем следе.

ДЖЕРЕМИ. Три раза до главных ворот и обратно в машинтоше. Премьер Герцословакии уложился в четыре минуты пятьдесят три секунды. Я весь взмок, но быстрее, чем за шесть минут и десять секунд, не сумел. *(Падает на диван.)* Да, что-то не верится, чтобы министр показал такое время. Такое под силу лишь самому Крису Чэтуэю.

СЭР РОЛАНД. Кто вам сказал про премьера Герцословакии?

ДЖЕРЕМИ. Кларисса.

СЭР РОЛАНД. Кларисса!

ХЬЮГО *(фыркает)*. Ах, Кларисса! Никогда не слушай, что говорит Кларисса.

СЭР РОЛАНД. Боюсь, вы не очень хорошо знаете нашу хозяйку, Уоррендер. У этой юной леди весьма живое воображение!

ДЖЕРЕМИ. Вы хотите сказать, что она все это выдумала?

СЭР РОЛАНД (*вручая Хьюго бокал номер три*). Я бы не стал исключать такую возможность.

ДЖЕРЕМИ. Ну, подождите, я еще встречу с этой юной леди. Я ей кое-что выскажу. Черт, я же чуть не сдох. (*Проходит через комнату в холл, кладет дождевик на лестницу и возвращается.*)

ХЬЮГО. Перестань пыхтеть, как паровоз. Мне нужно сосредоточиться. На кону стоит пятерка. Мы с Роли заключили пари.

Сэр Роланд берет бокал номер один.

ДЖЕРЕМИ. А-а, о чем спор?

ХЬЮГО. Кто лучше разбирается в портвейне. У нас тут «Кокберн» двадцать седьмого года, «Доу» сорок второго и бурда из местной бакалейной лавки. Теперь тихо. Это важно. (*Он делает глоток. В раздумье.*) Мм-м... ага.

СЭР РОЛАНД. Ну?

ХЬЮГО. Не подгоняй меня, Роли, — все равно я спешить не буду. Где следующий? (*Держит бокал номер три в правой руке.*)

Сэр Роланд подает Хьюго бокал номер один.

(*Делает глоток из бокала номер один.*) Да, насчет этих двух я вполне уверен. (*Подает бокал номер три сэру Роланду.*) Первый — «Доу». Второй был «Кокберн». (*Подает сэру Роланду бокал номер один.*)

СЭР РОЛАНД (*записывает*). Номер три — «Доу». Номер один — «Кокберн».

ХЬЮГО. Вряд ли так уж необходимо пробовать третий, но, наверное, мне все же стоит пройти весь путь до конца.

СЭР РОЛАНД (*вручая Хьюго бокал номер два*). Давай.

ХЬЮГО (*делая глоток*). Тьфу! Брр! Ну и гадость. (*Возвращает бокал сэру Роланду и вытирает губы.*) Мне от этого привкуса еще целый час не отделаться. Ну-ка, Роли, развяжи-ка мне глаза.

Сэр Роланд потягивает вино.

ДЖЕРЕМИ. Я сниму. (*Снимает с него повязку.*)

СЭР РОЛАНД. Значит, по-твоему, номер два — это бурда от бакалейщика? Черта с два! Никаких сомнений — это «Доу» сорок второго.

ХЬЮГО. Да, ты утратил всякий вкус, Роли!

ДЖЕРЕМИ. Дайте мне попробовать. (*Торопливо отпивает из каждого бокала.*) По мне, так они все одинаковы.

ХЬЮГО. Вот молодежь... А все ваш любимый джин. Он убивает чувство вкуса.

Из библиотеки входит Кларисса Хэйлшэм-Браун

КЛАРИССА. Привет, дорогие мои. Ну как, справились? СЭР РОЛАНД. Да, Кларисса. Мы готовы.

ХЬЮГО. Номер один — «Кокберн», номер два — дешевый портвейн, третий — «Доу», верно, а?

СЭР РОЛАНД. Чепуха. Номер первый — дешевый портвейн, второй — «Доу», третий — «Кокберн» Я прав, не так ли?

КЛАРИССА. Дорогие вы мои! (*Целует Хьюго, потом — сэра Роланда.*) Теперь отнесите поднос обратно в столовую. Там на буфете стоит графин.

СЭР РОЛАНД (*взяв поднос с бокалами*). Графин? Один?

КЛАРИССА. Ну да, один. Видите ли, портвейн-то — один и тот же.

СЭР РОЛАНД. Кларисса, ты бессовестная обманщица.

КЛАРИССА. А что делать? День выдался такой сырой, что вы не смогли поиграть в гольф. Нужно же было вам хоть как-то поразвлечься, дорогие мои, вот вы и развлеклись, верно?

СЭР РОЛАНД. Клянусь Богом! Тебе должно быть стыдно — так выставять на посмешище старших.

ХЬЮГО (*со смехом*). А кто говорил, что распознает «Кокберн» двадцать седьмого где угодно?

СЭР РОЛАНД. Да ладно тебе, Хьюго, давай еще выпьем.

Сэр Роланд и Хьюго, беседуя, выходят в холл

ДЖЕРЕМИ. Ну-ка, ну-ка, Кларисса, как там насчет премьера Герцословакии?

КЛАРИССА. А что с ним такое?

ДЖЕРЕМИ. Он когда-нибудь трижды пробежал до главных ворот и обратно, в макинтоше, за четыре минуты и пятьдесят три секунды?

КЛАРИССА. Премьер Герцословакии — душка, но ему сильно за шестьдесят, и я очень сомневаюсь, что последние несколько лет он вообще куда-нибудь бегал.

ДЖЕРЕМИ. Значит, ты все это придумала. Зачем?

КЛАРИССА. Ты весь день жаловался, что тебе не хватает физической нагрузки.

ДЖЕРЕМИ. Кларисса, ты когда-нибудь говоришь правду?

КЛАРИССА. Конечно, говорю... иногда. Но, когда я говорю правду, мне никто не верит. Это так странно! Наверное, когда что-то выдумываешь, так увлекаешься, что все звучит более убедительно. *(Встает и подходит к стеклянной двери в сад.)*

ДЖЕРЕМИ. У меня могла жила лопнуть — вот чего бы ты добилась!

КЛАРИССА *(смеется)*. По-моему, погода налаживается. Вечер будет чудесный. Как дивно пахнет в саду после дождя! *(Принюхивается.)* Нарциссы.

ДЖЕРЕМИ. Тебе и вправду нравится жить за городом?

КЛАРИССА. Еще как!

ДЖЕРЕМИ. По-моему, ты умираешь здесь от скуки. Кларисса, это все так не подходит тебе. Ты должна жить в Лондоне — бурно, весело!

КЛАРИССА. Что — приемы и ночные клубы?

ДЖЕРЕМИ. Из тебя бы вышла потрясающая хозяйка салона!

КЛАРИССА. Звучит как в эдвардианском романе. И вообще, дипломатические приемы — скука смертная.

ДЖЕРЕМИ *(подходя к Клариссе)*. Но так попусту тратить... *(Пытается накрыть ее руку своей.)*

КЛАРИССА *(убирая свою руку)*. Себя?

ДЖЕРЕМИ. Да. Потом, еще этот Генри.

КЛАРИССА. Что — Генри?

ДЖЕРЕМИ. Не могу себе представить, зачем ты вообще за него вышла. Он на много лет тебя старше, дочка уже в школу ходит. Я не сомневаюсь, он замечательный человек, но такой напыщенный, чопорный. Расхаживает как надутый индюк. Тоска зеленая. *(Пауза)*. Никакого чувства юмора.

Кларисса смотрит на Джереми и улыбается

Ну, ты, наверное, считаешь, что я не должен говорить подобные вещи.

КЛАРИССА. Да нет, ничего. Говори что тебе вздумается.

ДЖЕРЕМИ. Значит, ты понимаешь, что совершила ошибку?

КЛАРИССА *(мягко)*. Не совершала я никакой ошибки. *(Игриво.)* Джереми, ты делаешь мне непристойные предложения?

ДЖЕРЕМИ. Именно.

КЛАРИССА. Как мило. Продолжай. *(Толкает его локтем.)*

ДЖЕРЕМИ. Я люблю тебя.

КЛАРИССА *(радостно)*. Как здорово!

ДЖЕРЕМИ. Совершенно неправильный ответ. Ты должна произнести глубоким прочувственным голосом: «Мне так жаль».

КЛАРИССА. Но мне вовсе не жаль. Мне приятно! Мне нравится, когда в меня влюбляются.

Джереми снова садится рядом с Клариссой и с досадой отворачивается

А ты готов ради меня на все?

ДЖЕРЕМИ. На все, что угодно.

КЛАРИССА. Правда? А если бы я убила кого-нибудь, ты помог бы. Нет, довольно, пора остановиться. *(Встает.)*

ДЖЕРЕМИ. Нет-нет, продолжай.

КЛАРИССА. По-моему, ты интересовался, не бывает ли мне тут скучно.

ДЖЕРЕМИ. Да.

КЛАРИССА. Так вот, иногда все-таки бывает, вернее, бывало бы, если бы не мое тайное хобби.

ДЖЕРЕМИ. О-о, и какое же?

КЛАРИССА. Понимаешь, Джереми, я всегда жила мирно и счастливо. Со мной никогда не случалось ничего необычного, вот я и придумала себе такую игру. Я называю ее «Допустим».

ДЖЕРЕМИ. «Допустим»?

КЛАРИССА. Да. Я говорю себе: допустим, однажды утром я спускаюсь вниз и обнаруживаю в библиотеке труп. Что я сделаю? Или: допустим, в один прекрасный день здесь объявляется некая женщина и сообщает мне, что они с Генри были тайно повенчаны в Константинополе, так что мой с ним брак — двоеженство. Что бы я ей ответила? Или: допустим, меня поставили перед выбором — или я предам свою страну, или Генри застрелят у меня на глазах? *(Неожиданно улыбается Джереми)* Или вообще... Допустим, я решила убежать с Джереми. Что бы тогда произошло?

ДЖЕРЕМИ. Я польщен. Что же произошло дальше?

КЛАРИССА. Ну, когда я играла в это последний раз, мы оказались на Ривьере, в Жан-ле-Пэн, и Генри нас настиг. У него с собой был револьвер.

ДЖЕРЕМИ. Боже мой, он меня застрелил?

КЛАРИССА. Он сказал *(театрально)*: «Кларисса, или ты вернешься ко мне, или я убью себя».

ДЖЕРЕМИ. Очень мило с его стороны. Не могу себе представить ничего более непохожего на Генри. А ты что сказала на это?

КЛАРИССА *(с улыбкой)*. О, я проиграла оба варианта.

ДЖЕРЕМИ. Что ж, дорогая, ты и в самом деле не скупаешься.

Из холла входит Пиппа Хэйлшэм-Браун — долговязая девочка двенадцати лет, в школьной форме, с ранцем.

ПИППА. Привет, Кларисса.

КЛАРИССА. Привет, Пиппа. Ты что-то поздновато!

ПИППА. На музыку ездила. *(Кладет свою шляпку и ранец на кресло.)* Покормишь меня? Умираю от голода

КЛАРИССА *(встает)*. Разве ты не взяла булочки, чтобы перекусить в автобусе?

ПИППА. Ну взяла — так ведь с тех пор уже полчаса прошло. Ну можно мне немножко пирога или еще чего-нибудь, чтобы дотерпеть до обеда?

КЛАРИССА *(ведет Пиппу к двери в холл, со смехом)*. Сейчас посмотрим, что у нас имеется.

ПИППА *(на ходу)*. А пирог с вишнями остался?

КЛАРИССА *(выходя)*. Ты же еще вчера его доела.

Джереми встает, подходит к бюро и торопливо выдвигает один за другим несколько ящичков

МИСС ПИК *(за сценой, громко)*. Эй, есть кто-нибудь?!

Джереми замирает и торопливо задвигает ящики. В комнате становится темнее — вечерет. Открыв стеклянную дверь, на пороге, жизнерадостно улыбаясь, останавливается Милдред Пик — крупная женщина лет сорока с лишним, в твидовом костюме и резиновых сапогах.

Миссис Хэйлшэм-Браун здесь?

ДЖЕРЕМИ. Она только что вышла покормить Пиппу.

МИСС ПИК. Детям нельзя перебивать аппетит.

ДЖЕРЕМИ. Заходите, мисс Пик.

МИСС ПИК. Нет, в сапогах не зайду. А то наташу в гостиную половину сада. *(Смеется.)* Я только хотела спросить, какие овощи нужны завтра к ленчу.

ДЖЕРЕМИ. Боюсь, я...

МИСС ПИК. Знаете что, лучше я потом зайду. *(Поворачивается, чтобы уйти, потом снова оборачивается к Джереми.)* А вы поосторожнее с этим бюро, ладно, мистер Уоррендер?

ДЖЕРЕМИ. Да-да, конечно.

МИСС ПИК. Дорогая вещь, старинная. Нельзя так дергать ящики.

ДЖЕРЕМИ. Я страшно извиняюсь — я только искал писчую бумагу.

МИСС ПИК. Средний ящик.

Джереми поворачивается к письменному столу, выдвигает средний ящик и достает лист писчей бумаги.

Правильно. Удивительно, как часто люди не замечают того, что у них под самым носом.

Добродушно смеясь, мисс Пик выходит в сад. Джереми смеется вместе с ней, но сразу смолкает, едва она выходит. Из холла входит Пиппа, жуя булочку, и закрывает за собой дверь.

ПИППА. Классная булка.

ДЖЕРЕМИ. Привет. Как дела в школе?

ПИППА. Так себе. *(Кладет булочку на откидной столик.)* События в мире. *(Открывает свой ранец.)* Мисс Уилкинсон обожает события в мире. Плакса, не в состоянии держать себя в руках. *(Вынимает книгу из ранца.)*

ДЖЕРЕМИ. Какой твой любимый предмет?

ПИППА. Биология. Блеск! Вчера мы препарировали лягушачью лапу. *(Подходит к Джереми и тычет ему в лицо книгу.)* Посмотрите, что я раздобыла в лавке букиниста. Наверняка жуть какая редкая. Ей больше ста лет.

ДЖЕРЕМИ. А что это?

ПИППА. Типа сборника. *(Раскрывает книжку.)* Потрясающе, просто класс.

ДЖЕРЕМИ. А о чем она?

ПИППА *(поглочена книгой)*. Что?

ДЖЕРЕМИ. Наверное, очень интересная.

ПИППА. Что? *(Про себя.)* Черт!

ДЖЕРЕМИ. Явно какая-то дешевка.

ПИППА. Какая разница между восковой свечкой и сальной?

ДЖЕРЕМИ. Я бы сказал, сальная свечка намного хуже. Но разве ее едят?

ПИППА. «Ее едят?» Как в игре в двадцать вопросов. *(Смеется, кидает книгу на кресло, идет в глубь комнаты и достает колоду карт с книжной полки.)* Вы знаете пасьянс «Дьявол»?

ДЖЕРЕМИ *(погружен в чтение газеты)*. М-мм.

ПИППА. Не хотите сыграть в разори-соседа?

ДЖЕРЕМИ. Нет. *(Идет к бюро, садится и пишет адрес на конверте.)*

ПИППА. Я так и думала. Хоть бы выдался один погожий денек для разнообразия. *(Становится на коленки и раскладывает на полу пасьянс.)* Такая скука — торчать в деревне в такую сырость.

ДЖЕРЕМИ. Тебе нравится жить за городом?

ПИППА. Вообще-то да. Куда лучше, чем в Лондоне. Здесь клевый дом, есть теннисный корт и все такое прочее. У нас есть даже монашеская келья.

ДЖЕРЕМИ. Монашеская келья — в этом доме?

ПИППА. Ага!

ДЖЕРЕМИ. Не верю. Не та эпоха.

ПИППА. Ну, во всяком случае, я ее называю так. Смотрите, сейчас я вам покажу. *(Встает, идет вглубь комнаты к книжным полкам, вынимает одну книгу и опускает рычажок в стенке полки.)*

Потайная дверь между полками и правым окном открывается, и за ней становится видна просторная ниша с такой же потайной дверью напротив.

На самом деле, это, конечно, никакая не келья. Просто та дверь ведет в библиотеку.

ДЖЕРЕМИ *(встает, идет к нише)*. Правда? *(Заходит в нишу, открывает заднюю дверь, заглядывает в библиотеку и закрывает дверь.)* Да, верно. *(Возвращается в гостиную.)*

ПИППА. Но она так классно замаскирована, что если не знаешь, в жизни не догадаешься. *(Поднимает рычаг.)*

Дверь закрывается.

Я все время ею пользуюсь. Подходящее местечко, что бы спрятать чей-нибудь труп, правда?

ДЖЕРЕМИ. Словно для того и устроено.

Пиппа подходит к начатому пасьянсу, становится на коленки и продолжает его раскладывать. Из холла входит Кларисса.

(Клариссе). Тебя ищет Амазонка.

КЛАРИССА. Мисс Пик? Ох как надоела. *(Берет булочку Пиппы и откусывает от нее кусочек.)*

ПИППА *(вставая)*. Эй! Это моя!

КЛАРИССА. Жадина. *(Протягивает булочку Пиппе.)*

Пиппа кладет булочку на столик, потом снова опускается на коленки и продолжает раскладывать карты.

ДЖЕРЕМИ. Сначала она гаркнула так, словно окликала корабль в открытом море, а потом устроила мне нагоняй за грубое обращение с этим бюро.

КЛАРИССА. Она жуткая язва, но нам досталась, так сказать, в нагрузку к дому... *(Пиппе.)* Черную десятку на красного валета... И она действительно хороший садовник.

ДЖЕРЕМИ. Я знаю. *(Подходит к Клариссе и обнимает ее.)* Сегодня утром я видел из окна моей спальни, как она копала какую-то яму, вроде громадной могилы!

КЛАРИССА. Это канава такая.

ДЖЕРЕМИ *(Пиппе)*. Красную тройку на черную четверку.

Пиппа в ярости. Из библиотеки входят сэр Роланд и Хьюго.

СЭР РОЛАНД. Кажется, наконец распогодилось. Хотя для гольфа уже, пожалуй, поздновато. *(Подходит к Пиппе.)* Светлого времени осталось минут двадцать, не больше. *(Указывает ногой на какую-то карту; Пиппе.)* Смотри, эта идет вот сюда. *(Идет к стеклянной двери.)* Что ж, полагаю, прогуляться до площадки мы все-таки успеем.

ХЬЮГО. Пойду возьму пальто. *(Наклоняется над Пиппой, чтобы указать ей на карту.)*

Разъяренная Пиппа нагибается, прикрывая карты своим телом.

(К Джереми.) А ты, мой мальчик?

ДЖЕРЕМИ. Мне надо пиджак взять.

Хьюго и Джереми выходят в холл.

КЛАРИССА *(сэру Роланду)*. Дорогой мой, ты не хочешь тоже пообедать в клубе?

СЭР РОЛАНД. Весьма разумное решение, раз слуги сегодня уходят.

Входит Элджин, дворецкий.

ЭЛДЖИН *(проходя в комнату)*. Мисс Пиппа, ваш обед ждет вас в классной комнате.

ПИППА *(вскакивая)*. О-о, блеск! Я прямо умираю с голоду. *(Устремляется к двери в холл.)*

КЛАРИССА. Стоп, стоп, сначала уברי карты.

ПИППА. Ох, зануда. *(Возвращается, становится на коленки и медленно сгребает карты в кучу возле дивана. В течение последующего диалога она не спеша складывает карты, но забывает туза пик под левой ножкой дивана.)*

ЭЛДЖИН. Прошу прощения, мадам.

КЛАРИССА (*подходя к Элджину*). Да, Элджин, в чем дело?

ЭЛДЖИН. Возникли некоторые... м-мм... осложнения насчет овощей.

КЛАРИССА. О Господи! С мисс Пик?

ЭЛДЖИН. Да, мадам. Миссис Элджин очень сложно найти общий язык с мисс Пик, мадам. Она постоянно заходит на кухню, и критикует, и делает замечания, а миссис Элджин это не нравится — совсем не нравится. Везде, где бы мы ни работали, и у меня, и у миссис Элджин всегда были очень хорошие отношения с садом.

КЛАРИССА. Мне очень жаль. Я постараюсь как-то... э-э... все уладить.

ЭЛДЖИН. Благодарю вас, мадам.

Элджин выходит в холл и закрывает за собой дверь

КЛАРИССА. Как они все утомительны, и какие странные вещи говорят. Как можно иметь хорошие отношения с садом? Это что-то невозможное, прямо язычество какое-то!

СЭР РОЛАНД. Тебе повезло с этой парочкой. Где ты их раздобыла?

КЛАРИССА. В Бюро найма прислуги.

СЭР РОЛАНД. Надеюсь, не в том сомнительном заведении — как его? — откуда вечно присылают разных проходимцев и воров?

ПИППА. Поваров?

СЭР РОЛАНД. Воров!

КЛАРИССА. Давай, Пиппа, побыстрее.

ПИППА (*собрав карты, встает*). Вот! (*Относит карты обратно на книжную полку.*) Хотя бы разик не убирать за собой! (*Идет к двери в холл.*)

КЛАРИССА (*беря булку со столика*). Постой, захвати свою булку. (*Подает булку Пиппе.*)

Пиппа опять идет к холлу

А ранец?

Пиппа подбегает к креслу, хватает ранец и поворачивается к дверям
в холл.

Шляпку!

Пиппа кладет булку на столик, берет свою шляпку и бежит
к двери в холл

Стой! *(Берет булку, подходит к Пиппе, засовывает булку ей в рот, берет шляпку, напяливает ее Пиппе на голову и выталкивает девочку в холл.)* И закрой за собой дверь.

Пиппа выходит в холл, захлопывая за собой дверь. Сэр Роланд смеется. Кларисса, глядя на него, тоже начинает смеяться; потом идет к столику возле дивана и берет сигарету из серебряной сигаретницы.

СЭР РОЛАНД. Замечательно. Она стала совершенно другой. Это твоя заслуга, Кларисса.

КЛАРИССА. По-моему, она теперь и правда полюбила меня и стала доверять. Мне так нравится быть мачехой!

СЭР РОЛАНД. Она снова похожа на нормального, счастливого ребенка.

КЛАРИССА *(закуривает)*. Мне кажется, главное — это жизнь за городом. И еще — она ходит в чудную школу. У нее там много друзей. Да, думаю, она счастлива и, как ты говоришь, нормальна.

СЭР РОЛАНД. А раньше на ребенка было просто страшно смотреть. Я бы свернул Миранде шею.

КЛАРИССА. Пиппа была совершенно запугана матерью.

СЭР РОЛАНД. Кошмар!

КЛАРИССА. Я как вспомню о Миранде, так меня прямо трясет. А что из-за нее пережил Генри и этот ребенок! Я просто не представляю, как женщина может быть на такое способна.

СЭР РОЛАНД. Наркотики — страшная вещь. Человек полностью меняется.

КЛАРИССА. Но с чего она вдруг пристрастилась к наркотикам?

СЭР РОЛАНД. Я думаю, не обошлось без этой скотины, Оливера Костелло. Полагаю, он как-то связан с торговлей наркотиками.

КЛАРИССА. Он ужасный человек. Всегда казался мне сущим дьяволом.

СЭР РОЛАНД. А она что, вышла за него замуж?

КЛАРИССА. Примерно месяц назад.

СЭР РОЛАНД. Что ж, Генри удачно избавился от Миранды. Генри, он — славный парень. Очень-очень славный.

КЛАРИССА. Ты считаешь, меня надо в этом убеждать?

СЭР РОЛАНД. Он много не болтает. Такой сдержанный, но — в высшей степени порядочный человек... А этот малый, Джереми... Что ты о нем знаешь?

КЛАРИССА *(улыбаясь)*. Он очень мил.

СЭР РОЛАНД *(цокая языком)*. Кажется, теперь всех только это и занимает. Ты не... Не сделай какую-нибудь глупость, ладно?

КЛАРИССА. Не влюбись в Джереми Уоррендера? Ты это имеешь в виду?

СЭР РОЛАНД. Это было бы величайшей глупостью. Кларисса, деточка, знаешь, ты ведь выросла у меня на глазах. Ты очень много значишь для меня. И если ты когда-нибудь попадешь в беду, ты ведь обратишься к своему старому опекуну, правда?

КЛАРИССА. Конечно, Роли, дорогой. *(Целует его.)* И тебе незачем волноваться из-за Джереми.

Через стеклянную дверь входит мисс Пик в одних чулках; она несет кочан брокколи.

МИСС ПИК. Надеюсь, это ничего, что я так вхожу, миссис Хэйлшэм-Браун? Я не нанесу грязи — оставила сапоги снаружи. Я только хотела, чтобы вы взглянули на эту брокколи. *(С воинственным видом сует кочан Клариссе под нос.)*

КЛАРИССА. Он... э-э... выглядит очень мило.

МИСС ПИК *(тычет брокколи под нос сэру Роланду)*. Взгляните.

СЭР РОЛАНД *(осматривая брокколи)*. Не вижу в нем ничего плохого.

МИСС ПИК. А в нем и нет ничего плохого. Вчера я принесла точно такой же, и эта женщина на кухне — разумеется, я не хочу плохо говорить о ваших слугах, миссис Хэйлшэм-Браун, хотя могла бы порассказать много чего, — эта миссис Элджин берет и заявляет мне, дескать, такой скверный экземпляр она и готовить не станет. Так и сказала: «Если не можете вырастить на грядке ничего лучшего, то вам стоит поискать другую работу». Я чуть ее не убила. Я не собираюсь устраивать никаких скандалов, но оскорблений терпеть не намерена — отныне ноги моей не будет на кухне. Овощи я буду оставлять снаружи, у задней двери, а миссис Элджин может оставлять там список...

Сэр Роланд поднимает брокколи.

(Не обращая внимания на сэра Роланда.) ...всего, что ей нужно.

Звонит телефон.

(Проходит к телефону.) Я подойду. *(Снимает трубку.)* Алло... Да... *(Протирает поверхность стола полой рабочего халата.)* Копплстон-Корт... Вам миссис Браун?.. Да, она здесь. *(Протягивает трубку Клариссе.)*

Кларисса встает, гасит сигарету, идет к телефону и берет трубку.

КЛАРИССА (*в трубку*). Миссис Хэйлшэм-Браун слушает... Алло... Алло... Как странно! Кажется, там повесили трубку. (*Кладет трубку*.)

Мисс Пик неожиданно стремительным шагом идет влево и опускает откидной столик к стене.

МИСС ПИК. Простите, но мистер Селлон всегда любил, чтобы этот стол был опущен.

Кларисса помогает мисс Пик опустить столик.

Спасибо, и поаккуратнее с мебелью, а то... следы от бокалов...

Кларисса с беспокойством смотрит на столик.

...ладно, миссис Браун-Хэйлшэм?.. Я хочу сказать, миссис Хэйлшэм-Браун. (*Добродушно смеется*.) Да что Браун-Хэйлшэм, что Хэйлшэм-Браун — одно и то же, верно?

СЭР РОЛАНД (*с расстановкой*). Нет, не верно. Кровь с молоком и молоко с кровью — вряд ли это одно и то же.

Мисс Пик звучно смеется. Из холла входит Хьюго.

МИСС ПИК (*к Хьюго*). Вот, получаю очередной зверский нагоняй. (*Хлопает Хьюго по спине*.) Ладно, всем доброй ночи. Поплелась я. Давайте сюда брокколи.

Сэр Роланд передает брокколи мисс Пик.

Кровь с молоком — молоко с кровью. Здорово! Это надо запомнить. (*Хохоча, выходит в сад*.)

ХЬЮГО (*подходя к столику*). И как только Генри выносит эту женщину?

КЛАРИССА. Говорит, что с трудом.

ХЬЮГО. Еще бы! Такая хитрюга! А корчит из себя эдакую наивную девочку!

СЭР РОЛАНД. Боюсь, это просто задержка умственного развития.

КЛАРИССА. От нее правда можно сойти с ума, зато она превосходный садовник и к тому же досталась нам вместе с домом, а поскольку он обошелся нам феноменально дешево...

ХЬЮГО. Дешево? Вот как? Ты меня удивляешь.

КЛАРИССА. Фантастически дешево. Мы нашли его по объявлению. Приехали, посмотрели и тут же сняли его на полгода, со всей мебелью.

СЭР РОЛАНД. Чей он?

КЛАРИССА. Дом принадлежал мистеру Селлону. Он умер. Он был антикваром в Мэйдстоуне.

ХЬЮГО. Точно. Селлон и Браун. Однажды я купил там очень неплохое зеркало в стиле «чиппендейл». Селлон жил здесь и каждый день ездил в Мэйдстоун, но, по-моему, он иногда привозил покупателей и сюда.

КЛАРИССА. Между прочим, у этого жилья есть и свои минусы. Только вчера сюда прикатил на спортивной машине какой-то тип в немыслимом клетчатом костюме и пожелал купить вот это бюро. Я сказала ему, что оно нам не принадлежит и мы не можем его продать, но он мне просто не поверил и все поднимал и поднимал цену. Под конец предложил аж пятьсот фунтов!

СЭР РОЛАНД. Пятьсот фунтов! Боже праведный! Но даже на антикварном аукционе...

Из холла входит Пиппа.

ПИППА. Я все равно не наелась.

КЛАРИССА. Не может быть.

ПИППА. Я голодная! Не очень-то наешься молоком с шоколадными бисквитами и бананом. *(Садится на подлокотник кресла.)*

СЭР РОЛАНД. Бюро неплохое, наверняка подлинное, но, на мой взгляд, ничего уникального.

ХЬЮГО. Может быть, в нем есть потайной ящик с бриллиантовым колье?

ПИППА. А в нем правда есть потайной ящик!

КЛАРИССА. Что-о?!

ПИППА. Я раздобыла у букиниста книжку — все о потайных ящиках в старинной мебели — и перепробовала все в доме, но нашла только в столе. Смотрите, сейчас я вам покажу. *(Подходит к бюро, поднимает откидную крышку и выдвигает ящик.)* Видите, вытаскиваете этот, а там — вот такая задвижка внизу.

ХЬЮГО. Хм-м! Невелика тайна!

ПИППА. А это еще не все! Под ней есть пружинка и р-раз — вылетает ящик. *(Нажимает пружинку, и из бюро выскакивает маленький ящичек.)* Видите!

Хьюго заглядывает в ящичек и вынимает из него листок бумаги.

ХЬЮГО. А ну-ка, что там внутри? *(Читает.)* «Шиш вам!»

Пиппа заливается хохотом

СЭР РОЛАНД. Что-о?!

Все смеются, а сэр Роланд трясет Пиппу, она отбивается от него

ПИППА. Это я туда подложила.

СЭР РОЛАНД. Проказница!

ПИППА. На самом деле там был конверт, а в нем автограф королевы Виктории. Смотрите, сейчас я вам покажу. *(Идет к книжным полкам.)*

Кларисса встает, идет к бюро, вставляет ящики на место и закрывает откидную крышку. Пиппа открывает украшенную ракушками шкатулку, стоящую на книжной полке, вынимает старый конверт с тремя клочками бумаги в нем и показывает их всем.

СЭР РОЛАНД. Пиппа, ты собираешь автографы?

ПИППА. Вообще-то нет. Так, между делом. *(Протягивает листок Хьюго.)*

Хьюго смотрит на автограф и передает его сэру Роланду.

Одна девчонка у нас в школе собирает марки, и у ее брата тоже есть классная коллекция. Прошлой осенью он думал, что раздобыл точно такую же марку, как та, про которую писали в газете... *(Протягивает Хьюго еще один листок с автографом.)*

Хьюго передает второй автограф сэру Роланду.

...Шведскую, что ли, которая сотни фунтов стоит. *(Протягивает Хьюго оставшийся автограф и конверт.)* Он жутко обрадовался и понес ее перекупщику, но перекупщик сказал, что это совсем не та марка, но тоже ничего. Словом, он дал за нее пять фунтов. Пять фунтов — тоже нормально, правда?

Хьюго хмыкает в знак согласия

Сколько стоит автограф королевы Виктории?

СЭР РОЛАНД *(глядя на конверт)*. Думаю, от пяти до десяти шиллингов.

ПИППА. Здесь есть еще автограф Рёскина¹ и Роберта Броунинга².

СЭР РОЛАНД. Боюсь, они тоже стоят недорого.

Хьюго передает автограф и конверт Пиппе.

ПИППА. Жаль, у меня нет Невилла Дюка и Роджера Баннистера. А то эти исторические, по-моему, уже устарились. (*Кладет автографы и конверт обратно в шкатулку и отходит к двери в холл*). Кларисса, я пойду гляну в кладовку, не осталось ли еще шоколадных бисквитов, ладно?

КЛАРИССА. Да. Если хочешь.

ХЬЮГО. Нам пора идти. (*Высунувшись в холл, зовет.*) Джереми! Эй! Джереми!

ДЖЕРЕМИ (*снаружи*). Иду.

Джереми спускается по лестнице. Он несет клюшку для гольфа.

КЛАРИССА. Генри должен скоро вернуться.

Джереми входит в комнату.

ХЬЮГО (*идет к двери в сад*). Лучше пройти здесь. Так ближе. Спокойной ночи, Кларисса. Спасибо за гостеприимство.

ДЖЕРЕМИ (*идет за ним*). Спокойной ночи, Кларисса.

Хьюго и Джереми выходят через стеклянную дверь. Кларисса, прощаясь, кивает им.

СЭР РОЛАНД (*подходит к Клариссе и обнимает ее*). Спокойной ночи. Нас с Уоррендером, наверное, не будет до полуночи.

Кларисса и сэр Роланд идут к стеклянной двери.

КЛАРИССА. Какой чудный вечер. Я провожу вас до поля для гольфа.

Кларисса и сэр Роланд выходят через стеклянную дверь. Из холла входит Элджин. Он вносит поднос с напитками и ставит его на столик в глубине комнаты. В это время звонят в парадную дверь. Элджин выходит в холл, оставив дверь открытой.

¹ Рёскин Джон (1819—1900) — английский писатель, теоретик искусства, идеолог прерафаэлитов.

² Браунинг Роберт (1819—1889) — известный английский поэт, чье творчество отличается глубоким психологизмом.

ЭЛДЖИН (*за сценой*). Добрый вечер, сэр.
ОЛИВЕР (*за сценой*). Я приехал к миссис Браун.
ЭЛДЖИН (*за сценой*). Да, сэр.

Слышно, как хлопает входная дверь.

Ваше имя, сэр?

ОЛИВЕР (*за сценой*). Мистер Костелло.

ЭЛДЖИН (*за сценой*). Пожалуйте сюда, сэр.

Из холла в гостиную входит Элджин и отступает в сторону. Следом входит Оливер Костелло — опереточно-красивый брюнет с неприятным лицом.

Прошу вас подождать здесь, сэр. Мадам дома. Сейчас я посмотрю, где она. (*Возвращается в холл, вдруг останавливается и оборачивается.*) Мистер Костелло — так вы сказали?

ОЛИВЕР. Да, верно. (*С ударением.*) Оливер Костелло.

ЭЛДЖИН. Очень хорошо, сэр.

Элджин выходит в холл, закрывая за собой дверь. Оливер оглядывает комнату, прислушивается, глядя сначала на дверь в холл, потом на дверь в библиотеку, потом подходит к бюро. Склоняется над ним и смотрит на ящики. Что-то услышав, отходит в глубь комнаты. В стеклянную дверь входит Кларисса. Оливер оборачивается, на лице написано удивление.

КЛАРИССА (*замерев на пороге стеклянной двери; изумленно*). Вы?

ОЛИВЕР (*тоже удивленно*). Кларисса! Что вы здесь делаете?

КЛАРИССА. Довольно глупый вопрос, вы не находите? Это мой дом!

ОЛИВЕР. Ваш?

КЛАРИССА. Не делайте вид, что вы этого не знали.

ОЛИВЕР (*развязно*). Он очарователен — когда-то принадлежал старику — как бишь его — антиквару, что ли, да? Однажды он привозил меня сюда, чтобы показать несколько стульев эпохи Людовика Пятнадцатого. (*Вынимает из кармана портсигар.*) Сигарету?

КЛАРИССА. Нет, спасибо. Думаю, вам лучше уйти. Мой муж скоро вернется, и я не думаю, что он будет рад вас видеть.

ОЛИВЕР (*нагло*). А я как раз собрался с ним повидаться. Для того я и приехал — обсудить приемлемые соглашения...

КЛАРИССА. Соглашения?

ОЛИВЕР. Относительно Пиппы. Миранда согласна, чтобы Пиппа проводила часть своих летних каникул с Генри

и, возможно, еще неделю на Рождество. Но остальное время...

КЛАРИССА (*перебивает его*). Что вы имеете в виду? Дом Пиппы — здесь!

ОЛИВЕР. Но, моя дорогая Кларисса, вам наверняка известно, что по судебному решению опекуном ребенка является Миранда. (*Берет бутылку виски с откидного столика в глубине комнаты.*) Разрешите? (*Наливает себе порцию.*) Вспомните, дело никем не опротестовывалось.

КЛАРИССА. Генри согласился дать Миранде развод на условии, что Пиппа будет жить у отца. Если бы Миранда не согласилась, Генри сам подал бы на развод.

ОЛИВЕР. Вы ведь знаете Миранду не слишком близко, правда? Она так часто меняет свои взгляды.

КЛАРИССА. В жизни не поверю, что Миранда хочет забрать этого ребенка, и вообще, что она хоть сколько-нибудь интересуется девочкой.

ОЛИВЕР. Но, дорогая Кларисса, вы же ей не мать. Не возражаете, если я буду называть вас Клариссой? В конце концов, теперь, когда я женился на Миранде, мы с вами некоторым образом родственники. (*Одним глотком выпивает виски.*) Да, смею вас заверить, Миранду обуревают материнские чувства!

КЛАРИССА. Я в это не верю.

ОЛИВЕР (*усаживается в кресло*). На здоровье. Между прочим, никакого письменного соглашения не было.

КЛАРИССА. Вы не получите Пиппу. Вы довели ребенка до нервного срыва. Теперь она поправляется, ей нравится в новой школе, и так оно все и останется.

ОЛИВЕР. Как же вы всего этого добьетесь, дорогая? Закон на нашей стороне.

КЛАРИССА. Чего ради вы все это затеяли? Чего вам нужно? О-о! Как же я, дурочка, не сообразила! Конечно же это шантаж.

Из холла неожиданно входит Элджин.

ЭЛДЖИН. Я искал вас, мадам. Мадам, вы не возражаете, если мы теперь же уедем?

КЛАРИССА. Нет, Элджин, не возражаю.

ЭЛДЖИН. Такси за нами уже пришло. Ужин готов, накрыт в столовой. Не желаете, чтобы я прибрал здесь, мадам? (*Пристально смотрит на Оливера.*)

КЛАРИССА. Нет, я сама все сделаю.

ЭЛДЖИН. Благодарю вас, мадам. Спокойной ночи, мадам.
КЛАРИССА. Спокойной ночи, Элджин.

Элджин выходит в хоя.

ОЛИВЕР. Шантаж — отвратительное слово, Кларисса. Разве я хоть словом упомянул о деньгах?

КЛАРИССА. Пока нет, но именно это вы собираетесь сейчас сделать, не так ли?

ОЛИВЕР. Мы действительно несколько стеснены в средствах. Понимаете, Миранда всегда была крайне расточительна. Полагаю, она считает, что Генри мог бы выделить ей содержание побольше. В конце концов, он же богатый человек.

КЛАРИССА. Теперь послушайте. Не знаю, как Генри, но я скажу прямо. Если вы только попытаетесь забрать отсюда Пиппу, я буду драться зубами, ногтями — чем угодно.

Оливер издает смешок.

Будет не так уж сложно получить медицинское свидетельство, подтверждающее, что Миранда наркоманка. Я даже пойду в Скотленд-Ярд и поговорю с полицейскими из Отдела по борьбе с наркотиками. И попрошу их повнимательнее присмотреться к вам.

ОЛИВЕР (*встает*). Ваши методы вряд ли придется по душе Генри.

КЛАРИССА. Ничего, пусть терпит. Ребенок — вот что главное. Я не допущу, чтобы Пиппу изводили или запугивали.

Из холла входит Пиппа.

ПИППА. Кларисса... ты знала, что там, в жестянке, осталось только два шоколадных бисквита? (*Увидев Оливера, испуганно останавливается.*)

ОЛИВЕР. Ба-а, привет, Пиппа!

Пиппа пятится назад

Как ты выросла!

Пиппа пятится еще дальше.

Я как раз приехал, чтобы договориться насчет тебя. Мама с нетерпением ждет, когда ты к ней вернешься. Мы с ней теперь муж и жена, и...

ПИППА (*подбегает к Клариссе*). Я не поеду! Не поеду! Кларисса...

КЛАРИССА (*обнимает Пиппу*). Не волнуйся, Пиппа. Твой дом — там, где твой отец и я, и ты никуда отсюда не уедешь.

ОЛИВЕР. Но я уверяю тебя...

КЛАРИССА. Убирайтесь вон, сейчас же!

Оливер, делая вид, что боится Клариссы, отступает назад.

Немедленно! Я не желаю видеть вас в своем доме, слышите?

Из сада через стеклянную дверь входит мисс Пик с большими вилами.

МИСС ПИК. О, миссис Браун-Хэйлшэм, я...

КЛАРИССА. Мисс Пик, будьте добры, проводите мистера Костелло до калитки.

Оливер смотрит на мисс Пик. Мисс Пик поднимает вилы.

ОЛИВЕР. Мисс... Пик?

МИСС ПИК (*грубовато*). Очень приятно. Я работаю здесь садовником.

ОЛИВЕР. Верно. Я как-то уже приезжал сюда, взглянуть на кое-какой антиквариат.

МИСС ПИК. Ах да, во времена мистера Селлона. Знаете, сегодня вы не сможете с ним повидаться. Он умер.

ОЛИВЕР. Да нет, я приехал повидаться не с ним. Я приехал повидать... (*с ударением*) миссис Браун.

МИСС ПИК. Ах да. Ну, так вы ее уже повидали.

ОЛИВЕР (*оборачиваясь к Клариссе*). До свидания, Кларисса. Будьте уверены, вы еще услышите обо мне.

МИСС ПИК (*выходя через стеклянную дверь*). Сюда, мистер Костелло. Вам нужен автобус или приехали на своем автомобиле?

ОЛИВЕР. Я оставил свою машину за конюшней.

Мисс Пик и Оливер уходят.

ПИППА. Он заберет меня отсюда!

КЛАРИССА. Нет.

ПИППА. Я ненавижу его! Я всегда его ненавидела.

КЛАРИССА. Пиппа!

ПИППА. Я убью себя! Я перережу себе вены и истеку кровью.

КЛАРИССА (*обнимая ее за плечи*). Пиппа, возьми себя в руки. Говорю тебе, все в порядке. Я — с тобой.

ПИППА. Я не хочу обратно к маме, и я ненавижу Оливера. Он злой, злой, злой!

КЛАРИССА. Да, милая, я знаю. Знаю.

ПИППА. Может, его убьет молния?

КЛАРИССА. Очень возможно. А теперь успокойся. Все нормально. (*Вынимает из кармана носовой платок.*) На, вытри нос.

Пиппа сморкается, потом смахивает собственные слезы с платья Клариссы.

(*Смеется.*) Пойди умойся. (*Поворачивает Пиппу лицом к двери в холл.*) И как следует — шея у тебя просто заросла грязью.

ПИППА (*сквозь слезы*). Она всегда такая. (*Идет к двери в холл. Неожиданно поворачивается и подбегает к Клариссе.*) Ты ведь не дашь ему забрать меня, правда?

КЛАРИССА. Только через мой труп... Нет, через его труп. Вот так! Этого тебе достаточно?

Пиппа кивает.

(*Целует Пиппу в лоб.*) А теперь беги.

Пиппа прижимается к Клариссе, потом выходит в холл. Кларисса включает свет, идет к стеклянной двери, закрывает ее и забирается с ногами на диван. Слышно, как хлопает парадная дверь. Из холла в гостиную входит Генри Хэйлшэм-Браун — симпатичный мужчина лет сорока, с довольно невыразительным лицом, в роговых очках и с портфелем в руках.

ГЕНРИ. Привет, дорогая. (*Ставит портфель в кресло.*)

КЛАРИССА. Привет, Генри. Ну, не ужасный выдался денечек, а?

ГЕНРИ. Правда? (*Перегибается через спинку дивана и целует Клариссу.*)

КЛАРИССА. Выпьешь?

ГЕНРИ. Не сейчас. (*Идет к стеклянной двери и задерживает портфель.*) Кто дома?

КЛАРИССА (*удивленно*). Никого. У Элджинов свободный вечер. Так что у нас, сам понимаешь, черный четверг. Ветчина, шоколадный мусс... и кофе будет отличный, потому что сварю его я.

ГЕНРИ (*удивленно*). М-мм?

КЛАРИССА. Генри, что-нибудь случилось?

ГЕНРИ. В общем, да — можно сказать, случилось.

КЛАРИССА. Что-то плохое? Миранда?

ГЕНРИ. Нет-нет, ничего плохого. Я бы даже сказал, наоборот. Именно что наоборот.

КЛАРИССА. Дорогой мой! Кажется, сквозь непроницаемый дипломатический фасад пробивается настоящее человеческое волнение!

ГЕНРИ. Ну, в каком-то смысле событие это весьма волнующее. Кстати, в Лондоне легкий туман.

КЛАРИССА. Тебя это взволновало?

ГЕНРИ. Нет-нет, не туман, конечно.

КЛАРИССА. Тогда что же?

Генри быстро оглядывается вокруг, потом идет к дивану и присаживается рядом с Клариссой.

ГЕНРИ. Только, Кларисса, ты должна молчать об этом.

КЛАРИССА (*с надеждой*). Да?

ГЕНРИ. Это в самом деле строго секретная информация. Я не должен был никому говорить. Но тебе — придется.

КЛАРИССА. Ну, давай же, рассказывай.

Генри снова оглядывается, а потом поворачивается к Клариссе.

ГЕНРИ. Тссс! На завтрашнюю конференцию в Лондон прилетает Календорф.

КЛАРИССА. Да, я знаю.

ГЕНРИ. То есть как это знаешь?

КЛАРИССА. Прочла в газете, в это воскресенье.

ГЕНРИ. Не могу понять, почему тебя так тянет читать эти низкопробные газетенки. Как бы там ни было, газеты никак не могли пронюхать, что прилетает Календорф. Это держится в строжайшем секрете.

КЛАРИССА. Бедняжка ты мой. Конечно, в строжайшем секрете. И вы, государственные мужи, свято в это верите.

ГЕНРИ (*встает и начинает ходить по комнате*). О Господи, наверное, произошла какая-то утечка!

КЛАРИССА. Я думала, тебе-то давно известно, что утечки происходят всегда. Казалось бы, вы все должны быть к этому готовы.

ГЕНРИ. Официальное сообщение было распространено только сегодня вечером. Самолет Календорфа должен приземлиться в Хитроу в восемь сорок, но на самом деле... (*Склоняется над диваном и с сомнением смотрит на Кларис-*

су). Итак, Кларисса, я могу рассчитывать на твою сдержанность?

КЛАРИССА. Я гораздо более сдержанна, чем любая воскресная газета.

ГЕНРИ (*сидя на правый борт дивана*). Конференция запланирована на завтра, но было бы значительно лучше, если бы сначала между Календорфом и самим сэром Джоном состоялся прямой разговор. Итак, все репортеры, естественно, ждут в Хитроу, так что с момента прилета Календорфа все его передвижения в той или иной степени становятся достоянием широкой публики. Однако начинающийся туман нам на руку.

КЛАРИССА. Продолжай. Я заинтригована.

ГЕНРИ. В последний момент посадить самолет в Хитроу будет найдено нецелесообразным. И, как обычно в таких случаях, посадку дадут в...

КЛАРИССА (*перебивает его*). В Биндли-Хит. Всего в пятнадцати милях отсюда. Понимаю.

ГЕНРИ. Ты все схватываешь на лету, Кларисса. Сейчас я поеду на аэродром, встречу Календорфа и привезу его сюда. Сэр Джон едет сюда на машине прямо из Лондона. Для беседы им хватит двадцати минут, и Календорф вернется в Лондон с сэром Джоном. Знаешь, Кларисса, это может сыграть решающую роль для меня, для моей карьеры. Я хочу сказать: мне оказано большое доверие!

КЛАРИССА. Ты его заслужил! (*Встает, подходит к Генри и обнимает его*.) Генри, дорогой, это же просто чудесно!

ГЕНРИ. Кстати, Календорфа будут называть мистером Джонсом.

КЛАРИССА. Мистером Джонсом?

ГЕНРИ. Было бы крайне неосторожно пользоваться настоящими именами.

КЛАРИССА. Да, но... Мистер Джонс. Ничего получше придумать не смогли? Ну а я? Мне что — сидеть в гареме, или я приношу напитки, быстренько здороваюсь и незаметно исчезаю?

ГЕНРИ. Дорогая, это очень серьезно!

КЛАРИССА. Но, Генри, милый, разве нельзя и от серьезного получить немножко удовольствия?

ГЕНРИ. Тебе, думаю, лучше вообще не показываться.

КЛАРИССА. Хорошо. Как насчет еды? Они захотят перекусить?

ГЕНРИ. О нет. Никакой еды не нужно.

КЛАРИССА. Ну хоть несколько сэндвичей? Скажем, с ветчиной? В салфетке — чтобы они не засохли. Горячий

кофе в термосе. Да, это вполне сойдет. А шоколадный мусс я заберу к себе в спальню как утешение — за то, что меня не допускают на конференцию!

ГЕНРИ. Перестань, Кларисса.

КЛАРИССА (*встает, обнимает его за шею*). Дорогой, я же серьезно. Все будет отлично. Я обещаю. (*Целует Генри*).

ГЕНРИ. Как насчет старика Роли?

КЛАРИССА. Они с Джереми ужинают в клубе вместе с Хьюго. Потом они собирались сыграть в бридж, так что их не будет дома до полуночи.

ГЕНРИ. И Элджины уехали?

КЛАРИССА. Дорогой, ты же знаешь, они всегда ходят в кино по четвергам. Они не вернутся раньше одиннадцати.

ГЕНРИ. Ладно. Все вроде складывается неплохо. Сэр Джон и мистер... э-э...

КЛАРИССА. Джонс.

ГЕНРИ. Совершенно верно, дорогая... Уедут гораздо раньше. Итак... (*Смотрит на свои часы.*) Пожалуй, я быстренько приму душ, перед тем как ехать в Биндли-Хит.

КЛАРИССА. А я пойду приготовлю сэндвичи с ветчиной.

Кларисса выходит в холл. Генри берет свой портфель..

ГЕНРИ (*кричит*). Кларисса, не забывай про свет. (*Выключает верхний свет.*) У нас здесь автономное питание. Это тебе не Лондон.

Генри выходит в холл, закрывая за собой дверь. Комната погружена во тьму, лишь слабый лунный свет струится из окна. Через стеклянную дверь крадучись входит Оливер, отдергивает портьеры, так что лунный свет проникает теперь и отсюда. Он осторожно водит по комнате лучом электрического фонарика, подходит к бюро и включает настольную лампу. Поднимает крышку, под которой находится пружина потайного ящика. Словно что-то услышав, вдруг выключает лампу и секунду стоит неподвижно. Потом снова включает лампу, выдвигает потайной ящик и вынимает оттуда листок бумаги. Медленно открывается панель с книжными полками. Не заглядывая в бумагу, Оливер задвигает потайной ящик и, услышав шорох позади, выключает настольную лампу и резко оборачивается.

ОЛИВЕР. Какого че...

Кто-то, стоящий за панелью, бьет Оливера по голове, и тот падает за диван. Панель закрывается. В тот момент, когда Оливеру наносят удар, за сценой слышен голос Клариссы.

КЛАРИССА (*за сценой*). Генри! (*Пауза.*) Генри, ты не хочешь съесть сэндвич перед отъездом?

Из холла входит Генри, включает бра и идет к дивану, на ходу протирая очки.

ГЕНРИ (*кричит*). Кларисса! (*Надевает очки и наполняет свой портсигар из сигаретницы.*)

КЛАРИССА (*за сценой*). Я здесь. Ты съешь сандвич перед выходом?

ГЕНРИ (*кричит*). Нет. Я уже еду.

КЛАРИССА. Ты будешь там слишком рано. Туда ехать не больше двадцати минут.

Кларисса тихо входит из холла и подходит к Генри.

ГЕНРИ (*кричит, стоя спиной к Клариссе*). Кто его знает. Вдруг у меня спустит колесо или что-нибудь сломается в... (*Оборачивается и видит Клариссу. Обычным голосом.*) А, ты здесь, дорогая. Вдруг что-нибудь сломается в моторе?

КЛАРИССА. Не выдумывай, милый.

ГЕНРИ. Как насчет Пиппы? Что, если она вдруг спустится вниз и ворвется сюда?

КЛАРИССА. Нет, я поднимусь в классную комнату, и мы с ней устроим там пир. Пожарим с ней оставленные на завтра сосиски и съедим шоколадный мусс.

ГЕНРИ. Вы так поладили с Пиппой. Я так благодарен тебе за это... У меня никогда не получается подобрать верные слова. Так много горя... а теперь... все так изменилось. Ты... (*Целует Клариссу.*)

КЛАРИССА. Поезжай встречать своего мистера Джонса. (*Подталкивает Генри к дверям в холл.*) Все-таки, по-моему, дурацкое ему выбрали имя. Вы войдете через парадную дверь? Не запирайте ее?

ГЕНРИ (*оборачиваясь в дверном проеме*). Знаешь, нет. Пожалуй, нам лучше воспользоваться вон той дверью, из сада.

КЛАРИССА (*выталкивая Генри в холл*). Генри, тебе стоит надеть плащ. Довольно сыро.

Кларисса и Генри выходят в холл.

(*За сценой.*) И шарф, наверное, тоже.

ГЕНРИ (*за сценой*). Да, дорогая.

КЛАРИССА (*за сценой*). И поезжай осторожно, милый, ладно?

ГЕНРИ (*за сценой*). Да, дорогая.

КЛАРИССА (*за сценой*). До свидания.

ГЕНРИ (*за сценой*). До свидания.

Слышно хлопанье входной двери. Из холла входит Кларисса, неся тарелку с сэндвичами, завернутыми в салфетку, и ставит на столик. Потом, спохватившись, протирает след от нее и, поскольку он не стирается, ставит на это место вазу с цветами. Подходит к козетке, ставит на нее тарелку с сэндвичами, аккуратно взбивает подушки на диване. Напевая про себя, берет книгу Пиппы, идет к книжным полкам и ставит ее на место.

КЛАРИССА (напевая). «Кто там стучится в поздний час?.. (Поворачивается и идет к бюро.) Конечно, я — Финдлей! Ступай до...»¹ (Не успевает донести последнее слово, поскольку едва не спотыкается о тело Оливера. Вскрикивает, склонившись над ним.) Оливер! (Быстро выпрямляется и бежит к столику, чтобы позвать Генри, но соображает, что тот уже уехал. Снова поворачивается к телу, потом подбегает к телефону, снимает трубку, начинает набирать номер, потом останавливается и кладет трубку на рычаг. Подходит к столику, секунду стоит, раздумывая, потом смотрит на панель с книжными полками, со вздохом наклоняется и тащит тело к панели.)

Панель медленно отодвигается. Из ниши выходит Пиппа. Она в пижаме, на пижаму наброшен халат.

ПИППА. Кларисса!

КЛАРИССА (пытаясь встать между Пиппой и телом Оливера). Пиппа... не смотри туда. Не смотри.

ПИППА (сдавленным голосом). Я не хотела. Я, правда, не хотела этого делать.

КЛАРИССА (хватая Пиппу за плечи; в ужасе). Пиппа! Это... ты?

ПИППА. Он умер, да? Он совсем мертвый! (Истерично.) Я не... не хотела его убивать. Не хотела. (Всхлипывает.) Я не нарочно.

КЛАРИССА. Тихо, детка, тихо. Все в порядке. Давай-ка, присядь.

ПИППА. Я не нарочно. Я не хотела его убивать.

КЛАРИССА. Конечно, ты не нарочно. Пиппа, теперь послушай...

Пиппа рыдает.

(Кричит.) Пиппа, послушай меня. Все будет хорошо. Ты должна забыть об этом. Забыть обо всем, слышишь?

ПИППА. Да. Но... Но я...

¹ Стихотворение шотландского поэта Роберта Бернса (1759—1796). Перевод С. Маршака.

КЛАРИССА. Пиппа, доверься мне! Поверь, все будет хорошо. Только ты должна быть молодцом и делать все в точности, как я тебе скажу.

Пиппа отворачивается, истерично всхлипывая.

Пиппа! Ты сделаешь то, что я скажу? *(Поворачивает Пиппу к себе лицом.)* Сделаешь?

ПИППА. Да. Сделаю. *(Утыкается лицом в грудь Клариссе.)*

КЛАРИССА. Правильно. *(Помогает Пиппе встать с кресла.)* Я хочу, чтобы ты поднялась к себе и легла в постель.

ПИППА. Пойдем вместе.

КЛАРИССА *(ведя Пиппу к двери в холл)*. Да, да, я очень скоро поднимусь, как только смогу, и дам тебе такую маленькую беленькую таблеточку. Ты уснешь, а утром все покажется совсем в другом свете. *(Останавливается и оглядывается на тело.)* Может, и не о чем будет беспокоиться.

ПИППА. Но он умер... правда? Он умер?

КЛАРИССА. Нет, нет, может, он и не умер. Я сейчас посмотрю. А теперь, Пиппа, ступай. Делай, как я говорю.

Пиппа, всхлипывая, выходит в холл и поднимается вверх по лестнице.

(Кларисса поворачивается и подходит к столику). Допустим, я обнаруживаю труп у себя в гостиной, что я сделаю? Так что же мне теперь делать?

З а н а в е с

Действие второе

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Та же комната четверть часа спустя. Посреди комнаты расставлен ломберный столик, на нем разложены карты и маркеры для бриджа, вокруг него — четыре стула с прямыми спинками. Когда поднимается занавес, горит свет. Тело по-прежнему лежит за диваном. Кларисса стоит, склонясь над ломберным столиком и пишет цифры на одном из маркеров.

КЛАРИССА *(бормочет)*. Три в пиках, четыре в червах, пять без козырей, пас... *(Указывает рукой на место каждо-*

го игрока.) Пять в бубнах, пас, шесть пик — двойные — и, пожалуй, они снижают. Ну-ка, ну-ка, посмотрим, удвоенный в проигрыше, две взятки, пятьсот... или дать им сыграть? Нет.

Через стеклянную дверь входят сэр Роланд, Джереми и Хьюго

(Кладет маркер и карандаш на ломберный столик и бежит навстречу сэру Роланду.) Слава Богу, наконец вы пришли.

СЭР РОЛАНД. Что случилось, детка?

КЛАРИССА. Миленькие, вы должны мне помочь!

ДЖЕРЕМИ. Похоже, тут играют в бридж!

ХЬЮГО. Что за мелодрамы? Признавайтесь-ка, юная леди, что вы тут затеяли?

КЛАРИССА *(прижимаясь к сэру Роланду)*. Это серьезно... Ужасно серьезно. Вы мне поможете, да?

СЭР РОЛАНД. Разумеется, Кларисса, мы тебе поможем, но что все это значит?

ХЬЮГО. В чем дело?

ДЖЕРЕМИ *(равнодушно)*. Ты что-то затеяла, Кларисса? Что именно? Обнаружила труп?

КЛАРИССА. Вот именно.

ХЬЮГО. То есть как это?

КЛАРИССА. Именно так, как сказал Джереми. Я вошла сюда, и — обнаружила здесь мертвое тело.

ХЬЮГО *(озираясь)*. Не понимаю, о чем ты толкуешь.

КЛАРИССА. Я серьезно. *(Сердито.)* Оно вон там. Пойдите и взгляните. За диваном. *(Подталкивает сэра Роланда к дивану, а сама отходит в глубь комнаты)*.

Хьюго быстро идет к дивану Джереми перегибается через спинку дивана и присвистывает.

ДЖЕРЕМИ. И правда!

Хьюго и сэр Роланд наклоняются за диван и разглядывают тело

СЭР РОЛАНД. Постойте, да это же Оливер Костелло!

Джереми быстро задергивает шторы и снова подходит к Хьюго.

КЛАРИССА. Да.

СЭР РОЛАНД. Что он здесь делал?

КЛАРИССА. Он пришел вечером поговорить насчет Пиппы — сразу после того, как вы ушли в клуб.

СЭР РОЛАНД. Насчет Пиппы? Что ему было нужно?

КЛАРИССА. Они грозились забрать ее. Но сейчас это все не имеет значения. Нам нужно спешить. У нас очень мало времени.

СЭР РОЛАНД. Одну секунду. *(Делает шаг к Клариссе.)* Мы должны прояснить ситуацию. Что произошло дальше?

КЛАРИССА. Я сказала ему, что он ее не получит, и он уехал.

СЭР РОЛАНД. Но потом вернулся?

КЛАРИССА. Вы же сами видите.

СЭР РОЛАНД. Когда? Каким образом?

КЛАРИССА. Не знаю. Я уже говорила, я просто вошла в комнату и наткнулась на него — вот тут.

СЭР РОЛАНД *(склонившись над телом)*. Понятно. Что ж, он действительно мертв. Его ударили по голове чем-то тяжелым и острым. Что ж, нам предстоит не очень приятная процедура, но никуда не денешься. *(Идет к телефону.)* Придется звонить в полицию.

КЛАРИССА *(оборачиваясь)*. Нет!

СЭР РОЛАНД *(снимая трубку)*. Кларисса, тебе следовало сделать это немедленно. Ну ничего, они не должны тебя за это слишком винить.

Кларисса подбегает к сэру Роланду, отбирает у него трубку и кладет ее на место

КЛАРИССА. Нет, Роли, нет!

СЭР РОЛАНД. Деточка моя...

КЛАРИССА. Если бы я хотела, я сама могла бы позвонить в полицию. Я прекрасно знаю, что должна была это сделать. И я даже собралась туда звонить. Но вместо этого я позвонила вам. Попросила вас прийти сюда — всех троих. А вы даже не удосужились до сих пор спросить меня почему.

СЭР РОЛАНД. Предоставь все это нам. Мы...

КЛАРИССА. Вы ничего не поняли. Мне нужна ваша помощь. Ты говорил, что поможешь мне, если я когда-нибудь попаду в беду. Миленькие мои, пожалуйста, — вы должны мне помочь!

ДЖЕРЕМИ *(загораживая собой труп от Клариссы)*. Послушай, Кларисса, а что ты хочешь, чтобы мы сделали?

КЛАРИССА. Надо избавиться от трупа.

СЭР РОЛАНД. Деточка, не говори чепухи. Здесь произошло убийство.

КЛАРИССА. В том-то все и дело. Труп не должны обнаружить в этом доме.

ХЬЮГО. Дорогая моя девочка, ты сама не понимаешь, что говоришь. Ты просто начиталась про убийства в детективах. Но в реальной жизни нельзя же устраивать комедию с перетаскиванием трупов.

КЛАРИССА. Я уже перетащила его. Сначала я перевернула его, чтобы посмотреть, правда ли он мертвый, а потом было потащила в ту нишу, но поняла: одной мне не справиться. Вот поэтому я и позвонила вам, — а пока ждала вас, придумала план.

ДЖЕРЕМИ. В этот план входит столик для бриджа?

КЛАРИССА. Да, это станет нашим алиби.

ХЬЮГО. Ради всего святого, что ты еще...

КЛАРИССА. Два с половиной роббера. Я придумала все ходы и записала счет на этот маркер. Разумеется, вы все должны заполнить остальные, каждый — своим почерком.

СЭР РОЛАНД. Ты с ума сошла, Кларисса... просто сошла с ума!

КЛАРИССА. Я отлично все придумала. Тело нужно убрать отсюда. *(Смотрит на Джереми.)* Этим придется заняться двоим. Труп — тяжеленная штука, я уже убедилась в этом.

ХЬЮГО. Куда, черт возьми, нам, по-твоему, его девать?

КЛАРИССА. Думаю, лучше всего, в Марсденский лес. Это всего в двух милях отсюда. Через несколько ярдов после главных ворот свернете налево — это проселочная дорога, вряд ли вы на ней кого-нибудь встретите. Просто оставьте машину на обочине, когда пойдете в лес. А потом возвращайтесь сюда.

ДЖЕРЕМИ. Ты хочешь, чтобы мы бросили тело в лесу?

КЛАРИССА. Нет, оставьте его в машине. Вы что, не понимаете? Это же его машина. Он оставил ее у конюшни. На самом деле все очень просто. Если даже кто-то увидит, как вы возвращаетесь пешком обратно, будет уже совсем темно, и вас не узнают. И у вас есть алиби. Мы все вчетвером играли здесь в бридж.

Все трое изумленно смотрят на Клариссу.

ХЬЮГО. Я... Я... *(Машет рукой.)*

КЛАРИССА. Только не забудьте надеть перчатки, чтобы не оставлять ни на чем отпечатков пальцев. Я уже приготовила их. *(Вынимает из-под левой подушки дивана три пары перчаток.)*

СЭР РОЛАНД. Ну, знаешь, такой врожденный талант к преступлениям... У меня просто слов нет.

ДЖЕРЕМИ. До чего все продумала, а?

ХЬЮГО. И тем не менее все это полнейшая чушь.

КЛАРИССА. Только надо торопиться. В девять часов Генри и мистер Джонс уже будут здесь.

СЭР РОЛАНД. Мистер Джонс? Кто такой мистер Джонс?

КЛАРИССА (*прижимая ладонь ко лбу*). О Господи, я даже не представляла себе, что при убийстве нужно столько всего объяснять. Я-то думала, попрошу вас помочь мне, вы поможете и на этом все кончится. Ох, миленькие мои... вы должны... Хьюго... (*ерошит Хьюго волосы*) милый, милый Хьюго...

ХЬЮГО. Дорогая моя, игры и забавы — все это прекрасно, но... Смерть, убийство — это дело чертовски серьезное... И если из этого устраивать комедию, можно вляпаться в крупную неприятность. Нельзя таскаться с мертвецами черт знает куда посреди ночи.

КЛАРИССА. Джереми?

ДЖЕРЕМИ (*весело*). Чур, я в игре. Подумаешь, какая невидаль — один-другой мертвец.

СЭР РОЛАНД. Стойте, молодой человек. Я этого не допущу. Кларисса, ты должна слушать меня. Нужно подумать и о Генри.

КЛАРИССА. Но именно о Генри я и думаю. Сегодня вечером должно произойти нечто страшно важное. Генри поехал... поехал встретить одного человека и привезти его сюда. Это очень важно и жутко секретно. Никто не должен знать. Никаких утечек в прессе.

СЭР РОЛАНД (*с сомнением*). Некий мистер Джонс...

КЛАРИССА. Глупая фамилия — я согласна, но... Так его называют. Я не могу вам рассказать об этом. Я обещала, что вообще никому не скажу ни слова, но надо же мне хоть как-то втолковать вам, что я не... не полная идиотка и не устраиваю комедию, как выразился Хьюго. Как, по-вашему, отразится на карьере Генри, если он приведет сюда этого мистера Джонса — а здесь полицейские расследуют убийство, причем убийство человека, который только что женился на его бывшей жене?

СЭР РОЛАНД. Боже милостивый! Кларисса, а ты случайно не выдумываешь?

КЛАРИССА. Когда я говорю правду, мне никто не верит.

СЭР РОЛАНД. Прости (*Задумчиво*) Да, проблема сложнее, чем я думал.

КЛАРИССА. Теперь понимаете? Мы должны убрать труп отсюда.

ДЖЕРЕМИ. Где, ты говоришь, его машина?

КЛАРИССА. За конюшней.

ДЖЕРЕМИ. И слуги, полагаю, отпущены.

КЛАРИССА. Да.

ДЖЕРЕМИ (*берет пару перчаток*). Ладно Как прикажешь — труп к машине или машину к трупу?

СЭР РОЛАНД. Минуточку. Нельзя же кидаться в это так вот, очертя голову.

Джереми кладет перчатки на место

КЛАРИССА (*поворачиваясь к сэру Роланду*). Но нам нужно торопиться.

СЭР РОЛАНД. Кларисса, я не уверен, что этот твой план — наилучший. Вот если бы нам удалось потянуть время — чтобы тело обнаружили только завтра утром, думаю, это решило бы проблему, и все стало бы гораздо проще. Что, если нам, например, просто перенести тело в другую комнату — думаю, это вполне простительно, с точки зрения закона.

КЛАРИССА. Значит, осталось убедить тебя. (*Смотрит на Джереми.*) Джереми вполне готов... (*Смотрит на Хьюго.*) И Хьюго поворчит, покачает головой, порычит но... (*Поворачивается к сэру Роланду.*) Все равно все сделает. А ты... (*Идет к двери, ведущей в библиотеку, и открывает ее.*) Вы оба не выйдете ненадолго? Я хочу поговорить с Роли наедине.

ХЬЮГО (*сэру Роланду*). Роли, не давай ей подбить тебя на какую-нибудь глупость.

ДЖЕРЕМИ (*Клариссе*). Удачи!

Хьюго и Джереми выходят в библиотеку Кларисса закрывает дверь

КЛАРИССА. Итак!

СЭР РОЛАНД. Дорогая моя, я люблю и всегда буду горячо любить тебя, но в данном случае ответ один — нет.

КЛАРИССА (*серьезно и с нажимом*) Тело этого человека вообще не должно быть найдено в доме. Если его найдут в Марсденском лесу, я смогу сказать, что он сегодня ненадолго заезжал сюда, и смогу сообщить полиции, когда точно он уехал — ведь его выпроводила мисс Пик, и это оказалось очень кстати. Тогда вопрос о его возвращении вообще не

возникнет. Но если его тело найдут здесь, тогда допрашивать будут всех нас, и *(помедлив)* Пиппа не сможет этого выдержать.

СЭР РОЛАНД *(озадаченно)*. Пиппа?

КЛАРИССА. Она не выдержит и сознается.

СЭР РОЛАНД *(все понимая)*. Пиппа!

Кларисса кивает.

Боже мой!

КЛАРИССА. Она была в панике жуткой после того, как он ушел. Я говорила ей, что ни за что ее не отдам, но вряд ли она мне поверила. Ты же знаешь, через что ей пришлось пройти. Она сказала мне, что она не нарочно, и я уверена, это правда. Она просто испугалась. Схватила трость и ударила вслепую.

СЭР РОЛАНД. Какую трость?

КЛАРИССА. Со стойки в холле. Я оставила ее в нише — она и сейчас там, я к ней не притрагивалась.

СЭР РОЛАНД. Где сейчас Пиппа?

КЛАРИССА. В постели. Я дала ей таблетку снотворного. До утра она не должна проснуться. Завтра я отвезу ее в Лондон, там за ней присмотрит моя старая няня.

Сэр Роланд встает, идет мимо ломберного столика и подходит к труп, потом возвращается к Клариссе и целует ее.

СЭР РОЛАНД. Ты победила, деточка. Я приношу свои извинения. Это дитя нельзя подставлять под удар. Зови остальных. *(Торопливо подходит к стеклянной двери, выглядывает в сад и задергивает шторы.)*

Кларисса встает и открывает дверь в библиотеку.

КЛАРИССА *(зовет)*. Хьюго!.. Джереми!

Из библиотеки входят Хьюго и Джереми.

ХЬЮГО. Этот ваш дворецкий оплошал. Окно в библиотеке было открыто. Я его закрыл. *(Сэру Роланду.)* Ну?

СЭР РОЛАНД. Я передумал.

ДЖЕРЕМИ *(Клариссе)*. Отличная работа.

СЭР РОЛАНД. Нельзя терять время. Берите перчатки. *(Берет пару перчаток и надевает их.)*

Джереми берет две пары перчаток, одни надевает, а другие вручает Хьюго. Тот тоже надевает перчатки.

(Подходит к панели.) Как открывается эта штука?

ДЖЕРЕМИ. Вот так, сэр, Пиппа мне показывала. (*Передвигает рычажок и открывает панель.*)

Сэр Роланд заглядывает в нишу и вытаскивает оттуда трость.

СЭР РОЛАНД. Весит прилично. Утяжеленная ручка. Но все равно никогда бы не подумал...

ХЬЮГО. Что бы не подумал?

СЭР РОЛАНД. Мне казалось, это должно быть что-то с заостренным краем — что-то металлическое.

ХЬЮГО. Вроде топора?

ДЖЕРЕМИ. А по-моему, вполне убойная палка. Этим запросто можно проломить череп.

СЭР РОЛАНД. Да, вероятно. Хьюго, сожги ее в печке на кухне. (*Вручает трость Хьюго.*) Уоррендер, мы с вами стнесем тело в машину. (*Наклоняется над телом.*)

Джереми тоже склонился над телом. Неожиданно звонят в дверь.

Джереми и сэр Роланд выпрямляются.

Что это?

КЛАРИССА (*растерянно*). Звонят в дверь.

Все замерли.

Кто это может быть? Для Генри и мистера Джонса еще слишком рано. Должно быть, это сэр Джон.

СЭР РОЛАНД. Сэр Джон? Ты имеешь в виду министра иностранных дел?

КЛАРИССА. Да.

СЭР РОЛАНД. Мм-да. Что ж, нужно что-то предпринять.

Снова раздается звонок.

Кларисса, пойдй открой дверь. Потяни время, как только сможешь. А мы пока все здесь уберем.

Кларисса выходит в холл.

Сейчас мы затащим его туда. А потом, когда все соберутся здесь на свои переговоры, мы сможем вынести его на улицу через библиотеку.

ДЖЕРЕМИ. Неплохая мысль.

Джереми и сэр Роланд поднимают труп.

ХЬЮГО. Помочь вам?

ДЖЕРЕМИ. Нет, все в порядке.

Джереми и сэр Роланд берут мертвеца под мышки и тащат в нишу. Хьюго берет фонарик. Сэр Роланд выходит из ниши и нажимает на рычажок, из ниши выходит Джереми. Хьюго торопливо проскальзывает под рукой Джереми в нишу с фонариком и тростью. Панель закрывается.

СЭР РОЛАНД (*смотрит, не запачкал ли он свой плащ в крови*). Перчатки. (*Снимает перчатки и сует их под левую подушку дивана.*)

Джереми снимает перчатки и тоже кладет их под подушку.

Бридж. (*Подходит к ломберному столику и садится перед ним*).

Джереми подбегает к левому краю ломберного столика, открывает карты Клариссы и берет свои карты.

Давай же, Хьюго.

Стук из-за панели. Джереми и сэр Роланд переглядываются. Джереми, вскакивает, подбегает к рычажку и открывает панель. Из ниши выходит Хьюго.

Давай, Хьюго.

ДЖЕРЕМИ (*закрывая панель*). Быстрее, Хьюго.

Сэр Роланд берет перчатки Хьюго и засовывает их под подушку. Все торопливо рассаживаются за столиком. Берут карты. Из холла входят: Кларисса, инспектор Лорд и констебль Джонс.

КЛАРИССА (*с большим удивлением*). Дядя Роли, это полиция.

Констебль становится у дверей в холл.

ИНСПЕКТОР (*подходит к Клариссе*). Прошу прощения за вторжение, джентльмены, но мы получили сведения, что здесь было совершено убийство.

ХЬЮГО	} (одновременно).	Что-что?
ДЖЕРЕМИ		Убийство!
СЭР РОЛАНД		Что-о?
КЛАРИССА		Что за ерунда!

ИНСПЕКТОР. Нам позвонили в участок. (*Хьюго.*) Добрый вечер, мистер Берч.

ХЬЮГО (с запинкой). Э-э... добрый вечер, инспектор.
СЭР РОЛАНД. Похоже, вас кто-то разыграл, инспектор.
КЛАРИССА. Мы весь вечер играли в бридж.

Остальные кивают.

И кого же здесь убили?

ИНСПЕКТОР. Звонивший не называл никаких имен — просто сообщил, что в Копплстоун-Корте убит мужчина, и попросил приехать немедленно. Трубку повесили прежде, чем удалось выяснить какую-либо дополнительную информацию.

КЛАРИССА. Это наверняка был розыгрыш. (С благородным негодованием.) Какая отвратительная шутка!

Хьюго цокает языком и покачивает головой.

ИНСПЕКТОР. Народ додумывается и до таких шуточек, мадам, вы не поверите! Ну что ж, судя по вашим словам, сегодня вечером здесь не произошло ничего необычного? Может быть, мне все же стоит повидаться и с мистером Хэйлшэм-Брауном?

КЛАРИССА. Его сейчас тут нет. Он придет поздно вечером.

ИНСПЕКТОР. Понятно. Кто находится в доме?

КЛАРИССА (по очереди представляя присутствующих). Сэр Роланд Делахэй. Мистер Уоррендер. И моя маленькая падчерица. Она уже спит.

ИНСПЕКТОР. Как насчет слуг?

КЛАРИССА. У них сегодня свободный вечер. Они поехали в кино, в Мэйдстоун.

ИНСПЕКТОР. Понятно.

Из холла входит Элджин.

ЭЛДЖИН. Вам что-нибудь нужно, мадам?

КЛАРИССА. Элджин, я полагала вы в кино!

Инспектор бросает быстрый взгляд на Клариссу.

ЭЛДЖИН. Мы почти сразу же вернулись, мадам. Моя жена неважно себя почувствовала... э-э... проблемы с желудком. (Переводит взгляд с инспектора на констебля.) Что-нибудь... случилось?

ИНСПЕКТОР. Как ваше имя?

ЭЛДЖИН. Элджин. Я надеюсь, ничего не...

ИНСПЕКТОР. Кто-то позвонил в участок и сообщил, что здесь произошло убийство.

ЭЛДЖИН. Убийство?

ИНСПЕКТОР. Что вам об этом известно?

ЭЛДЖИН. Ничего. Абсолютно ничего.

ИНСПЕКТОР. Это не вы звонили?

ЭЛДЖИН. Нет, конечно.

ИНСПЕКТОР. Полагаю, вы вошли через... заднюю дверь?

ЭЛДЖИН. Да, сэр.

ИНСПЕКТОР. Не заметили ничего необычного?

ЭЛДЖИН. Теперь, когда вы сказали, я вспомнил: там, возле конюшни, стояла чужая машина.

ИНСПЕКТОР. Чужая машина?

ЭЛДЖИН. Я тогда еще подумал, чья она. Довольно неподходящее место для автомобиля.

ИНСПЕКТОР. В ней был кто-нибудь?

ЭЛДЖИН. Насколько я мог видеть, нет, сэр.

ИНСПЕКТОР (*констеблю*). Джонс, пойдите взгляните на нее.

КЛАРИССА (*подавшись вперед; пораженно*). Джонс?

ИНСПЕКТОР (*поворачиваясь к Клариссе*). Прошу прощения?

КЛАРИССА (*улыбаясь*). Ничего... просто... Я знаю одного Джонса. Вы с ним не очень похожи.

Инспектор делает знак констеблю и Элджину, и они выходят в холл, закрывая за собой дверь. Джереми встает, идет к дивану, садится и ест сандвичи. Инспектор кладет свою шляпу и перчатки на кресло и подходит к ломберному столику.

ИНСПЕКТОР. Похоже, кто-то заезжал сюда сегодня вечером. Вы никого не ждали?

КЛАРИССА. О нет... нет. Мы никого не ждали. Понимаете, нас было как раз четверо — для бриджа.

ИНСПЕКТОР. О, я и сам люблю играть в бридж.

КЛАРИССА. Вот как? Вы играете в «Блэквуд»?

ИНСПЕКТОР. Я просто люблю игру, где надо подумать. Вы недавно здесь живете, не так ли, миссис Хэйлшэм-Браун?

КЛАРИССА. Да, месяца полтора.

ИНСПЕКТОР. И за это время здесь не случилось никаких забавных происшествий?

СЭР РОЛАНД. Что вы подразумеваете под забавными происшествиями, инспектор?

ИНСПЕКТОР. Ну, это довольно любопытная история, сэр. Этот дом раньше принадлежал мистеру Селлону — антиквару. Он умер полгода назад.

КЛАРИССА. Да, с ним произошел какой-то несчастный случай, верно?

ИНСПЕКТОР. Правильно. Упал с лестницы и ударился головой. *(Смотрит на Джереми.)* Причиной смерти считается несчастный случай. Может, оно так, а может, и нет.

КЛАРИССА. Вы хотите сказать, что кто-то мог столкнуть его?

ИНСПЕКТОР. Вполне возможно. Или кто-то раскроил ему череп...

Хьюго встает, подходит к стулу, стоящему у бюро, и усаживается на него. Остальные замирают.

(Поворачивается к Джереми.) И положил у подножия лестницы, чтобы имитировать падение.

КЛАРИССА. Вот этой самой лестницы? Здесь?

ИНСПЕКТОР. Нет, в магазине. Конечно, никаких свидетелей, но... Он был темной лошадкой, этот мистер Селлон.

СЭР РОЛАНД. В каком смысле, инспектор?

ИНСПЕКТОР. Пару раз ему приходилось, если можно так выразиться, давать нам кое-какие объяснения. А однажды сюда наведывались ребята из Отдела по борьбе с наркотиками, чтобы потолковать с ним... *(поворачивается к Джереми)* но все это только подозрения.

СЭР РОЛАНД. Выражаясь, так сказать, официально...

ИНСПЕКТОР. Совершенно верно, сэр.

СЭР РОЛАНД. В то время, как неофициально...

ИНСПЕКТОР. Боюсь, мы не можем это обсуждать. *(Поворачивается к Джереми.)* Но в деле имелось одно довольно любопытное обстоятельство. На письменном столе мистера Селлона осталось его незаконченное письмо, где он упоминает о каком-то доставшемся ему предмете, который он назвал несравненной редкостью, раритетом, отнюдь не являющимся подделкой, и за который он просит четырнадцать тысяч фунтов.

СЭР РОЛАНД. Четырнадцать тысяч — сумма немалая. Интересно, что это могло быть? Полагаю, драгоценность, но вот слово «подделка»... Может быть, картина?

Джереми продолжает поедать сэндвичи

ИНСПЕКТОР. Да. Ничего, что стоило бы таких денег, в магазине найдено не было. Об этом ясно свидетельствует страховая опись. *(Поворачивается к Джереми.)* Единственный партнер мистера Селлона — женщина, у которой свое собственное небольшое дело в Лондоне, — написала, что ничем не может нам помочь.

СЭР РОЛАНД. Итак, возможно, он был убит, а вещь, что бы это ни было, украдена.

ИНСПЕКТОР. Это возможно, но однако, предполагаемый вор мог и не найти ее.

СЭР РОЛАНД. Почему вы так думаете?

ИНСПЕКТОР. Потому что с тех пор магазин дважды взламывали. *(Поворачивается к Джереми.)* Взламывали и обыскивали.

КЛАРИССА. Инспектор, почему вы нам все это рассказываете?

ИНСПЕКТОР. Потому, миссис Хэйлшэм-Браун, что, как мне сдается, вещь, о которой писал Селлон, была спрятана здесь, а не в магазине в Мэйдстоуне, и вот почему я спрашивал, не замечали ли вы чего-нибудь забавного.

КЛАРИССА. Кто-то позвонил сегодня и попросил меня к телефону, а когда я подошла, этот кто-то... просто повесил трубку. В каком-то смысле, это довольно странно, и... Да, конечно... Тот человек, что приезжал позавчера и хотел купить мебель... Похожий на жокея, в клетчатом костюме. Он хотел купить это бюро.

ИНСПЕКТОР *(подходя к бюро)*. Вот это?

Хьюго встает.

КЛАРИССА. Да. Разумеется, я сказала ему, что оно не наше и мы не можем его продать, но, похоже, он мне не поверил. Он предлагал большую сумму, намного больше, чем оно стоит.

ИНСПЕКТОР. Интересно. *(Осматривает бюро.)* В таких вещах часто бывают тайнички.

КЛАРИССА. Да, в этом тоже есть. Но там не было ничего особенного — только какие-то старые автографы.

Из холла входит констебль. В руках у него технический паспорт автомобиля и пара перчаток.

ИНСПЕКТОР. Да, Джонс?

КОНСТЕБЛЬ. Я проверил машину, сэр. Пара перчаток на водительском сиденье. Техпаспорт в кармашке на дверце. *(Передает паспорт инспектору.)*

ИНСПЕКТОР *(изучая паспорт)*. Оливер Костелло, двадцать семь лет. Морган-Мэншнс, три. *(Резким тоном.)* Был здесь сегодня человек по имени Костелло?

Кларисса и сэр Роланд быстро переглядываются.

КЛАРИССА. Да, он был здесь около... сейчас скажу... половины седьмого.

ИНСПЕКТОР. Ваш друг?

КЛАРИССА. Нет. Я бы не назвала его другом. Видела его один или два раза. *(Изображая смущение.)* Это... немного неловко... *(Кивает сэр Роланду.)*

СЭР РОЛАНД. Наверное, будет лучше, если я объясню ситуацию, инспектор. Дело касается бывшей миссис Хэйлшэм-Браун. Год назад она получила развод и недавно вышла замуж за Оливера Костелло.

ИНСПЕКТОР. Понятно. И мистер Костелло сегодня приехал сюда. Зачем? Вы договаривались о встрече?

КЛАРИССА *(с готовностью)*. О нет. Так случилось, что Миранда, уходя, захватила с собой пару вещей, которые ей не принадлежали. Оливер случайно оказался в этих краях и заехал, просто чтобы вернуть их.

ИНСПЕКТОР. Что за вещи?

КЛАРИССА *(с улыбкой)*. Ничего существенного. *(Берет со столика возле дивана маленькую серебряную сигаретницу.)* Вот одна из них. *(Показывает сигаретницу инспектору.)* Она принадлежала матери моего мужа, и муж дорожит ею, поскольку с ней связаны какие-то трогательные воспоминания.

ИНСПЕКТОР. Сколько времени провел здесь мистер Костелло?

КЛАРИССА. О, очень недолго. Он сказал, что торопится. Думаю, минут десять, не больше.

ИНСПЕКТОР. И ваш разговор с ним был вполне дружеским?

КЛАРИССА. О да. Ведь это так любезно с его стороны — самому потрудиться завезти нам эти вещи!

ИНСПЕКТОР. Он не говорил, куда собирается ехать потом?

КЛАРИССА. Нет. Вообще-то он вышел через эту стеклянную дверь. Кстати, наша садовница, мисс Пик, была здесь — она сама предложила проводить его через сад.

ИНСПЕКТОР. Ваша садовница? Она живет здесь?

КЛАРИССА. Да, она живет в коттедже.

ИНСПЕКТОР. Пожалуй, мне стоит перекинуться с ней словечком. Джонс!

КЛАРИССА. В коттедже есть телефон. Хотите, я позову ее, инспектор? *(Идет к телефону и снимает трубку.)*

ИНСПЕКТОР. Если вас не затруднит, миссис Хэйлшэм-Браун.

КЛАРИССА. Нисколько. *(Нажимает кнопку на телефонном аппарате.)* Не думаю, что она уже легла. *(Улыбается инспектору.)*

Инспектор явно смущен. Джереми улыбается и берет очередной сэндвич.

(В трубку.) Добрый вечер, мисс Пик. Это миссис Хэйлшэм-Браун... Вы не могли бы зайти сейчас? У нас тут произошло... да, довольно важное... О да, это нас вполне устроит, спасибо. *(Кладет трубку.)* Она только что вымыла голову, но сейчас оденется и придет.

ИНСПЕКТОР. Благодарю вас.

Кларисса рассказывает взад-вперед по комнате.

Он мог сказать ей, куда направляется?

КЛАРИССА. Да, возможно.

ИНСПЕКТОР. Почему машина мистера Костелло все еще здесь? И где сам мистер Костелло?

Кларисса на мгновение останавливается, искоса глянув на панель с книгами, потом идет дальше к стеклянной двери. Джереми непринужденно откидывается на спинку дивана и кладет ногу на ногу.

Совершенно очевидно, что мисс Пик была последней, кто видел его. Вы сказали, он вышел тут. Вы за ним эту дверь заперли?

КЛАРИССА. Нет.

ИНСПЕКТОР. О-о!

КЛАРИССА. Я... По-моему, нет.

ИНСПЕКТОР. Значит, он снова мог войти сюда. Миссис Хэйлшэм-Браун, с вашего разрешения, я хотел бы осмотреть дом.

КЛАРИССА *(с улыбкой)*. Конечно. Вы уже видели эту комнату. Здесь никого нельзя спрятать. *(На секунду отодвигает портьеру.)* Вот, смотрите! *(Подходит к двери, ведущей в библиотеку, и открывает ее.)* Здесь библиотека. Хотите зайти туда?

ИНСПЕКТОР. Благодарю вас. Джонс!

Инспектор и констебль идут в библиотеку.

(Указывает на левую дверь в дальней стене библиотеки.) Выясните, куда ведет эта дверь, Джонс.

КОНСТЕБЛЬ. Слушаюсь, сэр.

Сэр Роланд вскакивает и подбегает к панели.

СЭР РОЛАНД (*жестикулирует*). Что там, с другой стороны?
КЛАРИССА. Книжные полки.
КОНСТЕБЛЬ (*за сценой*). Она выходит в холл, сэр.

Инспектор и констебль выходят из библиотеки.

ИНСПЕКТОР. Верно. Теперь осмотрим остальные помещения.

КЛАРИССА. Если вы не против, я пойду с вами, а то моя падчерица может проснуться и испугаться. Хотя вообще-то вряд ли. Это поразительно, какой у детей крепкий сон. Их приходится чуть ли не трясти, чтобы разбудить.

Инспектор открывает дверь в холл.

У вас есть дети, инспектор?

ИНСПЕКТОР. Мальчик и девочка.

Инспектор выходит и поднимается по лестнице.

КЛАРИССА. Это прекрасно. (*Поворачивается к констеблю.*) Мистер Джонс!

Констебль выходит в холл. Кларисса следует за ним, улыбка сползает с ее лица, когда она закрывает за собой дверь. Хьюго вытирает ладони, а Джереми утирает лоб.

ДЖЕРЕМИ. И что теперь? (*Берет еще один сэндвич.*)

СЭР РОЛАНД. Не нравится мне это. Мы увязаем все глубже.

ХЬЮГО. Если спросите меня, то нам остается только одно — рассказать все как есть. Признаться сейчас, пока еще не слишком поздно.

ДЖЕРЕМИ. Черт, мы не можем этого сделать. Это было бы нечестно по отношению к Клариссе.

ХЬЮГО. Мы поставим ее в худшее положение, если будем продолжать все это. Как нам теперь увезти тело? Ведь полиция заберет машину этого парня.

ДЖЕРЕМИ. Увезем на моей.

ХЬЮГО. Ну, не знаю, мне это не нравится. Совсем не нравится. Черт возьми, я же местный мировой судья. Роли, что ты скажешь? У тебя-то голова работает!

СЭР РОЛАНД. Лично я продолжаю спектакль.

ХЬЮГО. Я тебя не понимаю.

СЭР РОЛАНД. Если можешь, поверь мне на слово. Мы все увязли в очень паршивой истории. Но если держаться

друг за друга, то при определенном везении, полагаю, у нас есть шанс выпутаться. Как только полицейские убедятся, что Костелло в доме нет, они тоже уйдут и станут искать где-нибудь еще. В конце концов, может быть множество причин, по которым он решил оставить свою машину здесь и пойти пешком. Я не вижу, почему подозрение должно непременно пасть на кого-то из нас. Все мы уважаемые люди: Хьюго — мировой судья, Генри служит в Министерстве иностранных дел.

ХЬЮГО. Полагаю, и у тебя была безупречная и даже выдающаяся карьера. Что ж, ладно, стоим на своем.

ДЖЕРЕМИ (*встает с дивана*). А не можем мы предпринять что-нибудь прямо сейчас? (*Кивком указывает на нишу.*)

СЭР РОЛАНД. Не успеем. Они вернутся с минуты на минуту. Пусть пока лежит где лежит — так безопаснее.

ДЖЕРЕМИ. Должен сказать, Кларисса просто великолепна. Даже бровью не ведет. И так приручила этого полицейского инспектора — чуть не кормит его из рук!

В дверь звонят.

СЭР РОЛАНД. Наверное, это мисс Пик. Уоррендер, пойдите откройте ей.

Джереми выходит в холл. Хьюго и сэр Роланд устремляются навстречу друг другу.

ХЬЮГО. Роли... Что случилось, Роли? Что такого сказала тебе эта девчонка, когда вы остались с ней вдвоем?

ДЖЕРЕМИ (*за сценой*). Добрый вечер, мисс Пик.

Сэр Роланд хочет что-то сказать, но, услышав голос мисс Пик, показывает жестом, что сейчас не время.

МИСС ПИК (*за сценой*). Добрый вечер, мистер Уоррендер.

ДЖЕРЕМИ (*за сценой*). Думаю, вам лучше туда войти.

Джереми и мисс Пик входят из холла. Мисс Пик одета довольно небрежно, голова обернута полотенцем

МИСС ПИК. Что все это значит? Миссис Браун-Хэйлшэм говорила по телефону жутко таинственно. Что-нибудь случилось?

СЭР РОЛАНД. Мне крайне жаль, что вас потревожили, мисс Пик. Пожалуйста, присядьте.

МИСС ПИК. О, благодарю вас.

СЭР РОЛАНД. Кстати, у нас тут в доме полиция, и...
МИСС ПИК. Полиция? Что, залезли грабители?
СЭР РОЛАНД. Нет, не совсем... но...

Кларисса, инспектор и констебль входят из холла.

КЛАРИССА. Инспектор, это мисс Пик.

ИНСПЕКТОР. Добрый вечер, мисс Пик.

МИСС ПИК. Добрый вечер, инспектор. Я как раз спрашивала сэра Роланда, что случилось: дом ограбили или еще что-нибудь такое?

ИНСПЕКТОР. Выехать сюда нас заставил довольно странный телефонный звонок, и мы полагаем, что вы, может быть, сумеете прояснить ситуацию.

МИСС ПИК *(смеется)*. Как таинственно!

ИНСПЕКТОР. Нас интересует мистер Костелло — мистер Оливер Костелло, двадцати семи лет, проживающий в Челси, Морган-Мэншнс.

МИСС ПИК. Никогда не слышала о таком.

ИНСПЕКТОР. Он был здесь сегодня вечером — приезжал к миссис Хэйлшэм-Браун, — и, насколько мне известно, вы провожали его через сад.

МИСС ПИК. А-а, тот мужчина! Миссис Хэйлшэм-Браун и правда называла его имя. Так что вы хотите знать?

ИНСПЕКТОР. Я хочу в точности знать, что произошло и когда вы в последний раз его видели.

МИСС ПИК. Сейчас соображу. Мы вышли через эту дверь, и я сказала, что здесь есть короткая тропинка, если ему нужно к автобусу, а он ответил, что нет, он, дескать, приехал на своей машине и оставил ее за конюшней.

ИНСПЕКТОР. Довольно странное место, чтобы оставлять там машину.

МИСС ПИК *(хлопая его по плечу)*. Вот-вот, так я тогда и подумала! Проще-то было подъехать прямо к передней двери, верно? Бывают же причуды.

ИНСПЕКТОР. А потом?

МИСС ПИК. Он пошел к своей машине и, наверное, уехал на ней.

ИНСПЕКТОР. Вы не видели, как он уезжал?

МИСС ПИК. Нет, я убирала свой инвентарь.

ИНСПЕКТОР. И больше вы его не видели?

МИСС ПИК. Нет, а что?

ИНСПЕКТОР. Его машина все еще здесь. В семь сорок девять в полицейский участок позвонили и сообщили, что в Копплстоун-Корте был убит мужчина.

МИСС ПИК. Убит? Здесь? Чушь!

ИНСПЕКТОР. Похоже, здесь все придерживаются единого мнения. *(Смотрит на сэра Роланда.)*

МИСС ПИК. Конечно, я знаю, кругом полно этих маньяков, нападающих на женщин, но... вы говорите, был убит мужчина...

ИНСПЕКТОР. Вы не слышали — вечером сюда не подъезжала какая-нибудь машина?

МИСС ПИК. Только мистера Хэйлшэм-Брауна.

ИНСПЕКТОР. Мистера Хэйлшэм-Брауна? Я полагал, он сегодня вернется поздно. *(Смотрит на КлариССу.)*

КЛАРИССА. Муж заезжал домой, но ему почти сразу же пришлось уехать.

ИНСПЕКТОР. Ах, вот как? Когда он точно приезжал домой?

КЛАРИССА. Сейчас скажу... около...

МИСС ПИК. Это было примерно за четверть часа до того, как я кончила пахать — приходится вкалывать, инспектор, иной раз и сверхурочно. Рабочий день-то у меня ненормированный. Надо делать свою работу добросовестно *(хлопает ладонью по ломберному столику)* — так я считаю. Да, когда приехал мистер Хэйлшэм-Браун, было примерно четверть восьмого.

ИНСПЕКТОР. Вскоре после того, как ушел мистер Костелло. Они, вероятно, разминулись.

МИСС ПИК. Вы хотите сказать, он мог вернуться, чтобы встретиться с мистером Хэйлшэм-Брауном?

КЛАРИССА. Сюда Оливер точно не возвращался.

МИСС ПИК. Но вы же не можете говорить наверняка, миссис Хэйлшэм-Браун. Он мог войти через стеклянную дверь, а вы бы и не заметили. Ух ты! Думаете, он мог и мистера Хэйлшэм-Брауна убить? Ох, простите меня.

КЛАРИССА. Разумеется, он не убивал Генри.

ИНСПЕКТОР. Куда направился ваш муж, когда уехал отсюда?

КЛАРИССА. Понятия не имею.

ИНСПЕКТОР. Он обычно не говорит, куда едет?

КЛАРИССА. Я стараюсь его не расспрашивать. По-моему, мужчину так утомляет, когда жена вечно задает вопросы.

Мисс Пик неожиданно вскрикивает

МИСС ПИК. Ох, какая же я дура. Ну, конечно, раз машина этого человека все еще здесь, значит, его и убили! *(Хохочет.)*

СЭР РОЛАНД. У нас нет причин считать, что кто-то вообще был убит, мисс Пик. На самом деле, инспектор полагает, что все это — какой-то дурацкий розыгрыш.

МИСС ПИК. Но как же машина? Я думаю, машина — это очень подозрительно. Инспектор, вы уже искали тело?

СЭР РОЛАНД. Инспектор уже осмотрел дом.

Инспектор оборачивается и пристально смотрит на сэра Роланда.

МИСС ПИК (*хлопая инспектора по плечу*). Я уверена, тут не без этих Элджинов. Никогда им не доверяла. И сейчас, когда шла сюда, видела: у них в спальне горит свет. А это уже само по себе подозрительно. У них сегодня свободный вечер, и обычно они не возвращаются раньше одиннадцати. Вы уже обыскали их комнаты?

Инспектор открывает рот, желая что-то сказать.

(*Снова хлопает инспектора по плечу.*) Теперь слушайте. Предположим, этот мистер Костелло узнал, что Элджин — бывший уголовник. И вот он решает вернуться — предупредить мистера Хэйлшэм-Брауна, а тут Элджин его и убил. Потом, разумеется, Элджину пришлось где-нибудь быстро припрятать труп, чтобы позже, ночью, от него избавиться. Итак, интересненько, где бы он его спрятал. (*Указывает на стеклянную дверь.*) За портьерой или...

КЛАРИССА. Ох, что вы, в самом деле, мисс Пик, никто никого не прятал ни за какими портьерами. И я уверена, Элджин никогда никого не убивал — это совершеннейшая чушь.

МИСС ПИК (*поворачиваясь к Клариссе*). Вы так доверчивы, миссис Хэйлшэм-Браун. Когда доживете до моих лет, узнаете, как часто люди на самом деле оказываются вовсе не теми, за кого себя выдают.

Инспектор снова открывает рот.

(*Хлопает инспектора по плечу.*) Итак, где человек вроде Элджина спрятал бы тело? Есть тут один чуланчик между этой комнатой и библиотекой. Вы, наверное, уже осмотрели ее?

СЭР РОЛАНД. Мисс Пик, инспектор уже осматривал и эту комнату, и...

Инспектор пристально смотрит на сэра Роланда.

ИНСПЕКТОР. Что вы называете «одним чуланчиком», мисс Пик?

МИСС ПИК. О, это чудненькое местечко для игры в прятки. О нем в жизни не догадаешься, если не знаешь. Я вам покажу. *(Идет к панели с книгами.)*

Инспектор следует за мисс Пик. Джереми встает.

КЛАРИССА. Нет!

Инспектор и мисс Пик поворачиваются к Клариссе.

(Подходит к инспектору.) Там ничего нет. Я знаю это, потому что совсем недавно проходила через него в библиотеку. *(Голос ее дрожит.)*

МИСС ПИК *(разочарованно)*. Ну, ладно, раз так, то... *(Отворачивается от панели.)*

ИНСПЕКТОР. Тем не менее покажите его мне. Я хотел бы сам взглянуть.

МИСС ПИК *(опять идет к панели с книгами)*. Раньше тут была обычная дверь — точно такая же, как и вон там. *(Двигает рычажок)*. Тянете эту штуковину, и дверь открывается. Видите!

Панель открывается. Труп наклоняется и падает вперед. Мисс Пик визжит.

ИНСПЕКТОР *(глядя на Клариссу)*. Итак, сегодня вечером здесь все же было совершено убийство.

Мисс Пик визжит, покуда свет гаснет и опускается занавес.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же комната десять минут спустя. Тело Оливера по-прежнему лежит в нише, панель открыта. Кларисса лежит на диване. Сэр Роланд сидит у нее в ногах, держа в руках бокал с бренди, из которого он дает Клариссе выпить. Инспектор говорит по телефону. Констебль стоит у столика в глубине комнаты.

ИНСПЕКТОР *(в телефонную трубку)*. Да, да... Что там?.. Столкновение? Лобовое?.. Где?.. Ага, ясно... Да, ладно, вышлите их как можно скорее... Да, нам понадобятся фотографии. Да, весь набор. *(Кладет трубку и подходит к кон-*

стеблю). Все не слава богу. Неделями ничего не происходит, а сейчас полицейский врач на выезде — авария на Лондонском шоссе. Это означает небольшую задержку. *(Идет к нише.)* Тем не менее сделаем все, что сможем, до приезда врача. До прибытия фотографа лучше его не трогать, хотя фотографии нам все равно ничего не дадут — он был убит не здесь. Его затащили сюда уже потом. *(Смотрит на пол.)* Вон его ноги проехали по коврику.

Инспектор и констебль садятся на корточки за диваном и разглядывают ковер.

СЭР РОЛАНД *(Клариссе)*. Как ты себя чувствуешь?

КЛАРИССА *(слабым голосом)*. Лучше.

Инспектор и констебль поднимаются.

ИНСПЕКТОР *(констеблю)*. Наверное, лучше прикрыть эту книжную дверь, нам больше ни к чему истерики.

КОНСТЕБЛЬ. Точно, сэр. *(Закрывает панель.)*

СЭР РОЛАНД *(инспектору)*. У миссис Хэйлшэм-Браун был сильный шок. Думаю, ей следует пойти к себе в комнату и прилечь.

ИНСПЕКТОР. Разумеется — через пару минут. Я только хотел бы задать ей сначала несколько вопросов.

СЭР РОЛАНД. Она не в том состоянии, чтобы ее допрашивали.

КЛАРИССА *(слабым голосом)*. Со мной все нормально. Правда, я в порядке.

СЭР РОЛАНД *(предостерегающе)*. С твоей стороны это очень мужественно, деточка, — но, право же, не вполне разумно.

КЛАРИССА. Дядя Роли, дорогой мой! *(Инспектору.)* Он всегда так заботится обо мне.

ИНСПЕКТОР. Я вижу.

КЛАРИССА. Пожалуйста, спрашивайте меня, о чем хотите, инспектор. Хотя, боюсь, ничем не смогу вам помочь, потому что я просто ничего не знаю.

Сэр Роланд вздыхает, легонько качает головой и отворачивается.

ИНСПЕКТОР. Мы не станем вас слишком волновать, мадам. *(Подходит к двери в библиотеку и открывает ее. Сэр Роланду.)* Не присоединитесь ли вы к другим джентльменам, сэр?

СЭР РОЛАНД. Полагаю, мне лучше остаться здесь, на случай если...

ИНСПЕКТОР (*твердо*). Я позову вас, если это будет необходимо.

Испытующе глядят друг на друга. Сэр Роланд неохотно выходит в библиотеку. Инспектор закрывает за ним дверь, потом показывает констеблю на стул возле столика в глубине комнаты. Кларисса спускает ноги с дивана и садится. Констебль садится у столика и достает блокнот и карандаш, чтобы записывать вопросы и ответы.

Итак, миссис Хэйлшэм-Браун, начнем, если вы готовы. (*Берет сигаретницу со столика, возле дивана, вертит ее в руках, открывает и смотрит на сигареты внутри.*)

КЛАРИССА. Милый дядюшка Роли. Всегда хочет убедить меня от всего на свете. (*Видя сигаретницу в руках у инспектора, начинает нервничать. Кокетливо улыбается инспектору.*) Это же не будет допрос третьей степени, правда?

ИНСПЕКТОР. Что вы, ничего такого! Всего лишь несколько простых вопросов. (*Констеблю.*) Вы готовы, Джонс? (*Садится на стул, лицом к Клариссе.*)

КОНСТЕБЛЬ. Готов, сэр.

ИНСПЕКТОР. Итак, миссис Хэйлшэм-Браун, вы и не подозревали, что в этой нише было спрятано мертвое тело?

КЛАРИССА. Конечно нет. Это ужасно... Просто кошмар.

ИНСПЕКТОР. Почему вы не обратили наше внимание на эту нишу, когда мы осматривали комнату?

КЛАРИССА. Знаете, как-то в голову не пришло. Видите ли, мы ею никогда не пользуемся, поэтому у меня даже и мысли такой не возникло.

ИНСПЕКТОР. Но вы сказали, что только недавно проходили через эту дверь в библиотеку.

КЛАРИССА. Ах, нет. Вы, наверное, меня не так поняли. Я имела в виду вон ту дверь. (*Указывает на дверь в библиотеку.*)

ИНСПЕКТОР. Да, вероятно, я не так вас понял. Итак, вы также не имеете представления, когда мистер Костелло вернулся в этот дом и зачем он приходил?

КЛАРИССА. Понятия не имею.

ИНСПЕКТОР. Но факт остается фактом — он возвращался.

КЛАРИССА. Да, конечно.

ИНСПЕКТОР. У него должна была быть какая-то причина.

КЛАРИССА. Вероятно.

ИНСПЕКТОР. Возможно, он хотел встретиться с вашим мужем?

КЛАРИССА (*поспешно*). О нет, я уверена, что не хотел. Они с Генри всегда недолгобливали друг друга.

ИНСПЕКТОР. А-а! Между ними была ссора?

КЛАРИССА. О нет, они не ссорились. Просто Генри считал, что Оливер не нашего круга. Вы же знаете, мужчины иногда такие странные!

ИНСПЕКТОР. А не затем ли он возвращался, чтобы снова встретиться с вами?

КЛАРИССА. Со мной? О, я уверена, что нет.

ИНСПЕКТОР. Тогда с кем же?

КЛАРИССА. Просто ума не приложу.

ИНСПЕКТОР. Мистер Костелло приезжает сюда, возвращает предметы, которые забрала бывшая миссис Хэйлшэм-Браун. И, попрощавшись, опять возвращается сюда... *(Подходит к стеклянной двери.)* Предположительно через эту дверь... Его убивают... труп запикивают в эту нишу... Все это происходит в течение десяти—двадцати минут, и никто ничего не слышит.

КЛАРИССА. В самом деле! Очень странно, правда?

ИНСПЕКТОР. Вы уверены, что ничего не слышали?

КЛАРИССА. Ничего! Просто фантастика какая-то!

ИНСПЕКТОР *(мрачно)*. Еще какая! На данный момент это все, миссис Хэйлшэм-Браун.

Кларисса встает и торопливо идет к двери в библиотеку

(Останавливается.) Не сюда. *(Открывает дверь в холл)*

КЛАРИССА. Думаю, я лучше пойду к остальным.

ИНСПЕКТОР. Позже.

Кларисса нехотя выходит в холл

(Закрывает дверь в холл и подходит к констеблю) Где другая женщина? Мисс... э-э... Пик?

КОНСТЕБЛЬ *(вставая)*. Я уложил ее на кровать в комнате для гостей. Ну, в смысле, когда у нее прошла истерика. Это же ужас — торчать там с ней. То плачет, то хохочет, — не приведи господь!

ИНСПЕКТОР. Ничего страшного, если миссис Хэйлшэм-Браун зайдет туда и поговорит с ней. Но только одна, без тех троих. Нам не нужно, чтобы они все подогнали свои показания под одну гребенку. Вы заперли дверь из библиотеки в холл?

КОНСТЕБЛЬ. Да, сэр. Ключ у меня.

ИНСПЕКТОР. Хорошо, будем вызывать их по одному. Но сначала я перемолвлюсь словечком с тем парнем, дворецким.

КОНСТЕБЛЬ. Эджингом?

ИНСПЕКТОР. Да, позовите его сюда. Сдается мне, он что-то скрывает.

КОНСТЕБЛЬ. Да, сэр, похоже на то. (*Распахивает дверь в холл.*)

Элджин смущенно пятится от двери.

(*Зовет.*) Элджин, зайдите сюда, пожалуйста.

Элджин замирает, потом с понурым видом входит в комнату. Констебль закрывает за ним дверь, возвращается на свое место у столика.

ИНСПЕКТОР. Садитесь, Элджин. Итак, сегодня вечером вы отправились в кино, но потом вернулись. Почему?

ЭЛДЖИН. Я уже объяснял вам, сэр, моя жена неважно себя почувствовала.

ИНСПЕКТОР. Это вы впустили мистера Костелло, когда он приезжал сюда вечером?

ЭЛДЖИН. Да, сэр.

ИНСПЕКТОР (*начинает расхаживать по комнате*). Почему вы сразу не сказали нам, что это была машина мистера Костелло — там, снаружи?

ЭЛДЖИН. Я не знал, сэр. Мистер Костелло не подъезжал к парадной двери, вот я и не знал, что он приехал на машине.

ИНСПЕКТОР. Довольно странно, м-мм?

ЭЛДЖИН. Да, сэр. Я думаю, у него были на то свои причины.

ИНСПЕКТОР. Что вы имеете в виду?

ЭЛДЖИН (*чопорно*). Ничего, сэр. Абсолютно ничего.

ИНСПЕКТОР. Вы когда-нибудь видели мистера Костелло раньше?

ЭЛДЖИН. Никогда, сэр.

ИНСПЕКТОР. А не из-за мистера ли Костелло вы вернулись сегодня вечером?

ЭЛДЖИН. Я уже говорил вам, сэр, моя жена...

ИНСПЕКТОР. Я не хочу больше ничего слышать про вашу жену. Как давно вы работаете у миссис Хэйлшэм-Браун?

ЭЛДЖИН. Полтора месяца, сэр.

ИНСПЕКТОР. А до этого?

ЭЛДЖИН. Я... У меня был небольшой отпуск.

ИНСПЕКТОР. Отпуск? Вы отдаете себе отчет, что при сложившихся обстоятельствах придется самым тщательным образом изучить ваши рекомендации.

ЭЛДЖИН (*привставая*). Но это... (*Снова усаживаясь.*) Я... Я вовсе не хотел вас обманывать, сэр. На самом деле, ничего такого не было... ну то есть... бумага эта порвалась, и... Я не мог точно вспомнить, слово в слово...

ИНСПЕКТОР. А-ах, так вы сами написали себе рекомендацию — вот оно что!

ЭЛДЖИН. Я не хотел ничего плохого. Просто нужно как-то зарабатывать на жизнь...

ИНСПЕКТОР. В данный момент меня не интересуют поддельные рекомендации. Я хочу знать, что произошло здесь сегодня вечером и что вы знаете о мистере Костелло.

ЭЛДЖИН. Никогда в жизни его не видел. (*Озирается на дверь в холл.*) Но я догадываюсь, зачем он приезжал сюда.

ИНСПЕКТОР. Зачем же?

ЭЛДЖИН. Шантаж — у него что-то было на нее.

ИНСПЕКТОР. На миссис Хэйлшэм-Браун?

ЭЛДЖИН. Да. Я зашел спросить, не нужно ли ей еще чего-нибудь, и слышал их разговор.

ИНСПЕКТОР. Что именно вы слышали?

ЭЛДЖИН (*театрально*). Я слышал, как она сказала: «Но это же шантаж! Я не поддамся на него».

ИНСПЕКТОР. М-мда. Что-нибудь еще?

ЭЛДЖИН. Нет... Когда я вошел, они замолчали... А потом, когда я вышел, стали говорить тише.

ИНСПЕКТОР. Понятно.

ЭЛДЖИН (*встает*). Имейте ко мне снисхождение, сэр. У меня и так уже было полно неприятностей.

ИНСПЕКТОР. Убирайтесь.

ЭЛДЖИН. Да, сэр. Спасибо, сэр. (*Поспешно выходит в холл.*)

ИНСПЕКТОР (*констеблю*). Шантаж... М-м?

КОНСТЕБЛЬ. Но миссис Хэйлшэм-Браун такая славная леди!

ИНСПЕКТОР. Теперь поговорю с мистером Берчем.

Констебль открывает дверь в библиотеку.

КОНСТЕБЛЬ. Мистер Берч, пожалуйста.

Из библиотеки с вызывающим видом входит Хьюго.

ИНСПЕКТОР. Прошу вас, мистер Берч. Пожалуйста, присаживайтесь вот сюда. Боюсь, сэр, дело крайне неприятное. Что вы можете нам рассказать?

ХЬЮГО. Ничего.

ИНСПЕКТОР. Ничего?

ХЬЮГО. А чего вы ждете от меня? Эта баба, черт ее پدرи, распахивает чертову дверцу, и оттуда вываливается

какой-то труп, чтоб его черти съели. У меня аж дух перехватило. До сих пор в себя не приду. Что толку меня спрашивать — я ничего не знаю!

ИНСПЕКТОР. Стало быть, это ваше заявление, я правильно понял? Вы ровным счетом ничего об этом не знаете?

ХЬЮГО. Я же говорю вам. Я не убивал этого парня. Я даже его не знал.

ИНСПЕКТОР. Вы его не знали. Но вы слышали о нем что-то?

ХЬЮГО. Да, я слышал, что он пустельга.

ИНСПЕКТОР. В каком смысле?

ХЬЮГО. Ох, да не знаю я. Парень из тех, кого обожают женщины, а мужчины в грош не ставят.

ИНСПЕКТОР. И вы понятия не имеете, зачем он еще раз приходил в этот дом сегодня вечером?

ХЬЮГО. Ни малейшего.

ИНСПЕКТОР. Как вы думаете, могло у него что-то быть с нынешней миссис Хэйлшэм-Браун?

ХЬЮГО. С Клариссой? Боже праведный, нет! Кларисса чудная девочка. Очень разумная. Никогда не увлеклась бы такой пустышкой.

ИНСПЕКТОР. Значит, вы ничем не можете нам помочь?

ХЬЮГО. Сожалею. Но никак не могу.

ИНСПЕКТОР. Вам было известно, что тело находилось в этой нише?

ХЬЮГО. Конечно нет.

ИНСПЕКТОР. Благодарю вас, сэр.

ХЬЮГО. Что?

ИНСПЕКТОР. Это все, благодарю вас, сэр. *(Подходит к бюро и берет справочник «Кто есть кто»).*

Хьюго встает и направляется к двери в библиотеку, но констебль поднимается и преграждает ему путь. Хьюго поворачивается к стеклянной двери.

КОНСТЕБЛЬ *(идя к двери в холл)*. Нет, мистер Берч, сюда, пожалуйста.

Хьюго выходит в холл. Констебль закрывает дверь.

Ну прямо кладезь сведений, а? Мировой судья, замешанный в убийстве, — не очень-то красиво получается!

Инспектор садится перед ломберным столиком и листает книгу.

ИНСПЕКТОР (*читает*). «Делахэй, сэр Роланд Эдвард Марк, кавалер Ордена Бани второй степени, кавалер Ордена королевы Виктории...

КОНСТЕБЛЬ. Что у вас там? (*Заглядывает инспектору через плечо*.) А-а, «Кто есть кто».

ИНСПЕКТОР (*читает*). «Образование — Итон... Тринити-колледж...» Гм-м! «Прикомандирован к Министерству иностранных дел... второй секретарь... Мадрид... Полномочный представитель...»

КОНСТЕБЛЬ. Ого!

ИНСПЕКТОР. Константинопольский отдел Министерства иностранных дел... специальное назначение... Клубы — «Болваны»... «Белоручки».

КОНСТЕБЛЬ. Вызвать его, сэр?

ИНСПЕКТОР. Нет. Его оставлю напоследок. Сейчас у нас — этот юный Уоррендер.

КОНСТЕБЛЬ (*в библиотеку*). Мистер Уоррендер, пожалуйста.

Из библиотеки, пытаюсь держаться непринужденно, входит Джереми

ИНСПЕКТОР (*выдвигает стул*). Садитесь. Ваше имя?

ДЖЕРЕМИ. Джереми Уоррендер.

ИНСПЕКТОР. Адрес?

ДЖЕРЕМИ. Брод-стрит, триста сорок, и Гросвенорсквер, тридцать четыре. Адрес в этом графстве — Хепплстоун, Уилтшир.

ИНСПЕКТОР. Джентльмен свободной профессии?

ДЖЕРЕМИ. Нет. Я являюсь личным секретарем сэра Лэзреса Стайна. Это все его адреса.

ИНСПЕКТОР. Как давно вы работаете у него?

ДЖЕРЕМИ. Около года.

ИНСПЕКТОР. Вы знали убитого — Оливера Костелло?

ДЖЕРЕМИ. Никогда не слышал о нем до сегодняшнего вечера.

ИНСПЕКТОР. Вы не встречались с ним, когда он приходил в этот дом сегодня вечером?

ДЖЕРЕМИ. Нет. Я пошел с остальными в гольф-клуб. Видите ли, мы там обедали. У слуг сегодня выходной вечер, и мистер Берч пригласил нас поужинать с ним в клубе.

ИНСПЕКТОР. Миссис Хэйлшэм-Браун тоже была приглашена?

ДЖЕРЕМИ. Нет.

Инспектор недоуменно поднимает брови

То есть она, конечно, могла бы пойти, если бы захотела.

ИНСПЕКТОР. Значит, ее приглашали? И она отказалась? ДЖЕРЕМИ. Нет, нет. Я хочу сказать... Ну, Хэйлшэм-Браун обычно приезжает усталый, и Кларисса сказала, что они просто перекусят здесь, как обычно.

ИНСПЕКТОР. Значит, миссис Хэйлшэм-Браун рассчитывала, что ее муж будет обедать здесь? Она не ожидала, что он, не успев приехать, тут же снова уедет?

ДЖЕРЕМИ. Я... э-э... ну... э-э... на самом деле, я не знаю. Нет... По-моему, она говорила, что вечером он собирается куда-то ехать.

ИНСПЕКТОР. Тогда довольно странно, что миссис Хэйлшэм-Браун не пошла в клуб, а осталась обедать здесь, в одиночестве.

ДЖЕРЕМИ. Ну... э-э... Я хочу сказать, тут дело в ребенке — Пиппа... Клариссе не хотелось оставлять девочку одну в доме.

ИНСПЕКТОР. А может быть, она собиралась принять тут какого-то гостя?

ДЖЕРЕМИ *(вскакивает)*. По-моему, это гнусно — говорить такие вещи! И это неправда! Я уверен, ничего такого у нее и в мыслях не было.

ИНСПЕКТОР. Тем не менее Оливер Костелло приехал сюда, чтобы с кем-то встретиться. Слуги уехали. У мисс Пик — свой собственный коттедж. Выходит, кроме миссис Хэйлшэм-Браун, ему в этом доме встречаться было не с кем.

ДЖЕРЕМИ. Все, что я могу сказать, это... *(Отворачивается.)* Спросите у нее самой.

ИНСПЕКТОР. Я уже спрашивал.

ДЖЕРЕМИ. Что же она сказала?

ИНСПЕКТОР. То же самое, что и вы, мистер Уоррендер.

ДЖЕРЕМИ *(снова усаживаясь)*. Вот видите.

ИНСПЕКТОР. Теперь расскажите мне, как получилось, что вы все вернулись из клуба сюда. Вы с самого начала собирались так поступить?

ДЖЕРЕМИ. Да. То есть, я хочу сказать, нет.

ИНСПЕКТОР. Одно из двух, сэр.

ДЖЕРЕМИ. Ну, дело было так. Мы все отправились в клуб. Роланд и старик Хьюго пошли прямо в ресторанный зал, а я пришел туда попозже. Понимаете, захотелось немного размяться с клюшкой. Вот я и стучал по мячам, пока совсем не стемнело. Ну, а потом, когда кто-то предложил сыграть в бридж, — я подумал: почему бы не вернуться и не сыграть здесь? Так мы и сделали.

ИНСПЕКТОР. Понятно. Значит, это была ваша идея?
ДЖЕРЕМИ. Да я не помню, кто первый предложил. Помоему, Хьюго Берч.

ИНСПЕКТОР. И вы вернулись сюда. Когда же?

ДЖЕРЕМИ. Точно не могу сказать. Из клуба вышли, наверное, в самом начале девятого.

ИНСПЕКТОР. А идти было... Минут пять пешком?

ДЖЕРЕМИ. Около того. Поле для гольфа примыкает к саду.

ИНСПЕКТОР. И потом вы сели играть тут в бридж?

ДЖЕРЕМИ. Да.

ИНСПЕКТОР. Стало быть, вы начали игру минут за двадцать до моего приезда. Ясное дело — вам не хватило времени закончить два роббера и начать... *(показывает Джереми маркер Клариссы)* третий.

ДЖЕРЕМИ. Что? О нет. Этот, первый роббер — должно быть, вчерашняя запись.

ИНСПЕКТОР *(указывая на другие маркеры)*. Похоже, запись вел только один игрок.

ДЖЕРЕМИ. Да. Признаюсь, в том, что касается записи, мы все лентяи и предоставляем это Клариссе.

ИНСПЕКТОР. Вы знали о существовании этого прохода из комнаты в библиотеку?

ДЖЕРЕМИ. Вы имеете в виду то место, где было найдено тело?

ИНСПЕКТОР. Именно его я и имею в виду.

ДЖЕРЕМИ. Нет. Понятия не имел. Чудесный тайничок, правда? В жизни не догадаешься.

Инспектор присаживается на валик дивана, слегка откидывается назад и, нечаянно сдвинув подушку, видит перчатки.

ИНСПЕКТОР. Следовательно, вы не могли знать, что там спрятано тело. Верно?

ДЖЕРЕМИ *(отворачиваясь)*. Меня, как говорится, словно обухом по голове...

Инспектор раскладывает перчатки по парам.

Прямо какая-то кровавая мелодрама! Глазам своим не мог поверить!

Инспектор жестом фокусника поднимает одну пару перчаток.

ИНСПЕКТОР. Это не ваши перчатки, мистер Уоррендер?

ДЖЕРЕМИ *(поворачиваясь к инспектору)*. Нет. То есть, я хочу сказать, да.

ИНСПЕКТОР. Они были на вас, когда вы пришли из гольф-клуба?

ДЖЕРЕМИ. Да. Вечером что-то похолодало.

ИНСПЕКТОР. Боюсь, вы ошиблись. (*Указывает на инициалы на перчатках*). На них инициалы мистера Хэйлшэм-Брауна.

ДЖЕРЕМИ. Да? Забавно. Но все равно, на мне тоже были перчатки.

Инспектор возвращается к дивану, присаживается на левый валик и вынимает вторую пару перчаток.

ИНСПЕКТОР. Может быть, вот эти?

ДЖЕРЕМИ. Второй раз вы меня не подловите. (*Смеется.*) В конце концов, их трудно отличить.

ИНСПЕКТОР (*вынимая третью пару перчаток*). Три пары перчаток. (*Рассматривает их.*) И все — с инициалами Хэйлшэм-Брауна внутри. Любопытно.

ДЖЕРЕМИ. Ну, в конце концов, это его дом. Почему здесь не могут валяться три пары его перчаток?

ИНСПЕКТОР. Интересно другое — что вы приняли одну из них за вашу. А ваши перчатки, по-моему, торчат у вас из кармана.

Джереми сует руку в правый карман.

Нет, из другого.

ДЖЕРЕМИ (*вынимая свои перчатки из левого кармана*). Ах да. Да, это они.

ИНСПЕКТОР. Они не очень похожи на эти. Как по-вашему?

ДЖЕРЕМИ. Вообще-то это мои перчатки для гольфа.

ИНСПЕКТОР. Благодарю вас, мистер Уоррендер. Пока это все.

ДЖЕРЕМИ (*вставая*). Послушайте, вы же не думаете...

ИНСПЕКТОР. Не думаю? Что?

ДЖЕРЕМИ. Ничего. (*Встает и направляется к двери в библиотеку.*)

Констебль встает, преграждает ему путь и указывает на дверь, ведущую в холл. Джереми поворачивается к инспектору, тот кивает. Джереми выходит в холл, закрыв за собой дверь. Инспектор кладет перчатки на диван, подходит к ломберному столику, садится перед ним и листает справочник «Кто есть кто».

ИНСПЕКТОР. Ага, вот. (*Читает.*) Стайн, сэр Лэзрес, Председатель Саксонско-Арабской нефтяной компании,

компании Галф-Петролеум. Клубы...» М-мда! «Увлечения: филателия, гольф, рыбная ловля. Адрес: Брод-стрит, триста сорок, и Гросвенор-сквер, тридцать четыре».

Тем временем констебль, подойдя к столику у дивана, точит карандаш над пепельницей. Нагнувшись, чтобы подобрать с пола несколько упавших стружек, он натывается на забытую Пиппой карту, относит ее на ломберный столик.

Что у вас там?

КОНСТЕБЛЬ. Всего лишь карта, сэр. Нашел ее вон там, под диваном.

ИНСПЕКТОР *(беря карту)*. Туз пик. Очень интересная карта. Так, погодите-ка минутку. *(Переворачивает карту вверх рубашкой.)* Красная. Та же колода. *(Берет красную колоду карт со столика и раскладывает карты.)*

Констебль помогает инспектору просматривать карты.

Так-так, туза пик нет. *(Встает.)* А ведь это существенно, не так ли, Джонс? *(Засовывает карту в карман.)*

КОНСТЕБЛЬ *(складывая оставшиеся на столе карты)*. Да, сэр, чрезвычайно существенно.

ИНСПЕКТОР *(собирая перчатки с дивана)*. Теперь побеседуем с сэром Роландом Делахэем. *(Раскладывает перчатки на ломберном столике.)*

КОНСТЕБЛЬ *(в дверь библиотеки)*. Сэр Роланд Делахэй!

Сэр Роланд входит из библиотеки.

ИНСПЕКТОР. Входите, сэр Роланд. Присаживайтесь, пожалуйста.

Сэр Роланд подходит к ломберному столику, видит перчатки, замирает на секунду, потом садится.

Вы — сэр Роланд Делахэй. Ваш адрес?

СЭР РОЛАНД. Лонг-Пэддок, Литтлуич-Грин, Линкольншир. *(Коснувшись справочника.)* Неужели не нашли, инспектор?

ИНСПЕКТОР. Итак, если позволите, я бы хотел услышать ваше изложение событий сегодняшнего вечера, начиная с того момента, как вы ушли отсюда около семи.

СЭР РОЛАНД. Весь день лил дождь, а потом неожиданно прояснилось. Мы еще раньше решили пойти пообедать в клуб, поскольку у слуг сегодня выходной. Так и сделали. Когда мы уже заканчивали обед, позвонила миссис Хэйл-

шэм-Браун и предложила нам троим вернуться и сыграть вчетвером в бридж, поскольку ее муж неожиданно уехал. Мы вернулись. Минут через двадцать после того, как мы начали игру, приехали вы, инспектор. Остальное — вам известно.

ИНСПЕКТОР. Это несколько расходится с рассказом мистера Уоррендера.

СЭР РОЛАНД. В самом деле? Как же он это изложил?

ИНСПЕКТОР. Он сказал, что предложение вернуться сюда и сыграть в бридж исходило от кого-то из вас троих. Ему кажется, от мистера Берча.

СЭР РОЛАНД. А-а, но, видите ли, Уоррендер пришел в ресторанный зал довольно поздно. Он не знал, что звонила миссис Хэйлшэм-Браун.

Сэр Роланд и инспектор смотрят друг на друга в упор

Вам должно быть известно лучше, чем мне, инспектор, как редко совпадают описания одного и того же у двух разных людей. Ну, а если бы во всех деталях совпали рассказы троих, я бы счел это подозрительным. В высшей степени подозрительным!

ИНСПЕКТОР. Сэр, если позволите, я бы хотел обсудить все происшедшее именно с вами.

СЭР РОЛАНД. Очень любезно с вашей стороны, инспектор.

ИНСПЕКТОР. Убитый — мистер Оливер Костелло — приезжал в этот дом с какой-то определенной целью. Вы согласны с этим, сэр?

СЭР РОЛАНД. Он приезжал, чтобы возвратить вполне определенные безделушки, которые по ошибке забрала с собой миссис Миранда Хэйлшэм-Браун.

ИНСПЕКТОР. Может быть, он воспользовался ими как предлогом, хотя даже в этом я не уверен. Но не они явились истинной причиной, которая привела его сюда.

СЭР РОЛАНД. Возможно, вы правы. Не могу сказать наверняка.

ИНСПЕКТОР. Скорее всего, он приезжал, чтобы встретиться с каким-то конкретным человеком. Этим человеком могли быть вы, им мог быть мистер Уоррендер или мистер Берч.

СЭР РОЛАНД. Если бы он хотел повидать мистера Берча, он поехал бы к нему домой. Для этого ему незачем было приезжать сюда.

ИНСПЕКТОР. Вероятно. Следовательно, остаются четверо: вы, мистер Уоррендер, мистер Хэйлшэм-Браун и миссис Хэйлшэм-Браун. Итак, насколько хорошо вы знали Оливера Костелло?

СЭР РОЛАНД. Почти не знал. Я встречал его раз или два, вот и все.

ИНСПЕКТОР. Где вы встречали его?

СЭР РОЛАНД (*задумывается*). Дважды у Хэйлшэм-Браунов в Лондоне, примерно год назад, и один раз, по-моему, в ресторане.

ИНСПЕКТОР. И у вас не было причины желать его смерти?

СЭР РОЛАНД. Это обвинение, инспектор?

ИНСПЕКТОР. Нет, сэр Роланд. Скорее я назвал бы это методом исключения. Вряд ли у вас был хоть какой-то мотив для того, чтобы разделаться с Оливером Костелло. Таким образом, осталось трое.

СЭР РОЛАНД. Звучит как вариация «Десяти негритят».

ИНСПЕКТОР (*улыбается*). Возьмем теперь мистера Уорренера. А его вы насколько хорошо знаете?

СЭР РОЛАНД. Я впервые встретил его здесь, два дня назад. На вид он приятный молодой человек, хорошо воспитан, образован. Мне ничего о нем не известно, но, на мой взгляд, на убийцу он не похож.

ИНСПЕКТОР. С мистером Уоррендером все ясно. Соответственно, мой следующий вопрос...

СЭР РОЛАНД. Насколько хорошо я знаком с Генри Хэйлшэм-Брауном и как близко — с миссис Хэйлшэм-Браун. Генри Хэйлшэм-Брауна я действительно знаю очень хорошо. Он мой старый друг. О Клариссе я знаю все, что о ней вообще можно знать. Я — ее опекун, и невозможно передать словами, как она дорога мне.

ИНСПЕКТОР. Ясно, понимаю, сэр. Полагаю, ваш ответ очень многое проясняет.

СЭР РОЛАНД. В самом деле?

ИНСПЕКТОР. Почему вы изменили ваши планы на сегодняшний вечер? Почему вы вернулись сюда и делали вид, что играли в бридж.

СЭР РОЛАНД. Делали вид?

ИНСПЕКТОР (*вынимает из кармана карту и подает сэру Роланду*). Эту карту нашли на другом конце комнаты, под диваном. Мне трудно поверить, что вы сыграли два роббера и начали третий колодой из пятидесяти одной карты, в которой недоставало туза пик.

СЭР РОЛАНД. Да. Наверное, в это трудноато поверить.

Инспектор сияет

ИНСПЕКТОР. Я также полагаю, что появление здесь трех пар перчаток мистера Хэйлшэм-Брауна также требует некоторого объяснения.

СЭР РОЛАНД (*после секундной паузы*). Боюсь, инспектор, от меня вы не получите никаких объяснений.

ИНСПЕКТОР. Да, сэр. Я понимаю, что ради некоей известной нам леди вы пойдете на все. Но это нисколько не поможет, сэр. Правда все равно выплывет наружу.

СЭР РОЛАНД. Увидим.

ИНСПЕКТОР. Миссис Хэйлшэм-Браун знала, что тело было в нише. Затащила ли она его туда сама или вы ей помогли, мне неизвестно. Но она знала. Таким образом, я предполагаю, что Оливер Костелло приезжал сюда к миссис Хэйлшэм-Браун, чтобы с помощью угроз выманить у нее деньги.

СЭР РОЛАНД. Угроз? Каких угроз?

ИНСПЕКТОР. Рано или поздно это выяснится. Миссис Хэйлшэм-Браун молода, весела, привлекательна. Говорят, этот мистер Костелло нравился женщинам. А поскольку миссис Хэйлшэм-Браун недавно вышла замуж и...

СЭР РОЛАНД. Стойте! Я должен вас кое в чем поправить. Вы легко сможете проверить то, что я вам скажу. Первый брак Генри Хэйлшэм-Брауна был неудачным. Его жена оказалась красивой, но неуравновешенной женщиной, психопаткой. И все больше деградировала, — так, что ее маленькую дочь в конце концов пришлось поместить в детский приют. Положение стало просто ужасающим — вероятно, Миранда пристрастилась к наркотикам. Где она их добывала, неизвестно, но очень похоже — именно через этого человека, Оливера Костелло. Она влюбилась в него и в конце концов с ним сбежала. Генри дал ей развод — у него довольно старомодные взгляды. Сейчас он обрел покой и радость в браке с Клариссой, и я могу вас заверить, инспектор, что в жизни Клариссы нет никаких темных тайн. Могу поклясться, нет ничего такого, чем мог бы угрожать ей Костелло. Инспектор, а вы не допускаете, что все же идете по ложному следу? Почему вы так уверены, что Костелло приехал ради какого-то человека? А что, если его интересовало само место?

ИНСПЕКТОР. Что вы имеете в виду, сэр?

СЭР РОЛАНД. Когда вы рассказывали нам о покойном мистере Селлоне, вы упомянули, что им интересовался Отдел по борьбе с наркотиками. Разве тут не может быть какой-то связи? Наркотики — Селлон — дом Селлона... Насколько я понимаю, Костелло уже бывал здесь однажды раньше — якобы для того, чтобы взглянуть на антиквариат Селлона. Предположим, Оливеру Костелло что-то понадобилось в этом доме. Может быть, даже вот в этом бюро. Взять хотя бы этот странный эпизод — некто приезжает сюда и предлагает за это бюро несуразно высокую цену. Что, если Костелло хотел осмотреть именно бюро — порыться в нем, если угодно. Предположим, за ним кто-то следил. Тогда этот кто-то, возможно, и уложил его здесь, у стола.

ИНСПЕКТОР. Чересчур много предположений...

СЭР РОЛАНД. По-моему, это очень разумная гипотеза.

ИНСПЕКТОР. Гипотеза состоит в том, что кто-то постронний засунул тело в нишу?

СЭР РОЛАНД. Именно.

ИНСПЕКТОР. Стало быть, этот кто-то про нишу знал.

СЭР РОЛАНД. А если он бывал в этом доме еще во времена Селлона?

ИНСПЕКТОР. Да... Гипотеза неплоха, сэр, но она все равно не объясняет одну вещь...

СЭР РОЛАНД. Какую же?

ИНСПЕКТОР. Миссис Хэйлшэм-Браун знала, что тело находится в нише. Она старалась помешать нам заглянуть туда. Не стоит убеждать меня в обратном. Она знала.

СЭР РОЛАНД *(помолчав)*. Инспектор! Вы позволите мне поговорить с моей подопечной?

ИНСПЕКТОР. Только в моем присутствии, сэр.

СЭР РОЛАНД. Согласен.

ИНСПЕКТОР. Джонс!

Констебль встает и открывает дверь в холл

СЭР РОЛАНД. Мы в ваших руках, инспектор. Я бы просил вас принять во внимание все смягчающие обстоятельства.

КОНСТЕБЛЬ. Входите, пожалуйста, миссис Хэйлшэм-Браун.

Кларисса входит

СЭР РОЛАНД. Кларисса, дорогая моя. Ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу? Скажи инспектору правду.

КЛАРИССА. Правду?

СЭР РОЛАНД (*с нажимом*). Правду. Это единственный выход.

Сэр Роланд секунду смотрит на Клариссу, потом выходит в холл.

ИНСПЕКТОР. Садитесь, миссис Хэйлшэм-Браун.

Кларисса улыбается инспектору, но он хранит суровость. Она медленно идет к дивану, садится и делает секундную паузу, прежде чем заговорить

КЛАРИССА. Я прошу прощения. Мне ужасно жаль, что я наговорила вам столько лжи. Я не хотела. (*Печально.*) Иногда это затягивает,— если вы понимаете, что я имею в виду.

ИНСПЕКТОР. Не могу утверждать, что вполне понимаю. Итак, сообщите мне факты, пожалуйста.

КЛАРИССА. Что ж, на самом деле, все довольно просто. (*Скороговоркой.*) Оливер уехал; потом Генри приехал домой; потом он снова уехал, я его проводила; потом я вошла сюда с сэндвичами.

ИНСПЕКТОР. С сэндвичами?

КЛАРИССА. Да. Видите ли, муж привезет к нам домой очень важного посланца из заграницы.

ИНСПЕКТОР. О-о, кто же этот посланец?

КЛАРИССА. Некий мистер Джонс.

ИНСПЕКТОР (*взглянув на констебля*). Прошу прощения?

КЛАРИССА. Они собирались есть сэндвичи во время переговоров, а я хотела съесть мусс в классной комнате.

ИНСПЕКТОР. Мусс в... Ага, понятно...

КЛАРИССА. Я поставила сэндвичи вот сюда (*указывает на козетку*), потом начала прибираться, взяла книжку, пошла к книжным полкам, чтобы поставить ее туда, и... потом... Потом я фактически споткнулась об него.

ИНСПЕКТОР. Вы споткнулись о труп?

КЛАРИССА. Да. Он лежал вот здесь, за диваном. И я наклонилась посмотреть, чтобы... чтобы узнать, мертв он или нет, и... он оказался мертв. Это был Оливер Костелло, и я не знала, что мне делать. В конце концов, я позвонила в гольф-клуб и попросила сэра Роланда, мистера Берча и Джереми Уоррендера прийти сюда

ИНСПЕКТОР. Вам не пришлось в голову позвонить в полицию?

КЛАРИССА. Да, я хотела, но потом ну.. (*Улыбается.*) Я не позвонила.

ИНСПЕКТОР. Не позвонили. Почему?

КЛАРИССА. Я подумала, это будет нехорошо по отношению к мужу. Может, вы и не знаете эту публику из Министерства иностранных дел, но все они ужасно скромные. Любят, когда все тихо, незаметно. А, согласитесь, убийство — штука весьма заметная.

ИНСПЕКТОР. Согласен.

КЛАРИССА (*тепло*). Я так рада, что вы понимаете. Так вот, он был совсем мертвый, я пощупала его пульс, — и мы все равно уже ничем не могли ему помочь. То есть, я имею в виду, ему уже было все равно, где лежать — в Марсденском лесу или в нашей гостиной.

ИНСПЕКТОР. В Марсденском лесу? При чем тут Марсденский лес?

КЛАРИССА. Так ведь туда я и хотела его отвезти.

ИНСПЕКТОР (*сурово*). Миссис Хэйлшэм-Браун, вам никогда не приходилось слышать о том, что мертвое тело — при малейшем подозрении насильственной смерти, — ни в коем случае нельзя трогать?

КЛАРИССА. Разумеется, я это знаю, про это пишут во всех детективных рассказах, но, понимаете, здесь-то — реальная жизнь.

Инспектор в отчаянии всплескивает руками

Я хочу сказать, в жизни все совсем по-другому.

ИНСПЕКТОР. Вы сознаете всю серьезность того, что вы сейчас говорите?

КЛАРИССА. Конечно, сознаю, и я говорю вам правду. Итак, в конце концов, я позвонила в клуб, и они все пришли сюда.

ИНСПЕКТОР. И вы уговорили их спрятать тело в этой нише.

КЛАРИССА. Нет. Это случилось позже. Как я уже говорила вам, мой план заключался в том, чтобы они увезли тело Оливера в его машине и бросили машину в Марсденском лесу.

ИНСПЕКТОР. И они согласились?

КЛАРИССА. Согласились. (*Улыбается ему.*)

ИНСПЕКТОР. Честно говоря, миссис Хэйлшэм-Браун, я не верю ни одному вашему слову. Не верю, что три уважаемых человека могли согласиться так грубо нарушить закон ради подобной ерунды.

КЛАРИССА. Я знала, если я скажу правду, вы мне не поверите. Чему же вы тогда верите?

ИНСПЕКТОР. Я вижу лишь одну причину, по которой те трое согласились бы солгать.

КЛАРИССА. О-о, вы хотите сказать?..

ИНСПЕКТОР. Если они полагали — или знали, — что это вы убили его.

КЛАРИССА. Но мне просто незачем было убивать его. Абсолютно незачем. О, я знала, что вы так и подумаете. Вот почему...

ИНСПЕКТОР. Что?

КЛАРИССА (*помолчав, с наигранным чистосердечием*). Ладно. Я скажу вам.

ИНСПЕКТОР. Полагаю, это правильное решение.

КЛАРИССА. Да, наверное, мне лучше рассказать вам правду.

ИНСПЕКТОР (*с улыбкой*). Уверяю вас, миссис Хэйлшэм-Браун, плести небылицы полиции — дело безнадежное и не доводит до добра. Лучше расскажите-ка мне все, как было на самом деле.

КЛАРИССА (*со вздохом*). Расскажу. О Господи, а мне-то казалось, я так хитро все придумала.

ИНСПЕКТОР. Гораздо лучше — не пытаться хитрить. Итак, что же произошло сегодня вечером на самом деле?

КЛАРИССА. Все началось именно так, как я уже говорила. Я простилась с Оливером, и он ушел вместе с мисс Пик. Я понятия не имела, что он вернется, и до сих пор не могу понять, зачем он это сделал. Потом приехал домой мой муж и объяснил, что ему предстоит сейчас же уехать снова. Он уехал, и вот тогда-то, как только я закрыла за ним дверь на замок и на засов, я вдруг почувствовала тревогу.

ИНСПЕКТОР. Тревогу? Почему?

КЛАРИССА (*входит в роль*). Я не принадлежу к числу нервных дамочек, но тут мне пришло в голову, что я никогда еще не оставалась ночью в доме — одна.

ИНСПЕКТОР. А дальше?

КЛАРИССА. Дальше я мысленно обозвала себя дурочкой. И сказала себе: «У тебя же есть телефон, верно? Ты всегда можешь позвонить и попросить о помощи». Я сказала себе: «Грабители не приходят вечером, в такое время. Они влезают в дома посреди ночи». Но все равно мне мерещилось, что где-то хлопает дверь и раздаются чьи-то шаги в моей спальне — вот я и решила, что мне лучше чем-нибудь занять себя.

ИНСПЕКТОР. Ага!

КЛАРИССА. Я пошла на кухню и приготовила эти сандвичи для Генри и мистера Джонса. Я уже завернула их в салфетку, чтобы они не зачерствели, положила на тарелку

и как раз шла через холл — несла их сюда, — когда... *(Драматически.)* Я действительно что-то услышала.

ИНСПЕКТОР. Где?

КЛАРИССА. В этой самой комнате. Я поняла, что на этот раз мне уже не чудится. Я услышала, как раздвинулись и задвинулись портьеры, и тут я вдруг вспомнила, что садовая дверь не заперта. Кто-то вошел через сад.

ИНСПЕКТОР. Продолжайте, миссис Хэйлшэм-Браун.

КЛАРИССА. Я не знала, что мне делать. Просто застыла от ужаса. Потом я подумала: «Я, наверное, просто дуреха! А если это Генри вернулся за чем-то, или сэр Роланд, или кто-то еще? Хорошей же душой ты будешь выглядеть, если пойдешь наверх и позвонишь в полицию с параллельного телефона». И тогда я придумала план действий.

ИНСПЕКТОР. Да?

КЛАРИССА. Я пошла к стойке в холле и взяла самую тяжелую трость, какую только нашла. Потом прошла в библиотеку; свет я не включала. Я ощупью пробралась через библиотеку и подошла к нише с той стороны. Очень осторожно открыла дверь и проскользнула внутрь. Я думала, мне удастся приоткрыть дверь с той стороны и увидеть, кто пришел. *(Указывает на панель.)* Если не знаешь, в жизни не догадаешься, что здесь есть дверь.

ИНСПЕКТОР. Это точно.

КЛАРИССА. Я тяну за рычаг, но пальцы соскальзывают, дверь распахивается и ударяется о стул. Человек, стоявший у бюро, нигмом выпрямляется, и что-то как сверкнет у него в руке! Ну, думаю, револьвер. Так перепугалась! Ведь он меня застрелит! И тут я изо всех сил ударила его тростью, и он упал. *(Она вздрагивает, опирается руками на столик и утыкается лицом в ладони.)* Пожалуйста, можно мне... можно мне выпить немного бренди?

ИНСПЕКТОР. Да, разумеется. Джонс!

Констебль встает, наливает немного бренди в бокал и передает бокал инспектору. Кларисса поднимает голову, но снова прячет лицо в ладонях и протягивает руку, когда инспектор приносит ей бокал. Она пьет, кашляет, возвращает бокал инспектору.

Миссис Хэйлшэм-Браун, вы в состоянии продолжать?

КЛАРИССА. Да. Вы очень добры. Человек остался лежать там. Он не двигался. Я включила свет и увидела, что это Оливер Костелло. Мертвый. Это было ужасно. Я... Я не могла понять... что он там делал. Все было как в кошмарном сне. Я с перепугу позвонила в гольф-клуб и позва-

ла моего опекуна. Они все пришли. Я умоляла их помочь мне — увезти куда-нибудь тело.

ИНСПЕКТОР. Но зачем?

КЛАРИССА. Потому что я трусиха. Жалкая трусиха. Я боялась огласки, боялась, что придется идти в полицейский участок. Это было бы ужасно — мой муж... Это повредило бы его карьере. Все бы ничего, если бы в дом забрался обычный грабитель. Но человек не просто знакомый, а еще и муж первой жены Генри. . Ох, этого мне было не выдержать!

ИНСПЕКТОР. А может быть, все дело в том, что убитый в свой первый приход пытался шантажировать вас?

КЛАРИССА. Шантажировать — меня? Какая чушь! Это же просто глупо. Нет и не может быть ничего такого, чем меня можно шантажировать.

ИНСПЕКТОР. Эджин, ваш дворецкий, слышал, как в вашем разговоре с Костелло прозвучало слово «шантаж».

КЛАРИССА. Я не верю. Он не мог слышать ничего подобного. Если вас интересует мое мнение, то он все это выдумал. *(Подмигивает инспектору)*

ИНСПЕКТОР. Перестаньте, миссис Хэйлшэм-Браун. Вы что, всерьез пытаетесь уверить меня, что никто не произносил слово «шантаж»?

КЛАРИССА. Клянусь вам, этого не было. Уверяю вас.. *(Смеется.)* Ох, как глупо вышло. Ну, конечно. Вот оно что.

ИНСПЕКТОР. Вы вспомнили?

КЛАРИССА. Да, на самом деле такой пустяк! Просто Оливер говорил что-то про абсурдно высокую арендную плату за меблированные дома, а я сказала, что нам на удивление повезло и что мы платим за этот дом всего четыре гиней в неделю. А он сказал: «Кларисса, не может быть. Как вам это удалось? Не иначе, как с помощью шантажа». Я рассмеялась и сказала: «Точно. Шантаж». *(Смеется.)* Обыкновенная дурацкая шутка. Да, я просто забыла о ней.

ИНСПЕКТОР. Прошу прощения, миссис Хэйлшэм-Браун, но я никак не могу в это поверить.

КЛАРИССА. Во что вы не можете поверить?

ИНСПЕКТОР. В то, что вы платите всего четыре гиней в неделю за этот дом с мебелью.

КЛАРИССА *(встает)*. Поистине вы — самый недоверчивый человек из всех, кого я знаю. Похоже, вы не верите ни одному моему слову, что бы я ни говорила. Всего я доказать не могу, но вот это — вполне. Сейчас я вам все

покажу. *(Подходит к бюро, открывает ящик и роется в бумагах)*. Вот оно. Нет, не то. Ага! Вот. *(Вынимает из ящика документ, подходит к инспектору и показывает ему)*. Вот соглашение об аренде дома с обстановкой. Заключено с адвокатской конторой, выступающей от имени душеприказчиков, и — вот, видите, четыре гиней в неделю!

ИНСПЕКТОР. Ну и ну, будь я проклят! Это странно. Очень странно.

КЛАРИССА. Вы не считаете, инспектор, что должны попросить у меня прощения?

ИНСПЕКТОР. Я приношу свои извинения, миссис Хэйлшэм-Браун, но это и впрямь в высшей степени странно.

КЛАРИССА. Почему?

ИНСПЕКТОР. Так случилось, что... одна супружеская пара побывала здесь по чьему-то поручению, осмотреть дом и окрестности, и так случилось, что леди потеряла весьма дорогую брошь. Она зашла к нам в участок, чтобы заявить о пропаже, и к слову упомянула об этом доме — пожаловалась, что с них запросили немислимую цену. По ее мнению, восемнадцать гиней в неделю за дом, стоящий так далеко от города, где на много миль вокруг ничего нет, — это просто смешно. Я был с ней согласен.

КЛАРИССА. Да, это странно, очень даже странно. *(Улыбается)*. Я понимаю, почему вы так скептически отнеслись к моим словам. Но теперь вы, быть может, поверите хоть чему-нибудь еще из того, что я вам рассказала.

ИНСПЕКТОР. Ваша окончательная история, миссис Хэйлшэм-Браун, у меня не вызывает сомнений. Мы умеем отличать правду от лжи. Я прекрасно понимал, что у тех троих джентльменов должна была быть какая-то очень серьезная причина, чтобы состряпать всю эту дурацкую легенду.

КЛАРИССА. Не вините их, инспектор! Это моя вина. Я не отставала от них, и они не смогли устоять.

ИНСПЕКТОР. О, в этом я не сомневаюсь. И все же одного я никак не могу понять: кто звонил в полицию?

КЛАРИССА. Как странно! Да, про это я совсем забыла!

ИНСПЕКТОР. Ясно, что не вы, и, конечно, ни один из тех трех джентльменов не стал бы...

КЛАРИССА *(про себя)*. Элджин, мисс Пик...

ИНСПЕКТОР. Мисс Пик отпадает. Она даже не подозревала, что там был труп.

КЛАРИССА *(задумчиво)*. Кто знает...

ИНСПЕКТОР. Но ведь, когда тело обнаружили, с ней случилась истерика.

КЛАРИССА. О-о, истерику может закатить кто угодно.

Пауза. Инспектор испытующе смотрит на Клариссу, та в ответ улыбается.

ИНСПЕКТОР. Как бы там ни было, она не живет в этом доме. У нее свой собственный коттедж.

КЛАРИССА. Она могла находиться в доме. У нее есть ключи от всех дверей.

ИНСПЕКТОР. Скорее уж это Элджин звонил.

КЛАРИССА. Вы ведь не отправите меня в тюрьму, правда? Дядя Роли сказал, что не отправите.

ИНСПЕКТОР (*строго*). Хорошо, что вы вовремя изменили свои показания, мадам, и рассказали правду. Мой вам совет, миссис Хэйлшэм-Браун, как можно скорее свяжитесь с вашим адвокатом. Тем временем я распоряжусь отпечатать ваше заявление, зачитаю его вам, и, быть может, вы его подпишете.

Из холла входит сэр Роланд.

СЭР РОЛАНД. Не могу больше оставаться в стороне. Все в порядке, инспектор? Теперь вы понимаете?

КЛАРИССА. Роли, дорогой. (*Берет его за руку.*) Я сделала заявление, и полицейский... мистер Джонс... отпечатает его. Потом мне нужно будет его подписать, и... Я им все рассказала. (*С нажимом.*) Про то, как я думала, что это грабитель, и ударила его по голове...

Сэр Роланд с ужасом смотрит на Клариссу.

(*Зажимает ладонью рот сэру Роланда.*) А потом увидела, что это Оливер, — вот я и очутилась в ужасном положении и позвонила вам. И еще, как я умоляла и умоляла, и в конце концов вы сдались. Теперь я понимаю, что мне не следовало так поступать, но...

Инспектор, проходя по комнате, приближается к Клариссе.

...в тот момент... (*убирает ладонь со рта сэра Роланда*) меня просто сковал страх, и я подумала, что будет удобнее для всех — меня, Генри и даже Миранды, — если Оливера найдут в Марсенском лесу.

СЭР РОЛАНД. Кларисса! Что ты тут наговорила?

ИНСПЕКТОР. Миссис Хэйлшэм-Браун сделала весьма исчерпывающее заявление, сэр.

СЭР РОЛАНД. Похоже на то.

КЛАРИССА. Это самый лучший выход. И единственный. Инспектор помог мне это понять.

ИНСПЕКТОР. В конце концов это способ избежать куда более крупных неприятностей. Итак, миссис Хэйлшэм-Браун, я не стану просить вас заходить в нишу, пока тело находится там, но я бы хотел, чтобы вы показали мне, где точно стоял тот мужчина, когда вы вошли оттуда.

КЛАРИССА. О-о... да... ну... он стоял... *(Подходит к бюро.)* Нет... он стоял здесь, вот так. *(Показывает.)*

По знаку инспектора констебль встает и кладет руку на рычаг панели

ИНСПЕКТОР. Понятно... Джонс... Сейчас дверь открывается.

Констебль тянет рычажок, и панель открывается. Ниша пуста; только на полу валяется клочок бумаги.

И вы входите оттуда. *(Переводит взгляд на нишу.)* А потом... *(Всматривается пристальнее.)* Какого черта! Где тело?

Констебль заходит в нишу и поднимает клочок. Инспектор обвиняюще смотрит на Клариссу и сэра Роланда.

КОНСТЕБЛЬ *(читает написанное на клочке)*. «Шиш вам!»

Инспектор вырывает бумагу у констебля, и тут раздается громкий звонок в дверь — он продолжает звенеть, покуда... опускается занавес

ИНСПЕКТОР *(за сценой)*. Уверяю вас, доктор, у нас было тело. ХЬЮГО *(за сценой)*. Не понимаю, на что вы, полицейские, вообще способны: надо же — трупы теряете!

КОНСТЕБЛЬ *(за сценой)*. Инспектор прав, доктор, у нас было тело.

ДЖЕРЕМИ *(за сценой)*. Не понимаю, почему у трупа не была выставлена охрана.

Действие третье

Та же комната. Несколько минут спустя. Панель закрыта. Сэр Роланд выглядывает в холл. Рядом с ним Кларисса. За сценой слышны голоса.

ИНСПЕКТОР *(за сценой)*. Уверяю вас, доктор, мне очень жаль, но тело у нас было.

ВРАЧ (за сценой). Что это такое, в самом деле, инспектор Лорд, — я должен таскаться в такую даль, чтобы ловить ветра в поле! Ладно, я не собираюсь больше терять время попусту — а вы еще припомните об этом, инспектор Лорд.

ИНСПЕКТОР (за сценой). Да, доктор. Спокойной ночи, доктор.

Хлопает входная дверь.

Что скажете, Элджин?

ЭЛДЖИН (за сценой). Уверяю вас, сэр, мне ничего об этом не известно, абсолютно ничего.

Кларисса, хихикая, присаживается на валик дивана. Сэр Роланд закрывает двери в холл.

СЭР РОЛАНД. Довольно неудачный момент для прибытия подкрепления. Боюсь, полицейского медика отсутствие трупа весьма раздосадовало: осматривать оказалось нечего.

КЛАРИССА (хихикает). Но как он мог испариться? Может, это Джереми как-то устроил?

СЭР РОЛАНД. Не представляю, как он умудрился это сделать. Они никого не пускали обратно в библиотеку, а дверь из библиотеки в холл была заперта. Пиппин «Шиш вам» стал последней каплей.

Кларисса смеется.

И все же он нам кое-что дает. Значит, Костелло открывал потайной ящик. Кларисса, почему ты не сказала инспектору правду?

КЛАРИССА. Я рассказала ему все, за исключением того, что касается Пиппы. Он мне не поверил.

СЭР РОЛАНД. Ради всего святого, зачем тебе понадобилось пичкать его всей этой чепухой?

КЛАРИССА. Мне показалось, что как раз этому он скорее поверит. (Торжествующе.) И он мне поверил.

СЭР РОЛАНД. В хорошенькое же дельце ты влипла. Непредумышленное убийство — к твоему сведению, это называется так.

КЛАРИССА. Самооборона.

Из холла входят Джереми и Хьюго.

ХЬЮГО. Гоняют нас то туда, то сюда. А теперь сами ушли и тело потеряли.

Джереми закрывает двери, проходит к козетке и берет очередной сандвич.

ДЖЕРЕМИ. Комедия, ей-богу!

КЛАРИССА. Это фантастика. Полная фантастика. Ну кто мог звонить в полицию и сообщить, что здесь произошло убийство?

ДЖЕРЕМИ. Элджин.

ХЬЮГО. Эта женщина, мисс Пик.

КЛАРИССА. Но зачем? В этом нет никакого смысла.

Мисс Пик входит из холла, озирается и заговорщически смотрит на присутствующих.

МИСС ПИК. Ну что, порядок? (*Закрывает за собой дверь.*) Никаких «бобби» на горизонте? Я смотрю, они рыщут по всей округе.

СЭР РОЛАНД. Они осматривают дом и окрестности.

МИСС ПИК. Зачем?

СЭР РОЛАНД. Ищут труп. Он исчез.

МИСС ПИК (*смеется*). Ну и шуточки! Труп исчез — видели, а!

ХЬЮГО. Какой-то кошмар. Какой-то жуткий кошмар.

МИСС ПИК. Прямо кино, а, миссис Хэйлшэм-Браун?

СЭР РОЛАНД. Надеюсь, вам уже лучше, мисс Пик?

МИСС ПИК. Ой, да со мной все в ажуре! А неслабо получилось: я аж вырубилась, когда дверь распахнулась, а там — труп. Прямо скажем, заглохело мне на минуточку.

КЛАРИССА. Интересно, а может быть, вы знали, что он был там?

МИСС ПИК. Кто — я?

КЛАРИССА. Да. Вы.

ХЬЮГО (*в пространство*). Это просто бессмысленно. Зачем похищать тело? Мы все знали, что оно там; мы знали, кто это, и вообще... Никакого резона.

МИСС ПИК. О-о, я бы так не сказала, мистер Берч. Без тела-то никуда, а? Habeas Corpus¹ и все такое. Припоминаете? Для обвинения в убийстве нужен труп. Так что вы не переживайте, миссис Хэйлшэм-Браун. Все будет нормально.

КЛАРИССА. Я? Вы хотите сказать?..

МИСС ПИК. У меня весь вечер уши на макушке. Не стану же я все время валяться на кровати, в той комнате. А Элджин этот со своей женой мне никогда не нравился. Подслушивают под дверью и бегают к полицейским, докладывают про шантаж.

¹ Имеется в виду так называемый «Habeas Corpus Act» (*лат.*) — английский закон 1679 года о неприкосновенности личности; его название в переводе с латыни означает буквально «Да имеешь тело».

КЛАРИССА. Значит, вы слышали?

МИСС ПИК. Я всегда говорю, нашей сестре надо друг за дружку горой стоять! А мужчины! *(Фыркает.)* Не по нутру они мне. *(Подсаживается на диван возле Клариссы.)* Дорогуша, если они не найдут тело, то не смогут на вас повесить ровным счетом ничего. А по мне, так ежели этот мерзавец вас шантажировал, вы правильно сделали, что врезали ему по башке, и приветик!

КЛАРИССА. Но я не...

МИСС ПИК. Я слыхала, как вы рассказывали про все это инспектору. Если б не этот проныра Элджин, нормальный получился бы рассказ.

КЛАРИССА. Который?

МИСС ПИК. Про грабителя. Только эта история с шантажом малость подгадила впечатление. Вот я и решила, что остается только одно: избавиться от тела — и пускай полицейские поищут его, пускай погоняются за собственными хвостами. *(Удовлетворенно оглядывается.)* Неплохо сработано, хоть и грех себя хвалить.

ДЖЕРЕМИ. В-вы хотите сказать, что... что это — вы?

МИСС ПИК. Мы все здесь друзья, верно ведь? *(Оглядывается.)* Да. Это я убрала тело. *(Похлопывает себя по карману.)* Двери на замке! У меня же есть ключи от всех дверей в доме.

КЛАРИССА. Но как? Куда... Куда вы его девали?

МИСС ПИК *(подавшись вперед; доверительно)*. На кровать, в комнате для гостей. Знаете, на ту здоровенную, под пологом. Прямо поперек изголовья, под валик. Потом я заправила постель и улеглась сверху.

Сэр Роланд от изумления садится на ломберный столик.

КЛАРИССА. Но как вы затащили тело наверх, в ту комнату? Не могли же вы сами справиться.

МИСС ПИК. Ой, вы не поверите! Старый приемчик пожарных. Перекинула его через плечо, и — вперед. *(Показывает.)*

СЭР РОЛАНД. А если бы вы с кем-нибудь столкнулись на лестнице?

МИСС ПИК. Ну-у, так ведь не столкнулась же! Полицейские торчали здесь, с миссис Хэйлшэм-Браун; вы трое были в столовой. Вот я и ухватила свой шанс — и тело, разумеется, — протащила его через холл, снова заперла дверь в библиотеку и втащила по лестнице в комнату для гостей.

СЭР РОЛАНД. Ну надо же!

КЛАРИССА. Но его же нельзя навсегда оставить там под валиком.

МИСС ПИК. Нет, миссис Хэйлшэм-Браун, не навсегда, конечно. Но на сутки — можно. К этому времени полиция закончит с домом и окрестностями. Они станут искать где-нибудь подальше, в чистом поле. Вот мне и пришлось в голову... Сегодня с утра я выкопала отличную глубокую канаву — для сладких груш. Ну вот, там труп и закопаем, а по обеим сторонам посадим по рядочку отличных груш.

СЭР РОЛАНД. Боюсь, мисс Пик, рытье могил уже больше не считается частным бизнесом.

МИСС ПИК (*смеясь от души*). Ох уж эти мужчины! (*Грозит пальцем сэру Роланду.*) Всегда такие строгие! Ничего, мы теперь тоже кое в чем смыслим. Мы нынче и убийство берем в свои руки, а, миссис Хэйлшэм-Браун?

ХЬЮГО. Разумеется, она не убивала его. Не верю ни единому слову.

МИСС ПИК. Если не она его, то кто же?

Из холла, зевая, бредет заспанная Пиппа. В руках у нее стеклянное блюдечко с шоколадным муссом и торчащей в нем чайной ложкой. Все поворачиваются и смотрят на нее.

КЛАРИССА (*вставая; изумленно*). Пиппа! Почему ты не в постели?

ПИППА (*зевая*). Я спустилась к вам. Жутко проголодалась. (*Клариссе.*) Ты ведь обещала, что принесешь это наверх.

Кларисса берет мусс у Пиппы, ставит его на козетку, потом усаживает Пиппу на диван, и сама садится рядом.

КЛАРИССА. Я думала, ты спишь.

ПИППА (*зевая во весь рот*). Я спала. Потом мне показалось, что вошел полицейский — смотрит на меня. Мне еще раньше снился жуткий сон, а потом я наполовину проснулась. И так есть захотелось, что пришлось спуститься сюда. (*Вздрагивает.*) А еще я подумала, а вдруг это правда.

СЭР РОЛАНД. Что — правда?

КЛАРИССА. Тот жуткий сон про Оливера. (*Вздрагивает.*)

СЭР РОЛАНД. Пиппа, что тебе приснилось про Оливера? Расскажи мне.

Пиппа вынимает из кармана своего халата маленькую фигурку из воска.

ПИППА. Я сделала это сегодня вечером. Растопила свечку, потом накалила докрасна булавку и воткнула в него.

ДЖЕРЕМИ. Боже праведный!

ПИППА. Я произнесла нужные слова и все такое, но у меня не все получилось в точности как по той книге.

Джереми, подойдя к книжным полкам, находит книгу.

КЛАРИССА. В какой книге? Ничего не понимаю!

ДЖЕРЕМИ. Вот она. *(Протягивает книгу Клариссе.)* Она раскопала ее сегодня в лавке у букиниста. Называла ее сборником рецептов.

ПИППА *(с неожиданным смешком)*. А вы еще сказали: «Это едят?»

КЛАРИССА *(читая название)*. «Сто проверенных и надежных заговоров». *(Раскрывает книгу.)* «Как лечить бородавки; как исполнить заветное желание; как уничтожить своего врага». Ох, Пиппа... И ты это сделала?

ПИППА. Да. На Оливера не похожа, и я не смогла достать ни одного его волоска. Но я постаралась, как могла, а потом... потом... мне приснилось, мне показалось... *(Откидывает волосы с лица.)* Я спустилась сюда, и он был здесь. *(Указывает на диван.)* И все это было на самом деле. Он лежал там, мертвый. Я убила его. *(Оглядывает их всех.)* Это правда? *(Начинает дрожать.)* Я... его убила?

КЛАРИССА *(обнимая ее)*. Нет, родная. Нет.

ПИППА. Но он ведь был здесь.

СЭР РОЛАНД. Я знаю, Пиппа, но ты не убивала его. Когда ты проткнула булавкой эту восковую фигурку, таким способом ты убила свою ненависть к нему и свой страх. Ты больше не боишься и не ненавидишь его. Разве не так?

ПИППА *(поднимает голову, глядя на сэра Роланда)*. Да, это правда. Но я видела его. *(Заглядывает за спинку дивана.)* Я спустилась сюда и увидела — он лежит тут, мертвый. *(Уткнувшись лицом в грудь сэра Роланда.)* Я правда видела его.

СЭР РОЛАНД. Да, детка, ты действительно видела его. Но это не ты его убила. Теперь послушай меня, Пиппа. Кто-то ударил его по голове большой палкой. Ты ведь не делала этого, правда?

ПИППА. О-о, нет.

Сэр Роланд смотрит на Клариссу

Только не палкой. *(Поворачивается к Клариссе.)* Ты имеешь в виду такую клюшку для гольфа, как у Джереми?

Сэр Роланд едва заметно настораживается.

ДЖЕРЕМИ. Нет, Пиппа, не клюшку для гольфа. Ту большую трость, которая стоит на стойке в холле.

ПИППА. Та, что принадлежала мистеру Селлону и которую мисс Пик называет дубиной?

Джереми кивает.

Ох, нет, я никогда бы такого не сделала. Я бы не смогла. Ох, дядя Роли, я никогда не стала бы убивать его по-настоящему.

КЛАРИССА. Конечно, не стала бы. Теперь давай, дорогая, доедай свой мусс и забудь обо всем этом. *(Берет блюдечко и протягивает Пиппе.)*

Пиппа жестом отказывается, и Кларисса ставит блюдечко обратно на козетку.

МИСС ПИК. Я не поняла ни одного слова. *(Подходит к Джереми.)* Что за книжка?

Сэр Роланд и Кларисса укладывают Пиппу на диван. Кларисса берет Пиппу за руку, сэр Роланд гладит девочку по голове.

ДЖЕРЕМИ. «Как навести мор на соседский скот». Вас не привлекает это, а, мисс Пик? С небольшой поправкой рискну сказать, что вы могли бы навести черные пятна на розы вашего соседа.

МИСС ПИК. Не знаю даже, о чем вы толкуете.

ДЖЕРЕМИ. О черной магии.

МИСС ПИК. Слава Богу, я не суеверна.

ХЬЮГО. Я вообще ничего не понимаю.

МИСС ПИК *(похлопывая Хьюго по плечу)*. Я тоже. Пожалуй, пойду гляну одним глазком, как там движется дело у наших легавых.

Мисс Пик, смеясь, выходит в холл.

СЭР РОЛАНД. Итак, что теперь?

КЛАРИССА. Нет, ну какая же я дура! Не сообразить, что Пиппа никак не смогла бы... Я же ничего не знала об этой книге. Пиппа сказала, что убила его, и я... Я решила, что это правда.

ХЬЮГО *(вставая)*. О-о, ты хочешь сказать, ты подумала, что Пиппа...

КЛАРИССА. Да, дорогой мой!

ХЬЮГО. А-а, вот теперь понимаю! Это все объясняет. Боже праведный!

ДЖЕРЕМИ. Что ж, нам лучше пойти в полицию.

СЭР РОЛАНД. Даже не знаю. Она уже и так рассказала им три версии...

КЛАРИССА. Нет. Подождите. Есть идея. Хьюго, как назывался магазин мистера Селлона?

ХЬЮГО. Это был антикварный магазин.

КЛАРИССА (*нетерпеливо*). Это я знаю. Но как он назывался?

ХЬЮГО. Как понять — «как он назывался»?

КЛАРИССА. О Господи. Как же с вами тяжело! Вы уже называли его, и теперь я хочу, чтобы вы повторили. Но подсказывать не хочу.

Хьюго, Джереми и сэр Роланд переглядываются.

ХЬЮГО. Роли, ты понимаешь, к чему клонит эта девочка?

СЭР РОЛАНД. Ничуть. Кларисса, попробуй еще раз.

КЛАРИССА. Все очень просто. Как назывался антикварный магазин?

ХЬЮГО. Да не было у него никакого названия. Никто же не назовет свою антикварную лавку — «Морской пейзаж» или как-нибудь эдак.

КЛАРИССА. О Господи, пошли мне терпение. Что было написано над дверью?

ХЬЮГО. Написано? Ничего. Что там могло быть написано? Только «Селлон и Браун», вот и все.

КЛАРИССА. Наконец-то. Мне казалось, вы уже говорили это прежде, но я не была уверена. Селлон и Браун. Наша фамилия — Хэйлшэм-Браун... Мы сняли этот дом смехотворно дешево; с других — тех, кто приходил смотреть его до нас, заламывали такую непомерную арендную плату, что те просто бросались наутек. Теперь улавливаете?

ХЬЮГО. Нет.

ДЖЕРЕМИ. Пока нет.

СЭР РОЛАНД. Весьма смутно.

КЛАРИССА. Партнер мистера Селлона, живущий в Лондоне, — это женщина. Сегодня кто-то звонил сюда и хотел поговорить с миссис Браун. Не миссис Хэйлшэм-Браун, а просто — Браун.

СЭР РОЛАНД. Догадываюсь, к чему ты клонишь.

ХЬЮГО. А я — нет.

КЛАРИССА. Кровь с молоком и молоко с кровью — большая разница.

ХЬЮГО. Кларисса, ты, часом, не бредишь?

КЛАРИССА. Кто-то убил Оливера. Это не был кто-то из вас троих; это не была ни я, ни Генри... Это не была Пиппа — слава Богу, — но тогда кто же?

СЭР РОЛАНД. Все было именно так, как я сказал инспектору. Убийца — кто-то посторонний. Он выследил Оливера и приехал сюда следом за ним.

КЛАРИССА. Не уверена. После того, как я проводила вас сегодня до ворот, я вернулась, вошла через садовую дверь и вижу — Оливер стоит у бюро. Он очень удивился, увидев меня. И сказал: «Что вы здесь делаете, Кларисса?» Я-то решила, что это просто такой изощренный способ поиздеваться. Но, похоже, он действительно не ожидал меня увидеть. Он думал, что дом принадлежит кому-то другому. И рассчитывал заставить здесь другую миссис Браун — партнера мистера Селлона.

СЭР РОЛАНД. Разве он не знал, что вы с Генри живете в этом доме? Разве Миранда не знала?

КЛАРИССА. Когда Миранде нужно было связаться с нами, она всегда действовала через адвокатов. Говорю вам, Оливер совершенно не ожидал, что встретит меня. О-о, он довольно быстро взял себя в руки и придумал предлог — дескать, он приехал поговорить о Пиппе. Потом притворился, что уходит, но вернулся, потому что...

Из холла входит мисс Пик.

МИСС ПИК. Охота в самом разгаре. По-моему, они уже заглянули под все кровати и теперь вышли на улицу. *(Смеется.)*

КЛАРИССА. Мисс Пик, вы не помните, что сказал мистер Костелло прямо перед уходом? Не припоминаете?

МИСС ПИК. Ума не приложу.

КЛАРИССА. Он сказал: «Я приехал повидать миссис Браун», — верно?

МИСС ПИК. По-моему, так. Да. А что?

КЛАРИССА. Но он приезжал повидать не меня.

МИСС ПИК. Ну, если не вас, тогда я не знаю, кого еще. *(Смеется.)*

КЛАРИССА *(с нажимом)*. Вас. Ведь это вы — миссис Браун, не так ли?

Мисс Пик растеряна и на секунду замирает. А потом говорит совсем другим тоном — мрачно, без тени прежней разухабистой веселости.

МИСС ПИК. Вы очень сообразительны. Да. Я — миссис Браун.

КЛАРИССА. Вы были партнером мистера Селлона. Этот дом принадлежит вам — вы унаследовали его вместе с делом. Вы решили сдать его людям по фамилии Браун. Вы полагали, это не составит труда. В конце концов, вы пошли на компромисс — Хэйлшэм-Браун. Не знаю точно, зачем вам понадобилось, чтобы я была на виду, пока вы наблюдаете со стороны. Мне пока еще не ясны многие детали...

МИСС ПИК. Чарльз Селлон был убит. Он завладел чем-то очень ценным. Я не знаю, как — не знаю даже, чем именно. Он не всегда был чересчур... шепетил.

СЭР РОЛАНД. Это мы уже слышали.

МИСС ПИК. Чем бы оно ни было, его за это убили. Однако тот, кто убил его, эту вещь не нашел. Вероятно, потому что она была не в магазине, а здесь. Я решила, что человек, убивший его, рано или поздно придет сюда. Мне надо было быть начеку — следовательно, мне нужна была подставная миссис Браун.

СЭР РОЛАНД. И вас не волновало, что совершенно не причастная к этому женщина — миссис Хэйлшэм-Браун, — окажется в опасности?

МИСС ПИК. Я ведь неплохо присматривала за ней, разве не так? Порой вас это даже раздражало. В тот день, когда приехал какой-то тип и предложил ей какую-то сумасшедшую цену за это бюро, я поняла: я — на верном пути. Тем не менее готова поклясться, что в этом бюро нет ничего мало-мальски ценного.

СЭР РОЛАНД. А вы проверяли потайной ящик?

МИСС ПИК. Там есть потайной ящик?

КЛАРИССА. Сейчас он пустой. Этот ящик обнаружила Пиппа, но в нем были лишь какие-то старые автографы.

СЭР РОЛАНД. Кларисса, я бы хотел еще раз взглянуть на те автографы.

КЛАРИССА. Пиппа, куда ты положила?... О, она спит.

МИСС ПИК. Быстро она заснула. Это все от возбуждения. Знаете что, я отнесу ее наверх и уложу в кровать.

СЭР РОЛАНД. Нет. Не нужно.

МИСС ПИК. Она легкая. Не весит и четверти покойного мистера Костелло.

СЭР РОЛАНД. Все равно, я считаю, что ей безопаснее находиться здесь.

КЛАРИССА. Безопаснее? *(Резко поворачивается к мисс Пик.)*

Все остальные смотрят на мисс Пик.

МИСС ПИК (*отступая на шаг и оглядываясь*). Безопаснее?
СЭР РОЛАНД. Именно. Эта девочка только что сказала очень важную вещь.

ХЬЮГО. Что она сказала?

СЭР РОЛАНД. Если вы все подумаете и вспомните, может быть, вы поймете.

Остальные переглядываются. Сэр Роланд раскрывает справочник «Кто есть кто».

ХЬЮГО (*качая головой*). Я не понимаю.

ДЖЕРЕМИ. А что она сказала?

КЛАРИССА. Не представляю себе. Полицейский? Сон? Что она спустилась вниз — сюда? Что наполовину проснулась?

ХЬЮГО. Брось ты эту чертову таинственность, Роли. Что все это значит?

СЭР РОЛАНД (*рассеянно*). Что? Ах да. Те автографы. Где они?

ХЬЮГО. По-моему, Пиппа клала их в шкатулку — вон там.
ДЖЕРЕМИ (*идя к книжным полкам*). Здесь?

Джереми открывает шкатулку и вынимает конверт. Затаив дыхание, заглядывает в него. Сэр Роланд закрывает справочник.

Верно. Вот они. (*Вынимает автографы из конверта, вручает их сэру Роланду, одновременно засовывая в карман сам конверт.*)

СЭР РОЛАНД (*разглядывая автографы в монокль*). Королева Виктория, благослови ее Господь.

Мисс Пик, Кларицца и Джереми обступили сэра Роланда.

Выцветшие коричневые чернила. Джон Рёскин... да, судя по всему, подлинный. А Роберт Браунинг — бумага не такая старая, какой по идее должна быть.

КЛАРИССА. Роли! Что ты хочешь сказать?

СЭР РОЛАНД. Во время войны мне приходилось иметь дело с симпатическими чернилами и прочими штучками такого рода, и кое-что я еще помню. Если хотите сделать какую-нибудь запись не для посторонних глаз, то чем плохо — воспользовался невидимыми чернилами, а потом, уже нормальными, подделал чей-нибудь автограф. Положите этот автограф среди других, подлинных, и никто не заметит, даже не обратит внимания. В чем мы и убедились.

МИСС ПИК. Но неужели Чарльз Селлон мог чего-нибудь понаписать невидимыми чернилами на четырнадцать тысяч фунтов?

СЭР РОЛАНД. Отнюдь нет, почтеннейшая. Мне сдается, это была просто мера безопасности.

МИСС ПИК. Безопасности?

СЭР РОЛАНД. Костелло подозревали в торговле наркотиками. Селлона, по словам инспектора, один или два раза допрашивали в Отделе по борьбе с наркотиками. Тут есть какая-то связь, вам не кажется? А впрочем, может, все это глупости. Вряд ли Селлон стал бы особо ухищряться. Скорее всего, лимонный сок либо раствор хлористого бария. Такие чернила могу проявиться при слабом подогреве. Потом мы всегда можем попробовать пары йода. Да, слабый подогрев. Ну что, проведем эксперимент?

КЛАРИССА. В библиотеке есть электрический камин. Джереми, ты не принесешь его?

Джереми выходит в библиотеку.

Мы можем включить его здесь.

МИСС ПИК. Все это настолько глупо — даже слов не хватает!

КЛАРИССА. А по-моему, замечательная мысль.

Джереми возвращается, неся маленький электрический обогреватель.

Принес?

ДЖЕРЕМИ. Вот он. Где розетка?

КЛАРИССА. Вон там.

Джереми включает обогреватель. Сэр Роланд берет автограф Роберта Браунинга и идет к обогревателю.

СЭР РОЛАНД. Не питайте слишком радужных надежд. В конце концов, это только предположение. Но должна же была у Селлона иметься какая-то веская причина, чтобы хранить эти клочки бумаги в таком укромном месте.

ХЬЮГО. Я словно вернулся в прошлое. Помню, как еще мальчишкой писал тайные записки лимонным соком.

ДЖЕРЕМИ. С которой начнем?

КЛАРИССА. С королевы Виктории.

ДЖЕРЕМИ. Шесть к одному — на Рёскина.

СЭР РОЛАНД. Я ставлю на Роберта Браунинга. *(Наклоняется и держит листок перед обогревателем.)*

ХЬЮГО. Вот темнила! Я никогда не мог понять ни словечка из его виршей.

СЭР РОЛАНД. Точно. Они исполнены скрытого смысла.

Все склоняются над сэром Роландом

КЛАРИССА. Если ничего не выйдет, я не переживу.

СЭР РОЛАНД. По-моему... Да.

ДЖЕРЕМИ. Да, там что-то проступает.

КЛАРИССА. Есть! Дайте, дайте взглянуть!

ХЬЮГО (*проталкиваясь между Клариссой и Джереми*).

Подвиньтесь, молодой человек.

СЭР РОЛАНД. Спокойно. Не толкайте меня... да... Здесь что-то написано. (*Выпрямляется.*) Вот оно!

МИСС ПИК. Что — оно?

СЭР РОЛАНД. Список из шести имен и адресов. Полагаю, торговцы наркотиками, и одно из имен — Оливер Костелло.

КЛАРИССА. Оливер! Так вот зачем он приезжал. А кто-то, должно быть, выследил его и... О, дядя Роли, мы должны рассказать полиции. Пойдем, Хьюго.

Кларисса бросается к дверям в холл, за ней — Хьюго. Сэр Роланд берет оставшиеся автографы. Джереми выключает обогреватель из розетки и выходит с ним в библиотеку. Мисс Пик идет было к двери в холл, потом поворачивает обратно, к Пиппе

ХЬЮГО (*на ходу*). В жизни не слышал про такие фокусы.

Кларисса и Хьюго выходят в холл

СЭР РОЛАНД. Идете, мисс Пик?

МИСС ПИК. Разве так необходимо, чтобы я тоже пошла?

СЭР РОЛАНД. Полагаю, что необходимо. Вы были партнером Селлона.

МИСС ПИК. Но к наркотикам никакого отношения не имела. Я занималась антикварной стороной, — совершала все лондонские сделки.

СЭР РОЛАНД. Понимаю.

Сэр Роланд выходит в холл. Мисс Пик оглядывается на Пиппу, потом выключает бра и выходит в холл. Из библиотеки входит Джереми. Взглянув на Пиппу, подходит к креслу, берет с него подушку и медленно идет к дивану. Пиппа ворочается во сне. Джереми на мгновение замирает, потом идет дальше, становится возле головы Пиппы и медленно опускает подушку на ее лицо. Из холла входит Кларисса.

КЛАРИССА. Привет, Джереми. (*Закрывает за собой дверь.*)

Джереми, услышав звук открывающейся двери, кладет подушку Пиппе на ноги.

ДЖЕРЕМИ. Я вспомнил, что сказал сэр Роланд, и подумал, может, нам не стоит оставлять Пиппу совсем одну. По-моему, у нее замерзли ножки, я их укрыл.

КЛАРИССА (*подходя к козетке*). Из-за всей этой карусели я жутко проголодалась. (*Смотрит на блюда с сэндвичами.*) Ох, Джереми. Ты их все съел!

ДЖЕРЕМИ. Прости, но я умирал с голоду.

КЛАРИССА. Не понимаю, с чего бы это. Ты ведь пообедал. А я — нет.

ДЖЕРЕМИ (*усаживаясь на спинку дивана*). Я тоже не обедал. Отрабатывал подачу. Я вошел в ресторанный зал как раз после твоего звонка.

КЛАРИССА. А-а, понятно. (*Перегибается через спинку дивана, чтобы взбить подушку. Вдруг ее глаза широко раскрываются. Взволнованно.*) Понятно — это ты...

ДЖЕРЕМИ. О чем ты?

КЛАРИССА (*про себя*). Ты!

ДЖЕРЕМИ. Что означает это «Ты!»?

КЛАРИССА. Что ты делал с этой подушкой, когда я вошла в комнату?

ДЖЕРЕМИ. Укрывал ножки Пиппе — они у нее замерзли.

КЛАРИССА. Вот как? А может, ты собирался сделать совсем другое? Задуть ее этой подушкой?

ДЖЕРЕМИ. Кларисса!

КЛАРИССА. Я говорила, что никто из нас не мог его убить. Но нет — один из нас — мог. Ты. Ты был на площадке для гольфа один. Ты мог вернуться, проникнуть в дом через окно в библиотеке, которое оставил открытым заранее, и у тебя в руках была... клюшка для гольфа. Вот что видела Пиппа. Вот что она имела в виду, когда сказала: «Клюшка для гольфа, как у Джереми». Она видела тебя.

ДЖЕРЕМИ. Кларисса, это чушь.

КЛАРИССА. Нет, не чушь. Потом, убив Оливера, ты вернулся в клуб и позвонил в полицию, чтобы они приехали сюда, обнаружили тело и решили, что его убил Генри или я.

ДЖЕРЕМИ. Полный бред!

КЛАРИССА. Это правда. Я знаю. Но зачем? Вот чего я не понимаю. Зачем?

Джереми вынимает из кармана конверт и показывает Клариссе, не давая до него дотронуться.

ДЖЕРЕМИ. Вот зачем.

КЛАРИССА. Это же тот конверт, в котором лежали автографы

ДЖЕРЕМИ. А на нем — марка. Из тех, что называют марками с дефектом. Отпечатанная в неправильном цвете В прошлом году подобная марка была продана в Швеции за четырнадцать тысяч триста фунтов.

КЛАРИССА. Так вот оно что.

ДЖЕРЕМИ. Эта марка оказалась у Селлона. Он написал о ней моему боссу. Письмо вскрыл я. Я приехал, встретился с Селлоном...

КЛАРИССА. И убил его.

Джереми кивает

Но ты не смог найти марку.

ДЖЕРЕМИ. Угу. В магазине ее не было, и я понял, что она должна быть здесь... *(Приближается к Клариссе)*

Кларисса пятится

А сегодня вечером я подумал, что Костелло меня обскакал

КЛАРИССА. Поэтому ты убил и его тоже.

Джереми кивает.

А сейчас ты хотел убить Пиппу?

ДЖЕРЕМИ. Почему бы и нет?

КЛАРИССА. Не могу в это поверить.

ДЖЕРЕМИ. Дорогая моя Кларисса, четырнадцать тысяч фунтов — деньги немаленькие.

КЛАРИССА. Но зачем ты мне все это рассказываешь? Неужели ты хоть на секунду вообразил, что я не пойду в полицию?

ДЖЕРЕМИ. Они никогда тебе не поверят.

КЛАРИССА. Еще как поверят.

ДЖЕРЕМИ. Кроме того, тебе не представится такого случая. *(Приближается к ней.)* Ты полагаешь, убив двух человек, я остановлюсь перед убийством третьего? *(Хватает Клариссу за горло.)*

Кларисса кричит. Из холла входит сэр Роланд, через стеклянную дверь — констебль, а из библиотеки — инспектор.

ИНСПЕКТОР *(хватая Джереми)*. Отлично, Уоррендер. Благодарю вас. Это как раз то доказательство, которое было нам нужно. Давайте мне конверт.

Кларисса пятится за диван, держась за горло

ДЖЕРЕМИ (*отдавая конверт инспектору*). Ловушка. Ловко придумано.

ИНСПЕКТОР. Джереми Уоррендер, я арестую вас за убийство Оливера Костелло и должен предупредить, что все, что вы скажете, может быть записано и использовано в качестве свидетельства.

ДЖЕРЕМИ. Можете не драть глотку, инспектор. Это была хорошая игра.

ИНСПЕКТОР. Уведите его.

Констебль берет Джереми под руку.

ДЖЕРЕМИ. Забыли ваши наручники, мистер Джонс?

Констебль заворачивает Джереми правую руку ему за спину и выводит его через стеклянную дверь

СЭР РОЛАНД (*подходя к Клариссе*). Как ты себя чувствуешь, деточка? Ничего?

КЛАРИССА. Да, да, со мной все нормально.

СЭР РОЛАНД. Я не ожидал, что дойдет до подобного.

КЛАРИССА. Ты знал, что это был Джереми, правда?

ИНСПЕКТОР (*сэру Роланду*). Но что навело вас на мысль о марке, сэр?

СЭР РОЛАНД. Ну, знаете, инспектор, кое-что забрезжило, когда вечером Пиппа дала мне конверт. Потом, когда я выяснил в «Кто есть кто», что сэр Лэзрес Стайн — филателист, мои подозрения усилились, а сейчас, когда Уоррендер имел наглость сунуть конверт себе в карман прямо у меня под носом, я был уже абсолютно уверен. Берегите его, инспектор. Скорее всего, марка представляет большую ценность, кроме того, это — улика.

ИНСПЕКТОР. Улика что надо. Особо опасный молодой преступник получит по заслугам. Однако нам еще нужно отыскать тело.

КЛАРИССА. О, это просто, инспектор. Посмотрите на кровати, в комнате для гостей.

ИНСПЕКТОР. Ну что вы, в самом деле, миссис Хэйлшэм-Браун...

КЛАРИССА. Почему мне никто никогда не верит? Оно лежит на кровати в гостевой комнате — сходите и посмотрите, инспектор. Поперек изголовья, под валиком. Мисс Пик засунула его туда. Она хотела как лучше.

ИНСПЕКТОР. Хотела как... Знаете, миссис Хэйлшэм-Браун, сегодня вечером вы не слишком облегчили нам работу.

Все эти ваши невероятные истории... Наверное, вы считали, что убийца — ваш муж, и лгали, чтобы прикрыть его. Но так поступать не следует, мадам. Ни в коем случае не следует.

Инспектор выходит в холл

КЛАРИССА. Итак! (*Смотрит на диван.*) О-о, Пиппа...

СЭР РОЛАНД (*склоняясь над Пиппой*). Лучше отвести ее наверх и уложить в постель. Теперь она в безопасности.

КЛАРИССА (*легонько тряся Пиппу*). Давай, Пиппа. Оп-ля. Пора в постельку.

Пиппа неохотно встает

ПИППА (*бормочет*). Поесть...

КЛАРИССА (*ведет Пиппу к дверям в холл*). Да-да, я знаю. Сейчас мы что-нибудь поищем.

СЭР РОЛАНД. Спокойной ночи, Пиппа!

ПИППА. Спокойной ночи.

Кларисса и Пиппа выходят в холл. Сэр Роланд садится справа за ломберный столик и собирает карты.

ХЬЮГО (*за сценой*). Тебе помочь, Кларисса?

КЛАРИССА (*за сценой*). Нет, спасибо, я сама справлюсь.

Хьюго входит из холла

ХЬЮГО (*сэру Роланду*). Господи помилуй! В жизни бы не поверил. С виду вполне порядочный молодой человек, образованный, вхож в приличное общество.

СЭР РОЛАНД. А ради четырнадцати тысяч пошел на убийство. Это бывает, Хьюго, такое время от времени случается в любом из слоев общества. Обаятельная личность, но — никаких моральных устоев.

Из холла входит мисс Пик.

МИСС ПИК. Я подумала, сэр Роланд, что мне все-таки придется сходить с вами в полицейский участок. Они хотят, чтобы я дала показания. Им как-то не очень пришелся по душе тот фокус, который я провернула, — боюсь, меня ждет хорошая взбучка.

Мисс Пик раздражается хохотом и выходит в холл

ХЬЮГО. Знаешь, Роли, я что-то не очень понял. Миссис Пик — это миссис Селлон, или мистер Селлон был... мистером Брауном? Или все наоборот?

Из холла входит инспектор

ИНСПЕКТОР. Мы забираем тело, сэр. *(Берет свою кепку и перчатки.)*

СЭР РОЛАНД. О да, инспектор.

ИНСПЕКТОР. Если вас не затруднит, передайте миссис Хэйлшэм-Браун, что, если она и впредь будет рассказывать подобные байки полиции, это в один прекрасный день может обернуться для нее серьезными неприятностями.

СЭР РОЛАНД. Но, инспектор, ведь один раз она рассказала вам чистую правду. Просто вы не поверили ей.

ИНСПЕКТОР. Да... м-мм... Ну что ж. Честно говоря, сэр, вы сами должны признать, это было трудновато переварить.

СЭР РОЛАНД. О, это я признаю.

ИНСПЕКТОР *(доверительно)*. Вообще-то я вас не виню, сэр. Такой леди, как миссис Хэйлшэм-Браун, противиться невозможно. Спокойной ночи, сэр.

СЭР РОЛАНД. Спокойной ночи, инспектор.

ИНСПЕКТОР. Спокойной ночи, мистер Берч.

ХЬЮГО. Отличная работа, инспектор. *(Протягивает ему руку.)*

Инспектор улыбается, потом смотрит на сэра Роланда, и его улыбка исчезает. Сэр Роланд опускает голову, стараясь спрятать улыбку. Инспектор выходит в холл. Хьюго зевает.

ХЬЮГО. Ну, ладно. Наверное, мне лучше пойти домой и лечь спать. Как-нибудь вечером, да?

СЭР РОЛАНД. Конечно, Хьюго, как-нибудь вечером. Спокойной ночи.

ХЬЮГО. Спокойной ночи. *(Выходит.)*

Входит Кларисса

КЛАРИССА *(подходит к сэру Роланду и кладет руку ему на плечо)*. Милый Роли. И такой умный!

СЭР РОЛАНД. Тебе повезло, юная леди! Хорошо, что этот молодой человек не вскружил тебе голову.

КЛАРИССА. Если мне кто-то и вскружит голову, дорогой, это будешь только ты.

СЭР РОЛАНД. Ну-ну, ты со мной эти штучки брось.

Через стеклянную дверь входит Генри.

КЛАРИССА (*изумленно*). Генри!

ГЕНРИ. Привет, Роли. Я думал, вы сегодня в клубе.

СЭР РОЛАНД. Ну... э-э... Я решил вернуться пораньше.
Трудный выдался вечерок.

ГЕНРИ (*глядя на ломберный столик*). Бридж?

СЭР РОЛАНД. Бридж и... (*улыбается*) э-э.. разное другое. Спокойной ночи.

Кларисса посылает сэру Роланду воздушный поцелуй Сэр Роланд
отвечает ей тем же и выходит в холл.

КЛАРИССА (*подходя к Генри; оживленно*). Где Кален... то
есть, где мистер Джонс?

ГЕНРИ (*устало и разочарованно*). Он не прилетел.

КЛАРИССА. Что-о?

ГЕНРИ. Этим самолетом прибыл лишь его новоиспечен-
ный адъютант. Первое, что он сделал, это развернул само-
лет и улетел обратно — туда, откуда прибыл.

КЛАРИССА. Почему?

ГЕНРИ. Откуда мне знать? Похоже, что-то заподозри-
ли. Но что? Что, я спрашиваю?

КЛАРИССА. Но как же будет с сэром Джоном?

ГЕНРИ. Это самое худшее. Я думаю, он приедет с ми-
нуты на минуту. (*Смотрит на часы.*) Разумеется, я сразу
же позвонил с аэродрома, но он уже выехал. Ох, это про-
вал, полный провал. (*Бессильно опускается на диван*)

Звонит телефон

КЛАРИССА. Я подойду. Может быть, это полиция. (*Сни-
мает трубку.*)

ГЕНРИ. Полиция?

КЛАРИССА (*в телефонную трубку*). Да... Да, это Коппл-
стоун-Корт... Да, он здесь. (*Генри.*) Это тебя, дорогой. С
аэродрома Биндли-Хит.

Генри вскакивает, бросается к телефону, но на полпути останавли-
вается и меняет галоп на степенную походку.

ГЕНРИ (*в телефонную трубку*). Алло?..

Кларисса выходит в холл со шляпой и плащом, возвращается и
встает за спиной Генри.

Да, я слушаю... Что-о?.. На десять минут позже?.. Вот как?.. Да... Да-да... Нет... Нет-нет... Понимаю... Да... Хорошо. *(Кладет трубку и кричит.)* Кларисса! *(Поворачивается и видит, что она стоит у него за спиной.)* О-о... Второй самолет — прилетел через десять минут после первого, и на его борту был Календорф.

КЛАРИССА. Ты хочешь сказать, мистер Джонс.

ГЕНРИ. Совершенно верно, дорогая. Осторожность никогда не помешает. Да, похоже, первый самолет — это вынужденная мера безопасности. В самом деле, не поймешь, как у этих людей мозги устроены. Ну, как бы там ни было, они теперь отправляют его сюда под охраной ВВС. Он будет здесь примерно через четверть часа. Итак, у нас все в порядке? Убери-ка эти карты отсюда, хорошо?

Кларисса торопливо собирает карты и маркеры. Генри подходит к козетке и с большим удивлением берет тарелку из-под сэндвичей и блюдечко от мусса

Что это такое?

КЛАРИССА *(подбегает к Генри и хватает тарелку и блюдечко)*. Это Пиппа ела. Я сейчас заберу. Пойду приготовлю еще сэндвичей с ветчиной.

ГЕНРИ. Погоди... Стулья. Я думал, у тебя будет уже все готово. *(Подходит к ломберному столику и складывает его.)*

Кларисса отодвигает стулья

Чем ты занималась весь вечер? *(Заносит ломберный столик в библиотеку.)*

КЛАРИССА. Ох, Генри, это был жутко захватывающий вечерок. Понимаешь, вскоре после того, как ты уехал, я вошла сюда с сэндвичами и первым делом споткнулась о труп. Вон там — за диваном.

ГЕНРИ. Да-да, дорогая. Твои истории всегда очаровательны, но, по правде говоря, сейчас просто не до них.

Оба продолжают расставлять стулья и кресла по местам.

КЛАРИССА. Но, Генри, это правда. И это только начало. Приехала полиция, и началось такое! Тут вскрылась целая сеть сбыта наркотиков, и мисс Пик оказалась вовсе не мисс Пик, на самом деле она — миссис Браун, а Джереми

оказался убийцей, и он пытался украсть марку, которая стоит четырнадцать тысяч фунтов.

ГЕНРИ (*вежливо, но невнимательно*). Гм-м! Должно быть, это шведская — вторая желтая.

КЛАРИССА. Это она и была.

ГЕНРИ (*нежно*). Что ты только не придумашь, Кларисса. (*Смахивает крошки со столика носовым платком.*)

КЛАРИССА. Но, дорогой, я это вовсе не придумала. Я и половины такого не смогла бы придумать. Как странно, за всю жизнь со мной не случилось ничего необыкновенного, а сегодня — прямо весь набор. Убийство, полиция, наркоманы, невидимые чернила, тайнопись, меня чуть не арестовали за непредумышленное убийство, а потом саму едва не убили. Знаешь, для одного вечера это, пожалуй, немало чересчур.

ГЕНРИ. Дорогая, пожалуйста, сходи свари кофе. Ты ведь можешь рассказать мне весь этот милый вздор завтра.

КЛАРИССА. Генри, неужели до тебя не доходит, что меня едва не убили!

ГЕНРИ (*глядя на часы*). С минуты на минуту может прийти сэр Джон или мистер Джонс.

КЛАРИССА. Что я пережила сегодня вечером! Милый мой, это напоминает Вальтера Скотта!

ГЕНРИ (*оглядывая комнату*). Что напоминает?

КЛАРИССА. Моя тетка заставляла меня зубрить наизусть. «О, что за паутину нам сплести, когда впервые учимся мы лгать».

Генри неожиданно перегибается через кресло и заключает Клариссу в объятия.

ГЕНРИ. Паучиха ты моя любимая!

КЛАРИССА (*кладет ему руки на плечи*). А тебе известны некоторые факты из жизни паучих? Они едят своих мужей. (*Щекочет пальцами его шею.*)

ГЕНРИ (*страстно*). Скорее я тебя съем. (*Целует ее.*)

В дверь звонят.

КЛАРИССА (*отшатываясь*). Сэр Джон!

ГЕНРИ (*одновременно с ней*). Мистер Джонс!

КЛАРИССА. Пойди открой дверь. Кофе и сэндвичи я оставлю в холле — возьмешь их, когда они вам понадобятся. Итак, начинаются переговоры на высшем уров-

не. *(Целует свою руку и прикладывает к его губам.)* Удачи, дорогой

ГЕНРИ. Удачи. *(Отворачивается, но тут же снова поворачивается к Клариссе)* То есть, я хочу сказать, спасибо.

Генри выходит в холл, Кларисса берет тарелку и блюдецко

(За сценой) Добрый вечер, сэр Джон

Кларисса тоже идет к дверям в холл, нерешительно останавливается, потом подходит к книжным полкам в глубине комнаты и нажимает на рычаг Панель открывается Слышно хлопанье входной двери

КЛАРИССА Кларисса таинственно исчезает

Кларисса скрывается в нише, и одновременно опускается
з а н а в е с

ВЕРНУТЬСЯ, ЧТОБЫ БЫТЬ ПОВЕШЕННЫМ

ПЬЕСА

Перевод
Е ЧЕВКИНОЙ

Come and Be Hanged

1956

© Перевод Чевкина Е , 2001

© Редакция Издательство «Артикул-принт», 2001

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МЭТЬЮ ТРИВЗ, пожилой, очень известный адвокат, весьма опытный и необыкновенно проницательный.

НЕВИЛ СТРЕЙНДЖ, преуспевающий мужчина, лет 36-ти.

КЕЙ СТРЕЙНДЖ, жена Невила Стрейнджа, молодая привлекательная женщина, лет 26-ти

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН, седовласая дама аристократической наружности

МЭРИ ОЛДИН, секретарь леди Трессилиан, темноволосая молодая женщина, приятная, неглупая и явно много знающая, 36 лет.

ОДРИ СТРЕЙНДЖ, бывшая жена Невила Стрейнджа, хрупкая блондинка с русалочьими глазами.

ТОМАС РОЙД, привлекательный мужчина средних лет, с загорелым, обветренным лицом

ТЕД ЛАТИМЕР, жгучий брюнет, 26 лет.

БАТТЛ, суперинтендант из Скотленд-Ярда.

ЛИЧ, инспектор из местной полиции.

БЕНСОН, констебль.

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Сентябрьское утро. Гостиная в Галз-Пойнте — доме леди Трессилян, стоящем на отвесной скале над морем в Солт-Крике, Корнуэлл. Это просторная, очень нарядная комната, обставленная с отменным вкусом. Вся мебель удобна и в то же время элегантна.

В глубине справа — глубокая ниша, отделенная аркой, за ней — стеклянная дверь, ведущая на террасу. Оттуда виден сад и теннисный корт. В глубине слева — широкое окно-фонарь с видом на устье реки в Истерхед-Бей и на современное здание отеля на скалистом обрыве по другую сторону залива. Пол внутри фонаря чуть приподнят относительно остальной сцены. Слева, ближе к рампе, — дверь, ведущая в соседние комнаты. Справа — небольшой диван, стулья, кресла. В нише возле стеклянной двери — книжный шкаф-секретер и резной деревянный стул, рядом — корзина для бумаг. На небольшом столике — фотография Одри в рамке. На одном из кресел стоит рабочая корзина с рукодельем, на возвышении в фойе — столик-тележка с бокалами и напитками. На подоконнике — портативный магнитофон, рядом валяется несколько катушек с пленкой. В центре комнаты — круглый кофейный столик. На стенах — электрические бра. Когда поднимается занавес, в гостиной никого нет, только к одному из стульев прислонена щетка для ковра.

С террасы входит Томас Ройд — довольно привлекательный мужчина средних лет с загорелым обветренным лицом. В одной руке у него чемодан, в другой — сумка с клюшками для гольфа. Не успевает он дойти до авансцены, когда другая, ближняя дверь с грохотом захлопывается, словно кто-то поспешно выбежал прочь. Ройд, пожав плечами, направляется к окну, открывает среднюю створку, потом, достав из кармана кiset и трубку, набивает ее, задумчиво глядя на залив. В теннисном платье и с полотенцем в руке вбегает Кей Стрейндж. Она явно расстроена — не замечая Ройда, швыряет полотенце на диван, потом идет к столику, берет сигарету из стоящей на нем шкатулки — и тут видит фотографию Одри. Отшвырнув сигарету, она хватается

фотографию, выдирает из рамки, рвет пополам и бросает в корзину. Ройд резко оборачивается. Кей замирает, потом поднимает голову, видит Ройда и от испуга на мгновение теряет дар речи.

КЕЙ. Ой! Кто вы?

РОЙД. Я просто пришел пешком с автобусной остановки. Я...

КЕЙ (*перебивает*). А я, я знаю, вы — тот самый человек из Малайзии.

РОЙД (*мрачно*). Да. Тот самый. Из Малайзии.

КЕЙ. А я — только зашла сигарету взять. (*Берет сигарету из шкатулки на кофейном столике, потом идет к террасе, но возвращается.*) Да какое мне дело — что вы подумаете? (*Убегает.*)

Ройд задумчиво смотрит ей вслед. Входит Мери Олдин — темноволосая, лет тридцати шести, приятная и сдержанная, явно неглупая и много знающая, отчего сдержанность ее кажется несколько интригующей.

Ройд поворачивает к Мэри.

МЭРИ. Мистер Ройд?

Ройд и Мэрижимают друг другу руки.

Леди Трессилиан еще не спускалась. А я — Мэри Олдин, ее верный пес.

РОЙД. Как?

МЭРИ. Вообще-то я считаюсь секретарем, но раз уж я не владею стенографией и все мои таланты чисто домашнего свойства, то звание верного пса, по-моему, мне подходит больше.

РОЙД. А, я о вас кое-что знаю. Леди Трессилиан писала мне на Рождество, какая вы замечательная.

МЭРИ. Я к ней тоже очень привязалась. Леди настолько обаятельна!

РОЙД. Не то слово! (*Поворачиваясь к Мэри*). Да, а как ее артрит?

МЭРИ. Замучил бедняжку — она теперь стала совсем беспомощная.

РОЙД. Печально.

МЭРИ. Не хотите чего-нибудь выпить?

РОЙД. Нет, благодарю вас. (*Глядя в окно.*) А что это там, за караван-сарай?

МЭРИ. Новый отель, «Истерхед-Бей». В прошлом году построили. Правда, безобразный? (*Закрывает окно.*) Леди

Трессилиан не любит, когда открывают это окно, — боится, вдруг кто-нибудь упадет. Н-да, Истерхед-Бей превратился в пошлое курортное местечко. *(Идет к дивану, забирает полотенце Кей и поправляет подушки.)* Думаю, в вашем детстве на том берегу не было ничего, кроме рыбацких лачуг. *(Замолкает.)* Вы ведь приезжали сюда на каникулы, правда? *(Кладет аккуратно сложенное полотенце на край дивана.)*

РОЙД. Да, старый сэр Мортимер даже катал меня по заливу на лодке под парусом — он любитель был!

МЭРИ. Да. Там он и утонул.

РОЙД. Знаю. На глазах у леди Трессилиан. Не представляю, как после этого она может тут жить.

МЭРИ. Думаю, ей просто жаль расстаться с воспоминаниями. Вот только лодок с тех пор мы не держим. Она даже лодочный сарай велела снести.

РОЙД. Значит, если мне захочется снова поплавать по заливу, придется идти на паром.

МЭРИ. Или отправиться на ту сторону, в Истерхед. Там теперь лодки на любой вкус.

РОЙД. Я не любитель перемен. Никогда их не любил. *(Чуть смущенно.)* Вы позволите спросить: кто еще тут живет?

МЭРИ. Старый мистер Тривз — вы с ним знакомы?

Ройд кивает

И Стрейнджи.

РОЙД. Стрейнджи? Вы хотите сказать, Одри Стрейндж, первая жена Невила?

МЭРИ. Да, Одри, — а еще сам Невил Стрейндж и его новая жена. Все они тут.

РОЙД. Несколько странно, вам не кажется?

МЭРИ. По мнению леди Трессилиан, это в высшей степени странно.

РОЙД. И как-то нехорошо, а? Что?

С террасы входит Мэтью Тривз, обмахиваясь старомодной панамой. Это пожилой, очень известный адвокат, весьма опытный и необычайно проникательный. Несколько лет назад он оставил лондонскую практику и теперь предается на досуге наблюдениям за человеческой природой. Выражается он суховато, но точно

ТРИВЗ *(входя)*. На террасе слишком жарко. *(Замечает Ройда.)* А-а, Томас! Как приятно — столько лет не виделись!

РОЙД. Я так рад, что приехал сюда! *(Пожимает руку Тривзу.)*

МЭРИ (*порывается взять чемодан Ройда*). Отнести вещи к вам в комнату?

РОЙД (*поспешно подходит к Мэри*). Нет-нет. Я не позволяю вам его поднимать. (*Берет чемодан и ключики для гольфа и идет следом за Мэри.*)

МЭРИ (*заметив щетку для ковра*). Надо же! Эта миссис Баррет — приходящая прислуга — это что-то невыносимое. Вещи валяются где попало. Леди Трессилиан так сердится!

РОЙД. Боюсь, бедную женщину напугало мое внезапное вторжение. (*Оглядывается на Тривза.*)

Тривз улыбается.

МЭРИ. Наверное.

Мэри и Ройд выходят в соседнюю комнату. Тривз направляется к секретеру, замечает в корзине для бумаг разорванную фотографию, с трудом нагибается и подбирает оба обрывка. Присвистнув, удивленно поднимает брови.

КЕЙ (*за сценой*). Куда ты, Невил?

НЕВИЛ (*за сценой*). В дом, на минутку.

Тривз бросает обрывки фотографии обратно в корзину. С террасы входит Невил Стрейндж. Он в теннисном костюме, в руке — недопитый стакан лимонада.

(*Ставя стакан на кофейный столик.*) А Одри тут нет?

ТРИВЗ. Нет.

НЕВИЛ. А где она, не знаете?

ТРИВЗ. Даже не представляю.

КЕЙ (*за сценой*). Невил! Невил!

НЕВИЛ (*хмурится*). Ч-черт!

КЕЙ (*за сценой, приближается*). Невил!

НЕВИЛ (*идет к стеклянной двери; выглянув наружу*). Иду-иду!

Входит Ройд.

РОЙД. Невил?

НЕВИЛ. Привет, Томас. (*Пожимают друг другу руки.*) Давно приехал?

РОЙД. Только что.

НЕВИЛ. Давненько мы с тобой не виделись, а? Сколько лет тебя не было — года три, не меньше?

РОЙД. Семь лет.

НЕВИЛ. Да что ты? Господи, как летит время!

КЕЙ (*за сценой*). Невил!

НЕВИЛ. Ладно, ладно, Кей.

Кей входит с террасы

КЕЙ (*Невилу*). Ну что ты все не идешь? Мы же с Тедом ждем!

НЕВИЛ. Да я просто зашел глянуть, вдруг Одри...

КЕЙ (*отворачивается*). Ну и гляди на свою Одри — мы и без тебя прекрасно обойдемся.

Кей и Невил уходят на террасу, их голоса постепенно затихают.

РОЙД. А Кей — это кто же будет?

ТРИВЗ. Нынешняя миссис Невил Стрейндж.

Опираясь одной рукой на трость, а другой — на руку Мэри, входит леди Трессилиан — седовласая дама аристократической наружности. Мэри несет ее рукоделье.

Доброе утро, Камилла.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Доброе утро, Мэтью. (*С чувством, Ройду.*) О, Томас! Приехал наконец! Как я рада тебя видеть!

РОЙД (*смущенно*). И я рад, что приехал.

Мэри кладет рукоделье в корзинку и поправляет подушку в кресле.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Ну, рассказывай!

РОЙД (*скороговоркой*). Да рассказывать-то нечего.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН (*пристально разглядывая Ройда*). Каким был в четырнадцать лет, таким и остался! Насупился и смотрит сычом. И разговорчивей тоже не стал!

РОЙД. Вот чего не умею.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Пора бы уж и научиться. Может, немножко хересу, а? Томас? Мэтью?

РОЙД. Спасибо.

Мэри наливает две рюмки хереса.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН (*указывая на диван*). Тогда садись — надо же кому-нибудь развлекать меня последними сплетнями! (*Усаживается в кресло.*) Тебе бы хоть капельку от Адриана! Жаль, Мэри, ты не знала его брата — блестящий молодой человек, веселый, остроумный...

Ройд садится на диван.

Полная противоположность Томасу. И не скалься, пожалуйста, Томас, как будто тебя хвалят, — я же тебя браню!

РОЙД. Адриан был душа общества, гордость семьи.
МЭРИ (*подносит Тривзу рюмку с хересом*). А что, он погиб на войне?

РОЙД. Нет. В автомобильной аварии два года назад.

ТРИВЗ. Теперешняя молодежь так гоняет на машинах, что страшно становится.

Леди Трессилиан берет за рукоделье.

РОЙД. Там дело было в другом. Поломка рулевого управления. (*Достает из кармана трубку; глядя на леди Трессилиан.*) Прошу прощения — вы позволите?

Мэри наполняет вторую рюмку.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. А я тебя без трубки и не узнала бы. Только не рассчитывай, пожалуйста, что так и будешь тут сидеть и преспокойно попыхивать трубкой. Уж придется тебе, дружок, поднапрячься — и помочь.

РОЙД (*недоуменно*). Помочь?

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Мы оказались в щекотливом положении. Тебе ведь рассказали уже, кто тут у нас гостит?

Мэри приносит рюмку хереса леди Трессилиан.

(*К Мэри.*) Нет-нет, рановато. Вылейте его обратно в графин.

Мэри покорно переливает содержимое рюмки в графин.

РОЙД. Да. Я только что узнал.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Ну и как это — по-твоему, красиво?

РОЙД. Ну...

ТРИВЗ. А ты, Камилла, расскажи ему поподробнее.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Я как раз и собираюсь. Во времена моей молодости о таких вещах и речи быть не могло. Конечно, мужчины заводили интрижки на стороне — но не в ущерб законному браку!

ТРИВЗ. Боюсь, взгляды теперь изменились, и с этим, как ни прискорбно, приходится считаться.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Да при чем тут взгляды? Как мы все радовались, когда Невил женился на Одри! Такая милая, славная девочка! (*Ройду.*) Вы ведь все были влюблены в нее — и ты, и Адриан, и Невил. А выиграл Невил.

РОЙД. Разумеется. Он всегда выигрывает.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. У тех, кто сдается без борьбы.

РОЙД. Одри можно понять. Невил всем взял — красавец, превосходный спортсмен — даже как-то Ла-Манш переплыл.

ТРИВЗ. А еще раньше сколько было шуму, когда он покори́л Эверест! Сам он, правда, об этом не очень распространялся.

РОЙД. *Mens sana in corpore sano*¹.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Иногда мне кажется, все дорогостоящее образование наших джентльменов сводится к этой единственной латинской сентенции.

ТРИВЗ. Камилла, дорогая, приходится допустить, что это была любимая поговорка хозяина студенческого пансиона — он изрекал ее всякий раз, когда не знал что сказать.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Мэри, я бы попросила вас не садиться на ручки кресла — вы же знаете, я этого не люблю.

МЭРИ (*встает*). Простите, Камилла. (*Пересаживается на стул*).

Тривз сконфуженно подымается с подлокотника дивана и садится на диван рядом с Ройдом.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Так на чем я остановилась?

МЭРИ. Вы рассказывали, как Невил женился на Одри.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Ах да. Стало быть, Невил женился на Одри, и все очень радовались, — особенно Мортимер, правда, Мэтью?

ТРИВЗ. Да-да.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. И они оба были счастливы, пока не появилась эта Кей. Просто вообразить не могу, как ради такого существа Невил мог оставить Одри!

ТРИВЗ. Я-то вполне могу — уж сколько раз такое видывал!

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Но Кей совершенно не подходит Невилу — она же пустышка!

ТРИВЗ. Зато молода и хороша собой!

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. И происхождения она весьма сомнительного — за ее матерью по всей Ривьере ходила дурная слава!

ТРИВЗ. Чем же это она прославилась?

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Не важно. Но воспитание девочка получила соответствующее. И едва увидела Невила, как сразу вцепилась в него мертвой хваткой — и не успокоилась, пока он не бросил Одри и не ушел к ней. Я считаю, что вся вина на Кей — целиком и полностью.

ТРИВЗ (*лукаво*). Ну еще бы! Ты же так любишь Невила!

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Невил — простофиля. Пожертвовать браком ради минутного увлечения. Бедняжка Одри — он разбил ей сердце! (*Ройду*.) Она ведь уехала отсюда к тво-

¹ В здоровом теле — здоровый дух (*лат.*)

ей маме, в ваш домик при церкви, — и там с ней случился настоящий нервный срыв!

РОЙД. Да... мм... я знаю.

ТРИВЗ. А потом Невил добился развода и женился на Кей.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Мне следовало проявить побольше принципиальности и отказать им от дома.

ТРИВЗ. А если быть принципиальным до конца, то и вовсе незачем ни с кем знаться.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Ты циник, Мэтью, — но ты прав. Я приняла Кей как жену Невила, хотя никогда не смогу ее полюбить. Но признаться, все это меня крайне шокировало и очень огорчило, верно я говорю, Мэри?

МЭРИ. Это правда, Камилла.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Когда Невил спросил меня в письме, не буду ли я возражать, если он сюда приедет вместе с Кей — под тем предлогом, чтобы Кей и Одри подружись... *(С презрением.)* Подружались! Я ответила, что в данный момент не могу допустить ничего подобного и что это будет очень неприятно Одри.

ТРИВЗ. А он что?

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Уверял меня, будто уже переговорил с Одри и будто она сказала, что это хорошая мысль.

ТРИВЗ. Неужели Одри считает, что это хорошая мысль?

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. По-видимому, да. *(Бросает Мэри моток шелка.)* Распутайте-ка его.

МЭРИ. Она сама об этом заявила, причем довольно твердо.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Но всякому же видно, до чего Одри растерянна и несчастна. На мой взгляд, Невил ведет себя как Генрих Восьмой.

РОЙД *(недоуменно)*. Генрих Восьмой?

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Совесть! Невила совесть мучает из-за Одри, и он пытается найти себе оправдание.

Мэри встает и складывает мотки шелка в рабочую корзинку.

Я-то этих нынешних затей вообще не понимаю. *(К Мэри.)* А вы?

Ройд ставит пустую рюмку на кофейный столик.

МЭРИ. Отчасти могу понять.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. А ты, Томас?

РОЙД. Одри я понимаю — но не понимаю Невила. На него не похоже.

ТРИВЗ. Согласен. Это совершенно не в духе Невила — искать на свою голову неприятностей.

Мэри относит рюмки Ройда и Тривза на столик-тележку.

МЭРИ. Видимо, сама инициатива все-таки исходила от Одри.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. О нет. Невил уверяет, что это целиком его идея.

МЭРИ. Может, сам он так и считает

Тривз внимательно смотрит на Мэри.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Какая глупость — свести вместе двух любящих его женщин.

Ройд пристально глядит на леди Трессилиан.

Одри ведет себя безупречно, но Невил оказывает ей такое внимание, что Кей стала ревновать. А поскольку она совершенно не умеет держать себя в руках, мы все оказались в неловком положении. *(Тривзу.)* Верно я говорю?

Тривз смотрит на стеклянную дверь и не слышит.

Мэтью?

ТРИВЗ. Безусловно, есть определенная напряженность.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Я рада, что ты заметил.

Стук в дверь из соседней комнаты.

Кто там?

МЭРИ *(идет к двери)*. Думаю, миссис Баррет в очередной раз что-то понадобилось.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН *(раздраженно)*. Когда вы втолкуете этим женщинам, что стучаться можно только в спальню?

Мэри выходит.

Последний наш так называемый дворецкий вообще насвистывал «Выйдем в садик, дорогая», когда подавал на стол.

Мэри возвращается.

МЭРИ. Это по поводу ленча, Камилла. Я сама проследжу. *(Уходит.)*

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Не представляю, что бы я делала без Мэри. Она настолько самоотверженна, что, боюсь, у нее вообще не осталось своего «я».

ТРИВЗ. Да, знаю — она ведь живет у тебя уже два года. А вообще-то кто она такая?

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Дочь какого-то профессора. Он был калека, и Мэри много лет ухаживала за отцом. Бедняжка. Она никогда не имела собственной жизни. А теперь, боюсь, уже слишком поздно. *(Поднимается с кресла и кладет рукоделье в корзинку.)*

ТРИВЗ. Не знаю, не знаю. *(Идет к двери на террасу.)* Все еще в теннис играют!

Ройд подходит к Тривзу и становится рядом

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Невил и Кей?

ТРИВЗ. Нет, Кей со своим приятелем из отеля «Истерхед-Бей» — молодым Латимером.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. А! Молодой человек актерской натурности. Вполне ей подходит.

ТРИВЗ. Любопытно, чем он живет.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Полагаю, своим умом.

ТРИВЗ. Или смазливой внешностью. Эдакий декоративный молодой человек. *(Задумчиво.)* Любопытная форма черепа. Последний раз я видел что-то похожее в Центральном Уголовном суде — на процессе о зверском убийстве пожилого ювелира...

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Мэтью! Ты что же, хочешь сказать...

ТРИВЗ *(поспешно)*. Нет-нет, ты меня не поняла. Я ничего такого и в мыслях не держал, — просто подметил характерную анатомическую особенность.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. А я уж подумала...

ТРИВЗ. Кстати, чуть не забыл. Я же встретил утром своего старинного приятеля, суперинтенданта Баттла из Скотленд-Ярда. Выбрался, говорит, в отпуск к племяннику — он тут у нас в полиции служит.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Ох, любишь ты всякую уголовщину! А мне последнее время в самом деле не по себе — прямо чувствую: вот-вот что-то случится!

ТРИВЗ. Да, тут прямо-таки в самом воздухе витает пороховая пыль. Достаточно искры — и грянет взрыв.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Нет, ну видели вы этого Гая Фокса? Сказал бы лучше что-нибудь ободряющее!

ТРИВЗ *(поворачивается к ней, с улыбкой)*. А что я могу сказать? «Все когда-нибудь умрем, черви нас съедят, — но любовь тут ни при чем».

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Утешил, что и говорить. Пойду-ка на террасу. (*Проходя мимо Ройда, доверительно.*) На этот раз смотри не оплошай.

РОЙД. Как так?

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Будто сам не знаешь. В тот раз ты позволил Невилу увести Одри у тебя из-под носа.

РОЙД. Неужели я мог ей понравиться?

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Вполне. Тебе стоило бы самому поинтересоваться. Может, хоть теперь спросишь?

РОЙД (*горячо*). Спрошу! Можете головой поручиться.

С террасы входит Одри — хрупкая блондинка с русалочьими глазами. Есть в ее облике что-то необычное: за внешней уравновешенностью ощущается сильнейшее внутреннее напряжение. Только с Ройдом она весела и раскованна.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН (*увидев Одри*). Вот и слава Богу.

Одри протягивает руки навстречу Ройду.

ОДРИ. Томас... милый Томас.

Ройд берет руки Одри в свои. Леди Трессилиан бросает на обоих быстрый взгляд.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Мэтью, руку.

Тривз берет леди Трессилиан под локоть. Оба уходят на террасу.

ОДРИ (*помолчав*). Рада тебя видеть.

РОЙД (*застенчиво*). Я очень рад.

ОДРИ. Тебя столько лет не было дома... Что, не отпускают с каучуковых плантаций?

РОЙД. Я собрался было домой два года назад. (*Смутившись, умолкает.*)

ОДРИ. Но так и не приехал.

РОЙД. Ты ведь знаешь, дружок, — у меня были на то причины.

ОДРИ (*садится в кресло, с чувством*). Ах, Томас, — каким был, таким и остался. Даже трубка та же самая.

РОЙД (*помолчав*). Правда?

ОДРИ. О Томас — как я рада, что ты вернулся. Наконец-то появился человек, с которым можно поговорить. Томас, тут что-то не то.

РОЙД. Тут?

ОДРИ. Даже само это место словно бы изменилось. Я как приехала, сразу чувствую: что-то неладно. А ты разве не ощущаешь никакой перемены? Ну да, конечно, — ты же только что приехал. По-моему, единственный человек, кто до сих пор так ничего и не замечает, — это Невил.

РОЙД. Чертов Невил!

ОДРИ. Не любишь его?

РОЙД. Терпеть не могу. И никогда не мог. Прости, Одри.

ОДРИ. Я не знала.

РОЙД. Мы вообще мало что знаем — о других.

ОДРИ (*задумчиво*). Да. Очень мало.

РОЙД. Полагаю, в том-то все и дело. Скажи, что тебя заставило приехать сюда одновременно с Невилом и его новой женой? Тебя на это вынудили?

ОДРИ (*встает*). Да. О, я знала — ты не поймешь...

РОЙД. Почему? Я понимаю. Мне все совершенно ясно.

Одри смотрит на него недоверчиво

Я точно знаю ход твоих мыслей. (*Значительно.*) Ведь все в прошлом, Одри, все позади. Прошное надо забыть — и думать о будущем.

С террасы входит Невил. Ройд отступает в сторону, к кофейному столику

НЕВИЛ. Привет, Одри. Где ты все утро прячешься?

ОДРИ. Да нигде я не прячусь.

НЕВИЛ. Я тебя обыскался. Может, сходим поплаваем перед ленчем?

ОДРИ (*пятится к кофейному столику*). Что-то мне не хочется. (*Перебирает журналы, лежащие на столике.*) Ты не видел последний «Лондон иллюстрийтед ньюс»?

НЕВИЛ. Нет. Пошли! Вода наверняка теплая.

ОДРИ. Вообще-то я уже обещала Мэри, что мы сходим с ней вместе в магазин. В Солтингтон.

НЕВИЛ. Мэри возражать не станет.

Одри открывает журнал

(*Берет ее за руку.*) Пойдем, Одри.

ОДРИ. Нет, правда.

С террасы входит Кей

НЕВИЛ (*заметив Кей*). Вот, попытаюсь уговорить Одри пойти искупаться.

КЕЙ. Вот как? И что же тебе на это сказала Одри?

ОДРИ. Одри сказала «нет». (*Уходит, вырвав руку из руки Невила.*)

РОЙД. С вашего позволения, пойду распаковываться. (*Помедлив перед книжным шкафом, выбирает книгу и удаляется.*)

КЕЙ. Ну так что же, Невил? Пойдем?

НЕВИЛ. Не знаю даже. (*Берет с кофейного столика журнал, садится на диван, откинувшись и вытянув ноги.*)

КЕЙ (*нетерпеливо*). Ну так решай.

НЕВИЛ. Не знаю — может, лучше ограничиться душем и поваляться в саду?

КЕЙ. Но сегодня такое прекрасное море!

НЕВИЛ. Чем это ты занималась со своим поклонником?

КЕЙ. С Тедом? Он остался на пляже, а я пошла за тобой. Поваляться, кстати, можно и на пляже. (*Ерошит ему волосы.*)

НЕВИЛ (*отталкивает ее руку*). Вместе с Латимером? (*Мотнув головой.*) Лично мне это не улыбается.

КЕЙ. Ты не любишь Теда?

НЕВИЛ. Я от него не в восторге. Но если тебе так нравится таскать его за собой на поводке...

КЕЙ (*дернув его за ухо*). Надеюсь, ты не ревнуешь?

НЕВИЛ (*оттолкнув ее руку*). К Латимеру? Чепуха, Кей.

КЕЙ. Но Тед — такой симпатичный!

НЕВИЛ. Не сомневаюсь. Эдакий красавчик в латиноамериканском вкусе.

КЕЙ. Зачем ты ехидничаешь? Он правда очень нравится женщинам.

НЕВИЛ. Особенно тем, кому за пятьдесят.

КЕЙ (*с удовлетворением*). Ревнуешь!

НЕВИЛ. Дорогая, да ни капельки. Я его и мужчиной-то не считаю.

КЕЙ. Вижу, с моими друзьями ты не церемонишься. Ладно. Тогда и я твоих щадить не стану.

НЕВИЛ. Ты это о чем?

КЕЙ (*расхаживая по комнате*). Эта нудная старуха леди Трессилиан, этот старый зануда Тривз — да и все прочие. (*Садится на кофейный столик лицом к Невилу.*) Думаешь, мне так нравится их общество? (*Неожиданно.*) Невил, нам что, обязательно тут торчать? Разве нельзя взять и уехать — да хоть завтра? Тут такая тоска...

НЕВИЛ. Мы ведь только что приехали.

КЕЙ. Мы тут уже целых четыре дня! Давай уедем, Невил, — ну пожалуйста!

НЕВИЛ. С какой стати?

КЕЙ. Я хочу уехать. Ну, придумаем что-нибудь. Пожалуйста, милый.

НЕВИЛ. Милая, я это даже обсуждать не намерен. Мы приехали на две недели — и пробудем эти две недели здесь. Ты, видимо, не понимаешь. Сэр Мортимер Трессилиан был мой опекун, и я в детстве приезжал сюда на все каникулы. Галз-Пойнт для меня родной дом. И Камилла кровно обидится. *(Улыбается.)*

КЕЙ *(встает, идет к окну, нетерпеливо)*. Ладно, ладно — значит, придется пока что подлизываться к старухе Камилле. Зато когда она умрет, то оставит нам все свои денежки.

НЕВИЛ *(вскакивает, сердито)*. Да почему — подлизываться? И вообще, деньгами распоряжается не она: старик Мортимер в случае ее смерти завещал их мне и моей жене. Неужели непонятно, что все дело только в душевной привязанности?

КЕЙ. Не ко мне. Меня она терпеть не может.

НЕВИЛ. Глупости.

КЕЙ. Нет, это правда. Воротит от меня свой орлиный нос — а Мэри Олдин разговаривает со мной словно с попутчицей в поезде. Меня они только терпят — а ты ничего не замечаешь.

НЕВИЛ. По-моему, все тут с тобой очень ласковы. *(Идет к столику и бросает на него журнал.)* Ты все выдумываешь.

КЕЙ. Разумеется, они со мной любезны. Но видят меня насквозь. Я для них чужая, и они это чувствуют.

НЕВИЛ. Ну, думаю, это вполне естественно.

КЕЙ. Да уж, куда естественней! Зато Одри они обожают. *(Озирается на дверь в соседнюю комнату.)* Ведь правда? Свою замечательную, благовоспитанную, холодную, бесцветную Одри. Камилла никогда мне не простит, что я посмела занять место Одри. *(Оперевшись на спинку кресла.)* Я скажу тебе, Невил, одну вещь. Меня от этой Одри оторвать берет. Никогда не знаешь, что у нее на уме.

НЕВИЛ. Глупости, Кей. Просто смешно!

КЕЙ. Одри не может простить тебе, что ты на мне женился. Раза два я замечала, как она на тебя смотрит, — и мне просто страшно делалось.

НЕВИЛ. У тебя какое-то предубеждение, Кей. Одри — прелесть. Таких еще поискать!

КЕЙ. Все именно так и выглядит — только это неправда. Тут что-то совсем другое. (*Бросается к Невилу, сидящему на диване, и падает перед ним на колени.*) Давай уедем — скорее, пока еще не поздно!

НЕВИЛ. Не устраивай мелодраму, Кей. Я не намерен огорчать старушку Камиллу только из-за того, что ты накрутила себя из-за ерунды.

КЕЙ. Это не ерунда. Думаю, ты не знаешь самого главного про свою драгоценную Одри.

С террасы входят леди Трессилиан и Тривз.

НЕВИЛ (*в ярости*). Никакая она не моя и не драгоценная!

КЕЙ. Разве? А что же ты с ней так носишься? (*Замечает леди Трессилиан.*)

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Вы идете купаться, Кей?

КЕЙ (*вскакивает, нервно*). Да-да, как раз собиралась.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Думаю, самое время — уже прилив. (*Ударяет тростью по ножке дивана, на котором сидит Невил.*) А ты, Невил?

НЕВИЛ (*угрюмо*). Что-то не хочется.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН (*к Кей*). Ваш приятель, думаю, заждался вас на пляже.

Кей, поколебавшись, решительно выходит прочь через стеклянную дверь

Невил, ты скверно себя ведешь. Тебе следовало встать, когда я вошла. Что с тобой — ты позабыл всякие приличия!

НЕВИЛ (*вскакивает*). Прошу прощения.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Из-за тебя нам всем неловко. Неудивительно, что твоя жена так расстроена.

НЕВИЛ. Моя жена? Одри?

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Теперь твоя жена — Кей.

НЕВИЛ. Даже удивительно, как это ты, поборница Высокой Церкви, вообще смогла признать этот брак.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН (*усаживаясь в кресло*). Невил, ты забываешься!

Невил подходит к леди Трессилиан, берет ее за руку и целует в щеку

НЕВИЛ (*с обезоруживающей улыбкой*). Мне очень стыдно, Камилла. Прости меня, пожалуйста. У меня так скверно на душе, что я сам не знаю, что говорю.

Тривз усаживается на диван

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН (*с нежностью*). Мальчик мой, а чего еще можно было ждать от этой дурацкой затеи — дружить втроем?

НЕВИЛ (*тоскливо*). По-моему, она не такая уж и дурацкая.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Возможно. Только она не для таких женщин, как Одри и Кей.

НЕВИЛ. Одри все воспринимает совершенно спокойно.

ТРИВЗ. Послушай, Невил, как это вообще получилось?

Невил отпускает руку леди Трессилиан и отступает в сторону

НЕВИЛ (*с готовностью*). Значит, так. Встречаю я как-то в Лондоне Одри, совершенно случайно. Она так спокойно держится и так мило обо всем говорит — ни злобы, ничего! Пока мы с ней так болтали, мне и пришло в голову: как было бы хорошо, если бы... если бы они с Кей подружились. Вот если бы нам всем собраться вместе, подумал я, — и мне показалось, что именно тут это вышло бы естественно.

ТРИВЗ. Ты до этого сам додумался?

НЕВИЛ. Ну да — идея моя. Но Одри, по-моему, ее одобрила и решила попробовать.

ТРИВЗ. А Кей ее тоже одобрила?

НЕВИЛ. Нет. С Кей загвоздка вышла. Не знаю даже почему. Я-то думал, что если кто и станет возражать, то это будет Одри.

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН (*поднимаясь*). Знаете ли, я, видимо, чересчур стара...

Тривз встает.

...только, по-моему, нынче у людей на уме одни глупости. (*Идет к двери.*)

ТРИВЗ (*следует за ней*). Нынче другое время, Камилла. (*Открывает дверь в соседнюю комнату.*)

ЛЕДИ ТРЕССИЛИАН. Я что-то устала. Пойду отдохну перед ленчем. (*Повернувшись к Невилу.*) А ты следи за собой, Невил. Кей ревнует — не знаю уж, насколько обоснованно. (*Ударяет тростью о ковер.*) Имейте в виду — в моем доме я никаких сцен я не потерплю! (*Ковыляет к двери.*) Мэри, я полежу на диване в библиотеке. (*Уходит*)

Тривз прикрывает за нею дверь

НЕВИЛ (*садится на диван*). Она разговаривает со мной как с шестилетним ребенком!

ТРИВЗ. С высоты ее лет тебе и правда не больше шести.

НЕВИЛ (*с трудом овладевая собой*). Пожалуй. Как это, наверное, ужасно.

ТРИВЗ. У старости есть и преимущества, уверяю тебя. (*Сухо.*) Например, страсти над тобой уже не властны.

НЕВИЛ (*ухмыляется*). Да-а, это большой плюс. (*Встает с дивана и направляется к двери на террасу.*) Надо пойти помириться с Кей. Но я в самом деле не понимаю, какая ее муха укусила? Ладно бы Одри к ней ревновала, но ревность к Одри? (*С ухмылкой выходит на террасу.*)

Тривз задумчиво поглаживает подбородок, потом идет к корзине для бумаг, достает клочки разорванной фотографии, чтобы убрать их в секретер. Входит Одри, осторожно озираясь, — нет ли Невила. В руках у нее журнал

ОДРИ (*изумленно*). Что это вы делаете с моей фотографией? (*Кладет журнал на кофейный столик.*)

ТРИВЗ (*оборачивается*). Видите ли, ее порвали.

ОДРИ. Но кто?

ТРИВЗ. Полагаю, миссис Баррет — так, кажется, зовут особу в матерчатой шляпке, которая тут прибирается? А я только хотел убрать оба куска — может, потом удастся склеить. (*Встречается взглядом с Одри, мгновение пристально смотрит на нее, затем убирает куски фотографии в секретер.*)

ОДРИ. Ведь это сделала вовсе не миссис Баррет, правда?

ТРИВЗ. Точных данных на сей счет не имею — но полагаю, вы правы.

ОДРИ. А может, это Кей?

ТРИВЗ. Повторяю — я таких данных не имею

Пауза

ОДРИ. Господи, как нехорошо получается.

ТРИВЗ. А зачем же вы сюда приехали, деточка?

ОДРИ. Наверное, потому, что я каждый год сюда в это время приезжаю.

ТРИВЗ. Но, зная, что тут будет Невил, может, имело смысл немного повременить с приездом?

ОДРИ. У меня нет такой возможности. Вы же знаете, я работаю — приходится как-то зарабатывать на жизнь. У меня двухнедельный фиксированный отпуск, и переносить его сроки по собственной воле я не могу.

ТРИВЗ. А работа интересная?

ОДРИ. Не особенно — но платят хорошо.

ТРИВЗ. Но, Одри, деточка, Невил очень обеспеченный человек. По условиям развода он обязан был выделить вам вполне пристойное содержание.

ОДРИ. Я никогда не приняла бы от Невила ни пенни. И не приму.

ТРИВЗ. Именно, именно. Точно такую точку зрения заняли несколько моих клиентов. Мне пришлось их переубеждать. Ведь, в конце-то концов, следует руководствоваться здравым смыслом. У вас ведь нет собственных денег, я же знаю. И будет вполне справедливо и правильно, чтобы вас содержал Невил, у которого их более чем достаточно. Кто ваш поверенный — я бы мог...

ОДРИ (*садится в кресло*). Мои поверенные тут ни при чем. Просто я сама не желаю ничего брать у Невила. Абсолютно ничего.

ТРИВЗ (*пристально глядя на нее*). Понимаю. Вами движет сильное чувство. Очень сильное.

ОДРИ. Можно сказать и так.

ТРИВЗ. А правда, что это сам Невил придумал — приехать сюда втроем?

ОДРИ (*саркастически*). Разумеется.

ТРИВЗ. Но вы согласились.

ОДРИ. Согласилась. Почему бы и нет?

ТРИВЗ. Но все складывается не слишком хорошо?

ОДРИ. В этом нет моей вины.

ТРИВЗ. Явной — нет.

ОДРИ (*встает*). Что вы хотите этим сказать?

ТРИВЗ. Пока еще сам не знаю.

ОДРИ. Послушайте, мистер Тривз, я начинаю вас побаиваться.

ТРИВЗ. Отчего же?

ОДРИ. Не знаю. Вы настолько проникательны. Иногда.

Входит Мэри.

МЭРИ. Одри, вы не зайдете к леди Трессилиан? Она в библиотеке.

ОДРИ. Да, сейчас. (*Выходит.*)

Тривз садится на диван. Мэри относит на столик-тележку грязные рюмки и бокалы.

ТРИВЗ. Мисс Олдин, чья это, по-вашему, идея — собраться тут втроем?

МЭРИ. Одри.

ТРИВЗ. Но почему?

МЭРИ. Полагаю, она все еще сильно привязана к Невилу.

ТРИВЗ. Вы так думаете?

МЭРИ. А как иначе? Ведь он вовсе не любит Кей — вы же видите.

ТРИВЗ (*чопорно*). Подобные минутные увлечения, как правило, непродолжительны.

МЭРИ. Вы считаете, Одри не хватает гордости?

ТРИВЗ. Я знаю из опыта, что женщины куда чаще рассуждают о гордости, чем проявляют ее в жизни и особенно в любви.

МЭРИ (*с горечью*). Возможно. Откуда мне знать? (*Выглядывает на террасу.*) Простите. (*Уходит в соседнюю комнату.*)

С террасы входит Ройд с книгой в руке

ТРИВЗ. А-а, Томас — что, были на пароме?

РОЙД. Нет. Детектив читал. Неважнецкий. (*Смотрит на книгу.*) Я вообще считаю, что все эти истории не с того начинаются. С убийства. А какое же это начало?

ТРИВЗ. Правда? А ты бы с чего начал?

РОЙД. По-моему, убийство — развязка истории, ее конец. А на самом-то деле история начинается задолго до него — иногда за много лет. В один прекрасный день стечение причин и обстоятельств собирает всех ее участников в некоем определенном месте. Вот тут и бьет роковой час. Час Зеро!

ТРИВЗ (*встает*). Любопытная точка зрения.

РОЙД (*смутившись*). Я, наверное, бестолково объяснил.

ТРИВЗ. По-моему, Томас, вы все изложили предельно ясно. (*Что-то чертит на крышке кофейного столика.*) Разные люди сходятся в заданное время в заданном месте в некий час Зеро. (*Замолкает.*) Час Зеро! (*Смотрит на Ройда.*)

Свет гаснет

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же гостиная вечером четыре дня спустя. Горит свет, окно полузакрыто шторой. Стекланные двери распахнуты на террасу, портьеры не задернуты. Теплый, душный, облачный вечер. Кей сидит на диване с сигаретой, она в вечернем платье, на лице — смесь обиды и скуки. В фонаре стоит Тед Латимер, глядя в окно. Это жгучий брюнет лет два-дцати шести, в смокинге, который он носит с несколько картинной элегантностью.

КЕЙ (*помолчав*). Вот это я называю веселеньким вечерочком, Тед.

ЛАТИМЕР. Надо было поехать на ту сторону, в отель — я же предлагал. Потанцевали бы. Оркестр там хоть и не экстра-класс, но приличный.

КЕЙ. Да я хотела, но Невилу было неохота.

ЛАТИМЕР. И ты поступила как подобает примерной жене. КЕЙ. Да. И в награду за это чуть не умерла со скуки.

ЛАТИМЕР. Такова участь всех примерных жен. *(Идет к магнитофону на подоконнике.)* Танцевальной музыки нет? Мы бы хоть тут потанцевали.

КЕЙ. Здесь такого не держат. Сплошной Моцарт и Бах.

ЛАТИМЕР. Ну и ладно. Зато, по крайней мере на сегодня, мы избавлены от старой гримзы. *(Берет сигарету из шкатулки на кофейном столике.)* Она обычно-то к обеду выползает — или только сегодня решила отсидеться, проведая, что я заявился.

КЕЙ. Камилла каждый вечер в семь укладывается. У нее что-то с сердцем. Так что обед ей приносят в спальню.

ЛАТИМЕР. В самом деле весело живете!

КЕЙ *(резко поднявшись)*. Ненавижу этот дом! Господи, лучше бы мы никогда сюда не приезжали!

ЛАТИМЕР. Спокойно, детка. Что случилось?

КЕЙ. Да ничего. Просто иногда мне становится так страшно!

ЛАТИМЕР. Что-то на тебя непохоже.

КЕЙ *(успокаиваясь)*. Непохоже, правда? Но тут действительно творится что-то странное. Что-то непонятное. Только я готова поклясться: за всем этим стоит Одри.

ЛАТИМЕР. Додумался же Невил — приехать сюда временно со своей бывшей половиной!

КЕЙ *(садится в кресло)*. Это не он додумался. Наверняка ее рук дело.

ЛАТИМЕР. А ей-то это зачем?

КЕЙ. Не знаю. Может, чтобы нас помучить.

ЛАТИМЕР *(подходит к Кей и кладет ей руку на плечо)*. Что тебе сейчас нужно — так это выпить, девочка моя!

КЕЙ *(сбрасывает его руку с плеча, раздраженно)*. Ничего я пить не буду, и никакая я не твоя девочка.

ЛАТИМЕР. А была бы моя, не подвернись этот Невил. *(Идет к столику-тележке и наполняет два бокала виски с содовой.)* Кстати, где он?

КЕЙ. Не имею понятия.

ЛАТИМЕР. Не слишком общительная публика, а? Одри беседует на террасе со стариканом Тривзом, а этот парень, Ройд, бродит по парку в обществе своей неизменной трубки. Веселенькая подобралась компания!

КЕЙ. Да провались они все — кроме Невила.

ЛАТИМЕР. Как бы я был счастлив, детка, если бы ты не делала для него исключения. *(Подает бокал Кей.)* На, выпей, лапочка. Полегчает.

Кей берет бокал и отпивает глоток.

КЕЙ. Ух как крепко!

ЛАТИМЕР. Добавить содовой?

КЕЙ. Не надо, спасибо. И незачем так подчеркивать свою нелюбовь к Невилу.

ЛАТИМЕР. А с чего бы мне его любить? Он не в моем вкусе. *(С горечью.)* Идеал англичанина — спортсмен, скромник, красавец, одним словом, белый господин. И ему прямо само в руки валится — даже девчонку мою увел.

КЕЙ. Я никогда не была твоей девчонкой.

ЛАТИМЕР. Была бы, детка, будь у меня столько же денег.

КЕЙ. Я вышла за Невила не ради денег.

ЛАТИМЕР. О да, понимаю — южная ночь, Средиземное море, восторги любви.

КЕЙ. Я вышла за Невила, потому что полюбила его.

ЛАТИМЕР. А кто спорит, моя лапочка, — но полюбила ты его вместе с его денежками!

КЕЙ. Ты правда так считаешь?

ЛАТИМЕР. Стараюсь. Это бальзам на мое оскорбленное самолюбие.

КЕЙ. А ты славный, Тед. Иногда я думаю: что бы я без тебя делала?

ЛАТИМЕР. Что толку об этом думать? Я ведь всегда под рукой — влюбленный пастушок и скотина в одном лице. Все зависит от точки зрения — жене первое, а мужу второе. *(Целует Кей в плечо.)*

Из соседней комнаты выходит Мэри в простом закрытом платье

Кей поспешно отходит к окну

МЭРИ. Прошу прощения, тут нет мистера Тривза? Леди Трессилиан хотела бы его видеть.

ЛАТИМЕР. Он на террасе, мисс Олдин.

МЭРИ. Благодарю вас, мистер Латимер. *(Прикрывает за собой дверь.)* Душно, правда? Наверняка будет гроза. *(Идет к стеклянной двери на террасу.)*

ЛАТИМЕР. Надеюсь, не раньше, чем я доберусь до отеля. Я без плаща — если начнется ливень, я вымокну на этом пароме до нитки.

МЭРИ. Мы могли бы предложить вам зонтик — а может, Невил одолжит вам свой дождевик. *(Выходит на террасу.)*

ЛАТИМЕР. Занятная женщина, а? Что называется, темная лошадка.

КЕЙ. Мне ее жалко. *(Садится в кресло и отпивает глоток виски.)* Как рабыня, исполняет любую прихоть этой

противной старухи — и ведь не получит с этого ровным счетом ничего. Все деньги достанутся нам с Невилом.

ЛАТИМЕР. Она, наверное, этого не знает.

КЕЙ. Может получиться довольно забавно.

Оба посмеиваются

Одри и Тривз входят с террасы Тривз — в старомодном смокинге, Одри — в вечернем платье Оба замечают, что Латимер любезничает с Кей Тривз направляется в соседнюю комнату, но на пороге останавливается

ТРИВЗ (*через плечо*). Пойду, мисс Олдин. Всегда приятно посплетничать с леди Трессилиан. Припомнить позабытые скандалы — капелька злословия, знаете ли, придает вкус беседе. Правда, Одри?

ОДРИ. О, Камилла избрала себе собеседника и призывает его пред свои королевские очи.

ТРИВЗ. Точно сказано, Одри. Я всегда ощущал в леди Трессилиан что-то царственное. (*Выходит.*)

ОДРИ (*без всякого выражения*). Духота какая. (*Садится на диван.*)

ЛАТИМЕР (*шагнув к столику-тележке*). Выпьете чего-нибудь?

ОДРИ (*качая головой*). Нет, спасибо. Я, наверное, пойду спать.

Молчание Входит Невил — в смокинге, с журналом в руках

КЕЙ. Ну где можно было так долго пропадать, Невил?

НЕВИЛ. Пришлось написать парочку писем, чтобы облегчить совесть.

КЕЙ (*встает*). Нашел время! (*Ставит свой бокал на столик-тележку*)

НЕВИЛ. Не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня! Кстати, вот «Иллюстриейтед ньюс» — кто-то его спрашивал.

КЕЙ (*протягивает руку*). Спасибо, Невил.

ОДРИ (*почти одновременно с Кей*). О, благодарю, Невил. (*Тоже протягивает руку за журналом.*)

Невил замирает, растерянно улыбаясь

КЕЙ (*капризно*). Это я его спрашивала. Отдай!

ОДРИ (*смуценно опускает руку*). О, прошу прощения. Я думала, Невил, ты обращался ко мне.

Невил, поколебавшись, отдает журнал Одри

НЕВИЛ *(спокойно)*. Возьми пожалуйста, Одри.

ОДРИ. О, но я же...

КЕЙ *(чуть не плачет от обиды и ярости)*. Как тут душно! *(Хватает с кофейного столика свою сумочку и устремляется к двери на террасу.)* Выйдем на воздух, Тед. Сил моих нет больше торчать в этом паршивом курятнике. *(Споткнувшись на пороге, едва не падает.)*

Латимер, сердито глянув на Невила, уходит следом за Кей. Невил швыряет журнал на столик.

ОДРИ *(вставая)*. Зря ты так, Невил.

НЕВИЛ. Почему это?

ОДРИ. Потому что получилось глупо. Лучше поиди извинись перед Кей.

НЕВИЛ. Не вижу причин извиняться.

ОДРИ. Напрасно — так было бы лучше. Ты очень обидел свою жену.

НЕВИЛ *(вполголоса)*. Моя жена — это ты, Одри. И всегда ею останешься. *(Замечает Мэри.)* А-а, мисс Олдин — вы идете вверх к леди Трессилиан?

Одри отворачивается и смотрит в окно.

МЭРИ. Да — как только оттуда спустится мистер Тривз.

С террасы входит Ройд. Невил на мгновение замирает, уставившись на него, затем выходит на террасу.

О Господи, я, наверное, в жизни так не уставала. Если леди Трессилиан позовет меня ночью, боюсь, я даже звонка не услышу. *(Садится в кресло.)*

ОДРИ *(обернувшись)*. Звонка?

МЭРИ. Ко мне в комнату проведен звонок — на случай, если леди Трессилиан что-нибудь понадобится ночью. Знаете, такой старинный, на шнурке? Он ужасно дребезжит, но леди Трессилиан настаивает, что он надежнее, чем электрический. *(Зевает.)* Простите — такая страшная духота.

ОДРИ. Вам лучше пойти спать, Мэри, — вы, вижу, совсем измучились.

МЭРИ. А я и пойду — как только мистер Тривз закончит беседовать с леди Трессилиан. Уложу ее и сама пойду. О Господи, какой день тяжелый.

С террасы входит Латимер.

РОЙД. Что да, то да.

ОДРИ (*глянув на Латимера*). Томас, выйдем на террасу. (*Идет к стеклянной двери.*)

РОЙД (*следуя за Одри*). Да, я хотел рассказать тебе про тот детектив.

Оба выходят. Пауза. Латимер смотрит им вслед.

ЛАТИМЕР. Только мы с вами, мисс Олдин, одни-однешеньки. Мы тут чужие — и должны утешать друг друга. (*Идет к столику-тележке.*) Вы позволите вам налить?

МЭРИ. Спасибо, не надо.

ЛАТИМЕР (*наполняет свой бокал*). Супружеская парочка пошла мириться в цветущий розовый сад, влюбленный пастишок никак не решится сделать предложение... А с кем мы? Ни с кем. Мы — посторонние. (*Подняв бокал.*) За посторонних, — и черт с ними, своими, пусть и дальше сидят за своей загородкой.

МЭРИ. Какой вы желчный!

ЛАТИМЕР. Вы тоже.

МЭРИ (*помолчав*). Но не настолько.

ЛАТИМЕР. Ну куда это годится — вечно «подай-принеси», вечно бегать вверх-вниз по лестницам по первому слову старухи!

МЭРИ. Бывает и хуже.

ЛАТИМЕР. Сомневаюсь. (*Оборачивается и смотрит на террасу.*)

МЭРИ (*помолчав*). Вы очень несчастны.

ЛАТИМЕР. Как и все.

МЭРИ. Вы... вы всегда любили Кей?

ЛАТИМЕР. Более или менее.

МЭРИ. А она?

ЛАТИМЕР. Думаю, тоже, — пока не появился Невил. Со своими деньгами и рекордами. Да я бы тоже полез на Гималаи, будь у меня получше с наличностью.

МЭРИ. Вы бы не полезли.

ЛАТИМЕР. Да, пожалуй. (*Резко.*) Ну а вы — вы-то чего хотите от жизни?

МЭРИ (*помолчав*). Да уж поздновато, наверно, хотеть.

ЛАТИМЕР. Но не то чтобы совсем поздно.

МЭРИ. Не то чтобы совсем. (*Идет к окну.*) Я хотела бы иметь деньги, только и всего. Много мне не надо — просто чтобы хватало.

ЛАТИМЕР. Хватало на что?

МЭРИ. На то, чтобы пожить собственной жизнью — пока еще не совсем поздно. У меня ее не было. Никогда.

ЛАТИМЕР (*подойдя вплотную к Мэри*). Вы ведь их всех тоже ненавидите — этих, за загородкой?

МЭРИ (*с силой*). Ненавижу? Я? (*Зевает.*) Да нет — я слишком устала, чтобы кого-то ненавидеть.

Входит Тривз.

ТРИВЗ. А-а, мисс Олдин. Будьте любезны, леди Трессиан просила вас к ней зайти. По-моему, она хочет спать.

МЭРИ. Ну и слава Богу. Спасибо, мистер Тривз. Иду. (*Направляется к двери.*) Я уж не стану спускаться, так что всем спокойной ночи. Спокойной ночи, мистер Латимер. Спокойной ночи, мистер Тривз.

ЛАТИМЕР. Спокойной ночи.

Мэри уходит. Тривз идет к окну.

Я, пожалуй, тоже побегу. Может, успею на паром — хотелось бы вернуться в отель до грозы.

С террасы входит Ройд.

РОЙД. Уходите, Латимер? Может, возьмете дождевик?

ЛАТИМЕР. Спасибо, не стоит — попробую успеть.

РОЙД. Надвигается страшная буря.

ТРИВЗ. Одри на террасе?

РОЙД. Не имею ни малейшего понятия. Я пошел спать. Спокойной ночи. (*Уходит.*)

Вспышка молнии, слышен далекий раскат грома.

ЛАТИМЕР (*ехидно*). Похоже, настоящая любовь простых путей не ищет. Что это — гром? Еще далеко, по-моему. (*Направляется к двери на террасу.*) Попробую все-таки успеть.

ТРИВЗ. Пойду провожу вас — заодно запру садовую калитку. (*Тоже идет к стеклянной двери.*)

Оба выходят.

ОДРИ (*поспешно входит с террасы, Латимеру*). Спокойной ночи.

Вспышка молнии, гром.

(*Озирается, затем не спеша идет к окну и, усевшись на подоконник, смотрит в темноту.*)

С террасы входит Невил.

НЕВИЛ. Одри!

ОДРИ (*проворно вскочив, отходит от окна*). Я иду спать, Невил. Спокойной ночи.

НЕВИЛ (*идет к ней*). Погоди Мне нужно с тобой поговорить.

ОДРИ (*нервно*). По-моему, не стоит.

НЕВИЛ. Нужно Я просто обязан. Пожалуйста, Одри, выслушай меня.

ОДРИ. Все-таки лучше не надо.

НЕВИЛ. Стало быть, ты знаешь, о чем я собирался поговорить.

Одри не отвечает

Одри, давай жить как прежде, а? Забудем все, что было.

ОДРИ. В том числе Кей?

НЕВИЛ. Кей достаточно благоразумна

ОДРИ. Что ты называешь благоразумием?

НЕВИЛ (*горячо*). Я расскажу ей всю правду — что ты единственная, кого я любил в своей жизни. Это правда, Одри. Поверь мне.

ОДРИ (*отчаянно*). Но ты же любил Кей, когда на ней женился!

НЕВИЛ. Моя женитьба на Кей — величайшая ошибка. Теперь я понял, каким я был болваном. Я...

С террасы входит Кей

КЕЙ. Прошу прощения, что прервала эту душещипательную сцену — но думаю, как раз вовремя.

НЕВИЛ (*расхаживая взад-вперед*). Послушай, Кей ..

КЕЙ (*неистово*). Послушай? Я слышала все, что мне надо было услышать, — и даже больше!

ОДРИ (*с облегчением*). Пойду спать. (*Направляется к двери в соседнюю комнату*.) Спокойной ночи.

КЕЙ (*идет следом за Одри*). Очень хорошо! Идите спать! Вы ведь уже причинили все горе, какое хотели, правда? Только вам не удастся так просто отделаться. Мы с вами еще разберемся — но сперва я потолкую с Невилом.

ОДРИ (*холодно*). Меня это не касается Спокойной ночи! (*Выходит*)

Вспышка молнии, далекий удар грома

КЕЙ (*вслед Одри*). Тварь бессердечная!

НЕВИЛ. Ей-богу, Кей, Одри тут абсолютно ни при чем. Это не ее вина Вини меня, если хочешь.

КЕЙ (*постепенно взвинчиваясь*). Хочу! И буду! Угодно знать, что ты за человек? (*Поворачивается к Невилу; повышает голос.*) Ты бросил жену, очертя голову кинулся за мной, добился у нее развода. Какой-то миг ты был от меня без ума — а на следующий я тебе уже надоела. И теперь, надо думать, ты собрался назад к этой (*озирается на дверь*) блеклой, хнычущей, хитрой стерве.

НЕВИЛ (*сердито*). Прекрати, Кей!

КЕЙ. А она такая и есть. Ловкая, хитрая, вероломная.

НЕВИЛ (*повернувшись к Кей, хватая ее за плечи*). Прекрати!

КЕЙ (*высвобождаясь*). Оставь меня! Какого черта!..

НЕВИЛ. Так продолжаться не может. Называй меня как угодно, Кей, — только все бесполезно. Я так больше не могу.

Кей садится на диван

Видимо, на самом деле я всегда любил только Одри. Я только сейчас это понял. А мое чувство к тебе было — было просто временным помешательством. Так что лучше сразу обрубить концы.

КЕЙ (*обманчиво-спокойным тоном*). Что же ты предлагаешь, Невил?

НЕВИЛ. Мы можем развестись. Подай на развод — за то, что я тебя оставил.

КЕЙ. Придется ждать три года.

НЕВИЛ. Я подожду.

КЕЙ. После чего, полагаю, попросишь свою милую, дорогую, ненаглядную Одри снова стать твоей женой? Да, Невил?

НЕВИЛ. Если только она согласится.

КЕЙ. Согласится, не волнуйся. А что останется мне?

НЕВИЛ. Разумеется, я позабочусь, чтобы ты была всем обеспечена.

КЕЙ (*кричит*). Я взятку не беру! (*Встает, надвигаясь на Невила.*) Слушай, Невил, я ведь не дам тебе развода. (*Бьет его кулаками в грудь.*) Ты влюбился в меня, женился на мне — и я не собираюсь отпускать тебя обратно к этой лицемерной сучке, которая снова расставила тебе сети.

НЕВИЛ (*отшвырнув Кей на диван*). Заткнись, Кей! Ради Бога! Не смей устраивать тут подобных сцен!

КЕЙ. А она на это и рассчитывала! Это все ее работа! А теперь ушла и упивается своей победой! Только плодов этой победы она не увидит! Узнаете, на что я способна! (*Истерически рыдает на диване.*)

Невил в отчаянии разводит руками С террасы входит Тривз и останавливается, глядя на происходящее
В этот миг ослепительно вспыхивает молния, грохочет гром и падает
з а н а в е с

Действие второе

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Те же декорации Раннее утро следующего дня Утреннее солнце, проникая сквозь окно в фонаре, заливает гостиную светом Стеклопанная дверь на террасу распахнута Столик-тележка убран В комнате никого нет С террасы входит Ройд, посасывая трубку. Идет к кофейному столу, взяв пепельницу, выколачивает трубку, потом, достав из кармана складной ножик, осторожно прочищает ее Из соседней комнаты входит Тривз

ТРИВЗ. Доброе утро, Томас.

РОЙД. Доброе утро. Денек-то, кажется, разгуливается?

ТРИВЗ. Да-а. *(Подходит к окну, смотрит.)* Я уж боялся, вчерашняя буря унесет эту чудесную погоду — но она только освежила воздух, так что все к лучшему. А вы, как обычно, встали ни свет ни заря?

РОЙД. Часов в шесть. Ходил прогуляться в скалы. Только что вернулся.

ТРИВЗ. А тут, похоже, все еще спят, кроме нас с вами. Даже мисс Олдин.

РОЙД. Хм.

ТРИВЗ. Либо она не может отойти от леди Трессилиан. Воображаю, как огорчилась Камилла из-за вчерашнего.

РОЙД *(продувая трубку)*. Что, неурядица какая-то?

ТРИВЗ. Томас, у вас просто какой-то дар преуменьшения. Тут была безобразная сцена между Невилом и Кей.

РОЙД *(удивленно)*. Кей? Шум я слышал, но это были Невил и леди Трессилиан.

ТРИВЗ. Когда вы это слышали?

РОЙД. Минут в двадцать одиннадцатого. Они так разошлись, что поневоле услышишь. У нас комнаты напротив, вы знаете.

ТРИВЗ *(обеспокоенно)*. Господи, это что-то новенькое!

РОЙД. А я думал, вы об этом.

ТРИВЗ. Нет-нет, та некрасивая сцена, о которой я говорил, произошла несколько раньше, — и я отчасти ока-

зался ее невольным свидетелем. С этой несчастной девицей... хм... Кей... прямо-таки истерика случилась.

РОЙД. А что стряслось?

ТРИВЗ. Боюсь, это Невил виноват.

РОЙД. Не удивлюсь. В последнее время он ведет себя по-дурацки.

ТРИВЗ. Совершенно с вами согласен. Его поведение в высшей степени предосудительно. *(Вздыхнув, садится на диван.)*

РОЙД. А что, Одри как-то замешана в этом скандале?

ТРИВЗ. Она — его причина.

Из соседней комнаты торопливо входит Кей. Вид у нее удрученный и усталый, в руке сумочка.

КЕЙ. О, доброе утро.

ТРИВЗ. *(встает)*. Доброе утро, Кей.

РОЙД. Доброе утро.

КЕЙ. *(нервно, но с деланной непринужденностью)*. А что, больше никто не встал?

ТРИВЗ. Думаю, нет. Я больше никого не видел. И завтракал... мм... в гордом одиночестве.

РОЙД. А я так вовсе не завтракал. Пожалуй, пора этим заняться. *(К Кей.)* А вы завтракали?

КЕЙ. Нет. Я только что спустилась. Я... я вообще не хочу есть — чувствую себя отвратительно.

РОЙД. Хм. А я бы прямо гору съел. *(Идет к двери)* До встречи. *(Уходит в другую комнату)*

КЕЙ. *(подходит к Тривзу; после паузы)*. Мистер Тривз, я боюсь, мое поведение вчера вечером. Я вела себя некрасиво.

ТРИВЗ. Вы были очень расстроены, это естественно.

КЕЙ. Я сорвалась и... наговорила глупостей.

ТРИВЗ. Такое время от времени со всеми случается. Вас до этого довели. И по-моему, не в последнюю очередь — Невил.

КЕЙ. Невил попался в ловушку. Одри сознательно старается поссорить нас с Невилом с первого дня нашего приезда.

ТРИВЗ. Боюсь, вы не совсем правы.

КЕЙ. Говорю вам, это все она подстроила. Она знает, что Невил постоянно из-за нее угрызается.

ТРИВЗ. Нет-нет, уверен, вы ошибаетесь.

КЕЙ. Нет, не ошибаюсь. Видите ли, мистер Тривз, этой ночью я столько передумала. Да, Одри решила собрать нас всех здесь *(нервно расхаживает по комнате)*, чтобы напускным дружелюбием и показной кротостью снова завлечь Не-

вила. Она играет на его чувстве вины — бродит по дому, бледная, отчужденная, словно, словно серый призрак. Она-то знает, как это действует на Невила! Он ведь все время корил себя — считал, что поступил с ней слишком жестоко. *(Садится на диван.)* С самого начала — почти с самого — между нами встал призрак Одри. Невил никогда, ни на минуту не забывал о ней.

ТРИВЗ. Сама она вряд ли виновата.

КЕЙ. Ну как вы не понимаете? Она знает, что испытывает Невил. Она точно представляла себе, что произойдет, если они снова столкнутся нос к носу.

ТРИВЗ. Боюсь, вы приписываете Одри хитрость, которая ей не свойственна.

КЕЙ. Все вы на ее стороне — все как один.

ТРИВЗ. Кей, деточка!

КЕЙ *(встает)*. Вы хотели, чтобы Невил вернулся к Одри. Ведь я чужая, не вашего круга, — Невил так вчера мне и сказал — и он прав. Камилла всегда меня недолюбливала, только терпела — ради Невила. А мне приходилось считаться со всеми точками зрения — кроме собственной. Что я думаю и чувствую, никого не волнует. Мало ли что моя жизнь разбита вдребезги — какое это имеет значение? Значение имеет только Одри.

ТРИВЗ. Нет, нет, нет.

КЕЙ *(повышая голос)*. Ничего у нее не выйдет! Не знаю что я сделаю — но не дам ей разбить мне жизнь. И Невилу к ней вернуться не дам!

Входит Невил

НЕВИЛ. Что еще теперь? Опять не слава Богу?

КЕЙ. А чего ты ждал после своего вчерашнего поведения? *(Садится на диван и достает из сумочки носовой платок.)*

НЕВИЛ. Ведь это ты устроила скандал, Кей. Я хотел все обсудить спокойно.

КЕЙ. Спокойно! И ты воображал, что я приму твоё предложение — развестись с тобой и освободить место для Одри — как... как приглашение на танец?

НЕВИЛ. Нет, — но незачем было закатывать истерику в чужом доме. Ради Бога, держи себя в руках и постарайся вести себя пристойно.

КЕЙ. Как Одри, да?

НЕВИЛ. Она, по крайней мере, не устраивает сцен.

КЕЙ. Уже успела! Уже настроила тебя против меня!

НЕВИЛ. Послушай, Кей, Одри не виновата. Я вчера тебе уже говорил. Я же объяснил тебе ситуацию — прямо и честно.

КЕЙ (*саркастически*). Прямо и честно!

НЕВИЛ. Да. Со своими чувствами я ничего не могу поделать.

КЕЙ. А с моими? Тебе ведь они безразличны, правда?

ТРИВЗ. Я все же думаю, Невил, тебе стоит серьезно обдумать свою позицию в этом... мм... вопросе. Кей твоя жена, и у нее есть известные права, которых ты не можешь ее лишить так... так бесцеремонно.

НЕВИЛ. Я их признаю — но я намерен поступить по справедливости.

КЕЙ. По справедливости!

ТРИВЗ. Кроме того, продолжать подобные выяснения под кровом леди Трессилиан просто недопустимо. Она страшно расстроится. Я целиком на стороне Кей, но, полагаю, у вас обоих есть обязанности по отношению к хозяйке дома и ее гостям. Так что я попросил бы вас отложить все разбирательства до конца вашего пребывания здесь.

НЕВИЛ (*удрученно*). Пожалуй, вы правы, мистер Тривз. Ну да, конечно же вы правы. Я так и поступлю. А ты что скажешь, Кей?

КЕЙ. Если Одри не попытается...

НЕВИЛ (*с раздражением*). Одри ничего не пытается.

ТРИВЗ (*Кей*). Ш-ш! Думаю, деточка, вам хватит благоразумия последовать моему совету. Это ведь вопрос нескольких дней.

КЕЙ (*встает, с горечью*). О, вот и прекрасно! (*Идет к двери на террасу.*)

НЕВИЛ (*с облегчением*). Ну и хорошо. Пойду позавтракаю. (*Направляется к двери в другую комнату.*) Попозже можно будет всем вместе покататься под парусом по заливу. (*Выглядывает в окно.*) Хороший бриз! (*Тривзу.*) Может, и вы с нами?

ТРИВЗ. Боюсь, я для таких вещей уже староват.

НЕВИЛ. А ты, Кей?

КЕЙ. А Тед? Мы ведь обещали, что сегодня его возьмем.

НЕВИЛ. Почему бы его и не взять, в самом деле? Пойду поймаю Ройда и Одри, может, они тоже составят нам компанию. Отличный день для парусной прогулки!

Входит Одри, вид у нее встревоженный

ОДРИ. Мистер Тривз, что вы посоветуете? Мы никак не можем добудиться Мэри.

НЕВИЛ. Не можете добудиться? То есть как?

ОДРИ. Да вот так. Пришла миссис Баррет и понесла Мэри наверх чай, как обычно. Мэри крепко спала. Миссис Баррет отдернула занавеску на окне и окликнула Мэри, но та не проснулась. Чай оставили на тумбочке. Миссис Баррет особенно не беспокоилась, что Мэри все не спускается — но когда Мэри не пришла за чаем для Камиллы, миссис Баррет решила снова к ней сходить. Чай на тумбочке совсем остыл, а Мэри все спит.

ТРИВЗ. Видите ли, Одри, вчера вечером она так устала.

ОДРИ. Это какой-то неестественный сон, мистер Тривз. С ней никогда такого не бывало. Миссис Баррет не смогла ее растолкать, потом и я к ней поднялась и тоже не смогла ее разбудить. С ней явно что-то не то.

НЕВИЛ. То есть она без сознания?

ОДРИ. Не знаю. Она лежит очень бледная и неподвижная, как бревно.

КЕЙ. Может, напилась снотворного?

ОДРИ. Я так сперва и подумала, только на Мэри это не похоже. (*Тривзу.*) Что нам делать?

ТРИВЗ. Думаю, сходить за врачом. Может, она заболела.

НЕВИЛ. Схожу позвоню доктору Лейзенби, попрошу его немедленно приехать. (*Поспешно выходит.*)

ТРИВЗ. Одри, а вы сказали об этом леди Трессилиан?

ОДРИ (*качая головой*). Нет еще. Не хотелось ее беспокоить. Сейчас ей сделают свежего чаю на кухне, и я понесу ей — тогда и расскажу.

ТРИВЗ. Искренне надеюсь, что с Мэри ничего серьезного.

КЕЙ. Да наверняка лекарств перебрала.

ТРИВЗ. Но это как раз очень серьезно.

ОДРИ. Не могу вообразить, чтобы Мэри .

Входит Ройд

РОЙД. Я слышал, как Стрейндж звонит доктору Лейзенби. Кто-нибудь заболел?

ОДРИ. Мэри. Все спит и спит, и мы никак не можем ее разбудить. Кей считает, она перебрала лекарств.

КЕЙ. Наверняка — иначе вы бы давно уже ее разбудили.

РОЙД. Вы имеете в виду снотворное? Вчера вечером оно ей явно было незачем — она и так прямо с ног валилась от усталости.

ТРИВЗ. Уверен, она вообще не стала бы пить снотворное — она боится не услышать звонок.

КЕЙ. Звонок?

РОЙД. К ней в комнату проведен звонок от леди Тресси-диан. Леди звонит ей, если ей ночью что-нибудь нужно (*Одри.*) Вспомни, Мэри нам сама вчера рассказывала

ОДРИ. Ну да. Мэри не станет принимать ничего, что помешает услышать звонок.

Из соседней комнаты торопливо входит Невил

НЕВИЛ. Лейзенби сейчас будет.

ОДРИ. Вот и хорошо. Пока он не приехал, пойду отнесу Камилле чай. А то она станет беспокоиться.

НЕВИЛ. Помочь тебе?

ОДРИ. Нет, спасибо, я сама. (*Уходит.*)

РОЙД. А не может это быть сердечный приступ? (*Садится на диван.*)

Тривз усаживается в кресло

НЕВИЛ. Что толку гадать? Лейзенби нам все объяснит. Бедняжка Мэри, что-то с ней будет, если это и вправду болезнь?

ТРИВЗ. Это было бы ужасно. Леди Трессилиан так на нее полагается!

КЕЙ (*Невилу, с надеждой*). Наверное, нам всем придется уехать?

НЕВИЛ (*улыбнувшись в ответ*). Пожалуй — если только у Мэри ничего серьезного.

РОЙД. Если ее не могут разбудить, то, боюсь, дело плохо.

ТРИВЗ. Доктору Лейзенби ехать недалеко, и мы скоро все узнаем. Он тут близко живет.

НЕВИЛ. Думаю, он будет минут через десять.

ТРИВЗ. Надеюсь, он всех нас успокоит. Хотелось бы.

НЕВИЛ (*с напускной бодростью*). Как бы то ни было, заранее о плохом думать не стоит.

КЕЙ. Ты ведь большой оптимист, правда, Невил?

НЕВИЛ. Наихудший прогноз, как правило, не подтверждается, и обычно все складывается неплохо.

РОЙД. Для тебя.

НЕВИЛ (*поворачиваясь к Ройду*). Что-то я тебя не понял, Томас.

РОЙД (*встает*). По-моему, я достаточно понятно выразился.

НЕВИЛ. На что ты намекаешь?

РОЙД. Ни на что. Я констатирую факт.

ТРИВЗ. Ш-ш! *(Спешит сменить тему.)* Может, мы можем чем-нибудь помочь? Вдруг леди Трессилиан...

НЕВИЛ. Если Камилле что-то нужно, она нам сама скажет. На вашем месте я не стал бы торопиться.

Страшный крик Одри за сценой. Ройд поспешно выходит. Вскоре входит Одри, поддерживаемая Ройдом. Вид у нее потрясенный и обескураженный.

ОДРИ. Камилла! Камилла!

ТРИВЗ *(озабоченно)*. Деточка! Что случилось?

ОДРИ *(хриплым шепотом)*. Камилла...

НЕВИЛ *(удивленно)*. Камилла? Что с ней стряслось?

ОДРИ. Она... она умерла.

КЕЙ *(не подымаясь с дивана)*. Сердце, наверное.

ОДРИ. Нет! Никакое не сердце. *(Уткнувшись лицом в ладони.)*

Все смотрят на нее.

(Кричит.) Там кровь — вся голова в крови. *(Истерически срывающимся голосом.)* Она убита! Вы что, не понимаете? Ее убили! *(Бессильно опускается на стул.)*

Свет гаснет. З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же гостиная два часа спустя. Мебель переставлена так, чтобы полиции было удобнее допрашивать свидетелей: кофейный столик отодвинут в нишу у двери на террасу, а диван — в фонарь. Теперь посреди комнаты расставлен ломберный столик, на нем — графин с водой и два стакана, шкатулка с сигаретами, пепельница и коробок спичек. На подоконнике вместо магнитофона — полураскрытый номер «Таймс». Тривз стоит возле ломберного столика, оглядывая комнату, потом подходит к окну. Входит суперинтендант Баттл — крупный мужчина лет пятидесяти, скромно одетый, с грубоватым, но умным лицом.

ТРИВЗ. А-а, Баттл!

БАТТЛ. Все утряслось, сэр.

ТРИВЗ. Никаких сложностей?

БАТТЛ. Никаких. Старший констебль дозвонился в Скотленд-Ярд. И раз уж я оказался поблизости, они согласились передать это дело мне. *(Поворачивается, окидывая комнату взглядом.)*

ТРИВЗ. Я очень рад. Намного проще, когда дело ведет не посторонний. Только вот, к сожалению, испортили вам отпуск.

БАТТЛ. О, ничего страшного, сэр. Зато я смогу помочь племяннику. Знаете, он впервые расследует убийство.

ТРИВЗ. Да-да, не сомневаюсь, ваш опыт послужит ему хорошим подспорьем.

БАТТЛ. История-то паршивая.

ТРИВЗ. Ужасная, просто ужасная.

БАТТЛ. Я виделся с доктором. Ее ударили дважды, хотя хватило бы и одного раза. Второй удар убийца нанес или для верности, или совершенно озверев.

ТРИВЗ. Кошмар. *(Садится.)* Не представляю, чтобы это мог быть кто-то из своих.

БАТТЛ. Тем не менее, боюсь, это так, сэр. Мы все осмотрели. Ни одна из дверей не взломана. Все окна и двери утром, как обычно, были закрыты на задвижку. Да и снотворным мисс Олдин напоил кто-то из домашних.

ТРИВЗ. Как она?

БАТТЛ. Все еще спит — после такой дозы она не скоро очнется. Видите, все планировалось загодя. Леди Трессиан наверняка, испугавшись, попыталась вызволить мисс Олдин. Убийца принял меры на этот случай — чтобы мисс Олдин не проснулась.

ТРИВЗ. И все-таки мне это кажется невероятным.

БАТТЛ. Психологической подоплекой, сэр, мы займемся позже. Смерть леди, по мнению доктора, произошла между половиной одиннадцатого и полуночью. Не раньше пол-одиннадцатого и не позже полуночи. Это может нам помочь. *(Усаживается на стул возле ломберного столика.)*

ТРИВЗ. Да-да. А орудием убийства была клюшка для гольфа.

БАТТЛ. Да, сэр. Ее бросили возле кровати леди. Окровавленную и с прилипшими к ней седыми волосами.

ТРИВЗ отшатывается.

Если судить по внешнему виду раны, то я не стал бы наверняка утверждать, будто ее убили именно клюшкой. Хотя, возможно, убийца ударил ее не острым концом, а тупым. Так, по крайней мере, считает доктор.

ТРИВЗ. Думаете, убийца настолько глуп, чтобы бросить орудие на месте преступления?

БАТТЛ. Переволновался. Такое бывает.

ТРИВЗ. Возможно, вполне возможно. Отпечатков не осталось?

БАТТЛ (*встает, расхаживает по комнате*). Ими сейчас занимается сержант Пенгелли. Боюсь, все не так просто.

Из соседней комнаты входит инспектор Лич — худощавый брюнет лет тридцати восьми — сорока, говорит с еле заметным корнуэльским акцентом В руке у него клюшка для гольфа.

ЛИЧ (*подходит к Баттлу*). Дядюшка, Пенгелли собрал роскошную коллекцию отпечатков — все четкие, как на картинке.

БАТТЛ. Осторожней, мой мальчик, — смотри, как ты ее держишь!

ЛИЧ. Не волнуйся, у нас уже есть снимки. А еще — данные экспертизы крови и волос. (*Протягивает клюшку Баттлу*) Ну как пальчики? Четче не бывает, а?

Баттл рассматривает отпечатки на рукоятке клюшки

БАТТЛ. Четкие, ничего не скажешь. Какой болван! (*Протягивает клюшку Тривзу.*)

ЛИЧ. Уж это точно.

БАТТЛ. Так что теперь, мой мальчик, нам осталось только поговорить с каждым из домашних и честно-благородно попросить у них разрешения снять отпечатки — разумеется, без малейшего принуждения. Все, ясное дело, согласятся, и тогда одно из двух: либо ни одни отпечатки не совпадут, либо...

Лич. Либо мы его сцапаем, так?

Баттл кивает.

ТРИВЗ. Скажите, Баттл, а вам не кажется все-таки очень странным тот факт, что... хм... убийца настолько глуп, что бросил главную улику на месте преступления?

БАТТЛ. Я видывал глупости похлеще, сэр. (*Кладет клюшку на кушетку.*) Что ж, приступим. Где все?

ЛИЧ. В библиотеке. Поллок обыскивает комнаты. Кроме комнаты мисс Олдин, разумеется. Она все еще спит.

БАТТЛ. Значит, будем приглашать их сюда по одному. (*Тривзу.*) Которая миссис Стрейндж обнаружила труп?

ТРИВЗ. Миссис Одри Стрейндж.

БАТТЛ. Ах да. Я их путаю. Миссис Одри Стрейндж — это бывшая жена, правильно?

ТРИВЗ. Да. Я же вроде бы объяснил вам... мм... положение вещей.

БАТТЛ. Да, сэр. Ну взбрело же в голову мистеру Стрейнджу! Я так скажу: большинство мужчин...

Из соседней комнаты входит взвинченная Кей и решительно направляется к двери на террасу.

КЕЙ (*Баттлу*). Я больше не намерена сидеть в этой чертовой библиотеке. Мне душно, и я пойду прогуляюсь. Можете делать со мной что хотите.

БАТТЛ. Минуточку, миссис Стрейндж.

Кей останавливается в дверях и оборачивается

Я не вижу причин, почему бы вам не выйти из дома, если хочется, — но несколько позже.

КЕЙ. А я хочу сейчас.

БАТТЛ. Боюсь, это невозможно

КЕЙ. Вы не имеете права держать меня здесь взаперти. Я ничего не сделала.

БАТТЛ (*ласково*). Ну конечно же нет. Просто мы хотели бы задать вам парочку вопросов — вот и все.

КЕЙ. Каких вопросов? Я ничем не могу вам помочь. Я ничего про это не знаю!

БАТТЛ (*Личу*). Сходи за Бенсоном, Джим, ладно?

Лич, кивнув, выходит

А вы пока посидите вот тут, миссис Стрейндж (*указывает на стул возле ломберного столика*) и постарайтесь успокоиться.

КЕЙ (*садится*). Говорю же вам — я ничего не знаю. Зачем меня спрашивать, если я не знаю ровным счетом ничего?

БАТТЛ. Понимаете, мы допрашиваем всех. Такова процедура — не самая приятная для вас, как и для нас, — но что ж поделать?

КЕЙ. Ну ладно. Хорошо.

Вместе с Личем входит констебль Бенсон — белокурый молчаливый парень. Он достает блокнот и карандаш

БАТТЛ (*садится за столик*). Итак, просто расскажите нам, пожалуйста, миссис Стрейндж, о событиях прошлого вечера и ночи.

КЕЙ. Что именно?

БАТТЛ. Чем вы занимались, скажем, после обеда и позже?

КЕЙ. У меня болела голова. Я пошла спать довольно рано.

БАТТЛ. Когда именно?

КЕЙ. Точно не помню. Думаю, примерно без четверти десять.

ТРИВЗ (*мягко поправляет*). Без десяти.

КЕЙ. Да? Я с точностью до минут не припомню.

БАТТЛ. Будем считать, без десяти десять. (*Делает знак Бенсону, тот помечает в блокноте.*) Ваш супруг пошел вместе с вами?

КЕЙ. Нет.

БАТТЛ (*помолчав*). А он когда пошел спать?

КЕЙ. Понятия не имею. Спросите у него сами.

Лич. Дверь, ведущая из вашей спальни в спальню вашего мужа, заперта. Она уже была заперта, когда вы пошли спать?

КЕЙ. Да.

ЛИЧ. Кто ее запер.

КЕЙ. Я.

ЛИЧ. Вы что же, всегда ее на ночь запираете?

КЕЙ. Нет.

БАТТЛ (*встает*). Почему вы ее заперли прошлой ночью, миссис Стрейндж?

Кей не отвечает Пауза

ТРИВЗ. Мне придется им объяснить, Кей.

КЕЙ. Ясно, что придется, раз я молчу. Ну ладно, ладно, пожалуйста. Если вам так интересно, мы с Невилом вчера ужасно поругались — вдрызг.

Лич смотрит на Бенсона, тот принимается писать в блокноте.

Он меня просто взбесил. Я пошла спать и заперла дверь, потому что была в дикой ярости.

БАТТЛ. Ясно. А из-за чего вы поссорились?

КЕЙ. Какая разница? Не понимаю, при чем тут...

БАТТЛ. Если не хотите, можете не отвечать.

КЕЙ. Да нет, я отвечу. Мой муж вел себя как форменный идиот — и все из-за той женщины.

БАТТЛ. Что за женщина?

КЕЙ. Одри — его прежняя жена. Это она заставила его сюда приехать.

БАТТЛ. А я понял, идея принадлежала мистеру Стрейнджу.

КЕЙ. Нет. Ей.

БАТТЛ. Но с какой бы стати миссис Одри Стрейндж все это затевать?

Лич идет к двери в соседнюю комнату

КЕЙ. Чтобы сделать нам больно. А Невил наивно полагает, что это его собственная идея. Только она почему-то не приходила ему в голову, пока он не повстречал Одри. Она и внушила ему мысль приехать сюда, да так хитро, что он убежден, будто сам до нее додумался. Я-то сразу углядела за всем этим ее козни. Меня ей не проведи.

БАТТЛ. И все-таки — зачем это миссис Одри Стрейндж?

КЕЙ (*выпаливает на одном дыхании*). Чтобы заграбастать Невила, вот зачем. Она так и не простила ему, что он ушел от нее ко мне. Это ее месть. Вот она и подстроила, чтобы все мы тут собрались, — и принялась исподволь влиять на Невила. Она ведь умна, дьявольски умна. Бьет на жалость — эдакая кроткая страдалница. Беденький обиженный котенок — а когти-то вот они, наготове!

ТРИВЗ. Кей, Кей!

БАТТЛ. Ясно. Но если такое положение вам настолько неприятно, можно ведь было отказаться и не ехать.

КЕЙ. Думаете, я не отказывалась? Но Невил — ни в какую. Он настоял, чтобы мы приехали.

БАТТЛ. И тем не менее вы уверены, что идея принадлежит не ему?

КЕЙ. На сто процентов. Эта стерва бледная сама все подстроила.

ТРИВЗ. Для подобного обвинения, Кей, у вас нет достаточных оснований.

КЕЙ (*встает, идет к Тривзу*). Говорю вам, я знаю это, и вы тоже знаете, только не признаетесь. Одри всегда была...

БАТТЛ. Вернитесь сюда и сядьте, миссис Стрейндж.

Кей с видимой неохотой подходит к ломберному столику и садится.

А леди Трессилиан одобрила эту затею?

КЕЙ. Она не одобряла ничего, что имело отношение ко мне. Она меня невзлюбила за то, что я посмела занять место ее любимицы Одри.

БАТТЛ. А вы — вы не ссорились с леди Трессилиан?

КЕЙ. Нет.

БАТТЛ. После того как вы ушли спать, миссис Стрейндж, вы ничего не слышали? К примеру, каких-нибудь необычных звуков?

КЕЙ. Ничего. Я так расстроилась, что приняла сновидное и почти сразу заснула.

БАТТЛ. Что за снотворное?

КЕЙ. Голубые пилюли. Не знаю, как они называются.

Баттл смотрит на Бенсона, тот пишет.

БАТТЛ. После того как вы ушли спать, вы мужа не видели?

КЕЙ. Нет-нет. Я же сказала: я заперлась изнутри.

БАТТЛ (*берет с дивана клюшку и подает Кей*). А вот этого вы прежде не видели, миссис Стрейндж?

КЕЙ (*отшатываясь*). Какой ужас! Значит, это ею...

БАТТЛ. Вероятно. Как по-вашему, чья это клюшка?

КЕЙ (*мотнув головой*). В доме масса клюшек. Есть у мистера Ройда, у Невила, у меня...

БАТТЛ. Это мужская клюшка, вряд ли она ваша.

КЕЙ. Тогда, наверное, не знаю.

БАТТЛ. Ясно. (*Относит клюшку обратно на диван.*) Благодарю вас, миссис Стрейндж. Пока это все.

Кей встает и отходит от стола.

ЛИЧ. Еще кое-что.

Кей оборачивается, Лич подходит к ней.

Вы не возражаете, если сержант Пенгелли снимет у вас отпечатки пальцев?

КЕЙ. Отпечатки? У меня?

БАТТЛ (*успокаивающим тоном*). Это обычная процедура, миссис Стрейндж. Мы всех всегда об этом просим.

КЕЙ. Да все что угодно, лишь бы не возвращаться в этот загон. В библиотеку.

ЛИЧ. Я попрошу сержанта Пенгелли снять ваши отпечатки в малой столовой.

Кей подходит к Тривзу, мгновение пристально смотрит на него и выходит в соседнюю комнату. Следом выходит Лич. Бенсон захлопывает свой блокнот и бесстрастно ожидает распоряжений.

БАТТЛ. Бенсон, сходите спросите Поллока, не находил ли он голубых пилюль в комнате миссис Стрейндж — миссис Кей Стрейндж. Мне нужен образец.

БЕНСОН. Есть, сэр. (*Идет к двери.*)

БАТТЛ. Как только выясните — немедленно сюда.

БЕНСОН. Есть, сэр. (*Уходит.*)

ТРИВЗ (*встает*). Думаете, эти пилюли... гм... подложили мисс Олдин?

БАТТЛ. Это нужно проверить. А не сообщите ли вы мне, сэр, кто выиграл материально после смерти леди Трессилян?

ТРИВЗ. Своих денег у леди Трессилиан было очень мало. Имуущество покойного Мортимера Трессилиана перешло к ней в доверительное управление. После ее смерти оно должно в равных долях достаться Невилу и его жене.

БАТТЛ. Которой жене?

ТРИВЗ. Его первой жене.

БАТТЛ. Одри Стрейндж?

ТРИВЗ. В завещании поименованы вполне конкретные наследники — «Невил Генри Стрейндж и жена его Одри Элизабет Стрейндж, урожденная Стэндиш». Последовавший развод никак не изменяет волю покойного.

БАТТЛ. Миссис Одри Стрейндж, полагаю, это известно?

ТРИВЗ. Конечно.

БАТТЛ. А нынешней миссис Стрейндж? Она знает, что ей ничего не достанется?

ТРИВЗ. Наверняка не скажу. *(С сомнением в голосе.)* Полагаю, супруг ей объяснил.

БАТТЛ. А если нет — у нее могло создаться впечатление, что она входит в число наследников?

ТРИВЗ. Вполне возможно. *(Садится к столу.)*

БАТТЛ. Скажите, сэр, а что, наследство приличное?

ТРИВЗ. Весьма. Около ста тысяч фунтов.

БАТТЛ. Ого! Это кое-что, даже по нынешним временам.

Входит Лич, неся измятый смокинг.

ЛИЧ. Гляньте-ка на эту штуку, — Поллок нашел. Вот. Валялся скомканный у мистера Стрейнджа в шкафу.

Баттл подходит к Личу, тот показывает ему рукав смокинга.

Видите пятна? Если это не кровь, то я Мэрилин Монро.

БАТТЛ *(берет смокинг у Лича)*. Нет, Джим, ты не Мэрилин Монро. Это точно. Ух! Весь рукав забрызган кровью. А другая одежда в его комнате есть?

ЛИЧ. Костюм, темно-серый в полоску. Висит на стуле. И полным-полно воды на полу — целая лужа вокруг раковины. Как будто кто-то там долго плескался.

БАТТЛ. Или очень спешил отмыть руки от крови, а?

ЛИЧ. Пожалуй. *(Достав из кармана пинцет, снимает волос с внутренней стороны ворота смокинга.)*

БАТТЛ. Волосы! Светлый женский волос на воротнике!

ЛИЧ. На рукаве тоже есть.

БАТТЛ. На рукаве — рыжие. Мистер Стрейндж обнял одну жену рукой, а другая тем временем положила ему голову на плечо.

ЛИЧ. Прямо мормон какой-то. Безобразие!

БАТТЛ. Кровь отдашь на исследование — совпадает ли по группе с кровью леди Трессилиан.

ЛИЧ. Будет сделано, дядюшка.

ТРИВЗ (*встает, крайне взволнованный*). Не могу, просто не могу поверить, чтобы Невил, которого я знал всю жизнь, был способен на такой чудовищный поступок! Тут какая-то ошибка! Наверняка!

БАТТЛ (*относит смокинг на диван*). Надеюсь, что так. Уверен, сэр. (*Личу.*) А теперь пригласим мистера Ройда.

Лич, кивнув, удаляется.

ТРИВЗ. Я убежден, Баттл, что эти пятна на смокинге — совершенно невинного происхождения. Ведь, не говоря о полном отсутствии мотивов, Невил...

БАТТЛ. Пятьдесят тысяч, сэр, — по-моему, мотив убедительный.

ТРИВЗ. Но Невил — богатый человек, он не нуждается в деньгах.

БАТТЛ. Мы можем чего-то не знать, сэр.

Входит Бенсон с круглой коробочкой в руке.

БЕНСОН. Поллок нашел пилюли. (*Протягивает коробочку Бенсону.*) Вот, пожалуйста, сэр.

БАТТЛ (*открыв коробочку*). Ага, вот они. Выясним у доктора, не этим ли снотворным напоили мисс Олдин.

Входит Ройд.

РОЙД. Вы хотели меня видеть?

БАТТЛ. Да, мистер Ройд. (*Указывает на стул возле ломберного столика.*) Не хотите ли присесть, сэр?

РОЙД. Лучше постою.

БАТТЛ. Как вам будет угодно.

Бенсон открывает блокнот и берется за карандаш. Тривз садится

Если не возражаете, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

РОЙД. Не возражаю. Скрывать мне нечего.

БАТТЛ. Насколько я понимаю, мистер Ройд, вы только что вернулись из Малайзии?

РОЙД. Это правда. Я не был тут семь лет.

БАТТЛ. Вы давно знали леди Трессилиан?

РОЙД. С самого детства.

БАТТЛ. Нет ли у вас предположений, кому и зачем понадобилось ее убить?

РОЙД. Нет.

БАТТЛ. Как давно вы знакомы с мистером Невилом Стрейнджем?

РОЙД. Практически всю жизнь.

БАТТЛ. Достаточно ли хорошо вы представляете себе его денежные дела?

РОЙД. Нет. Но, по-моему, средств у него всегда хватало.

БАТТЛ. А случись у него непредвиденные материальные затруднения, он бы вам о них рассказал?

РОЙД. Вряд ли.

БАТТЛ (*расхаживает по комнате*). В котором часу вы отравились спать вчера вечером, мистер Ройд?

РОЙД. Думаю, в полдесятого.

БАТТЛ. Что-то рановато.

РОЙД. Я всегда ложусь рано. Предпочитаю вставать пораньше.

БАТТЛ. Ясно. Ведь ваша комната расположена напротив комнаты леди Трессилиан, верно?

РОЙД. Практически да.

БАТТЛ. Вы заснули вчера сразу как легли?

РОЙД. Нет. Я дочитывал детектив. Весьма посредственный — по-моему, они вечно...

БАТТЛ. Да-да. В пол-одиннадцатого вы еще не спали?

РОЙД. Нет.

БАТТЛ (*садится к столу*). Скажите, мистер Ройд — это очень важно: вы не слыхали в это время никаких необычных звуков?

Ройд не отвечает.

Я повторяю: вы не...

РОЙД. Не надо повторять. Я вас слышу.

БАТТЛ (*выждав*). И что же, мистер Ройд?

РОЙД. Слышал какой-то шум на чердаке, над самой моей головой. Крысы, наверно. Только это было позже.

БАТТЛ. Я имел в виду другое.

РОЙД (*глянув на Трикса*). Я слышал гвалт.

БАТТЛ. Что за гвалт?

РОЙД. Ну, спор.

БАТТЛ. Спор? Между кем?

РОЙД. Между леди Трессилиан и Стрейнджем.

БАТТЛ. Между леди Трессилиан и мистером Стрейнджем произошла ссора?

РОЙД. Ну да, хотите —зовите это ссорой.

БАТТЛ (*вскакивает*). Дело не в том, как я хочу это называть, мистер Ройд. Вы-то сами это назовете ссорой?

РОЙД. Да.

БАТТЛ. Благодарю вас. А из-за чего она случилась?

РОЙД. Не слыхал. Это меня не касается.

БАТТЛ. Но вы уверены, что они ссорились?

РОЙД. Да. Судя по звуку голосов. Очень громкому.

БАТТЛ. Вы не могли бы уточнить время?

РОЙД. Минут в двадцать одиннадцатого.

БАТТЛ. Двадцать минут одиннадцатого. А больше вы ничего не слышали?

РОЙД. Как Стрейндж, уходя, хлопнул дверью.

БАТТЛ. И больше ничего?

РОЙД. Только крыс.

Выколачивает трубку в пепельницу.

БАТТЛ. Крыс пока оставим. (*Берет клюшку.*)

Ройд набивает трубку и закуривает.

Это ваша клюшка, мистер Ройд?

Ройд, поглощенный трубкой, не отвечает.

Мистер Ройд!

РОЙД (*глядя на клюшку*). Нет. Мои помечены инициалами «Т.Р» на черенке.

БАТТЛ. А чья она, не знаете?

РОЙД. Не представляю.

БАТТЛ (*относит клюшку обратно*). Мы хотели бы снять ваши отпечатки пальцев, мистер Ройд. Вы не возражаете?

РОЙД. Что толку возражать? Ваш человек уже это сделал.

Бенсон беззвучно смеется.

БАТТЛ. В таком случае — благодарю вас, мистер Ройд. Пока это все.

РОЙД. Не возражаете, я пойду пройдусь? Подышу свежим воздухом. С террасы не уйду — если я вам еще нужен.

БАТТЛ. Это бы нас вполне устроило, сэръ.

РОЙД. Спасибо. (*Выходит на террасу.*)

Бенсон садится на подоконник.

БАТТЛ. Данные против мистера Стрейнджа накапливаются, сэр.

ТРИВЗ (*встает*). Это невероятно, просто невероятно!

Входит Лич.

ЛИЧ (*торжествующе*). Отпечатки тоже принадлежат Невилу Стрейнджу.

БАТТЛ. Вот все и выяснилось, Джим. На месте преступления он оставил улику, на ней — отпечатки. Осталось найти там же его визитную карточку.

ЛИЧ. И все так просто?

ТРИВЗ. Не может это быть Невил. Наверняка ошибка. (*Наливает себе воды из графина.*)

БАТТЛ. Все сходится. Впрочем, послушаем самого мистера Стрейнджа. Пригласи его, Джим.

Лич выходит.

ТРИВЗ. Мне это непонятно. Я убежден: тут что-то не так. Невила никак не назовешь законченным идиотом. Даже если он оказался способен на подобное зверство — во что я никак не могу поверить, — он не настолько легкомыслен, чтобы оставить после себя такую серьезную улику.

БАТТЛ. Однако, сэр, он ее оставил. От фактов не отмахнешься.

Входят Невил и Лич. Невил с обеспокоенным видом на мгновение останавливается в дверях.

(*Указывая Невилу на стул у ломберного столика.*) Садитесь, мистер Стрейндж.

НЕВИЛ (*садится*). Спасибо.

БАТТЛ. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, но прежде я обязан предупредить вас, что отвечать на них вы не обязаны.

НЕВИЛ. Валяйте. Спрашивайте что хотите.

БАТТЛ. Вам известно, что все сказанное вами может быть записано и впоследствии использовано против вас на суде?

НЕВИЛ. Пугаете?

БАТТЛ. Нет, мистер Стрейндж. Предупреждаем.

ТРИВЗ. Суперинтендант Баттл обязан следовать инструкции.
А ты, Невил, и правда можешь не отвечать, если не хочешь.
НЕВИЛ. А с какой стати мне не хотеть отвечать?
ТРИВЗ. Так было бы благоразумней.
НЕВИЛ. Чепуха! Валяйте, суперинтендант. Я готов.

Тривз, огорченный, садится. Бенсон встает

БАТТЛ. Вы готовы дать показания?

НЕВИЛ. Да, если это называется так. Только, боюсь, это вам мало поможет.

БАТТЛ. Не начать ли нам с того, чем вы занимались вчера вечером? Сразу после обеда и позднее. *(Садится к столу.)*

НЕВИЛ. Погодите-ка. Сразу после обеда я пошел к себе и написал пару писем — я долго с этим тянул и решил наконец с ними закончить. Как только написал, так спустился сюда.

БАТТЛ. Во сколько?

НЕВИЛ. Думаю, в четверть десятого. Черт, точнее не припомню.

Баттл берет сигарету.

БАТТЛ *(протягивая сигареты Невилу)*. О, простите?

НЕВИЛ. Нет, спасибо.

БАТТЛ. А что вы делали потом? *(Закуривает.)*

НЕВИЛ. Говорил — с Кей, моей женой, и с Тедом Латимером.

БАТТЛ. Латимером? А кто это?

НЕВИЛ. Наш приятель. Он остановился в отеле «Истерхед-Бей». Вчера он был здесь на обеде. А потом сразу уехал, и все пошли спать.

БАТТЛ. И ваша жена тоже?

НЕВИЛ. Да, ей что-то нездоровилось.

БАТТЛ *(встает)*. Как я понял, у вас с ней вышла какая-то размолвка?

НЕВИЛ. А-а... *(глядя на Тривза)* вам уже насплетничали? Только уверяю вас, это была обыкновенная семейная ссора. И к тому ужасному, что произошло, не имеет ровно никакого отношения.

БАТТЛ. Ясно. *(Помолчав.)* А что вы делали потом, когда все пошли спать?

НЕВИЛ. Да скучно мне стало. Время было еще раннее, и я решил развяться — отправился в отель «Истерхед-Бей».

БАТТЛ. В такую погоду? Ведь тогда уже началась гроза, верно?

НЕВИЛ. Верно. Но я грозы не боюсь. Я поднялся к себе переодеться

БАТТЛ (*резко повернувшись к Невилу*). Во что переодеться, мистер Стрейндж?

НЕВИЛ. Я ведь был в смокинге, а поскольку я собирался отправиться через залив на пароме, то решил переодеться. В серый костюм в полоску (*после паузы*), если вам это так интересно.

БАТТЛ (*помолчав*). Продолжайте, мистер Стрейндж.

НЕВИЛ (*несколько нервозно*). Я, как уже сказал, поднялся к себе переодеться. И как раз проходил мимо открытой двери леди Трессилиан, когда она меня окликнула: «Это ты, Невил?» — и попросила к ней зайти. Я зашел, и мы немножко поболтали.

БАТТЛ. Как долго вы там находились?

НЕВИЛ. Минут двадцать. Выйдя от нее, я зашел к себе, переоделся и поспешил на паром. Ключ я взял с собой, поскольку знал, что вернусь поздно.

БАТТЛ. В котором часу это было?

НЕВИЛ (*припоминая*). Ну, думаю, около половины одиннадцатого. Я едва успел на паром в десять тридцать пять. В отеле мы немножко выпили с Латимером, посмотрели на танцы, потом сыграли разок в бильярд. Тут я понял, что опоздал на последний паром — он отходит в час тридцать. Тогда Латимер вывел машину из гаража и любезно отвез меня домой. Сюда ведь объездной дороги не меньше пятнадцати миль. (*Замолкает.*) Мы выехали в два, а сюда приехали в полтретьего. Я звал Латимера зайти выпить со мной, но он отказался. Потом я открыл дверь своим ключом и сразу пошел спать...

Баттл и Тривз переглядываются.

БАТТЛ. Когда вы беседовали с леди Трессилиан, она держалась как обычно?

НЕВИЛ. Ну да, конечно.

БАТТЛ. А о чем вы с ней беседовали?

НЕВИЛ. О том, о сем.

БАТТЛ. Мирно?

НЕВИЛ. Разумеется.

БАТТЛ (*ласково*). Не было ни ссоры, ни скандала?

НЕВИЛ (*вскакивая, гневно*). На что вы, черт возьми, намекаете?

БАТТЛ. Лучше скажите правду, мистер Стрейндж. Должен вас предупредить: ваш разговор слышали.

НЕВИЛ (*расхаживая по комнате*). Ну, мы в самом деле несколько разошлись во мнениях. Она не одобряла моего поведения по отношению к Кей и к моей первой жене. Может, я погорячился немного — но расстались мы друзьями. (*Ударив кулаком о стол, гневно.*) Я не впал в ярость и не бил ее по голове, если вы к этому клоните.

Баттл снова берет клюшку с дивана.

БАТТЛ. Это — ваша вещь, мистер Стрейндж?

НЕВИЛ (*осматривая клюшку*). Да. Одна из клюшек Уолтера Хадсона из «Святого Эгберта».

БАТТЛ. Этой клюшкой, судя по всему, убили леди Трессилян. Как вы объясните, откуда на рукоятке ваши отпечатки пальцев?

НЕВИЛ. А почему бы им там не быть? Ведь это моя клюшка, и я часто ею пользовался.

БАТТЛ. Нет, я хотел бы, чтобы вы объяснили тот факт, что, судя по отпечаткам, вы держали ее в руках последним.

НЕВИЛ. Неправда. Этого не может быть. Кто-то брал ее уже после меня — вероятно, в перчатках.

БАТТЛ. Никто не мог ею воспользоваться в том смысле, как вы говорите — то есть замахнуть и ударить — не смазав при этом ваших отпечатков.

НЕВИЛ (*потрясенный, уставившись на клюшку*). Этого не может быть! (*Садится у столика, уткнув лицо в ладони.*) О Боже! (*Подняв голову.*) Это не так! Это все неправда! Думаете, я убил ее — но я не убивал. Клянусь, не убивал! Тут какая-то чудовищная ошибка!

Баттл относит клюшку на диван.

ТРИВЗ. А у тебя, Невил, есть какие-нибудь соображения насчет этих отпечатков?

Баттл берет с дивана смокинг.

НЕВИЛ. Нет — нет — нет у меня никаких соображений! Ни о чем!

БАТТЛ. А не скажете, откуда на обоих обшлагах и на рукаве вашего смокинга — ведь это ваш смокинг — пятна крови?

НЕВИЛ (*севшим от ужаса голосом*). Крови? Не может быть.

ТРИВЗ. Ты случайно не порезался?

НЕВИЛ (*вскакивает, в ярости отшвырнув стул*). Нет, разумеется нет. Не порезался. Это фантастика, полнейшая фантастика. Ничего общего с правдой.

БАТТЛ. Но факты несомненны, мистер Стрейндж.

НЕВИЛ. С какой стати я пошел бы на такое чудовищное преступление? Это немыслимо, невероятно. Я знал леди Трессилиан всю жизнь. *(Поворачивается к Тривзу.)* Мистер Тривз, вы ведь не верите в это, правда? Вы же не верите, что я на подобное способен?

Баттл относит смокинг на диван.

ТРИВЗ. Нет, Невил, не могу поверить.

НЕВИЛ. Я не убивал. Клянусь. Не убивал. Зачем бы я стал...

БАТТЛ *(оборачивается)*. Мистер Стрейндж, после смерти леди Трессилиан вы унаследовали немалые деньги.

НЕВИЛ. Вы хотите сказать — вы думаете, что... Какая чепуха! Я ни в чем не нуждаюсь. Я вполне обеспеченный человек. Хотите — пошлите запрос в мой банк

Тривз садится к столу.

БАТТЛ. Запрос мы, разумеется, пошлем. Но, возможно, возникла некоторая причина, по которой вам внезапно понадобилась значительная сумма — причина, не известная никому, кроме вас самого.

НЕВИЛ. Не было ничего подобного.

БАТТЛ. А это мы увидим.

НЕВИЛ. Вы меня арестуете?

БАТТЛ. Пока нет — дадим вам время поразмыслить.

НЕВИЛ *(с горечью)*. То есть вы уже решили, что я ее убил, а теперь ищите для этого мотивы, чтобы состряпать против меня дело. Я прав, не так ли? *(Помолчав.)* Я вам больше не нужен? Тогда я пойду. Мне нужно побыть одному и прийти в себя. Сейчас я в полном шоке.

БАТТЛ. Пока что мы с вами закончили, сэр.

НЕВИЛ. Благодарю вас.

БАТТЛ. И все же не уходите слишком далеко, хорошо, сэр?

НЕВИЛ *(направляясь к террасе)*. Да вы напрасно беспокоитесь. Удирать я не собираюсь. *(Выглядывает в дверь.)* Вижу, вы приняли меры и на этот случай.

Выходит на террасу. Бенсон усаживается на подоконник.

ЛИЧ. Да точно говорю — он!

БАТТЛ. Не уверен, Джим. Если хочешь знать, не нравится мне такая версия. Мне ничего в ней не нравится.

Улик слишком много, а концы с концами не сходятся. Леди Трессилиан зовет его поговорить, а у него, как нарочно, клюшка в руках. Для чего?

ЛИЧ. Да чтобы шарахнуть ее по голове.

БАТТЛ. Иными словами, для преднамеренного убийства. Ладно. Допустим, он усыпил мисс Олдин. Но он не мог рассчитывать, что она уснет так быстро. И не мог быть уверен, что все остальные в доме тоже уснули.

ЛИЧ. Ну хорошо. А если допустить, что он в это время чистил свои клюшки? Тут как раз леди Трессилиан его зовет, у них скандал, он выходит из себя и лупит ее по голове клюшкой, случайно оказавшейся в руке.

БАТТЛ. Это слабо вяжется с тем, что мисс Олдин заранее подсыпали снотворного. А это было то самое снотворное — доктор подтвердил. Разумеется (*задумчиво*), снотворное она и сама могла выпить.

ЛИЧ. Зачем?

БАТТЛ (*повернувшись к Тривзу*). А у Мэри Олдин не могло быть какого-нибудь материального интереса?

ТРИВЗ. Леди Трессилиан назначила ей пожизненное содержание — не слишком большое, несколько сотен в год. Я говорил уже, денег в распоряжении у леди было совсем немного.

БАТТЛ. Несколько сотен в год. (*Садится за столик.*)

ТРИВЗ. Согласен. Мотив неубедительный.

БАТТЛ (*вздохнув*). Хорошо, послушаем теперь первую жену. Джим, пригласи-ка миссис Одри Стрейндж.

Лич выходит.

Это необычное преступление, сэр. Смесь холодного расчета и нерасчетливой, безоглядной жестокости, а эти вещи вообще-то плохо сочетаются.

ТРИВЗ. Именно, Баттл. Тот, кто подсыпал снотворного мисс Олдин, действовал преднамеренно.

БАТТЛ. А способ убийства наводит на мысль о припадке слепой ярости. Да, сэр. Что-то тут не так.

ТРИВЗ. Вы обратили внимание на его слова про ловушку?

БАТТЛ (*задумчиво*). Ловушка.

Входит Лич, придерживая дверь. Следом идет Одри — бледная и собранная. Бенсон встает. Лич выходит, закрыв за собой дверь.

ОДРИ. Вы хотели меня видеть?

БАТТЛ (*встает*). Да. (*Указывает на стул у ломберного столика.*) Прошу вас, садитесь.

Одри садится.

Вы мне уже сообщили, как вы обнаружили труп, так что к этому возвращаться не будем.

ОДРИ. Благодарю.

БАТТЛ (*расхаживая по комнате*). Боюсь, однако, мне придется задать вам несколько вопросов, которые, возможно, будут вам неприятны. Можете не отвечать на них, если не хотите.

ОДРИ. Нет, почему же? Я хочу одного: помочь вам.

БАТТЛ. В таком случае скажите нам для начала, что вы делали вчера после обеда?

ОДРИ. Какое-то время мы стояли и беседовали на террасе с мистером Тривзом. Потом пришла мисс Олдин и сказала, что леди Трессилиан хотела бы его повидать, и я вернулась сюда. Мы поговорили немного с Кей и мистером Латимером, а попозже — с мистером Ройдом и Невилом. А потом я пошла спать.

БАТТЛ. В котором часу?

ОДРИ. Думаю, в половине десятого. Но я не уверена. Может быть, чуть позже.

БАТТЛ. У мистера Стрейнджа с женой, как я понял, вышла какая-то размолвка. Вы при этом присутствовали?

ОДРИ. Невил повел себя очень глупо. Думаю, так разволновался, что уже не владел собой. Я оставила их вдвоем и пошла спать. Естественно, я не знаю, чем это кончилось.

БАТТЛ. Вы сразу же заснули?

ОДРИ. Нет. Я немного почитала.

БАТТЛ. И в это время не слышали ничего необычного?

ОДРИ. Нет, ничего. Моя комната этажом выше Ками... леди Трессилиан. Я и не могла ничего услышать.

БАТТЛ (*берет клюшку*). Простите, миссис Стрейндж. (*Подходит к Одри и показывает ей клюшку.*) У нас есть основания полагать, что леди Трессилиан была убита вот этим. Мистер Стрейндж признал свою клюшку. К тому же на ней имеются отпечатки его пальцев.

ОДРИ (*со вздохом изумления*). О! Неужели вы думаете, что это Невил?

БАТТЛ. Вас это удивляет?

ОДРИ. Очень. Уверена, вы ошибаетесь. Невил на такое не способен. Да и причин для этого у него нет.

БАТТЛ. Даже если бы ему неожиданно понадобились деньги?

ОДРИ. Они не могли ему понадобиться неожиданно. Экстравагантные выходы такого рода не по его части. Вы очень глубоко заблуждаетесь, если думаете, что это Невил.

БАТТЛ. По-вашему, он не способен на внезапную вспышку неистовой жестокости?

ОДРИ. Невил? Да нет конечно.

БАТТЛ. *(относит ключку на диван)*. Не хотелось бы вмешиваться в вашу частную жизнь, миссис Стрейндж, но все-таки объясните — зачем вы здесь?

ОДРИ *(удивленно)*. Я? Я каждый год сюда приезжаю в это время.

БАТТЛ. Но не в то время, когда тут живет ваш бывший супруг.

ОДРИ. Он спросил меня, не стану ли я возражать.

БАТТЛ. Это его инициатива?

ОДРИ. О да.

БАТТЛ. А не ваша?

ОДРИ. Нет.

БАТТЛ. Но вы согласились?

ОДРИ. Да, согласилась — возразить было как-то неудобно.

БАТТЛ. Почему же? Вы же наверняка понимали, что может получиться неловко?

ОДРИ. Да — да, я понимала.

БАТТЛ. Вы — потерпевшая сторона?

ОДРИ. Простите?

Лэтл. Это он подал на развод?

ОДРИ. Понимаю. Да, он.

БАТТЛ. Вы не питаете враждебности к мистеру Стрейнджу?

ОДРИ. Нет, что вы!

БАТТЛ. Вы очень великодушны.

Одри не отвечает

А с нынешней миссис Стрейндж вы дружите?

ОДРИ. По-моему, она меня недолюбливает.

БАТТЛ. А вы ее?

ОДРИ. Я ее толком не знаю.

БАТТЛ. Вы уверены, что эта идея — собраться тут вторым — изначально принадлежала не вам?

ОДРИ. Вполне уверена.

БАТТЛ. Думаю, это все, миссис Стрейндж. Спасибо вам.

ОДРИ *(встает, спокойно)*. И вам спасибо. *(Направляется к двери в соседнюю комнату, потом, колебавшись, возвращается к столику)*

Тривз встает.

(Сбивчиво.) Я только хотела сказать. Вы думаете, Невил... **Что** он убил ее из-за денег? Я могу сказать наверняка, что **это** не так. Деньги Невила никогда особенно не заботили. Мне это точно известно. Я несколько лет была его женой — вы знаете. Это... Это не Невил. Я понимаю, мои слова доказательством служить не могут — но очень хочу, чтобы вы мне поверили. *(Поспешно уходит.)*

Бенсон садится на подоконник

БАТТЛ. Не знаю, что про нее и сказать, сэр. Более бесчувственного существа я в жизни не встречал.

ТРИВЗ. Гм. Она просто не показывает своих чувств, Баттл, — но они есть, и думаю, очень сильные. Хотя я могу и ошибаться...

Пошатываясь, входит Мэри, поддерживаемая Личем. Она в халате.
Мэри! *(Подводит ее к стулу.)*

Мэри садится

БАТТЛ. Мисс Олдин! Вам не стоило...

ЛИЧ. Она настаивала, дядюшка, что ей надо с тобой поговорить. *(Встает у двери.)*

МЭРИ *(слабым голосом)*. Со мной уже все в порядке. Просто голова немного кружится.

Тривз наливает воды в стакан

Я должна была прийти. Мне сказали, вы подозреваете Невила. Это правда? Вы его подозреваете?

Тривз подает Мэри стакан воды

БАТТЛ. Кто вам сказал?

МЭРИ. Кухарка. Она мне чай принесла и говорит, слышала разговор в его комнате. А потом, когда я уже сюда спустилась, то встретила Одри — и она тоже это подтвердила. *(Переводит взгляд с одного собеседника на другого.)*

БАТТЛ *(уклончиво)*. Арестовывать его мы не собираемся — во всяком случае, пока.

МЭРИ. Но это никак не мог быть Невил. Именно это я должна была вам сказать. Кто бы это ни сделал, это был не Невил. Я это знаю.

БАТТЛ. Знаете? Откуда?

МЭРИ. Дело в том, что я видела ее, леди Трессилян, живую, когда Невил уже ушел из дома.

БАТТЛ. Что?

МЭРИ. Понимаете, у меня зазвенел звонок. А я ужасно хотела спать. Едва поднялась — было чуть больше половины одиннадцатого. Когда я вышла из своей комнаты, Невил был в холле внизу. Я глянула через перила и увидела, как он вышел через парадную дверь и захлопнул ее. Потом я пошла к леди Трессилиан.

БАТТЛ. И она еще была жива-здорова?

МЭРИ. Да, разумеется. Только очень расстроилась, сказала, Невил кричал на нее.

БАТТЛ (*Личу*). Пригласи-ка мистера Стрейнджа.

Лич выходит на террасу. Мэри берет стакан у Тривза и делает глоток

А что именно сказала леди Трессилиан?

МЭРИ. Она сказала... (*Задумывается.*) Господи, что же такое она сказала? Она сказала: «Разве я звонила? Что-то я не припомню. Невил вел себя грубо. Он так разошелся — кричал на меня. Я ужасно расстроилась». Я дала ей аспирина и горячего молока из термоса, и она немного успокоилась. Тогда я вернулась к себе. Мне отчаянно хотелось спать. Доктор Лейзенби спрашивал, не принимала ли я какого-нибудь снотворного.

БАТТЛ. Да, мы знаем.

С террасы входят Лич и Невил, следом за ними идет Кей и останавливается у ломберного столика

А вы счастливчик, мистер Стрейндж!

НЕВИЛ. Счастливчик? Почему?

БАТТЛ. Мисс Олдин видела леди Трессилиан живой после вашего ухода из дома, и уже установлено, что вы действительно были на пароме отправлением десять тридцать пять.

НЕВИЛ (*в полной растерянности*). В таком случае что же — подозрение с меня снимается? Но кровь на смокинге (*идет к дивану*) и клюшка с моими отпечатками...

Кей садится.

БАТТЛ (*идет к дивану*). Улики сфабрикованы. Весьма умело. Клюшку вымазали кровью и даже налепили волосы. Кто-то надел ваш смокинг и совершил в нем убийство, а потом засунул к вам в шкаф — чтобы вас подставить.

НЕВИЛ (*расхаживая по комнате*). Но зачем? Не могу вообразить.

БАТТЛ (*значительно*). Кто вас ненавидит, мистер **Стрейндж**? Ненавидит настолько, что хочет, чтобы вас повесили за преступление, которого вы не совершали?

Стеррасы входит Ройд и медленно приближается к ломберному столику

З а н а в е с

Действие третье

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Та же гостиная на следующее утро, часов в одиннадцать. Мебель передвинута на прежние места, если не считать кофейного столика — он стоит теперь у окна. Нет и корзинки с рукодельем. Комната ярко освещена утренним солнцем, окно и стеклянная дверь распахнуты. Ройд стоит, глядя в окно. С террасы входит Мэри, несколько бледная и озабоченная.

МЭРИ. О Господи!

РОЙД. Что-нибудь стряслось? (*Закрывает окно и поворачивается к ней.*)

МЭРИ (*с истерическим смешком*). Только вы, Томас, можете задать такой вопрос! В доме человека убили, а он — «Что-нибудь стряслось?» (*Садится на диван.*)

РОЙД. Я думал, вдруг еще что-нибудь.

МЭРИ. Да, я поняла. Все-таки такое облегчение, когда хоть кто-нибудь ведет себя как ни в чем не бывало.

РОЙД. А что толку дергаться по всякому поводу?

МЭРИ. Нет, но вы ведь человек очень тонкий, я знаю. Ума не приложу, как вам удастся так держаться.

РОЙД. Да просто меня все это особенно не коснулось.

МЭРИ. Это верно. Не знаю, что бы мы делали без вас. Вы — наш оплот.

РОЙД. Человек-стена, да?

МЭРИ. В доме до сих пор полно полицейских.

РОЙД. Я заметил. С утра нашел одного в ванной. Пришлось его вытурить оттуда, чтобы побриться. (*Садится в кресло.*)

МЭРИ. Вы ухитряетесь натекать на них в самых неожиданных местах. (*Встает.*) Они что-то ищут. (*Поеживаясь.*) Бедняга Невил был прямо на волосок от беды.

РОЙД. Н-да. (*Мрачно.*) Ничего не могу с собой поделать — приятно было, когда они его прижали. А то слишком у него довольная рожа.

МЭРИ. Просто у него стиль такой.

РОЙД. Просто ему дьявольски везет. Наберись против кого другого такая куча улик, парень пропал бы с концами.

МЭРИ. Все-таки убийца наверняка кто-то посторонний.

РОЙД. Нет. Это как раз уже доказано. Утром все замки и задвижки были заперты.

Мэри идет к окну и рассматривает задвижку.

Да и вам-то кто подсыпал снотворного? Нет, это свои.

МЭРИ (*качая головой*). Невозможно поверить, что это один из нас.

С террасы входит Латимер, неся в руке свой пиджак

ЛАТИМЕР. Привет, Ройд. Доброе утро, мисс Олдин. Вы Кей не видели?

МЭРИ. Думаю, она у себя, мистер Латимер.

ЛАТИМЕР (*кладет пиджак на диван*). Хотел позвать ее на ленч в отель — тут ей, думаю, не слишком весело, с учетом нынешних обстоятельств.

МЭРИ. После того, что случилось, от нас особой веселости ждать не приходится.

ЛАТИМЕР. Вот я и говорю. Но для Кей все иначе, понимаете? Старушка для нее не очень много значила.

МЭРИ. Разумеется, Кей не знала леди Трессилиан так, как все мы.

ЛАТИМЕР. Скверная история. У нас в отеле тоже полно полиции.

МЭРИ. Что им нужно?

ЛАТИМЕР. Да насчет Стрейнджа все вынюхивают, надо думать. Уж так меня выпрашивали! Я сказал им, что Невил был со мной с одиннадцати до половины третьего. Помоему, их это удовлетворило. Повезло ему, что в ту ночь он решил податься со мной в отель.

РОЙД (*встает*). Очень повезло. (*Направляется к двери в соседнюю комнату.*) Пойду наверх, Латимер. И если встречу Кей, скажу ей, что вы здесь.

ЛАТИМЕР. Спасибо.

Ройд выходит

(*Глядит какое-то время ему вслед, потом берет пиджак и достает из кармана сигареты.*) Странный парень! Загнал

себя в бутылку и теперь пуще всего боится, как бы пробка не выскочила. Может, Одри наконец вознаградит эту пожизненную собачью преданность? (*Закуривает.*)

МЭРИ (*направляясь к двери в соседнюю комнату; досадливо*). Не знаю — да и не наше это дело. (*Помедлив на пороге, оборачивается.*) А полицейские вам что-нибудь говорили — кого они теперь подозревают?

ЛАТИМЕР. Таких признаний они не делали.

МЭРИ. Понятно. Но, может быть, по вопросам, что они задавали...

Входит Кей

КЕЙ (*идет к Латимеру*). Привет, Тед. Так мило, что ты зашел!

ЛАТИМЕР. Я подумал, тебе надо чуток развеяться.

КЕЙ. Как ты прав! В этом доме было до того тяжело, зато теперь...

ЛАТИМЕР. Как насчет автомобильной прогулки и ленча в отеле — или в любом другом месте, где пожелаешь?

КЕЙ. Я не знаю — как Невил

ЛАТИМЕР. Я не Невила приглашаю, а тебя.

КЕЙ. Я без Невила не поеду, Тед. Да ему тоже наверняка полезно будет отсюда вырваться, хоть ненадолго.

ЛАТИМЕР (*пожав плечами*). Ну хорошо — тащи его с собой, куда захочешь. Мне-то что.

КЕЙ. А правда, Мэри, где Невил?..

МЭРИ. Не знаю. Наверно, где-нибудь в саду.

КЕЙ (*идет к стеклянной двери*). Пойду поищу его. Я ненадолго, Тед. (*Выходит на террасу.*)

ЛАТИМЕР (*сердито меряет комнату шагами*). Что она в нем нашла — ума не приложу. Он же ее с грязью смешал.

МЭРИ. По-моему, она уже готова его простить.

ЛАТИМЕР. Ну и зря! Ведь теперь она получит свою долю старушкиных денег и может ехать куда захочет и делать что вздумается. Наконец у нее появился шанс зажить своей собственной жизнью.

МЭРИ (*садится в кресло, угрюмо*). А это вообще возможно — жить собственной жизнью? Не иллюзия ли это? Мы загадываем, планируем на будущее — а никакого будущего на самом деле и нет.

ЛАТИМЕР. В тот вечер вы говорили по-другому.

МЭРИ. Я помню. Только с тех пор словно вечность прошла. Столько всего случилось...

ЛАТИМЕР. В частности, убийство.

МЭРИ. Вы бы так не ерничали, мистер Латимер, если бы...

ЛАТИМЕР. Если бы что, мисс Олдин?

МЭРИ. Если бы то коснулось вас так же, как меня.

ЛАТИМЕР. Да уж. На сей раз посторонним быть приятнее.

С террасы входят Кей и Невил Вид у Кей раздосадованный.

КЕЙ (*с порога*). Ничего не получится, Тед. (*Идет к окну*.) Невил не хочет — значит, мы никуда не поедem.

НЕВИЛ. Я не очень представляю себе, как бы мы теперь поехали. Ужасно мило с вашей стороны, Латимер, — но после того, что случилось, подобные вещи как-то неуместны.

ЛАТИМЕР. Не понимаю, почему нам нельзя отлучиться на ленч — питаться-то надо!

НЕВИЛ. Поесть можно и здесь. (*Идет к Кей.*) Сама подумай, Кей, нельзя же нам сейчас отправляться на увеселительную прогулку. Еще ведь не было дознания.

ЛАТИМЕР. Раз так, Стрейндж, я отзываю свое приглашение. (*Берет свой пиджак и направляется к двери.*)

МЭРИ (*встает*). Может, вы все-таки останетесь на ленч у нас, мистер Латимер?

ЛАТИМЕР. Если вы так настаиваете, мисс Олдин...

НЕВИЛ. Да, оставайтесь, Латимер.

КЕЙ. Останешься, Тед?

ЛАТИМЕР. Спасибо — раз так, то пожалуй.

МЭРИ. Только сразу предупреждаю: с ленчем может случиться лотерея. Боюсь, прислуга все перепутает — полицейские заглядывают на кухню буквально каждые две минуты.

ЛАТИМЕР. Ничего страшного...

МЭРИ. Конечно нет — что же тут может быть страшного?

Из соседней комнаты входит Одри Кей принимается листать журналы на кофейном столике.

ОДРИ. Никто не видел мистера Тривза?

НЕВИЛ. После завтрака — нет.

МЭРИ. Он беседовал в саду с инспектором с полчаса назад. Он вам нужен?

ОДРИ. О нет, я просто хотела знать, где он.

НЕВИЛ (*выглядывая на террасу*). Вот они идут. Правда, без мистера Тривза. Только суперинтендант Баттл и инспектор Лич.

МЭРИ (*в замешательстве*). Как вы думаете, что им теперь надо?

Общее напряженное ожидание С террасы входят Баттл и Лич Лич с большим бумажным свертком в руке подходит к дивану.

БАТТЛ. Надеюсь, мы вам не помешали. Хотелось бы прояснить еще один-два момента.

НЕВИЛ. Я уж думал, вы все досконально изучили, суперинтендант.

БАТТЛ. Не совсем, мистер Стрейндж. (*Достает из кармана маленькую женскую замшевую перчатку.*) Вот, к примеру, перчатка — чья она? (*К Одри*) Не ваша, миссис Стрейндж?

ОДРИ (*качая головой*). Нет, не моя. (*Садится в кресло*)

БАТТЛ (*протягивая перчатку Мэри*). Мисс Олдин?

МЭРИ. Не думаю. Таких у меня нет.

БАТТЛ (*к Кей*). Может быть, ваша?

КЕЙ. Нет. Уверена, что не моя.

БАТТЛ (*надвигаясь на Кей*). Может, вы ее где-то обронили? Это левая.

Кей примеряет перчатку, но она ей мала.

(*Подходит к Мэри.*) Не померяете, мисс Олдин?

Мэри примеряет, но перчатка мала и ей.

(*Идет к Одри.*) Думаю, вам она будет в самый раз. У вас тут самые маленькие руки.

Одри нехотя берет перчатку

НЕВИЛ (*резко*). Кажется, вам уже сказали, что перчатка не ее?

БАТТЛ (*благодарушно*). Могли ошибиться — или забыть.

ОДРИ. Может, и моя — все перчатки так похожи.

БАТТЛ. Примерьте ее, мисс Стрейндж.

Одри надевает перчатку на левую руку Все видят, что она ей впору.

Похоже, она в самом деле ваша — во всяком случае, нашли ее за вашим окном в зарослях плюща. Вместе с правой.

ОДРИ (*с трудом*). Я... Я не знаю! Я ничего об этом не знаю. (*Поспешно сдергивает перчатку и протягивает Баттлу.*)

НЕВИЛ. Слушайте, суперинтендант, к чему вы клоните?

БАТТЛ (*Невилу*). Простите, нельзя ли нам с вами поговорить с глазу на глаз, мистер Стрейндж?

ЛАТИМЕР (*идет к террасе*). Пойдем, Кей, прогуляемся по саду.

Кей и Латимер выходят на террасу

БАТТЛ. Я вовсе не хотел никого беспокоить. (*Невилу*.) Может, есть место, где бы мы...

МЭРИ (*встает*). Я так и так ухажу. Пойдемте, Одри?

ОДРИ (*как во сне*). Да. Да. (*Растерянно кивает и с трудом, медленно встает.*)

Мэри поддерживает ее. Уходят

НЕВИЛ (*садится на диван*). Итак, суперинтендант? Что еще за бредовая история с перчатками за окном Одри?

БАТТЛ. Вовсе не бредовая, сэр. Мы обнаружили в доме и другие любопытные вещи.

НЕВИЛ. Любопытные? В каком смысле?

БАТТЛ. Покажи ему, Джим.

Лич вынимает из свертка тяжелую кованую кочергу и протягивает Баттлу.

(*Показывает кочергу Невилу.*) Вот, например. Старинная викторианская кочерга.

НЕВИЛ. Думаете, это она ею...

БАТТЛ. Ею на самом деле воспользовался убийца? Да, мистер Стрейндж. Я думаю именно так.

НЕВИЛ. Но почему? На ней нет никаких пятен.

БАТТЛ. Их отмыли, а кочергу отнесли на место, в ту же комнату, откуда ее взяли. Но пятна крови полностью удалить не так легко. Их следы мы все равно нашли. (*Кладет кочергу на подоконник.*)

НЕВИЛ (*хрипло*). В чью комнату?

БАТТЛ (*вскинув взгляд на Невила*). Погодите, дойдем и до этого. У меня к вам другой вопрос. На смокинге, в котором вы были в тот вечер, обнаружены светлые волосы — на внутренней стороне ворота и на плечах. Вам известно, откуда они могли там появиться?

НЕВИЛ. Нет.

БАТТЛ. Это женские волосы, сэр. Светлые волосы. И еще несколько рыжих — на рукавах.

НЕВИЛ. Рыжие волосы у моей жены — Кей. Вы полагаете, светлые принадлежат Одри?

БАТТЛ. О да, сэр. Несомненно. Такие же точно мы нашли на ее щетке для волос.

НЕВИЛ. Пожалуй. Ну и что? Вчера, например, я зацепился пуговицей обшлага за волос Одри — вчера на террасе.

ЛИЧ. В таком случае волосы были бы на обшлагае, сэр. А не на внутренней стороне ворота.

НЕВИЛ (*встает*). Это что, обвинение?

БАТТЛ. На той же внутренней стороне ворота обнаружены следы пудры — весьма дорогой пудры «Примавера-Натурель», с очень тонким ароматом. Если вы станете мне говорить, что это вы пользуетесь ею, мистер Стрейндж, я вам все равно не поверю. А у миссис Кей Стрейндж другая пудра — «Поцелуй знойной орхидеи». «Примаверой» пользуется только миссис Одри Стрейндж.

НЕВИЛ. Допустим.

БАТТЛ. Очевидно, миссис Одри Стрейндж для чего-то действительно надевала ваш смокинг. Это единственное разумное объяснение, как волосы и пудра попали на внутреннюю сторону его ворота. Вы видели перчатку, найденную в плюше за ее окном. Это — ее перчатка. Левая. А вот и правая. (*Достает из кармана перчатку, заскорузлую от крови.*)

НЕВИЛ (*хрипло*). Что? В чем она?

БАТТЛ. В крови, мистер Стрейндж. (*Передает перчатку Личу.*)

Лич уносит перчатку.

Причем той же группы, что у леди Трессилиан. Довольно редкой группы.

НЕВИЛ (*медленно бредет прочь*). Боже милостивый! Вы хотите сказать... Одри — Одри! — могла тщательно готовить убийство старой леди, которую она знала много лет, — ради этих денег? (*Повысив голос.*) Одри?

Из соседней комнаты стремительно входит Ройд.

РОЙД. Простите, что помешал. Но я хотел бы присутствовать.

НЕВИЛ (*досадливо*). Зачем, Томас? Это частное дело.

РОЙД. Боюсь, сие мне безразлично. Видишь ли, я слышал имя Одри

НЕВИЛ (*сердито*). Какое, черт побери, отношение имеет имя Одри к тебе?

РОЙД. А к тебе, коли на то пошло? Я приехал сюда, чтобы сделать ей предложение, и, полагаю, она знает об этом. И более того — я намерен на ней жениться.

НЕВИЛ. Думаю, выдержи тебе не занимать.

РОЙД. Думай что угодно. А я останусь здесь.

Баттл кашляет.

НЕВИЛ. Что ж, ладно. Простите, суперинтендант, нас прервали. Суперинтендант предполагает, будто Одри — Одри! — совершила это зверское нападение на Камиллу и убила ее. Мотив — деньги.

БАТТЛ. Что мотив — деньги, я не говорил. И не думаю, что это так, хотя пятьдесят тысяч — вообще-то мотив весомый. Нет, по-моему, объектом этого преступления стали вы, мистер Стрейндж.

НЕВИЛ (*изумленно*). Я?

БАТТЛ. Я уже спрашивал вас, кто вас ненавидит. Ответ, полагаю, ясен: Одри Стрейндж.

НЕВИЛ. Невозможно. За что? Не понимаю.

БАТТЛ. С тех пор как вы бросили ее ради другой женщины, Одри Стрейндж вынашивала план мести. На мой взгляд — между нами — она, кажется, малость не в себе. Думаю, именитые врачи подтвердили бы мое предположение, только называли бы это длинными заумными словами. В общем, ей мало было просто вас убить. Она решила отправить вас на виселицу за убийство.

Ройд рассказывает по комнате.

НЕВИЛ (*потрясенно*). Я никогда не смогу в это поверить! (*Садится на спинку дивана.*)

БАТТЛ. Она надела ваш смокинг, она подбросила в спальню леди Трессилиан вашу клюшку для гольфа, измазанную в крови убитой и с налепленными седыми волосами. Единственной вещи она не могла предусмотреть — что леди Трессилиан позвонит мисс Олдин уже после вашего ухода.

НЕВИЛ. Это неправда — не может быть правдой. Вы ничего не понимаете. Одри меня ни разу не упрекнула, она всегда была такая мягкая, кроткая...

БАТТЛ. Спорить с вами, мистер Стрейндж, в мои планы не входит. Я просто хотел вас подготовить. Боюсь, мне придется предупредить миссис Одри Стрейндж как положено и попросить ее пройти со мной.

НЕВИЛ (*вскакивает*). То есть — вы хотите ее арестовать?

БАТТЛ. Да, сэр.

НЕВИЛ. Вы не можете — не можете — это какая-то нелепость!

Ройд подходит к Невилу.

РОЙД (*толкнув Невила на диван*). Не распускайтесь, Стрейндж. Вы что, не понимаете, что единственное, чем

можно помочь Одри — это, отбросив все галантности, сказать правду.

НЕВИЛ. Правду? Про что?

РОЙД. Про Одри и Адриана. (*Повернувшись к Баттлу.*) Простите, суперинтендант, но вы заблуждаетесь относительно некоторых фактов. Стрейндж вовсе не бросил Одри ради другой женщины. Это она его бросила и убежала с моим братом Адрианом. А потом Адриан погиб в дорожной аварии — как раз когда ехал за Одри. Стрейндж повел себя благородно — сам подал на развод и взял всю вину на себя.

НЕВИЛ. Я не мог допустить, чтобы на суде трепали ее имя. Но я не предполагал, что об этом знает еще кто-то.

РОЙД. Адриан написал мне обо всем в письме незадолго до гибели. (*Баттлу.*) Видите, ваш мотив рухнул, верно? Одри не за что было ненавидеть Стрейнджа. Наоборот, у нее есть все основания быть ему благодарной!

НЕВИЛ (*встает, с пафосом*). Ройд прав! Прав! Этот мотив не годится. Одри не могла такого сделать.

С террасы влетает Кей, за ней понуро бредет Латимер.

КЕЙ. Могла! И сделала! Конечно, это она!

НЕВИЛ (*гневно*). Ты подслушивала?

КЕЙ. Разумеется. Это все Одри, говорю тебе. Я и не сомневалась, что это все она. (*Невилу.*) Разве не понимаешь? Она хотела отправить тебя на виселицу.

НЕВИЛ (*направляясь к Баттлу*). Вы ведь не станете ее арестовывать? Прямо сейчас?

БАТТЛ (*медленно*). Похоже, с мотивом я ошибся. Но остаются деньги.

КЕЙ. Что за деньги?

БАТТЛ. Пятьдесят тысяч фунтов леди Трессилиан завещаны миссис Одри Стрейндж.

КЕЙ (*ошарашенно*). Как — Одри? Мне! Деньги завещаны Невилу и его жене. Его жена — я, и половина суммы достанется мне.

Невил тихонько отходит в сторону.

БАТТЛ. Мне совершенно точно известно, что деньги завещаны Невилу Стрейнджу и «жене его Одри Стрейндж». Ей, а не вам. (*Делает знак Личу.*)

Лич поспешно выходит, за ним — Ройд.

КЕЙ (*шагнув к Невилу*). Но ты же говорил! Я-то думала...

НЕВИЛ (*меланхолически*). Я думал, ты знаешь. Мы же... я же получу пятьдесят фунтов. Разве мало?

БАТТЛ. Отвлечемся от мотива. Факты есть факты. И все факты свидетельствуют, что миссис Одри Стрейндж виновна.

Кей садится на диван.

НЕВИЛ. Вчера все факты свидетельствовали, что виновен я.

БАТТЛ (*смущенно*). Это верно. Но неужели вы всерьез считаете, будто я поверю, что здесь есть кто-то, ненавидящий вас обоих? И что этот некто, когда провалились его козни против Невила Стрейнджа, решил подставить Одри Стрейндж? Вы-то можете себе представить кого-нибудь, кто бы питал такую злобу и к вам, и к вашей жене?

НЕВИЛ (*подавленно*). Нет.

КЕЙ. Конечно, это все Одри. Она это планировала.

Из соседней комнаты, как сомнамбула, входит Одри. Ее сопровождает Лич.

ОДРИ. Вы звали меня, суперинтендант?

Сзади к Одри подходит Ройд. Невил поворачивается к ней лицом и спиной к публике.

БАТТЛ (*официальным тоном*). Одри Стрейндж, я арестую вас по обвинению в убийстве Камиллы Трессилиан, имевшем место в прошлый четверг, двадцать первого сентября. Должен вас предупредить, что все сказанное вами будет записано и может быть использовано как свидетельство на суде.

Кей встает и идет к Латимеру. Лич достает из кармана блокнот и застыивает в ожидании. Одри смотрит на Невила как загипнотизированная.

ОДРИ. Значит, вот оно... Вот оно свершилось.

НЕВИЛ (*отворачиваясь*). Где Тривз? Не говори ничего, я пошел за Тривзом. (*Выходит на террасу и оттуда окликает.*) Мистер Тривз!

Одри пошатывается, Ройд поддерживает ее

ОДРИ. О, нет спасенья, нет спасенья. (*Ройду.*) Милый Томас, как я рада: все кончено... кончено. (*Смотрит на Баттла.*) Я готова.

Лич записывает ее слова. Баттл невозмутим, остальные потрясенно смотрят на Одри. Она поворачивается и медленно выходит, за ней — Баттл и остальные. Свет гаснет.

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же гостиная. Вечер того же дня. Окна закрыты, шторы опущены, портьеры задернуты. Невил идет к стеклянной двери, отдергивает портьеру и распахивает дверь на террасу, потом идет к дивану. Открывается дверь в соседнюю комнату, на Невила падает луч света. Входит Тривз

ТРИВЗ. А, Невил. (*Включает свет в гостиной и закрывает за собой дверь.*)

НЕВИЛ (*нетерпеливо*). Вы видели Одри?

ТРИВЗ. Да. Я только что от нее.

НЕВИЛ. Как она? У нее есть все что нужно? Я хотел с ней днем повидаться, но меня не пустили.

ТРИВЗ (*садится в кресло*). В настоящее время у нее нет желания с кем-либо видаться.

НЕВИЛ. Бедняжка! Как ей сейчас тяжело! Мы должны ее оттуда вытащить.

ТРИВЗ. Я делаю все, что в моих силах, Невил.

НЕВИЛ (*расхаживая по комнате*). Вся эта история — вопиющая нелепица. Никто, будучи в здравом уме, никогда не поверит, будто Одри способна на убийство — да еще такое дикое!

ТРИВЗ (*предостерегающе*). Улики против нее очень серьезные!

НЕВИЛ. Знать не желаю этих улик!

ТРИВЗ. Боюсь, полиция несколько прагматичней.

НЕВИЛ. Но вы сами-то не верите, правда? Вы же не верите!

ТРИВЗ. Я не знаю, чему верить. Одри всегда была загадкой.

НЕВИЛ (*садится на диван*). О, чепуха! Она была просто милая и кроткая.

ТРИВЗ. Точнее — казалась.

НЕВИЛ. Казалась? Она такая на самом деле. Одри и насилие — несовместимые вещи. Только остолоп вроде Баттла может поверить в подобную несусветную чушь.

ТРИВЗ. Баттл далеко не остолоп, Невил. Я не раз имел случай убедиться в его проницательности.

НЕВИЛ. Что-то на сей раз особой проницательности не заметно. (*Встает.*) Боже милостивый, ну вы же не согласны с ним, правда? Вы же не верите в эти дурацкие бредни — будто Одри заранее все это спланировала, чтобы отомстить мне за женитьбу на Кей? Полная ерунда!

ТРИВЗ. Неужели? Любовь легко переходит в ненависть — и тебе, Невил, это известно.

НЕВИЛ. Но у нее нет причины меня ненавидеть. Этот мотив сразу рухнул — как только я рассказал им про про Адриана.

ТРИВЗ. Должен признаться, для меня эта история — полная неожиданность. Мне всегда казалось: это ты оставил Одри.

НЕВИЛ. Я и хотел, чтобы все так думали. Что мне еще оставалось? Для женщины куда тяжелее столкнуться лицом к лицу со всей этой мерзостью, сплетнями, грязью. Я не мог такого допустить.

ТРИВЗ. Очень, очень великодушно с твоей стороны, Невил!

НЕВИЛ (*садится*). Так поступил бы каждый. К тому же в известном смысле тут есть и моя вина.

ТРИВЗ. В чем же она?

НЕВИЛ. Ну, понимаете... Я встретил Кей — в Каннах — ну и, признаюсь, увлекся. Начал за ней ухаживать — ничего такого, но Одри была недовольна.

ТРИВЗ. Ты хочешь сказать, она ревновала?

НЕВИЛ. Ну, полагаю, да.

ТРИВЗ. Если так, то она вряд ли на самом деле была влюблена в Адриана.

НЕВИЛ. И я думаю, вряд ли.

ТРИВЗ. Тогда она ушла от тебя к нему с досады, что ты... мм... ухаживал за Кей.

НЕВИЛ. Примерно так.

ТРИВЗ. В таком случае первоначальный мотив вполне проходит.

НЕВИЛ. Что вы имеете в виду?

ТРИВЗ. Если Одри любила тебя и убежала с Адрианом просто в отместку — значит, она могла по-прежнему ненавидеть тебя — за то, что ты женился на Кей.

НЕВИЛ (*резко*). Нет! Она не питала ко мне ни малейшей ненависти. Наоборот — проявила столько участия, столько понимания!

ТРИВЗ. Проявила — возможно. А что при этом творилось у нее внутри?

НЕВИЛ (*вскакивает, почти шепотом*). Так вы тоже верите, что это сделала она? Верите, будто она убила Камиллу — таким зверским способом? (*Помолчав.*) Это не Одри. Клянусь, это не Одри. Говорю вам: я знаю ее. Я прожил с ней четыре года — этого достаточно, чтобы узнать человека и не

обмануться в нем. Но если даже вы считаете, что она виновна, — тогда шансов нет.

ТРИВЗ. Я высказал свое беспристрастное мнение, Невил! Шансов, на мой взгляд, почти не осталось. Я, разумеется, подыщу вам лучших адвокатов, но доводов у защиты крайне мало. Разве что душевная болезнь. Но сомневаюсь, что это нам существенно поможет.

Невил падает в кресло, закрыв лицо руками

НЕВИЛ *(еле слышно)*. Боже!

Входит Мэри, напряженная, но держится спокойно

МЭРИ. Мистер Тривз! *(Заметив Невила.)* Э... там в столовой бутерброды на столе, если кто хочет.

НЕВИЛ *(отворачивается)*. Бутерброды!

ТРИВЗ *(мягко)*. Жизнь продолжается, Невил.

НЕВИЛ *(к Мэри)*. Вы думаете, Мэри, что это она?

МЭРИ *(помолчав)*. Нет. *(Берет Невила за руку.)*

НЕВИЛ. Хвала Создателю — хоть кто-то, кроме меня, ей верит.

С террасы входит Кей

КЕЙ. Тед сейчас придет — только машину заведет на дорожку. А я прошла садом.

НЕВИЛ *(вскочив)*. Опять этот Латимер сюда заявился! Что он, пять минут не может побыть один?

ТРИВЗ. Это я за ним послал, Невил. А Кей любезно выполнила мое поручение. Я и Баттла пригласил. Пока что я предпочел бы не вдаваться в детали. Скажем так, Невил: я хочу использовать последний шанс.

НЕВИЛ. Спасти Одри?

ТРИВЗ. Да.

КЕЙ *(Невилу)*. Ты что, не можешь уже и думать ни о чем другом, кроме Одри?

НЕВИЛ. Не могу.

Кей отходит к дивану С террасы входит Латимер и направляется к Тривзу

ЛАТИМЕР. Я спешил как мог, мистер Тривз. Кей не объяснила мне, зачем вы меня зовете, сказала только, что это очень срочно.

КЕЙ. Я сказала только то, что мне велели. Я и сама понятия не имею, что тут происходит.

МЭРИ (*садится на диван*). Этого, Кей, никто из нас не знает. Как вы поняли, мистер Тривз пытается помочь Одри.

КЕЙ. Одри, Одри, Одри! Только это и слышу: Одри! Я чувствую, ее призрак будет преследовать до самой смерти.

НЕВИЛ. Кей, ты говоришь ужасные вещи!

ЛАТИМЕР (*сердито*). Да вы что, не видите, у нее нервы на пределе?

НЕВИЛ. Как у всех нас.

Латимер подходит к Кей и становится у нее за спиной. Из соседней комнаты входит Ройд.

РОЙД. Суперинтендант Баттл уже тут. (*Тривзу.*) Говорит, вы его звали.

ТРИВЗ. Попросите его.

Ройд поворачивается и выходит. Входит Баттл.

БАТТЛ. Добрый вечер! (*Вопросительно смотрит на Тривза.*)

ТРИВЗ. Благодарю вас, суперинтендант, что не заставили нас ждать. Вы сберегли драгоценное время.

НЕВИЛ (*с горечью*). Особенно когда быстренько сцапали свою жертву.

ТРИВЗ. С такими замечаниями, Невил, боюсь, мы недалеко уйдем.

НЕВИЛ. Прошу прощения, Баттл. Виноват.

БАТТЛ. Ничего, сэр.

ТРИВЗ (*указывая на стул*). Садитесь, Баттл.

БАТТЛ (*садится*). Спасибо, сэр.

ТРИВЗ. Мистер Ройд сказал мне позавчера кое-что, Баттл, о чем я впоследствии много раздумывал.

РОЙД. Я сказал?

ТРИВЗ. Да, Томас. Вы рассказывали, что читали детектив, и заметили, что детективы не с того начинаются. Что убийство — это не начало истории, а конец. И конечно, вы оказались совершенно правы. Убийство — это кульминация, результат стечения обстоятельств, сходящихся в некий момент в некой точке. Этот момент вы весьма образно назвали часом Зеро.

РОЙД. Припоминаю.

НЕВИЛ (*нетерпеливо*). Но какое отношение все это имеет к Одри?

ТРИВЗ. Самое непосредственное. Потому что вот он настал — час Зеро.

Неловкая пауза.

МЭРИ. Но леди Трессилиан убили три дня назад.

ТРИВЗ. В данный момент я говорю не только и не столько об убийстве леди Трессилиан. Убийства бывают разные. Суперинтендант Баттл, допускаете ли вы, что все улики против Одри Стрейндж сфальсифицированы? Что кто-то взял кочергу из ее комнаты. Что кто-то испачкал кровью ее перчатки и засунул в плющ под окном. Что кто-то посыпал ее пудрой воротник смокинга Невила и туда же поместил волосы с ее щетки?

БАТТЛ *(растерянно)*. Полагаю, такое возможно, но...

КЕЙ. Но она же сама призналась, что виновна! Сама! Когда ее арестовали...

РОЙД. Она не признавалась...

КЕЙ. Она сказала, что нет спасения.

РОЙД. Она сказала: она рада, что все кончено.

КЕЙ. А чего же вам еще надо?

Тривз поднимает руку. Все умолкают. Невил медленно идет к окну и останавливается.

ТРИВЗ. Помните, Томас, когда суперинтендант вас спрашивал, не слышали ли вы чего-нибудь в ночь убийства, вы упомянули крыс? Крыс на чердаке над вашей комнатой?

РОЙД. Да.

ТРИВЗ. Ваше наблюдение меня заинтересовало. Я отправился на чердак — признаюсь, толком не представляя, за чем именно. Чердачная комната над вашей спальней, Томас, — это фактически чулан, забитый старым хламом. Все в пыли — за исключением одной вещи *(Идет к секретеру.)* На одной вещи никакой пыли не было. *(Берет с секретера большой моток тонкой веревки.)* Вот она. *(Подает ее Баттлу.)*

Баттл берет веревку и подымает брови от изумления.

БАТТЛ. Она мокрая!

ТРИВЗ. Да, все еще мокрая. И заметьте — никакой пыли. Ее забросили в чулан, надеясь, что там ее никто никогда не найдет.

БАТТЛ. Может, вы объясните нам, сэр, что все это значит? *(Возвращает Тривзу веревку.)*

ТРИВЗ. Это значит, что во время грозы в ночь убийства эта веревка болталась снаружи дома. Она была привязана к одному из окон и свисала к самой воде. *(Бросает веревку на столик.)* Вы говорили, суперинтендант, что убийца не мог

проникнуть в дом снаружи. Это не совсем так. Кое-кто все-таки мог войти и снаружи — вскарабкавшись от залива по отвесной скале.

БАТТЛ. Кто-то с того берега? Из Истерхеда?

ТРИВЗ. Да. (*Повернувшись к Невилу.*) Ты перебрался на пароме отправлением десять тридцать пять и должен был быть в отеле «Истерхед-Бей» без четверти одиннадцать. Но какое-то время ты не мог найти мистера Латимера, верно?

Латимер порывается что-то сказать, но удерживается.

НЕВИЛ. Верно. Я всюду смотрел. И в номере его не было — туда звонили.

ЛАТИМЕР. На самом деле я сидел на стеклянной веранде с некой жирной и болтливой тушей из Ланкашира. (*Непосредственно.*) Она желала еще танцевать — но я отвел ее в стойло. Она мне все ноги оттоптала.

ТРИВЗ. Стрейндж не смог найти вас до половины двенадцатого. Три четверти часа. Достаточно времени...

ЛАТИМЕР. Э, на что вы намекаете?

НЕВИЛ. Вы хотите сказать, он...

Кей в необычном возбуждении устремляется к Латимеру.

ТРИВЗ. Достаточно времени, чтобы раздеться, переплыть залив — в этом месте он узкий — вскарабкаться по веревке, сделать то, что было сделано, вернуться назад, одеться и встретить Невила в холле отеля.

ЛАТИМЕР. И оставить веревку болтаться за окошком? Вы с ума сошли, и вся ваша версия — бред сумасшедшего.

ТРИВЗ (*искоса глянув на Кей*). То же лицо, которое закрепило там для вас веревку, могло потом ее отвязать, смотреть и забросить на чердак.

ЛАТИМЕР (*в бешенстве*). Да как вы смеете! Вы не сможете навесить это на меня — и не пытайтесь! Я не смог бы таким манером влезть по веревке — и вообще, я плавать не умею. Говорю вам: я не умею плавать!

КЕЙ. Да, правда — Тед совершенно не умеет плавать.

ТРИВЗ (*мягко*). Да, плавать вы не умеете. В этом я уже удостоверился. (*Невилу.*) Но ты-то превосходный пловец, верно, Невил? И опытный альпинист. Для тебя это игрушки — переплыть залив, вскарабкаться по веревке, которую ты привязал заранее, пробраться в комнату леди Трессилян, убить ее и вернуться назад тем же путем. И масса вре-

мени, чтобы спрятать веревку — потом, после твоего возвращения в два тридцать. Ты не видел Латимера в отеле между десятью сорока пятью и половиной двенадцатого — но и он тоже тебя не видел. Это дает возможность двойного толкования.

Баттл становится у двери в соседнюю комнату.

НЕВИЛ. В жизни не слышал большей чепухи! Переплыть залив, убить Камиллу — зачем бы я стал все это устраивать?

ТРИВЗ. Чтобы отправить на виселицу женщину, которая предпочла тебе другого.

Кей без сил опускается на стул. Мэри пытается ей помочь. Ройд принимается рассказывать по комнате.

Она посмела тебе перечить — и ты решил ее покарать, этого требовало твое уязвленное самолюбие.

НЕВИЛ. Получается, я сам против себя подбросил улики?

ТРИВЗ (*направляется к Невилу*). Именно это ты и сделал. Но предварительно позвонил в звонок леди Трессилиан, дернув за шнурок из коридора, — чтобы Мэри убедилась, что ты выходишь из дома. Ведь леди Трессилиан не вспомнила, чтобы она звонила. Она и не звонила. Звонил ты, Невил.

НЕВИЛ (*идет к двери на террасу*). Какое-то нагромождение бреда и вранья!

С террасы входит Лич и останавливается в дверях.

ТРИВЗ. Ты убил леди Трессилиан, но истинное убийство — то, которое ты тайно лелеял в душе, — это убийство Одри Стрейндж. Тебе мало было погубить ее — ты хотел, чтобы она мучилась. Чтобы боялась! Она и в самом деле боялась — тебя. А ты упивался самой мыслью о ее страдании, не так ли?

НЕВИЛ (*садится на диван, тупо*). Ложь на лжи.

БАТТЛ (*приближаясь к Невилу*). Неужели? Мне-то случилось встречать людей вроде вас — скажем так, с заскоком. Ваше тщеславие было задето, когда Одри Стрейндж от вас ушла. Вы ведь любили ее — а у нее хватило наглости предпочесть другого мужчину.

Выражение лица Невила подтверждает эту версию.

(*Пристально глядя на Невила.*) И вы сочинили утонченный план — хитроумный, оригинальный. А то, что ради его

осуществления пришлось убить женщину, ставшую вам второй матерью, вас не остановило.

НЕВИЛ (*в ярости*). Она посмела устроить мне выволочку, как щенку! Но это ложь, сплошная ложь. И нет у меня никакого заскока.

БАТТЛ (*наблюдая за Невилом*). Ну как же нет? Есть! Признайтесь: жена ведь задела вас за живое, когда ушла к другому от вас — от великолепного Невила Стрейнджа! И вы спасали собственную гордость, повернув дело так, будто это вы ее бросили. Ради этого вы даже женились на другой девушке.

КЕЙ. О! (*Поворачивается к Мэри, та обнимает ее.*)

БАТТЛ. Но все это время вы вынашивали план — как отомстить Одри. К сожалению, у вас не хватило ума придумать что-нибудь получше.

НЕВИЛ (*плаксивым голосом*). Это неправда.

БАТТЛ. А Одри над вами смеялась, пока вы тут пыжились от гордости и думали, какой вы хитроумный. (*Повысив голос.*) Войдите, миссис Стрейндж.

Входит Одри. Невил вскакивает, придушенно вскрикнув Ройд подходит к Одри и обнимает ее рукой за плечи.

Да будет вам известно, мы и не думали ее арестовывать. Мы просто хотели оградить ее от вашего безумия — кто знает, что взбредет вам в голову, когда вы сообразите, что ваша глупая мальчишеская затея провалилась.

С террасы входит Бенсон Лич направляется к Невилу.

НЕВИЛ (*визжа от ярости*). Никакая она не глупая! Она умная, еще какая умная! Я продумал каждую мелочь. Откуда мне было знать, что Ройду известно про Одри и Адриана. Одри и Адриан... (*Обезумев от ярости, кричит на Одри.*) Как ты смела предпочесть мне этого Адриана? Будь проклята — тебя все равно повесят. Им придется тебя повесить. Придется! (*Бросается к Одри.*)

Баттл подает знак Бенсону и Личу, те с двух сторон обступают Невила. Одри прижалась к Ройду, еле сдерживая рыдания.

Оставьте меня. Я хочу, чтобы она умерла в страхе, — пусть боится до последней минуты. Ненавижу ее!

Одри и Ройд отворачиваются от Невила и идут прочь.

МЭРИ (*садится на диван, еще слышно*). Боже!

БАТТЛ. Уведите его, Джим.

Лич и Бенсон подходят к Невилу

НЕВИЛ (*неожиданно совершенно спокойным тоном*). Вы глубоко ошибаетесь. Я могу...

Лич и Бенсон ведут Невила к двери в соседнюю комнату. Неожиданно Невил ударяет Бенсона в челюсть, швыряет его на Лича и бросается бежать. Лич и Бенсон устремляются за ним.

БАТТЛ. Осторожно! Остановите его! (*Бросается следом*). За ним — не дайте ему уйти!

Тривз и Ройд выбегают в соседнюю комнату, Одри медленно идет к окну

РОЙД (*за сценой*). Он заперся в столовой!

БАТТЛ (*за сценой*). Ломайте дверь!

Из-за сцены доносятся удары по дереву. Кей встает.

КЕЙ (*уткнувшись лицом в плечо Латимера*). Тед... о, Тед! (*Рыдает.*)

Звон разбитого стекла, треск выламываемой двери

БАТТЛ (*за сценой*). Джим, быстро на дорогу! А я на обрыв!

(*Стремительно вбегает и бросается к стеклянной двери. Тяжело дыша.*) Выпрыгнул в окно столовой. Там — отвесная стена, а внизу скалы. Вряд ли есть шанс. (*Бежит на террасу.*)

Следом входит Бенсон и, пройдя через гостиную, выходит на террасу. Слышно, как он трижды свистит в свисток.

КЕЙ (*истерически*). Давай убежим отсюда. Я не могу. МЭРИ (*встает*). Почему бы вам не забрать ее в отель, мистер Латимер?

КЕЙ (*горячо*). Правда, Тед, ну пожалуйста — куда угодно, только прочь из этого места.

ЛАТИМЕР (*нежно*). Пойдем.

Кей и Латимер выходят на террасу. Мэри, кивнув, выходит в другую комнату. Одри идет к дивану, садится спиной к окну и плачет. Пауза. Затем шторы чуть раздвигаются. С подоконника бесшумно прыгивает Невил — волосы его взъерошены, лицо и руки в грязи, — крадется к Одри, глядя на нее с жестокой улыбкой.

НЕВИЛ. Одри.

Одри оборачивается.

(Тихим напряженным голосом.) Не ожидала, Одри, что я вернусь? Я обвел их вокруг пальца, Одри. Пока они ломались в дверь. Я швырнул в окно табуреткой, а сам взобрался на каменный выступ. Только мужчина, знающий, что такое горы, способен на такое — мужчина с сильными пальцами, как у меня. *(Подходит все ближе к Одри.)* У меня сильные пальцы, Одри, — а горло такое хрупкое. Они не повесят тебя, как я хотел, правда? Ну что ж, ты все равно умрешь той же самой смертью! *(Сдавливает пальцами ее горло.)* Ты не будешь ничьей — только моей!

Из соседней комнаты вбегает Лич. Бенсон врывается с террасы. Лич и Бенсон оттаскивают Невила от Одри и уводят.

Одри, задыхаясь, ловит ртом воздух.

Из соседней комнаты входит Ройд, недоуменно смотрит на террасу, куда повели Невила, идет туда — и по пути замечает Одри.

РОЙД *(останавливается, повернувшись к Одри)*. Ну, как ты — нормально?

ОДРИ. Нормально? Я? О Томас! *(Смеется.)*

Ройд идет к ней, протягивая руки.

З а н а в е с

ВЕРДИКТ

ПЬЕСА

Перевод

М. МАКАРОВОЙ

Verdict

1958

© Перевод. Макарова М., 2001

© Редакция. Издательство «Артикул-принт», 2001

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПРОФЕССОР КАРЛ ХЕНДРИК, мужчина 45 лет, с мужественной, привлекательной внешностью.

АНЯ ХЕНДРИК, жена профессора Хендрика, капризная, сварливая, вечно ноющая, глубоко больная женщина со следами былой красоты, 38 лет.

ЛИЗА КОЛЕЦКИ, высокая, красивая брюнетка, 35 лет, сильная и, что называется, загадочная личность.

ЛЕСТЕР КОУЛ, приятный, но несколько неуклюжий молодой человек, 24 лет.

ДОКТОР СТОУНЕР, семейный врач, 60 лет.

МИССИС РОУПЕР, служанка, вредная и пронырливая.

ХЕЛЕН РОЛЛАНДЕР, красивая, уверенная в себе девушка, 23 лет.

СЭР УИЛЬЯМ РОЛЛАНДЕР, отец мисс Ролландер, высокий седовласый человек с властными повадками.

ОГДЕН, инспектор полиции с совершенно невозмутимым лицом и приятными манерами.

ПИРС, сержант полиции.

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Ранняя весна, после полудня.

Гостиная в квартире профессора Хендрика на верхнем этаже старого дома в Блумсбери. Почти квадратная, комната с удобной старой мебелью. Первое, что бросается в глаза: книги. Книги везде, на полках вдоль стен, на столах, на стульях, на диване; даже на полу стопки книг. Через двойные двери в центре виден холл, куда выходит дверь спальни Лизы и дверь кухни. В самой комнате: справа — дверь в спальню Ани, слева — подъемное окно, выходящее на балкончик, увитый плющом; сквозь стекла видны дома на противоположной стороне улицы. Перед окном — письменный стол Карла, у стола — стул. Стол завален книгами, на нем телефон, календарь, пресс-папье и т.д. Рядом — шкафчик для пластинок, в нем, кроме них, книги, отдельные листы с записями лекций. Наверху стоит проигрыватель. По обе стороны от двойных дверей — встроенные книжные полки. У левой полки — небольшой рабочий столик Ани. Правее, впритык к двери — круглый трехъярусный журнальный столик. Над дверью в Анину комнату тоже полочки; на них книги, и пузырек с — Аниным лекарством. Под полками — небольшой буфет, ниже — еще шкафы, тоже заваленные книгами. У полок — стремянка. В центре комнаты — диван и круглый столик со стульями, а чуть слева — большое красное кресло. И на диване, и на кресле, и на столике со стульями — книги.

Постепенно загорается свет. На стремянке в неудобной позе — Лестер Кроул. Это приятный, но несколько неуклюжий молодой человек 24 лет, с роскошной шевелюрой. Одет он бедно. На стремянке у его ног — стопка книг. Лестер тянется к верхней полочке, достает одну за другой книги, листает, прочитывает страницу-другую, и либо ставит на место, либо кладет в стопку.

МИССИС РОУПЕР (*ее голос слышится слева из глубины прихожей*). Хорошо, мисс Колецки, я это сделаю перед уходом.

Миссис Роупер появляется в прихожей. Это служанка, пронырливая и вредная. Она несет в руке пальто и хозяйственную сумку, но, не дойдя до входной двери, быстро разворачивается и идет в гостиную. Лестер поглощен книгами, а она его явно не видит и крадется к письменному столу, на котором лежит пачка сигарет. Она уже протягивает руку, чтобы их прикарманить, но тут Лестер захлопывает очередную книгу. Перепуганная миссис Роупер резко разворачивается.

Ой, мистер Коул, оказывается, вы все еще здесь.

Лестер протягивает руку, чтобы поставить книгу на место, и чуть не падает с лестницы.

Вы уж поосторожнее. Эта лестница, она опасная. *(Надевает шляпку.)* В любой момент рассыплется, право слово, и что тогда с вами будет, хотела бы я знать. *(Надевает пальто.)*

ЛЕСТЕР. Я бы тоже.

За окном постепенно темнеет — солнце садится.

МИССИС РОУПЕР. Только вчера прочла в газете, как один джентльмен упал с лестницы в своей собственной библиотеке. В первый-то момент ничего такого не почувствовал, но потом ему стало плохо, и его отвезли в больницу. *(Накидывает шарф.)* Перелом ребра. И оно проткнуло легкое, ну вы представляете! *(С видимым удовольствием.)* Так на следующий день поминай как звали... *(наконец, обмотав шею шарфом)* помер.

ЛЕСТЕР. Веселенькие вы читаете газеты, миссис Роупер. *(Углубившись в книгу, не обращает на служанку внимания.)*

МИССИС РОУПЕР. Вот и с вами то же станет, коли будете так перегибаться. *(Смотрит на пачку сигарет, лежащую на письменном столе; оглядывается на Лестера. Видит, что он и не думает на нее смотреть, осторожно подбирается к столу, напевая что-то себе под нос и поглядывая на Лестера. Высыпает сигареты в карман, идет к двери, демонстративно неся в руке пустую пачку.)* Ой, ну надо же! Опять у профессора сигареты закончились.

За окном часы отбивают пять

Придется мне сбегать, купить ему еще пачку, пока они не закрылись. Скажите мисс Колецки, что я ненадолго, скоро принесу белье из прачечной. *(Берет сумку, выходит в прихожую.)* До свидания! *(Идет направо.)*

Хлопает входная дверь.

ЛЕСТЕР *(не отрываясь от книги)*. Непременно скажу.

Хлопает дверь в холле. Лестер, подпрыгнув от неожиданности,шибает стопку книг со ступеньки. Входит Лиза Колецки — высокая, красивая брюнетка 35 лет. Чувствуется, что это сильная женщина и, что называется, загадочная личность. В руках у нее грелка — бутылка с горячей водой.)

Простите, мисс Колецки, я сейчас все подниму. *(Спускается с лестницы, подбирает книги с полу.)*

ЛИЗА. Ничего страшного. Книгой больше, книгой меньше, какая разница.

ЛЕСТЕР *(кладет книги на стол у дивана)*. Знаете, вы меня испугали. Как себя чувствует миссис Хендрик?

ЛИЗА *(завинчивает пробку бутылки)*. Как всегда. Ей холодно. Вот, несу ей грелку.

ЛЕСТЕР. Она давно болеет?

ЛИЗА *(садится на левый подлокотник дивана)*. Пять лет.

ЛЕСТЕР. Ей когда-нибудь станет лучше?

ЛИЗА. Ей то лучше, то хуже.

ЛЕСТЕР. Это понятно. Я хочу сказать: она когда-нибудь поправится?

Лиза качает головой

Наверное, вам с ней нелегко.

ЛИЗА *(отчужденно)*. Вы правы, еще как нелегко.

ЛЕСТЕР *(взбирается на стремянку, оступается, снова лезет)*. А врачи ничего не могут сделать?

ЛИЗА. Нет. Лечить эту болезнь еще не научились. Может быть, когда-нибудь что-то придумают, а пока... *(Пожимает плечами.)* Пока ей лучше не станет. Месяц за месяцем, год за годом она только слабеет. Так может продолжаться долго, много лет.

ЛЕСТЕР. Да, тяжело. Ему тяжело. *(Спускается со стремянки.)*

ЛИЗА. Вы правы. Ему тяжело.

ЛЕСТЕР *(идет к дивану)*. Мне кажется, он очень о ней заботится.

ЛИЗА. Он ее очень любит.

ЛЕСТЕР *(садится на другой подлокотник)*. Какой она была в молодости?

ЛИЗА. Хорошенькая, очень хорошенькая. Блондинка с голубыми глазами. Хохотушка.

ЛЕСТЕР *(ошеломлен коварством судьбы)*. Знаете, это очень странно. Ну что с нами делает время. Люди так меняются.

Не поймешь, где реальность, где уже какая-то сказка о былом. И существует ли она вообще — реальность.

ЛИЗА (*встает, направляясь в Анину комнату*). Грелка — вот это реальность. (*Выходит, оставив дверь открытой.*)

Лестер тоже встает, берет с ближайшего к центру столика сумку, идет к красному креслу, перекладывает часть книг с кресла в сумку. Слышно, как Лиза беседует с Аней, но слов не разобрать. Лиза снова появляется на сцене.

ЛЕСТЕР (*несколько смущенно*). Профессор сказал, что я могу брать что захочу.

ЛИЗА (*разглядывая книги*). Раз он так сказал, то конечно.

ЛЕСТЕР. Он такой замечательный, вы не находите?

ЛИЗА (*углубившись в чтение одной из книг*). Ммм?

ЛЕСТЕР. Я говорю, профессор, он замечательный. Знаете, мы с друзьями все так думаем. Он классно умеет подать материал. Прошлое как будто оживает. (*Ненадолго замолкает.*) Я хочу сказать, когда он рассказывает, все становится понятно. Он редкий человек, вы не находите?

ЛИЗА. Да, умнейший.

ЛЕСТЕР (*садится на подлокотник кресла*). Нам крупно повезло, что ему пришлось эмигрировать. Но знаете, дело не только в уме. Тут и что-то другое.

Лиза выбирает книгу, идет к дивану, садится слева.

ЛИЗА. Я понимаю, о чем вы. (*Читает.*)

ЛЕСТЕР. Полное ощущение, что он все о тебе знает. Ну-у... как трудно все дается. Ничего не подделаешь, жизнь штука трудная, не так ли?

ЛИЗА (*не отрываясь от книги*). С какой такой стати?

ЛЕСТЕР (*удивленно*). Простите?

ЛИЗА. Не понимаю, с какой стати и вы и многие другие считают жизнь трудной. На мой взгляд, она крайне проста.

ЛЕСТЕР. Ну что вы, разве жизнь может быть простой?

ЛИЗА. Еще как может. Жизнь строится по определенной схеме, в ней есть острые углы, но их легко предугадать.

ЛЕСТЕР. Предугадать? Но как, на мой взгляд, это сплошной хаос. (*Осторожно.*) Вы, случайно, не последовательница «Христианской науки»?

ЛИЗА (*смеется*). Этого только не хватало!

ЛЕСТЕР. Но вы действительно считаете, что жить легко?

ЛИЗА. Этого я не говорила. Я сказала, что жизнь очень проста.

ЛЕСТЕР (*встает и подходит к ней*). Я знаю, вы такая хорошая... (*Смущенно.*) Так старательно ухаживаете за миссис Хендрик, и вообще...

ЛИЗА. Ухаживаю я за ней, потому что мне этого хочется, а не потому, что это хорошо.

ЛЕСТЕР. Но ведь вы могли бы найти более выгодную работу.

ЛИЗА. О, да. Это несложно. Я ведь физик. У меня и диплом есть.

ЛЕСТЕР *(явно потрясенный)*. Диплом? Но разве в таком случае... вам не следует устроиться на работу по специальности?

ЛИЗА. Простите, но что значит «следует»?

ЛЕСТЕР. Я хочу сказать, вы даром тратите время. Ваши способности, — ведь вы их теряете!

ЛИЗА. Если я что и теряю, так это чисто практические навыки. Что же касается моих способностей... представьте, мне нравится то, что я делаю, и я делаю это хорошо.

ЛЕСТЕР. Да, но...

Хлопает входная дверь. Входит Карл Хендрик. Ему 45 лет, у него мужественная привлекательная внешность. В руках — портфель и букетик весенних цветов. Он щелкает выключателем, зажигаются бра и настольные лампы. Лиза поднимается и смотрит на него; он улыбается ей; заметив Лестера, приветливо улыбается и ему.

КАРЛ. Здравствуй, Лиза.

ЛИЗА. Здравствуй, Карл.

КАРЛ. Смотри, настоящая весна. *(Протягивает ей букет.)*

ЛИЗА. Какая прелесть. *(Кладет цветы на круглый столик, берет у Карла пальто и шляпу и уходит.)*

КАРЛ. Решили взять еще книг? Отлично. Дайте-ка взглянуть, что вы выбрали.

Вместе рассматривают книги.

Лошен, это хорошо. У него здравый взгляд на вещи. И у Вермера тоже. А вот Зальцена, имейте в виду, иногда заносит.

ЛЕСТЕР. Раз так, сэр, я его не возьму.

КАРЛ. Нет-нет, почитайте. Я вас предупредил, но вам следует иметь собственное мнение.

ЛЕСТЕР. Спасибо, сэр. Я постараюсь. *(Проходит к круглому столику у дивана, берет книгу.)* Я принес Лофтуса. Вы правы, он заставляет шевелить мозгами. *(Снова кладет книгу на стол.)*

Карл проходит к письменному столу и выкладывает из портфеля несколько книг.

КАРЛ. Почему бы вам с нами не поужинать? *(Включает настольную лампу.)*

ЛЕСТЕР (*складывает книги в сумку*). Большое спасибо, сэр, но у меня сегодня свидание.

КАРЛ. Понятно. Что ж, тогда до понедельника. И вы уж поаккуратнее с книгами.

ЛЕСТЕР (*краснеет*). Непременно, сэр. Я... вы не представляете, как мне стыдно. Что я потерял ту книгу.

КАРЛ (*садится за письменный стол*). Не переживайте. Я тоже терял книги. Со всяким может случиться.

ЛЕСТЕР (*идет к дверям*). Вы так великодушны. Другой на вашем месте больше не дал бы мне ни единой книги.

КАРЛ. Да ну! Глупости! Всего хорошего, мой мальчик.

Лестер нехотя выходит в холл.

КАРЛ (*Лизе*). Как Аня?

ЛИЗА. Весь день была подавлена, раздражалась по пустякам, но потом уснула. Надеюсь, она все еще спит.

КАРЛ. Тогда не стану ее будить. Бедняжка, сон ей нужен как воздух.

ЛИЗА. Пойду, поставлю цветы в воду. (*Берет вазу с полки, выходит.*)

Возвращается Лестер, оглядывается. Увидев, что они с Карлом одни, подходит к красному креслу.

ЛЕСТЕР (*с места в карьер*). Сэр, я должен вам кое-что сказать. Обязательно. Я... я... не терял ту книгу...

Входит Лиза, в руках у нее ваза с цветами. Незаметно проходит к столику у дивана, ставит на него цветы.

Я... я ее продал.

КАРЛ (*добродушно кивает, не поворачивая головы; он отнюдь не удивлен*). Понятно. Вы ее продали.

ЛЕСТЕР. Я... я не хотел говорить. Сам не знаю, почему я это сделал. Просто вы должны это знать. Можете думать обо мне что угодно.

КАРЛ (*оборачивается, задумчиво*). Значит, продали. И за сколько?

ЛЕСТЕР (*не без гордости*). Мне дали за нее два фунта.

КАРЛ. Вам нужны были деньги?

ЛЕСТЕР. Да. Очень.

КАРЛ (*встает*). Зачем они вам понадобились?

ЛЕСТЕР (*отводит глаза*). Видите ли, у меня мама очень бо-
лела... (*Осекишись*). Нет, хватит лгать. Мне нужно было... По-
нимаєте, у меня есть девушка. Я хотел повести ее куда-нибудь.

Карл неожиданно улыбается, подходит к Лестеру.

КАРЛ. Ах, вот как! Вы решили потратить их на девушку. Понятно. Замечательно. Просто великолепно.

ЛЕСТЕР. Великолепно? Но...

КАРЛ. Это так естественно. О, да, вы очень плохо поступили, когда украли мою книгу, и когда лгали мне. Но уж если совершать дурные поступки, так хоть с благой целью. А в вашем возрасте самая благая цель — встречаться с девушкой и радоваться жизни. *(Похлопывает Лестера по плечу.)* Она хорошенькая, ваша подружка?

ЛЕСТЕР *(смущенно)*. Да, конечно. Думаю, что да. *(Гораздо более уверенно.)* Если честно, она просто красавица.

КАРЛ *(понимая, усмехается)*. И вы хорошо провели время на эти два фунта?

ЛЕСТЕР. В общем-то, да. Понимаете, сначала я жутко радовался, но потом... потом мне стало не по себе.

КАРЛ *(садится подлокотник кресла)*. Вам стало не по себе. Это почему же?

ЛЕСТЕР. Поверьте, сэр, мне жутко стыдно, такого больше никогда не повторится. И вообще... я накоплю денег и выкуплю вашу книгу. Я верну ее вам.

КАРЛ *(серьезно)*. Что ж, надеюсь, так все и будет. А теперь — выше нос, и хватит об этом.

Во взгляде Лестера читается горячая благодарность; он направляется в холл и уходит; Лиза медленно приближается к Карлу

(Кивает.) Я рад, что он сам все рассказал. Конечно, я надеялся, что он так и сделает, но уверенности у меня не было.

ЛИЗА *(подходя)*. Значит, ты знал, что он ее украл?

КАРЛ. Конечно, знал.

ЛИЗА *(удивленно)*. Но ты и вида не подал.

КАРЛ. Именно.

ЛИЗА. Но почему?

КАРЛ. Говорю тебе, я надеялся, что он сам мне расскажет.

ЛИЗА *(помолчав)*. Что книга была ценная?

КАРЛ *(встает, идет к письменному столу)*. Скорее, бесценная.

ЛИЗА *(отворачивается)*. О, Карл...

КАРЛ. Дурачок, он так радовался тому, что получил за нее два фунта. Должно быть, ее уже продали фунтов за сорок.

ЛИЗА. Значит, он не сможет ее выкупить?

КАРЛ *(усаживается за стол)*. Нет.

ЛИЗА (*останавливается возле его стула*). Карл, я тебя не понимаю. (*Теряя терпение.*) Иногда мне кажется, что ты нарочно позволяешь так с собой обращаться, позволяешь себя обманывать, обкрадывать...

КАРЛ (*очень мягко, но с явным удовольствием*). Но, Лиза, какой же это обман, раз я все знал.

ЛИЗА. Тем хуже. Воровство есть воровство. Твое благодушие лишь поощряет воришек.

КАРЛ (*удивлен, задумался*). Ты так считаешь? Но тут я готов с тобой поспорить.

ЛИЗА (*в ярости меряет шагами комнату*). Ты иногда доводишь меня до бешенства!

КАРЛ. Иногда? Я постоянно действую тебе на нервы.

ЛИЗА. Этот жалкий мальчишка...

КАРЛ (*встает*). У этого жалкого мальчишки хорошие задатки. Настоящего ученого. А это, знаешь ли, редкость. Большая редкость. Остальные — милые серьезные мальчишки и девочки, они искренне хотят учиться, но, как говорится, не всем дано.

Лиза садится на подлокотник дивана, Карл подходит, останавливается рядом.

Да, Лестер Коул — из другого теста. Из него выйдет блистательный ученый.

Лиза уже успокоилась, она ласково дотрагивается до руки Карла, тот печально улыбается

Если бы ты знала, сколько радости доставляет один такой Лестер изнемогающему от тоски профессору.

ЛИЗА. Понимаю. Вокруг сплошные середнячки.

КАРЛ. Ладно бы середнячки. (*Протягивает Лизе сигарету, подносит спичку, садится на диван.*) Я готов тратить время на честных зубрил, даже если они не слишком умны. Но тех, кто просто собирается бравировать знаниями, щеголять ими как щеголяют драгоценностями, — дилетантов, требующих, чтобы им все разжевали, — я не потерплю. Одну такую личность я как раз сегодня и отослал прочь.

ЛИЗА. И кто же это?

КАРЛ. Донельзя избалованная девица. Естественно, никто не запрещает ей ходить на лекции, хоть толку от этого никакого, но она, видите ли, желает еще индивидуальных занятий.

ЛИЗА. И даже готова за них платить?

КАРЛ. Да, именно так. Насколько я понимаю, ее па-
почка невероятно богат и покупает ей все, что ее душе угод-
но. Что ж, меня ему не купить.

ЛИЗА. Лишние деньги нам бы не помешали.

КАРЛ. Разумеется, но, видишь ли, Лиза, у меня совсем
нет свободного времени. Двое моих учеников... одного ты
знаешь, это Сидни Абрахамсон. Другой — сын шахтера.
Оба очень способные и целеустремленные. Из них выйдет
толк. Но образование у них неважноецкое. Мне нужно их
подтянуть, иначе у них нет ни единого шанса.

Лиза встает, и стряхивает пепел в пепельницу на столе

Понимаешь, Лиза, они стоят того, — действительно стоят.

ЛИЗА. Я понимаю, что тебя не переделать. Ты спокой-
но смотришь, как студент крадет у тебя ценную книгу, ты
отказываешь богатой ученице, чтобы позаниматься с тем,
у которого нет ни пенни. Все это, конечно, очень благо-
родно, да только благородством не заплатишь ни булочни-
ку, ни бакалейщику.

КАРЛ. Но, Лиза, наши дела не настолько плохи.

ЛИЗА. Согласна. Но лишние деньги нам очень бы при-
годились. Взять хотя бы эту гостиную. Ее можно сделать
такой нарядной и уютной...

Справа доносится стук палки

А вот и Аня проснулась.

КАРЛ (*встает*). Пойду к ней. (*Уходит.*)

Лиза вдыхает и, с улыбкой покачав головой, принимается освобож-
дать кресло от книг, перенося их на столик у дивана. С улицы доносит-
ся звук шарманки. Лиза берет со стола книгу, усаживается на подло-
котник дивана, углубляется в чтение. В холле появляется миссис Ро-
упер; в руках у нее большой пакет с бельем. Она относит его на кухню
и входит в гостиную, с хозяйственной сумкой

МИССИС РОУПЕР. Вот, принесла белье из прачечной.
(*Идет к письменному столу.*) И сигарет профессору купила —
он снова все искурил. (*Вынимает из сумки пачку, кладет на
стол.*) Уж я-то знаю, что с мужчинами делается, когда у
них курево кончается! Посмотрели бы вы на мистера Фри-
мантла — я до вас у него работала. (*Ставит сумку возле
кресла.*) Страх, да и только! Ругал всех и вся, когда в пачке
пусто. И к жене все время придибался, так вот. Они вооб-

ще терпеть друг дружку не могли. У него была секретарша. Та еще штучка, доложу я вам. Я там всякого насмотрелась! Когда они разводились, я много чего могла бы порассказать, кому следует. Я и собиралась, да мистер Роупер меня отговорил. «Айви, — сказал он, — не плюй против ветра».

В дверь звонят.

Я пойду открою?

ЛИЗА *(встает)*. Да, если вам не трудно.

ДОКТОР *(за сценой)*. Добрый вечер, миссис Роупер.

Входит миссис Роупер; следом за ней — доктор Стоунер. Это типичный семейный врач старой закалки, лет шестидесяти. Сразу видно, что здесь он чувствует себя как дома.

МИССИС РОУПЕР. Доктор пришел.

ДОКТОР *(Лизе)*. Здравствуйте, голубушка. *(Оглядывает разбросанные по комнате книги.)*

ЛИЗА *(подходя)*. Здравствуйте, доктор.

МИССИС РОУПЕР *(забирает свою сумку)*. Ну, мне пора. Ах, чуть не забыла. Мисс Колецки, утром прихвачу четверть фунта чаю, опять в чайнице пусто. До свидания. *(Удается, закрыв за собой дверь.)*

ДОКТОР. Что скажете, Лиза? Как дела?

Лиза закладывает страницу клочком оберточной бумаги от букета

По-моему, книг заметно прибавилось. Или мне только кажется? *(Он перекладывает книги с дивана на круглый столик.)*

Лиза берет остатки оберточной бумаги, относит в корзину у письменного стола.

ЛИЗА *(подходит к дивану)*. Я запретила ему покупать новые книги. Здесь и так уже негде сидеть.

ДОКТОР. Лиза, вы, конечно, можете запрещать, но что толку... Карл, будь у него деньги только на обед, все равно предпочтет очередную книгу. Как дела у Ани?

ЛИЗА. Сегодня она подавлена, настроение отвратительное. Вчера была гораздо бодрее.

ДОКТОР *(усаживается на диван)*. Да, да, картина типичная. *(Вздыхает.)* Карл у нее?

ЛИЗА. Да.

ДОКТОР. Он держится молодцом.

Шарманка смолкает

Согласитесь, моя дорогая, Карл — необыкновенный человек. Недаром люди так к нему тянутся.

ЛИЗА. Да, он умеет влиять на людей.

ДОКТОР (*резко.*) Что вы хотите этим сказать?

ЛИЗА (*раскрывает книгу, которую держала в руке.*) «Не отыскать волшебных невянущих цветов в земной юдоли».

ДОКТОР (*берет у Лизы книгу, читает название.*) Хм, Уолтер Сэвидж Лэндор¹. Лиза, к чему эта цитата? Что вы хотели сказать?

ЛИЗА. Только то, что мы с вами знаем: все цветы на земле рано или поздно вянут. А Карл этого не понимает. Для него они цветут всегда и везде, а это опасно.

ДОКТОР. Опасно... для него?

ЛИЗА. Не только для него... Еще для тех, кто его любит, кто зависит от него. Такие люди, как Карл... (*Замолкает.*)

ДОКТОР (*не дождавшись продолжения.*) И что же?

Из комнаты Ани доносятся голоса. Услышав их, Лиза направляется к рабочему столику, и сдвигает его в сторону, освобождая дорогу. Появляется Карл с инвалидной коляской, в которой сидит Аня Хендрик. Ей лет тридцать восемь. Это капризная, увядшая женщина со следами былой красоты. Судя по ее манерам, некогда она была хорошенькой, кокетливой девушкой. Теперь же это сварливая, вечно ноющая глубоко больная женщина.

КАРЛ. Доктор, я услышал ваш голос.

ДОКТОР (*встает*). Добрый вечер, Аня. Сегодня вы отлично выглядите.

АНЯ. Зато чувствую себя отвратительно. Да и с чего бы мне чувствовать себя хорошо, если сижу тут целый день взаперти?

ДОКТОР (*жизнерадостно*). Но у вас в спальне такой замечательный балкон. (*Садится на диван.*) Там можно дышать воздухом, загорать, смотреть, что делается вокруг.

АНЯ. Можно подумать, тут есть на что смотреть. Скучные унылые дома, унылые людишки. Ах, где наш белый домик и сад, где наша замечательная мебель! Все пропало. Знали бы вы, доктор, как это тяжело, когда все теряешь.

КАРЛ. Не преувеличивай, Аня, ты не все потеряла. У тебя остался выдающийся супруг.

Лиза приносит цветы, ставит их на рабочий столик.

¹ Лэндор, Уолтер Сэвидж (1775—1864) — английский писатель и поэт

АНЯ. Уже далеко не такой выдающийся, как раньше.
(Лизе.) Не правда ли?

Лиза смеется ее шутке, и выходит из комнаты

Ты сутулишься, Карл, и волосы у тебя поседели.

КАРЛ (*садится на подлокотник дивана*). Увы, придется тебе принимать меня таким, какой я есть.

АНЯ (*плаксиво*). Доктор, мне с каждым днем становится все хуже. Спина болит, левая рука стала дрожать. Мне кажется, последнее лекарство мне совсем не подходит.

ДОКТОР. Тогда попробуем что-нибудь другое.

АНЯ. Капли-то хорошо помогают, те, сердечные, но Лиза дает мне всего по четыре капли. Говорит, что вы не велели ей давать мне больше. Но, по-моему, я к ним привыкла, и лучше принимать по шесть, или даже по восемь.

ДОКТОР. Лиза умница. Я даже запретил ей оставлять их рядом с вами, чтобы вы случайно не приняли больше. Эти капельки, знаете ли, очень опасны.

АНЯ. И правильно, что не оставляете, а то как-нибудь возьму и выпью весь пузырек, покончу со всем разом.

ДОКТОР. Нет, что вы, голубушка, вы этого не сделаете

АНЯ. А кому я нужна со своими болезнями? Лежу целыми днями и только действую всем на нервы. Да, они ко мне очень добры, но я-то знаю, какая я для них обуза.

КАРЛ (*встает, ласково гладит Аню по плечу*). Аня, ты для меня вовсе не обуза, ты моя радость.

АНЯ. Ты так только говоришь, а на самом деле. .

КАРЛ. Нет, нет, ну что ты.

АНЯ. Ах, оставь. Это раньше я была радостной и веселой, а что теперь? Ворчливая немощная карга, вот я кто. И никому от меня никакой радости.

КАРЛ. Нет, нет, ты моя радость.

АНЯ. Если бы я умерла, Карл мог бы снова жениться. Нашел бы себе молодую, хорошенькую жену, которая помогала бы ему делать карьеру.

КАРЛ. Знала бы ты, сколько блестящих карьер загублено оттого, что пожилые мужчины заводили себе молодых, хорошеньких жен.

АНЯ. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Я для тебя обуза.

Карл, качая головой, улыбается Ане

ДОКТОР (*выписывает рецепт*). Попробуем новое тонизирующее средство.

Входит Лиза и ставит поднос с кофеиником и чашками на столик у дивана

ЛИЗА. Аня, ты видела, какие Карл принес цветы? Специально для тебя. *(Разливает кофе)*

Карл берет вазу с цветами с рабочего столика и поднимает повыше, чтобы Ане было видно

АНЯ. Не напоминайте мне о весне. Какая может быть весна в этом ужасном городе? А помнишь, как мы гуляли по лесу, собирали дикие нарциссы? Ах, жизнь была такой счастливой, такой безмятежной. Кто бы мог представить, что нас ждет... Теперь вокруг противный, мрачный, убогий мирок, а наши друзья — кто где. Многих уже и на свете нет, а мы вынуждены жить в чужой стране.

Лиза протягивает доктору чашку кофе

ДОКТОР. Спасибо, голубушка.

КАРЛ. Это еще не самое страшное

АНЯ. Знаю, вам кажется, что я только и делаю, что капризничаю, но... будь я здорова, мне было бы легче здесь, на чужбине.

Аня протягивает руку, Карл целует ее, Лиза подает Ане чашку кофе

КАРЛ. Знаю, дорогая, знаю, тебе приходится нелегко.

АНЯ. Да что ты можешь знать.

Раздается звонок, Лиза выходит в холл и направляется к входной двери

Вы с Лизой здоровые, сильные. А я.. И за что мне такое наказание?

КАРЛ *(берет ее за руку)*. Милая — милая ты моя! — я все понимаю.

ЛИЗА *(за сценой)*. Добрый вечер.

ХЕЛЕН *(за сценой)*. Могу я поговорить с профессором Хендриком?

ЛИЗА *(за сценой)*. Сюда, пожалуйста

Из холла входит Лиза, за ней — Хелен Ролландер, красивая, уверенная в себе девушка лет двадцати трех

ЛИЗА *(останавливается в дверях)*. Карл, к тебе мисс Ролландер.

Хелен направляется к Карлу. Она держится с обворожительной самоуверенностью. Лиза пристально за ней наблюдает. Доктор встает. Он явно заинтригован.

ХЕЛЕН. Надеюсь, вы не рассердитесь, что я к вам так ввалилась. Ваш адрес мне дал Лестер Коул.

Лиза идет к столику у дивана, наливает еще кофе.

КАРЛ. Разумеется, не рассержусь. Разрешите познакомиться вас с моей женой — мисс Ролландер.

Хелен подходит к Ане; Лиза протягивает Карлу чашку кофе.

ХЕЛЕН (*само очарование*). Здравствуйте, миссис Хендрик. Очень рада познакомиться.

АНЯ. Здравствуйте. Извините, не могу встать, я больна.

ХЕЛЕН. Конечно, конечно. Ах, какая жалость. Ведь это ничего, что я пришла, правда? Дело в том, что Ваш муж у нас преподает. Мне нужно с ним кое о чем посоветоваться.

КАРЛ. Мисс Колецки, доктор Стоунер.

ХЕЛЕН (*Лизе*). Очень приятно. (*Подходит к доктору, здоровается с ним за руку.*) Рада познакомиться.

ДОКТОР. Взаимно.

ХЕЛЕН (*осматривается*). Значит вот где вы живете. Книжки, книги, книги. (*Идет к дивану, садится.*)

ДОКТОР. Да, мисс Ролландер, вам повезло, что вы пришли, куда сесть. Я успел расчистить диван всего пять минут назад.

ХЕЛЕН. О, я вообще везучая.

КАРЛ. Не хотите ли кофе?

ХЕЛЕН. Нет, спасибо. Профессор, нельзя ли поговорить с вами наедине?

КАРЛ (*сухо*). Увы, наша квартира для этого не приспособлена. Это единственная наша гостиная.

ХЕЛЕН. Ну, тогда... думаю, вы догадываетесь, что привело меня сюда. Сегодня вы сказали, что очень загружены и не можете больше брать учеников. Я пришла попросить вас все-таки сделать для меня исключение.

Карл, переглянувшись с Лизой, протягивает ей чашку и кофейник.

КАРЛ. Мне очень жаль, мисс Ролландер, но мой день расписан буквально по минутам.

ХЕЛЕН (*страстной скороговоркой, с апломбом*). Вы так просто от меня не отделаетесь. Я случайно узнала: отказав мне, вы тут же согласились давать уроки Сидни Абрахамсону, — для него значит, время у вас нашлось, а для меня — нет. Почему?

КАРЛ. Если откровенно...

ХЕЛЕН. Вот именно, откровенно. Терпеть не могу ходить вокруг да около.

КАРЛ. Мне кажется, у Сидни больше шансов стать ученым.

ХЕЛЕН. Вы хотите сказать, он умнее меня?

КАРЛ. Нет, вовсе нет. Скажем так, он человек более увлеченный.

ХЕЛЕН. Понятно. Вы не принимаете меня всерьез.

Карл молчит.

А зря. Просто вы относитесь ко мне с предубеждением. Думаете, если я богата и представлена ко двору, то не могу серьезно относиться к учебе?

АНЯ *(перебивает, не в силах больше выносить болтовню Хелен)*. Карл!

ХЕЛЕН. Поверьте, еще как могу!

АНЯ. О, Господи, послушай, Карл!

КАРЛ *(подходит к Ане)*. Да, дорогая?

АНЯ. Голова просто раскалывается, — я так ужасно себя чувствую.

Хелен поняв, что профессору не до нее, достает из сумочки сигареты и зажигалку.

Извините, мисс Ролландер, но с вашего позволения я вернусь к себе в комнату.

ХЕЛЕН *(с плохо скрытым раздражением)*. Да-да, я понимаю.

Карл отвозит кресло вглубь сцены; доктор открывает перед ним дверь и перехватывает у него кресло.

АНЯ. Доктор, у меня как-то жмет сердце. Вы не могли бы...

ДОКТОР. Да-да, конечно, сейчас что-нибудь вам подберем. Карл, принесите, пожалуйста, мой чемоданчик. *(Уводит кресло в Анину комнату.)*

Карл берет его чемоданчик.

КАРЛ *(к Хелен)*. Прошу прощения. *(Уходит вслед за доктором.)*

ХЕЛЕН. Бедненькая миссис Хендрик. И давно она так? *(Закуривает)*.

ЛИЗА *(потягивая кофе, разглядывает Хелен)*. Пять лет.

ХЕЛЕН. Пять лет! О Боже, как мне его жаль!

ЛИЗА. Его?

ХЕЛЕН. Он так суетится вокруг нее. А ей это так нравится ЛИЗА. Но он ее муж.

ХЕЛЕН. Он очень добрый, правда? Но чрезмерная доброта ни к чему, от нее становишься размазней. Вы согласны? А я вот ни капельки не добрая. Что ж, каждому свое, так уж я устроена. Никого никогда не жалею. *(Садится на подлокотник кресла)*

Лиза идет к рабочему столику, ставит Анину чашку на поднос

Вы тоже здесь живете?

ЛИЗА. Присматриваю за мистером Хендриком, за квартирой.

ХЕЛЕН. Бедняжка, как вам, должно быть, тяжело ЛИЗА. Ничуть. Мне тут нравится.

ХЕЛЕН *(рассеянно)*. Неужели у них нет прислуги? Могли бы нанять кого-нибудь ухаживать за больной. *(Встает с кресла)*. Мне кажется, вам хорошо бы чему-нибудь поучиться, а потом найти какую-нибудь работу. Что-нибудь повеселее

ЛИЗА. А я уже поучилась. Я физик. У меня есть диплом

ХЕЛЕН. Тогда вы сможете запросто устроиться *(Стряхивает пепел в пепельницу на столе)*.

ЛИЗА. У меня есть работа — здесь.

Входит Карл, берет с полки у двери пузырек с лекарством и стакан
Лиза собирает пустые кофейные чашки и уносит поднос

ХЕЛЕН. Итак, что скажете, профессор? Вы будете со мной заниматься?

КАРЛ. Боюсь, что ничего не выйдет. *(Наливает в пузырек воды из стоящего на полке графина, затем идет к двери Аниной комнаты.)*

ХЕЛЕН *(поспешно к нему подходит)*. Но поймите — я хочу учиться! Пожалуйста, вы не можете мне отказать *(Подходит еще ближе, дотрагивается до его руки)*

КАРЛ *(отпрянув)*. Вы же знаете, что могу и откажу *(Ласково улыбается)*.

ХЕЛЕН. Но почему, почему? Папа заплатит вам кучу денег. Двойная оплата за каждый урок. Точно вам говорю

КАРЛ. Уверен, ваш папа сделает все, о чем бы вы ни попросили, но дело тут не в деньгах.

Хелен оборачивается, входит Лиза

КАРЛ *(Лизе)*. Лиза, будь добра, угости мисс Ролландер рюмочкой хереса. А мне нужно к Ане. *(Порывается уйти)*.

ХЕЛЕН. Профессор!

КАРЛ. Моей жене сегодня сильно нездоровится. Так что не обессудьте. *(Обворожительно улыбается ей и уходит)*

Хелен смотрит ему вслед. Лиза достает из буфета бутылку хереса. Хелен, помедлив, решительно хватает с дивана сумочку и перчатки.

ХЕЛЕН. Нет, спасибо, не нужно никакого хереса. Мне пора. *(Направляется к дверям, но останавливается и оборачивается.)*

Из комнаты Ани выходит доктор, останавливается у двери.

Все равно я своего добьюсь. Как всегда. *(Поспешно уходит)*

ЛИЗА *(достает из буфета рюмки)*. Доктор, а вы не откажетесь от рюмочки хересу?

ДОКТОР. Спасибо, голубушка. *(Ставит чемоданчик на пол.)* Решительная девица.

ЛИЗА *(наполняя две рюмки)*. Весьма! И, разумеется, влюбилась в Карла.

ДОКТОР. Думаю, такое случается сплошь и рядом.

ЛИЗА. О, да. Помню, я сама когда-то по уши влюбилась в нашего математика, а он меня даже не замечал. *(Идет к доктору, протягивает ему рюмку и садится на подлокотник дивана.)*

ДОКТОР. Вероятно, вы были гораздо моложе этой девушки.

ЛИЗА. Да, совсем девчонка.

ДОКТОР *(усаживаясь в кресло)*. Вы не боитесь, что Карл может увлечься?

ЛИЗА. Вряд ли. Впрочем, кто знает...

ДОКТОР. Вы хотите сказать, он к такому привык?

ЛИЗА. Да, но не к таким девицам. Его студентки красотой не отличаются, а у этой все — и внешность, и блеск, и деньги. А главное — она страшно хочет его заполучить.

ДОКТОР. Значит, все-таки боитесь.

ЛИЗА. Нет, по крайней мере, не за Карла. Я хорошо его знаю, — и знаю, что значит для него Аня. Если я чего и боюсь... *(Замолкает на полуслове)*

ДОКТОР. Продолжайте.

ЛИЗА. Впрочем, какая разница? *(Подносит рюмку к губам)*

Входит Карл

КАРЛ. Итак, эта напористая юная леди изволила удалиться.

Лиза встает, наливает рюмку для Карла

ДОКТОР. До чего хороша! Скажите, Карл, и много у вас таких студентов?

КАРЛ. Слава Богу, нет, — а то хоть «караул» кричи. *(Садится в левый угол дивана.)*

ДОКТОР *(встает)*. Вы уж поосторожнее, мой мальчик. *(Ставит рюмку на стол и берет чемоданчик.)*

КАРЛ *(улыбается)*. О, я предельно осторожен. Иначе никак нельзя.

ДОКТОР. А если она вас все-таки уговорит, приглашайте на уроки Лизу — в качестве дуэньи. Спокойной ночи, Лиза.

ЛИЗА. Спокойной ночи, доктор.

Доктор уходит, закрывает за собой дверь; Лиза подходит к Карлу, протягивает ему рюмку. Оба молчат. Лиза направляется к Аниной спальне.

ЛИЗА. Загляну-ка я к Ане.

КАРЛ. Не надо, она сказала, что хочет немного отдохнуть. *(Помешкав, добавляет.)* Боюсь, приход этой девицы ее расстроил.

ЛИЗА. Я поняла.

КАРЛ. Она сразу начинает сравнивать: какая жизнь у нее... и какая — у всех остальных. А еще она сказала, что ревнует. Все боится, что я непременно влюблюсь в одну из своих студенток.

ЛИЗА *(садится рядом)*. Почему бы и нет?

КАРЛ *(резко, с жаром)*. Как ты можешь такое говорить?

ЛИЗА *(отворачивается, пожимает плечами)*. Все может быть.

КАРЛ. Никогда. И ты прекрасно это знаешь.

Долгая пауза; оба, чувствуя неловкость, сосредоточенно рассматривают свои рюмки.

Почему ты осталась с нами?

Лиза не отвечает; Карл тоже какое-то время молчит

Так почему же?

ЛИЗА. Ты сам знаешь почему.

КАРЛ. Мне кажется, это не лучший для тебя выход. Помоему, тебе нужно вернуться.

ЛИЗА. Вернуться? Куда вернуться?

КАРЛ. К тебе у них никаких претензий не было. Ты можешь вернуться, занять свою прежнюю должность. Они схватятся за тебя обеими руками.

ЛИЗА. Может быть. Но я этого не хочу.

КАРЛ. Мне кажется, тебе следует уехать.

ЛИЗА. Уехать? Уехать? Что ты хочешь этим сказать?

КАРЛ. Но разве это жизнь?

ЛИЗА. Я сама ее выбрала.

КАРЛ. Но так нельзя. Поезжай, живи своей жизнью.

ЛИЗА. Я и так живу своей жизнью.

КАРЛ. Перестань, ты ведь знаешь, что я имею в виду
Выйди замуж, заведи детей.

ЛИЗА. Я не уверена, что выйду замуж.

КАРЛ. Да, если останешься здесь. А вот если уедешь...

ЛИЗА. Значит, ты хочешь, чтобы я уехала? *(Не дождав-
шись ответа, повторяет.)* Скажи, хочешь?

КАРЛ *(с мукой)*. Нет, не хочу.

ЛИЗА. Тогда давай прекратим этот разговор. *(Встает,
берет у него рюмку, ставит обе рюмки на книжную полку.)*

КАРЛ. Ты помнишь тот концерт в Курзале? Август, жара. Невероятно толстая певица, сопрано, исполняет «Liebestod». Пела она плохо, нам с тобой не понравилось. На тебе был зеленый жакет с юбкой и забавная фетровая шляпка. Странно, правда? Есть вещи, которые почему-то не забываются. Я не помню, что случилось днем раньше или днем позже, но тот вечер запомнил прекрасно. Золоченные кресла, помост, музыканты вытирают пот со лба, а эта толстуха кланяется и посылает публике воздушные поцелуи. Потом исполняли фортепьянный концерт Рахманинова. Помнишь, Лиза?

ЛИЗА *(сдержанно)*. Конечно, помню.

Карл насвистывает музыкальную тему из концерта Рахманинова

КАРЛ. Как сейчас его слышу. *(Продолжает насвистывать.)*

В дверь звонят

Кто бы это мог быть?

Лиза резко встает отворачивается и выходит.

РОЛЛАНДЕР *(за сценой)*. Добрый вечер. Профессор Хен-
дрик дома?

ЛИЗА *(за сценой)*. Да, Пожалуйста, проходите.

Карл берет книгу и делает вид, что читает.

Входит сэр Уильям Ролландер — высокий, седовласый человек с вла-
стными повадками. Следом входит Лиза, закрывает дверь и оста-
навливается у кресла

РОЛЛАНДЕР. Профессор Хендрик? *(Подходит.)* Разрешите представиться: Ролландер. *(Протягивает руку.)*

КАРЛ *(встает, кладет книгу на столик, пожимает гостю руку)*. Здравствуйте. Это мисс Колецки.

РОЛЛАНДЕР. Очень приятно.

ЛИЗА. Мне также.

РОЛЛАНДЕР. Профессор, моя дочь — ваша студентка.

КАРЛ. Это мне известно.

РОЛЛАНДЕР. Она чувствует, что посещения лекций ей недостаточно. Ей бы хотелось, чтобы вы давали ей дополнительные частные уроки.

КАРЛ. Боюсь, это невозможно.

РОЛЛАНДЕР. Она уже обращалась к вам, и вы ей отказали. С вашего позволения, я бы хотел заново обсудить данный вопрос.

Лиза присаживается к письменному столу

КАРЛ *(спокойно)*. Разумеется, сэр Уильям, но я не изменю своего решения.

РОЛЛАНДЕР. Но позвольте... мм... Мне не совсем ясны мотивы вашего отказа.

КАРЛ. Тут все предельно просто. Прошу вас, садитесь. *(Указывает на диван.)* Ваша дочь очаровательна и умна, но, на мой взгляд, она не создана для науки.

РОЛЛАНДЕР *(усаживаясь)*. Вам не кажется, что вы не совсем объективны?

КАРЛ *(улыбается)*. Вероятно, вы считаете, — впрочем, не вы один, — что знания можно просто запихнуть в голову, как начинку в индейку. *(Садится на подлокотник дивана.)* Может быть, вам будет проще понять это на другом примере. Предположим, у вашей дочери очаровательный звонкий голос. Вы ведете ее к учителю пения и просите сделать из нее оперную певицу. Хороший преподаватель скажет вам честно, что голосок ее для оперы слабоват, и никакие занятия ей не помогут.

РОЛЛАНДЕР. Что же, вы специалист, вам и судить.

КАРЛ. Скажите по совести, сами вы верите в то, что ваша дочь собирается избрать научную карьеру?

РОЛЛАНДЕР. Если честно, я так не считаю. Зато так считает она, профессор, и это главное. А я вам попросту скажу: я хочу, чтоб у моей дочери было все, что ее душе угодно.

КАРЛ. Обычная отцовская слабость.

РОЛЛАНДЕР. Согласен, обычная слабость. Однако я не совсем обычный отец. Скажу вам попросту. Я отец с деньгами, и немалыми, к вашему сведению.

КАРЛ. Я в курсе дела, сэр Уильям, я читаю газеты. Как раз совсем недавно прочел о том, что вы заказали для дочери роскошно отделанный автомобиль.

РОЛЛАНДЕР. Ах, это! Вероятно, вы сочтете мой поступок глупым бахвальством. Ничуть... я действовал по трезвому расчету. Самой Хелен этот автомобиль вообще ни к чему, ее занимают вещи более серьезные. И слава Богу. Наконец, взялась за ум, а то уже почти два года хоровадится со всякими шалопаями, которых интересуют одни развлечения. Теперь, похоже, она решила вплотную заняться учебой, и я «за» на все сто процентов.

КАРЛ. Я понимаю ваши чувства, но...

РОЛЛАНДЕР. Погодите, профессор. Хелен — для меня все. Ее мать умерла, когда ей было семь лет. Я любил жену, так и остался вдовцом. Хелен — единственное, что мне от нее осталось, и я даю своей девочке все, чего она ни пожелает.

КАРЛ. Позиция понятная, но не самая разумная.

РОЛЛАНДЕР. Допускаю, но такой уж у нас с ней сложился стиль жизни. А Хелен — хорошая девочка. Ну да, натворила кое-каких глупостей, но мы же все учимся только на собственных ошибках. У испанцев есть такая поговорка: «Делай что хочешь, но плати по счетам, так повелел Господь». Согласитесь, профессор, это мудро, очень мудро.

КАРЛ (*поднимается*). Плата может оказаться непомерно высокой.

РОЛЛАНДЕР. Хелен хочет брать у вас уроки, я намерен предоставить ей такую возможность. Назовите любую цену.

КАРЛ (*ледяным тоном*). Сэр Уильям, дело не в цене. Я не собираюсь с вами торговаться. Моя профессия накладывает на меня определенные обязательства. Мое время и силы не безграничны. У меня есть двое студентов из бедных семей, которых я ставлю куда выше вашей дочери. Извините за прелесть.

РОЛЛАНДЕР. Я уважаю вашу точку зрения, и я отнюдь не такой сухарь, как вам могло показаться. Прекрасно понимаю, что дело не только в деньгах. Но ведь я бизнесмен, профессор, и, на мой взгляд, все на свете имеет свою цену.

Карл пожав плечами, усаживается в кресло.

КАРЛ. Ваши взгляды — ваше личное дело.

РОЛЛАНДЕР. Насколько мне известно, ваша жена страдает рассеянным склерозом.

КАРЛ (*удивленно*). Совершенно верно. Но как... откуда...

РОЛЛАНДЕР. Прежде чем вносить предложение, я его предварительно тщательно прорабатываю. Профессор, болезнь эта почти не изучена. Лекарств от нее нет, применяют лишь поддерживающие средства. Больной может прожить долгие годы, но полное излечение невозможно. Я достаточно грамотно изложил суть дела?

КАРЛ. Вполне.

РОЛЛАНДЕР. Вероятно, вы слышали о новом, революционном методе лечения, на которое в Америке возлагают большие надежды. Не стану судить о том, чего не знаю. Но как я понял, открыт новый дорогостоящий антибиотик, воздействующий на самую причину болезни. В Англии он пока запрещен к применению, однако небольшое его количество будет опробовано на специально отобранных больных. Профессор Хендрик, у меня есть связи. Институт Франклина, где будет проходить апробация, примет вашу жену — если я об этом попрошу.

Лиза поднимается, встает рядом с Карлом.

КАРЛ (*тихо*). Шантаж и вымогательство.

РОЛЛАНДЕР (*без тени обиды*). О, да, вы абсолютно правы. Шантаж и вымогательство, именно так, но шантаж шантажу рознь. С вами иначе нельзя. Вы отвергли бы любую сумму, но вы едва ли решитесь отвергнуть единственный шанс вашей жены на выздоровление.

Карл молча встает, и направляется к дверям, затем постояв там, поворачивается и возвращается в комнату.

КАРЛ. Ваша взяла, сэр Уильям. Я готов заниматься с вашей дочерью дополнительно, обещаю уделять ей внимания не меньше, чем моим лучшим ученикам. Вас это устроит?

РОЛЛАНДЕР. Это устроит ее. Она не из тех, кому можно говорить «нет». (*Встает, оборачивается к Карлу.*) Даю вам слово: как только в Институте Франклина все будет готово, вашу жену примут туда. (*Пожимает Карлу руку.*) Полагая, ждать придется месяца два.

Лиза идет к дверям в холл, настежь их распахнув, отходит в сторону.

Будем надеяться, что лечение будет не менее успешным, чем в случаях, описанных в американских журналах. И че-

рез год я смогу поздравить вашу жену с полным выздоровлением. Спокойной ночи, профессор Хендрик. (*Идет к дверям, останавливается, оборачивается.*) Кстати, дочь ждет меня в машине — ей не терпится узнать, чем закончился наш разговор. Вы не против, если она зайдет на минутку? Уверен, она будет рада вас поблагодарить.

КАРЛ. Разумеется, сэр Уильям.

Ролландер выходит, Лиза его провожает. Карл идет к письменному столу, кладет руку на спинку стула.

РОЛЛАНДЕР (*за сценой*). До свидания.

ЛИЗА (*за сценой*). До свидания, сэр Уильям. (*Возвращается, оставив двери открытыми.*)

ЛИЗА. Итак, девица победила.

КАРЛ. По-твоему, мне следовало отказаться?

ЛИЗА. Нет.

КАРЛ. Аня и так много выстрадала по моей милости. Из-за моих принципов меня уволили из университета, нам пришлось эмигрировать. Аня так и не поняла, к чему была эта жертва. Она никогда не разделяла мою точку зрения, считала, что я повел себя глупо. Тем не менее, ей пришлось хлебнуть гораздо больше горя, чем мне. (*Помолчав.*) И если у нее есть хоть один шанс, я не вправе его упустить. (*Садится за письменный стол.*)

ЛИЗА. А как же те два студента? Кем-то из них придется пожертвовать?

КАРЛ. Ни в коем случае, я выкрою время. Мою собственную работу придется отложить на вечер.

ЛИЗА. Ты уже не юноша, Карл, нельзя так перегружать себя.

КАРЛ. Эти ребята не должны пострадать.

ЛИЗА. Если ты свалишься, пострадают все.

КАРЛ. Значит, постараюсь не свалиться. Как хорошо, что не пришлось поступиться принципами.

ЛИЗА. Да, очень хорошо. (*Оглядывается на дверь Аниной комнаты.*) Для Ани.

КАРЛ. Что ты хочешь этим сказать?

ЛИЗА. Да так, ничего.

КАРЛ. Не понимаю. Ты же знаешь, я человек простой.

ЛИЗА. Знаю. Это-то меня и беспокоит.

Слышно, как Аня стучит палкой.

КАРЛ (*встает*). Аня проснулась.

ЛИЗА. Я сама к ней схожу. Твоя новая ученица наверняка захочет с тобой поговорить. *(Направляется к двери в Анину комнату.)*

КАРЛ. Ты считаешь, я поступил правильно?

В холле появляется Хелен и останавливается на пороге комнаты.

ЛИЗА *(задержавшись у двери Аниной спальни)*. Откуда мне знать, что правильно? Подождем результатов. *(Уходит.)*

ХЕЛЕН. Дверь была открыта. Ничего, что я так вошла?

КАРЛ *(смотрит вслед Лизе, рассеянно)*. Конечно, конечно.

ХЕЛЕН *(проходит в комнату)*. Надеюсь, вы не сердитесь. Вы наверняка считаете, что из меня ничего не выйдет. Видите ли, со мной никто по-настоящему не занимался, так, дурацкое модное образование, и все. Но я буду стараться, обещаю.

КАРЛ *(отвлекаясь от своих мыслей)*. Вот и отлично. *(Снова подходит к своему столу и что-то пишет на листе бумаги.)* Придется серьезно потрудиться. Я дам вам несколько книг, вы их проштудируете, потом мы назначим день, и вы поделитесь своими соображениями о прочитанном. *(Оборачивается к Хелен.)* Вам ясно?

ХЕЛЕН. Да. Можно мне их сейчас взять? Папа ждет меня в машине.

КАРЛ. Сейчас? Хорошая мысль. А вот эти книги вам придется купить. *(Протягивает ей листок.)* Так, посмотрим. *(Подходит к книжному шкафу, достает два толстых фолианта, что-то бормочет.)*

Хелен наблюдает за ним.

КАРЛ *(обращаясь скорее к себе самому)*. Вам понадобится Леконт, возможно, и Вертфор. *(К Хелен.)* Вы по-немецки читаете?

ХЕЛЕН *(подходит к Карлу)*. Могу изъясниться с прислугой в отеле.

КАРЛ *(строго)*. Немецкий извольте выучить. Без приличного знания немецкого и французского никак не обойтись. Придется вам трижды в неделю зубрить немецкую грамматику.

Хелен скорчила гримаску.

(Бросив на нее быстрый взгляд, протягивает книги). Боюсь, книги довольно тяжелые.

ХЕЛЕН (*чуть их не выронив*). Ой, действительно тяжелые. (*Садится на подлокотник дивана, листает книги.*) И похоже, довольно трудные. (*Слегка прислоняется к плечу Карла, продолжая листать.*) И вы хотите, чтобы я все это прочитала?

КАРЛ. Разумеется, особое внимание обратите на четвертую и восьмую главу.

ХЕЛЕН (*придвинувшись еще ближе*). Понимаю.

КАРЛ (*отходит к своему столу*). Скажем, в следующую среду, в четыре, вас устроит?

ХЕЛЕН (*встает*). Здесь? (*Кладет книги на диван.*)

КАРЛ. Нет, в университете, в моем кабинете.

ХЕЛЕН (*радостно*). Ой, спасибо, профессор. (*Проходит мимо кресла, останавливается справа от Карла.*) Я ужасно вам благодарна, честное слово. Буду стараться изо всех сил. Пожалуйста, не сердитесь на меня.

КАРЛ. Я не сержусь.

ХЕЛЕН. Нет, сердитесь. Вам кажется, что мы с папой вас заставили. Но я оправдаю ваше доверие, вот увидите.

КАРЛ (*улыбается*). Договорились.

ХЕЛЕН. Какой вы милый, Я вам так благодарна. (*Вдруг целует Карла в щеку, отворачивается, берет книги с дивана, идет к дверям и, прежде чем их открыть, произносит игривым тоном.*) Значит, в среду. В четыре? (*Уходит, оставив дверь открытой.*)

Карл удивленно смотрит ей вслед, проводит рукой по щеке, — на руке остается помада. Втирает щеку носовым платком, улыбается, качает головой. Потом подходит к проигрывателю и ставит фортепьянный концерт Рахманинова; садится за свой стол, начинает что-то писать, но музыка его отвлекает. Из Аниной спальни выходит Лиза, останавливается, слушает музыку и наблюдает за Карлом. Он ее не видит. Она медленно подносит руки к лицу; не совладав с собой, бросается к дивану и буквально падает на него.

ЛИЗА. Не надо, не надо. Выключи.

Карл, вздрогнув, оборачивается.

КАРЛ. Лиза, но ведь это же Рахманинов. Наш любимый.

ЛИЗА. Вот именно потому-то и не могу его сейчас слушать. Выключи.

Карл встает, выключает проигрыватель и подходит к дивану.

КАРЛ. Ты ведь знала, Лиза. Ты всегда это знала.

ЛИЗА. Не надо. Мы никогда об этом не говорили.

КАРЛ. Но мы оба это знали, не так ли?
ЛИЗА (*будничным голосом*). Аня тебя зовет.

Карл уходит, Лиза в отчаянии смотрит ему вслед

ЛИЗА. Карл. (*Стучит кулаком по подушке.*) О, Господи, Карл. (*Кладет руки на подлокотник дивана и опускает на них голову.*)

Свет гаснет.

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же комната спустя две недели. Вечереет
Правая створка двери открыта. В центре — Аня в инвалидном кресле, возле нее — рабочий столик. Она вяжет. Карл сидит за столом, делает выписки из книг. Миссис Роупер вытирает тряпкой полки книжного шкафа справа. Пылесос стоит у дивана. Из своей спальни выходит Лиза, одетая как для выхода, подходит к креслу и берет свою сумку.

АНЯ (*раздраженно, чуть не плача*). Ну вот, еще одну упустила. Господи, уже две петли!

Лиза ставит сумку в кресло, берет у Ани вязанье

ЛИЗА. Сейчас подниму.

АНЯ. Бесполезно. И зачем я взялась за вязанье? Посмотри, как у меня руки трясутся.

Миссис Роупер перемещается к столу у дивана, протирает лежащие там книги.

МИССИС РОУПЕР. Наша жизнь — юдоль скорби, право слово. Видели, что пишут в утренней газете? Две маленькие девочки утонули в Ла-Манше. А такие были хорошенькие, просто ангелочки. (*Кладет тряпку на стол, проходит мимо дивана, берет пылесос и направляется к двери Аниной комнаты.*) Мисс Колецки, чай-то у нас снова кончился. (*Выходит.*)

ЛИЗА (*подняв петли, передает вязанье Ане*). Ну вот, теперь можешь продолжать.

АНЯ. Я когда-нибудь поправлюсь?

Входит миссис Роупер, берет со стола тряпку.

(*С отчаяньем.*) Мне так хочется выздороветь.

МИССИС РОУПЕР. Конечно, поправитесь, дорогуша, а то как же? И думать не смейте о смерти. (*Вытирает пыль со стула.*) У моей Джойс, у ее старшенького, бывают такие приступы, просто страх. Доктор говорит, с возрастом пройдет, но сказать-то все можно. (*Направляется в Анину комнату, на ходу смахивая пыль с мебели.*) Пойду, приберусь в спальне. Вы не против? К приходу доктора как раз поспею.

АНЯ. Да, пожалуйста, миссис Роупер.

Миссис Роупер уходит, оставив дверь открытой

АНЯ. Лиза, тебе пора, опоздаешь.

ЛИЗА (*неуверенно*). Если хочешь, я могу остаться...

АНЯ. Нет, нет, что ты! Твои друзья приехали всего на один день, тебе непременно нужно с ними повидаться. Мало всем со мной хлопот, не хватает еще отравлять людям жизнь.

За сценой миссис Роупер включает пылесос и принимается визгливо напевать старомодную песенку

КАРЛ. О, Господи!

ЛИЗА (*подходит к двери, кричит*). Миссис Роупер, миссис Роупер!

Пылесос затихает, пение прекращается.

Извините, но профессор работает!

МИССИС РОУПЕР (*за сценой*). Простите, мисс.

Лиза берет с кресла свою сумку. Происшествие ее позабавило, и Карла с Аней тоже. Карл складывает в портфель бумаги и книги

АНЯ. А помнишь нашу служаночку Митци?

ЛИЗА. Как же, как же, помню.

АНЯ. Такая была милая и старательная. Всегда улыбалась, и манеры хорошие. А какие пекла пироги!

ЛИЗА. О, да.

КАРЛ (*встает, берет портфель*). Ну вот, к лекции я подготовился.

ЛИЗА (*направляясь к дверям*). До свидания, Аня. Постараюсь прийти как можно раньше.

АНЯ. Да уж повеселись на всю катушку!

ЛИЗА. До свидания, Карл.

КАРЛ. До свидания, Лиза.

Лиза уходит.

КАРЛ (*подходя к креслу*). Дорогая, в один прекрасный день ты снова станешь здоровой и сильной. (*Садится в кресло, застегивает ремешки портфеля.*)

АНЯ. Нет, не стану, и ты это знаешь. А разговариваешь со мной, как с ребенком. Я же не полная идиотка. Я очень больна, и с каждым днем мне становится все хуже. А вы порхаете вокруг и делаете вид, что все замечательно. Если бы ты знал, как это действует на нервы.

КАРЛ (*мягко*). Извини. Должно быть, это действительно очень раздражает.

АНЯ. А я действую на нервы тебе.

КАРЛ. Нет-нет, что ты.

АНЯ. Да-да. Ты такой хороший, такой терпеливый, но я-то знаю: втайне ты мечтаешь о моей смерти. И тогда — полная свобода!

КАРЛ. Аня, милая, ну что ты такое говоришь! Ты ведь знаешь, что это неправда.

АНЯ. Никому до меня нет дела. Никто со мной не считается. Вспомни, как ты потерял кафедру в университете. Ну, зачем, зачем ты принял Шульцев?

КАРЛ. Аня, они были нашими друзьями.

АНЯ. Друзьями? Ты же никогда не любил Шульца и не разделял его взглядов. Когда у него начались нелады с полицией, нам тоже следовало держаться от них подальше. Тогда бы ничего не случилось.

КАРЛ. Но его жена и дети... Они-то ни в чем не виноваты, а их оставили совсем без средств. Кому-то следовало о них позаботиться.

АНЯ. Почему непременно тебе?

КАРЛ. Аня, но ведь они наши друзья. Не могу же я бросить друзей в беде.

АНЯ. Конечно же не можешь, я знаю. А обо мне ты подумал? В результате тебя уволили, и мы лишились дома, друзей! Пришлось переехать в эту ужасную страну, такую серую, такую холодную...

КАРЛ (*встает, кладет портфель на диван*). Ну, зачем ты, Аня, все не так уж плохо.

АНЯ. Для тебя. Тебе дали должность в Лондонском университете. Тебе ведь все равно, где жить, лишь бы рядом были твои книги, и твои студенты. А я больна.

КАРЛ (*подходя к ней*). Знаю, родная.

АНЯ. У меня здесь нет друзей. Лежу целыми днями одна, и не с кем поговорить, никаких новостей, ничего. Только вяжу и спускаю петли.

КАРЛ. Успокойся...

АНЯ. Ты не понимаешь, ты ничего не понимаешь. Тебе на меня наплевать, иначе бы ты понял.

КАРЛ. Аня, Аня. *(Опускается рядом с ней на колени.)*

АНЯ. Ты черствый эгоист. Только о себе и думаешь.

КАРЛ. Бедная моя Аня.

АНЯ. «Бедная Аня, бедная Аня». Одни слова. Никому до меня нет дела, никто обо мне не думает.

КАРЛ *(мягко)*. Я о тебе думаю. Помню, как впервые тебя увидел. На тебе был короткий жакет, с веселенькой такой вышивкой. Мы отправились на пикник в горы. Нарциссы уже отцвели, и трава была густой. Ты сняла туфельки и ходила босиком. Помнишь? Крохотные милые туфельки, и крохотные ножки.

АНЯ *(мечтательно улыбается)*. Да, у меня всегда были маленькие ступни.

КАРЛ. Самые красивые на свете. А какая девушка была... самая красивая на свете. *(Ласково гладит ее по волосам.)*

АНЯ. Была... А теперь я старая и больная. И никому не нужна.

КАРЛ. Аня, для меня ты все такая же. И всегда будешь такой же.

Раздается звонок в дверь

(Встает.) Надо думать, это доктор Стоунер. *(Обходит Анино кресло, поправляет подушки.)*

Из Аниной комнаты появляется миссис Роупер.

МИССИС РОУПЕР. Пойду открою. *(Уходит.)*

Карл идет к столу, кладет в карман несколько карандашей. Слышно, как хлопает входная дверь, раздаются голоса. Миссис Роупер ведет Хелен. У той в руках две книги, которые дал ей Карл.

МИССИС РОУПЕР. Сэр, к вам молодая леди.

ХЕЛЕН. Вот, пришла вернуть вам книги. Вдруг, думаю, понадобятся. *(Замечает Аню, на лице ее появляется недвольная гримаска.)*

Миссис Роупер скрывается за дверью Аниной спальни.

КАРЛ *(берет у Хелен книги, подходит к креслу Ани)*. Дорогая, это мисс Ролландер. Ты ее помнишь?

ХЕЛЕН *(останавливается возле Ани)*. Здравствуйте, миссис Хендрик. Надеюсь, вам лучше?

АНЯ. Мне никогда не бывает лучше.

ХЕЛЕН (*безразличным голосом*). Очень вам сочувствую.
(*Отходит от нее прочь.*)

Опять раздается звонок. Карл кладет книги на стол

КАРЛ. Должно быть, это доктор Стоунер. (*Выходит.*)

Из Аниной спальни появляется миссис Роупер с корзиной для бумаг, подходит к книжному шкафу, встряхивает пепельницу. Хелен со скучающим видом листает книгу лежащую на столике у дивана.

МИССИС РОУПЕР. Доуберусь в спальне миссис попозже. Надо сбежать за чаем, пока они не закрылись.

КАРЛ (*за сценой*). Здравствуйте, доктор. Милости прошу.

ДОКТОР (*за сценой*). Здравствуйте, Карл. Отличный сегодня денек.

Карл останавливается у дверей, пропуская доктора.

КАРЛ. Доктор, мне нужно потолковать с вами с глазу на глаз.

Миссис Роупер выходит, оставив дверь открытой.

ДОКТОР. Да, конечно. (*Останавливается возле Ани.*)
Здравствуйте, Аня. Весна. Славный выдался денек.

АНЯ. Вы так считаете?

КАРЛ. Извините, я на минутку. (*Проходит мимо дивана к двери в Анину комнату.*)

ХЕЛЕН (*проходя правее*). Да, пожалуйста.

ДОКТОР. Добрый день, мисс Ролландер.

ХЕЛЕН. Здравствуйте, доктор.

Доктор вслед за Карлом удаляется в Анину комнату и затворяет за собой дверь. Миссис Роупер направляется в холл. В руках у нее пальто и хозяйственная сумка. Оставив сумку в холле, входит в гостиную, надевая на ходу пальто.

МИССИС РОУПЕР. Такая жара, ну совсем как летом...

Хелен усаживается в правом углу дивана, достает из сумочки портсигар, закуривает.

...я от нее прямо сама не своя. Так ныли кости, что я сегодня еле встала. Миссис Хендрик, я сейчас, только за чаем сбегаю. Куплю сразу полфунта, хорошо?

АНЯ. Как хотите.

МИССИС РОУПЕР. Ну, я быстренько. (*Торопливо селится в холл, берет сумку и уходит.*)

АНЯ. Это она весь чай выпивает. Постоянно твердит, что он кончился, но мы-то пьем в основном кофе.

ХЕЛЕН. По-моему, все слуги постоянно что-нибудь тащат.

АНЯ. Думает, раз мы иностранцы, то ничего не заметим. (*Какое-то время молча продолжает вязать.*) Боюсь, вам будет скучно с такой развалиной, как я, мисс Ролландер. Я не самый веселый собеседник.

Хелен встает, подходит к шкафу и рассматривает книги.

ХЕЛЕН. Я зашла только книги занести.

АНЯ. У Карла так много книг. Вы только посмотрите, они повсюду. Приходят студенты, берут книги, потом оставляют их где попало или вовсе теряют. Ну, просто какой-то сумасшедший дом, самый настоящий!

ХЕЛЕН. Воображаю, как вам тяжело.

АНЯ. Скорее бы, что ли, умереть.

ХЕЛЕН (*резко оборачивается*). Нет, вы не должны так говорить.

АНЯ. Почему же? Думаете приятно чувствовать себя обузой? Я всем мешаю, абсолютно всем. Моей кухне Лизе, собственному мужу.

ХЕЛЕН. Вы это серьезно? (*Отворачивается, рассматривает книги.*)

АНЯ. Лучше бы я умерла, честное слово. Все-таки я однажды решусь. Это так просто: накапать чуть больше сердечных капель — и все счастливы. И мои мучения тоже прекратятся. Кому они нужны?

Хелен проходит к письменному столу, смотрит в окно.

ХЕЛЕН (*раздраженно вздыхая, безо всякой симпатии в голосе*). Должно быть, вам тяжело.

АНЯ. Вам не понять, ни за что не понять. Вы молоды, красивы, богаты, у вас есть все. А я лежу здесь — несчастная, больная, и никому до меня нет дела. Никому.

Из Аниной спальни выходит доктор. Следом Карл. Хелен оборачивается.

ДОКТОР. Аня, голубушка, вас можно поздравить? Карл сказал, что недели через две вы отправитесь в больницу.

АНЯ. Да все равно ничего не выйдет.

ДОКТОР. Как вам не стыдно так говорить. Я только вчера прочел в «Ланцете» очень интересную статью по этому поводу. Там содержались лишь общие сведения, но они вполне заслуживают внимания. Конечно, мы с большей осторожностью относимся к данному методу, чем наши американские коллеги, они вечно рвутся вперед, но результаты и вправду обнадеживают.

АНЯ. Я не верю, что это поможет.

ДОКТОР. Ну, полно вам, Аня, нельзя быть такой пессимисткой. *(Везет ее кресло к спальне, Карл идет открыть дверь.)*

ДОКТОР. Неделя прошла, пора вас осмотреть. Сейчас увидим, могу я гордиться своей пациенткой или нет.

АНЯ. Я больше не могу вязать. Руки так дрожат, что я все время упускаю петли.

Карл сменяет доктора у кресла Ани

КАРЛ. Доктор, мне кажется, опасаться особо нечего.

ДОКТОР. Конечно же, нет.

Карл увозит кресло с Аней к ней в спальню. Доктор идет следом. Карл возвращается, закрыв дверь. Хелен бросает сигарету в пепельницу на письменном столе и направляется к Карлу; тот демонстративно ее не замечает.

КАРЛ *(собирая портфель)*. Мне, знаете ли, пора. У меня в половине пятого лекция.

ХЕЛЕН. Вы сердитесь на меня за то, что я пришла?

КАРЛ *(отчужденно)*. Ну что вы. Спасибо, что занесли книги, очень любезно с вашей стороны.

ХЕЛЕН *(останавливается возле Карла)*. Нет, сердитесь. В прошлый раз вы так нехотя со мной говорили. В чем я провинилась? И вчера вы были очень сердиты.

КАРЛ *(проходит за ее спиной к письменному столу)*. Естественно, я рассердился. *(Берет со стола книгу, проходит к дивану, останавливается)*. Говорите, что хотите учиться, получить диплом, и ничего не делаете.

ХЕЛЕН. Понимаете, в последнее время я была жутко занята...

КАРЛ. Вам не откажешь ни в живости ума, ни в интеллекте, но вы не хотите работать. Как продвигаются ваши занятия немецким?

ХЕЛЕН *(равнодушно)*. Я еще не нашла преподавателя.

КАРЛ. Это печально. Вы должны свободно читать по-немецки. *(Проходит к книжному шкафу, берет книгу.)* Те

книги, что я вам дал, вы толком не проработали. Ваши ответы были весьма поверхностны. (*Кладет в портфель несколько книжек.*)

Хелен идет к дивану и становится на него коленками — поза весьма соблазнительная.

Заниматься... фу, какая скука.

КАРЛ. А как же ваш диплом?

ХЕЛЕН. Диплом? Да плевать, пусть он катится ко всем чертям.

КАРЛ (*от изумления роняет портфель на диван*). Ничего не понимаю. Вы заставили меня уступить вам, даже отца привели...

ХЕЛЕН. Просто мне хотелось, как можно чаще видеть вас, быть рядом с вами. Карл, неужели вы настолько слепы? Я вас люблю.

КАРЛ (*резко отворачивается, идет прочь; изумленно*). Что? Дитя мое, что вы такое говорите?

ХЕЛЕН. Неужели я вам ни капельки не нравлюсь?

КАРЛ (*останавливается*). Вы очень привлекательная девушка, но вам следует выкинуть из головы эту блажь.

ХЕЛЕН (*поднимается, подходит к Карлу и встает за его спиной*). Это не блажь. Я действительно вас люблю. А что тут такого? Ну, давайте взглянем на все трезво. Я хочу вас, вы хотите меня. Именно за такого мужчину я мечтала бы выйти замуж. Так что нам мешает? От вашей жены все равно никакого толку.

КАРЛ. Вы ничего не понимаете, рассуждаете, как ребенок. Я люблю свою жену. (*Снова отворачивается и идет прочь от нее.*)

ХЕЛЕН (*снова подходит к дивану и садится*). Знаю, знаю, вы человек жалостливый, ухаживаете за ней, подаете чаек и все такое. Но это не любовь.

КАРЛ (*не сразу находит, что ответить*). Разве? А я думал, это и есть любовь. (*Садится на правый подлокотник дивана.*)

ХЕЛЕН. Конечно, вы обязаны заботиться о том, чтобы за ней хорошо присматривали, но это не должно мешать вашей личной жизни. Если у нас будет роман, вашей жене вовсе не обязательно о нем знать.

КАРЛ (*твердо*). Никакого романа не будет, милая моя девочка.

ХЕЛЕН. Не думала, что вы такой моралист. (*Видно, что ее вдруг осенило.*) Знаете, я ведь не девушка, если вас это смущает. У меня уже большой опыт.

КАРЛ. Хелен, вы заблуждаетесь. Я вас не люблю.

ХЕЛЕН. Можете твердить это сколько угодно, все равно я вам не верю.

КАРЛ. Не хотите верить. Но это так. (*Встает и принимаете ходить.*) Я люблю свою жену. Она мне дороже всех женщин на свете.

ХЕЛЕН (*с детским изумлением*). Но почему, почему? Что она может вам дать? А я могу дать все. Деньги для ваших исследований, да что пожелаете.

КАРЛ. Но вы не Аня, и никогда ею не будете. (*Садится на правый подлокотник дивана.*) Послушайте...

ХЕЛЕН. Согласна, когда-то она была хорошенькой и милой, но это было давно.

КАРЛ. Она и сейчас — все та же. Жизнь — сложная штука. Болезни, разочарования, вынужденная эмиграция... все это покрывает нас коростой, под которой уже почти не видно нашей истинной сущности. Но сущность от этого не меняется.

ХЕЛЕН (*порывисто вскакивает, идет к Карлу, повернувшись к нему*). Мне кажется, вы несете чепуху. Будь у вас полноценный брак... но при подобных обстоятельствах он таковым быть не может.

КАРЛ. У нас вполне полноценный брак.

ХЕЛЕН. Нет, вы просто невыносимы! (*Идет прочь.*)

КАРЛ (*встает*). Видите, вы еще совсем ребенок и многого не понимаете.

ХЕЛЕН (*еле сдерживая обиду и гнев*). Это вы ребенок, живете в своем сентиментальном, фальшивом мирке! Одно сплошное притворство! Будь у вас хоть капля смелости... А я реалистка, я ничего не боюсь. Я не боюсь видеть вещи такими, какие они есть.

КАРЛ. Сначала вам нужно повзрослеть.

ХЕЛЕН (*вне себя*). О, Господи! (*Проходит к письменному столу и в ярости смотрит в окно.*)

Появляется доктор с Аней.

ДОКТОР (*бодро*). Очень, очень неплохо.

Карл, сменив доктора, везет Аню на ее обычное место.

АНЯ (*пока ее везут.*) Он всегда так говорит. Все врачи лжецы.

Карл берет портфель.

ДОКТОР. Что же, мне пора, у меня консультация в половине пятого. До свидания, Аня. До свидания, мисс Ролландер. Карл, я еду на Гауэр-Стрит, если хотите, могу вас подвезти.

КАРЛ. Спасибо, доктор.

ДОКТОР. Подожду вас в машине. *(Уходит, закрыв за собой дверь.)*

Карл застегивает портфель, идет к Ане

АНЯ. Прости меня, Карл.

КАРЛ. Простить тебя, любимая? За что?

АНЯ. За все. За мое брюзжание, за плохое настроение. Знаешь, Карл, это ведь не я, это моя болезнь.

КАРЛ *(нежно обнимает ее за плечи)*. Знаю, дорогая, знаю.

Хелен, чуть обернувшись, смотрит на них и, еще больше помрачнев, снова отворачивается.

КАРЛ. Что бы ты ни говорила, ты не можешь меня обидеть. Я ведь знаю, что сердце у тебя золотое.

Карл похлопывает Аню по руке, они смотрят друг на друга, Аня целует его руку.

АНЯ. Карл, тебе пора, опоздаешь на свою лекцию.

КАРЛ. Мне так не хочется оставлять тебя одну.

АНЯ. С минуты на минуту придет миссис Роупер, она посидит со мной, пока Лиза не вернется.

ХЕЛЕН. Я, собственно, никуда не спешу и могу посидеть с миссис Хендрик до прихода мисс Колецки.

КАРЛ. Хелен, вас действительно это не затруднит?

ХЕЛЕН. Нисколько.

КАРЛ. Очень мило с вашей стороны. *(К Ане.)* До свидания, радость моя.

АНЯ. До свидания.

КАРЛ. Спасибо, Хелен. *(Уходит и закрывает за собой дверь.)*

За окном начинает темнеть.

ХЕЛЕН *(проходит мимо кресла к дивану)*. Значит, мисс Колецки — ваша родственница? *(Усаживается.)*

АНЯ. Да, кузина. Мы вместе приехали в Англию. С тех пор она с нами живет. Сегодня она встречается с друзьями, они в Лондоне проездом. Остановились в отеле «Рассел», недалеко отсюда. Мы так редко видимся с нашими старыми друзьями.

ХЕЛЕН. Вам бы хотелось вернуться?

АНЯ. Мы не можем вернуться. Друг мужа, тоже профессор, угодил в изгой из-за своих политических взглядов, его арестовали.

ХЕЛЕН. А при чем тут профессор Хендрик?

АНЯ. Видите ли, жена и дети этого человека остались без всяких средств. И муж настоял на том, чтобы они поселились у нас. Когда власти об этом узнали, Карла заставили покинуть кафедру.

ХЕЛЕН. И ради чего все это? Стоило ли вмешиваться?

АНЯ. Вот и я так думаю. К тому же, мне эта Мария Шульц ни капельки не нравилась. Кошмарный характер. Вечно всем была недовольна, охала, ахала по малейшему поводу. И дети ее отвратительно себя вели, постоянно что-то ломали. Представьте, из-за них нам пришлось оставить наш милый дом, бежать в эту страну. Тут у нас настоящего дома никогда не будет.

ХЕЛЕН. Вижу, вам пришлось хлебнуть горя.

АНЯ. А мужчинам до таких вещей и дела нет. Для них главное — их собственные идеи насчет долга, порядочности, справедливости...

ХЕЛЕН. Знаю. Тоска зеленая. В отличие от нас, женщин, они не умеют трезво смотреть на вещи.

Аня не отвечает, Хелен достает из сумочки сигарету, закуривает, на улице часы бьют четыре

АНЯ (*смотрит на часы*). Лиза так и не дала мне перед уходом лекарство. Она такая иногда забывчивая. Просто ужас.

ХЕЛЕН (*встает*). Я могу вам помочь?

АНЯ (*показывает*). Там, на маленькой полочке.

Хелен идет в указанном направлении

Маленький коричневый пузырек. Четыре капли на стакан воды.

Хелен гасит сигарету, бросает в пепельницу, берет с полки пузырек и стакан

Знаете, это мои сердечные капли. Там еще стакан и пипетка. Осторожнее, лекарство очень сильное. Потому они и держат его подальше от меня. Иногда, когда настроение у меня совсем траурное, я грожу им, что покончу с собой, вот они и боятся, что я могу поддасться искушению, приму слишком большую дозу.

ХЕЛЕН (*снимая с пузырька колпачок-дозатор*). Вам, наверное, часто этого хочется?

АНЯ (*плаксиво*). О, да. Иной раз чувствуешь — лучше бы умереть.

ХЕЛЕН. Как я вас понимаю.

АНЯ. Но конечно, приходится брать себя в руки и жить дальше.

Хелен стоя спиной к Ане, украдкой оглядывается. Аня поглощена вязаньем. Хелен переворачивает пузырек, выливает все содержимое в стакан, добавляет воды из графика и несет лекарство Ане.

ХЕЛЕН (*подавая стакан*). Вот, пожалуйста.

АНЯ. Спасибо, моя дорогая. (*Подносит стакан к губам, медленно пьет.*) Кажется, крепковато.

ХЕЛЕН. Вы сказали, четыре капли?

АНЯ. Да, верно. (*Выпивает одним махом, откидывается назад, ставит стакан на рабочий столик*.)

Хелен напряженно наблюдает за ней.

Знаете, профессор слишком много работает. Берет куда больше учеников, чем следует. Как бы мне хотелось, чтобы жизнь у него стала полегче.

ХЕЛЕН. Может, когда-нибудь и станет.

АНЯ. Сомневаюсь. (*Нежно улыбается.*) Он так добр ко всем, так внимателен. И так терпелив со мной. (*Ей трудно дышать.*) Ой!

ХЕЛЕН. Что случилось?

АНЯ. Я... я не могу дышать. Вы уверены, что не перепутали дозу?

ХЕЛЕН. Уверена, что нет.

АНЯ. Конечно, я не сомневаюсь... Я не хотела вас... я не думаю, что вы... (*Говорит все медленнее, откидывается назад, будто засыпает; медленно подносит правую руку к сердцу.*) Как странно... очень... да, очень... странно. (*Голова ее откидывается на подушку.*)

Хелен отходит в сторону и смотрит на Аню, она испугана, на секунду закрывает лицо руками.

ХЕЛЕН (*тихо*). Миссис Хендрик.

Ответа нет

(*Чуть громче.*) Миссис Хендрик!

Хелен берет Аню за запястье. Обнаружив, что пульса нет, вскрикивает, в ужасе откидывает руку умершей и отскакивает прочь, не сводя глаз с Ани. Какое-то время стоит у рабочего столика, трясая головой, будто отгоняя наваждение. Видит на столике стакан, вытирает его носовым платком и осторожно вкладывает Ане в левую руку. Отходит к дивану, в изнеможении откидывается на подлокотник. Потом, собравшись с духом, идет за пузырьком из-под лекарства и пипеткой. Стирает свои отпечатки пальцев, идет к Ане. Аккуратно вкладывает пузырек Ане в правую руку, затем ставит пузырек на рабочий столик, а рядом кладет пипетку. Оглядывается, поспешно направляется к дивану, хватая сумку и перчатки, идет к дверям. Но вдруг останавливается, бросается к полке, берет оттуда графин и несет его на рабочий столик, на ходу стирая платком отпечатки. Ставит графин на столик и снова идет к дверям. С улицы доносится звук шарманки. Хелен убегает — через пару секунд хлопает входная дверь. Через некоторое время дверь хлопает снова, и в гостиную из холла заглядывает миссис Роупер.

МИССИС РОУПЕР. Вот, купила чаю. *(Скрывается за дверью. Потом снова появляется, снимает пальто и шляпу, вешает на крючок.)* А еще бекону и спичек. Дюжину коробков. Ну и цены, доложу я вам. Хотела побаловать малышку Мюриэл на ужин почками, по десять пенсов за штуку, да там и смотреть не на что, маленькие, сморщенные какие-то. Ничего, пусть ест, что и все, и радуется. Небось, деньги на деревьях не растут, я ей всякий раз это твержу. *(Уходит.)*

Долгая пауза. Снова хлопает входная дверь. Входит Лиза, пряча ключи в сумку.

ЛИЗА. Я не слишком долго? *(Идет к письменному столу, смотрит на Аню. Решив, что она спит, улыбается, отворачивается к окну, снимает шляпку. Кладет шляпку на стол, снова смотрит на Аню. Наконец, начинает понимать, что это совсем не сон.)* Аня? *(Бросается к Ане, приподнимает ей голову, отпускает — голова безжизненно откидывается на подушку. Лиза берет со столика стакан и пузырек.)*

Входит миссис Роупер и видит Лизу с пузырьком в руках.

МИССИС РОУПЕР *(вздрагивает от неожиданности)*. Ой, а я и не слышала, как вы пришли, мисс. *(Направляется к ней.)*

ЛИЗА *(тоже вздрагивает, со стуком ставит пузырек на стол)*. Я не знала, что вы дома, миссис Роупер.

МИССИС РОУПЕР. Что-то случилось?

ЛИЗА. Миссис Хендрик... мне кажется, миссис Хендрик умерла. *(Идет к телефону, снимает трубку, набирает номер.)*

Миссис Роупер идет к Ане, видит пузырек, медленно оборачивается, смотрит на Лизу. Та стоит к ней спиной, нетерпеливо ждет, когда ей ответят, и не замечает взгляда служанки Свет гаснет.

З а н а в е с

Действие второе

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Те же декорации, четверо суток спустя. Середина дня. В гостиной никого нет. Там все по-прежнему, нет только кресла Ани. Двери в холл закрыты. Появляется Карл, подходит к середине сцены и смотрит на то место, где обычно стояло кресло с Аней. Усаживается в красное кресло. Входит Лиза и направляется к письменному столу. Она в пальто. Следом входит доктор, смотрит на Лизу и Карла, идет к дивану, за ним — Лестер, он бредет в центр гостиной и останавливается, неловко переминаясь с ноги на ногу. Все двигаются очень медленно, и вид у всех очень подавленный.

ДОКТОР (*говорит через силу*). Ну, вот и все.

ЛИЗА (*снимает перчатки и шляпку*). Никогда еще не была на дознании в английском суде. Они тут всегда такие?

ДОКТОР (*все еще не оправившись от шока*). Судьи-то? Да нет, раз на раз не приходится. Все, знаете ли, зависит от конкретной ситуации. (*Садится в правый угол дивана.*)

ЛИЗА (*помолчав*). Такие все деловитые, ни малейших эмоций.

ДОКТОР. Да какие тут могли быть эмоции... Дело вполне обычное. Никаких особых вопросов.

ЛЕСТЕР (*подходит к дивану; доктору*). А вам их вердикт не показался странным? Они объявили, что смерть была вызвана передозировкой строфантина, но ни слова о том, каким образом это все могло случиться. Я-то думал, они скажут, что это — самоубийство в момент временного помутнения рассудка.

КАРЛ (*сразу встрепенувшись*). Чтобы Аня покончила с собой? Не могу в это поверить.

ЛИЗА (*задумчиво*). Да и мне тоже не верится, если честно.

ЛЕСТЕР. Как бы то ни было, улики имеются. И на пузырьке, и на стакане — отпечатки ее пальцев.

КАРЛ. Какая-то нелепая, трагическая случайность. Знаете, у нее в последнее время сильно дрожали руки. Ско-

рее всего, она, не заметив, накапала лишку. Но вот что удивительно: я абсолютно не помню, чтобы оставлял на ее столике лекарство и стакан. Но, значит, оставил, раз все это случилось...

Лиза встает и подходит к Карлу, Лестер садится на подлокотник дивана

ЛИЗА. Это я виновата. Я должна была дать ей капель, прежде чем уйти.

ДОКТОР. Никто тут не виноват. Нет ничего бесполезней, чем корить себя за уже совершенные поступки — или — наоборот, так и не совершенные. Что случилось, то случилось, как это ни прискорбно. И давайте на этом поставим точку... (*Вполголоса, в сторону.*) Если получится.

КАРЛ. Доктор, вы же не думаете, что она сделала это вполне осознанно?

ДОКТОР (*медленно*). Ну, это едва ли.

ЛЕСТЕР (*вставая*). Она... она ведь так часто об этом говорила. Я хочу сказать, когда бывала в плохом настроении.

ДОКТОР. Совершенно верно, почти все прикованные к инвалидному креслу больные часто грозятся самоубийством. Но очень редко его совершают.

ЛЕСТЕР (*помолчав, чуть смущенно*). Послушайте, я, наверное, слишком назойлив, мне не стоило приходить. Вы наверняка хотели побыть один. Я не должен был...

КАРЛ. Нет, нет, мой мальчик. Наоборот, я страшно тронут.

ЛЕСТЕР. Я просто подумал: может, пригожусь. (*Идет к Карлу, но спотыкается о стул у круглого столика и чуть не падает.*) Хотя чем-то смогу помочь (*смотрит на Карла преданным взглядом*), если такое возможно...

КАРЛ. Ваше сочувствие — лучшая помощь. Аня очень вас любила, Лестер.

Появляется миссис Роупер с подносом. На ней порывший от старости черный костюм и шляпа. На подносе — кофейник, четыре чашки и блюдо с сэндвичами

МИССИС РОУПЕР (*с подобающей скорбью в голосе*). Я сварила кофе и сделала немного сэндвичей. (*Ставит поднос на столик у дивана, оборачивается к Карлу*) Я подумала, сэр, что это хоть немного вас взбодрит.

Лиза подходит к столу и наливает себе кофе

КАРЛ. Спасибо, миссис Роупер.

МИССИС РОУПЕР (*елейным тоном*). Как только дознание закончилось, я чуть ни бегом сюда, сэр. Чтобы к вашему приходу все успеть приготовить.

КАРЛ (*наконец обратив внимание на ее костюм и шляпу*). Так вы тоже были на дознании?

МИССИС РОУПЕР. А то как же. Мне ведь тоже интересно. Бедная леди, такое несчастье... (*Наклоняется к сидящему на диване доктору.*) Уж такая она была расстроенная в последнее-то время, верно? Вот я и подумала: надо сходить, хоть уважить покойницу. А то, что уж хорошего, если эти полицейские сюда заявятся со своими расспросами.

Все присутствующие стараются не смотреть на миссис Роупер, надеясь, что она, наконец, замолчит и уйдет, но та упорно старается вызвать кого-нибудь на разговор

ДОКТОР (*вставая*). Полицейским положено всех допрашивать, таков уж порядок, миссис Роупер. (*Относит чашку с кофе Карлу, затем снова идет к подносу.*)

МИССИС РОУПЕР. Понятное дело, сэр.

ДОКТОР. Когда невозможно точно установить причину и обстоятельства смерти, проводят коронерское дознание.

МИССИС РОУПЕР. Да, да сэр, без этого, конечно, никак нельзя. Но хорошего-то мало, право, сэр.

Доктор берет чашку с кофе — теперь уже для себя — и снова усаживается на диван

Я же к таким вещам непривычная, сэр. Мужу-то моему навряд ли понравится, что я угодила в эдакую передрагу!

ЛИЗА. По-моему, лично вы никуда не угодили, миссис Роупер.

МИССИС РОУПЕР (*тут же торопливо к ней подходит*). Так они же и меня расспрашивали: не выглядела ли леди очень расстроенной в последнее время, не заводила ли разговоров о чем-нибудь... эдаком. (*Подходит к Карлу, многозначительно.*) О, они мне мно-о-го разных вопросов задавали.

КАРЛ. Ну, все это уже позади. Полагаю, вам больше не о чем тревожиться.

МИССИС РОУПЕР (*подобострастно*). Правда, сэр? Вот спасибо, сэр, что успокоили меня. (*Выходит в холл и затворяет за собой обе створки двери.*)

ДОКТОР. Ох уж эти женщины, кровожадные создания! Их хлебом не корми, только дай пообсуждать всякие болезни, похороны, смерть. Похоже, дознание тоже очень лакомая тема.

ЛИЗА. Лестер, хотите кофе?

ЛЕСТЕР. Большое спасибо. *(Наливает себе кофе, усаживается и погружается в изучение очередного фолианта.)*

КАРЛ. И все же это какое-то чудовищное недоразумение. Нелепая случайность.

ДОКТОР. Не знаю, что вам на это и сказать. *(Отпивая глоток кофе.)* Ну, Лиза, никакого сравнения с вашим кофе.

ЛИЗА. Он, наверное, с полчаса кипел.

КАРЛ. Вы же слышали: человек старался из лучших побуждений...

ЛИЗА *(смотрит в сторону Аниной комнаты, потом оборачивается)*. Ты уверен? *(Уходит в спальню Ани, оставив дверь открытой.)*

Доктор встает и, взяв со столика блюдо с сэндвичами, направляется к Карлу.

ДОКТОР. Хотите сэндвич?

КАРЛ. Нет, нет, спасибо.

ДОКТОР *(снова ставит блюдо на столик, поближе к Лестеру)*. Прошу, мой мальчик, налетайте. В вашем возрасте постоянно хочется чего-нибудь пожевать.

ЛЕСТЕР *(не отрываясь от книги, машинально, не глядя, берет с блюда сэндвич)*. Спасибо. Я совсем не прочь подкрепиться.

ЛИЗА *(зовет из комнаты)*. Карл.

КАРЛ *(поднимается, ставит чашку на рабочий столик)*. Прошу прощения, я на минутку. *(Кричит.)* Иду-иду! *(Направляется в спальню Ани и затворяет за собой дверь)*

ЛЕСТЕР. По-моему, он страшно подавлен, а, доктор?

ДОКТОР *(доставая трубку)*. Так оно и есть.

ЛЕСТЕР. Это довольно странно, то есть, не то, чтобы странно, но я думал... в общем, я понял, что чужая душа — потемки.

ДОКТОР *(раскуривает трубку)*. А все-таки что вы хотели сказать, мой мальчик?

ЛЕСТЕР. Ну-у... Миссис Хендрик так тяжело болела, и с ней было так непросто... По идее — правда же? — его это наверняка изматывало, висело тяжким грузом ..

Доктор бросает спичку в пепельницу на круглом столике и усаживается на диван

Вроде бы в глубине души он должен был обрадоваться, что теперь свободен. Так нет же! Он любил ее. На самом деле любил.

ДОКТОР. Ах, молодежь, молодежь! По-вашему, любовь — это сплошной праздник, увлечение, секс. А это ведь только ее физиологическая сторона, важная лишь поначалу. Яркий броский цветок, если угодно. Но сама любовь — это корень цветка. Подземный, невидимый, невзрачный, именно он — средоточие и залог ее жизни.

ЛЕСТЕР. Да, конечно. Но страсть проходит. Разве не так, доктор?

ДОКТОР *(в отчаянии)*. О Боже! Дай мне терпения! Вы, молодые, об этом понятия не имеете. . В газетах только и читаете, что про разводы да любовные треугольники — а там все подается с точки зрения чистой физиологии. Для разнообразия почитайте как-нибудь объявления о смерти. Сколько их — о том, как некий Джон или Эмили умерли на семьдесят четвертом году, и называют их не иначе, как возлюбленный супруг — или супруга. Вот вам бесчисленные свидетельства жизни, прожитой вместе. Жизни, которую питали корни, это о них я только что сказал. Благодаря этим корням вновь распускались листья и цветы, — пусть и неброские, но настоящие.

ЛЕСТЕР. Наверное, вы правы. Я, если честно, никогда об этом не задумывался. *(Вскакивает со стула и усаживается на диван рядом с доктором)* Я всегда думал, что женитьба, в общем-то, лотерея — если только, конечно, не встретишь ту самую...

ДОКТОР. Можете не продолжать. Вы надеетесь встретить — или уже встретили — ту самую, единственную, не похожую на других...

ЛЕСТЕР *(пылко)*. Но она действительно необыкновенная, не такая как все.

ДОКТОР *(с добродушным лукавством)*. Понимаю. Что ж, в добрый час, мой юный друг.

Входит Карл, в руках он держит маленький кулончик, доктор поднимается, Карл идет к нему, не сводя с кулона глаз

КАРЛ. Доктор, отдайте его вашей дочке, хорошо? Это Анин, она сама хотела, чтоб он достался Маргарет. *(Протягивает кулон доктору.)*

ДОКТОР *(растроганно)*. Спасибо, голубчик. Маргарет будет в восторге. *(Прячет кулон в бумажник и направляется к дверям.)* Вы уж простите — но мне пора. Не могу пациентов задерживать.

ЛЕСТЕР *(поднимается и направляется к Карлу)*. Я, пожалуй, тоже пойду, если вам не нужна моя помощь. Точно не нужна?

КАРЛ. Боюсь, что нужна.

Лестер явно обрадован.

Лиза собирает Анины вещи — одежду и кое-какие вещи, хочет отослать их в благотворительный комитет. Когда она их упакует, вы можете ей донести свертки до почты?

ЛЕСТЕР. Конечно, помогу. *(Направляется к комнате Ани.)*

ДОКТОР. До свиданья, Карл. *(Уходит.)*

Вскоре появляется Лестер с огромной коробкой, завернутой в упаковочную бумагу. Он проходит к письменному столу, ставит ее, после чего закрепляет бумагу клейкой лентой. Следом на нем из спальни Ани выходит Лиза; в руках у нее уже бумажный сверток, ящик от секретера, полный каких-то бумаг и писем, и небольшая шкатулка.

ЛИЗА *(проходя мимо дивана)*. Надо бы все это разобрать, Карл. *(Ставит ящик на диван.)* Вот, садись и внимательно все изучи, не буду тебе мешать. Это необходимо сделать, и чем скорее, тем лучше.

КАРЛ. Какая ты умница, Лиза. Конечно, страшно все это трогать — очень уж тяжело... Но ты права: не стоит откладывать.

ЛИЗА. Я скоро вернусь. Пойдемте, Лестер.

Лиза и Лестер уходят, Карл убирает с письменного стола обрезки упаковочной бумаги, потом садится на диван, ставит ящик с бумагами на колени и начинает их просматривать.

КАРЛ *(читая одно из писем)*. Как же давно это было!

Раздается звонок в дверь.

Ну, кто там? Я никого не хочу видеть!

МИССИС РОУПЕР *(за сценой)*. Проходите, пожалуйста. *(Заглядывает в гостиную, приоткрыв правую створку двери.)* Это мисс Ролландер, сэр.

Входит Хелен и направляется к Карлу; он поднимается, поставив ящик на столик. Миссис Роупер удаляется, оставив дверь открытой.

ХЕЛЕН. Надеюсь, вы не сочтете меня чересчур назойливой. Понимаете, я была на дознании, а когда все кончилось, просто не могла не зайти и не выразить свои соболезнования... Но, если хотите, я сейчас же уйду.

КАРЛ. Нет, нет, что вы, я страшно тронут.

Входит миссис Роупер, на ходу натягивая пальто.

МИССИС РОУПЕР. Пойду сбегаю в магазин, пока они не закрылись. Опять у нас весь чай вышел.

КАРЛ (*с отстраненным видом перебирая письма*). Да, конечно, миссис Роупер.

МИССИС РОУПЕР. Ох, так вот чем вы заняты, сэр. Это всегда тяжело. У меня сестра вдова. И что вы думаете? Сохранила все письма своего муженька, те, что он ей с Востока присылал. Бывало, как начнет их перечитывать, так вся слезами изойдет...

Хелен явно раздражена болтовней служанки

...И вот что я вам скажу, сэр: сердце, оно будет вечно помнить. Сердце, оно ничего не забывает.

КАРЛ. Верно, миссис Роупер.

МИССИС РОУПЕР. Воображаю, какой это был для вас неожиданный удар, сэр. Или же вы все-таки ожидали чего-нибудь такого?

КАРЛ. Нет, не ожидал.

МИССИС РОУПЕР. Вот и я тоже никак в толк не возьму, и как она на такое решилась. (*Смотрит, как зачарованная, на то место, где обычно стояло Анино кресло.*) Что-то тут неладно, право слово, сэр.

КАРЛ (*страдальчески*). Вы, кажется, собрались идти за чаем, миссис Роупер?

МИССИС РОУПЕР (*продолжая смотреть в ту же точку*). Да-да, сэр, я страшно тороплюсь. (*Чинно направляется к дверям.*) У них с половины первого — перерыв. (*Выходит в холл и закрывает за собой дверь.*)

ХЕЛЕН. Я так расстроилась, когда узнала...

КАРЛ (*отходя от нее*). Благодарю.

ХЕЛЕН. Она... она ведь долго болела? И, наверное, очень была измучена и... подавлена.

КАРЛ. Она ничего вам не говорила... тогда, перед тем, как вы ушли?

ХЕЛЕН (*явно нервничая*). Н-нет. По-моему, ничего. Ничего особенного.

КАРЛ. Но настроение у нее было неважнецкое... подавленное?

ХЕЛЕН (*словно хватаясь за соломинку*). Да, конечно! Она была очень-очень подавлена.

КАРЛ (*с легким укором*). И вы оставили ее одну, ушли, не дождавшись возвращения Лизы.

ХЕЛЕН (*усаживаясь в кресло, выпаливает скороговоркой*). Простите меня. Я не думала, что что-то может случиться.

То есть чувствовала она себя хорошо и все уговаривала меня уйти, ну а я... ну... подумала, что раз она не хочет меня видеть, то... вот и... послушалась. Сейчас-то я, конечно, страшно себя клянусь...

КАРЛ. Ну, зачем же так. Я все понимаю. Если моя бедная Аня задумала такое, ей, разумеется, нужно было уговорить вас уйти.

ХЕЛЕН. А в конечном итоге это ведь был наилучший выход. Разве не так?

КАРЛ *(с негодованием)*. Что значит, «наилучший выход»?

ХЕЛЕН *(вставая)*. Я хочу сказать, для вас. И для нее — тоже. Ей хотелось со всем этим покончить, раз и навсегда. И она сделала это. И, значит, не стоит так уж себя изводить, верно? *(Подходит поближе к Карлу)*

КАРЛ *(немного отступив)*. Как-то не верится, что она хотела со всем покончить.

ХЕЛЕН. Но она сама так сказала. В конце концов, если человеку не суждено быть здоровым и счастливым, то... Она ведь была несчастлива?

КАРЛ *(задумчиво)*. У нее бывали и счастливые моменты. Очень счастливые.

ХЕЛЕН. Она не могла не чувствовать, что стала для вас обузой.

КАРЛ *(с заметным раздражением)*. Она никогда не была для меня обузой.

ХЕЛЕН. К чему все это притворство? Я знаю, вы были добрым и заботливым мужем. Но будем уж до конца честными: любому мужчине в тягость больная, вечно ноющая жена. Теперь вы свободны. Так действуйте. Теперь вы можете делать все, что захотите, — все, вы представляете? Кстати, вы честолюбивы?

КАРЛ. В сущности, нет.

ХЕЛЕН. Вот и неправда. Я слышала, — о вас говорят, называют вашу книгу событием нашего столетия.

КАРЛ *(усаживаясь в левый угол дивана)*. Это только слова.

ХЕЛЕН. Нет, это говорили люди знающие. Вас приглашали в Америку, да куда вас только ни приглашали! Но вы отказывались — не могли оставить больную жену, которая не в состоянии путешествовать. *(Забирается на диван и встает на колени, усевшись на пятки.)* Вы так долго были связаны по рукам и ногам, что разучились чувствовать себя свободным. Пора встряхнуться, Карл. Просыпайтесь. Пора становиться самим собой. Вы сделали для Ани все, что было в ваших силах. А теперь все позади. Начните, наконец, радоваться жизни, а иначе и жить не стоит!

КАРЛ. Это что же, вы решили прочесть мне проповедь?
ХЕЛЕН. Важно только настоящее и будущее.

КАРЛ. Настоящее и будущее зависят от прошлого, имейте это в виду.

ХЕЛЕН (*вставая*). Итак, вы теперь свободны. Так, может, нам хватит скрывать свои чувства? Делать вид, что мы друг к другу равнодушны?

КАРЛ (*встает и подходит к креслу; говорит очень твердо, почти жестко*). Да поймите же вы, наконец. Я — вас — не люблю. Вы все это придумали.

ХЕЛЕН. Нет, ничего я не придумала.

КАРЛ. Но это так. Мне не хочется быть жестоким, но я вынужден повторить, что мое отношение к вам не имеет ничего общего с любовью. (*Усаживается в кресло.*)

ХЕЛЕН. Но вы должны меня полюбить... должны! Я на такое из-за вас решилась... У других не хватило бы духу, а у меня вот хватило. Я так вас люблю, что больше не могла смотреть, как вы мучаетесь, оттого что накрепко привязаны к больной никчемной женщине. Вы что же, еще не догадались, о чем я говорю? Я убила ее. Вам понятно? Я ее убила.

КАРЛ (*ошеломленно*). Вы убили... Господи, что вы такое несете?

ХЕЛЕН (*подходит к нему*). Я убила вашу жену. И мне ни капельки не стыдно. Те, кто болен и немощен, от кого уже нет никакой пользы, должны уйти, уступить место сильным и молодым.

КАРЛ (*вскакивает и отшатывается от Хелен*). Вы убили Аню?

ХЕЛЕН. Она попросила лекарство. Я ей его дала. Вылила в стакан весь пузырек.

КАРЛ (*пятясь от нее, в ужасе*). Вы... ты...

ХЕЛЕН. Да не волнуйтесь вы так. Никто никогда не узнает. Я обо все позаботилась. (*С детской непосредственностью и даже с гордостью.*) Я стерла свои отпечатки пальцев. (*Подходит чуть ближе к Карлу.*) А после я вложила ей в руку стакан, потом пузырек, и прижала к пальцам. Так что с уликами все в порядке. (*Подходит к нему вплотную.*) Я не хотела вам говорить, но потом поняла, что не смогу молчать, — между нами не должно быть никаких недомолвок и тайн. (*Кладет руки Карлу на плечи.*)

КАРЛ (*отталкивает ее*). Ты убила Аню.

ХЕЛЕН. Когда долго о чем-то думаешь...

КАРЛ. Ты убила Аню. (*Повторяя это раз за разом, все больше осознает кошмарный смысл этих слов, и его тон стано-*

вится все более угрожающим; в конце концов, он хватается Хелен за шиворот и брезгливо, словно крысу, швыряет в левый угол дивана.) Испорченная избалованная девчонка, — что ты наде-лала?! Несешь всякую чушь о том, какая ты смелая и сильная. Ты убила мою жену — мою Аню? Ты хоть соображаешь, что ты натворила?! Берешься рассуждать о вещах, в которых ниче-го не смыслишь. Нет у тебя ни совести, ни элементарного сострадания. Я же могу тебя задушить, и немедленно... (*Об-хватывает ладонями ее шею и начинает душить.*)

Хелен резко откидывается на спинку дивана, Карл, не ожидавший этого, выпускает ее, и она, тяжело дыша, утыкается лбом в левый подлокотник

Убирайся отсюда. И поскорее, пока я не сделал с тобой то, что ты сделала с Аней.

Хелен все еще тяжело дыша, начинает всхлипывать, Карл бредет, пошатываясь, к письменному столу и, рухнув на стул, обессиленно от-кидывается на спинку.

ХЕЛЕН (*в полном отчаянье*). Карл.

КАРЛ. Убирайся. (*Срывается на крик.*) Убирайся, кому я сказал!

Хелен, продолжая рыдать, встает и бредет к креслу, хватая свою сумоч-ку и перчатки; потом, словно во сне, направляется к дверям. Карл опу-скается на стул и закрывает лицо ладонями. После недолгой паузы слыш-но, как хлопает входная дверь. Почти тут же в холле появляется Лиза

ЛИЗА (*кричит*). Карл, я уже пришла! (*Идет к себе в спальню.*)

Карл встает, медленно подходит к дивану и в полном изнеможении падает на него.

КАРЛ. Бедная моя Аня.

Снова пауза. Лиза выходит из спальни и направляется в гостиную, на ходу завязывая фартук, подходит к окну.

ЛИЗА (*будничным тоном*). Столкнулась на лестнице с Хе-лен. У нее было какое-то странное лицо. Мне кажется, она меня даже не заметила. (*Завязав фартук, оборачивается к Карлу.*) Карл, что случилось? (*Подходит.*)

КАРЛ (*очень спокойным голосом*). Она убила Аню.

ЛИЗА (*вздвигнув от ужаса*). Что?

КАРЛ. Она убила Аню. Аня попросила дать ей лекар-ство, и эта скверная девчонка накапала ей чудовищную дозу.

ЛИЗА. Но на стакане — Анины отпечатки.

КАРЛ. Хелен потом вложила ей в руку стакан.

ЛИЗА (*спокойно и деловито вникает в ситуацию*). Я вижу, эта крошка не растерялась, все продумала.

КАРЛ. Я чувствовал, что тут что-то не так. Я знал, что Аня никогда бы на такое не пошла.

ЛИЗА. Разумеется, она в тебя влюблена...

КАРЛ. Да-да. Но я не давал ей ни малейшего повода рассчитывать на взаимность. Клянусь тебе.

ЛИЗА. В этом я не сомневаюсь. Но для таких, как она, нет разницы между желаемым и действительным. (*Подходит к креслу, садится.*)

КАРЛ. Бедная моя Аня, моя храбрая девочка.

Воцаряется долгое молчание

ЛИЗА. Ну и что ты теперь собираешься делать?

КАРЛ (*недоуменно*). Ты о чем?

ЛИЗА. Разве ты не хочешь сообщить в полицию?

КАРЛ (*вздрагивает*). Рассказать все в полиции?

ЛИЗА (*очень спокойным голосом*). Ведь это, знаешь ли, убийство.

КАРЛ. Да, я понимаю.

ЛИЗА. В таком случае, отправляйся в полицию и все им изложи.

КАРЛ. Я не могу этого сделать.

ЛИЗА. Это почему же? Ты ее уже простил?

Карл вскакивает и начинает метаться по комнате, потом останавливается возле кресла.

КАРЛ. Но я не могу допустить, чтобы эту девчушку...

ЛИЗА (*еле сдерживаясь*). Нас никто сюда силой не затаскивал, мы сами выбрали эту страну и живем под защитой здешних законов. И мне кажется, мы обязаны эти законы соблюдать, независимо от своих чувств.

КАРЛ. Ты действительно считаешь, что я должен пойти в полицию?

ЛИЗА. Да, и немедленно.

КАРЛ. Почему?

ЛИЗА. Ну, хотя бы потому, что этого требует обыкновенный здравый смысл.

КАРЛ. Здравый смысл, здравый смысл... Разве это возможно — подчинить всю свою жизнь здравому смыслу?

ЛИЗА. Для тебя, разумеется, невозможно. Ни прежде, не было возможно, ни теперь. У тебя мягкое сердце, Карл. Я не такая.

КАРЛ. Но что дурного в сострадании? И чем плохо милосердие?

ЛИЗА. Милосердие может принести много бед.

КАРЛ. Человек должен быть верен своим принципам. Даже ценой страдания.

ЛИЗА. Возможно. Тебе видней. *(Поднимается и подходит к круглому столику.)* Только почему-то ради твоих принципов должны страдать другие. Например, Аня.

КАРЛ. Да, тут мне нечем тебе возразить. Но сейчас ты не хочешь меня понять...

ЛИЗА *(поворачиваясь к Карлу и пристально на него глядя)*. Я прекрасно тебя поняла.

КАРЛ. Ну что ты от меня хочешь, что мне, по-твоему, нужно делать?

ЛИЗА. Я уже все сказала. Тебе нужно пойти в полицию. Аня была убита. А убила ее эта девица. Полиция должна об этом узнать.

КАРЛ *(поднимается)*. Ты говоришь это сгоряча, Лиза. Подумай, она еще совсем молоденькая. Ей всего двадцать три года.

ЛИЗА. Понятно. А Ане было уже тридцать восемь.

КАРЛ. Ну, будут они мучить ее допросами и вынесут приговор — что это изменит? Аню уже не вернешь. Пойми, Лиза, самая праведная месть не воскресит нашу Аню.

ЛИЗА. Это верно. Ее не вернешь.

КАРЛ *(подходит к дивану, садится)*. Попробуй взглянуть на все с моей точки зрения.

ЛИЗА *(подходя к дивану)*. С твоей точки зрения я смотреть на это не могу. Я любила Аню. Она моя сестра и лучшая подруга. Мы вместе росли. Когда она заболела, я старалась ей помочь, как умела. Уж я-то знаю, как трудно ей было держать себя в руках: не раскисать, не жаловаться. Я знаю, чего ей это стоило.

КАРЛ. Заявление в полицию не вернет мне Аню.

Лиза молча отворачивается

Лиза, неужели ты не понимаешь, что я чувствую себя отчасти виноватым... Вероятно, я каким-то непостижимым образом подтолкнул девочку к этому шагу.

ЛИЗА. Никуда ты ее не подталкивал. *(Подходит к дивану и становится на него коленями.)* Давай начистоту. Она решилась на крайность — ради того, чтобы соблазнить тебя. Но у бедняжки ничего не вышло.

КАРЛ. Можешь думать, что угодно. Но меня не покидает чувство вины. Хелен решилась на это из-за любви ко мне.

ЛИЗА. Из-за любви? Ты преувеличиваешь. Просто она привыкла, что все ее прихоти всегда исполняются. И вот ей захотелось заполучить тебя.

КАРЛ. Представляешь, какая это для нее трагедия? Ведь у бедной девочки не было ни единого шанса на взаимность.

ЛИЗА. Девочка, между прочим, очень молода и хороша собой.

КАРЛ (*резко*). Это ты к чему?

ЛИЗА. Совсем не уверена, что ты был бы так же великодушен, окажись на месте Хелен какая-нибудь из твоих дурнушек-студенток.

КАРЛ (*вскочив*). Как ты могла подумать...

ЛИЗА (*вскочив*). Так что именно я могла подумать?

КАРЛ. Что я увлечен этой девушкой...

ЛИЗА. Почему бы нет? Разве она тебе не нравится? Будь честным хоть перед собой. Ты уверен, что не влюблен в нее, хоть немножко?

КАРЛ (*подходит к ней*). Как ты можешь такое говорить? Я люблю тебя. Тебя! Сколько бессонных ночей я провел в мечтах о тебе, изнемогая от желания! Ах, Лиза... Лиза!..

Карл кладет руки ей на плечи, они сжимают друг друга в объятиях. В распахнутых дверях возникает чей-то силуэт. Спустя несколько секунд створки захлопываются. Карл и Лиза тут же резко друг от друга отодвигаются и оборачиваются на дверь. Но там уже никого нет.

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же шесть часов спустя. Вечер.

Комната едва освещена, — большая ее часть погружена в темноту. Лиза сидит на диване и курит. Ее еле видно. Слышно, как открывается входная дверь, потом раздаются голоса в холле. Входит Карл. В кармане его пальто — свернутая газета. Следом входит доктор.

КАРЛ. Никого. Интересно, почему?

Доктор, нащупав выключатель, включает свет, оба видят Лизу.

ДОКТОР. Лиза! Голубушка! Что ж это вы сидите в темноте?

Карл подходит к стулу у письменного стола и бросает на спинку пальто.

ЛИЗА. Я просто задумалась.

Карл усаживается в кресло.

ДОКТОР. Вот, наткнулся на Карла на улице. *(Кидает свое пальто на стул у круглого столика.)* Карл, дружище, знаете, что бы я вам сейчас порекомендовал принять? Немного хорошего крепкого бренди, а, Лиза?

Лиза порывается встать

Нет-нет, я сам управлюсь. *(Подходит к буфету; достает бутылку бренди и рюмку, наливает.)* Пережить такой шок, это кого угодно выведет из равновесия...

КАРЛ. Я рассказал доктору про Хелен.

ДОКТОР. Да, он все мне доложил.

ЛИЗА. Полагаю, для вас это было не такой уж неожиданностью, я права?

ДОКТОР. Я, знаете ли, все это время просто места себе не находил. Аня была не из тех, кто решился бы свести счеты с жизнью, а возможность несчастного случая просто исключена. *(Подает Карлу рюмку бренди.)* Коронерское дознание лишь усугубило мои подозрения. Я сразу почуял, что вердикт был вынесен под нажимом полиции. *(Садится рядом с Лизой на диван.)* Да, все это выглядело каким-то... фальшивым. Полицейские, они ведь долго меня прощупывали, и я сразу понял, к чему они клонят. Естественно, ничего конкретного они не говорили.

ЛИЗА. Стало быть, вас не очень удивило признание Карла?

ДОКТОР. Совсем не удивило. Эта девица решила, что ей все сойдет с рук. Даже убийство. Но тут она явно просчиталась.

КАРЛ *(тихо)*. Я тоже виноват.

ДОКТОР. Карл, прекратите же, наконец, вы тут абсолютно ни при чем. Вы суший младенец по сравнению с этой милой крошкой. *(Встает и принимается ходить по комнате.)* Как бы то ни было, теперь от вас уже ничего не зависит.

ЛИЗА. Вы полагаете, ему следует пойти в полицейский участок?

ДОКТОР. Да.

КАРЛ. Нет.

ДОКТОР. Из-за того, что чувствуете и себя в какой-то мере причастным? Вы слишком сентиментальны.

КАРЛ. Бедное взбалмошное дитя.

ДОКТОР. Бессердечная, хищная дрянь — так, пожалуй, будет точнее! И потом, на вашем месте я бы раньше времени не расстраивался. Десять против одного, что ее не арестуют. *(Подходит к Карлу.)* Скорее всего, она будет все отрицать, ведь требуются улики, сами понимаете. Будь

полиция хоть трижды уверена, нет улик, значит, нет и дела. И учтите: папаша у нее очень важная персона. Один из самых крупных английских толстосумов. Это тоже весьма существенное обстоятельство.

КАРЛ. Уж это вы напрасно.

ДОКТОР. Поймите, к полиции у меня никаких претензий. Если они заведут новое дело, то будут работать честно. Но им придется пересматривать имеющиеся показания и улики. А что толку? Новых-то взять негде. Мм... разве что милая девушка сама вдруг решит во всем признаться. Но, сдастся мне, этого не произойдет. Судя по всему, она крепкий орешек.

КАРЛ. Но мне же она призналась.

ДОКТОР. Тут — другое... Хотя не пойму, зачем она это сделала. *(Подходит к дивану и усаживается на левый подлокотник.)* По-моему, она здорово сглупила, что проговорилась.

ЛИЗА. Сглупила? Да она была страшно собой горда!

ДОКТОР *(глядя на нее с изумлением)*. Горда? Да неужели!

КАРЛ. Это правда — в том-то и весь ужас.

В дверь звонят.

Кто бы это мог быть?

ДОКТОР. Полагаю, кто-то из ваших студентов. *(Встает.)* Пойду скажу, что сейчас вам не до них. *(Идет к дверям.)*

Карл встает и ставит рюмку на письменный стол.

ОГДЕН *(за сценой)*. Я могу видеть профессора Хендрика?

ДОКТОР *(за сценой)*. Пожалуйста, проходите сюда.

Доктор входит и останавливается у двери. На сцене появляются детектив-инспектор Огден и сержант Пирс. У Огдена приятные манеры и совершенно невозмутимое лицо. Сержант закрывает обе дверцы и проходит к столику у дивана.

ОГДЕН *(очень учтиво)*. Надеюсь, мы не слишком вас потревожили, профессор?

КАРЛ. Нисколько, инспектор.

ОГДЕН. Добрый вечер, мисс Колецки. Итак, начнем, профессор. Наверное, не думали, что снова с вами встретимся, но, увы, нам необходимо задать вам несколько вопросов. Вердикт был вынесен неокончательный. Из-за отсутствия фактов, проясняющих картину преступления. А именно: непонятно, каким образом леди могла получить смертельную дозу лекарства.

КАРЛ. Понимаю.

ОГДЕН. Может, у вас появились какие-нибудь соображения на этот счет? За то время, пока мы с вами не виделись?

Карл украдкой смотрит на Лизу. Огден и Пирс замечают этот быстрый обмен взглядами. Следует долгая пауза.

КАРЛ (*твердо*). Никаких соображений. Я по-прежнему уверен в том, что это какая-то нелепая случайность.

Лиза отворачивается; доктор, едва не хмыкнув, смотрит в сторону.

ОГДЕН. Иными словами, это точно не самоубийство.

КАРЛ. Точно.

ОГДЕН. Ну что ж, вы совершенно правы, сэр. (*С нажимом.*) Это не самоубийство.

Карл и Лиза смотрят на Огдена.

ЛИЗА (*спокойно, не теряя присутствия духа*). Откуда вам это известно?

ОГДЕН. Имеются новые факты, которыми мы не располагали на момент дознания. Я говорю об отпечатках пальцев на том злосчастном пузырьке и, естественно, на стакане.

КАРЛ. Простите, но на них ведь были найдены отпечатки пальцев моей жены. Разве не так?

ОГДЕН. Все верно. Отпечатки были ее. (*Мягко.*) Но не она их оставила.

Подходит к стулу у круглого столика и ставит его возле дивана.

Доктор и Карл переглядываются.

КАРЛ. Что вы имеете в виду?

ОГДЕН. Чувствуется почерк неопытного преступника. Такие думают, что они самые умные. Что достаточно взять руку умершего, вложить ему в нее пистолет или пузырек и прижать пальцы. (*Садится на стул у дивана.*) Но все далеко не так просто.

Карл усаживается в кресло.

Отпечатки расположены таким образом, что их никак не мог оставить живой человек. Это означает, что кто-то другой прижал пальцы вашей жены к пузырьку, чтобы инсценировать самоубийство. Как это по-детски... повторяю, кто-то решил, что он самый умный. И еще один момент. На пузырьке должны были быть и другие, старые отпечатки, и много, ведь ее и другие люди брали в руки. Но их нет — их стерли, прежде чем приложить к ней пальцы покойной. Теперь вы поняли, в чем дело?

КАРЛ. Теперь понял.

ОГДЕН. Спрашивается, зачем все это нужно было проделывать, если произошел несчастный случай? Остается лишь одно объяснение.

КАРЛ. Да.

ОГДЕН. Не уверен, что вы действительно поняли, что я имею в виду. Придется все-таки его произнести, это гнусное словечко. Убийство.

КАРЛ. Убийство.

ОГДЕН. Ну что, вам не верится, сэр?

КАРЛ (*скорее самому себе, чем Огдену*). Не верится, совсем не верится. Моя жена была такая милая и добрая... Мне и в голову не могло прийти, что кто-то когда-нибудь захочет... убить ее. Просто какая-то дикость, не могу поверить.

ОГДЕН. А вы, вы сами...

КАРЛ (*резко*). Это что же, обвинение?

ОГДЕН (*вставая*). Ну что вы, сэр. Если бы подозрения пали на вас, я предъявил бы вам соответствующий документ — ордер на арест. Нет, профессор, мы все проверили: где вы были и в каком часу. (*Снова усаживается.*) Вы отбыли отсюда вместе с доктором Стоунером. Он утверждает, что в момент ухода на столике вашей жены не было ни пузырька, ни стакана. Мы провели подробный хронометраж — от того момента, как вы ушли, и до того, как вернулась мисс Колецки, утверждавшая, что увидела вашу жену уже мертвой. Вы действительно читали вашим студентам лекцию. Нет, сэр, к отпечаткам на стакане и пузырьке вы не имеете ни малейшего отношения. Я просто хотел спросить. А вы, вы сами не можете кого-нибудь называть? Кто, по-вашему, мог бы это сделать?

Наступает долгая пауза; Карл смотрит перед собой невидящим взглядом.

КАРЛ (*собранный с духом*). Я... (*Медлит.*) Я ничем не могу вам помочь.

Огден встает и аккуратно ставит стул на прежнее место, у столика, потом выразительно смотрит на сержанта, и тот направляется к комнате Ани.

ОГДЕН. В таком случае, сами понимаете, нам придется действовать иначе. Вы позволите осмотреть квартиру? Особенно нас интересует комната миссис Хендрик. Если угодно, я могу предъявить ордер...

КАРЛ. Осматривайте. Осматривайте, что хотите. (*Встает.*)

Лиза тоже встает.

Спальня моей жены вон там. (*Машет рукою вправо.*)

ОГДЕН. Благодарю вас.

КАРЛ. Мисс Колецки уже кое-что там разобрала.

Лиза подходит к Аниной спальне и отворяет дверь; Огден и сержант проходят внутрь; Лиза, оборачиваясь, смотрит на Карла, затем тоже входит и захлопывает дверь.

ДОКТОР. На правах давнего знакомого я позволю себе быть откровенным. Вы ведете себя, как последний дурак, голубчик.

КАРЛ. Я не могу быть доносчиком, увольте. Они сцапают ее и без моей помощи, и очень скоро.

ДОКТОР. Совсем в этом не уверен. А ваше обостренное чувство вины — полнейший абсурд. *(Усаживается в кресло.)*

КАРЛ. Она сама не знала, что делает.

ДОКТОР. Все она знала, и очень хорошо.

КАРЛ. Нет, конечно, не знала. Жизнь еще ничему ее не научила — ни состраданию, ни умению понимать других.

Из спальни Ани выходит Лиза, закрывает дверь.

ЛИЗА *(доктору)*. Вам удалось его образумить?

ДОКТОР. Пока нет.

Лиза поживается.

Вам холодно?

ЛИЗА. Нет-нет. Просто мне... страшно. *(Идет к дверям.)* Пойду сварю кофе. *(Выходит.)*

КАРЛ. Ну, как мне убедить вас с Лизой! Поймите — никаким возмездием Аню уже не вернешь.

ДОКТОР. А что если наша прекрасная малышка и впредь будет вот так избавляться от неугодных ей жен?

КАРЛ. Нет, ничего подобного больше не повториться. Я уверен.

Из Аниной спальни выходят инспектор и сержант; сержант проходит к круглому столику у дивана, Огден остается у двери в спальню.

ОГДЕН. Как я понял, часть одежды и украшений миссис Хендрик было изъято?

КАРЛ. Ну да. По-моему, мы отослали их в благотворительный комитет Восточного Лондона.

Сержант что-то помечает в своем блокнотике.

ОГДЕН. Ну а бумаги, письма?

КАРЛ (*подходя к круглому столу*). Как раз сегодня утром я их просматривал. (*Указывает на ящичек.*) Правда, не очень понимаю, что вы надеетесь отыскать...

ОГДЕН. Мало ли что попадется... какая-нибудь записка, или пометка для памяти.

КАРЛ. Едва ли. Впрочем, сами смотрите, если это так необходимо. Я думаю, вы не обнаружите ничего интересного. (*Берет в руки пачку писем, перевязанных ленточкой.*) Это вам тоже нужно? Это мои письма, которые я писал ей много-много лет назад.

ОГДЕН (*мягко*). К сожалению, их я тоже обязан прочитать. (*Берет у него пачку.*)

Наступает неловкая пауза, Карл нетерпеливо поглядывает на двери, ведущие в прихожую

КАРЛ. Я пойду пока на кухню, инспектор. Если понадобится, позовете.

Доктор открывает правую створку двери, и Карл выходит; доктор следует за ним и затворяет дверь; Огден подходит к круглому столу.

СЕРЖАНТ. Думаете, он тоже замешан?

ОГДЕН. По-моему, нет. (*Начинает просматривать содержимое ящичка.*) Во всяком случае — не был. И ни о чем ни сном ни духом не догадывался. (*Мрачно.*) А теперь узнал — и это для него страшный удар.

СЕРЖАНТ (*тоже начинает рыться в бумагах*). Он ничего не говорит.

ОГДЕН. Естественно. Ничего другого я и не ожидал. Здесь мы вряд ли что-либо найдем. В данных обстоятельствах, на это рассчитывать не приходится.

СЕРЖАНТ. Да если бы что и было, наша любознательная миссис Муп была бы в курсе. Она, скажу я вам, прирожденный шпион, если где нечисто, обязательно сунет туда свой нос. И станет во всем этом копать с большим удовольствием!

ОГДЕН (*брезгливо*). Дамочка не слишком приятная.

СЕРЖАНТ. Зато при даче свидетельских показаний выложит все до мелочей.

ОГДЕН. Боюсь, еще и от себя добавит. Ну ладно, здесь точно ничего стоящего нет. Тогда займемся делом более важным. (*Подходит к дверям в центре сцены и зовет.*) Прошу всех сюда.

По очереди входят Лиза, доктор и Карл. Сержант идет к дверям, закрывает их и встает рядом.

Мисс Колецки, мне бы хотелось задать вам несколько вопросов. Вы имеете полное право на них не отвечать.

ЛИЗА. Я и не собираюсь отвечать ни на какие вопросы.

ОГДЕН. Возможно, это самое разумное решение. В вашем положении. Лиза Колецки, я уполномочен арестовать вас: вы обвиняетесь в том, что пятнадцатого марта сего года отравили свою кузину Аню Хендрик.

Карл поспешно подходит к Лизе.

Я обязан предупредить, что любые ваши показания могут быть впоследствии использованы в качестве улик.

КАРЛ (*в панике*). Что все это значит? Что вы делаете? Что вы такое говорите?

ОГДЕН. Попрошу вас не устраивать сцен, профессор.

КАРЛ (*встает у Лизы за спиной и кладет руки ей на плечи*). Вы не вправе брать ее под арест. Вы не вправе... Она не совершала никаких преступлений.

ЛИЗА (*мягко его отталкивает; очень громко, отчетливо и без тени страха*). Я не убивала свою сестру.

ОГДЕН. У вас еще будет масса возможностей говорить все, что вы сочтете нужным. Но чуть позже.

Карл, не выдержав, кидается к Огдену, но доктор хватает его за руку.

КАРЛ (*отталкивает доктора, почти срываясь на крик*). Вы не посмеете это сделать! Не посмеете!

ОГДЕН (*Лизе*). Если вам нужно взять пальто и шляпу...

ЛИЗА. Ничего мне не нужно.

Лиза, на миг обернувшись, смотрит на Карла, потом идет к дверям. Сержант распаковывает их, пропуская ее вперед, потом они с инспектором тоже выходят. Карл бросается вслед за ними.

КАРЛ. Инспектор Огден! Вернитесь. Мне необходимо с вами поговорить!

ОГДЕН (*за сценой*). Подождите тут, в прихожей, сержант.

СЕРЖАНТ (*за сценой*). Есть, сэр.

Огден возвращается в гостиную.

ОГДЕН. Я слушаю вас, профессор.

КАРЛ. Я должен вам кое-что сообщить. Я знаю, кто убил мою жену. Это сделала не мисс Колецки.

ОГДЕН (*любезно*). Тогда кто же?

КАРЛ. Это сделала мисс Хелен Ролландер. Одна из моих учениц. (*Подходит к креслу, садится.*) Она... она, к несчас-

тью, вообразила, что испытывает ко мне... мм... более чем дружеские чувства.

Доктор подходит к нему.

В тот день она оставалась какое-то время с моей женой наедине. Это она дала ей капли — намного больше, чем полагалось.

ОГДЕН. И каким образом вы об этом узнали, профессор Хендрик?

КАРЛ. Сегодня утром она сама мне об этом сказала.

ОГДЕН. Ах, вот оно что... Кто-нибудь присутствовал при вашей беседе?

КАРЛ. Нет. Но поверьте, я говорю правду.

ОГДЕН (*задумчиво*). Хелен... Ролландер. Вы имеете в виду дочь сэра Уильяма Ролландера?

КАРЛ. Да. Это ее отец. Человек очень известный. Но какое это имеет значение?

ОГДЕН. Решительно никакого — при том условии, что вы действительно говорите правду.

КАРЛ (*вставая*). Я готов повторить это под присягой.

ОГДЕН. Вы ведь очень привязаны к мисс Колецки, не так ли?

КАРЛ. Вы что же, полагаете, что я все выдумал специально чтобы выгородить ее?

ОГДЕН. Не исключено — вы ведь состоите в близких отношениях с мисс Колецки, не так ли?

КАРЛ (*ошеломленно*). Что вы имеете в виду?

ОГДЕН. Для начала хочу вам сообщить, профессор, что сегодня днем к нам в участок пожаловала ваша служанка, миссис Роупер, и сделала заявление.

КАРЛ. Так, значит, это миссис Роупер...

ОГДЕН. Мисс Колецки арестована, в частности, на основании ее заявления.

КАРЛ (*обернувшись к доктору в надежде на поддержку; Огдену*). Неужели вы поверили, что между мной и Лизой...

ОГДЕН. Ваша супруга была тяжело больна, а мисс Колецки — молодая и красивая женщина. Вас сблизила сама судьба.

КАРЛ. Значит, вы решили, что мы с Лизой задумали убить Аню.

ОГДЕН. Я не говорю, что это задумали вы, профессор. Впрочем, может, я ошибаюсь. Полагаю, что, так сказать, план операции был разработан исключительно мисс Колецки. Узнав, что у вашей жены появилась надежда на выздоровление, — благодаря новейшим медицинским разра-

боткам — мисс Колецки испугалась, что у нее не остается никаких шансов.

КАРЛ. Но я же сказал вам, что Аню убила Хелен Ролландер.

ОГДЕН. Да, сказали. Но это весьма маловероятно. Судите сами. Мисс Ролландер имеет буквально все, к ее ногам отец всегда готов был бросить весь мир. И потом, она едва с вами знакома. И чтобы она решилась на такое? Подобное заявление в ее адрес, профессор Хендрик, не делает вам чести, тем более при теперешних обстоятельствах, когда вы точно знаете, что оно не может быть опровергнуто...

КАРЛ. Послушайте. Поезжайте к мисс Ролландер. Скажите ей, что арестована другая женщина. Скажите ей, от моего имени, что я знаю, я уверен: несмотря на то, что она совершила, по сути своей она честный, порядочный человек. Она подтвердит то, что я вам сказал, можете не сомневаться.

ОГДЕН. Вы считаете, что придумали очень остроумный ход, верно?

КАРЛ. Это в каком смысле?

ОГДЕН. В самом прямом. Жаль только, что нет свидетелей, которые могли бы подтвердить ваше признание.

КАРЛ. Разве что сама Хелен.

ОГДЕН. Вот именно.

КАРЛ. И еще доктор Стоунер. Я ему все рассказал.

ОГДЕН. То есть, он узнал об этом опять же от вас.

ДОКТОР. Уверен, что именно так все и было, инспектор. Если помните, я уже рассказывал, что когда мы в тот день уходили, с миссис Хендрик вызвалась побыть мисс Ролландер.

ОГДЕН. Очень великодушно с ее стороны. (*Подходит ближе к доктору.*) Мы тогда же побеседовали с мисс Ролландер, и у меня нет оснований, чтобы усомниться в ее показаниях. Эта девушка оставалась с миссис Хендрик совсем недолго, поскольку та, сославшись на усталость, попросила ее уйти.

КАРЛ. Так поезжайте к Хелен! Расскажите ей, что произошло. Скажите, что это я просил все ей рассказать.

ОГДЕН (*доктору*). Когда именно профессор Хендрик сообщил вам, что его жену убила мисс Ролландер? Наверное, минут сорок назад?

ДОКТОР. Да, чуть меньше часа.

КАРЛ. Мы случайно встретились на улице.

ОГДЕН (*доктору*). А вам не пришло в голову, что если то, что профессор сообщил вам по поводу своей ученицы — прав-

да, он немедленно должен был прийти к нам в участок и все подробно изложить?

ДОКТОР. Такой уж он человек. Не все же сразу бегут в полицию.

ОГДЕН (*жестко*). Не уверен, что вы достаточно хорошо знаете этого человека. (*Подходит к стулу, на котором лежит пальто Карла.*) Он хитер и расчетлив, и не слишком порядочен.

Карл, оскорбленный, устремляется к инспектору, но доктор преграждает ему путь и жестом призывает не горячиться.

Я вижу, у вас в кармане вечерняя газета. (*Вытаскивает ее.*)

КАРЛ. Я купил ее на углу, по пути домой. Не успел еще даже просмотреть.

ОГДЕН. Правда, не успели?

КАРЛ. Ну да. Я точно это помню.

ОГДЕН. И все же, боюсь, память вас немного подвела. Позвольте вам кое-что прочесть. (*Разворачивает газету, начинает читать вслух.*) «Хелен Ролландер, единственная дочь Уильяма Ролландера, погибла сегодня утром в результате несчастного случая. Ее сшиб грузовик, когда она переходила дорогу. Водитель заявил, что мисс Ролландер неожиданно выбежала на проезжую часть, и он не успел затормозить. Смерть наступила мгновенно».

Карл, обессиленный от ужаса, падает на диван.

Полагаю, наткнувшись на это сообщение, вы мигом сообразили, что теперь у вас появился шанс спасти свою любовницу. Свалили вину на несчастную девочку, которая никогда уже не сможет опровергнуть вашу ложь, ибо она — мертва.

Свет гаснет.

З а н а в е с

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же Спустя два месяца. Вторая половина дня.

Карл сидит на диване, доктор, наклонившись над круглым столиком, читает томик Лэндора; Лестер бродит взад и вперед по комнате. Раздается телефонный звонок, все разом бросаются к аппарату. Лестер, оказавшийся ближе всех, снимает трубку.

ЛЕСТЕР. Алло? Нет. *(Вешает трубку.)* Эти газетчики никак не уймутся.

Доктор подходит к креслу, усаживается, Карл встает и принимается нервно прохаживаться по комнате

КАРЛ. Зря я не остался там, в суде. Зачем вы увели меня с собой?

ДОКТОР. Лиза просила, чтобы вас не было при оглашении вердикта. Мы просто уважили ее просьбу.

КАРЛ. Но вы, вы-то могли остаться!

ДОКТОР. Она хотела, чтобы я был с вами. Нам сразу сообщат.

КАРЛ. Они не могут признать ее виновной. Ни в коем случае.

ЛЕСТЕР. Если хотите, я вернусь...

ДОКТОР. Вы останетесь здесь, Лестер.

ЛЕСТЕР. Ну, если я вам нужен, если хоть чем-то могу быть полезен...

ДОКТОР. Будете отвечать на звонки. Этот проклятый телефон не замолкает ни на минуту.

КАРЛ. Да, мой мальчик. Не уходите. Ваше присутствие ободряет меня.

ЛЕСТЕР. Правда? На самом деле?

КАРЛ. Ее непременно оправдают. Непременно. Они же не могут осудить невиновного! *(Усаживается на диван.)*

ДОКТОР. Мне бы вашу уверенность, дружище. Я столько раз убеждался в обратном. Да и вы сами тоже. Но успокойтесь. Думаю, на присяжных она произвела хорошее впечатление.

ЛЕСТЕР. Но эти паршивые улики. Эта вреднющая миссис Роупер!!! Наплела им черт знает чего... *(Садится за круглый столик.)*

ДОКТОР. Но она сама твердо верит в то, что наговорила. Поэтому ее не собьешь никакими перекрестными вопросами. Она увидела, как вы с Лизой обнимаетесь, вот ведь какое невезенье. Причем обнимаетесь, можно сказать, сразу после дознания. Она ведь видела вас?

КАРЛ. Наверняка. Мы действительно обнимались. Но, клянусь, это был наш первый поцелуй.

ДОКТОР. Смею заметить, вы выбрали для него не самое подходящее время. Как жаль, что эта старая проныра не видала и не слыхала, что тут вытворяла Хелен. «Очень славная юная леди» — вот и все, что миссис Роупер могла о ней сказать.

КАРЛ. Как странно: говоришь правду, а тебе не хотят верить...

ДОКТОР. Ну и чего вы добились? Только того, что вы теперь выглядите сущим чудовищем, посмевающим оскорбить память погибшей крошки, приписав ей чужие грехи.

КАРЛ *(вставая)*. Если бы я послушался Лизу и сразу пошел в полицию...

ДОКТОР. Вот и надо было пойти. А то видите, как вас угораздило, голубчик. Сначала купили газету с сообщением о ее смерти, а уж потом надумали все выложить полицейским. А эти ваши оправдания насчет того, почему вы сразу не сообщили им про Хелен, ей-богу, смехотворны. Вы ведь еще даже не представляете, что натворили своим глупым упрямством. Ну, так слушайте. Дела у нас чертовски плохи. Эта ваша служанка вошла в гостиную в тот момент, когда Лиза стояла рядом с мертвой уже Аней и держала в руках пузырек из-под капель! Причем она была в перчатках — не успела их снять. Теперь вы поняли, какая вырисовывается картина?

Раздается телефонный звонок.

КАРЛ. Наверное, это... как вы думаете?

На мгновение все застывают от волнения, потом доктор делает знак Лестеру, тот встает и, подойдя к письменному столу, снимает трубку.

ЛЕСТЕР. Да? Алло? А пошли бы вы к дьяволу! *(Швыряет трубку на рычаг.)*

ДОКТОР. Упыри, кровопийцы проклятые!

КАРЛ. А что если они признают ее виновной, а? Ну, вдруг?

ДОКТОР. Тогда подадим на апелляцию, это наше право.

КАРЛ. Но почему, почему она должна терпеть весь этот кошмар? Почему именно ей выпало все это? Лучше бы они арестовали меня, а не ее.

ДОКТОР. Я вас понимаю, проще самому все стерпеть, чем вот так переживать...

КАРЛ. И потом, надо быть честным: в какой-то мере я виновен в том, что произошло.

ДОКТОР *(перебивая его)*. Опять вы за свое... да чепуха все это!

КАРЛ. Но Лиза-то тут вообще ни при чем. Ни при чем.

ДОКТОР *(долго молчит, потом оборачивается к Лестеру)*. Вы не сварите нам всем кофейку, мой мальчик? Если, конечно, умеете.

ЛЕСТЕР (*обиженно*). Конечно, умею. (*Направляется к дверям.*)

Снова раздается звонок, и Лестер порывается подойти к телефону.

КАРЛ (*останавливая его*). Не надо, не снимайте трубку.

Телефон продолжает надрываться; Лестер, постояв, покорно уходит на кухню. Телефон не умолкает, и Карл, не выдержав, хватается трубку.

Оставьте меня в покое, вы слышите?! Не смейте больше сюда звонить! (*Швыряет трубку и опускается на стул у письменного стола.*) Нет, я больше так не могу. Не могу.

ДОКТОР (*встает и подходит к нему*). Терпение, голубчик. Будьте мужественны.

КАРЛ. Зачем вы мне все это говорите?

ДОКТОР. А что я еще могу сказать? Вам действительно больше ничего сейчас не поможет, кроме терпения и выдержки.

КАРЛ. Я постоянно думаю о Лизе.

ДОКТОР. Я знаю.

КАРЛ. Как же ей сейчас тяжело. Но она очень храбрая. Потрясающе храбрая.

ДОКТОР. Лиза вообще потрясающая личность. Я сразу это понял.

КАРЛ. Я люблю ее. Вы знали об этом?

ДОКТОР. Конечно, знал. Вы давно ее любите.

КАРЛ. Так оно есть. Мы никогда с ней об этом не говорили, просто оба — знали. Это не означает, что Аня не была мне дорога. Я любил Аню. И всегда бы любил. Я не хотел ее смерти.

ДОКТОР. Знаю, знаю, дружище, что у вас никогда не было подобных мыслей.

КАРЛ. Вероятно, это звучит странно, но, оказывается, можно любить одновременно двух женщин.

ДОКТОР. Ничего странного. Это случается не так уж редко. А знаете, что мне частенько говорила Аня? «Когда я умру, Карлу нужно жениться на Лизе». Постоянно это твердила. «Вы должны заставить его, доктор», говорила она. «Лиза присмотрит за ним, она такая добрая. Если она сама до этого не додумается, обещайте, что уговорите его». Вот такие у нас с Аней бывали разговоры. И я поклялся ей, что женю вас на Лизе.

КАРЛ (*вставая*). Доктор, скажите откровенно. Они ее оправдают? Как вы считаете?

ДОКТОР (*мягко*). Я считаю... что вы должны быть готовы к тому...

КАРЛ (*подходя к креслу*). Даже ее адвокат мне не поверил. Он, конечно, сделал вид, что ничуть не сомневается в моих словах, но это так, из вежливости. (*Усаживается в кресло.*)

ДОКТОР. Скорее всего, он действительно вам не верит, но вот присяжные... Мне кажется, среди них есть два-три здравомыслящих человека. Та толстушка в забавной шляпке прямо-таки смотрела вам в рот, когда вы рассказывали про сумасбродства Хелен, она даже кивала, очень сочувственно. Не иначе, как ее муженек завел шашни с молоденькой. Иногда для людей очень убедительны весьма неожиданные детали.

Опять звонит телефон.

КАРЛ (*поднимаясь*). Наверное, это уже точно из суда.

ДОКТОР (*подходит к аппарату и снимает трубку*). Алло?

Входит Лестер с подносом, на котором три чашки с кофе.

КАРЛ. Ну?

ЛЕСТЕР (*качнув от волнения поднос, так что часть кофе проливается в блюдца*). Это... оттуда? (*Ставит поднос на круглый столик у дивана и переливает кофе из блюдец в чашки.*)

ДОКТОР (*раздраженно*). Нет. Ничем не могу помочь. Очередной упырь из газеты. (*Подходит к дивану, усаживается.*)

КАРЛ. Ну им-то что неймется? Чего они хотят добиться?

ДОКТОР. Полагаю, увеличения тиража.

ЛЕСТЕР (*протягивая Карлу кофе*). Надеюсь, кофе получился неплохой. Вот только долго искал чашки и все прочее.

КАРЛ. Спасибо. (*Направляется к письменному столу, усаживается на стул.*)

Лестер подает чашку доктору, взяв третью себе, остается у круглого столика; некоторое время все молча пьют кофе.

ДОКТОР (*Лестеру*). Вы когда-нибудь видели, как цапля летит над самой водой?

ЛЕСТЕР. Нет, как-то не доводилось. А что?

ДОКТОР. Да так.

ЛЕСТЕР. Но почему вам вдруг вспомнились цапли?

ДОКТОР. Вот уж не знаю. Наверное, сработал защитный инстинкт: хочется забыть обо всем этом кошмаре и оказаться где-нибудь в другом месте.

ЛЕСТЕР (*помолчав*). А-а. Понятно. Ужасно, когда ничего нельзя сделать.

ДОКТОР. Нет ничего хуже ожидания.

ЛЕСТЕР (*опять помолчав*). А знаете, по-моему, я вообще никогда не видел живую цаплю.

ДОКТОР. Очень изящная птица.

КАРЛ. Доктор, я хочу попросить вас об одном одолжении.

ДОКТОР (*вставая*). Я к вашим услугам.

КАРЛ. Я хочу, чтобы вы вернулись в суд.

ДОКТОР (*направляется к Карлу, по пути ставит чашку на рабочий столик*). Нет, голубчик, увольте.

КАРЛ. Я знаю, что вы дали ей обещание. И все-таки...

ДОКТОР. Карл, но Лиза...

КАРЛ. Если случится самое худшее, я хочу, чтобы она увидела, что вы — с нею. А если все обойдется... должен же кто-то проводить ее до выхода, привезти домой.

Доктор секунды две-три озадаченно смотрит на Карла

Разве я не прав?

ДОКТОР (*обдумав его слова*). Ну, хорошо.

ЛЕСТЕР (*доктору*). Я могу остаться и...

Карл выразительно смотрит на доктора и чуть заметно качает головой, тот сразу понял намек.

ДОКТОР. Нет, вы пойдете со мной, Лестер. (*Направляется к дверям*.) Бывают моменты, когда человеку необходимо побыть одному. Верно я говорю, Карл?

КАРЛ. Обо мне не беспокойтесь. Я, действительно, хочу побыть один, наедине с Аней.

ДОКТОР (*резко разворачиваясь*). Что вы сказали? С Аней?

КАРЛ. Я так сказал? Да, мне кажется, что она все еще здесь. Не волнуйтесь. Телефонную трубку я снимать не буду, пусть себе звонят. Буду сидеть и ждать вас.

Лестер уходит; доктор идет следом, затворяет за собой дверь, Карл откидывается на спинку стула.

Часы бьют шесть раз.

«Покуда солнце светит, буду помнить,
Но и во мраке не забыть».

Спустя несколько секунд снова звонит телефон, но Карл словно его не слышит. Он поднимается и относит свою чашку на круглый столик, где стоит поднос, по пути прихватывает с рабочего столика чашку доктора. Потом берет поднос и выходит, чтобы отнести чашки на

кухню. В его отсутствие телефон перестает трезвонить. Карл возвращается, какое-то время стоит у двери, не закрывая ее, долго смотрит на рабочий столик, потом подходит к шкафчику с пластинками и достает концерт Рахманинова. Идет к письменному столу и усаживается, положив перед собой конверт с пластинкой. Внезапно в гостиную входит Лиза, затворяет дверь и прислоняется к ней спиной. Карл встает и оборачивается.

КАРЛ. Лиза! Лиза! *(Идет к ней, словно не веря собственным глазам.)* Это ты? Мне не кажется?

ЛИЗА. Меня оправдали.

КАРЛ *(хочет ее обнять)*. Дорогая моя, как же я благодарен судьбе. Ты никогда больше не будешь страдать, я этого не допущу. Лиза...

ЛИЗА *(отталкивая его)*. Нет.

КАРЛ *(почувствовав ее холодность и отчужденность)*. Что означает это «нет»?

ЛИЗА. Я пришла за своими вещами.

КАРЛ *(отходя к креслу)*. Что, за какими такими своими вещами?

ЛИЗА. За самыми необходимыми. Потому что я уйду.

КАРЛ. То есть как это — уйду? Куда?

ЛИЗА. Уйду из этого дома.

КАРЛ. Постой, но это же глупо! Боишься, что продолжатся всякие пересуды? Да бог с ними, какое нам теперь до всего этого дело?

ЛИЗА. Ты не понял меня. Я совсем уйду, навсегда.

КАРЛ. Уходишь? Но куда!

ЛИЗА. Какая разница, куда? Куда-нибудь. Могу пойти работать. Думаю, с этим сложностей не будет. Могу поехать за границу. Или останусь здесь, в Англии. В любом случае, я собираюсь начать новую жизнь.

КАРЛ. Новую жизнь? Ты хочешь сказать... без меня?

ЛИЗА. Да, Карл. Именно так. Без тебя.

КАРЛ *(отступив)*. Но почему? Почему?

ЛИЗА. Потому что с меня достаточно.

КАРЛ. Я не понимаю тебя.

ЛИЗА. Мы вообще плохо друг друга понимаем. У нас с тобой разный подход к жизни. Ты знаешь, я тебя боюсь.

КАРЛ. Боишься — меня? Но почему?

ЛИЗА. Ты из тех людей, которые всем приносят несчастье.

КАРЛ. Нет!

ЛИЗА. Но это так.

КАРЛ. Нет, это не так.

ЛИЗА. Понимаешь, я вижу людей такими, какие они есть. Я никого не порицаю, не испытываю ни кому злобы, но и не

строю никаких иллюзий. Люди далеко не всегда замечательны, да и жизнь тоже. И сама я хочу быть обыкновенным нормальным человеком. Вечно цветущие волшебные цветы — их в этом мире не существует. Так мне кажется.

КАРЛ. Какие еще цветы? О чем ты говоришь?

ЛИЗА. Я говорю о тебе, Карл. Для тебя твои идеалы гораздо важнее людей. Твои личные представления о верности, о дружбе, о милосердии. В угоду им ты заставляешь страдать своих близких. Ты знал, что потеряешь работу, если не прекратишь общаться с Шульцами. И знал — не мог не знать — как ужасно это отразится на жизни Ани. Но что такое Анины проблемы в сравнении с твоими принципами? Так, ерунда, верно? Но люди, их жизнь, не менее важны, чем самые благородные принципы, Карл. Моя жизнь, и Анина. Ради своего прекраснодушия, ради сострадания к девушке, которая убила твою жену, ты пожертвовал мной. И мне — мне, а не тебе — пришлось расплачиваться за твое благородство. Но совершать подобные подвиги и дальше я не готова. Я люблю тебя, но одной любви для счастья недостаточно. У тебя больше общего с той девушкой, с Хелен, чем со мной. Она такая же безжалостная. Она тоже готова была пожертвовать всем ради своих амбиций и прихотей. Ей совершенно не было дела до тех, кто стоял у нее на пути.

КАРЛ (*подходит к ней*). Лиза, ты говоришь это сгоряча. Ты не можешь так обо мне думать.

ЛИЗА. Нет, не сгоряча, Карл. Я долго над этим размышляла. (*Отходит от него.*) Все эти дни, пока шло разбирательство. Я не надеялась на оправдательный приговор. Но меня почему-то отпустили. Судья, по-моему, почти не сомневался в моей виновности. Но-видимо, кто-то из присяжных все же мне поверил. Был там один человек, все смотрел на меня оценивающим взглядом. Очень по виду заурядный, но понял, что я — не убийца. А может я просто оказалась в его вкусе — и ему не хотелось, чтобы меня мучили. Не знаю, что у него было на уме, но он сумел распознать, что я за человек. Возможно, это он убедил остальных присяжных. И вот я на воле. И теперь могу начать жизнь заново. Что я и собираюсь сделать — одна.

Идет к двери в Анину комнату, Карл подходит к дивану, садится

КАРЛ (*умоляюще*). Лиза. Только не это. Не будь такой жестокой. Ты должна меня выслушать. Я тебя умоляю.

Лиза возвращается из Аниной комнаты, держа в руках маленькую фотографию в серебряной рамке, останавливается и смотрит на Карла

ЛИЗА. Нет, Карл. Сам видишь, что происходит с теми женщинами, которые тебя любят. Аня любила тебя — и она умерла. Хелен любила тебя — и она мертва. Я... я тоже едва не погибла. С меня хватит. Я хочу освободиться от тебя — навсегда.

КАРЛ. Но куда же ты пойдешь?

ЛИЗА. Ты сам сказал, что мне надо отсюда уехать, выйти замуж и завести детей. Возможно. Я так и сделаю. Найду какого-нибудь простого и доброго человека, вроде того присяжного. Обычного — как и я сама. *(Внезапно срывается на крик.)* С меня довольно! Я любила тебя, столько лет любила, и эта любовь сломила меня. Я ухожу, я больше никогда тебя не увижу. Никогда!

КАРЛ. Лиза!

ЛИЗА. Никогда!

Неожиданно из холла доносится голос доктора

ДОКТОР *(за сценой, кричит)*. Карл! Карл! *(Стремительным шагом входит и направляется прямо к Карлу, не замечив Лизу.)* Все хорошо, мой мальчик. *(Говорит, запыхавшись.)* Ее оправдали. Понимаешь? Оправдали! *(Вдруг увидев Лизу, кидается к ней с распростертыми объятьями.)* Лиза, голубушка! Слава богу, что все обошлось! Это чудесно. Чудесно!

ЛИЗА *(пытается говорить ему в тон)*. Да, чудесно

ДОКТОР *(чуть отстранившись, окидывает ее профессиональным взглядом)*. Как вы? Немного похудели — ну еще бы! Такое пережить! Ничего, вы у нас быстренько поправитесь. Будем за вами ухаживать. Вы, конечно, можете себе представить, что тут творилось с Карлом. Ну да, слава Богу, теперь все позади. *(Оборачивается к Карлу)* А не пойти ли нам куда-нибудь... отметить? Бутылочку шампанского, а? *(С сияющим видом ждет одобрения.)*

ЛИЗА *(через силу улынувшись)*. Нет, доктор. Только не сегодня.

ДОКТОР. Конечно, конечно. Вы уж простите старого болвана. Вам необходимо хорошенько отдохнуть.

ЛИЗА. Я не устала. *(Направляется к дверям.)* Мне нужно собрать вещи.

ДОКТОР *(идя вслед)*. Какие вещи?

ЛИЗА. Я... я не могу тут оставаться.

ДОКТОР. Но... *(Вдруг сообразив.)* А, понимаю. Наверное, это разумно. Когда вокруг бродят всякие злобные особы, вроде миссис Роупер, с чересчур длинными языками... И куда же вы? В гостиницу? Давайте лучше к нам. Маргарет моя будет рада. Комната небольшая, но, обещаю, что будете у нас как сыр к масле кататься.

ЛИЗА. Вы так добры. Но я уже все решила. Скажите... скажите Маргарет, что я на днях обязательно ее навещу. *(Выходит в холл и направляется в свою спальню.)*

Доктор оборачивается к Карлу, начиная догадываться, что происходит что-то неладное.

ДОКТОР. Карл, что-то не так?

КАРЛ. А что может быть не так?

ДОКТОР *(с заметным облегчением)*. Она перенесла страшное испытание. Нужно какое-то время, чтобы все пришло в норму. *(Осматривается.)* Как вспомню, как мы тут сидели и ждали. И как трезвонил этот проклятый телефон. И надеялись, и боялись — одновременно. Ну, теперь все кончено.

КАРЛ *(отрешенно)*. Да, все кончено.

ДОКТОР *(с энтузиазмом)*. Ну, что я говорил? Вся надежда была на здравомыслящих присяжных. Они бы ее никогда не осудили. *(Подходит к дивану и садится рядом с Карлом.)* Я смотрю, вы все еще в прострации, Карл. Все не верится? *(С чувством хлопает его по плечу.)* Хватит хандрить. Наша Лиза опять с нами.

При этих словах Карл невольно отшатывается.

Ах, я нескладный. Ну, конечно, человек не сразу может прийти в себя, привыкнуть, что худшее — позади.

Лиза выходит из своей спальни и входит в гостиную. В руках у нее портплед, она ставит его на пол у дверей.

ЛИЗА *(стараясь не смотреть на Карла)*. Ну, я пойду.

ДОКТОР *(вставая)*. Погодите, я провожу, хоть посажу вас в такси.

ЛИЗА. Нет-нет, пожалуйста, я сама. *(Чуть отворачивается.)*

Доктор, опешив, слегка пятится назад. Лиза, сразу оттаяв, подходит и кладет руки ему на плечи.

Спасибо вам. За всю вашу доброту. За все, что вы сделали для Ани. Вы... вы были настоящим другом — я никогда

этого не забуду. *(Целует доктора, хватая портфель и, даже не посмотрев на Карла, поспешно выходит и чуть ли не бегом устремляется к выходу.)*

ДОКТОР *(подходя к Карлу)*. Что... что все это значит? Что тут у вас стряслось?

КАРЛ. Лиза уходит.

ДОКТОР. Не беда. Она же вернется.

КАРЛ *(глядя ему в глаза)*. Нет, не вернется.

ДОКТОР *(с ужасом)*. Как прикажете это понимать?

КАРЛ *(с обреченным видом)*. Она... больше... не придет.

ДОКТОР *(не верит собственным ушам)*. Это что же — вы расстались?

КАРЛ. Да. Вы только что присутствовали при нашем расставании.

ДОКТОР. Но почему?

КАРЛ. С нее хватит.

ДОКТОР. А нельзя ли пояснее, дружище.

КАРЛ. Можно и пояснее. С нее хватит страданий. Она больше не желает страдать.

ДОКТОР. А зачем ей, собственно, страдать?

КАРЛ. Похоже, я так устроен, что заставляю страдать всех, кто меня любит.

ДОКТОР. Что за чепуха!

КАРЛ. Ну не скажите. Аня любила меня — и умерла. Хелен любила меня — и тоже мертва.

ДОКТОР. Вам все это Лиза сказала?

КАРЛ. Да. Значит, я действительно такой? Мучаю всех, кто меня любит? И еще она сказала про какие-то непонятные цветы.

ДОКТОР. Волшебные невянущие цветы. *(Задумывается, что-то припоминает, идет к столику у дивана, на котором лежит томик Уолтера Сквиджа Лэндора, и протягивает его Карлу.)* Смотрите, я как раз на этом месте остановился. *(Показывает.)*

КАРЛ. Доктор, мне сейчас лучше побыть одному.

ДОКТОР. Совсем не уверен.

КАРЛ. Мне нужно привыкать к одиночеству.

ДОКТОР *(помедлив, Карлу)*. Так вы уверены, что она не...

КАРЛ. Уверен. Она не вернется.

Доктор с явной неохотой направляется к дверям и уходит

(Поднимается, идет к письменному столу, зажигает лампу, задерживает портьеры, потом садится на стул и читает)

вслух.) «Не отыскать волшебных невянувших цветов в земной юдоли, здесь, в горах Родопских. Нет голосов, столь звучных, что эхо их разносит неустанно, которые не смолкли бы навек, — ни имени любимой, — как страстно не тверди его, — чье эхо однажды не растает без следа. (Бережно кладет книгу на письменный стол, берет в руки конверт с пластинкой и подходит к проигрывателю. Поставив пластинку, идет к креслу и садится) Лиза... Лиза... как мне теперь жить — без тебя? (Опустив голову, прячет лицо в ладонях)

Двери медленно открываются. Входит Лиза и медленно идет к середине сцены, потом так же медленно подходит к Карлу и ласково трогает его за плечо. Тот вскидывает голову, уронив ладони.

Лиза? Ты вернулась? Но почему?

ЛИЗА *(опускаясь у кресла на колени)*. Потому что я глупая, очень глупая. *(Кладет голову к Карлу на колени, он прижимается лбом к ее виску.)*

Звучит музыка Рахманинова

З а н а в е с

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

ПЬЕСА

Перевод

В ЧЕЛНОВОЙ

Unexpected Guest

1958

© Перевод Челнокова В , 2001

© Редакция Издательство «Артикул-принт», 2001

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛАУРА УОРИК, жена Ричарда Уорика, красивая блондинка лет 30-ти.

МИССИС УОРИК, мать Ричарда, высокая властная старая дама.

ЯН УОРИК, сводный брат Ричарда, душевнобольной юноша лет 19-ти.

СТАРКВЕДДЕР, энергичный мужчина лет 35-ти.

МИСС БЕННЕТ (БЕННИ), 50-летняя бойкая женщина с повадками бывшей медсестры.

ДЖУЛИАН ФАРРАР, кандидат в депутаты парламента, красивый мужчина с военной выправкой, лет 36-ти.

ЭНДЖЕЛ, камердинер Ричарда Уорика.

ТОМАС, инспектор полиции, мужчина средних лет
КЭДУОЛЛНЕР, сержант полиции, моложавый уэльсец поэтического склада

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет Ричарда Уорика. Ноябрь, полдвенадцатого ночи. Остекленная двустворчатая дверь выходит на садовую террасу, узкое окно в сад, две другие двери соответственно в холл и в спальню Ричарда Уорика. По стенам развешаны охотничьи трофеи.

За стеклами проплывают клубы тумана; слышно, как с Бристольского канала то и дело доносятся заунывные гудки — это сирена подает сигнал кораблям в тумане. Ричард Уорик сидит в инвалидном кресле-качалке лицом к стеклянной двери. Портьеры раздвинуты. Рядом с ним на столике графин бренди, стакан и пачка патронов. Колени Ричарда накрыты пледом; впечатление, будто он задремал. Его жена Лаура стоит в глубине комнаты. На сцене темно. Через некоторое время слышится шум подъезжающей машины, свет фар пробегает по стенам, освещая фигуру Лауры; та отступает в тень. Машина останавливается, свет гаснет, хлопает дверца. Мгновенье спустя в тумане вспыхивает карманный фонарик. Видно, как кто-то ощупью ищет путь; шарит руками, натывается на дверь, вглядывается, стучит по стеклу, затем еще раз, погромче. Дергает ручку, дверь открывается, и Старкведдер входит в комнату. Это решительный, крепкий, мужественный блондин лет тридцати пяти.

СТАРКВЕДДЕР. Эй! Есть тут кто-нибудь? *(Посвечивает фонариком, видит Ричарда в кресле.)* Тысяча извинений! Это все проклятый туман! Я только что угодил в кювет. И не имею ни малейшего понятия, куда засхал. А, я забыл закрыть дверь! Прошу прощения. *(Закрывает дверь и задерживает портьеры.)* СбилсЯ с пути, должно быть. Уже больше часа петляю по этим проселкам. Вы спите? *(Освещает фонариком лицо Ричарда. Тот не шевелится. Старкведдер наклоняется, трясет его за плечо, пытаясь разбудить, и тело*

Ричарда безжизненно сползает вниз.) Господи Боже! (Светит фонариком и находит кнопку.)

Загорается лампа на письменном столе.

(Кладет фонарик на письменный стол и, не сводя глаз с Ричарда, включает остальные лампы и замечает Лауру.)

Лаура не шевелится, стоит, опустив руки, ничего не говорит и даже, кажется, старается не дышать. Оба молчат, смотрят друг на друга.

Он... Он мертв!

ЛАУРА. Да.

СТАРКВЕДДЕР. Его застрелили. В голову. Кто?..

Лаура медленно поднимает руку, прежде скрытую складками платья, в руке у нее револьвер. Старкведдер подходит и забирает его.

СТАРКВЕДДЕР. Вы его убили?

ЛАУРА. Да.

Старкведдер кладет револьвер на стол

Телефон там. *(Кивает в сторону письменного стола)*

СТАРКВЕДДЕР. Телефон?

ЛАУРА. Если вы хотите позвонить в полицию.

Старкведдер смотрит на нее в недоумении.

СТАРКВЕДДЕР. Несколько минут роли не играют. Все равно им быстро сюда не добраться в этом тумане! Я хотел бы узнать побольше... Кто это?

ЛАУРА. Мой муж. Его зовут Ричард Уорик. Я Лаура Уорик.

СТАРКВЕДДЕР. Понятно. Может... вам лучше присесть?

Лаура медленно, нетвердыми шагами идет к дивану.

Хотите выпить? Для вас, наверное, это шок?

ЛАУРА *(с иронией)*. Убить мужа?

СТАРКВЕДДЕР. Во всяком случае, мне так кажется. А может, для вас это легко и весело?

ЛАУРА. Легко и весело. Но я бы... с удовольствием... выпила.

Старкведдер наливает бренди из графина и подает ей стакан

СТАРКВЕДДЕР. Ну а теперь рассказывайте.

ЛАУРА. Может, все-таки сперва позвонить в полицию?

СТАРКВЕДДЕР. Успеется. Что плохого в том, чтобы сначала спокойно поговорить?

ЛАУРА. Я не... Кто вы? Как случилось, что вы заявились сюда ночью?

СТАРКВЕДДЕР. Меня зовут Майкл Старкведдер. Я инженер. Работаю в Англо-Иранской компании, сейчас возвращаюсь домой из Персидского залива. Задержался тут на пару дней, хочу присмотреть старинную усадьбу. Моя мать происходит из этих мест, и я решил, что недурно бы купить здесь домик. А часа два назад, а то и три, я безнадежно заблудился. И все колесил по этим узким, петляющим уэльским дорогам, пока не угодил в кювет! Что делать? Вокруг сплошной туман. Слава Богу, разглядел вашу калитку и решил зайти. Такая темень — едва дошел. Я, собственно, надеялся найти здесь телефон или ночлег. Подергал дверную ручку, дверь не заперта, ну я и вошел. После чего обнаружил...

ЛАУРА. Сначала вы стучали в стекло... несколько раз.

СТАРКВЕДДЕР. Но никто не ответил.

ЛАУРА. Да, я не ответила.

Пауза.

СТАРКВЕДДЕР. Так вот я говорю, я подергал ручку, дверь оказалась не заперта, и я вошел.

ЛАУРА. «Дверь открывается, и входит неожиданный гость». (Ее передергивает.) Эта присказка пугала меня с детства. Нежданный гость... О, ну почему же вы не звоните в полицию, и дело с концом?!

СТАРКВЕДДЕР. Не к спеху. Почему вы его убили?

ЛАУРА. Могу предоставить веские мотивы. Он пил. Он был жесток. Я ненавидела его много лет. Что еще вы желаете услышать?

СТАРКВЕДДЕР. Вы ненавидели его много лет? Но сегодня случилось нечто... хм... особенное?

ЛАУРА. Вы совершенно правы. Сегодня случилось нечто особенное. И я взяла со стола револьвер и выстрелила. Все просто. Что толку говорить? Все равно вам придется позвонить в полицию. Выхода нет. Нет выхода!

СТАРКВЕДДЕР. Все не так просто, как вы думаете.

ЛАУРА. Что же тут трудного?

СТАРКВЕДДЕР. Мне трудно сделать то, к чему вы меня подталкиваете. Потому что вы женщина. И очень красивая.

ЛАУРА. Какая разница?

СТАРКВЕДДЕР. Теоретически, конечно, никакой, но практически — очень большая.

ЛАУРА. А, рыцарство!

СТАРКВЕДДЕР. Скорее любопытство. Я хочу знать, в чем тут дело

ЛАУРА. Я уже рассказала.

СТАРКВЕДДЕР. Насколько я понимаю, вы рассказали только голую канву.

ЛАУРА. И я привела вам убедительный мотив. Больше мне сказать нечего. И вообще — с какой стати вы должны мне верить? Я могла сочинить любую историю. У вас есть только мои слова, что Ричард был жестокое чудовище, и что он пил, и что я его ненавидела.

СТАРКВЕДДЕР. Думаю, последнее заявление я могу принять. В его пользу есть некоторые доказательства. И все равно это чересчур, вы не находите? Вы говорите, что много лет его ненавидели. Почему же вы не ушли от него? Это было бы намного проще.

ЛАУРА. Я... у меня нет своих денег.

СТАРКВЕДДЕР. Дорогая моя, если бы вы доказали в суде жестокое обращение, и постоянное пьянство и все остальное, вы получили бы развод либо раздельное проживание и алименты, или как там это называется. У вас есть дети?

ЛАУРА. Нет... слава Богу, нет.

СТАРКВЕДДЕР. Тогда почему же вы не ушли от него?

ЛАУРА. Ну... видите ли... зато теперь все его деньги достанутся мне!

СТАРКВЕДДЕР. О нет! Закон не позволит вам обогатиться ценой преступления. Или вы думали, что.. Что вы думали?

ЛАУРА. Не знаю, что вы имеете в виду.

СТАРКВЕДДЕР. Вы неглупая женщина. Даже если бы вы унаследовали эти деньги, что толку от них, если вас повесят — или дадут пожизненное заключение. Ну, а предположим, я бы не пришел и не постучал в окно? Что вы собирались делать?

ЛАУРА. Какое это имеет значение?

СТАРКВЕДДЕР. Может, и не имеет, но мне интересно. Какую бы вы сочинили историю, если б я не вломился и не застал вас на месте преступления? Несчастный случай? Самоубийство?

ЛАУРА. Не знаю! Понятия не имею. Говорю вам, у меня не было времени подумать.

СТАРКВЕДДЕР. Да. Да, видимо, так, — я не считаю, что это умышленное убийство. Думаю, вы были в состоянии аффекта. Ваш муж что-то сказал. Так?

ЛАУРА. Говорю вам, это не имеет значения.

СТАРКВЕДДЕР. Что он сказал? Что это значило для вас?

ЛАУРА. Этого я никому никогда не скажу.

СТАРКВЕДДЕР. В суде вас спросят.

ЛАУРА. Я не отвечу. Они не могут заставить меня отвечать.

СТАРКВЕДДЕР. Вашему адвокату нужно будет сказать. От этого многое зависит.

ЛАУРА. О, неужели вы не видите, что я ни на что не надеюсь? Я приготовилась к худшему.

СТАРКВЕДДЕР. Только из-за того, что я вломился к вам среди ночи? А если бы нет...

ЛАУРА. Но вы вломились!

СТАРКВЕДДЕР. Да, вломился, а расплачиваться за это вам! *(Вынимает пачку сигарет, одну протягивает Лауре, другую берет себе)* Так. Вернемся немного назад. Долгое время вы ненавидели мужа, но сегодня он сказал нечто такое, что переполнило чашу. Вы схватили револьвер, лежавший рядом... Кстати, почему он сидел тут с пушкой, а? Это необычно.

ЛАУРА. Что вы, это вполне обычно. Он стрелял по кошкам.

СТАРКВЕДДЕР. По кошкам?

ЛАУРА. Боюсь, придется кое-что объяснить. Прежде Ричард был прославленным охотником. Дело было в Кении, там мы и познакомились. Тогда он был совсем другим человеком. А может, его достоинства затмевали недостатки. Поверьте, у него хватало достоинств! Щедрость, мужество. Высочайшее мужество! Он очень нравился женщинам.

СТАРКВЕДДЕР. Продолжайте.

ЛАУРА. Очень скоро мы поженились. А через два года произошло ужасное несчастье: он угодил в лапы ко льву. Ричард выжил, но с тех пор остался калекой и не мог нормально ходить. Говорят, несчастье смягчает сердце. Его сердце не смягчилось. Наоборот, в его душе поднялось все худшее: мстительность, садизм, пьянство. Он сделал жизнь невыносимой для всех в доме, а мы все это терпели, потому что — о, вы знаете, что говорится в таких случаях: «Бедный Ричард, как это печально — быть инвалидом!» Конечно, нам не следовало так себя вести. Я лишь теперь поняла. Именно из-за нашего долготерпения он чувствовал себя не таким, как все, что ему позволено делать все, что заблагорассудится, и притом совершенно безнаказанно. Всю жизнь он обожал стрелять, и теперь каждую ночь, как только мы ложились спать, он усаживался здесь, и Энджел, его

камердинер, приносил бренди и какое-нибудь оружие и клал рядом с ним на стол. Мой муж сидел перед распахнутой дверью в сад и выжидал, когда в темноте блеснут глаза кошки, или приبلудного кролика, или собаки. Конечно, в последнее время кролики попадались редко. В основном он стрелял кошек. Днем тоже. И птиц.

СТАРКВЕДДЕР. А соседи не жаловались?

ЛАУРА. О, разумеется. Знаете, мы здесь всего два года. Раньше жили на восточном побережье, в Норфолке. Там пострадали двое домашних животных, и посыпались жалобы. Вот мы и переехали сюда. Этот дом стоит очень обособленно, единственный сосед — за несколько миль. Но здесь полно кошек, белок и птиц. Вообще-то в Норфолке сыр-бор разгорелся из-за того, что к нам как-то зашла женщина собирать пожертвования на церковь. Когда она уже уходила, Ричард принялся пускать ей вдогонку пули, то справа, то слева от нее. Он говорил, она удидала, как заяц, и ее толстый зад трясся, как желе. А она пошла и пожаловалась в полицию, и был страшный шум.

СТАРКВЕДДЕР. Могу себе представить.

ЛАУРА. Но Ричарду все сошло с рук. Он имел разрешение на все его оружие и сказал, что пользуется им только для того, чтобы стрелять кроликов. Он отговорился тем, что эта мисс Баттерфилд — сумасшедшая старая дева, она все выдумала, а что он по ней не стрелял. Ричард всегда умел внушать доверие, — и поверили именно ему.

СТАРКВЕДДЕР. Н-да, своеобразное чувство юмора. Понятно. Значит, сидеть ночью с оружием в руках для него было обычным делом? Но этой ночью он никого не смог бы подстрелить. В такой туман.

ЛАУРА. О, с оружием он никогда не расставался. Как ребенок с любимой игрушкой. Иногда выстрелами выбивал вензеля на стене. Вон там, полюбуйтесь. Слева, за портьерой.

Старкведдер поднимает портьеру. На стене дырки от пуль образуют буквы «R V»¹

СТАРКВЕДДЕР. Хм, Эр-Ве, пулями. Замечательно. Чертовски точно бьет. Хм. С ним, должно быть, страшно было жить.

ЛАУРА. Страшно. Неужели нужно обсуждать это без конца? Зачем отодвигать неизбежное? Как вы не понимаете, что вам придется позвонить в полицию? Что гораздо мило-

¹ Инициалы слов Regina Victoria (лат.) — королева Виктория.

серднее сделать это сейчас? Или вы хотите, чтобы я сама? Ладно, позвоню. *(Устремляется к телефону.)*

Старкведдер обгоняет ее и накрывает рукой ее руку, когда она снимает трубку

СТАРКВЕДДЕР. Сперва поговорим.

ЛАУРА. Мы уже поговорили. Все равно говорить больше не о чем.

СТАРКВЕДДЕР. Нет, есть. Осмелюсь доложить, я дурак и упрямец, но мы должны найти выход.

ЛАУРА. Для меня?

СТАРКВЕДДЕР. Да. Для вас. Достанет ли у вас мужества? Вы сумеете в случае необходимости лгать, и лгать убедительно?

ЛАУРА. Вы сошли с ума!

СТАРКВЕДДЕР. Возможно.

ЛАУРА. Вы не понимаете, что делаете.

СТАРКВЕДДЕР. Я очень хорошо понимаю, что делаю. Я делаю себя косвенным соучастником.

ЛАУРА. Но зачем? Почему?

СТАРКВЕДДЕР. Почему? По очень простой причине: потому что вы красивая женщина, и мне противна мысль, что красивая женщина просидит в тюрьме лучшие годы своей жизни. Это ничуть не лучше, чем быть повешенной — или за такое преступление как раз вешают? Никак не запомню. Во всяком случае, вот как обстоят дела: ваш муж был инвалидом, калекой. Оправдание, что он вас сам так или иначе спровоцировал, может опираться только на ваши показания, а их вы давать решительно не хотите. Следовательно, оправдание представляется маловероятным, не так ли?

ЛАУРА. Все, что я вам рассказала, может оказаться ложью.

СТАРКВЕДДЕР. Возможно, и, может быть, я легковесный проstack. Но я вам верю. А теперь отвечайте, и быстро. Прежде всего, кто еще живет в этом доме?

ЛАУРА. Мать Ричарда, потом Бенни... мисс Беннет — что-то среднее между экономкой и секретаршей. Бывшая медсестра. Она сто лет здесь живет и очень предана Ричарду. Потом еще Энджел, санитар и камердинер, ухаживает за Ричардом. Остальные слуги приходящие. О, и еще Ян.

СТАРКВЕДДЕР. Кто такой Ян?

ЛАУРА. Сводный брат Ричарда. Живет с нами.

СТАРКВЕДДЕР. Ну-ка проясним. Что такое с этим Яном, что вы не хотите мне рассказать?

ЛАУРА. Он лапочка. Очень нежный, славный, но... но он не такой, как все. Я имею в виду... это называется умственной отсталостью.

СТАРКВЕДДЕР. Понятно. Но вы его любите.

ЛАУРА. Да... Я очень люблю его. Вот почему... из-за него я не могла бросить Ричарда и уйти. Из-за Яна. Знаете, Ричард отправил бы его в соответствующее учреждение.

СТАРКВЕДДЕР. Этой угрозой он и удерживал вас?

ЛАУРА. Да. Если бы... если бы я была уверена, что смогу заработать достаточно, чтобы содержать себя и Яна, — но я не знала, смогу ли... И к тому же Ричард — ведь опекун мальчика.

СТАРКВЕДДЕР. Ричард был добр к нему?

ЛАУРА. Иногда.

СТАРКВЕДДЕР. А иногда нет?

ЛАУРА. Он... Он говорил, что отошлет Яна, говорил: «С тобой там будут хорошо обращаться. За тобой будут ухаживать. Я уверен, раз или два в год Лаура будет навещать тебя». Это он так изводил Яна, запугивал, покуда тот не начинал умолять, подлизываться, заикаться, и тогда Ричард откидывался в кресле и разражался смехом. Запрокинет голову и хохочет, хохочет.

СТАРКВЕДДЕР. Да, понятно. Понятно

ЛАУРА. Вы не обязаны мне верить. Вы не обязаны верить каждому моему слову. Как вы понимаете, я все это могла выдумать.

СТАРКВЕДДЕР. Я уже сказал вам, что рискну. А теперь — что из себя представляет, как там ее — Беннет? Энергичная дама?

ЛАУРА. Очень квалифицированная и способная.

СТАРКВЕДДЕР. Как получилось, что никто не слышал выстрела?

ЛАУРА. Мать Ричарда глуховата. Комната Бенни — с другой стороны дома, а у Энджела дверь обита войлоком. Есть еще Ян, конечно, — он спит в комнате над этой. Но он ложится рано и спит очень крепко.

СТАРКВЕДДЕР. Все складывается чрезвычайно удачно.

ЛАУРА. Но что вы предлагаете? Представить это как самоубийство?

СТАРКВЕДДЕР. Нет, с этим никаких шансов. Полагаю, он был правша?

ЛАУРА. Да.

СТАРКВЕДДЕР (*наклоняясь к труну*). Тогда он вряд ли мог выстрелить себе в левый висок. К тому же нет следов ожога.

Нет, стрелять должны были с некоторого расстояния. Самоубийство исключается. Тогда несчастный случай. Конечно! Скажем, я явился сюда среди ночи, как оно и было. Вламываюсь в дверь. И, допустим, Ричард в меня стреляет. Судя по тому, что вы рассказали о нем, это в его духе. Ну так вот, я подхожу к нему, чтобы отобрать оружие...

ЛАУРА. И во время борьбы раздается выстрел?

СТАРКВЕДДЕР. Да... нет, не получится. Опять же полиция сразу сообразит, что стреляли не в упор. Ну ладно, скажем, я отобрал у него пушку. Но раз я это уж сделал, то какого черта мне в него стрелять? Да, закавыка. Ладно, пускай остается убийство. Но убийца — кто-то чужой.

ЛАУРА. Грабитель?

СТАРКВЕДДЕР. Что ж, мог быть и грабитель, но это как-то неубедительно. А что, если враг? Может, это и мелодраматично, но, судя по тому, что вы рассказывали, ваш муж вполне мог иметь врагов. Я прав?

ЛАУРА. Да. У Ричарда были враги, но...

СТАРКВЕДДЕР. Давайте на время отложим все «но». Расскажите все, что можете, о врагах Ричарда. Номер первый — мисс, у которой трясся зад. Вряд ли это подходящий убийца. К тому же, полагаю, она так и живет в Норфолке. Кто еще? Кто имел на него зуб?

ЛАУРА. Год назад был садовник. Ричард выгнал его и не дал рекомендации. Тот ругался и угрожал нам.

СТАРКВЕДДЕР. Кто он, местный?

ЛАУРА. Да. Живет в Ланфечане, в четырех милях отсюда

СТАРКВЕДДЕР. Не пойдет. У него может оказаться надежное алиби, что он сидел дома, а может не оказаться никакого, или только то, что даст жена, — и упечем беднягу за решетку ни за что ни про что. Кто нам нужен, так это враг из прошлого. Как насчет кого-нибудь из эпохи охоты на львов и тигров? Кения, Африка, Индия? Места, которые полиции нелегко будет проверить?

ЛАУРА. Если бы только придумать... только бы вспомнить. Ричард ведь много чего рассказывал...

СТАРКВЕДДЕР. Нам даже не нужно никакого экзотического барахла — знаете, сикхский тюрбан, небрежно намотанный на графин, или нож племени мау-мау, или отравленная стрела. К черту все это, нам нужен недоброжелатель, которому Ричард когда-то крепко насолил. Думайте, думайте! Думайте!

ЛАУРА. Я... я ничего не могу придумать.

СТАРКВЕДДЕР. Если ваш муж был такой человек, как вы говорили, то наверняка были несчастные случаи, жертвы. Кто-то мог угрожать ему. Возможно, не без оснований.

ЛАУРА (*медленно*). Был такой человек. Ричард задавил его ребенка.

СТАРКВЕДДЕР. Когда это случилось?

ЛАУРА. Года два назад, когда мы жили в Норфолке. И тот человек действительно угрожал Ричарду.

СТАРКВЕДДЕР (*садится на лавку*). Звучит обнадеживающе. Расскажите все, что сможете вспомнить.

ЛАУРА. Ричард ехал из Кромера. Он слишком много выпил. И мчался по извилистой деревенской дороге со скоростью шестьдесят миль в час. Из гостиницы на дорогу выбежал ребенок, Ричард сбил его, и мальчик погиб на месте.

СТАРКВЕДДЕР. Вы хотите сказать, ваш муж водил машину?

ЛАУРА. Да, водил. Она была специальной конструкции, с ручным управлением.

СТАРКВЕДДЕР. Понятно. А разве Ричарда не осудили за неумышленное убийство?

ЛАУРА. Дознание, конечно, было. Но с Ричарда полностью сняли обвинение.

СТАРКВЕДДЕР. Разве не было свидетелей?

ЛАУРА. Только отец ребенка — все случилось у него на глазах. И медсестра Уорбертон, она ехала в машине вместе с Ричардом. По ее словам, машина шла не быстрее тридцати миль в час, и Ричард выпил только рюмочку хереса. Она утверждала, что мальчик выбежал прямо под колеса, и несчастного случая избежать было невозможно. Поверили ей, а не отцу ребенка. Я понимаю, он был вне себя от горя и ярости. А сестре Уорбертон каждый бы поверил. Она была сама точность, аккуратность и сдержанность.

СТАРКВЕДДЕР. Вас в машине не было?

ЛАУРА. Нет.

СТАРКВЕДДЕР. Так откуда вам знать, что она дала ложные показания?

ЛАУРА. О, Ричард открыто обсуждал все это с нами. Когда они вернулись с дознания, он сказал: «Браво, Уорби, ты устроила славное шоу. Возможно, спасла меня от долгой отсидки». А она ответила: «Вы этого не заслуживаете, мистер Уорик. Вы сами знаете, что ехали слишком быстро. Стыдитесь! Бедный ребенок!» И тогда Ричард сказал: «О, забудь! Одним ублюдком больше или меньше в на-

шем перенаселенном мире — что за беда! Выбрось из головы. Лично я из-за этого сон не потеряю, уверяю тебя».

СТАРКВЕДДЕР. Чем больше я слышу про вашего мужа, тем больше хочется верить, что случившееся ночью — это справедливое возмездие, а не убийство. Значит, так. Человек, ребенка которого задавили. Отец ребенка. Как его зовут?

ЛАУРА. Какое-то шотландское имя. Мак... Мак что-то... Мак-Леод, Мак-Грай... не помню.

СТАРКВЕДДЕР. Постарайтесь вспомнить. Это важно. Он все еще живет в Норфолке?

ЛАУРА. Нет-нет. Он туда приезжал в гости. Кажется, к родственникам жены. Он из Канады.

СТАРКВЕДДЕР. Канада — это очаровательно далеко. Пока полиция доберется до этого шотландца, уйдет уйма времени. Похоже... да, похоже, здесь есть шанс. Только, ради Бога, постарайтесь вспомнить имя этого человека. *(Из кармана своего пальто, брошенного на кресло, достает перчатки и надевает. Оглядывает комнату.)* У вас найдутся газеты?

ЛАУРА. Газеты?

СТАРКВЕДДЕР. Не сегодняшние. Лучше вчерашние или позавчерашние.

ЛАУРА. В шкафу есть старые газеты на растопку.

Старкведдер открывает шкаф и достает газету.

СТАРКВЕДДЕР. Прекрасно. То, что надо. *(Идет с газетой к письменному столу. Из ящика стола берет ножницы.)*

ЛАУРА. Что вы собираетесь делать?

СТАРКВЕДДЕР. Фабриковать доказательства.

ЛАУРА. Но что, если... если полиция найдет этого человека?

СТАРКВЕДДЕР. Если он все еще живет в Канаде, это будет трудновато. А к тому времени, как его отыщут, у него найдется алиби, проверять которое будет уже поздно. В любом случае это лучшее, что мы можем предпринять. По крайней мере, мы получим передышку.

ЛАУРА. Мне это не нравится.

СТАРКВЕДДЕР. Вам, моя дорогая девочка, привередничать не приходится. Но придется вспомнить имя того человека.

ЛАУРА. Не помню, говорю вам, не помню.

СТАРКВЕДДЕР. Мак-Дугал? Мак-Интош?

ЛАУРА. Перестаньте! Так только хуже. Теперь я даже не уверена, что это имя было Мак — что-то.

СТАРКВЕДДЕР. Ладно, не помните так не помните. Обойдемся без имени. Может, вы помните хоть дату или еще что-нибудь полезное?

ЛАУРА. Дату назвать могу. Пятнадцатое мая.

СТАРКВЕДДЕР. Как же вы запомнили?

ЛАУРА. Потому что это случилось в мой день рождения.

СТАРКВЕДДЕР. А, понял... да... что ж, это решает одну маленькую проблему. Во всяком случае, хоть в чем-то нам повезло: эта газета датирована пятнадцатым числом. *(Вырезает дату.)*

ЛАУРА *(подходит к столу)*. Пятнадцатое ноября.

СТАРКВЕДДЕР. С датами сложнее всего. Май — короткое слово, но теперь его не найдешь. *(Вырезает.)* Заглавное М. Теперь А и Й.

ЛАУРА. Что вы делаете?

СТАРКВЕДДЕР *(садится за письменный стол)*. Клей найдется?

Лаура собирается достать из ящичка стола пузырек с клеем, но он ее останавливает.

Не трогайте! Отпечатки пальцев. А, вот он. *(Берет пузырек и снимает крышку.)* Небольшой урок, как быть преступником. А вот и обыкновенная бумага, которая продается по всей Англии. *(Вытаскивает из другого ящичка большой блокнот и мажет клеем бумагу и буквы.)* Теперь смотрите: раз, два, три! В перчатках, конечно, тяжело. Вот так. Пятнадцатое мая. Заплачено за все. Фу, отвалилось «за». Ну, как вам это понравится? *(Вырывает лист из блокнота и показывает ей, встает и идет к трупу.)* Аккуратненько засунем в карман пиджака. *(Нечаянно сталкивает со стола зажигалку.)* Ой ты!

Лаура коротко вскрикивает и порывается ее поднять, но Старкведдер уже это сделал; разглядывает зажигалку.

ЛАУРА *(задыхаясь)*. Отдайте. Отдайте мне!

Старкведдер удивлен, но отдает

Это... моя зажигалка.

СТАРКВЕДДЕР. Ну да, вот ваша зажигалка, кто бы спорил. Вы, кажется, теряете самообладание?

Лаура идет к дивану, на ходу вытирает зажигалку о юбку, стараясь, чтобы Старкведдер не заметил.

ЛАУРА. О, что вы!

Убедившись, что бумага надежно засунута в нагрудный карман Ричарда, Старкведдер подходит к письменному столу, ставит на место пузырек с клеем, снимает перчатки, достает носовой платок и смотрит на Лауру.

СТАРКВЕДДЕР. Ну вот, переходим к следующему этапу. Где стакан, из которого вы сейчас пили?

Лаура быстро отходит к столику в глубине комнаты, берет стакан, оставив там зажималку, и возвращается со стаканом к Старкведдеру.

Он берет стакан, подносит к нему платок, но останавливается.

Нет, это глупо.

ЛАУРА. Почему?

СТАРКВЕДДЕР. Как же, отпечатки должны быть, и на стакане, и на графине. Во-первых, того парня-камердинера и, возможно, вашего мужа. Если не будет отпечатков, для полиции это зацепка. *(Делает глоток из стакана.)* Надо только придумать, как здесь оказались мои. Преступление — штука непростая, а? *(Ставит стакан на стол возле инвалидного кресла.)*

ЛАУРА *(со страстью)*. О, не надо! Не вмешивайтесь в это дело! Они могут заподозрить вас.

СТАРКВЕДДЕР. О, я вполне уважаемый малый — вне всяких подозрений. Кроме того, в некотором смысле я уже замешан... Моя машина крепко увязла в кювете возле вашей калитки. Но вы не беспокойтесь, малюсенькое лже-свидетельство, и чуточку неточно указанное время — это худшее, что мне смогут предъявить. Однако и этого не предъявят, если вы правильно сыграете свою роль.

Лаура испуганно отворачивается. Он подходит и заглядывает ей в лицо.

Ну как, вы готовы?

ЛАУРА. Готова к чему?

СТАРКВЕДДЕР. Соберитесь.

ЛАУРА. Я чувствую... такую тупость... Не могу думать.

СТАРКВЕДДЕР. Вам не надо думать, ваше дело подчиняться приказу. Итак. Прежде всего, у вас в доме есть какая-нибудь печка?

ЛАУРА. Есть бойлер для горячей воды.

СТАРКВЕДДЕР. Хорошо.

Старкведдер идет к письменному столу, берет газету, заворачивает в нее обрезки, подает Лауре сверток.

Значит, так. Первое, что вы должны сделать, — это пойти на кухню и сунуть это в топку бойлера. Потом вы подниметесь наверх, переоденетесь в ночную рубашку — или неглиже, что там у вас. Аспирин есть?

ЛАУРА (*озадаченно*). Есть.

СТАРКВЕДДЕР. Что ж, высыпьте его в уборную. Потом пойдите к кому-нибудь — к свекрови или мисс Беннет — и скажите, что у вас болит голова и вам нужен аспирин. Когда придете к ней, не забудьте оставить дверь открытой — вы услышите выстрел.

ЛАУРА. Выстрел?

СТАРКВЕДДЕР (*берет со стола револьвер*). Да. Об этом я позабочусь. Хм, по-моему, иностранный. Военный трофей?

ЛАУРА. Не знаю. У Ричарда было несколько иностранных пистолетов.

СТАРКВЕДДЕР. Интересно, он зарегистрирован?

ЛАУРА. У Ричарда была лицензия, или как это называется, — разрешение на всю его коллекцию.

СТАРКВЕДДЕР. Да, так положено. Но это не значит, что все зарегистрировано на его имя. На практике к таким вещам люди обычно относятся весьма беспечно. Кто может знать наверняка?

ЛАУРА. Энджел. А что, это имеет значение?

СТАРКВЕДДЕР. Ну, по логике, старина Мак-Мститель скорее пришел бы со своим оружием, горя праведным гневом и мечом грома и молнии. Хотя можно представить дело и по-другому. Этот человек врывается в дом. Ричард споронок хватается за пушку, а тот парень вырывает ее и стреляет сам — некоторая натяжка, но что поделаешь. Раз мы решились на риск. (*Кладет револьвер на стол.*) Ну как, мы все продумали? Вроде бы все. К моменту прибытия полиции время убийства с точностью до пятнадцати—двадцати минут будет уже невозможно установить. По таким дорогам, да еще в туман сюда быстро не добраться. (*Отодвигает портьеру и смотрит на дырки от пуль.*) «R.V.» Очень мило. Я поставлю последнюю точку. Когда услышите выстрел, изобразите тревогу и приведите сюда мисс Беннет и всех, кого сможете собрать. Ваша версия: вы ничего не знаете, вы легли спать, проснулись от головной боли, пошли за аспирином — и это все, что вы можете рассказать. Понятно? Остальное предоставьте мне. Ну как, готовы?

ЛАУРА. Да.

СТАРКВЕДДЕР. Тогда идите и начинайте свою мистификацию.

ЛАУРА. Вы... вы не обязаны это делать. Не надо... Вы не должны себя впутывать.

СТАРКВЕДДЕР. Перестаньте. Каждый развлекается по-своему. Как вы изволили выразиться? Легко и весело? Значит, вы повеселились, убив своего мужа. Теперь мое время поразвлечься. В душе я всегда мечтал поучаствовать в настоящей детективной истории. Так вы сделаете то, что я вам сказал?

ЛАУРА. Да.

СТАРКВЕДДЕР. Идет! О, у вас часы на руке, отлично. Который час?

Лаура показывает ему часы.

(Он подводит свои часы.) Без десяти уже было. Даю вам три — нет, четыре минуты. Четыре минуты, чтобы зайти на кухню, сунуть это в бойлер, подняться к себе, выкинуть таблетки, переодеться и зайти к мисс Беннет. Как, успеете?

Лаура кивает.

Так вот, без пяти двенадцать вы услышите выстрел. Идите. Не подведете меня?

ЛАУРА *(слабым голосом)*. Нет. *(Идет к двери.)*

СТАРКВЕДДЕР. Отлично. *(Замечает жакет Лауры на подлокотнике дивана, окликает Лауру и с улыбкой подает ей жакет, потом закрывает за ней дверь. Смотрит на часы, достает сигарету. Идет к столику за зажигалкой, по пути замечает фотографию Лауры на книжной полке. Берет ее, смотрит. Улыбается, ставит на место, закуривает, оставляет зажигалку на столе. Достает платок и стирает отпечатки с подлокотников кресла и фотографии. Забирает из пепельницы окурок Лауры и свой собственный, проходит к письменному столу, стирает с него все отпечатки, кладет ножницы и блокнот на место, поправляет книгу. Подбирает с пола обрезок бумаги и засовывает в карман брюк, забирает свой фонарик, идет к двери на террасу и осторожно светит фонариком сквозь стекло на садовую дорожку.)* Слишком твердая, следов отпечататься не должно. *(Берет револьвер, убеждается, что он заряжен, стирает отпечатки, затем откладывает его в сторону. Взглянув на часы, надевает шляпу, шарф и перчатки, перекидывает пальто через руку, потом стирает отпечатки с дверной ручки. Затем выключает свет,*

надевает пальто, берет револьвер, но замечает, что вензель VR прикрыт портьерой.) А, черт! (Поспешно пододвигает стул, чтобы он держал портьеру. Возвращается на прежнее место и стреляет. Подходит проверить результат.) Неплохо! (Ставит стул на место.)

Из холла слышны голоса. Старкведдер выбегает на улицу, унося с собой револьвер. Через миг возвращается, хватая фонарик и снова скрывается. Голоса за сценой все слышнее, они приближаются.

МИССИС УОРИК *(за сценой)*. Что такое, Ян? Почему все бродят среди ночи? Бенни, что происходит? Вы что, все с ума посходили? Лаура, что случилось? Ян... Ян... кто-нибудь скажет мне, что делается в этом доме?

ЯН *(за сценой)*. Это Ричард, он стреляет в тумане, скажите ему, чтобы не стрелял и не будил нас, когда мы так сладко спим. Я крепко спал, Бенни тоже, правда, Бенни?.. Осторожно, Лаура, Ричард опасен... Он опасен, Бенни, осторожнее.

ЛАУРА *(за сценой)*. Такой густой туман, я выглянула в окно на первом этаже — дорожку еле видно, что он может подстрелить в таком тумане? Это нелепо! К тому же я слышала крик!

БЕННИ *(за сценой)*. Не понимаю, Лаура, с чего ты так разволновалась? Ричард развлекается, как обычно. Лаура говорит, что слышала стрельбу, но я уверена, что ничего плохого не случилось. Я не думаю... я думаю, ты фантазируешь. Но, конечно, он очень эгоистичен, и я ему это скажу.

Входит Бенни в байковом халате

Ричард, Ричард! В самом деле, Ричард, в такое время, ночью — это очень плохо, ты напугал нас, Ричард! Лаура!

Следом за Бенни тоже в халате входит Лаура. Она включает свет. Входит Ян. У него странное лицо как у невинного фавна, и мягкая, ласковая манера поведения.

ЯН. Что такое, Бенни, в чем дело?

БЕННИ. Ричард... он убил себя!

ЯН. Смотрите, его револьвера нет.

СТАРКВЕДДЕР *(за сценой)*. Что тут происходит? Что стряслось?

ЯН *(глянув в окно)*. Послушайте. Там на улице кто-то есть.

БЕННИ. На улице? Кто?

СТАРКВЕДДЕР. Что здесь случилось? В чем дело? Этот человек мертв — он убит. *(С подозрением оглядывает присутствующих.)*

БЕННИ. Кто вы такой? Откуда тут взялись?

СТАРКВЕДДЕР. У меня только что машина съехала в кювет. Я уже несколько часов тут плутаю. Наконец нашел калитку и подошел к дому — я надеялся, что смогу позвонить по телефону и вызвать технику. Тут слышу выстрел, кто-то выбегает из дома и сталкивается со мной. И роняет вот это. *(Показывает револьвер.)*

БЕННИ. Куда этот человек побежал?

СТАРКВЕДДЕР. Откуда мне знать? В таком тумане ни черта не видно.

Ян пристально смотрит на труп

ЯН. Кто-то застрелил Ричарда!

СТАРКВЕДДЕР. Похоже на то. Не мешало бы вам связаться с полицией. *(Кладет револьвер на стол, берет графин, наливает в стакан бренди.)* Кто он?

ЛАУРА. Мой муж.

СТАРКВЕДДЕР *(значительно)*. Прошу вас... выпейте. *(Выразительно глядя на нее.)* Вы в шоке.

Лаура берет стакан. Старкведдер, повернувшись спиной к остальным, заговорщически ухмыляется: проблема отпечатков решена. Бенни наклоняется к телу, но он бросается ей наперерез.

Нет, ничего не трогайте, мэ. Похоже, это убийство, а раз так, то ничего нельзя трогать.

БЕННИ. Убийство? Не может быть!

Опираясь на палку, входит миссис Уорик, высокая властная старая дама, тоже в халате. Она насторожена.

МИССИС УОРИК. Что случилось?

ЯН. Ричарда убили. Убили Ричарда!

БЕННИ. Чш-ш... Ян.

МИССИС УОРИК. Что ты сказал?

БЕННИ *(указывает на Старкведдера)*. Он сказал — убийство.

Миссис Уорик подходит к телу сына.

МИССИС УОРИК *(шепотом)*. Ричард...

ЯН. Смотрите, смотрите, у него в кармане бумажка, там что-то написано. *(Протягивает руку.)*

СТАРКВЕДДЕР. Не трогайте — ничего нельзя трогать. *(Наклоняется над телом и медленно читает.)* «15 мая — заплачено за все».

БЕННИ. Мак-Грегор!

МИССИС УОРИК. Ты хочешь сказать — тот человек — отец ребенка — которого задавил?..

ЛАУРА *(про себя.)* Конечно. Мак-Грегор.

ЯН. Это все из газеты вырезано. Посмотрите...

Старкведдер опять не дает ему дотронуться до листка бумаги

СТАРКВЕДДЕР. Нет, не трогайте. Нужно все оставить как есть для полиции. *(Направляясь к телефону.)* Разрешите?..

БЕННИ. Я позвоню.

МИССИС УОРИК. Нет, я. *(Собравшись с силами, идет к телефону и набирает номер.)*

Ян возбужденно ходит по комнате, потом становится коленями на диван.

ЯН *(к Бенни.)* Дядька, который сбежал отсюда, — как ты думаешь, он...

БЕННИ. Чш-ш... Ян!

МИССИС УОРИК. Полицейский участок? Это из Лэнджлет-хауса, дома мистера Ричарда Уорика. Мистер Ричард Уорик только что найден мертвым. Он убит.

При ее последних словах слева входит Энджел, завязывая пояс халата, застывает в дверях.

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же комната. Следующее утро, около 11 часов. Ясный солнечный день. Окно и дверь распахнуты. На письменном столе лежит папка с образцами отпечатков пальцев всех обитателей дома. Сержант Эдуоллдер, усевшись в инвалидное кресло, читает сборник стихов.

СЕРЖАНТ. Прекрасно. И весьма уместно! *(Закрывает книгу, ставит ее на полку, обводит взглядом комнату и выходит на террасу.)*

С чемоданчиком в руке входит инспектор Томас и саркастически смотрит на сержанта, любующегося пейзажем.

ИНСПЕКТОР. Сержант Кэдуоллдер!
СЕРЖАНТ (*декламирует*):

Пора плодоношенья и дождей!
Ты вместе с солнцем огибаешь мызу¹.

ИНСПЕКТОР (*оторопев*). Что?
СЕРЖАНТ (*с достоинством*). Китс.

Инспектор, пожав плечами, снимает плащ.

Вы не представляете себе, какой сегодня чудный день! Как вспомню, что нам досталось вчера! Самый ужасный туман за последние годы. Неудивительно, что на Кардифском шоссе сплошные аварии.

ИНСПЕКТОР. Могло быть хуже.

СЕРЖАНТ. Ну не знаю. В Порткауле вообще кошмарная катастрофа, один погиб, двое детей тяжело ранены. А посреди дороги мать надрыдается от крика.

ИНСПЕКТОР. Ребята закончили с отпечатками пальцев?

СЕРЖАНТ (*с напускной деловитостью*). Да, сэр. Я все для вас подготовил. (*Торопливо подходит к письменному столу и раскрывает папку.*)

Инспектор садится за стол, ставит чемоданчик на пол и принимается изучать отпечатки.

ИНСПЕКТОР. Когда снимали отпечатки, никто не возражал?

СЕРЖАНТ. Никто. Все были очень любезны, прямо-таки вовсю старались помочь. Хотя этого и следовало ожидать.

ИНСПЕКТОР. Первый раз такое слышу. Обычно все поднимают страшный крик. Как будто думают, что их отпечатки зарегистрируют в Бюро учета правонарушителей. Что ж, поглядим. Мистер Уорик — ага, это убитый, миссис Лаура Уорик, миссис Уорик-старшая, молодой Ян Уорик, мисс Беннет и — кто такой? Энгел — нет, Энджел? Ах да, это камердинер, он же санитар, не так ли? А вот еще два набора. Посмотрим... Хм. С наружной стороны стеклянной двери, на графине, на стакане с бренди, поверх отпечатков Ричарда Уорика, Энджела и миссис Лауры Уорик, на зажигалке и —

¹ Начальные строки «Оды к осени» Джона Китса (1795—1821), перевод Б. Пастернака.

на револьвере. Это у нас будет Майкл Старкведдер. Он подал бренди миссис Уорик и принес из сада оружие.

СЕРЖАНТ (*тоном глубочайшего недоверия*) Мистер Старкведдер?

ИНСПЕКТОР. Он тебе не нравится?

СЕРЖАНТ. Хотел бы я знать, что он тут делал, прежде чем заехать в кювет и заявиться в дом, где произошло убийство?

ИНСПЕКТОР. Ты сам вчера чуть не угодил в кювет, подъезжая к дому, где произошло убийство. А насчет того, что он делал, — он разъезжает тут уже неделю, домик себе присматривает.

Сержант смотрит на него недоверчиво

Кажется, его бабушка жила в Уэльсе и он в детстве приезжал сюда на каникулы.

СЕРЖАНТ. А, вот оно что. Бабушка из Уэльса — тогда совсем другое дело!

ИНСПЕКТОР. Скоро мы получим сведения о нем из Абдана. Ты взял его отпечатки для сравнения?

СЕРЖАНТ. Я послал Джонса в гостиницу, где он остановился, но этот Старкведдер как раз ушел в гараж узнавать насчет своей машины. Джонс позвонил в гараж и велел ему явиться в участок, как только он сможет.

ИНСПЕКТОР. Хорошо. Теперь насчет неопознанных отпечатков. Отпечаток мужской ладони на столе возле трупа и смазанные следы на внешней и внутренней поверхности стеклянной двери.

СЕРЖАНТ (*прищелкнув пальцами*). Мак-Грегор!

ИНСПЕКТОР. Н-да. Может быть. Но на револьвере их нет. И, как ты сам выразился, любому идиоту хватило бы ума надеть перчатки.

СЕРЖАНТ. А неуравновешенный тип вроде Мак-Грегора мог и позабыть!

ИНСПЕКТОР. Скоро нам пришлют из Норвича его описание.

СЕРЖАНТ. С какой стороны ни посмотри, печальная история. Живет семья: муж, жена и ребенок, потом жена умирает, а единственный ребенок погибает под колесами мчащейся машины.

ИНСПЕКТОР. Если бы она и правда мчалась, то Уорика осудили бы за непреднамеренное убийство или хотя бы за превышение скорости. А у него даже права не ото-

брали. *(Достает из чемоданчика револьвер — орудие убийства.)*

СЕРЖАНТ *(мрачно)*. Некоторые люди склонны прививать. И здорово прививать!

Инспектор встает и смотрит на сидящего сержанта, тот поспешно встает.

ИНСПЕКТОР. Мужская ладонь на столе. Непонятно.

СЕРЖАНТ. В доме мог быть гость.

ИНСПЕКТОР. Как я понял со слов миссис Уорик, вчера в доме чужих не было. Вообще-то этот камердинер мог бы что-нибудь рассказать. Пойди приведи его.

СЕРЖАНТ. Да, сэр.

Сержанта выходит Инспектор идет к стеклянной двери и осматривает ее замок, после чего опять усаживается за стол. В сопровождении сержанта входит Энджел — сорокавосемилетний мужчина с безупречными манерами вышколенного слуги и бегающими глазками

ИНСПЕКТОР. Генри Энджел?

ЭНДЖЕЛ. Да, сэр.

ИНСПЕКТОР. Присаживайтесь.

Энджел садится на диван. Сержанта вынимает блокнот.

Итак, сколько времени вы служите камердинером у мистера Ричарда Уорика?

ЭНДЖЕЛ. Три с половиной года, сэр.

ИНСПЕКТОР. Вам нравилась эта работа?

ЭНДЖЕЛ. Я находил ее вполне удовлетворительной, сэр.

ИНСПЕКТОР. Вероятно, работать на мистера Уорика было нелегко?

ЭНДЖЕЛ. Трудно, сэр.

ИНСПЕКТОР. Но были и свои преимущества?

ЭНДЖЕЛ. Да, сэр. Мне чрезвычайно хорошо платили.

ИНСПЕКТОР. Что компенсировало трудности?

ЭНДЖЕЛ. Да, сэр. Я пытаюсь скопить денег, чтоб обзавестись собственным, так сказать, гнездышком.

ИНСПЕКТОР. Чем вы занимались до того, как поступили к мистеру Уорику?

ЭНДЖЕЛ. Такой же работой, сэр. Я могу показать характеристики от прежних хозяев. Смею думать, они остались мною довольны. А ведь у меня бывали трудные пациенты. Например, сэр Джеймс Уолистон. Сейчас он в сумасшедшем доме, содержится на благотворительные взносы. Очень трудный человек, сэр. Наркотики!

ИНСПЕКТОР. Так. У мистера Уорика, полагаю, не было проблем с наркотиками?

ЭНДЖЕЛ. Нет, сэр. Мистер Уорик предпочитал бренди.

ИНСПЕКТОР. Много пил?

ЭНДЖЕЛ. Да, сэр. Пьяница, но все-таки не алкоголик, если вы меня понимаете. Никогда не похмелялся.

ИНСПЕКТОР. Как насчет всех этих ружей и пистолетов — и стрельбы по животным?

ЭНДЖЕЛ. Это было его хобби, сэр. У нас, медиков, это называется компенсацией. Я знаю, что он был, как говорится, страстным охотником. У него там в спальне целый арсенал. Охотничьи ружья, винтовки, дробовики, пистолеты, револьверы.

ИНСПЕКТОР. Так. Что ж, взгляните на этот револьвер. Можете спокойно взять его в руки. Узнаете?

Энджел осторожно берет револьвер.

ЭНДЖЕЛ. Трудно сказать, сэр. Похоже, это один из тех, что принадлежал мистеру Уорику, но я не слишком разбираюсь в огнестрельном оружии. Я не могу сказать наверняка, какое оружие было у него на столе этой ночью.

ИНСПЕКТОР. Разве он не брал каждую ночь одно и то же?

ЭНДЖЕЛ. О нет, сэр, у него были свои причуды.

ИНСПЕКТОР. Какой смысл было сидеть тут с оружием вчера, в такой туман?

ЭНДЖЕЛ. Привычка, сэр. Можно сказать, у него это вошло в обычай.

ИНСПЕКТОР. Садитесь, садитесь. Когда вы видели его в последний раз?

ЭНДЖЕЛ. Примерно без четверти десять, сэр. Рядом с ним был стакан, бренди и один из пистолетов. Я укрыв его пледом и пожелал спокойной ночи.

ИНСПЕКТОР. Он лег спать?

ЭНДЖЕЛ. Нет, сэр, не ложился. Ночью он обычно дремал в своем инвалидном кресле. В шесть утра я приносил ему чай, потом отвозил в спальню, чтобы помыть, побрить и тому подобное, и потом он спал до обеда. Насколько я знаю, по ночам он страдал бессонницей, поэтому предпочитал оставаться в кресле.

ИНСПЕКТОР. А эта дверь на террасу была закрыта, когда вы уходили?

ЭНДЖЕЛ. Да, сэр. Был сильный туман.

ИНСПЕКТОР. И заперта?

ЭНДЖЕЛ. Нет, сэр, эту дверь никогда не запирают.

ИНСПЕКТОР. Он мог открыть ее при желании?

ЭНДЖЕЛ. О да, сэр. Он мог подъехать на кресле к двери и открыть ее, если бы ночь была ясная.

ИНСПЕКТОР. Понятно. Значит, ночью вы не слышали выстрела?

ЭНДЖЕЛ. Нет, сэр.

ИНСПЕКТОР. Вам это не кажется странным?

ЭНДЖЕЛ. Моя комната довольно далеко отсюда, в конце коридора, и дверь обита войлоком.

ИНСПЕКТОР. Но ведь это неудобно, если хозяин захочет вас вызвать?

ЭНДЖЕЛ. О что вы, сэр! Ко мне в комнату проведен звонок. Очень пронзительный звонок, если можно так выразиться, сэр.

ИНСПЕКТОР. А вы не...

Его прерывает пронзительный телефонный звонок. Инспектор смотрит на сержанта, но тот замечтался. Вдруг осознав, что инспектор уставился на него и что телефон звонит, сержант подходит к телефону и снимает трубку.

СЕРЖАНТ. Сержант Кэдуоллдер слушает... Ах да, конечно... *(Инспектору.)* Это Норвич, сэр.

ИНСПЕКТОР *(берет трубку)*. Это ты, Эдмундсон? Томас у телефона... Получили, да... Да... Калгари, да... Да... Да, тетка, когда она умерла?.. А, два месяца назад... Да, я понял. Калгари, Тридцать четвертая стрит, дом восемнадцать. *(Раздраженно смотрит на сержанта, жестом показывая, чтобы тот записал адрес.)* Да... вот именно... Да, помедленней, пожалуйста. *(Снова смотрит на сержанта.)* Среднего роста, глаза голубые, волосы темные, борода. Говоришь, помнишь этот случай?.. Ах вот как? Буйный малый, говоришь?.. Ах, вы уже отправили? Ну спасибо, Эдмундсон. Скажи, а ты-то сам что думаешь?.. Да, знаю я, что было расследование, но сам-то ты как полагаешь? А, у него уже бывало? Раз или два... Да, конечно, вы приняли во внимание... Ладно. Спасибо. *(Кладет трубку. Сержанту.)* Ну вот, есть кое-что на Мак-Грегора. Вроде бы после того как умерла жена, он приехал сюда из Канады, чтобы оставить сына у тетки жены в Норт-Уолшеме, потому что получил работу на Аляске и не мог взять с собой ребенка. Бесспорно, смерть мальчика его подкосила, он твердил всем и каждому, что отомстит Уорику. После таких аварий это дело обычное. Но, однако же, он уехал в Канаду. Его адрес

нашли и послали телеграмму в Калгари. Тетка, у которой он собирался оставить ребенка, умерла два месяца назад. (*Энджелу.*) Я полагаю, вы были здесь в то время, Энджел? Помните аварию в Норт-Уолшеме, когда сбили мальчика?

ЭНДЖЕЛ. О да, сэр, хорошо помню.

ИНСПЕКТОР. Что произошло?

Едва инспектор встает со стула, возле письменного стола, туда немедленно садится сержант

ЭНДЖЕЛ. Мистер Уорик ехал по главной улице, а мальчик неожиданно выбежал на дорогу; затормозить не было никакой возможности. Мистер Уорик сбил его, прежде чем успел что-то предпринять.

ИНСПЕКТОР. Превышение скорости?

ЭНДЖЕЛ. О нет, сэр. При дознании это подозрение сразу отпало. Мистер Уорик ехал с дозволенной скоростью.

ИНСПЕКТОР. Насколько я знаю, он сам говорил именно так.

ЭНДЖЕЛ. Это чистая правда, сэр. Сестра Уорбертон — она тоже была в машине, все подтвердила.

ИНСПЕКТОР. Она что, смотрела на спидометр?

ЭНДЖЕЛ. Я уверен, что сестра Уорбертон посмотрела на спидометр. По ее оценке, они ехали со скоростью примерно двадцать — двадцать пять миль в час. С мистера Уорика были сняты все обвинения.

ИНСПЕКТОР. Но отец мальчика с таким решением не согласился?

ЭНДЖЕЛ. Это вполне естественно.

ИНСПЕКТОР. Мистер Уорик был пьян?

ЭНДЖЕЛ (*уклончиво*). Как я слышал, он выпил лишь рюмку хереса, сэр.

ИНСПЕКТОР. Что ж, я думаю, пока достаточно.

ЭНДЖЕЛ. Извините меня, сэр. Но правда ли, будто мистер Уорик был убит из своего собственного револьвера?

ИНСПЕКТОР. Это предстоит выяснить. Стрелявший столкнулся с мистером Старкведдером, который как раз шел к дому, рассчитывая получить помощь, и от неожиданности убийца выронил оружие. Мистер Старкведдер подобрал его — вот оно.

ЭНДЖЕЛ. Понятно, сэр. Благодарю вас, сэр.

ИНСПЕКТОР. Кстати, а посторонних вчера в доме не было? В частности, вечером?

ЭНДЖЕЛ (*хитровато смотрит на инспектора*). Что-то я не припомню, сэр... вылетело из головы. (*Выходит.*)

ИНСПЕКТОР. Если хотите знать мое мнение, сержант, так этот тип — порядочная скотина, хотя прищучить его не за что. Но он мне здорово не нравится.

СЕРЖАНТ. Согласен. Я бы такому доверять не стал, и я бы сказал: история с аварией этой очень уж подозрительная. *(Смотрит на стоящего рядом инспектора и, спохватившись, вскакивает.)*

ИНСПЕКТОР *(берет его записи)*. А если этот Энджел что-то знает про вчерашний вечер? Тогда интересно, что же именно? *(Читает.)*

«Туманно в ноябре,
Не то что в декабре»

Это Китс?

СЕРЖАНТ *(гордо)*. Нет, Кэдуоллдер

Инспектор швыряет блокнот сержанту Входит Бенни

БЕННИ. Инспектор, миссис Уорик прямо рвется с вами поговорить. Она сама не своя. Я имею в виду старшую миссис Уорик, мать Ричарда.

ИНСПЕКТОР. О, разумеется, просите ее.

Бенни открывает дверь, и входит миссис Уорик

БЕННИ. Заходите, миссис Уорик. *(Выходит)*

ИНСПЕКТОР. Доброе утро, мадам.

МИССИС УОРИК. Скажите, инспектор, как продвигается дело?

ИНСПЕКТОР. Пока еще рано говорить, но вы можете быть уверены, что мы сделаем все возможное.

МИССИС УОРИК. Этот человек, Мак-Грегор, — его видели? Его уже замечали в наших краях?

ИНСПЕКТОР. Мы дали запрос. Пока появление незнакомца нигде не зарегистрировано.

МИССИС УОРИК. Бедный мальчик! Ричард задавил его, и, полагаю, из-за этого его отец помешался. Я знаю, мне говорили, что тогда он был в ярости, ругался, грозил. Вполне естественно. Но через два года! Это кажется невероятным.

ИНСПЕКТОР. Да, долговато он ждал.

МИССИС УОРИК. Но, конечно, он ведь шотландец, Мак-Грегор. Шотландцы — они могут готовить месть долго и терпеливо.

Сержант одобрительно бормочет Инспектор бросает на него недовольный взгляд, и тот умолкает

ИНСПЕКТОР. Ваш сын не получал никакого предостережения или письма угрожающего содержания?

МИССИС УОРИК. Нет, я в этом уверена. Ричард обязательно рассказал бы. И непременно посмеялся бы.

ИНСПЕКТОР. Он бы не воспринял это всерьез?

МИССИС УОРИК. Мой сын всегда смеялся над опасностью.

ИНСПЕКТОР. Скажите, а после того несчастного случая ваш сын не предложил отцу мальчика какую-либо компенсацию?

МИССИС УОРИК. Ну разумеется, предложил. Ричард — человек небедный. Но тот от денег отказался. Я бы сказала, гневно их отверг.

ИНСПЕКТОР. Вот как!

МИССИС УОРИК. Я знала, что жена Мак-Грегора умерла. Мальчик был всем, что у него оставалось в этом мире. Трагедия!

ИНСПЕКТОР. Но ведь ваш сын был не виноват?

Миссис Уорик не отвечает.

Я сказал, ведь ваш сын был не виноват?

МИССИС УОРИК. Я слышала ваш вопрос.

ИНСПЕКТОР. Может быть, вы с этим не согласны?

МИССИС УОРИК (*в замешательстве отворачивается*). Ричард слишком много пил. Конечно, в тот день он был пьян.

ИНСПЕКТОР. Рюмка хереса?

МИССИС УОРИК. Рюмка хереса! Он пил очень много. Он пил... запоем. Этот графин наполняли каждый вечер, а к утру он бывал почти пуст.

ИНСПЕКТОР. Так вы считаете, что в той аварии был виновен ваш сын?

МИССИС УОРИК. Конечно. Я в этом никогда не сомневалась.

ИНСПЕКТОР. Но его оправдали!

МИССИС УОРИК. Эта баба, Уорбертон? Эта дура была предана Ричарду. К тому же, думаю, он ей хорошо заплатил.

ИНСПЕКТОР. Вы это точно знаете?

МИССИС УОРИК. Я ничего не знаю, я делаю собственные заключения. А вам говорю потому, что вам нужна правда, не так ли? Вам нужен убедительный мотив убийства. Так вот, по-моему, мотив был. Просто я не думала, что спустя столько времени...

ИНСПЕКТОР. Вчера ночью вы ничего не слышали?

МИССИС УОРИК. Я, знаете ли, глуховата. Я ничего не знала до тех пор, пока не услышала шаги и разговоры у себя под самой дверью. Выхожу, а Ян говорит: «Ричарда убили, Ричарда убили». Сначала я подумала, что это своего рода шутка.

ИНСПЕКТОР. Ян — ваш младший сын?

МИССИС УОРИК. Он не мой сын. Я развелась с мужем много лет назад. Он женился снова. Ян — его сын от второго брака. Когда муж умер, мальчик переехал к нам. Ричард и Лаура тогда только что поженились. Лаура всегда была очень добра к нему.

ИНСПЕКТОР. Да, насчет вашего сына Ричарда...

МИССИС УОРИК. Я любила сына, инспектор, но я не слепая, я видела его недостатки, они в значительной мере происходили из-за несчастного случая на охоте, который сделал его инвалидом. Он был гордый человек, охотник и путешественник, и жизнь беспомощного калеки была для него нестерпима. И это, скажем так, не улучшило его характер.

ИНСПЕКТОР. Вот именно. А его семейная жизнь была счастливой?

МИССИС УОРИК. Не имею ни малейшего понятия. Хотите еще что-нибудь узнать, инспектор?

ИНСПЕКТОР. Нет, спасибо, миссис Уорик. Теперь я хотел бы поговорить с мисс Беннет, если не возражаете.

МИССИС УОРИК. Да, она как раз тот человек, который больше других сможет вам помочь. Она такая практичная, умелая.

ИНСПЕКТОР. Она давно у вас?

МИССИС УОРИК. О да, много лет. Она ухаживала за Яном, еще когда тот был маленьким, да и Ричарду помогала. Вообще-то она ухаживает за всеми нами. Бенни очень добросовестная женщина.

СЕРЖАНТ. Значит, он пил! А я ведь слышал, о нем такое говорили. И все эти пистолеты, дробовики, винтовки! Повредился в уме — лично я считаю так.

ИНСПЕКТОР. Возможно.

Звонит телефон. Инспектор надеется, что сержант ответит, но тот погрузился в свои заметки и ничего не слышит. Наконец инспектор, вздыхая, идет к телефону и снимает трубку.

Алло... Да, это я... Пришел Старкведдер? Отпечатки дал? Хорошо... Да, попроси его подождать... Да-да, я вернусь

через полчаса или около того... Ага, хочу задать ему пару вопросов. Да, до свиданья.

Входит Бенни

БЕННИ. Вы и мне хотите задать пару вопросов? А то у меня сегодня с утра множество дел.

ИНСПЕКТОР. Да, мисс Беннет, я хочу услышать вашу оценку дорожного происшествия в Норфолке.

БЕННИ. С сыном Мак-Грегора?

ИНСПЕКТОР. Да. Вчера, я слышал, вы сразу же вспомнили его имя.

БЕННИ. У меня хорошая память на имена.

ИНСПЕКТОР. И без сомнения, тот случай произвел на вас впечатление. Вы сами были в машине?

БЕННИ. Нет-нет, не была. В то время при мистере Уорике находилась патронажная сестра по фамилии Уорбертон.

ИНСПЕКТОР. Вы ходили на дознание?

БЕННИ. Нет. Но Ричард, когда вернулся, все нам рассказал. Он говорил, тот человек угрожал, что с ним покинется. Мы, конечно, не приняли этого всерьез.

ИНСПЕКТОР. Не сложилось ли у вас какое-либо особое мнение об этом несчастном случае?

БЕННИ. Не понимаю, о чем вы.

ИНСПЕКТОР. О том, что авария могла случиться оттого, что мистер Уорик был пьян.

БЕННИ. А, видимо, вам его мать рассказала. Ну знаете, не стоит слепо верить всему, что она скажет. У нее сложилось сильное предубеждение против пьянства оттого, что отец Ричарда пил.

ИНСПЕКТОР. Значит, вы считаете, что Ричард Уорик говорил правду, утверждая, что он не превышал скорости и что избежать наезда было невозможно?

БЕННИ. Почему бы и нет? Сестра Уорбертон все это подтвердила.

ИНСПЕКТОР. А на ее слово можно положиться?

БЕННИ. Смею надеяться... Люди не склонны врать, по крайней мере в таких делах, не правда ли?

СЕРЖАНТ О, склонны, еще как склонны! Иной раз довертся до того, что они не то что не превысили скорость, а вообще задом пятились!

ИНСПЕКТОР. Я вот к чему веду. В состоянии стресса и горя человек вполне может пригрозить мстостью за смерть своего ребенка, даже если ее причиной явился несчастный случай. Но будь в действительности все так, как было заявле-

но на дознании то, по зрелом размышлении, отец ребенка понял бы, что Ричард Уорик не виноват.

БЕННИ. О... да. Понимаю, что вы имеете в виду.

ИНСПЕКТОР. С другой стороны, если машина летела на бешеной скорости, а он не справился с управлением...

БЕННИ. Это вам Лаура сказала?

ИНСПЕКТОР. А почему вы решили, что это мне сказала именно она?

БЕННИ. Не знаю. Так просто спросила. *(Смешавшись, смотрит на часы.)* Это все? А то у меня сегодня с утра очень много дел. *(Направляется к двери и открывает ее.)*

ИНСПЕКТОР. Теперь, если можно, я хотел бы побеседовать с Яном.

БЕННИ. О нет, сегодня утром он чересчур возбужден. Буду вам очень признательна, если вы не будете с ним беседовать и еще больше волновать его. Я только-только его успокоила.

ИНСПЕКТОР. Боюсь, нам все же придется задать ему ряд вопросов.

Бенни плотно закрывает дверь и возвращается

БЕННИ. Не лучше ли вам найти самого этого Мак-Грегора и расспросить его? Он не мог далеко уйти.

ИНСПЕКТОР. Найдем. Не беспокойтесь.

БЕННИ. Надеюсь, что найдете. Месть! Это не по-христиански.

ИНСПЕКТОР. Особенно если мистер Уорик в самом деле не был виноват в том несчастном случае.

Бенни искося бросает взгляд на инспектора

Я хочу поговорить с Яном — пожалуйста.

БЕННИ. Не знаю, смогу ли его найти. Он мог уйти из дома.

Бенни уходит Инспектор выразительно смотрит на сержанта, и тот выходит следом.

БЕННИ *(за сценой)*. Нельзя его тревожить! *(Снова входит)* Нельзя тревожить мальчика. Его ничего не стоит вывести из равновесия. Тогда он возбуждается, становится вспыльчивым.

ИНСПЕКТОР. Он что, буйный?

БЕННИ. Нет, конечно нет. Он очень милый мальчик, ласковый, нежный. Я хотела только сказать, что вы его

расстроите. Такие вещи, как убийство, дети переносят очень тяжело. А он, по сути, еще ребенок.

ИНСПЕКТОР. Не стоит беспокоиться, мисс Беннет, уверяю вас. Мы вполне понимаем ситуацию.

Дверь открывается, и сержант вталкивает Яна, тот проходит прямо к инспектору.

ЯН. Вы меня звали? Вы его уже поймали? У него на одежде кровь?

БЕННИ. Ян, ты должен хорошо себя вести. Просто отвечай на вопросы, которые тебе зададут.

ЯН. О да, я буду хорошо себя вести. Но разве нельзя спросить?

ИНСПЕКТОР *(благожелательно)*. Конечно можно.

БЕННИ *(устраивается на диване)*. Я подожду.

ИНСПЕКТОР. Нет, благодарю вас, мисс Беннет, в этом нет нужды. К тому же вы сами говорили, что сегодня утром вы очень заняты.

БЕННИ. Лучше мне остаться.

ИНСПЕКТОР. Прошу прощения, но мы обычно предпочитаем беседовать с человеком с глазу на глаз.

Бенни, хмыкнув, встает и выходит.

Думаю, тебе еще не приходилось сталкиваться с убийством, а?

ЯН *(пылко)*. Нет. Нет, не приходилось. Здорово, правда? *(Становится коленями на диван.)* А улики нашли — отпечатки, пятна крови?

ИНСПЕКТОР. Кажется, тебя очень интересует кровь.

ЯН *(тихо и серьезно)*. Да, очень. Я люблю кровь. Она такого красивого цвета, правда? Такая ярко-красная! *(Смеется.)* Ричард стрелял в зверей, и из них текла кровь. Забавно, да? Я говорю, забавно, что Ричард всегда стрелял в зверей, а теперь выстрелили в него. Правда, смешно?

ИНСПЕКТОР. Пожалуй, это по-своему забавно. Скажи, а ты, наверное, очень огорчен, что твой брат умер?

ЯН. Огорчен — что Ричард умер? Нет! С чего бы?

ИНСПЕКТОР. Я подумал — возможно, ты его очень любил?

ЯН. Ричарда? Нет-нет, никто не мог любить Ричарда!

ИНСПЕКТОР. Но жена-то его любила?

ЯН. Лаура? Думаю, тоже нет. Она всегда была за меня.

ИНСПЕКТОР. За тебя?

ЯН (*истерически*). Да! Да! Когда Ричард хотел отослать меня!

ИНСПЕКТОР. Отослать?

ЯН. В такое место. Знаете, отошлют, и там запрут, и уже не выберется! Он говорил, Лаура сможет меня навещать. Иногда! (*Его трясет.*) Я не хочу, чтобы меня запирали. Ненавижу! (*Принимается расхаживать по комнате.*) Я люблю, когда все открыто, и окна и двери, чтобы всегда можно было спастись. А теперь меня никто не сможет запереть, правда?

ИНСПЕКТОР. Нет, приятель, я бы так не сказал.

ЯН. А теперь-то Ричард умер!

ИНСПЕКТОР. Значит, Ричард хотел тебя запереть?

ЯН. Лаура говорит, он только дразнил меня. Она сказала, все дело только в этом, она сказала, все нормально, пока она здесь, меня ни за что не запрут. (*Садится на ручку кресла.*) Я люблю Лауру. Я ужасно люблю Лауру. Мы с ней прекрасно проводим время. Смотрим на бабочек, на птичьи гнезда с яичками и играем в разные игры. О, с Лаурой так весело устраивать всякие штуки.

ИНСПЕКТОР (*добродушно*). Думаю, ты ничего не помнишь про тот несчастный случай, когда вы еще жили в Норфолке? Когда сбили мальчика.

ЯН. А вот и помню. Ричард ходил на дознание!

ИНСПЕКТОР. Да?

ЯН. У нас на лэнч была лососина. Ричард и Уорби вернулись вместе. Уорби суежилась, а Ричард смеялся.

ИНСПЕКТОР. Уорби? Это сестра Уорбертон?

ЯН. Да. Я ее не очень любил. В тот день Ричард был такой довольный, даже сказал Лауре: «Славное, отличное шоу».

Входит Лаура

Привет, Лаура.

ЛАУРА. Я не помешала?

ИНСПЕКТОР. Нет, что вы, миссис Уорик! Садитесь, пожалуйста.

ЛАУРА. Ян?..

ИНСПЕКТОР. Я как раз спросил его, не помнит ли он то происшествие в Норфолке. С мальчиком по фамилии Мак-Грегор.

ЛАУРА. Ты помнишь, Ян?

ЯН (*пылко*). Конечно помню. Я все помню. (*Инспектору.*) Ведь я вам все рассказал?

ИНСПЕКТОР. А вы что знаете об этом несчастном случае, миссис Уорик? Вы обсуждали его в тот день, после дознания?

ЛАУРА. Не помню.

ЯН. Ну как же, Лаура. Ричард еще сказал, что одним ублюдком больше или меньше — никакой разницы.

ЛАУРА (*инспектору*). Пожалуйста...

ИНСПЕКТОР. Все в порядке, миссис Уорик. Понимаете, нам важно узнать правду об этом инциденте. В конце концов, это возможный мотив.

ЛАУРА. О да, я понимаю. Понимаю.

ИНСПЕКТОР. Согласно показаниям вашей свекрови, ваш муж был пьян.

ЛАУРА. Вполне возможно. Меня бы это не удивило.

ИНСПЕКТОР. Вы видели того человека, Мак-Грегора?

ЛАУРА. Нет. Я не ходила на дознание.

ИНСПЕКТОР. Кажется, он горел желанием отомстить

ЛАУРА. Я думаю, он мог повредиться в уме

Ян, волнуясь все больше, подходит к креслу

ЯН. Если бы у меня был враг, я бы вот что сделал. Я бы долго ждал, а потом подкрался в темноте с ружьем. Потом — (*стреляет в кресло из воображаемого ружья*) бам, бам, бам!

ЛАУРА. Тихо, Ян.

ЯН (*жалобно*). Лаура, ты на меня сердишься?

ЛАУРА. Нет, мой хороший, не сержусь. Ты только не волнуйся.

ЯН. Я не волнуюсь.

За сценой слышны голоса

СТАРКВЕДДЕР (*за сценой*). Доброе утро, мисс Беннет. Где инспектор Томас? Я хотел бы с ним поговорить. Они здесь?

БЕННИ (*за сценой*). Доброе утро — о, доброе утро, констебль. Они оба там — не знаю уж, чем занимаются.

КОНСТЕБЛЬ (*за сценой*). Доброе утро, мадам. Я принес это инспектору, или, может отдать сержанту?

ЛАУРА. Кто это?

ИНСПЕКТОР. Похоже, мистер Старкведдер.

Старкведдер входит. Сержант выходит, слышно, как он разговаривает с констеблем. Ян садится в кресло

СТАРКВЕДДЕР. Послушайте, я не могу весь день торчать в полицейском участке. Мало того, что я дал отпечатки пальцев, потом меня заставили приехать сюда. У меня дела. Се-

годня у меня назначены две встречи с агентом по поводу дома. (*Видит Лауру.*) О, доброе утро, миссис Уорик. Извините.

ЛАУРА. Доброе утро.

ИНСПЕКТОР. Скажите, мистер Старкведдер, прошлой ночью вам не приходилось опираться на этот стол, а потом открывать дверь на террасу?

СТАРКВЕДДЕР. Не знаю. Может быть. Не помню.

Входит сержант с папкой в руках, передает папку инспектору

СЕРЖАНТ. Отпечатки мистера Старкведдера, сэр. Констебль принес. И отчет баллистиков.

ИНСПЕКТОР. А, давайте посмотрим... Пуля, убившая Ричарда Уорика, определенно выпущена из этого револьвера. А теперь посмотрим пальчики. (*Садится за стол.*)

ЯН (*Старкведдеру*). Вы только что приехали из Абадана? Как там, в Абадане?

СТАРКВЕДДЕР. Жарко. Как вы сегодня себя чувствуете, миссис Уорик? Получше?

ЛАУРА. О да, спасибо. Потихоньку прихожу в себя.

СТАРКВЕДДЕР. И отлично.

ИНСПЕКТОР. Что ж, кажется, с этим улажено. Это не ваши отпечатки.

СТАРКВЕДДЕР. Э-э... что такое?

ИНСПЕКТОР (*встает*). Ваши отпечатки найдены на стеклах, графине, стакане и зажигалке. Отпечатки на столе не ваши. Они ни с кем не совпадают. Это точно установлено. Поскольку вчера чужих здесь не было... (*пристально смотрит на Лауру*) не так ли?..

ЛАУРА. Не было.

ИНСПЕКТОР. Они могут принадлежать Мак-Грегору.

СТАРКВЕДДЕР (*смотрит на Лауру*). Мак-Грегору?

ИНСПЕКТОР. Вы, кажется, удивлены?

СТАРКВЕДДЕР. Да... это странно. Мне кажется, он надел бы перчатки.

ИНСПЕКТОР. Револьвер он брал в перчатках.

СТАРКВЕДДЕР (*Лауре*). Скажите, может, была какая-то ссора, или вы ничего не слышали, кроме выстрела?

ЛАУРА. Я... мы... мы с Бенни... мы слышали только выстрел.

Сержант выглядывает в окно, увидев кого-то, идет к правой створке двери на террасу

А потом у нас наверху все равно ничего не слышно.

С террасы входит Джулиан Фаррар. Вид у него встревоженный

ЯН. Джулиан! Джулиан!

ДЖУЛИАН. Лаура! Я только что услышал. Я. . Я бесконечно сожалею.

ИНСПЕКТОР. Доброе утро, майор Фаррар.

ДЖУЛИАН. Это ужасно! Бедный Ричард.

ЯН. Он лежал тут в своей коляске, весь скрюченный, а на груди была бумажка. Знаете, что в бумажке? Там написано: «Заплачено за все!»

ДЖУЛИАН (*похлопывая Яна по плечу*). Да-а! Ну-ну, Ян!

ЯН. Прямо жуть, правда?

ДЖУЛИАН. Да. Конечно, это впечатляет.

ИНСПЕКТОР. Это мистер Старкведдер — майор Фаррар, возможно, наш будущий депутат парламента: он участвует в дополнительных выборах.

Старкведдер и Джулиан пожимают друг другу руки

ДЖУЛИАН. Очень приятно.

СТАРКВЕДДЕР. Мне также.

ИНСПЕКТОР. Мистер Старкведдер вчера видел убийцу, убежавшего из дома.

СТАРКВЕДДЕР. Я застрял в кювете и пошел к этому дому узнать, нельзя ли от них позвонить и вызвать техническую помощь.

ДЖУЛИАН. А в какую сторону побегал этот человек?

СТАРКВЕДДЕР. Понятия не имею. Исчез в тумане, как будто растворился.

ЯН (*становится коленями на кресло*). Джулиан, ты же говорил Ричарду, что однажды его кто-нибудь убьет?

Пауза Все смотрят на Джулиана

ДЖУЛИАН. Разве? Не помню.

ЯН. Говорил, говорил. За обедом. Тогда еще у вас с Ричардом был какой-то спор. Ты сказал: «Придет день, Ричард, и кто-нибудь пустит тебе пулю в лоб».

ИНСПЕКТОР. Замечательное пророчество.

ДЖУЛИАН. Ну что ж, Ричард со своей стрельбой постоянно раздражал окружающих. Люди этого не любят. Помнишь, Лаура, был еще этот парень — Гриффитс, ваш садовник, которого Ричард уволил. Он несколько раз мне говорил: «Вот увидите, в один прекрасный день я сам приду с оружием и убью мистера Уорика».

ЛАУРА. О, Гриффитс никогда бы этого не сделал.

ДЖУЛИАН. Нет-нет, конечно. Я... я не это имел в виду. Просто о Ричарде... э... говорили и такое. *(Смущенно достает сигареты.)* Жаль, что меня здесь вчера не было. Я собирался прийти.

ЛАУРА. В такой туман? Ведь невозможно было из дому выйти.

ДЖУЛИАН. Да. Я пригласил членов моего комитета к себе на обед. Но когда они увидели, что надвигается туман, то поспешили домой. После этого я подумал было навестить вас, но отказался от этой мысли. Не найдется ли у кого-нибудь спичек? Я где-то оставил свою зажигалку. *(Ищет по карманам. Неожиданно замечает ее на столе возле кресла, куда Лаура ее вчера положила. Подходит и берет ее.)*

Это видит Старкведдер

А, вот она. А я-то думал: где же я ее оставил?

ЛАУРА. Джулиан...

ДЖУЛИАН. Да? *(Предлагает ей сигарету, она берет.)* Лаура, я ужасно сожалею обо всем этом. Если я могу что-то сделать ..

ЛАУРА. Да-да, я понимаю.

Джулиан подносит ей зажигалку, закуривает сам

ЯН. Мистер Старкведдер, вы умеете стрелять? Я умею. Ричард несколько раз давал мне попробовать. Конечно, я стреляю не так хорошо, как он.

СТАРКВЕДДЕР. Вот как? И из чего же он разрешал тебе пострелять?

ЛАУРА *(тихо)*. Джулиан, мне нужно поговорить с тобой. Очень нужно.

ДЖУЛИАН *(так же)*. Осторожно.

ЯН. Двадцать второй калибр. Я очень хороший стрелок, правда, Джулиан? Помнишь, ты брал меня на ярмарку, и я сбил две бутылки?

ДЖУЛИАН. Да, дружище, было дело. У тебя верный глаз, вот что важно.

Пауза. Старкведдер достает сигарету

СТАРКВЕДДЕР. Не возражаете, если я закурю?

ЛАУРА. Пожалуйста, пожалуйста.

СТАРКВЕДДЕР *(Джулиану)*. Нельзя ли воспользоваться вашей зажигалкой?

ДЖУЛИАН. Конечно, прошу вас.

СТАРКВЕДДЕР. А, неплохая зажигалка. *(Закуривает.)*

Лаура делает движение, но останавливается

ДЖУЛИАН. Да, очень надежная.

СТАРКВЕДДЕР. И довольно оригинальная. Благодарю вас. ЯН. У Ричарда было много ружей и дробовиков. И у него есть ружье, с которым он охотился в Африке на слонов. Хотите посмотреть? Они вон там, у Ричарда в спальне.

ИНСПЕКТОР. Ладно. Ты их нам покажешь. Знаешь, ты нам здорово помог. Придется взять тебя на службу. *(Кладет руку Яну на плечо и подталкивает его к двери.)* Мистер Старкведдер, мы вас не задерживаем. Можете заняться своими делами. Оставайтесь в пределах досягаемости, вот и все.

СТАРКВЕДДЕР. Хорошо.

Ян, инспектор и сержант выходят Тяжелая пауза

Я должен пойти посмотреть, может, мою машину уже вытащили. По дороге сюда мы, кажется, ее не проезжали.

ЛАУРА. Нет. Подъезд к дому с другой стороны.

СТАРКВЕДДЕР. Да? *(Оборачивается на пороге.)* Что ж, в дневном свете вещи выглядят совсем иначе. *(Выходит на террасу и удаляется.)*

ЛАУРА. Джулиан! Зажигалка! Я сказала, что она моя.

ДЖУЛИАН. Ты сказала, что она твоя? Инспектору?

ЛАУРА. Нет. Ему.

ДЖУЛИАН. Этому парню?..

Старкведдер проходит по террасе, и оба умолкают
Лаура...

ЛАУРА. Осторожно. Он может подслушивать.

ДЖУЛИАН. Кто он? Ты его знаешь?

ЛАУРА. Нет. Нет, я его не знаю. Он... у него что-то стряслось с машиной, и он пришел сюда ночью. Сразу после...

ДЖУЛИАН *(касаясь ее руки)*. Все в порядке, Лаура. Ты же знаешь, я сделаю все возможное.

ЛАУРА. Джулиан... отпечатки!

ДЖУЛИАН. Что за отпечатки?

ЛАУРА. На столе. На этом столе и на стекле. Они твои?

Старкведдер снова проходит по террасе.

(Нарочито громко и оживленно.) Это очень любезно с твоей стороны, Джулиан, я уверена, тебе удастся нам помочь.

Старкведдер скрывается из виду.

Они твои, Джулиан? Подумай.

ДЖУЛИАН. На столе... Да, там могли быть мои отпечатки.
ЛАУРА. О Господи! Что же делать?

Старкведдер снова проходит по террасе

Полиция думает, что они принадлежат Мак-Грегору.

ДЖУЛИАН. Тогда все в порядке. Видимо, они и дальше будут так думать.

ЛАУРА. Но предположим...

ДЖУЛИАН. Мне пора идти, у меня встреча. Все в порядке, Лаура. *(Похлопывает ее по плечу)* Ни о чем не беспокойся. Я прослежу, чтобы с тобой было все в порядке. *(Проходит к правой створке стеклянной двери.)*

В левую входит Старкведдер

СТАРКВЕДДЕР. Уходите?

ДЖУЛИАН. Да. Куча дел. Понимаете, выборы на носу уже через неделю.

СТАРКВЕДДЕР. Понимаю. Простите мое невежество, но вы кто? Консерватор?

ДЖУЛИАН. Я либерал.

СТАРКВЕДДЕР. А они еще существуют?

Джулиан, вздохнув, выходит на террасу

(Бросив насмешливый взгляд на Лауру.) Понимаю... Начинаю понимать.

ЛАУРА. Что вы этим хотите сказать?

СТАРКВЕДДЕР. Это ваш друг, не так ли? Ну говорите же, друг?

ЛАУРА *(с вызовом)*. Раз уж вы спрашиваете — да!

СТАРКВЕДДЕР. Вчера вы забыли рассказать мне один пустичок, не так ли? Вот почему вы в такой спешке выхватили у меня зажигалку и сказали, что она ваша! И как давно это у вас продолжается?

ЛАУРА. Некоторое время.

СТАРКВЕДДЕР. Но вы не уходите к нему?

ЛАУРА. Нет. Во-первых, из-за его политической карьеры. Это бы поставило на ней крест.

СТАРКВЕДДЕР. Конечно, в такое-то время! Неужели все остальные политики так уж целомудренны?

ЛАУРА. Здесь особые обстоятельства. Он был другом Ричарда, а поскольку Ричард — калека...

СТАРКВЕДДЕР. О, понимаю! Общественное мнение!

ЛАУРА (*холодно*). Вы, полагаю, считаете, что я обязана была вчера вам об этом сообщить?

СТАРКВЕДДЕР. Не обязаны.

ЛАУРА (*смягчаясь*). Мне это показалось несущественным . Я имею в виду, я ни о чем другом не могла думать, — только о том, что я убила Ричарда.

СТАРКВЕДДЕР (*потеплевшим голосом*). Да-да, я понимаю. Я сам не мог думать ни о чем другом. (*Пауза.*) Не хотите ли провести маленький эксперимент? Где вы стояли, когда выстрелили в Ричарда?

ЛАУРА. Где я стояла?

СТАРКВЕДДЕР. Именно.

ЛАУРА. О, где-то там.

СТАРКВЕДДЕР. Подойдите и встаньте, где вы стояли

Лаура мечется по комнате

ЛАУРА. Я... не помню. Не спрашивайте меня Я . я была вне себя... Я...

СТАРКВЕДДЕР. Муж что-то вам сказал, и вы схватились за револьвер. Ну же, давайте разыграем. Вот стол, вот револьвер. Итак, вы с ним поссорились, вы схватили оружие — берите...

ЛАУРА. Не хочу!

СТАРКВЕДДЕР. Не будьте дурочкой, оно не заряжено. Ну же, берите.

Лаура берет револьвер

Нет. Вы же его схватили! Вы не брали нежненько, как сейчас. Вы схватили и выстрелили! Покажите, как вы это сделали.

Лаура пятится, неловко держа револьвер

ЛАУРА. Я...

СТАРКВЕДДЕР (*кричит*). Ну же! Показывайте!

Лаура пытается прицелиться

Дальше. Стреляйте! Оно не заряжено

Лаура все еще колеблется

(*Торжествующе забирает у нее револьвер*) Так я и знал. Вы никогда в жизни не стреляли из револьвера. Вы не знаете, как это делается. Вы даже не знаете, что его надо было снять с предохранителя. Вы не убивали своего мужа.

ЛАУРА. Нет, убила.

СТАРКВЕДДЕР. О нет, не убивали.

ЛАУРА. Зачем мне тогда было говорить, что я его убила?

СТАРКВЕДДЕР. Затем, что его убил Джулиан Фаррар!

ЛАУРА. Нет!

СТАРКВЕДДЕР. Да!

ЛАУРА. Нет!

СТАРКВЕДДЕР. А я говорю — да!

ЛАУРА. Если это сделал Джулиан, с какой стати мне говорить, что это я?

СТАРКВЕДДЕР. Потому что вы полагали — и совершенно справедливо — что я покрою вас. Да, хорошо же вы меня разыграли. Но я выхожу из игры, слышите?! Выхожу. Будь я проклят, если и дальше стану лгать, чтобы спасти шкуру майора Фаррара.

Лаура улыбается, спокойно идет к столу и берет сигарету, затем поворачивается к Старкведдеру

ЛАУРА. Станете! Придется! Теперь вы не можете отказаться. Вы уже рассказали полиции свою историю. Вы не можете ее изменить.

СТАРКВЕДДЕР. Что?

ЛАУРА. Что бы вы ни думали, что бы вы ни знали, вам придется держаться своей первой истории, вы — косвенный соучастник, вы сами так сказали. *(Затягивается сигаретой)*

СТАРКВЕДДЕР *(встает, смотрит ей в лицо; ошеломленно)*. Будь я проклят! Ах ты маленькая...

З а н а в е с

Действие второе

Та же комната Ранний вечер Дверь на террасу раскрыта, солнце клонится к закату Джулиан Фаррар нервно рассказывает взад и вперед по комнате, то и дело поглядывая на часы; вид у него подавленный. Замечает газету, лежащую на столе, — это местная газета, с сообщением о смерти Ричарда Берет ее, садится спиной к двери в холл, рассеянно читает Дверь открывается Джулиан вскакивает

ДЖУЛИАН Лаура! Я..

Входит Энджел

ЭНДЖЕЛ. Миссис Уорик сейчас придет, сэр. *(Плотно закрывает за собой дверь.)* Извините, сэр.

ДЖУЛИАН *(уткнувшись в газету)*. Да. Да, в чем дело?

ЭНДЖЕЛ. Нельзя ли с вами поговорить, сэр?

ДЖУЛИАН. Что такое?

ЭНДЖЕЛ. Сэр, меня несколько беспокоит мое положение в доме; я почувствовал, что хорошо бы мне с вами посоветоваться.

ДЖУЛИАН. Да, в чем дело?

ЭНДЖЕЛ. Смерть мистера Уорика, сэр, оставляет меня без работы.

ДЖУЛИАН. По-видимому, да. Но я так понимаю, вам нетрудно будет найти другую?

ЭНДЖЕЛ. О да, сэр. С моей квалификацией я всегда смогу получить место в больнице или у частного лица.

ДЖУЛИАН. Тогда что же вас тревожит?

ЭНДЖЕЛ. Обстоятельства, при которых закончилась моя нынешняя работа, мне очень неприятны, сэр.

ДЖУЛИАН. В благопристойной Англии не слишком любят работников, имевших хоть какое-то отношение к убийству, не так ли?

ЭНДЖЕЛ. Нечто в этом роде, сэр.

ДЖУЛИАН. Что ж, боюсь, тут уж ничего не поделаешь. Надеюсь, миссис Уорик даст вам удовлетворительную характеристику.

ЭНДЖЕЛ. Я думаю, с этим не будет трудностей, сэр. Миссис Уорик очень любезная леди — и .. гм .. совершенно очаровательная леди, смею заметить.

ДЖУЛИАН. На что вы намекаете?

ЭНДЖЕЛ. Я никоим образом не хотел бы причинить неудобство миссис Уорик.

ДЖУЛИАН. Вы хотите сказать, что вас удерживает признательность к ней?

ЭНДЖЕЛ. Истинная правда, сэр. В этом доме я всегда всех выручаю. *(Берет со стола газету и начинает демонстративно поглаживать ее, нагло поглядывая на Джулиана.)* Но я не совсем это имел в виду. Речь идет, так сказать, о моей совести, сэр.

ДЖУЛИАН. Какого черта! При чем здесь ваша совесть?

ЭНДЖЕЛ. Я думаю, вы не совсем представляете себе мои трудности, сэр. В том, что касается свидетельских показаний. Мой долг как гражданина — всячески содействовать полиции. В то же время я не хотел бы подводить своих нанимателей.

ДЖУЛИАН. Вы говорите так, как будто здесь есть противоречие.

ЭНДЖЕЛ. Если вы подумаете, сэр, то поймете, что противоречие имеется — между долгом и долгом, если можно так выразиться.

ДЖУЛИАН. К чему вы клоните, Энджел?

ЭНДЖЕЛ. Полиция, сэр, не представляет себе подоплеку этого дела. Подоплека может оказаться, — я подчеркиваю, может оказаться — очень важной в подобном деле. В последнее время я страдаю бессонницей, сэр.

ДЖУЛИАН. При чем здесь ваши болезни?

ЭНДЖЕЛ. К несчастью, они сыграли свою роль, сэр. Вчера вечером я рано освободился, но не мог заснуть.

ДЖУЛИАН. Весьма сожалею, но...

ЭНДЖЕЛ. Видите ли, сэр, благодаря расположению моей комнаты мне стали известны некоторые обстоятельства, о которых полиция не вполне осведомлена.

ДЖУЛИАН. Что?

ЭНДЖЕЛ. Последний мистер Уорик, сэр, был больной человек, калека. При столь печальных обстоятельствах следовало ожидать, что столь привлекательная леди, как миссис Уорик, могла — как бы это выразиться? — найти привязанность на стороне.

ДЖУЛИАН. Ну и что? Мне не нравится ваш тон, Энджел.

ЭНДЖЕЛ. Простите, сэр, но, пожалуйста, не судите опрометчиво. Подумайте, сэр. Возможно, тогда вы поймете мои затруднения. Я располагаю сведениями, которые до сих пор не сообщил полиции — но, возможно, мой долг — сообщить их.

ДЖУЛИАН. Я думаю, разговор о том, что вы пойдете в полицию, — пустая болтовня. На самом деле вы предупреждаете о том, что готовы вытащить на белый свет все грязное белье, если я не .. А чего вы, собственно, хотите от меня?

ЭНДЖЕЛ. Конечно, как вы сами признали, я квалифицированный санитар; но временами, майор Фаррар, я чувствую, что мне хотелось бы обрести самостоятельность. Маленький — не то чтобы пансион, а заведение на пять-шесть пациентов. И один помощник. Для джентльменов, с которыми трудно управляться дома по причине алкоголизма. В таком роде. Хотя я и скопил определенную сумму, ее, к сожалению, недостаточно. Я интересуюсь...

ДЖУЛИАН. Вы интересуетесь, не могу ли я — или мы с миссис Уорик — оказать финансовую помощь вашему проекту?

ЭНДЖЕЛ. Всего лишь интересуюсь, сэр. С вашей стороны это было бы проявлением большой доброты.

ДЖУЛИАН (*саркастически*). Да, не правда ли?

ЭНДЖЕЛ. Вы сделали довольно неприятное предположение, будто бы я угрожаю вытащить на свет грязное белье. Как я понимаю, вы имели в виду скандал. Отнюдь нет, сэр. У меня и в мыслях не было ничего подобного.

ДЖУЛИАН. К чему вы клоните, Энджел? Ведь вы к чему-то клоните.

ЭНДЖЕЛ. Так вот я и говорю, сэр: этой ночью мне не спалось. Я лежал без сна и слушал гудки туманной сирены. Этот звук всегда приводит меня в уныние, сэр. Затем мне показалось, что хлопают ставни. Очень раздражает, когда пытаешься заснуть. Я встал и, наклонившись, выглянул из окна. Мне показалось, что стучат ставни окна в буфетной, что прямо подо мной.

ДЖУЛИАН. Ну и что же?

ЭНДЖЕЛ. Я решил, сэр, спуститься и проверить ставень. Спускаясь вниз, я услышал выстрел. В то время я ни о чем таком не подумал. Я подумал: «Опять мистер Уорик взялся за свое! Но в таком тумане он не даже видит, во что палит». Я пошел в буфетную, сэр, и надежно закрепил ставни; но, когда я там находился, мне стало некоторым образом не по себе: я услышал шаги на дорожке под окном...

ДЖУЛИАН. Вы имеете в виду вот эту дорожку... (*Смотрит на стеклянную дверь на террасу.*)

ЭНДЖЕЛ. Да, сэр. Дорожка, которая ведет от террасы под окна и за угол дома, мимо служб. Дорожка, которой почти никто не пользуется, кроме, конечно, вас, сэр, когда вы срезаете путь от вашего дома к этому.

ДЖУЛИАН. Продолжайте.

ЭНДЖЕЛ. Как я сказал, мне стало несколько не по себе, когда я подумал, что сюда кто-то крадется. Не могу вам сказать, сэр, как я обрадовался, увидав, что это вы, — вы шли быстро, торопились домой.

ДЖУЛИАН. Я все еще не вижу смысла в том, что вы рассказываете. Полагаете, он есть?

ЭНДЖЕЛ. Я только интересуюсь, сэр, упоминали ли вы в полиции о том, что приходили сюда ночью навестить мистера Уорика. Допустим, вы этого не сделали, и допустим, меня будут и дальше расспрашивать о событиях этой ночи...

ДЖУЛИАН. Вы, конечно, знаете, что за шантаж полагается весьма суровое наказание?

ЭНДЖЕЛ. Шантаж, сэр? Не понимаю, о чем вы говорите. Для меня, напомню, весь вопрос: в чем именно состоит мой первоочередной долг. Полиция...

ДЖУЛИАН. Полиция вполне уверена в том, что знает, кто убил мистера Уорика. Убийца фактически расписался в своем преступлении. Они не собираются больше приходить и задавать вопросы.

ЭНДЖЕЛ. Уверю вас, сэр, я только имел в виду...

ДЖУЛИАН. Вы прекрасно понимаете, что в таком тумане, как этой ночью, никого невозможно было узнать. Вы просто выдумали эту историю для того, чтобы...

Входит Лаура и с недоумением смотрит на Энджела

ЛАУРА. Извини, что заставила тебя ждать, Джулиан.

ЭНДЖЕЛ (*заискивающе*). Может быть, вы разрешите мне, сэр, попозже вернуться к этой истории. (*Пятится, кланяется Лауре и выходит.*)

ЛАУРА. Джулиан!

ДЖУЛИАН (*раздраженно*). Лаура, зачем ты посылала за мной?

ЛАУРА. Я ждала тебя целый день.

ДЖУЛИАН. У меня с утра запарка. Комитеты, собрания — я не могу игнорировать их перед самыми выборами. И вообще, Лаура, неужели ты не понимаешь, что нам пока лучше не встречаться?

ЛАУРА. Нужно кое-что обсудить.

ДЖУЛИАН. Да будет тебе известно, Энджел вздумал меня шантажировать.

ЛАУРА. Энджел?

ДЖУЛИАН. Да. Он безусловно знает про нас, а также знает или делает вид, что знает, что я вчера здесь был.

ЛАУРА. Ты хочешь сказать, он тебя видел?

ДЖУЛИАН. Говорит, что видел.

ЛАУРА. Он не мог увидеть тебя в таком тумане.

ДЖУЛИАН. Он рассказал, как спустился в буфетную закрепить ставень за окном и услышал выстрел, но сперва не придал ему значения, а потом якобы увидел в окно, как я шел домой по дорожке.

ЛАУРА. О Господи, какой ужас! Что же делать?

ДЖУЛИАН. Не знаю. Придется подумать.

ЛАУРА. Но ты не собираешься ему платить?

ДЖУЛИАН. Нет-нет, стоит начать — и не будет конца. И все-таки что же делать? Я не представлял, что кто-то знает о том, что я вчера здесь был. Моя экономка точно не знает. Вопрос в том, правда ли Энджел видел меня или только так говорит?

ЛАУРА. Что, если он пойдет в полицию?

ДЖУЛИАН. Понимаю. Надо подумать, надо хорошенько подумать. А может, ото всего отпереться — сказать, что он лжет, что я вообще не выходил из дома?

ЛАУРА. А отпечатки?

ДЖУЛИАН. Какие отпечатки?

ЛАУРА. Ты забыл? На столе. Полиция думает, что они принадлежат Мак-Грегору, но если Энджел придет к ним с этой историей, они попросят твои отпечатки, и тогда...

ДЖУЛИАН. Да-да, понимаю. Ну что ж, придется признаться, что я вчера сюда приходил, что-нибудь сочинить. Я пришел к Ричарду по какому-то поводу, мы поговорили...

ЛАУРА (*торопливо*). Можно сказать, что, когда ты уходил, Ричард был в полном порядке.

ДЖУЛИАН (*с горечью*). Как у тебя легко получается! Разве я смогу так сказать?

ЛАУРА. Надо же что-то сказать!

ДЖУЛИАН. Да, я оперся о стол, когда наклонился посмотреть... (*Сглатывает комок в горле*)

ЛАУРА (*пылко*). Пока они считают, что это отпечатки Мак-Грегора...

ДЖУЛИАН. Мак-Грегор! Мак-Грегор! Вот о чем ты думала, когда сляпала эту бумажку и засунула в карман Ричарду! Решила воспользоваться шансом?

ЛАУРА (*смутившись*). Да... нет... не знаю.

ДЖУЛИАН (*с отвращением*). Какое хладнокровие!

ЛАУРА. Нам надо было что-то придумать... Я думать не могла. Это была идея Майкла.

ДЖУЛИАН. Майкла?

ЛАУРА. Майкла Старкведдера.

ДЖУЛИАН. Ты хочешь сказать, он тебе помогал?

ЛАУРА. Да, да, да! Вот почему я хотела с тобой увидеться, чтобы объяснить...

ДЖУЛИАН. Что он вообще здесь делает, этот Майкл Старкведдер?

ЛАУРА. Он вошел — и застал меня. Я стояла с револьвером в руке...

ДЖУЛИАН. Господи Боже! И ты ухитрилась уговорить его ..

ЛАУРА. Скорее это он меня уговорил. О Джулиан...

Лаура протягивает руки, чтобы обнять его, но Джулиан ее отталкивает, отходит и садится за письменный стол, повернувшись к ней спиной

ДЖУЛИАН. Я говорил тебе — я сделаю все, что смогу. Я не отказываюсь, но...

ЛАУРА. Ты так переменялся!

ДЖУЛИАН (*в отчаянии*). Я больше не могу питать к тебе прежние чувства! После того, что случилось, я не могу.

ЛАУРА. А я могу! Во всяком случае, мне кажется... Что бы ты ни сделал, мои чувства к тебе не изменятся.

ДЖУЛИАН. Чувства тут ни при чем. Придется снизить до фактов.

ЛАУРА. Да, конечно. Я... я сказала Старкведдеру, что это я сделала, — ну, ты понимаешь что.

ДЖУЛИАН (*недоверчиво*). Ты так сказала Старкведдеру?

ЛАУРА. Да.

ДЖУЛИАН. И он согласился тебе помочь? Он, чужой человек? Должно быть, он сумасшедший.

ЛАУРА. Возможно, он немного сумасшедший. Но он утешал меня.

ДЖУЛИАН (*раздраженно*). Понятно. Ни один мужчина перед тобой не устоит! Так? И все-таки, Лаура, убийство . (*Качает головой.*)

ЛАУРА. Я постараюсь никогда об этом не вспоминать. (*Умоляюще*) К тому же убийство ведь было неумышленным, Джулиан. Под горячую руку, в состоянии аффекта...

ДЖУЛИАН. Незачем все это ворошить. Теперь надо думать о том, что делать дальше.

ЛАУРА. Понимаю. Твои отпечатки и зажигалка.

ДЖУЛИАН. Должно быть, я ее уронил, когда наклонился над телом.

ЛАУРА. Старкведдер знает, что она твоя, но он ничего не может сделать. Он сам себе связал руки. Он ведь не может изменить показания.

ДЖУЛИАН (*с вялым пафосом*). Лаура, если до этого дойдет, я возьму вину на себя.

ЛАУРА. Я этого не хочу. Не хочу, чтобы ты это делал!

ДЖУЛИАН. Не думай, что я не понимаю... как все случилось. Ты схватила револьвер .. и выстрелила, не сознавая, что делаешь...

ЛАУРА (*удивленно*). Ты хочешь заставить меня сказать, будто это я его убила?

ДЖУЛИАН (*смущенно*). Нет, что ты. Я уже сказал. Я готов взять вину на себя.

ЛАУРА. Но ты сказал... что понимаешь, как это случилось...

ДЖУЛИАН. Послушай. Я не думаю, что ты сознавала, что делаешь. Я не считаю это умышленным убийством. Я знаю, что это не так. Я очень хорошо понимаю, что ты выстрелила только потому...

ЛАУРА. Я выстрелила? Ты притворяешься, будто веришь, что это я его убила?

ДЖУЛИАН (*отворачивается*). Бога ради, давай будем честны хотя бы друг с другом!

ЛАУРА (*в отчаянии*). Я не убивала его, и ты это знаешь!

Пауза

ДЖУЛИАН. Тогда кто же?.. Лаура! Ты считаешь, что это я его убил?

ЛАУРА. Я слышала выстрел и твои шаги на дорожке под окном, когда ты уходил. Я спустилась — а он мертв.

ДЖУЛИАН. Я не стрелял. Я пришел к нему сказать, что после выборов нам с ним придется прийти к какому-то соглашению о разводе. И услышал выстрел — еще прежде, чем сюда вошел. Я подумал, что Ричард развлекается как обычно. Вхожу — а он тут. Мертвый. Еще теплый. Он умер буквально несколько минут назад. Конечно, я решил, что ты его застрелила. Кто же еще?

ЛАУРА. Не понимаю.

ДЖУЛИАН. Это могло быть самоубийство...

ЛАУРА. Нет, потому что...

Входит Ян

ЯН (*возбужденно*). Лаура, Лаура, теперь, когда Ричард умер, все его ружья и пистолеты достанутся мне, правда? Я ведь его брат, теперь я главный мужчина в семье. А Бенни мне их не даст. Она заперла их в шкаф, вон там. (*Показывает на дверь спальни.*) Но они мои. Я имею право на них. Скажи ей, пусть отдаст мне ключ.

ЛАУРА. Послушай, Ян, милый. .

ЯН (*не слушая*). Она обращается со мной как с ребенком. Бенни то есть. Все обращается со мной как с ребенком. Но я не ребенок, я мужчина. Мне почти девятнадцать. Все оружие Ричарда теперь мое. Я буду как Ричард.

Буду стрелять в белок, птиц и кошек. *(Смеется.)* Я могу стрелять и в людей, если они мне не понравятся.

ЛАУРА. Ян, тебе нельзя волноваться.

ЯН *(обиженно)*. Я и не волнуюсь. Но я не дам себя обманывать. Теперь я здесь хозяин. Я хозяин этого дома. Все должны делать то, что я скажу... Я могу стать членом парламента, правда, Джулиан?

ДЖУЛИАН. Ты еще молод для этого.

ЯН. Вы все обращаетесь со мной как с ребенком, — но больше вы не сможете так делать! Ричард умер! *(Разваливается в кресле, закинув ногу на ногу.)* К тому же я теперь богатый, верно? Этот дом принадлежит мне. Больше никто меня отсюда не выгонит. Я сам могу всех выгнать! Я не дам командовать собой этой глупой старой Бенни. Если Бенни попытается командовать, я... я знаю, что я сделаю!

ЛАУРА *(подходит к Яну; мягко)*. Послушай, Ян, милый, сейчас у всех у нас трудное время, и вещи Ричарда не принадлежат никому, пока не придет нотариус и не огласит завешание. Так положено, когда кто-то умирает. А пока мы должны ждать. Понимаешь?

Ян успокаивается и обнимает Лауру.

ЯН. Я понимаю, что ты говоришь. Лаура, я тебя люблю. Я тебя очень люблю.

ЛАУРА. И я тоже, мой хороший. Я очень люблю тебя.

ЯН. Ты рада, что Ричард умер, правда?

ЛАУРА *(вздвигнув)*. Нет, я вовсе не рада.

ЯН *(лукаво)*. Нет, рада! Теперь ты можешь выйти замуж за Джулиана!

Лаура бросает быстрый взгляд на Джулиана. Джулиан встает.

Ты давно хочешь выйти за него замуж, правда? Я знаю. Все думают, что я ничего не замечаю. Но я все знаю. Так что для вас это хорошо. Это было сделано для вашей пользы, и вы оба довольны.

БЕННИ *(за сценой)*. Ян!

ЯН. Глупая старая Бенни!

ЛАУРА *(помогает Яну подняться с кресла)*. А теперь будь умницей. У Бенни много неприятностей, и она очень огорчена. *(Провожает Яна до двери.)* Ты должен помочь ей, Ян. Ты теперь единственный мужчина в семье.

ЯН. Ладно, ладно. Я ей помогу. *(Выходит, хлопнув дверью. За сценой.)* Бенни!

ЛАУРА. Я понятия не имела, что Ян знает про нас.

ДЖУЛИАН. С таким, как он, никогда не поймешь, что они знают, а что нет. Однако как быстро он отбилсЯ от рук!

ЛАУРА. Да, он очень возбудим. Но теперь, когда нет Ричарда и его никто не дразнит, он быстро успокоится. Ему станет лучше, я уверена.

ДЖУЛИАН. Ну не знаю...

С террасы входит Старкведдер.

СТАРКВЕДДЕР. Добрый вечер!

ДЖУЛИАН. О... э... добрый вечер!

СТАРКВЕДДЕР. Как дела? Легко и весело? *(Переводит взгляд с одного на другого; усмехается.)* Понятно. Третий лишний. Мне не следовало входить через садовую дверь. Джентльмен подошел бы к парадной двери и позвонил в колокольчик. Что поделаешь, я не джентльмен.

ЛАУРА. О, пожалуйста...

СТАРКВЕДДЕР. В сущности, я пришел по двум причинам. Во-первых, попрощаться. С меня полностью сняли подозрения. Из Абадана пришла телеграмма, где подтверждается, что я славный и честный малый. Значит, можно отчаливать.

ЛАУРА *(с искренним чувством)*. Мне жаль, что вы уезжаете — так скоро.

СТАРКВЕДДЕР *(не без горечи)*. Очень мило с вашей стороны, особенно если учесть, как я вторгся в ваше семейное убийство. Но в данный момент я к вам явился не для обмена любезностями. Видите ли, меня доставили сюда на полицейской машине, и, хотя они держали язык за зубами, я понял, что у них что-то стряслось!

ЛАУРА *(испуганно)*. Они что, вернулись?

СТАРКВЕДДЕР. Да.

ЛАУРА. Но я считала, что утром они все закончили.

СТАРКВЕДДЕР. Вот почему я и говорю: что-то стряслось!

ЛАУРА. Джулиан!

Из холла доносятся голоса, дверь открывается, и входит миссис Уорик, напряженная, собранная

МИССИС УОРИК *(через плечо)*. Бенни! *(Лауре.)* А, вот ты где. А мы тебя искали.

Джулиан подает руку миссис Уорик и подводит к креслу

Джулиан, очень мило, что вы к нам опять заглянули. Мы знаем, как вы сейчас заняты.

ДЖУЛИАН. Я пришел бы и раньше, миссис Уорик, но с утра навалилось столько всего срочного!

Входит Бенни, следом за ней — инспектор с чемоданчиком в руке

Если я чем-то могу помочь...

Входят сержант и Энджел.

СЕРЖАНТ. Я не смог найти молодого мистера Уорика.

БЕННИ. Он пошел погулять.

ИНСПЕКТОР. Это ничего.

Короткая пауза. Инспектор обводит всех неожиданно холодным, жестким, неумолимым взглядом.

МИССИС УОРИК (*холодно*). Как я понимаю, у вас появились дополнительные вопросы, инспектор Томас?

ИНСПЕКТОР. Да, миссис Уорик.

МИССИС УОРИК. У вас все еще нет известий об этом Мак-Грегоре?

ИНСПЕКТОР. Как раз напротив.

МИССИС УОРИК. Его нашли?

ИНСПЕКТОР. Вот именно.

БЕННИ. Его арестовали?

ИНСПЕКТОР (*испытующе смотрит на нее*). Это невозможно, мисс Беннет.

МИССИС УОРИК. Невозможно? Почему?

ИНСПЕКТОР. Потому что он умер.

ЛАУРА. Что?!

Напряженная пауза.

ИНСПЕКТОР. Джон Мак-Грегор умер на Аляске два года назад, вскоре после возвращения из Англии в Канаду.

ЛАУРА. Умер!

Никем не замеченный, по террасе быстро проходит Ян.

ИНСПЕКТОР. Это меняет дело, не правда ли? Значит, записку о мщении в карман убитому засунул не Мак-Грегор. Но очевидно, что это сделал тот, кто хорошо знал и о Мак-Грегоре, и об инциденте в Норфолке. Из чего с неизбежностью следует: убийство совершил кто-то из обитателей этого дома.

БЕННИ (*стремительно подходит к инспектору*). Нет. Этого не может быть, просто не может быть, потому что...

ИНСПЕКТОР. Да, мисс Беннет?

Бенни, смешавшись, пятится назад

(*Глядя на миссис Уоррик.*) Мадам, вы понимаете, что это в корне меняет дело?

МИССИС УОРИК. Да. Я понимаю. (*Встает*) Я вам нужна, инспектор?

ИНСПЕКТОР. Пока нет, миссис Уоррик.

МИССИС УОРИК. Благодарю вас.

Миссис Уоррик выходит. Инспектор открывает чемоданчик и вынимает револьвер. Энджел пытается выскользнуть за дверь.

ИНСПЕКТОР. Энджел!

Энджел, вздрогнув, застывает на месте

ЭНДЖЕЛ. Да, сэр?

ИНСПЕКТОР. Насчет этого оружия. Утром вы не были уверены. А теперь можете ли вы сказать наверняка, принадлежало оно мистеру Уоррику или нет?

ЭНДЖЕЛ. Я бы не хотел ничего утверждать, инспектор. Видите ли, у него было так много оружия.

ИНСПЕКТОР. Такие револьверы стоят на вооружении некоторых европейских армий. Похоже, это военный трофей!

Ян прокрадывается обратно по террасе, пряча за спиной ружье

ЭНДЖЕЛ. У него были иностранные пистолеты, сэр. Но он сам следил за своим оружием. Он не разрешал мне даже притрагиваться к нему.

ИНСПЕКТОР. Майор Фаррар, вероятно, у вас имеется трофейное оружие. Что вы можете сказать про этот револьвер?

ДЖУЛИАН. К сожалению, ничего.

ИНСПЕКТОР. Мы с сержантом Кэдуоллдером намерены тщательно проверить все оружие убитого. Как я понимаю, на него разрешение имелось.

ЭНДЖЕЛ. О да, сэр. Все документы мистер Уоррик держал у себя в спальне.

Сержант идет к двери спальни

БЕННИ. Минутку. Вам понадобится ключ от шкафа с оружием. (*Вынимает ключ из кармана.*)

ИНСПЕКТОР. Вы его заперли — почему?

БЕННИ. Думаю, и спрашивать незачем. Все это опасные игрушки!

Сержант, пряча усмешку, берет ключ

ИНСПЕКТОР. Вы мне нужны, Энджел.

Инспектор с чемоданчиком в руках идет в спальню. За ним сержант, он придерживает дверь для Энджела.

ЭНДЖЕЛ (*подходит к Джулиану*). Насчет того дельца, сэр. Я хотел бы уладить его поскорее. Если бы вы нашли возможность, сэр...

ДЖУЛИАН. Я думаю.. что-то можно предпринять.

ЭНДЖЕЛ (*ослабившись*). Спасибо, сэр. Большое спасибо, сэр. (*Идет к двери.*)

ДЖУЛИАН. Нет! Инспектор Томас!

Инспектор и сержант возвращаются.

ИНСПЕКТОР. Да, майор Фаррар?

ДЖУЛИАН (*с непринужденной улыбкой*). Я должен вам кое-что сообщить. В сущности, я должен был упомянуть об этом еще утром, но тогда мы все несколько растерялись. Миссис Уорик только что сказала мне, что вы не можете идентифицировать какие-то отпечатки, оставленные, кажется, на этом столе. По всей вероятности, инспектор, они мои.

ИНСПЕКТОР (*с упреком*). Вы были здесь этой ночью, майор Фаррар?

ДЖУЛИАН. Да. Зашел потолковать с Ричардом, после ужина я к ним часто заходил.

ИНСПЕКТОР. И вы нашли его?..

ДЖУЛИАН. Очень хмурым и подавленным. Так что я не стал задерживаться.

ИНСПЕКТОР. Когда это было, майор Фаррар?

ДЖУЛИАН. Точно не помню — часиков в десять, пол-одиннадцатого.

ИНСПЕКТОР. Нельзя ли поточнее?

ДЖУЛИАН. Мне очень жаль, но боюсь, что нет.

ИНСПЕКТОР. Между вами не было ссоры или жесткого разговора?

ДЖУЛИАН. Конечно нет. (*Смотрит на часы.*) Я опаздываю. Я председательствую на заседании городского совета. Если не возражаете...

ИНСПЕКТОР. Нельзя заставлять ждать городской совет. Но как вы понимаете, я жду от вас полного описания ваших передвижений вчерашним вечером, майор Фаррар. Скажем, к завтрашнему утру. Вы, конечно, понимаете, что никто не обязывает вас делать подобное заявление, с вашей стороны это жест доброй воли, и вы вправе пригласить адвоката, если пожелаете.

Входит миссис Уорик, услышав последнюю фразу, останавливается в дверях

ДЖУЛИАН. Я понимаю. Скажем, десять часов утра? Я буду с адвокатом.

Джулиан уходит через террасу Инспектор оборачивается к Лауре

ИНСПЕКТОР. Вы видели майора Фаррара, когда он вчера приходил?

ЛАУРА (неуверенно). Я... я...

Старкведдер вдруг вскакивает, кидается к инспектору и Лауре, и вклинивается между ними

СТАРКВЕДДЕР. Я не думаю, что миссис Уорик захочет сейчас отвечать на какие бы то ни было вопросы.

ИНСПЕКТОР. В самом деле, мистер Старкведдер? А почему это вас так волнует?

МИССИС УОРИК. Мистер Стракведдер совершенно прав.

ЛАУРА. Я не желаю отвечать ни на какие вопросы.

Старкведдер улыбается инспектору, тот сердито отворачивается и вместе с сержантом выходит в спальню Энджел следует за ними и хлопает дверью

(Яростно.) Но я должна сказать, объяснить им .

МИССИС УОРИК. Мистер Старкведдер прав, Лаура. Чем меньше ты сейчас скажешь, тем лучше. Нужно срочно связаться с мистером Адамсом, нашим адвокатом. Бенни, сейчас же позвоните ему

Бенни кивает и идет к телефону

Нет, звоните с того, что наверху. Лаура, иди с ней.

Лаура встает, но медлит

Я хочу поговорить с мистером Старкведдером

ЛАУРА. Но...

МИССИС УОРИК. Не беспокойся, моя дорогая!

Лаура и Бенни выходят.

(Торопливо, то и дело оглядываясь на дверь спальни.) Не знаю, много ли у нас времени. Я хочу, чтобы вы помогли мне.

СТАРКВЕДДЕР. Как?

МИССИС УОРИК. Вы порядочный человек, и вы — чужой. Вы явились в нашу жизнь со стороны. Мы о вас ничего не знаем. Вам нет дела до нас.

СТАРКВЕДДЕР. Нежданный гость, да? Мне уже это говорили.

МИССИС УОРИК. Поскольку вы посторонний, я намерена просить вас кое-что для меня сделать. *(Выходит на террасу и оглядывается.)*

СТАРКВЕДДЕР. Да, миссис Уорик?

МИССИС УОРИК *(возвращаясь)*. Вплоть до сегодняшнего вечера у этой трагедии было разумное объяснение. Человек, пострадавший от Ричарда, пришел отомстить. Мелодраматично, но о таких вещах иногда приходится читать.

СТАРКВЕДДЕР. Совершенно верно.

МИССИС УОРИК. Теперь это объяснение отпадает. И подозрение в убийстве моего сына возвращается в семью. На сегодня только двое точно не могли убить Ричарда — его жена и мисс Беннет. Когда раздался выстрел, они были вместе.

СТАРКВЕДДЕР *(бросает на нее быстрый взгляд)*. Именно.

МИССИС УОРИК. Но хотя Лаура не могла убить мужа, она может знать, кто это сделал.

СТАРКВЕДДЕР. Прямое соучастие? Так? Вы хотите сказать, они с Джулианом Фарраром заодно?

МИССИС УОРИК. Я хочу сказать не это. Джулиан Фаррар не убивал моего сына.

СТАРКВЕДДЕР. Вы так уверенно утверждаете!

МИССИС УОРИК. Я знаю. И собираюсь сказать вам, постороннему человеку, то, чего не знает ни один из членов семьи. Мне осталось недолго жить...

СТАРКВЕДДЕР. Мне очень жаль...

МИССИС УОРИК. Я говорю это не для того, чтобы вызвать сочувствие, а чтобы объяснить то, что иначе будет трудно объяснить. Бывают времена, когда вы решаетесь на такие поступки, которые никогда бы не совершили, будь у вас в запасе хоть несколько лет.

СТАРКВЕДДЕР. Какие, например?

МИССИС УОРИК. Мистер Старкведдер, я должна кое-что рассказать вам о своем сыне. Я очень любила Ричарда. С юных лет у него было множество достоинств: умница, храбрец, весельчак, душа любой компании. Счастливчик! Я понимала, конечно, были и у него недостатки. Он не терпел над собой ни малейшего контроля, и в этом своеволии уже сквозили гордыня и жестокость. Пока ему везло, все шло прекрасно. Но он был не из тех, кто мужествен и в несчастье. Мне пришлось наблюдать, как с течением времени он постепенно опускался. Было бы преувеличением сказать, что он стал монстром. И все же в некотором роде он был чудовищем — чудовищный эгоист, исполненный гордыни и жестокости. Раз пострадал он, пусть и другие страдают. Причинять страдание сделалось его страстью, и жертвой этой страсти становились невинные люди. Вы меня понимаете?

СТАРКВЕДДЕР. Думаю, да.

МИССИС УОРИК. Так вот, я очень люблю свою невестку. В ней есть духовная сила, нежность, храбрость и терпение. Ричард взял ее, что называется, штурмом, однако я не уверена, любила ли она его. Но скажу вам вот что. Она сделала все, что может сделать жена, чтобы облегчить Ричарду боль и вынужденное бездействие. Но он не принял ее помощь, он отказался от нее. Иногда мне кажется, что он ее ненавидел, — уверяю вас, это вполне естественно, в подобной ситуации. Так что, когда я говорю, что случилось неизбежное, я думаю, вы меня поймете. Лаура полюбила другого человека, а он — ее.

СТАРКВЕДДЕР. Зачем вы это рассказываете мне?

МИССИС УОРИК (*твердо*). Потому что вы посторонний. Все эти любви и ненависти и несчастья для вас ничего не значат, вы можете слушать о них равнодушно.

СТАРКВЕДДЕР. Допустим.

МИССИС УОРИК. И вот наступило время, когда стало казаться, что только одно может разрешить все трудности — смерть Ричарда.

СТАРКВЕДДЕР. И тут, как по заказу, Ричард умирает.

МИССИС УОРИК. Да.

Пауза

СТАРКВЕДДЕР. Извините за прямоту, миссис Уорик, вы, что же, признаетесь в убийстве?

МИССИС УОРИК. Я задам вам один вопрос. Можете ли вы представить себе, что тот, кто дал жизнь человеку, почувствует, что он вправе ее отобрать?

СТАРКВЕДДЕР. Конечно, бывали случаи, когда матери убивали своих детей. Но обычно из корыстных соображений — получить страховку или, положим, у них уже есть двое-трое детей, и они не хотят обременять себя еще одним. В финансовом отношении вы выиграли от смерти Ричарда?

МИССИС УОРИК. Нет.

СТАРКВЕДДЕР. Простите меня за бестактность.

МИССИС УОРИК. Вы понимаете, что я пытаюсь вам сказать?

СТАРКВЕДДЕР. Думаю, да. Вы говорите, что мать в принципе может убить своего сына и что, в частности, возможно, вы убили своего сына. Это все теория, или я должен принять это как факт?

МИССИС УОРИК. Я ни в чем не признаюсь. Я просто излагаю вам определенную точку зрения. Помощь может понадобиться, когда я уже не смогу ее оказать. На этот случай я хочу, чтобы вы взяли вот это. *(Достает из кармана конверт и протягивает ему.)*

СТАРКВЕДДЕР. Все это очень хорошо, но меня-то здесь не будет. Я возвращаюсь в Абадан и буду продолжать там работу.

МИССИС УОРИК. Но вы же не порываете с цивилизацией — газеты, радио...

СТАРКВЕДДЕР. О да, там есть все блага цивилизации.

МИССИС УОРИК. Тогда сохраните этот конверт. Видите, кому он адресован?

СТАРКВЕДДЕР. Шефу полиции. Да... Мне пока что не совсем ясно, что у вас на уме. Для женщины вы отлично храните секреты! Либо вы сами совершили это убийство, либо знаете, кто это сделал, так?

МИССИС УОРИК. Я не намерена обсуждать этот вопрос.

СТАРКВЕДДЕР. И все же мне очень хотелось бы знать, что у вас на уме.

МИССИС УОРИК. Боюсь, я вам этого не скажу. Как вы сами сказали, я женщина, умеющая хранить секреты.

СТАРКВЕДДЕР. Ну хорошо. Скажите, а этот камердинер, парень, который ухаживал за вашим сыном...

МИССИС УОРИК. Энджел, да?

СТАРКВЕДДЕР. Он вам нравится?

МИССИС УОРИК. Нет. Но с работой он справлялся, хотя с Ричардом было нелегко.

СТАРКВЕДДЕР. Но Энджел терпел?

МИССИС УОРИК (*скривившись*). Ему за это соответственно платили.

СТАРКВЕДДЕР. А у Ричарда на него ничего не было?

МИССИС УОРИК. На Энджела? Вы хотите спросить, не знал ли Ричард про Энджела чего-либо дискредитирующего?

СТАРКВЕДДЕР. Да. Не держал ли ваш сын чего-нибудь, как говорится, про запас?

МИССИС УОРИК. Нет, не думаю.

СТАРКВЕДДЕР. Я просто спросил...

МИССИС УОРИК. Вы хотите сказать, Энджел убил моего сына? Сомневаюсь. Очень сильно сомневаюсь.

СТАРКВЕДДЕР. Понял. Не купились! Жаль.

МИССИС УОРИК (*встает*). Спасибо, мистер Старкведдер. Вы очень добры.

Миссис Уорик протягивает ему руку, Старкведдер пожимает ее. Миссис Уорик выходит. Старкведдер закрывает дверь и, улыбаясь, смотрит на конверт

СТАРКВЕДДЕР. Черт возьми, ну что за женщина!

Входит Бенни. Старкведдер торопливо прячет конверт в карман

БЕННИ (*расстроено и озабоченно*). Что она вам сказала?

СТАРКВЕДДЕР. А? Что?

БЕННИ. Миссис Уорик — что она вам сказала?

СТАРКВЕДДЕР. Похоже, вы расстроены

БЕННИ. Еще бы! Я-то знаю, на что она способна.

СТАРКВЕДДЕР. На что же она способна — на убийство?

БЕННИ. Она пыталась вас в этом убедить? Поверьте, это неправда. Неправда, от начала до конца!

СТАРКВЕДДЕР. Но может быть...

БЕННИ. Нет, не может.

СТАРКВЕДДЕР. Откуда вам знать?

БЕННИ. Да уж знаю. Думаете, есть хоть что-то, чего бы я не знала о людях, живущих в этом доме? Я их очень люблю — всех.

СТАРКВЕДДЕР. Включая покойного Ричарда Уорика?

БЕННИ. Когда-то я была в него влюблена.

Пауза

СТАРКВЕДДЕР. Продолжайте.

БЕННИ. Он совсем переменялся. Извратился весь его душевный строй. Временами Ричард становился прямо дьяволом.

СТАРКВЕДДЕР. В этом, кажется, сходятся все.

БЕННИ. Знали бы вы, каким он был прежде...

СТАРКВЕДДЕР. Будет вам! Я не верю, что люди могут так меняться!

БЕННИ. Он изменился.

СТАРКВЕДДЕР. О нет! *(Взволнованно расхаживает по комнате.)* Вы все вывернули наизнанку. А я бы сказал, что дьяволом он был всегда. Таким, как он, жизненно необходима удача, а не то, — ого! Скрывая свою темную сущность, они изо всех сил рвутся к счастью и вцепляются в него мертвой хваткой. Но все это время подспудно в них бьется дурная жила. Готов спорить, жестоким он был всегда. В школе наверняка задира! однокашников. Женщинам он, конечно, нравился, женщины любят забияк. А на охоте давал выход своим садистским наклонностям. Он был чудовищный эгоист, вот каким я его вижу, судя по тому, что все вы о нем рассказываете. Ему страшно нравилось изображать из себя славного парня, щедрого, везучего, обаятельного и так далее. Но главный невидимый стержень его души был все тот же. И когда с ним случилось несчастье, оно лишь сорвало с него личину, и все увидели, каков Ричард на самом деле

БЕННИ. Не понимаю, какое вам до этого дело? Вы посторонний человек, вы ничего не знаете.

СТАРКВЕДДЕР. Я многое слышал. По-моему, со мной поговорили все, каждый по своим причинам.

БЕННИ. Да-да, а теперь вот и я, верно? Потому что мы не осмеливаемся говорить друг с другом. Жаль, что вы уезжаете.

СТАРКВЕДДЕР. А что я могу сделать? Достаточно того, что вломился среди ночи и обнаружил труп.

БЕННИ. Это мы с Лаурой обнаружили труп. Или Лаура...

СТАРКВЕДДЕР *(с улыбкой)*. А вы неплохо соображаете

БЕННИ. Вы помогли ей, да?

СТАРКВЕДДЕР. А теперь вы начинаете фантазировать.

БЕННИ. О нет, нет. Я хочу, чтобы Лаура была счастлива. Я очень хочу, чтобы она была счастлива!

СТАРКВЕДДЕР. Я тоже, черт побери!

БЕННИ Тогда значит, придется

На террасе появляется Ян, он прижимает к груди ружье

СТАРКВЕДДЕР (*жестом призывая Бенни помолчать*) Минутку. (*Яну*) Что ты делаешь?..

БЕННИ. Ян! Ян! Отдай мне ружье.

Ян смеется и проворно убегает, Бенни бежит за ним

ЯН. Попробуй отними!

БЕННИ. Ян! Ян!

Старкведдер смотрит им вслед Входит Лаура

ЛАУРА. Где инспектор?

Старкведдер кивает на дверь спальни

Майкл, вы должны меня выслушать. Джулиан не убивал Ричарда.

СТАРКВЕДДЕР (*холодно*). Да что вы! Это он так сказал?

ЛАУРА. Вы мне не верите, но это правда.

СТАРКВЕДДЕР. Хотите сказать, что вы этому верите.

ЛАУРА. Я знаю, что это правда Видите ли, он думал, что это я убила Ричарда.

СТАРКВЕДДЕР (*ледяным тоном*). Ничего удивительного. Я тоже так думал.

ЛАУРА (*с отчаянием в голосе*). Но он не смог этого перенести. Он стал .. он совсем переменялся ко мне.

СТАРКВЕДДЕР. В то время как вы, думая, что это он убил Ричарда, старались, чтобы ни один волос не упал с его головы! (*Внезапно улыбается.*) Женщины — удивительные существа! Что заставило Джулиана выступить с сокрушительным сообщением, что он был здесь минувшей ночью? Не говорите, что любовь к истине.

ЛАУРА. Это Энджел. Он видел, или только говорит, что видел Джулиана.

СТАРКВЕДДЕР. Ай-яй-яй, чувствую, пахло шантажом! Нехороший мальчик, Энджел!

ЛАУРА. Он говорит, что видел Джулиана сразу же после .. после выстрела. О, я боюсь Кольцо сжимается. Я боюсь.

СТАРКВЕДДЕР (*берет ее за плечи*) Вам нечего бояться. Все будет хорошо.

ЛАУРА. Хорошо быть не может.

СТАРКВЕДДЕР. Говорю вам, все нормально

ЛАУРА. Узнаем ли мы когда-нибудь, кто убил Ричарда?

Старкведдер пристально смотрит на нее, потом подходит к окну и
выглядывает

СТАРКВЕДДЕР. Кажется, ваша мисс Беннет уверена, что
знает ответы на все вопросы

ЛАУРА. Она всегда уверена, но иногда ошибается.

Старкведдер знаком подзывает Лауру Лаура подбегает к окну

СТАРКВЕДДЕР. Да. Лаура, я так и думал!

ЛАУРА. Что?

СТАРКВЕДДЕР. Чш-ш!

Поспешно входит Бенни

БЕННИ (*торопливо, вполголоса*) Мистер Старкведдер,
сюда, к инспектору, быстро.

Старкведдер и Лаура выскальзывают в спальню, закрывая за собой дверь
Темнеет.

(*Кричит в сад*) Входи же, Ян. Хватит меня дразнить Вхо-
ди, входи.

Ян, входит, возбужденный, торжествующий, с ружьем в руках

Как ты его достал?

ЯН. А ты, Бенни, думала, ты такая хитрая — взяла и
заперла ружья Ричарда? А я нашел ключик, он подходит к
шкафу с оружием. Теперь у меня есть ружье, как у Ричар-
да. У меня будет много ружей и пистолетов. Я тоже буду
стрелять в зверей.

Неожиданно вскидывает ружье и целится в Бенни, та вздрагивает

Берегись, Бенни, я могу тебя застрелить!

БЕННИ. Ну что ты, Ян, ты ни за что так не сделаешь, я
знаю

Ян еще некоторое время держит ее под прицелом, затем опускает
ружье Бенни вздыхает с облегчением

ЯН (*ласково и сердечно*). Нет, не буду.

БЕННИ. Теперь ты уже не беззаботный мальчишка, ты мужчина, правда?

ЯН. Да, я мужчина. Теперь, когда Ричард умер, я единственный мужчина в доме.

БЕННИ. Вот почему я знаю, что ты не выстрелишь в меня. Ты стреляешь только во врагов.

ЯН. Да.

БЕННИ (*вкрадчиво*). Знаешь, Ян, во время войны, если бы ты был в Сопротивлении, то, убив врага, делал бы насечку на ружье.

ЯН. Правда? В самом деле? Наверно, у некоторых людей было много-много насечек?

БЕННИ. Да, у некоторых людей было очень много насечек.

ЯН. Здорово!

БЕННИ. Конечно, некоторым людям вообще не нравятся убивать, но другие это любят.

ЯН. Ричард любил.

БЕННИ. Да, Ричард любил убивать зверей. Ты тоже любишь убивать зверей, правда, Ян?

Ян вынимает из кармана нож и начинает делать отметку на прикладе ружья

ЯН. Это так здорово — убивать зверей.

БЕННИ. Ты не хотел, чтобы Ричард отослал тебя, верно?

ЯН (*с чувством*). Он сказал, что отошлет. Он был зверь!

БЕННИ. Однажды ты даже сказал ему, что убьешь его, если он попробует отослать тебя.

ЯН (*беззаботно*). Да-а?

БЕННИ. Но ты не убил его?

ЯН. О нет, не убил.

БЕННИ. Это слабость с твоей стороны.

ЯН. Да-а?

БЕННИ. Да. Сказал, что убьешь, а не убил. (*Поглядывает на дверь спальни.*) Если бы меня кто-нибудь собрался запереть, я бы решила такого убить, и убила бы!

ЯН. Я бы тоже, я бы тоже!

БЕННИ (*хитро*). Ты только так говоришь, а сам не убивал его. Это сделал кто-то другой.

ЯН. С чего ты взяла, что кто-то другой? Может, это я.

БЕННИ. Нет, не ты. Ты только мальчик, ты бы не посмел.

ЯН. По-твоему, я бы не посмел? Так ты считаешь?

БЕННИ. Конечно, разве ты посмел бы убить Ричарда? Для этого нужно быть очень храбрым и совсем взрослым!

ЯН (*возбужденно прохаживается взад-вперед, отвернувшись от Бенни*). Ты не все знаешь, Бенни. О нет, старушка Бенни, ты не все знаешь.

БЕННИ. Разве есть что-то такое, чего я не знаю? Ян, ты смеешься надо мной.

Бенни как бы нечаянно приоткрывает дверь спальни. Лучи заходящего солнца прочерчивают комнату

ЯН. Смеюсь и буду смеяться. Потому что я умнее тебя

Внезапно Ян оборачивается. Бенни невольно вздрагивает и хватается за дверной косяк

Я знаю такое, чего ты не знаешь.

БЕННИ. Что же ты знаешь такое, чего я не знаю?

Ян не отвечает, только загадочно улыбается

Ты скажешь мне? Доверишь мне свой секрет?

ЯН (*с горечью отворачивается*). Не всякому можно доверять

БЕННИ. Как интересно! Похоже, ты всегда был очень умным!

ЯН. А, поняла наконец, что я могу быть очень умным!

БЕННИ. Наверное, есть многое, чего я о тебе не знаю?

ЯН. Много-премного! А я про всех про вас знаю очень много, но не все говорю. Иногда я ночью встаю и обхожу дом. Я многое вижу, многое открываю, только не говорю

БЕННИ. А сейчас у тебя есть какой-то большой секрет?

ЯН. Большой секрет, большой секрет! (*Смеется*) Ты испугаешься, когда узнаешь.

БЕННИ. Неужели? Неужели я испугаюсь? Неужели я испугаюсь тебя, Ян? (*Становится прямо перед ним и смотрит в упор*)

ЯН (*смотрит на нее очень серьезно*). Да, ты очень испугаешься меня.

БЕННИ. Я не знала, какой ты, я только теперь начинаю понимать.

ЯН (*восторженно*). Никто про меня ничего не знает, не знает, что я могу сделать! Глупый старый Ричард, сидел тут и стрелял в глупых старых птиц. (*К Бенни, страстно*) И он не думал, что кто-нибудь подстрелит его самого, а?

БЕННИ. Да, и в этом была его ошибка.

ЯН. Да, в этом была его ошибка! Он думал, что может взять и отослать меня, ага? Ну, я ему и показал!

БЕННИ (*поспешно*). Неужели? Как же ты ему показал?

ЯН (*с хитрым видом*). Не скажу.

БЕННИ. Ну, скажи мне, Ян!

ЯН. Нет. (*Прохаживается перед ней, взбирается на кресло и прижимает ружье к щеке*). Нет, никому не скажу!

БЕННИ. Возможно, ты прав. Возможно, я догадываюсь, что ты сделал, но не скажу. Это будет наш с тобой секрет, ладно?

ЯН. Да, это мой секрет. Никто не знает, какой я. Я опасный. Пусть поберегутся. Пусть они лучше поберегутся. Я опасный.

БЕННИ. Ричард не знал, что ты такой опасный. Он бы удивился!

ЯН (*глядя на инвалидное кресло Ричарда*). А он и удивился. У него стало такое глупое лицо. А потом... а потом — рраз! — и голова его упала, и потекла кровь, и он больше не шевелился. Я ему показал! Я ему показал! Теперь уж он не отошлет меня!

Ян подходит к дивану, садится на подлокотник и показывает Бенни ружье. Бенни старается сдержать слезы.

(*Вполголоса.*) Смотри. Смотри. Видишь? Я сделал насечку на ружье.

БЕННИ. Так у тебя есть насечка! Это удивительно!

Пытается выхватить у Яна ружье, но не успевает, тот проворно уворачивается.

ЯН. А вот и нет. Никто не отберет у меня ружье. Если придет полиция и захочет меня арестовать, я их застрелю.

БЕННИ. В этом нет никакой необходимости. Никакой. Ты же умный! Ты такой умный, что они ни за что не догадуются.

ЯН (*ликующе*). Глупая старая полиция — глупая старая полиция! Глупый старый Ричард. (*Грозит ружьем креслу Ричарда, потом, увидев в приоткрытую дверь спальни полицейских, быстро убегает.*)

Бенни, рыдая, падает на диван. Входит инспектор, следом сержант.

ИНСПЕКТОР (*сержанту*). За ним, быстро!

Сержант выбегает на террасу В комнату врывается Старкведдер, за ним идет Лаура, последним входит Энджел Открывается дверь холла, появляется миссис Уорик и застывает на пороге

Ну, ну, мисс Беннет, не стоит так убиваться. Вы поступили правильно

БЕННИ (*глухо*) Я давно все знала. Понимаете, я лучше всех знаю, каков Ян на самом деле. Я понимала: Ричард заходит слишком далеко, и видела: Ян становится опасен.

ЛАУРА. Ян! О нет, о нет, только не Ян. Я не могу в это поверить.

МИССИС УОРИК. Как вы могли, Бенни? Как вы могли? Я думала, что хотя бы вы останетесь нам преданы.

БЕННИ. Иногда правда важнее верности. Вы не видели и никто из вас, что Ян становился опасным. Он милый мальчик, чудный мальчик, но... (*Голос ее пресекается от рыданий*)

Миссис Уорик печально идет к креслу и садится

ИНСПЕКТОР. Но когда эти мальчишки достигают определенного возраста, то становятся опасны, потому что не ведают, что творят. У них нет мужского здравого смысла и самообладания. Не надо горевать, мадам. Думаю, я могу взять на себя смелость сказать, что с ним будут обращаться достаточно гуманно. Случай совершенно ясный: он невменяем, следовательно, не отвечает за свои поступки. Так что содержать его будут в условиях вполне комфортных. Вы же понимаете, рано или поздно это все равно должно было случиться.

МИССИС УОРИК. Да. Да, вы правы. Извините меня, Бенни Вы сказали, никто не знал, что он стал опасен. Я знала, но ни на что не могла решиться.

БЕННИ (*патетически*). Кто-то ведь должен был решиться!

С террасы, пошатываясь, входит сержант Правой рукой он поддерживает левую, перевязанную окровавленным платком

СЕРЖАНТ Сэр!

ИНСПЕКТОР. Что случилось?

СЕРЖАНТ (*тяжело дыша*). Я должен сообщить ужасную вещь.

Инспектор и Старкведдер поспешно подходят к нему

ИНСПЕКТОР. Рука!

СТАРКВЕДДЕР. Давайте я. *(Достает свой платок и начинает перевязывать руку сержанту.)*

СЕРЖАНТ. Вы поймите: туман, видно было плохо.

Лаура вскакивает

Он выстрелил в меня из кустов.

Лаура стремительно подходит к стеклянной двери.

Он выстрелил в меня два раза и на второй попал в руку.

Бенни встает

Я хотел только отнять у него ружье, но такой рукой, вы же понимаете, это очень трудно.

ИНСПЕКТОР. Да. Так что же случилось?

СЕРЖАНТ. Его палец был на спуске, раздался выстрел. Он убит в сердце. Он мертв.

Лаура подносит руку ко рту, чтобы не закричать Миссис Уорик опускает голову и опирается на палку

ИНСПЕКТОР. Ты уверен, что он мертв?

СЕРЖАНТ. Совершенно уверен. Бедный парнишка, кричал, бросал мне вызов, нажимал курок так, как будто ему нравился стрелять.

ИНСПЕКТОР. Где он?

СЕРЖАНТ. Пойдемте, я покажу.

ИНСПЕКТОР. Нет, ты лучше оставайся здесь...

СЕРЖАНТ. Да ничего, я продержусь, ничего со мной не случится. *(Пошатываясь выходит на террасу.)*

ИНСПЕКТОР. Не могу выразить, как я сожалею, но, возможно, это наилучший выход. *(Уходит за сержантом.)*

МИССИС УОРИК. Наилучший выход!

БЕННИ. Да-да, все к лучшему. Для него все закончилось, бедное дитя! *(Подходит к миссис Уорик, помогает ей встать.)* Пойдемте, моя хорошая, пойдемте. Это для вас чересчур.

МИССИС УОРИК. Я... пойду прилягу.

Бенни подводит миссис Уорик к двери, Старкведдер отворяет ее и вынимает из кармана конверт

СТАРКВЕДДЕР. Я думаю, лучше вам это забрать.
МИССИС УОРИК. Да. Да, больше он не понадобится.

Миссис Уорик и Бенни выходят. Энджел направляется к Лауре, она сидит, глядя в стол, и не поворачивается.

ЭНДЖЕЛ. Позвольте сказать, я очень сожалею, мэм. Если я могу чем-то...

ЛАУРА (*не поднимая головы*). Мы больше не нуждаемся в ваших услугах, Энджел. Вы получите чек на ваше жалование, и я хотела бы, чтобы вы сегодня же убрались из дома.

ЭНДЖЕЛ. Да, мэм. Благодарю вас, мэм.

Энджел выходит, Старкведдер закрывает за ним дверь. В комнате потемнело, последние лучи солнца отбрасывают тени на стены.

СТАРКВЕДДЕР. И вы не подадите на него в суд за шантаж?

ЛАУРА. Нет.

СТАРКВЕДДЕР. Жаль. Что ж, пойду, пожалуй. Прощайте. (*Умолкает. Лаура не оборачивается.*) Не стоит так горевать!

ЛАУРА. Но для меня это горе!

СТАРКВЕДДЕР. Потому что вы очень любили этого мальчика?

ЛАУРА. Да. И потому что это моя вина. Как видите, Ричард был прав. Его давно надо было отослать — запереть там, где он не смог бы причинить вреда. Я не дала этого сделать. Выходит, это я виновата в том, что Ричард убит.

СТАРКВЕДДЕР (*грубо*). Кончайте, Лаура, хватит одно и то же рассусоливать. Ричарда убили, потому что сам на это напросился. Разве не мог он проявить элементарную доброту к мальчику? Не терзайте себя. Теперь ваше дело — быть счастливой. Хэппи энд, как говорится.

ЛАУРА. С Джулианом? Сомневаюсь! Понимаете, теперь все стало иначе.

СТАРКВЕДДЕР. Между вами и Фарраром?

ЛАУРА. Да. Понимаете, когда я думала, что Ричарда убил Джулиан, для меня это ничего не меняло. Я все равно любила его. Я даже решила сказать, что сама это сделала.

СТАРКВЕДДЕР. Я знаю. Ну и дурочка! До чего женщины любят быть мученицами!

ЛАУРА. Но когда Джулиан подумал, что это сделала я, для него все перевернулось. Его чувства ко мне изменились полностью. Он старался соблюсти приличия, не обвинял меня. Но это и все, что осталось у него от прежних чувств ко мне.

СТАРКВЕДДЕР. Послушайте, Лаура, мужчины и женщины по-разному реагируют на подобные вещи. Вот ведь что получается: на деле выходит, что мужчины — чувствительный пол, а женщины — жестокий. Мужчины не могут перешагнуть через убийство, а женщины, получается, могут. Если мужчина совершил убийство ради женщины, это только поднимает его в ее глазах. А для мужчин — наоборот.

ЛАУРА. Для вас не было наоборот. Когда вы думали, что это я убила Ричарда, вы мне помогли.

СТАРКВЕДДЕР *(в замешательстве)*. Это другое дело. Я должен был помочь вам.

ЛАУРА. Почему?

СТАРКВЕДДЕР *(тихо)*. Я и сейчас все еще хочу помочь вам.

ЛАУРА *(отворачивается)*. Разве вы не понимаете? Мы пришли к тому, с чего начали. Некоторым образом это я убила Ричарда, потому что упорствовала насчет Яна.

СТАРКВЕДДЕР. И это вас гложет? После того как выяснилось, что это Ян убил Ричарда? Но знаете, это может оказаться и неправдой. Так что вы вольны считать, что Ян не убивал.

ЛАУРА. Как вы можете такое говорить? Я слышала, мы все слышали, он признал, он хвастался...

СТАРКВЕДДЕР. Ну да, да, я понимаю. Но что вы знаете о силе внушения? Ваша Бенни разыграла его, она так старательно его обрабатывала. А мальчик был внушаемый. Как многим подросткам, ему нравилось считать себя убийцей. Бенни наживляет приманку, а он ее заглатывает. И получается, как будто бы это он застрелил Ричарда, и вот он делает зарубку на ружье, он — герой! Но вы же не знаете, и никто не знает, правда ли это или только игра.

ЛАУРА. Но он стрелял в сержанта!

СТАРКВЕДДЕР. О да, он потенциальный убийца. Очень может быть, что он убил Ричарда. Но с уверенностью сказать, что это сделал он, нельзя. Это мог быть и кто-то еще.

ЛАУРА. Но кто?

СТАРКВЕДДЕР. Может быть, Бенни. Она очень любит всех вас, и она могла решить, что так для всех будет лучше Или миссис Уорик. Или даже ваш друг Джулиан — убил, а потом сделал вид, что думает, будто убийца — это вы. Умный ход, который вас совершенно покори́л.

ЛАУРА. Вы сами не верите тому, что говорите. Вы только стараетесь меня утешить.

СТАРКВЕДДЕР. Моя дорогая девочка, Ричарда мог убить кто угодно. Даже Мак-Грегор.

ЛАУРА. Мак-Грегор? Но Мак-Грегор умер.

СТАРКВЕДДЕР. Конечно, умер. Он и должен был умереть. *(Встает.)* Послушайте, я могу состряпать миленькое дельце, где убийцей будет Мак-Грегор. Скажем, он решил убить Ричарда из мести. Что он делает? Перво-наперво ему нужно избавиться от собственной персоны. В каком-нибудь отдаленном районе Аляски получаешь фиктивное свидетельство о смерти, которое стоит совсем недорого. Потом он меняет имя и начинает выстраивать новую биографию — в другой стране, на другой работе. Он внимательно следит за происходящим здесь, и, как только узнает, что вы уехали из Норфолка и переселились сюда, он составляет план. Разумеется, бороду он сбривает, волосы перекрашивает и так далее. И в туманный вечерок заявляется сюда. Дело происходит скажем так. *(Встает и подходит к стеклянной двери.)* Допустим, Мак-Грегор говорит: «У меня пушка, и у тебя тоже. Считаю до трех, и оба стреляем. Я пришел расплатиться с тобой за смерть моего мальчика». Знаете, я не уверен, что ваш муж был таким уж честным парнем, как вы расписываете. Я подозреваю, что он не стал ждать до счета три. Вы говорите, он был отличным стрелком — но на этот раз он промахнулся, и пуля вылетела туда, в сад, где валяется много других пуль. А Мак-Грегор не промахивается. Он стреляет и убивает его, забирает его револьвер, а собственный бросает возле трупа, потом уходит через стеклянную дверь на террасу. Но возвращается.

ЛАУРА. Возвращается? Зачем?

СТАРКВЕДДЕР. Ну, положим, у него сломалась машина, и он не может отсюда выехать. Что ему остается? Только одно — войти в дом и обнаружить труп!

ЛАУРА. Вы говорите так, будто знаете, как все было!

СТАРКВЕДДЕР *(страстно)*. Конечно знаю! Разве вы не поняли? Мак-Грегор — это я! *(Прислоняется к стене.)*

ЛАУРА. ВЫ... вы... *(Ошеломленно смотрит на него.)*

Старкведдер берет ее руку и целует в ладонь.

СТАРКВЕДДЕР *(хрипло)*. Прощай, Лаура.

Стремительно выходит на террасу и исчезает в тумане. Лаура
выбегает на террасу.

ЛАУРА. Подождите, подождите! Вернитесь!

Клубы тумана сгущаются. Слышен гудок туманной сирены.

Вернись, Майкл, вернись!

Она прислоняется к двери. В тумане гудит сирена.

З а н а в е с

ВОЗВРАЩЕНИЕ К УБИЙСТВУ

ПЬЕСА

Перевод

А. ВАЩЕНКО

Murder in Retrospect

1960

© Перевод Вашенко А , 2001

© Редакция Издательство «Артикул-принт», 2001

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЖАСТИН ФОГГ, адвокат лет 35-ти, рассудительный, спокойный, приятной внешности

КАРЛА ЛЕ МАРШАН, красивая девушка с решительным характером, говорит с канадским акцентом, 21 года.

ДЖЕФ РОДЖЕРС, ее жених, американский фермер, высокий, красивый, самодовольный мужчина 35 лет, держится довольно развязно.

ФИЛИП БЛЕЙК, крупный, полноватый, самоуверенный мужчина 50 лет; во втором действии он выглядит моложе, стройнее и не столь напыщен.

МЕРЕДИТ БЛЕЙК, его брат, деревенский сквайр, симпатичный, пожилой, седовласый мужчина, производит впечатление не приспособленного к жизни, нерешительного человека, во втором действии выглядит немного моложе, в волосах нет седины.

ЛЕДИ ДИТТИШЕМ (ЭЛЬЗА), высокая, статная, роскошно одетая дама. Во втором действии она носит фамилию Грир, это юная, живая, очень естественная и хорошенькая девушка.

ТЕРНБОЛЛ, пожилой служащий адвокатской конторы.

МИСС УИЛЬЯМС, гувернантка Анджелы, рассудительная, спокойная женщина лет 60-ти, с речью и манерами учительницы. Во втором действии она выглядит моложе.

КЭРОЛАЙН КРЕЙЛ, мать Карлы. Несмотря на внешнее сходство с матерью, Кэролайн не столь решительна и в то же время более темпераментна.

АНДЖЕЛА УОРРЕН, сводная сестра Кэролайн, археолог, 30 лет, высокая, миловидная, несмотря на шрам на левой щеке. Во втором действии это девочка-подросток.

ЭМИАС КРЕЙЛ, муж Кэролайн, отец Карлы, художник, высокий, статный, жизнерадостный.

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Лондон Приемная Джастина Фогга в адвокатской конторе «Фогг, Бэмфилд и Фогг» Ранняя осень Вторая половина дня
Довольно тесная, старомодно обставленная комната На стенах множество книжных полок Перед окном — большой письменный стол и кресло для посетителей, у стены — столик с картотекой и папками На письменном столе — телефон

Когда раздвигается занавес, сцена погружена в темноту
Зажигается свет Джастин Фогг, сидя за письменным столом, разговаривает по телефону Это молодой человек лет тридцати пяти, рассудительный уравновешенный и привлекательный

ДЖАСТИН (*в телефонную трубку*) Мне вполне понятна ваша точка зрения, миссис Росс, правосудие торопить нельзя

Из коридора появляется Тернболл, пожилой служащий конторы
В руках у него папка

Мы обязаны дождаться, пока их адвокаты ответят на наш запрос

Тернболл многозначительно кашляет

(*К Тернболлу*) Входите, Тернболл! (*Снова в телефонную трубку*) Нет, было бы крайне нежелательно, чтобы вы сами предприняли какие-либо шаги Да, мы вам обязательно сообщим (*Кладет трубку*) Ну, женщины!

Тернболл кладет папку на стол перед Джастином

Мисс Ле Маршан?

ТЕРНБОЛЛ. Она здесь, сэр.

ДЖАСТИН. Пригласите ее, Тернболл. И я бы не хотел, чтобы нам мешали. Если что-то срочное — обращайтесь к мистеру Граймсу.

ТЕРНБОЛЛ. Хорошо, сэр.

Тернболл выходит. Джастин встает из-за письменного стола, берет со столика с карточкой одну из папок. И снова усаживается за стол; папку, принесенную Тернболлом, убирает в ящик письменного стола. Входит Тернболл.

Мисс Ле Маршан.

Входит Карла, красивая и решительная девушка, ей двадцать один год, говорит с канадским акцентом. Тернболл выходит.

ДЖАСТИН (*поднимается из-за стола, подходит к Карле и протягивает руку*). Здравствуйте!

КАРЛА. Здравствуйте, мистер Фогг... (*Растерянно смотрит на него, не замечая протянутой руки.*) Но... вы так молоды!..

ДЖАСТИН (*с усмешкой*). Благодарю. Однако уверяю вас, я вполне компетентный юрист.

КАРЛА. Ох, извините... Просто... я думала, что вы старше.

ДЖАСТИН. Вы, вероятно, ожидали увидеть моего отца? Он скончался два года назад.

КАРЛА. Как жаль! Простите, я сказала глупость. (*Подает ему руку.*)

ДЖАСТИН. Садитесь, пожалуйста.

Карла садится в кресло для посетителей

ДЖАСТИН (*усаживается за стол*). Чем могу быть полезен?

Пауза. Карла смотрит на Джастина, не зная, как начать.

КАРЛА. Вы знаете, кто я?

ДЖАСТИН. Мисс Карла Ле Маршан из Монреаля.

КАРЛА (*глядя в сторону*). Мое настоящее имя — не Ле Маршан.

ДЖАСТИН. Почему же? Юридически это ваше имя.

КАРЛА (*наклонившись вперед*). Значит... вы все обо мне знаете?

ДЖАСТИН. Наша контора в течение ряда лет занималась ведением дел мистера Роберта Ле Маршана.

КАРЛА. Хорошо. В таком случае давайте перейдем прямо к существу вопроса. Допустим, официально, мое имя Ле Мар-

шан... по удочерению... или одностороннему обязательству... или *Набеас согрус*¹... или как там еще на вашем юридическом жаргоне... Но по рождению я... Кэролайн Крейл. Имя моей матери тоже Кэролайн. Мой отец — Эмиас Крейл. Шестнадцать лет назад моя мать предстала перед судом по обвинению в отравлении моего отца. Ее сочли... виновной. (*Глубоко вздыхает; с вызовом.*) Все верно, не так ли?

ДЖАСТИН. Да, факты таковы.

КАРЛА. Я познакомилась с этими фактами шесть месяцев назад.

ДЖАСТИН. Когда достигли совершеннолетия.

КАРЛА. Да. По-видимому, от меня их скрывали. Дядя Роберт и тетя Бэсс, которые меня вырастили, говорили, будто мои родители погибли в какой-то аварии, когда мне было пять лет. Но оказывается, мама оставила для меня письмо... чтобы его передали, когда мне исполнится двадцать один год. Так что им пришлось все мне рассказать.

ДЖАСТИН. К несчастью.

КАРЛА. По-вашему, мне не нужно было ничего рассказывать?

ДЖАСТИН. Нет-нет. Я не это имел в виду. Я хотел сказать, к несчастью для вас... Наверное, это было для вас большим потрясением?

КАРЛА. Узнать, что твоего отца убили и что убийца — твоя мать?

ДЖАСТИН. Имелись... знаете ли, смягчающие обстоятельства.

КАРЛА. Меня не интересуют смягчающие обстоятельства. Меня интересуют факты.

ДЖАСТИН. Да, факты. Ну что же, вы их получили. Теперь надо все забыть. (*Ободряюще улыбается.*) Теперь для вас важнее будущее, чем прошлое.

КАРЛА. По-моему, прежде чем идти вперед... я должна... вернуться назад.

ДЖАСТИН. Простите?

КАРЛА. Все не так просто, как вы говорите. (*Пауза.*) Я помолвлена... вернее, была помолвлена...

Джастин берет со стола коробку с сигаретами и угощает Карлу сигаретой

ДЖАСТИН. Понятно. Ваш жених обо всем узнал?

¹ «*Набеас Соегрус*» (*лат*) — юридический термин, означающий неприкосновенность личности

КАРЛА. Конечно. Я сама ему рассказала.

ДЖАСТИН. И... гм... отреагировал слишком темпераментно?

КАРЛА. Напротив. Он повел себя просто прекрасно. Сказал, что все это не имеет значения.

ДЖАСТИН. В таком случае, в чем же проблема?

КАРЛА (*пристально глядя на Джастина*). Дело не в том, что человек говорит...

ДЖАСТИН (*помолчав*). Да, понимаю. (*Зажигает Карле сигарету.*) Во всяком случае, мне кажется, что понимаю.

КАРЛА. Сказать можно все что угодно. Важно то, что чувствуешь.

ДЖАСТИН. А может, вы просто придаете чувствам чересчур большое значение?

КАРЛА (*твердо*). Нет.

ДЖАСТИН. Но, послушайте...

КАРЛА. Вот сами — вы женились бы на дочери убийцы? (*Пристально смотрит на Джастина*)

Джастин опускает глаза

(*Тихо.*) Вот видите...

ДЖАСТИН. Вы не дали мне ответить. Конечно, я не хотел бы жениться ни на дочери убийцы, ни на дочери наркомана, и ни на ком подобном. Но, черт побери, если бы я полюбил девушку, мне было бы все равно, чья она дочь! Да хоть самого Джека Потрошителя!¹

КАРЛА. Наверное, для вас это не так важно, как для Джефа. (*Поеживается.*)

ДЖАСТИН. Вам холодно?

КАРЛА. Пожалуй, центральное отопление тут... работает... не в полную силу.

ДЖАСТИН. Пожалуй, оно и вовсе не работает. (*Улыбается.*) Я хочу сказать, центрального отопления у нас вообще нет. Хотите, попрошу растопить камин?

КАРЛА. Нет. Пожалуйста, не надо.

Джастин замечает, что окно приоткрыто, и быстро закрывает его

ДЖАСТИН. Этот мистер... гм... Джеф?..

КАРЛА. Вы его увидите. Если не возражаете, он зайдет за мной. (*Смотрит на свои часы.*) Дьявольщина! Сколько я

¹ Джек Потрошитель — оставшийся неизвестным преступник, совершивший ряд жестоких убийств в Лондоне в конце XIX века

времени потратила! Ведь я пришла не для того, чтобы обсуждать мои отношения с женихом. И не собираюсь этого делать. Во всяком случае, не собиралась. Понимаете, я должна знать правду.

ДЖАСТИН. Я вам только что сказал, что имелись смягчающие обстоятельства. Вашу мать присяжные признали виновной, но решительно высказались за помилование. Приговор был заменен тюремным заключением.

КАРЛА. И она умерла в тюрьме. Три года спустя

ДЖАСТИН. Да.

КАРЛА. В своем письме мама написала, чтобы я не сомневалась в ее невиновности. (*Смотрит на Джастина с вызовом.*)

ДЖАСТИН (*сухо*). Да?

КАРЛА. Вы в нее не верите?

ДЖАСТИН (*тщательно подбирая слова*). Полагаю... любящая мать... хотела сделать все возможное, чтобы обеспечить дочери душевное спокойствие.

КАРЛА. Нет, нет... нет! Она была не такая. Она никогда не обманывала меня.

ДЖАСТИН. Откуда вы знаете? Вам было пять лет, когда вы ее видели последний раз.

КАРЛА (*с жаром*). Я знаю! Мама не обманывала! Даже вынимая мне занозу из пальца, она говорила, что будет больно. И когда водила к зубному врачу... И все такое... Она была не из тех, кто подслащивает пилюли. Она всегда говорила только правду. Раз она сказала, что невиновна, значит, она действительно невиновна! Вы мне не верите, но это так. (*Торопливо достает из сумочки носовой платок и вытирает слезы.*)

ДЖАСТИН. Всегда лучше смотреть правде в глаза.

КАРЛА. Это и есть правда!

ДЖАСТИН (*покачивая головой; спокойно*). Нет, это неправда.

КАРЛА. Почему вы так уверены? Разве присяжные никогда не ошибаются?

ДЖАСТИН. Да, вероятно, немало виновных расхаживает на свободе, потому что их оправдали за недостатком улик. Однако случай с вашей матерью... несомненный.

КАРЛА. Вас там не было. Дело вел ваш отец...

ДЖАСТИН (*перебивая*). Да, мой отец был поверенным защиты.

КАРЛА. Ну и .. он доказывал ее невиновность, не так ли?

ДЖАСТИН (*смущенно*). Да, разумеется. Однако, боюсь, вы не совсем понимаете ..

КАРЛА (*с горечью*). Вы хотите сказать... что он защищал ее, не веря?.. Что это просто работа такая? Но сам он... лично... Что он думал?

ДЖАСТИН (*натянута*). Право, не знаю.

КАРЛА. Знаете. Он считал, что мама виновна. И вы тоже так думаете... Но почему вы так хорошо все помните?

ДЖАСТИН (*смотрит ей прямо в глаза*). Мне было восемнадцать лет... Я только поступил в Оксфорд... и очень увлекался правом. Я бывал в суде каждый день!

КАРЛА. Что вы думали? Расскажите. Я хочу понять.

ДЖАСТИН. Ваша матушка безумно любила вашего отца... но он... он вел себя бесчестно... Поселил в дом любовницу... Унижал, оскорблял вашу мать — миссис Крейл вынесла больше, чем может выдержать женщина. Он довел ее до отчаяния. Постарайтесь понять. Понять и простить.

КАРЛА. Мне нет нужды ее прощать. Она не убивала.

ДЖАСТИН. Тогда, черт побери, кто же убил? Ни у кого другого не было ни малейшего мотива для убийства. Если бы вы прочитали все отчеты по этому делу...

КАРЛА. Я читала. Ходила в архив и прочла о процессе все, до малейших деталей.

Джастин подходит к столу и заглядывает в лежащую на нем папку.

ДЖАСТИН. Ну что же, вот вам факты. Кроме вашей матери и отца, в тот день в доме находилось пять человек: братья Блэйк — Филип и Мередит, — ближайшие друзья вашего отца; четырнадцатилетняя Анджела Уоррен, сводная сестра вашей матери, и ее гувернантка — мисс как-ее-там. Ну и Эльза Грир, любовница вашего отца. Подозревать кого-нибудь из них... не было ни малейшего основания. Кроме того, если бы вы видели...

КАРЛА. Да... продолжайте!

ДЖАСТИН (*с чувством*). Если бы вы видели ее в суде. Мужественная, неизменно вежливая... Она держалась с таким достоинством, но никогда... ни минуты... не боролась. (*Смотрит на Карлу.*) А знаете, вы очень на нее похожи. Как будто это она сейчас тут сидит. Однако есть разница. Вы — боец. (*Смотрит в папку.*)

КАРЛА. Не боролась... Почему?

ДЖАСТИН. Защиту поручили Монтегю Дипличу. Теперь я понимаю: это была ошибка. При всей его безупречной репутации он грешил... театральностью, что ли.

Клиент должен был ему подыгрывать. А ваша мать этого не делала.

КАРЛА. Почему?

ДЖАСТИН. В ответ на его вопросы она говорила все, что нужно, — но так, будто отвечает вызубренный урок. Она не дала старине Монтегю ни малейшего шанса! Наконец он подвел ее к последнему кульминационному вопросу: «Я вас спрашиваю, миссис Крейл, вы убили вашего мужа?» И она ответила: «Нет... э-э... нет, в самом деле я н-не убивала». Это прозвучало так неубедительно!

КАРЛА. А потом?

ДЖАСТИН. Потом настал черед Эспри. Позже он стал генеральным прокурором. Тихий, но смертельно опасный. После театральных фейерверков старины Монти — железная логика Эспри. Он совершенно уничтожил миссис Крейл, стер в порошок. Использовал, дьявол, против нее все, до самой последней мелочи. Я... я с трудом это выдержал.

КАРЛА. Как хорошо вы все помните!

ДЖАСТИН. Да.

КАРЛА. А почему?

ДЖАСТИН. Полагаю...

КАРЛА. Да?

ДЖАСТИН. Я был молод. Впечатлителен.

КАРЛА. Вы влюбились в мою маму.

Джастин, смущенно смеясь, снова садится за стол.

ДЖАСТИН. Что-то в этом роде... Она была так прекрасна... Так беспомощна... и столько перенесла! Я... я готов был умереть за нее. *(Улыбается.)* Романтический возраст... восемнадцать.

КАРЛА *(хмурясь)*. Готовы были умереть... но сочли виновной.

ДЖАСТИН. Да.

Карла наклоняет голову, стараясь скрыть слезы. Входит Тернболл.

ТЕРНБОЛЛ. Здесь мистер Роджерс, сэр. Он спрашивает мисс Ле Маршан. *(Смотрит на Карлу.)*

КАРЛА. Это Джеф. *(Тернболлу.)* Пожалуйста, попросите его подождать.

ТЕРНБОЛЛ. Конечно, мисс Ле Маршан.

Тернболл пристально смотрит на Карлу, затем выходит.

КАРЛА *(глядя ему вслед)*. Он так посмотрел на меня...

ДЖАСТИН. Тернболл присутствовал на процессе вашей матери. Он работает у нас уже около сорока лет.

КАРЛА. Пожалуйста, верните его.

Джастин встает из-за стола и выглядывает в коридор.

ДЖАСТИН. Тернболл!

Входит Тернболл.

ТЕРНБОЛЛ. Да, сэр?

Джастин делает жест в сторону Карлы. Тернболл подходит к ней.

КАРЛА. Мистер Тернболл... Я Карла Крейл. Как я понимаю, вы были на процессе по делу моей матери.

ТЕРНБОЛЛ. Да, мисс Крейл, был. Я... э-э... я сразу понял, кто вы.

КАРЛА. Потому что я так на нее похожа?

ТЕРНБОЛЛ. Я бы сказал — точная копия, если можно так выразиться.

КАРЛА. Скажите... тогда, на суде... Вы думали, что она виновна?

Тернболл вопросительно смотрит на Джастина. Джастин кивает, чтобы тот ответил.

ТЕРНБОЛЛ (*доброжелательно*). Не надо так говорить. Она была славная, добрая леди... но ее довели до крайности. Она не ведала, что творит. Я всегда так думал.

КАРЛА (*с иронией*). Смягчающие обстоятельства.

Джастин садится за стол. Карла переводит взгляд на Тернболла.

ТЕРНБОЛЛ. Да, правильно. Смягчающие обстоятельства. Вот другая дамочка — эта Эльза Грир — просто-напросто потаскуха... простите за выражение. А ваш отец был художник... действительно замечательный художник. Как мне известно, некоторые его картины теперь в галерее Тейта¹. Ну вы же знаете, какие они... эти художники... а эта самая девка, Грир прямо-таки вцепилась в него. А он просто голову потерял. Собирался бросить ради нее и жену, и ребенка... Никогда не вините вашу матушку, мисс Крейл! Даже самую благородную леди можно загнать в угол...

¹ Галерея Тейта — большая картинная галерея в Лондоне. Основана в 1897 году и названа по имени основателя. Богатое собрание картин английских мастеров, начиная с XVI веков, и зарубежных мастеров XIX—XX веков.

ДЖАСТИН. Спасибо, Тернболл.

Тернболл переводит взгляд с Карлы на Джастина и выходит.

КАРЛА. Он думает, как и вы, — она виновна.

ДЖАСТИН. Кроткое создание... доведенное до крайности.

КАРЛА. Да, возможно... пожалуй что так... (*Внезапно, с жаром.*) Нет! Не верю. Никогда не поверю! Вы... вы должны мне помочь.

ДЖАСТИН. В чем?

КАРЛА. Вернуться в прошлое и узнать правду.

ДЖАСТИН. Когда вы эту правду услышите, то все равно не поверите.

КАРЛА. Потому что это... неправда. Кстати, кажется, защита выдвинула версию самоубийства, не так ли?

ДЖАСТИН. Да.

КАРЛА. Возможно, это и было самоубийство. Отец мог почувствовать, что совсем запутался и ему лучше... уйти.

ДЖАСТИН. Да, это было единственно возможное предположение защиты... Но неубедительное. Ваш отец ни в коем случае не стал бы покушаться на свою жизнь.

КАРЛА. А несчастный случай?

ДЖАСТИН. Кониин?¹ Смертельный яд... случайно оказавшийся в стакане с пивом?

КАРЛА. Ну хорошо. В таком случае, возможно, убийца — кто-то другой?

Джастин перелистывает папку на столе — это досье, в нем есть материалы обо всех лицах, так или иначе связанных с этим уголовным делом.

ДЖАСТИН. Кто-то из пятерых человек, бывших тогда в доме. Вряд ли это Эльза Грир. Она совсем вскружила голову вашему отцу. Он собирался развестись с вашей матерью и жениться на ней. Филип Блэйк? Он всегда был предан вашему отцу.

КАРЛА. А если и он тоже был влюблен в Эльзу Грир?

ДЖАСТИН. Сомневаюсь. Мередит Блэйк? Тоже друг вашего отца. Добрейший человек на свете! Невозможно даже вообразить, что он в состоянии убить человека.

КАРЛА. Хорошо-хорошо! Кто еще?

ДЖАСТИН. Анджела Уоррен, четырнадцатилетняя школьница. И гувернантка, мисс как-там-ее...

¹ К о н и и н — сильный яд нервно-паралитического действия. В древности применялся для казни приговоренных к смерти.

КАРЛА. Ну-ка, ну-ка, что там насчет этой мисс Как-там-ее?

ДЖАСТИН. Я понимаю ход вашей мысли. Разочарованная, сентиментальная старая дева тайно влюблена в вашего отца. Но разрешите довести до вашего сведения, что мисс... (*Смотрит в папку.*) Уильямс... Да, мисс Уильямс — женщина совсем другого склада. Сушая бестия, притом весьма волевая и проницательная. Если не верите, повидайтесь с ней сами.

КАРЛА. Именно это я и намерена сделать.

ДЖАСТИН. Что?

КАРЛА. Я собираюсь встретиться со всеми. Я хотела бы, чтобы вы узнали, где они все, и назначили время встречи.

ДЖАСТИН. Зачем?

КАРЛА. Чтобы я могла задать им вопросы. Заставить их вспомнить.

ДЖАСТИН. Что они могут вспомнить через шестнадцать лет?

КАРЛА. Возможно, что-то такое, что не припомнили тогда. Что нельзя было считать уликой... не должно было фигурировать на процессе. Это будет... как лоскутное одеяло — кусочек здесь, клочок там. И, кто знает, быть может, в конце концов из кусочков возникнет какая-то новая картина...

ДЖАСТИН. Боюсь, все это только мечты — а в результате вам только станет еще больнее.

КАРЛА. Моя мать невиновна! Я исхожу из этого. И вы мне поможете.

ДЖАСТИН. Ошибаетесь. Я не стану помогать вам искать ветра в поле.

Карла и Джастин напряженно смотрят друг на друга. Неожиданно входит Джеф Роджерс, за ним — громко протестующий Тернболл. Джеф — высокий, импозантный, самоуверенный мужчина, лет тридцати пяти, предприимчивый и довольно бесцеремонный. Он в пальто, в руке у него шляпа, которую он бросает на бюро.

ДЖЕФ. Извините за вторжение, но от сидения в приемных у меня разыгрывается клаустрофобия¹. (*Карле.*) Для тебя, дорогая, время ничего не значит. (*Джастину.*) Вы и есть мистер Фогг? Рад познакомиться.

Джеф и Джастин обмениваются рукопожатиями

¹ Клаустрофобия (*мед*) — боязнь замкнутого пространства.

ТЕРНБОЛЛ. Прошу прощения, сэр. Я был... э-э... не в состоянии удержать этого... джентльмена.

ДЖЕФ. Забудьте, папаша! *(Хлопает Тернболла по спине.)*

Тернболл вздрагивает и морщится.

ДЖАСТИН. Ничего, Тернболл.

Тернболл выходит.

ДЖЕФ *(кричит вдогонку)*. Не обижайтесь, Тернболл! *(Карле.)* Ну как, Карла, ты, наверное, еще не закончила?

КАРЛА. Напротив. Я пришла только кое-что спросить у мистера Фогга. *(Холодно.)* И он мне ответил.

ДЖАСТИН. Мне очень жаль.

КАРЛА. Хорошо, Джеф, пойдем. *(Встает и направляется к выходу.)*

ДЖЕФ. Минутку, Карла...

Карла останавливается и оборачивается.

Я и сам хотел бы посоветоваться с мистером Фоггом... о своих делах. Ты не возражаешь? Всего несколько минут.

Карла колеблется.

КАРЛА. Хорошо. Пойду успокою мистера Тернболла. Он просто в ужасе от твоего поведения. *(Выходит.)*

ДЖЕФ *(кричит ей вслед)*. Правильно, лапуля! Растолкуй ему, что я неотесанная заморская деревенщина, пусть не обижается! *(Громко хохочет.)* Этот старикан как будто вылез из книжек Диккенса.

ДЖАСТИН *(сухо)*. Входите, мистер... Гм!.. *(Пытается прочитать фамилию Джефа на подкладке внутри его шляпы.)*

ДЖЕФ *(не слушая)*. Я хотел поговорить с вами, мистер Фогг. По поводу того дельца, с матерью Карлы. Это было для нее ударом!

ДЖАСТИН *(хорошо)*. Ничего удивительного.

ДЖЕФ. Прямо-таки шок — вдруг узнать, что твоя мать была... как это?... «преднамеренная отравительница». Меня, скажу я вам, это тоже огорошило.

ДЖАСТИН. В самом деле?

Джеф усаживается на край письменного стола.

ДЖЕФ. Я только-только собрался жениться на славной девушке! Дядя с теткой у нее — милейшие люди, поискать

таких во всем Монреале! Благовоспитанная девица, со средствами — словом, все, что только можно пожелать. И вдруг — как снег на голову!

ДЖАСТИН. Должно быть, это вас очень расстроило.

ДЖЕФ. Еще как!

ДЖАСТИН. Садитесь, мистер... Гм!..

ДЖЕФ. Чего?

ДЖАСТИН (*кивнув в сторону стула*). Садитесь! На стул.

Джеф недоуменно смотрит на стул, потом встает со стола и пересаживается на стул.

ДЖЕФ. Поначалу, прямо скажу, я было подумал пойти на попятный... Знаете, пойдут дети... и все такое.

ДЖАСТИН. Вы верите в наследственность?

ДЖЕФ. Если разводишь скотину, поневоле поверишь. «Однако,— сказал я себе, — девушка-то не виновата. Она славная. Нельзя же ее подводить. Ничего, пробьемся».

Джастин берет сигаретницу и зажигалку и подходит к Джефу

ДЖАСТИН. Скотина, значит.

ДЖЕФ. Ну и... я сказал ей, что все это не имеет значения. (*Вынимает из своего кармана пачку американских сигарет и зажигалку*.)

ДЖАСТИН. А на самом деле, стало быть, имеет?

ДЖЕФ (*вынимая сигарету из пачки*). Нет-нет. Я-то с этим покончил. Но теперь Карле взбрело в голову копать в прошлом, с этим тоже нужно кончать. (*Предлагает Джастину сигареты.*)

ДЖАСТИН. В самом деле? (*Ставит свою шкатулку с сигаретами на стол, отказываясь от предложенной ему сигареты.*) Нет, спасибо.

ДЖЕФ. Она только хуже расстроится. Урезоньте ее потихоньку... но помогать не соглашайтесь. Скажите ей «нет». Ясно?

Джеф прикуривает. Джастин тоже в этот момент щелкает своей зажигалкой, но, увидев зажигалку в руке Джефа, гасит свою и ставит ее на стол

ДЖАСТИН. Ясно.

ДЖЕФ. Конечно... Я понимаю, — наведение справок и все такое — это был бы хороший бизнес для вашей фирмы, и я готов, вы понимаете... заплатить...

ДЖАСТИН. Видите ли, мы — адвокаты, а не частные детективы.

ДЖЕФ. Извините, должно быть, я неудачно выразился.

ДЖАСТИН. Да.

ДЖЕФ. Только хотел сказать... я готов заплатить...
Бросьте вы это дело!

ДЖАСТИН. Извините, мистер... гм!.. Но мисс Ле Маршан — мой клиент.

ДЖЕФ (*поднимаясь*). Ну что ж, если вы действуете в ее интересах, то должны признать, что для нее же лучше не изводить себя зря, копаясь в прошлом. Уговорите ее бросить это дело. Когда мы поженимся, она и думать об этом забудет!

ДЖАСТИН. И вы?

ДЖЕФ. Трудный вопрос. Да, полагаю, могут быть неприятные моменты.

ДЖАСТИН. Скажем, кофе вдруг покажется горьковатым...

ДЖЕФ. Что-то в этом роде.

ДЖАСТИН. И ей тоже будет не очень приятно.

ДЖЕФ (*жизнерадостно*). Ничего не поделаешь! Прошлого не изменить. Рад был познакомиться, Фогг! (*Протягивает руку*).

Джастин мгновение смотрит на руку Джефа, затем берет с письменного стола его шляпу и подает Джефу. Тот берет шляпу и выходит. Джастин поворачивается и открывает окно, потом снимает телефонную трубку

ДЖАСТИН (*в трубку*). Мисс Ле Маршан еще не ушла? Попросите ее зайти. Я ее долго не задержу. (*Кладет трубку.*)

Входит Карла

КАРЛА. Вы что-то хотели сказать?

ДЖАСТИН. Я передумал.

КАРЛА (*удивленно*). Что?

ДЖАСТИН. Видите ли, я передумал. Я договорюсь о вашей встрече с Филипом Блэйком.

Карла улыбается

Вам пора. Не надо заставлять мистера... Гм!.. ждать. Ему это не понравится. Я свяжусь с вами, когда обо всем договорюсь. (*Провожает Карлу к выходу.*)

Карла уходит

Джастин возвращается к письменному столу и снимает телефонную трубку

(*Говорит по телефону*). Соедините меня, пожалуйста, с «Келлуэй, Блэйк и Леверстейн»! Я хотел бы поговорить с мистером Филипом Блэйком лично. (*Кладет трубку*.) Гм! Скотина, значит!

Свет медленно гаснет

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет Филипа Блэйка. Очень элегантный. На резном бюро — два телефона: обычный и внутренний.

За письменным столом сидит Филип Блэйк — видный мужчина лет пятидесяти, с небольшим животиком. Очень самоуверенный. Он курит, читая «Файнэншл таймс»¹, и явно нервничает. Звонит внутренний телефон. Филип нажимает кнопку.

ФИЛИП. Да?

ГОЛОС (*по внутреннему телефону*). Мистер Блэйк, пришла мисс Ле Маршан.

ФИЛИП. Попросите ее войти.

ГОЛОС. Хорошо, мистер Блэйк.

Филип выключает аппарат, хмурится и складывает газету. Затем выходит из-за стола и поворачивается лицом к двери. Входит Карла

ФИЛИП. О Господи!

Филип и Карла мгновение пристально смотрят друг на друга.

Ну и ну! Значит, это и есть Карла! Маленькая Карла! (*С наигранной сердечностью*.) Вам было... сколько?.. Лет пять, когда я видел вас в последний раз?

КАРЛА. Видимо, так. А я вас что-то не припомню...

ФИЛИП. Потому что к детям меня никогда особенно не тянуло. Я не знал, о чем с ними говорить. Садитесь, Карла!

Карла садится в кресло для посетителей

Сигарету?

Карла отказывается.

(*Смотрит на свои часы*.) У меня не очень много времени, но... (*Садится за стол*.)

¹ Ежедневная финансово-экономическая газета консервативного направления.

КАРЛА. Я знаю, вы очень занятой человек. Так любезно с вашей стороны — что вы согласились меня принять.

ФИЛИП. Не стоит благодарности. Вы дочь одного из моих старейших и самых близких друзей. Вы помните вашего отца?

КАРЛА. Не очень хорошо.

ФИЛИП. Вы должны помнить! Эмиаса Крейла забывать нельзя. Однако что все это значит? Этот адвокат... Фогг. Полагаю, он сын старого Эндрю Фогга...

Карла кивает

...Он как-то не очень внятно объяснил, зачем вы хотели со мной увидеться. Полагаю, не только ради того, чтобы навестить старого друга Эмиаса Крейла?

КАРЛА. Нет.

ФИЛИП. Адвокат сказал, что вам лишь недавно стали известны обстоятельства смерти вашего отца. Это так?

КАРЛА. Да.

ФИЛИП. Жаль, право, что вам пришлось это услышать.

КАРЛА. Мистер Блэйк, мое появление напугало вас. Вы воскликнули: «О Господи!» Почему?

ФИЛИП. Видите ли, я...

КАРЛА. Вам показалось, что перед вами моя мать?

ФИЛИП. Сходство поразительное.

КАРЛА. А вы... вы ее недолюбливали?

ФИЛИП. А вы как думаете? Она убила моего лучшего друга.

КАРЛА. Это могло быть самоубийство.

ФИЛИП. Не тешьте себя подобной мыслью. Эмиас никогда бы не покончил с собой. Он слишком любил жизнь.

КАРЛА. Он был художником. У таких людей бывают взлеты и падения.

ФИЛИП. Ваш отец был совсем другой. Ничего мрачного или неврастенического. Конечно, недостатки у него были. Признаю, он волочился за женщинами... Но большинство его увлечений длилось недолго, он всегда возвращался к Кэролайн.

КАРЛА. То-то была для нее радость!

ФИЛИП. Она ведь знала его с двенадцати лет. Мы все выросли вместе.

КАРЛА. Я так мало обо всех вас знаю. Расскажите!

ФИЛИП. Обычно она приезжала в Олдербери по праздникам. Наша семья жила в доме по соседству. Мередит, мой

старший брат, и Эмиас были уже совершеннолетними. А я — на пару лет моложе. У Кэролайн, как известно, своих средств не было. Я был младшим сыном и потому не котировался, а Мередит с Эмиасом были неплохой добычей.

КАРЛА. Вы ее рисуете какой-то холодной и расчетливой!

ФИЛИП. Она такой и была. С виду горячая, импульсивная — а в душе холодный расчет. И злоба... Вы знаете, что она сделала с малышкой, своей сводной сестрой?

КАРЛА. Нет!

ФИЛИП. Когда ее мать снова вышла замуж, то занималась только своей новорожденной дочкой — Анджелой. Кэролайн страшно ревновала! Она пыталась убить младенца.

КАРЛА. О нет!

ФИЛИП. Набросилась на малышку, кажется с ножницами. Ужасно! У ребенка на всю жизнь остался шрам.

КАРЛА. Вы сделали из нее... настоящее чудовище!

ФИЛИП *(пожав плечами)*. Ревность и есть чудовище.

КАРЛА. Вы ее ненавидели... Не правда ли?

ФИЛИП *(вздрыгнув)*. Это, пожалуй, слишком сильно сказано.

КАРЛА. Но это правда.

ФИЛИП. Возможно, это прозвучит чересчур жестко *(встает и присаживается на край стола)*, — но вы, я вижу, явились сюда с убеждением, что ваша мать осуждена невинно. А это вовсе не так! К тому же есть и другая сторона... Ведь Эмиас, дорогая моя, был вашим отцом... И он любил жизнь.

КАРЛА. Это я знаю.

ФИЛИП. Нужно смотреть правде в глаза. Кэролайн была недобрая женщина. *(Пауза.)* Она отравила своего мужа. Забыть этого нельзя — и я никогда не забуду... А ведь я мог бы спасти его...

КАРЛА. Как?

ФИЛИП. У моего брата Мередита странное хобби. Он вечно возился с лекарственными травами, болиголовом, разными микстурами. Кэролайн украла пузырек с одним из его патентованных настоев.

КАРЛА. Почему вы думаете, что это она взяла пузырек?

ФИЛИП. Я это знал совершенно точно. И, дурак, не действовал сразу, а ждал случая поговорить с Мередитом. Ума не приложу, почему я не сообразил, что Кэролайн ждать не будет? Она украла яд, чтобы им воспользоваться... Господи, да она воспользовалась им при первой возможности!

КАРЛА. Как вы можете утверждать, что именно она взяла яд?

ФИЛИП. Дорогая моя, да она сама призналась в этом! Сказала, будто взяла яд, чтобы покончить с собой.

КАРЛА. Может быть, так оно и было?

ФИЛИП. Вы так полагаете? Ну-ну! Только почему-то она этого не сделала.

Карла молча качает головой

(Встает; деланно-спокойно.) Не хотите ли хереса? *(Достает из бара бутылку хереса и бокал.)* Очевидно, я вас расстроил? *(Наливает херес в бокал.)*

КАРЛА. Я должна знать все.

ФИЛИП *(подает бокал Карле)*. Во время судебного процесса ваша мать у многих вызывала сочувствие. Должен признать, что Эмиас поступил скверно, поселив в Олдерберри эту девушку. И она вела себя довольно грубо и даже оскорбительно по отношению к Кэролайн.

КАРЛА. Вам она нравилась?

ФИЛИП. Юная Эльза? Не особенно. *(Достает из бара бутылку виски и стакан.)* Не в моем вкусе, хотя чертовски привлекательна! Настоящая хищница. Хватка мертвая! *(Наливает себе виски.)* По-моему, она подходила Эмиасу больше, чем Кэролайн.

КАРЛА. Разве мои родители не были счастливы друг с другом?

ФИЛИП *(со смешком)*. Они никогда не переставали ссориться! Семейная жизнь Эмиаса была бы сплошным, нескончаемым адом, если бы не живопись. *(Доливает содовой в свой стакан.)*

КАРЛА. Где он повстречал эту Эльзу?

ФИЛИП. На какой-то вечеринке в Челси...¹ Явился ко мне и сказал, что встретил замечательную девушку. Совершенно, говорит, не похожа ни на одну из тех, с кем он прежде встречался. Надо сказать, подобные заявления я слышал от него довольно часто. Он влюблялся стремительно, а уже через месяц, стоило вам упомянуть эту особу, он смотрел на вас в полном недоумении — о ком, черт побери, вы толкуете! Но с Эльзой было иначе. *(Поднимает свой стакан.)* Удачи вам, дорогая!

Карла отпивает глоток хереса

¹ Челси — фешенебельный район в западной части Лондона, известен как район художников.

КАРЛА. Она теперь замужем, не так ли?

ФИЛИП. У нее было три мужа. Сначала летчик-испытатель. Он разбился. Потом какой-то путешественник. Этот парень ей просто надоел. Сейчас она замужем за старым лордом Мелкшэмом, поэтом-мистиком. Думаю, он тоже ей уже наскучил. *(Пьет.)*

КАРЛА. Интересно, мой отец тоже ей бы надоел?

ФИЛИП. Кто знает?

КАРЛА. Я должна с ней встретиться.

ФИЛИП. Значит, не хотите оставить все как есть?

КАРЛА. Нет. Я должна понять.

ФИЛИП. Вы решительны и непреклонны, не так ли?

КАРЛА. Да. Я боец. Мама им не была...

Слышен сигнал внутреннего телефона.

ФИЛИП. Кто вам сказал? Ваша матушка умела бороться, как никто! *(Нажимает кнопку аппарата.)* Да?

ГОЛОС. Мистер Блэйк, пришел мистер Фостер.

ФИЛИП. Скажите, что я его не задержу.

ГОЛОС. Да, сэр.

КАРЛА. Неужели? Но... она ведь совсем не боролась за себя во время судебного процесса!

ФИЛИП. Нет.

КАРЛА. Почему?

ФИЛИП. Ну раз она знала, что виновна... *(Встает.)*

КАРЛА. Она не была виновна!

ФИЛИП. Вы упрямы! После всего, что я вам сказал...

КАРЛА. Вы все еще ее ненавидите! Хотя она уже давно умерла. Почему?

ФИЛИП. Я объяснил вам...

КАРЛА. Истинная причина не в этом. Есть что-то еще.

ФИЛИП. Сомневаюсь...

КАРЛА. Вы ненавидите ее... За что? Я должна узнать. До свидания, мистер Блэйк. Благодарю вас.

ФИЛИП. До свидания.

Карла направляется к двери и выходит, оставив ее открытой.

(В тревоге смотрит ей вслед. Затем закрывает дверь, садится за письменный стол и нажимает кнопку внутреннего телефона.) Попросите мистера Фостера зайти.

ГОЛОС. Да, сэр.

Филип откидывается на спинку кресла и берет свой стакан с виски.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Гостиная в номере отеля, занимаемом Карлой. В глубине комнаты — дверь в небольшой холл, где виден подзеркальный столик и ряд вешалок.

Когда загорается свет, Джастин стоит у кресла и укладывает папки в свой портфель. Его пальто лежит на диване. В холл входит Карла, снимает перчатки и вешает пальто

КАРЛА. Как я рада, что вы здесь!

ДЖАСТИН (*приятно удивлен*). В самом деле? (*Кладет портфель на кресло и проходит вправо.*) Мередит придет в три.

КАРЛА. Хорошо! А леди Мелкшэм?

ДЖАСТИН. Она не ответила на мое письмо.

КАРЛА. Может быть, она уехала?

ДЖАСТИН. Нет, я наводил справки. Она дома.

КАРЛА. Очевидно, решила нас с вами проигнорировать.

ДЖАСТИН. Не думаю. Она обязательно придет.

КАРЛА. Почему вы так в этом уверены?

ДЖАСТИН. Видите ли, женщины обычно...

КАРЛА (*не без озорства*). Понятно... У вас есть опыт в этой области!

ДЖАСТИН (*сухо*). Чисто профессиональный.

КАРЛА. И... что вам говорит чисто профессиональный опыт?..

ДЖАСТИН. Обычно женщины не в силах совладать со своим любопытством.

Карла видит пальто Джастина на диване, подходит и берет его
в руки

КАРЛА. Вы мне нравитесь... С вами я чувствую себя увереннее. (*Несет пальто к вешалке в холле.*)

Звонит телефон

(*Бросает пальто Джастину, подходит к столику и берет трубку.*) Алло!

Джастин сам идет и вешает свое пальто в холле

Пожалуйста, попросите его подняться! (*Кладет трубку.*) Это Мередит Блэйк. Он похож на своего отвратительного брата?

ДЖАСТИН. Характер у него совсем другой. Я вот что хотел спросить: вам это действительно нужно — чувствовать себя увереннее?

КАРЛА. Что?!

ДЖАСТИН. Вы только что сказали, будто со мной чувствуете себя увереннее. Вот я и спрашиваю: вам что, не хватает уверенности?

КАРЛА. Иногда. Я не имела никакого представления о том, во что ввязываюсь.

ДЖАСТИН. Я этого опасался.

КАРЛА. Еще можно... бросить все... вернуться в Канаду... забыть... Правда?

ДЖАСТИН (*поспешно*). Нет! Нет... Не теперь. Теперь уже нельзя останавливаться.

КАРЛА. Раньше вы советовали другое.

ДЖАСТИН. Тогда вы еще ничего не успели начать.

КАРЛА. Ведь вы считаете, что моя мать виновна, не так ли?

ДЖАСТИН. Другой версии не вижу.

КАРЛА. И все-таки советуете мне продолжать начатое?

ДЖАСТИН. Я хочу, чтобы вы довели дело до конца, — пока не будете уверены, что сделали все, что можно.

Слышен стук в дверь. Карла и Джастин встают. Карла идет к входной двери и открывает ее. Входит Мередит Блэйк — симпатичный, несколько рассеянный пожилой мужчина, с густыми седыми волосами. Производит впечатление человека нерешительного и не приспособленного к жизни. На нем твидовый костюм, пальто, шляпа и кашне.

МЕРЕДИТ. Карла! Карла, деточка моя! (*Берет ее за руки.*) Как летит время! Разрешите? (*Целует ее.*) Просто невероятно, что маленькая девочка, которую я знал, превратилась в юную леди. И так похожи на свою матушку! Подумать только!

КАРЛА (*слегка смущена; показывая на Джастина*). Вы знакомы с мистером Фоггом?

МЕРЕДИТ. Ну и ну! Подумать только! Что? (*К Джасти-ну.*) Да-да, я, кажется, знал вашего отца, верно?

ДЖАСТИН (*подходит к Мереду*). Да, сэр. (*Пожимают друг другу руки.*) Разрешите ваше пальто?

МЕРЕДИТ (*растегивая пальто; к Карле*). А теперь... расскажите мне о себе. Вы из Штатов?..

Джастин берет шляпу Мередита.

Благодарю вас... Ах, из Канады! Надолго?

КАРЛА. Еще не знаю... пока.

Джастин удивленно смотрит на Карлу.

МЕРЕДИТ. Но вы определенно решили обосноваться за границей?

КАРЛА. Видите ли... я собираюсь замуж.

МЕРЕДИТ (*снимая пальто*). О! За канадца?

КАРЛА. Да.

Мерedit даст свое пальто и кашне Джастину

МЕРЕДИТ. Ну что же! Надеюсь, дорогая, что он прекрасный человек и достоин вас.

КАРЛА. Я тоже на это надеюсь. (*Приглашает Мерeditа сесть в кресло.*)

Мерedit идет к креслу, видит там портфель Джастина, садится в кресло и ставит портфель себе на колени.

МЕРЕДИТ. Я буду очень рад вашему счастью. А как порадовалась бы ваша матушка!

КАРЛА (*сидя на диван*). Вы знаете, что мама оставила для меня письмо, в котором утверждает, что она не виновна?

МЕРЕДИТ. Ваша матушка написала так?

КАРЛА. Вас это удивляет?

Джастин, видя, что Мерedit не знает, что ему делать с портфелем, пытается забрать его

МЕРЕДИТ. Видите ли, я бы не подумал, что Кэро... (*Отдает портфель Джастину.*)

Джастин ставит портфель на стол

Не знаю... Полагаю... она думала... вас это немного утешит...

КАРЛА. А вам не кажется, что это возможно, правда?

МЕРЕДИТ. Ну да... разумеется. Если она писала это, чувствуя, что умирает... Тогда есть основания полагать... это должно быть правдой... Не так ли? (*Смотрит на Джастина.*)

КАРЛА. Какой же вы врунишка!

МЕРЕДИТ. Карла!

Карла идет в холл и берет свою сумочку

КАРЛА. О, понимаю, вы так сказали из добрых побуждений, но добротой делу не поможешь. Я хочу, чтобы вы мне все рассказали. (*Входит в комнату и принимается рыться в сумочке.*)

МЕРЕДИТ. Вам известны факты... *(К Джастину.)* Не так ли?

ДЖАСТИН. Да, сэр.

МЕРЕДИТ. Повторять их... будет для вас болезненно и абсолютно бесполезно. Оставьте все как есть. Вы молоды, красивы... Собираетесь замуж. Только это имеет значение.

Джастин смотрит на Карлу, и догадавшись, что она ищет, достает свой портсигар и предлагает ей. Мередит вынимает из жилетного кармана табакерку.

ДЖАСТИН *(Карле)*. Вы не это искали?

МЕРЕДИТ *(протягивает Карле табакерку)*. Возьмите шепотку... Хотя... нет, не думаю, чтобы вы... но я... *(Протягивает табакерку Джастину.)* Не желаете?

Джастин отказывается. Карла берет сигарету у Джастина. Он тоже берет сигарету.

КАРЛА. Я расспрашивала вашего брата Филипа.

Джастин достает зажигалку, он и Карла закуривают.

МЕРЕДИТ. О-о!.. Филип! Ну от него вы много не узнаете. Филип — занятой человек... Он так занят бизнесом, что ни на что другое его просто не хватает. Если он что и помнит, то расскажет все наоборот. *(Берет понюшку.)*

КАРЛА. Тогда расскажите вы!

МЕРЕДИТ. Видите ли, прежде всего... вы должны понять вашего отца.

КАРЛА. У него были связи с другими женщинами, и он сделал мою мать несчастной.

МЕРЕДИТ. Ну... э-э-э... да... *(Нюхает табак)*. Но все эти связи ничего не значили, а когда появилась Эльза...

КАРЛА. Отец писал ее портрет?

МЕРЕДИТ. Да. Подумать только!.. *(Нюхает табак.)* Я и сейчас ее вижу. Она позировала на террасе. Темные... э-э... шорты и желтая блузка. «Портрет девушки в желтой блузке»... Так он собирался назвать... Это одно из лучших полотен Эмиаса.

КАРЛА. А где теперь эта картина?

МЕРЕДИТ. У меня. Я купил ее вместе с мебелью. Дом я тоже купил. Олдербери граничит с моим имением. Душеприказчики все продали и вырученную сумму взяли для вас под опеку. Вы, полагаю, и сами это знаете.

КАРЛА. Я не знала, что дом купили вы.

МЕРЕДИТ. Да, купил. Он сдается Молодежной Туристической Ассоциации. Но одно крыло я сохраняю нетронутым. Большую часть мебели я продал...

КАРЛА. Но картину оставили. Почему?

МЕРЕДИТ. Я же вам сказал — это лучшая работа Эмиаса. Подумать только!.. После моей смерти картина перейдет государству...

Карла пристально смотрит на Мередита.

Ну что же, я попытаюсь рассказать. Эмиас привел Эльзу в свой дом... под тем предлогом, что пишет ее портрет. Эльза ненавидела притворство. Она... она была безумно влюблена в Эмиаса и хотела тут же все рассказать Кэролайн. Эльза оказалась в ложном положении... Я... я ее понимал.

КАРЛА. Вы ей симпатизировали!

МЕРЕДИТ. Ничуть! Все мои симпатии были на стороне Кэролайн. Я всегда... любил Кэролайн. Я сделал ей предложение... но она вышла замуж за Эмиаса. О! Я могу это понять... Он был незаурядной личностью и очень нравился женщинам... Но он не заботился о ней так, как это делал бы я... Я остался ее другом.

КАРЛА. И все-таки вы поверили, что она совершила убийство?

МЕРЕДИТ. Она не сознавала, что делает. Произошла ужасная сцена... Она была крайне возбуждена...

КАРЛА. Да, продолжайте, пожалуйста!

МЕРЕДИТ. В тот самый день она взяла кониин у меня из лаборатории. Но, клянусь, у нее тогда не было мысли об убийстве... Она хотела... покончить с собой.

КАРЛА. Однако, как сказал ваш брат Филип, «почему-то этого не сделала».

МЕРЕДИТ. Наступило утро, а утром все видится не столь мрачно. К тому же в доме была такая суеда: Анджелу собирали в пансион. Анджела Уоррен — сводная сестра Кэролайн. Суший дьяволенок! Вечно с кем-нибудь ссорилась или строила пакости. Она постоянно воевала с Эмиасом — но он очень любил ее... Ну а Кэролайн ее просто обожала.

КАРЛА (*перебивает*). После того, как попыталась убить?

МЕРЕДИТ. Мне всегда казалось, что всю эту историю чересчур раздули. Большинство старших детей ревнует родителей к новорожденным младенцам.

КАРЛА. Моего отца нашли мертвым... после ленча, не так ли?

МЕРЕДИТ. Да. Мы оставили его на террасе у мольберта. Он часто пропускал ленч. А когда мы вернулись... возле него валялся стакан, в котором Кэролайн принесла ему пиво. Пустой. Я думаю, яд начал действовать еще до того, как мы ушли. Никакой боли... просто постепенно наступает паралич... Когда мы вернулись после ленча... он был уже мертв. Слово какой-то кошмар!

КАРЛА. Кошмар...

МЕРЕДИТ. Извините, деточка! Я не хотел говорить вам об этом. *(Смотрит на Джастина.)*

КАРЛА. Если бы я могла побывать там... где все случилось! Это возможно?

МЕРЕДИТ. Конечно, деточка моя. Вам стоит только сказать...

КАРЛА. Если бы мы отправились туда... все. *(Смотрит на Джастина.)*

МЕРЕДИТ. Что вы имеете в виду? Кто это — все?

КАРЛА. Ваш брат Филип и вы, гувернантка и Анджела Уоррен и... даже Эльза.

МЕРЕДИТ. Не думаю, что Эльза согласится. Она, знаете ли, замужем.

КАРЛА. И, как я слышала, не в первый раз!

МЕРЕДИТ. Она очень изменилась. Филип как-то видел ее в театре.

КАРЛА. Ничто не вечно. Вы любили мою мать... но это тоже прошло, не так ли?

МЕРЕДИТ. Простите?

КАРЛА. Все оказывается совсем не так, как я предполагала. По-моему, я в тупике.

Джастин встает.

Если бы побывать в Олдербери...

МЕРЕДИТ. Добро пожаловать, дитя мое. В любое время. А теперь, боюсь, я должен...

Карла, задумавшись, смотрит прямо перед собой.

ДЖАСТИН *(идет в холл)*. Я возьму ваше пальто, сэр. *(Видит, что Карла в глубокой задумчивости.)* Карла вам очень благодарна, сэр. *(Берет пальто, кашине и шляпу Мередита с вешалки.)*

КАРЛА *(очнувшись)*. О да! Да, я очень благодарна за то, что вы пришли.

Мерedit проходит в холл. Джастин подает ему пальто.

МЕРЕДИТ. Знаете, Карла, чем больше я обо всем этом думаю...

КАРЛА. Да?

МЕРЕДИТ. Вполне возможно, знаете ли, что Эмиас покончил с собой. Может быть, он чувствовал свою вину и раскаивался больше, чем мы думали. *(С надеждой смотрит на Карлу.)*

КАРЛА *(недоверчиво)*. Любопытная мысль.

МЕРЕДИТ. Да... До свидания, деточка.

КАРЛА. До свидания.

МЕРЕДИТ. До свидания, мистер Фогг.

ДЖАСТИН. До свидания, сэр.

Мерedit уходит. Джастин закрывает за ним дверь и возвращается в комнату.

КАРЛА. Итак?..

ДЖАСТИН. Итак...

КАРЛА. Какой недотепа!

ДЖАСТИН. Довольно славный недотепа... и очень добрый!

Звонит телефон.

КАРЛА. Он сам не верит тому, что говорит. *(Снимает трубку телефона.)* Зачем тогда говорить? *(В трубку.)* Алло!.. Да. Понимаю. *(Кладет трубку.)* Она не придет.

ДЖАСТИН. Леди Мелкшэм?

КАРЛА. Да. Помешали непредвиденные обстоятельства.

ДЖАСТИН. Не беспокойтесь, мы что-нибудь придумаем.

КАРЛА. Я должна с ней встретиться. Она была в центре всех событий.

ДЖАСТИН. Вы собирались выпить чаю с мисс Уильямс, не так ли?

КАРЛА. Да.

ДЖАСТИН. Хотите, чтобы я пошел с вами?

КАРЛА. Нет. В этом нет никакой надобности.

ДЖАСТИН. Завтра утренней почтой может прийти письмо от Анджелы Уоррен. Если разрешите, я вам позвоню.

КАРЛА. Пожалуйста.

ДЖАСТИН *(помолчав)*. Каким, однако, глупцом был ваш отец!

Карла внимательно смотрит на него.

Не распознать и не ценить того, чем обладал!

КАРЛА. Что вы имеете в виду?

ДЖАСТИН. Эльза Грир была заурядная смазливая нахалка — броская красота, грубая чувственность, примитивное идолопоклонство.

КАРЛА. Идолопоклонство?

ДЖАСТИН. Конечно. Стала бы она помогать любви вашего отца, не будь он известным художником? Посмотрите на всех ее мужей! Эльзу привлекала только известность, слава! На самого человека она никогда не обращала внимания. Но Кэролайн... Она могла бы разглядеть душевные достоинства... *(замолкает, и на его лице появляется застенчивая мальчишеская улыбка)* даже в адвокате.

Карла смотрит на него с любопытством

КАРЛА. По-моему, вы все еще влюблены в мою мать

ДЖАСТИН. О нет! Я, знаете ли, шагаю в ногу со временем

Карла приятно удивлена и тоже улыбается

До свидания.

Джастин выходит Карла смотрит ему вслед Звонит телефон Карла снимает трубку Темнеет наступают сумерки

КАРЛА *(в трубку)*. Алло! Да.. О, не стоит об этом, Джеф... *(Берет телефонный аппарат и садится в кресло, поджав под себя ногу.)* Может быть, это и глупая трата времени, но это мое время, и если я .. *(Поправляет шов на чулке.)* Что?.. Что касается Джастина, то ты ошибаешься. Он верный друг, чего не скажешь о тебе... Хорошо! Ах, по-моему, это я затеваю ссору... Нет, я вовсе не хочу пообедать с тобой... Я никуда не пойду с тобой обедать.

Входит Эльза Мелкшэм, тихонько прикрывает за собой дверь и останавливается в холле, глядя на Карлу Эльза высокая, статная, она тщательно накрашена, в броском наряде.

Да, Джеф, в настоящий момент, с моей точки зрения, твои акции довольно низкие. *(Бросает трубку и ставит телефонный аппарат на стол.)*

ЭЛЬЗА. Мисс Ле Маршан. . или следовало бы сказать... мисс Крейл?

Карла удивленно оборачивается

КАРЛА. Вы все-таки пришли?

ЭЛЬЗА. Я и собиралась прийти. Просто ждала, пока уйдет ваш адвокат.

КАРЛА. Вы не любите адвокатов? -

ЭЛЬЗА. Предпочитаю иногда поговорить с женщиной с глазу на глаз. Давайте включим свет. (*Зажигает бра, потом проходит на середину комнаты и пристально смотрит на Карлу.*) Вы не очень похожи на маленькую девочку, которую я помню.

КАРЛА. Я похожа на свою мать.

ЭЛЬЗА (*холодно*). Да. Не сказать, что этот факт располагает в вашу пользу. Ваша мать была одной из самых отвратительных женщин, каких я знала.

КАРЛА (*с жаром*). Не сомневаюсь, что она то же думала о вас.

ЭЛЬЗА (*улыбаясь*). О да, чувство было взаимным. Беда Кэролайн заключалась в том, что она не умела проигрывать.

КАРЛА. Вы ожидали другого?

ЭЛЬЗА (*с той же улыбкой*). Знаете, пожалуй, действительно ожидала. Я была настолько молода и наивна, что просто не представляла себе, как можно цепляться за мужчину, которому ты не нужна. Меня поражало ее поведение. Но мне и в голову прийти не могло, что она скорее убьет Эмиаса, чем отдаст его мне.

КАРЛА. Она его не убивала.

ЭЛЬЗА (*равнодушно*). Она убила его. Это правда. Отравила почти у меня на глазах... Яд был в стакане пива со льдом. И я никогда не думала... не догадывалась... (*С чувством.*) Тогда мне казалось, я никогда не смогу забыть... что боль останется навсегда. А потом... все прошло.. прошло... вот так! (*Щелкает пальцами.*)

КАРЛА. Сколько вам тогда было?

ЭЛЬЗА. Девятнадцать. Но я не была наивной девочкой, которую соблазнил Эмиас Крейл. Нет, все было совсем иначе. Я встретила его на какой-то вечеринке, и он мне сразу понравился. Я почувствовала, что он — единственный мужчина во всем мире, который мне нужен. (*Улыбается.*) Думаю, он чувствовал то же самое.

КАРЛА. Очевидно.

ЭЛЬЗА. Я попросила, чтобы он меня нарисовал. Он сказал, что не пишет портретов. Тогда я напомнила ему про портрет танцовщицы Марны Вадаз. Он ответил, что это особый случай. Я знала, что у него был с ней роман, и сказала, что все равно хочу, чтобы он меня нарисовал. «Вы знаете, что случится? — спросил он. — Вы станете моей любовницей.» «А почему бы и нет?» — ответила я. Тогда он говорит: «Я женатый человек и люблю свою жену». А я ему в

ответ: «Раз все решено, когда я начну позировать?» Он взял меня за плечи, повернул к свету и стал внимательно разглядывать. Потом сказал: «Я часто подумывал о том, чтобы нарисовать стаю разноцветных австралийских попугаев, которые опускаются на собор Святого Павла. Я нарисую вас на фоне традиционного английского пейзажа. Думаю, эффект будет тот же». Так что все решилось сразу же.

КАРЛА. И вы отправились в Олдербери.

ЭЛЬЗА. Да. Кэролайн была очаровательна. Она, знаете ли, умела быть такой, если хотела. Эмиас держался осмот- рительно. *(Улыбается.)* Никогда не говорил ничего такого, что не должна была слышать его жена. Я вела себя вежливо и корректно. Хотя мы обе знали... *(Замолкает.)*

КАРЛА. Продолжайте!

ЭЛЬЗА *(упершись руками в бока)*. Через десять дней Эмиас сказал, чтобы я вернулась в Лондон.

КАРЛА. Да?

ЭЛЬЗА. Я удивилась: картина не закончена! «Она едва начата,— ответил Эмиас.— Но я не могу писать твой портрет, Эльза!» Я спросила почему, и он ответил, что я прекрасно знаю «почему» и должна уехать.

КАРЛА. Значит, вы вернулись в Лондон?

ЭЛЬЗА. Да, я уехала. Я ему не писала. И не отвечала на его письма. Он держался неделю. А потом — приехал. Я сказала, что это судьба, и бороться против нее — бессмыс- ленно. Он сказал: «Ты, по-моему, не очень-то боролась! Верно, Эльза?» А я ответила, что и не собиралась бороться. Это было чудесно, больше чем счастье. Даже страшно... Если бы мы только держались подальше... если бы мы не вернулись...

КАРЛА. Почему же вы все-таки вернулись?

ЭЛЬЗА. Из-за картины. Она не давала Эмиасу покоя. *(Садится на диван.)* Но на этот раз все было иначе. Кэролайн догадалась. Я хотела сразу сказать, чтобы все было честно. Эмиас рассердился: «К черту честность! Я пишу картину!»

Карла смеется

Почему вы смеетесь?

КАРЛА *(встает и поворачивается к окну)*. Я знаю, что он чувствовал.

ЭЛЬЗА *(сердито)*. Откуда вы можете знать?

КАРЛА. Наверное, потому, что я его дочь.

ЭЛЬЗА. Дочь Эмиаса.

КАРЛА. Я только сейчас начала это сознавать. Раньше как-то не задумывалась. Я приехала в Лондон, потому что хотела узнать, что произошло шестнадцать лет назад. И я узнаю. Узнаю людей... какие они, что они тогда чувствовали... И постепенно все оживает.

ЭЛЬЗА (*с горечью*). Хотелось бы, чтобы так.

КАРЛА. Мой отец... вы... Филип Блэйк... Мередит Блэйк. Осталось еще двое. Анджела Уоррен...

ЭЛЬЗА (*перебивая*). Анджела? О да! Она довольно известна. Одна из этих неустрашимых дам, что путешествуют по разным труднодоступным уголкам, а потом пишут об этом книжки. Тогда она была просто надоедливым подростком.

КАРЛА. Что она чувствовала, когда все случилось?

ЭЛЬЗА (*без всякого интереса*). Не знаю. По-моему, ее быстро куда-то спроводили. Кэролайн полагала, что это убийство может сильно травмировать юную душу. Уж не знаю, почему Кэролайн так боялась травмировать ее душу — сама же раньше травмировала ей лицо. Я сразу, едва услышав эту историю, должна была бы понять, на что способна Кэролайн. А потом, когда я видела, как она брала яд ..

КАРЛА (*поспешно*). Вы видели?

ЭЛЬЗА. Да. Мередит ждал нас, чтобы закрыть лабораторию. Кэролайн задержалась. Я оглянулась и увидела, что она стоит перед полкой и держит в руке маленький пузырек. Конечно, она могла просто смотреть на него. Откуда мне было знать?

КАРЛА. Но вы что-то заподозрили?

ЭЛЬЗА. Я подумала, что она берет его для себя.

КАРЛА. Чтобы покончить с собой? И вам это было безразлично?

ЭЛЬЗА (*спокойно*). На мой взгляд, это был бы лучший выход.

КАРЛА. О нет!..

ЭЛЬЗА. Их брак с Эмиасом не заладился с самого начала... Если бы она действительно так сильно любила Эмиаса, то должна была дать ему развод. Денег хватало... и она, наверное, вышла бы замуж за кого-нибудь другого, более подходящего.

КАРЛА. Как легко вы распоряжаетесь судьбами других! Мередит Блэйк приглашает меня в Олдербери. Я бы хотела, чтобы там собрались все. Вы не приедете?

ЭЛЬЗА (*с недоумением и в то же время с интересом*). Приехать в Олдербери?

КАРЛА. Мне хотелось бы повторить все на месте. Как будто это происходит снова.

ЭЛЬЗА. Происходит снова...

КАРЛА (*с любезной улыбкой*). Если вам это не причинит боли...

ЭЛЬЗА. Существует нечто худшее, чем боль... (*Резко.*) Забыть — вот что ужасно! Это все равно, что умереть самой... (*Со злостью.*) Вы... сидите тут... такая чертовски юная и невинная... Что вы понимаете в любви? Я любила Эмиаса! (*С жаром.*) Он был полон жизни, энергии... Настоящий мужчина! И она — ваша мать! — погубила его... (*Встает.*) Убила, чтобы он не достался мне. И ее даже не повесили! (*Замолкает. Затем обычным тоном.*) Я приеду в Олдербери. И приму участие в вашем цирке. Филип, Мередит, Анджела Уоррен... все четверо.

КАРЛА. Пятеро.

ЭЛЬЗА. Пятеро?

КАРЛА. Была еще гувернантка.

ЭЛЬЗА. О да! Гувернантка. Очень осуждала меня и Эмиаса. И была предана Кэролайн.

КАРЛА. Предана моей маме... Она все мне расскажет. Я увижусь с ней после нашей с вами встречи.

ЭЛЬЗА. Не передадите вашему другу-законнику, чтобы мне позвонил?

Эльза выходит. Карла закрывает за ней дверь и проходит на середину комнаты

КАРЛА. Гувернантка. Ага!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Скромная комнатка мисс Уильямс в мансарде. Покрытые стены, в глубине горит газовый камин, рядом с ним в розетку включен электрический чайник. В старомодном кресле, завернувшись в шаль, сидит мисс Уильямс, женщина лет шестидесяти, — рассудительная, спокойная. Карла, в коричневом платье, сидит на диване и рассматривает фотографии в альбоме

КАРЛА. А я вас помню! Воспоминания возвращаются. Мне казалось, я все забыла.

МИСС УИЛЬЯМС. Вам было только пять лет.

КАРЛА. Вы были и моей гувернанткой?

МИСС УИЛЬЯМС. Нет. Я вами не занималась. Мне было поручено воспитание Анджелы. Вот и чайник закипел! *(Встает и заваривает чай.)* Вам удобно, моя дорогая?

КАРЛА. Очень. Благодарю вас.

МИСС УИЛЬЯМС *(показывая фотографию в альбоме)*. Это Анджела... Когда был сделан этот снимок, вы были совсем крошкой.

КАРЛА. Какая она была?

МИСС УИЛЬЯМС. Одна из интереснейших учениц, с какими когда-либо мне доводилось работать. Недисциплинированная, но на редкость способная. Она заняла первое место в Самервилле¹. Может быть, вы читали ее книгу о наскальной живописи в Газелпе?

КАРЛА. Гм...

МИСС УИЛЬЯМС. Книга имела большой успех. Да, я очень горжусь Анджелой. *(Ставит заварочный чайник на поднос.)* Теперь пусть немного настоится, верно?

КАРЛА *(откладывает альбом на диван)*. Мисс Уильямс, вы знаете, почему я пришла?

МИСС УИЛЬЯМС. В общем — да. Вам стали известны подробности трагедии, оборвавшей жизнь вашего отца, и вы хотите получить об этом более полную информацию.

КАРЛА. Очевидно, вы, как и все остальные, полагаете, что ворошить прошлое незачем?

МИСС УИЛЬЯМС. Отнюдь нет. Совершенно естественно, что вам хочется во всем разобраться. Только поняв произошедшее, вы сможете его забыть.

КАРЛА. Вы мне все расскажете?

МИСС УИЛЬЯМС. Я отвечу на любой ваш вопрос и сообщу все, что мне известно. Гм! Где же моя скамеечка для ног? Где-то ведь была. *(Поворачивает кресло, осматривается.)*

КАРЛА *(поднимается с дивана и вытаскивает скамеечку для ног из-под кресла)*. Вот она!

МИСС УИЛЬЯМС. Благодарю вас, милая. *(Удобно устраивается в кресле и ставит ноги на скамеечку.)* Люблю, чтобы ноги были повыше.

КАРЛА. Прежде всего мне хотелось бы услышать о моих родителях... Какими они вам запомнились.

МИСС УИЛЬЯМС. Вам, конечно, известно, что ваш отец считался признанным художником. Разумеется, не мне судить, но я не была в восторге от его картин. Рисунок, на мой взгляд, неточен, а краски — чересчур кричащие, я

¹ Самервилл — женский колледж Оксфордского университета, основан в 1879 году.

никогда не понимала, почему так называемая «артистическая натура» может служить оправданием человеку, когда тот нарушает общепринятые нормы поведения. Ваша матушка из-за этого так настрадалась!

КАРЛА. Ей это было безразлично?

МИСС УИЛЬЯМС. В высшей степени. Мистер Крейл не был верным мужем. Она мирилась с его изменами и прощала его... но не принимала их безропотно. Она протестовала... и очень энергично.

КАРЛА. Вы хотите сказать, что их жизнь была настоящим адом?

МИСС УИЛЬЯМС (*спокойно*). Я бы так не сказала. (*Встает и подходит к столу.*) Да, они часто ссорились, ваша матушка всегда сохраняла достоинство, виноват бывал ваш отец. (*Разливает чай.*)

КАРЛА. Всегда?

МИСС УИЛЬЯМС (*твердо*). Всегда. Я очень любила миссис Крейл. И мне ее было очень жаль. Ей пришлось немало выстрадать. Будь я на месте миссис Крейл, я бы давно его оставила. Женщина не должна подвергаться такому унижению.

КАРЛА. Вы не любили моего отца?

МИСС УИЛЬЯМС (*сдержанно*). Мне он не нравился... очень не нравился.

КАРЛА. Но на самом деле... он любил мою мать?

МИСС УИЛЬЯМС. Я уверена, что он ее любил... Но эти мужчины! (*Пренебрежительно фыркнув, берет чашку чая и подает ее Карле.*)

КАРЛА (*лукаво*). Вы не очень-то высокого мнения о мужчинах?

МИСС УИЛЬЯМС (*патетически*). Мужчинам в этом мире по-прежнему принадлежит все лучшее. Надеюсь, так будет не всегда! (*Протягивает Карле сахарницу.*) Сахару?

КАРЛА. Спасибо. Я пью без сахара. И вот появляется Эльза Грир...

МИСС УИЛЬЯМС (*с отвращением*). Да. Под тем предлогом, что ваш отец пишет ее портрет. Работа шла медленно. (*Ходит по комнате.*) Естественно — ведь у них и без портрета было чем заняться. Всем было очевидно, что мистер Крейл влюбился в девчонку по уши — а она, разумеется, и не попыталась его урезонить. (*Презрительно хмыкнув, садится в кресло.*)

КАРЛА. Какое у вас сложилось мнение о ней?

МИСС УИЛЬЯМС. Красивая, но глупенькая. Кое-какое образование, пожалуй, у нее имелось, но я ни разу не

видела, чтобы она взяла в руки книгу, и с ней невозможно было побеседовать ни на какую мало-мальски интеллектуальную тему. На уме только собственная внешность... и, разумеется, мужчины.

КАРЛА. Продолжайте, пожалуйста!

МИСС УИЛЬЯМС. Наконец мисс Грир уехала в Лондон, и мы были очень этому рады. Но когда уехал мистер Крейл, я знала — так же, как и миссис Крейл, — что он уехал за ней. Они явились вместе. Она продолжала позировать, и мы все понимали, что это значит. Поведение ее стало невероятно дерзким, дело дошло до безобразных, циничных заявлений — что-де она сделает в Олдербери, когда станет там хозяйкой.

КАРЛА (*в ужасе*). О нет!

МИСС УИЛЬЯМС. Да-да-да! В этот момент вошел мистер Крейл, и тут миссис Крейл прямо спросила, правда ли, что он собирается жениться на Эльзе. Мистер Крейл — высокий, статный мужчина — смотрел на жену, как провинившийся школьник. (*Встает, подходит к столу, ставит на него свою чашку, берет тарелку с печеньем и подходит к Карле.*) Во мне все прямо кипело! Я бы убила его на месте! Возьмите печенья, это «Пик Фрин».

КАРЛА (*берет печенье*). Благодарю вас. А что мама?

МИСС УИЛЬЯМС. По-моему, просто вышла из комнаты. Я... я пыталась ей что-то сказать, но она меня остановила. «Давайте вести себя как ни в чем не бывало», — сказала она. В тот день всех пригласили к мистеру Мередиту Блэйку на чашку чаю. Помню, перед уходом миссис Крейл вернулась, поцеловала меня и сказала: «Вы такое утешение для меня!» (*Голос мисс Уильямс дрожит.*)

КАРЛА (*ласково*). Я уверена, что так и было.

МИСС УИЛЬЯМС. Карла, никогда не осуждайте мать за то, что она совершила. Вы, ее дочь, должны понять и простить.

КАРЛА. Значит, даже вы считаете, что она это сделала.

МИСС УИЛЬЯМС. Я это знаю.

КАРЛА. Она сама вам сказала?

МИСС УИЛЬЯМС. Конечно нет.

КАРЛА. Что она говорила?

МИСС УИЛЬЯМС. Пыталась убедить меня, что это было самоубийство.

КАРЛА. Вы... ей не поверили?

МИСС УИЛЬЯМС. Я сказала: «Конечно, миссис Крейл, должно быть, это было самоубийство».

КАРЛА. Но сами вы не верили в то, что говорили.

МИСС УИЛЬЯМС. Вы должны понять, Карла, — я очень сочувствовала вашей матери. Я была целиком на ее стороне... не на стороне полиции. (*Садится в кресло.*)

КАРЛА. Но убийство... Когда ей предъявили обвинение, вам хотелось, чтобы ее оправдали?

МИСС УИЛЬЯМС. Безусловно.

КАРЛА. Под любым предлогом?

МИСС УИЛЬЯМС. Под любым предлогом.

КАРЛА. Но если она вообще была невиновна!

МИСС УИЛЬЯМС. Нет.

КАРЛА. Была! Она была невиновна!

МИСС УИЛЬЯМС. Увы, моя дорогая, — нет!

КАРЛА. Да... Да! Она мне написала. В предсмертном письме. Написала, что я могу быть в этом уверена!

Напряженная тишина.

МИСС УИЛЬЯМС (*тихо*). Это было нехорошо... очень нехорошо с ее стороны. Написать ложь... и в такой момент. Никогда бы не подумала, что Кэролайн способна на что-либо подобное. Она была правдивой женщиной.

КАРЛА (*поднимаясь*). А если это правда?

МИСС УИЛЬЯМС (*решительно*). Нет.

КАРЛА. Вы не можете сказать наверняка. Не можете!

МИСС УИЛЬЯМС. Могу. Из всех людей, связанных с этой трагедией, я одна знаю наверняка, что Кэролайн Крейл виновна. Я кое-что видела... только скрыла от полиции. И никому об этом не говорила. Но вы, Карла, должны мне поверить: ваша матушка была виновна... Не хотите ли еще чаю, моя дорогая? Мы с вами выпьем еще по чашечке, не правда ли? Иногда в этой комнате настолько холодно!

Вид у Карлы встревоженный и озадаченный.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Ресторанный столик в нише, изящно украшенной в восточном стиле, за ним — Карла и Анджела Уоррен, высокая, явно незаурядная женщина лет тридцати, в простом элегантном костюме и шляпке мужского стиля. На левой щеке у нее не очень заметный шрам.

АНДЖЕЛА. Ну что же, Карла, теперь я готова поговорить. Мне было бы очень жаль, если бы вы уехали в Канаду, так и не повидавшись со мной.

Обе закуривают.

Мне хотелось встретиться раньше, но до завтрашнего отплытия нужно было переделать тысячу дел!

КАРЛА. Это мне знакомо. Значит, вы отправляетесь морем?

АНДЖЕЛА. Да, так удобнее, ведь приходится везти с собой оборудование.

КАРЛА. Я вам говорила, что виделась с мисс Уильямс?

АНДЖЕЛА (*улыбнувшись*). Мисс Уильямс!.. Что за жизнь я ей устраивала! Лазила по деревьям, отлынивала от уроков, изводила всех окружающих... Конечно, я жутко ревновала!

КАРЛА (*удивленно*). Ревновали?

АНДЖЕЛА. Да... к Эмиасу. Видите ли, я привыкла, что занимаю в жизни Кэролайн первое место, и просто бесилась, когда она уделяла ему внимание. Чего только я не вытворяла! Подливала ему в пиво... Как это называется? Мерзкая такая штука! Кажется, валериана... А однажды засунула ему в постель ежа. (*Смеется.*) Должно быть, я была просто несносна! Они правильно сделали, что отослали меня в школу. Хотя тогда я была просто в ярости!

КАРЛА. Что вы помните?

АНДЖЕЛА. Из того, что случилось? Очень мало. Был ленч... Кэролайн и мисс Уильямс вышли в садовую комнату... потом мы все туда вошли... и Эмиас был мертв. Звонили по телефону... Я слышала, как где-то, по-моему на террасе, кричала Эльза... на Кэролайн... Я слонялась, путаясь у всех под ногами.

КАРЛА. Не могу понять, почему я ничего не помню. В конце концов, мне было уже пять лет. В таком возрасте можно, думаю, хоть что-нибудь запомнить.

АНДЖЕЛА. Вас там не было. За неделю до этого вас отправили погостить к вашей крестной, старой леди Торп.

КАРЛА. Ах, вот оно что!

АНДЖЕЛА. Потом мисс Уильямс увела меня в комнату Кэролайн. Она лежала там... бледная, ей было очень плохо. Я испугалась. Она сказала, что мне не нужно думать об этом... Что я должна поехать в Лондон к сестре мисс Уильямс, а потом, как было решено раньше, — в школу в Цюрих. Я крикнула, что не хочу оставлять ее. Но тут вмешалась мисс Уильямс и в своей непрекрасно-авторитарной манере заявила: (*Передразнивает мисс Уильямс.*) «Ты лучше всего поможешь своей сестре, если сделаешь так, как она хочет. И без всяких фокусов!» (*Отпивает бренди.*)

КАРЛА (*улыбнувшись*). Пожалуй, в мисс Уильямс и правда есть что-то такое, что невольно заставляет ей повиноваться.

АНДЖЕЛА. Полицейские задавали мне какие-то вопросы, но я никак не могла понять, что им нужно. Я думала, что произошел какой-то несчастный случай, что Эмиас выпил яд по ошибке. Я была уже за границей, когда арестовали Кэролайн. От меня это скрывали так долго, как только могли. Кэролайн не разрешила мне навестить ее в тюрьме. Она сделала все, чтобы не впутывать меня в эту историю. И это так похоже на Кэролайн! Она всегда старалась защитить меня от всего мира.

КАРЛА. Должно быть, она вас очень любила.

АНДЖЕЛА. Дело не в этом. (*Притрагивается к шраму*.) Вот причина.

КАРЛА. Вы были тогда грудной малышкой!

АНДЖЕЛА. Да. Значит, вы слышали об этом. Такое случается... Старший ребенок безумно ревнует к младшему и, бывает, что-нибудь натворит. Для такого чувствительного человека, как Кэролайн, этого хватило, — ужас от содеянного не покидал ее всю жизнь! И вся ее жизнь была попыткой искупить этот поступок. И для меня, конечно, это было очень плохо.

КАРЛА. Вы когда-нибудь испытывали мстительное чувство?

АНДЖЕЛА. По отношению к Кэролайн? За то, что она испортила мою так называемую красоту? Да у меня ее никогда не было, так что портить было нечего. Нет, мне и мысли такой не приходило.

Карла достает из своей сумочки письмо и протягивает его Анджеле.

КАРЛА. Она оставила для меня письмо. Мне хотелось бы, чтобы вы его прочитали.

Пауза. Анджела читает письмо.

Я не знаю, что и думать. Похоже, каждый видел Кэролайн по-своему.

АНДЖЕЛА. В ее характере действительно было много противоречивого. (*Переворачивает страницу и читает вслух*.) Хочу, чтобы ты знала, что я не убивала твоего отца». Хорошо, что она это написала. Вы могли бы сомневаться. (*Складывает письмо и кладет его на стол*.)

КАРЛА. Вы хотите сказать... Вы верите, что она не виновна?

АНДЖЕЛА. Конечно верю. Тот, кто по-настоящему знал Кэролайн, ни на минуту не мог бы допустить, что она виновна.

КАРЛА. Но они считают иначе!.. Все... кроме вас.

АНДЖЕЛА. Очень глупо с их стороны. Да, улики были против Кэролайн и полностью ее изобличали, но любой, кто знал Кэролайн, понимал, что она не в состоянии совершить убийство. Это просто не в ее характере.

КАРЛА. А как же?..

АНДЖЕЛА (*показывая на свой шрам*). Это? Как бы вам объяснить. (*Гасит сигарету.*) После того случая Кэролайн держала себя в узде. По-моему, она решила, что если вложит всю свою ярость в слова, то на поступки ее уже не хватит. Она могла, например, воскликнуть: «Я бы разрезала этого типа на куски и сварила в масле!» Или сказать Эмиасу: «Если так будет продолжаться, я тебя убью». У них с Эмиасом были совершенно фантастические ссоры! Они говорили друг другу ужасные, оскорбительные вещи... И обоим это нравилось!

КАРЛА. Им нравилось ссориться?

АНДЖЕЛА. Да! Вот такая супружеская пара. Постоянные ссоры и примирения, очевидно, вносили в их жизнь разнообразие.

КАРЛА (*со вздохом облегчения*). В вашем рассказе все выглядит совсем по-другому! (*Прячет письмо в сумку.*)

АНДЖЕЛА. Если бы я могла тогда дать показания! Впрочем, то, что я сказала бы, все равно не сочли бы доказательством. Но вам, Карла, незачем беспокоиться. Возвращайтесь в Канаду и можете не сомневаться: Кэролайн не убивала Эмиаса.

КАРЛА. Но тогда... кто же это сделал?

АНДЖЕЛА. Это имеет значение?

КАРЛА. Конечно.

АНДЖЕЛА (*жестко*). Должно быть. . несчастный случай Вас это удовлетворяет?

КАРЛА. Нет.

АНДЖЕЛА. Почему?

Карла не отвечает

Мужчина?

КАРЛА. Да, мужчина.

АНДЖЕЛА. Вы помолвлены?

КАРЛА (*смущенно*). Не знаю.

АНДЖЕЛА. Для него это имеет значение?

КАРЛА (*хмуро*). Он очень великодушен.

АНДЖЕЛА. Чертовски скверно! Я бы за такого не вышла.

КАРЛА. Я не уверена, что хочу за него выйти.

АНДЖЕЛА. Есть другой? (*Зажигает сигарету Карлы.*)

КАРЛА (*раздраженно*). Обязательно должен быть какой-нибудь мужчина?

АНДЖЕЛА. Кажется, обычно бывает так. Но я предпочитаю наскальную живопись.

КАРЛА. Завтра я еду в Олдербери, чтобы собрать там всех, кто был связан с этой трагедией. Хорошо бы и вы приехали.

АНДЖЕЛА. Ну я-то не приеду. Завтра я отплываю.

КАРЛА. Хочется прожить все самой... Как будто я — это моя мать. Почему она не отстаивала свою правоту? Почему так жалко выглядела во время процесса?

АНДЖЕЛА. Я не знаю.

КАРЛА. Это не было похоже на нее, не так ли?

АНДЖЕЛА (*медленно*). Нет, это не было на нее похоже.

КАРЛА. Должно быть, это сделал кто-то из четверых.

АНДЖЕЛА. Вы настойчивы, Карла!

КАРЛА. В конце концов я узнаю правду!

АНДЖЕЛА. Я почти уверена, что так и будет. (*Пауза.*) Я еду с вами в Олдербери.

КАРЛА (*радостно*). Правда? Но ведь завтра отплывает ваш корабль.

АНДЖЕЛА. Ну что же, полечу самолетом. Послушайте, вы уверены, что не хотите больше бренди? А я, пожалуй, выпью. Если смогу завладеть его вниманием... (*Зовет.*) Официант!

КАРЛА. Я так рада, что вы поедете!

АНДЖЕЛА (*мрачно*). В самом деле? Не питайте слишком радужных надежд. Шестнадцать лет... Это большой срок.

Действие второе

Олдербери, загородный дом на западе Англии.

Сцена представляет собой часть дома. Справа — садовая комната, слева терраса с каменной скамьей, между ними — высокая двустворчатая застекленная дверь. Дверь в глубине комнаты ведет в холл, дверь в дальнем конце террасы — в другие комнаты дома, а увитая виноградом пергола за террасой — в сад. Возле двери в холл на небольшом столике — телефон и вырезанная из дерева голова. Над столиком висит портрет

Эльзы, написанный Эмиасом.

Когда занавес раздвигается, комната на сцене погружена в темноту, а терраса залита лунным светом. Перевернутая козетка стоит на диване, на всю мебель наброшены простыни от пыли. Стеклопанная дверь задернута портьерами.

КАРЛА. *(за сценой)*. А теперь куда?

МЕРЕДИТ *(за сценой)*. Сюда, пожалуйста. Осторожно, здесь небольшая ступенька. *(Слышно, как он споткнулся.)* Я всегда тут падаю.

ДЖАСТИН *(за сценой; споткнувшись)*. Господи! Дверь оставить открытой?

МЕРЕДИТ *(за сценой)*. Мало что на свете производит такое гнетущее впечатление, как нежилой дом... Я приношу свои извинения.

Мерedit входит из холла; комната освещается. Он в пальто и надвинутой на лоб старой рыбацкой шапочке. За ним следует Карла в пальто и Джастин в шляпе-котелке.

Это так называемая садовая комната. Холодно, как в морге! И выглядит примерно так же, не правда ли? *(Смеется и потирает руки, чтобы согреться.)* Хотя скажу, что когда-либо приходилось... гм!.. Сейчас я это сниму. *(Подходит к дивану и снимает простыни.)*

ДЖАСТИН. Позвольте я вам помогу. *(Берет простыню из рук Мерeditа.)*

Карла подходит к креслу, сдергивает простыню и подает ее Джастину.

МЕРЕДИТ *(извиняющимся тоном)*. Видите ли, эта часть дома была закрыта с тех пор, как... *(Замолкает. Видит стоящую на диване перевернутую козетку.)* О-о! Старый друг! *(Снимает ее с дивана и держит в руках.)* Погодите-ка, она, кажется, стояла где-то здесь... *(Ставит козетку посередине комнаты.)* Грустно как-то! Раньше здесь кипела жизнь, а теперь все мертво.

Карла садится на козетку и смотрит на портрет.

КАРЛА. Это та самая картина?

МЕРЕДИТ. Что? Да. «Девушка в желтой блузке».

КАРЛА. Вы оставили ее здесь?

МЕРЕДИТ. Да. Я... как-то не мог смотреть на нее. Она слишком много напоминала... *(Отворачивается, идет к застекленной двери и отдергивает шторы.)*

КАРЛА. Как она изменилась!

МЕРЕДИТ *(оборачиваясь)*. Вы ее видели?

КАРЛА. Да.

МЕРЕДИТ. Я не видел ее много лет.

КАРЛА. Она все еще красива. Но не так, как на портрете.

Здесь она полна жизни... Такая торжествующая... и юная. *(Глубоко вздыхает и смотрит прямо перед собой.)* Чудесный портрет!

МЕРЕДИТ. Да... А там *(показывает рукой)* он ее рисовал... вон там, на террасе. Гм!.. Я унесу это *(забирает у Джастина простыни)*... хоть в соседнюю комнату.

Мерedit выходит. Карла встает, открывает застекленную дверь и выходит на террасу. Джастин смотрит ей вслед, затем идет за ней.

КАРЛА. Джастин, вы тоже находите мой план безумным? Джеф считает меня сумасшедшей.

ДЖАСТИН. Я бы не стал из-за этого огорчаться.

В комнату входит Мерedit и выглядывает на террасу.

КАРЛА *(сидя на каменную скамью)*. Я и не беспокоюсь.

МЕРЕДИТ. Пожалуй, пойду встречу остальных *(Выходит.)*

КАРЛА. Скажите, а вы понимаете, что я хочу?

ДЖАСТИН. Вы хотите мысленно воссоздать то, что произошло здесь шестнадцать лет назад. Хотите, чтобы все свидетели, каждый в свою очередь, описал сцену, в которой принимал участие. Многие из того, что они припомнят, может оказаться несущественным и не стоящим внимания, но вам нужно получить как можно более полное представление. Но воспоминания всегда неточны, и в описаниях одной и той же сцены разными свидетелями происходившего, несомненно, будут расхождения.

КАРЛА. Это как раз может помочь!

ДЖАСТИН. Возможно... но не очень-то на это рассчитывайте. Один и тот же факт разные люди воспринимают по-разному.

КАРЛА. Я хочу увидеть все, как бы своими глазами. Вообразить живыми и мать, и отца... *(Внезапно замолкает.)* Знаете, по-моему, отец был интересным и очень забавным человеком...

ДЖАСТИН. Что?

КАРЛА. Мне кажется, он бы мне понравился.

ДЖАСТИН *(сухо)*. Женщинам он обычно нравился.

КАРЛА. Странно... Мне почему-то стало жалко Эльзу. На этой картине она такая юная и живая.. а теперь... по-моему, в ней не осталось жизни. Я думаю, в ней что-то умерло со смертью моего отца.

ДЖАСТИН *(сидится рядом на каменную скамью)*. Вам она видится Джульеттой?

КАРЛА. А вам нет?

ДЖАСТИН. Нет. *(Улыбаясь.)* Я на стороне вашей матери.

КАРЛА. Вы так преданны, — пожалуй, даже слишком!

Джастин внимательно смотрит на нее.

ДЖАСТИН. Я не очень понимаю, о чем мы с вами говорим.

КАРЛА. Перейдем к делу. Ваша роль заключается в том, чтобы внимательно следить за противоречиями и ошибками... Понадобится весь ваш профессионализм и проникательность.

ДЖАСТИН. Слушаюсь, мэм!

Слышны голоса прибывших и приветствия Мередита.

Вот и они! *(Встает.)*

КАРЛА. Пойду встречу.

Карла возвращается в комнату и выходит. Свет постепенно гаснет. Джастин проходит влево. Прожектор освещает только его лицо.

ДЖАСТИН. Итак, все готовы? Я еще раз повторю, зачем мы здесь собрались. Мы хотим по возможности воскресить события шестнадцатилетней давности. Для этого мы попросим каждого из вас вспомнить и воссоздать те эпизоды, в которых вам привелось участвовать. Таким образом перед нами возникнет живая, непрерывная цепь событий. Начнем со второй половины дня шестнадцатого августа — за сутки до трагедии — с беседы, имевшей место между мистером Мередитом Блэйком и Кэролайн Крейл здесь, в садовой комнате. В это время Эльза Грир позировала на террасе Эмиасу Крейлу, который писал ее портрет. Затем перейдем к свидетельству самой Эльзы Грир, появлению Филипа Блэйка и так далее. Готовы начать, мистер Мередит Блэйк?

Прожектор гаснет. В темноте слышен голос Мередита.

МЕРЕДИТ. Вы сказали — шестнадцатое августа. Да-да, именно так. Я приехал в Олдербери. Заехал по дороге во Фрэмли-Эбботт — узнать, не нужно ли позднее подвезти кого-нибудь из них... Они собирались ко мне на чашку чаю. Когда я открыл дверь в садовую комнату, Кэролайн в саду срезала розы...

Вспыхивает свет. Великолепный яркий летний день. Кэролайн Крейл в перчатках для работы в саду стоит у стеклянных дверей, глядя на

террасу; в руке у нее корзинка с розами. Эльза Грир позирует, сидя на каменной скамье. На ней желтая блузка и черные шорты. Эмиас Крейл пишет Эльзу, сидя на скамеечке перед мольбертом. На земле перед ним — ящик с красками. Эмиас — высокий статный мужчина, на нем старая рубашка и испачканные краской брюки. Рядом с ним на столике-тележке стоят стаканы и бутылки с разными напитками, в том числе бутылка пива в ведерке со льдом. В комнате на том месте, где был портрет Эльзы, висит пейзаж. Входит Мередит.

МЕРЕДИТ. Привет, Кэролайн!

КЭРОЛАЙН *(обернувшись)*. Мерри! *(Ставит на козетку корзинку с розами, снимает перчатки и кладет их в корзинку.)*

МЕРЕДИТ. Как продвигается картина? *(Выглядывает на террасу.)* Поза очень удачна. *(Берет из корзинки розу.)* Что тут у нас? «Эна Харкнесс»? *(Нюхает розу.)* Какая красота! Подумать только!

КЭРОЛАЙН. Как тебе кажется, Мерри, Эмиас в самом деле равнодушен к этой девушке?

МЕРЕДИТ. Нет-нет! Его интересует только живопись. Ты же знаешь Эмиаса.

КЭРОЛАЙН. На этот раз мне страшно, Мерри. Знаешь, мне почти тридцать... Мы уже шесть лет как женаты. А она такая хорошенькая — куда мне до нее!

МЕРЕДИТ. Что за чепуха, Кэролайн! Ты ведь знаешь, что Эмиас тебе предан... и всегда будет...

КЭРОЛАЙН. Разве в мужчине можно быть уверенной!

МЕРЕДИТ. Я всегда был предан тебе, Кэролайн!

КЭРОЛАЙН. Милый Мерри! *(Гладит его по щеке.)* Ты такой славный! А ее я бы прямо растерзала! Она не церемонится — самым хладнокровным образом отбивает у меня мужа!

МЕРЕДИТ. Милая Кэролайн, это дитя, скорее всего, не ведает, что творит! Она восхищается Эмиасом, боготворит его и, по всей вероятности, даже не подозревает, что он может в нее влюбиться.

Кэролайн смотрит на него с сожалением.

КЭРОЛАЙН. Бывают же еще такие чудачки, которые верят в небылицы!

МЕРЕДИТ. Я тебя не понимаю.

КЭРОЛАЙН. Ты, Мерри, живешь в своем собственном чудесном мире, где все люди такие же славные, как и ты сам! *(Любуется розами, с удовольствием.)* Моя «Эритина Кристо Галли» цветет в этом году просто чудесно! *(Выходит на террасу.)*

Мередит следует за ней.

Пойдем, посмотришь на нее, прежде чем ехать во Фрэмлин-Эбботт. *(Проходит к перголе.)*

МЕРЕДИТ. Подожди, еще увидишь мою «Такому Грандифлору». Вот где великолепиие!

КЭРОЛАЙН *(прикладывает палец к губам, подавая знак Мередиту)*. Ш-ш!

МЕРЕДИТ. Что? *(Смотрит через одну из арок перголы на Эльзу и Эмиаса.)* О, понимаю! Мастер за работой!

Кэролайн и Мередит уходят в сад.

ЭЛЬЗА *(потягиваясь)*. Мне нужно передохнуть.

ЭМИАС. Нет-нет! Подожди. Вот еще... О-о, ну ладно, нужно так нужно!

Эльза встает.

(Берет сигарету и закуривает.) Ты можешь хоть пять минут посидеть спокойно?

ЭЛЬЗА. Пять минут?! Прошло полчаса! Все равно все придется менять.

ЭМИАС. Менять? Менять?

ЭЛЬЗА. Этот костюм. Переодеваться. *(Подходит к Эмиасу и становится за его спиной.)* Мы приглашены на чашку чаю. Разве ты не помнишь? К Мередиту Блэйку.

ЭМИАС. Черт побери! Вот досада! Вечно что-нибудь...

ЭЛЬЗА *(приникая к Эмиасу и охватывая руками его шею)*. Не очень-то ты общителен!

ЭМИАС *(поднимая лицо и глядя на нее)*. У меня простые запросы. *(С иронией.)* Банка краски, кисть и рядом ты... девица, которая и пяти минут не может посидеть спокойно...

Оба смеются. Эльза выхватывает сигарету Эмиаса и выпрямляется.

ЭЛЬЗА *(затягиваясь)*. Ты подумал о том, что я тебе говорила?

ЭМИАС *(продолжая работать)*. А что ты говорила?

ЭЛЬЗА. О Кэролайн. Надо рассказать ей о нас с тобой.

ЭМИАС. О, на твоём месте я пока не стал бы забивать себе этим голову.

ЭЛЬЗА. Но, Эмиас...

Через террасу проходит Кэролайн.

КЭРОЛАЙН. Мерри поехал во Фрэмли-Эбботт, но потом заглянет сюда. Пойду переоденусь.

ЭМИАС (*не глядя на нее*). Да ты и так выглядишь нормально.

КЭРОЛАЙН. Надо руки привести в порядок, я работала в саду. Вы собираетесь переодеваться, Эльза?

Эльза возвращает сигарету Эмиасу

ЭЛЬЗА (*вызывающе*). Собираюсь.

В комнату входит Филип

КЭРОЛАЙН. Филип! На этот раз поезд, судя по всему, не опоздал.

С террасы входит Эльза

(*Обращаясь к Эльзе*.) Это Филип, брат Мередита, — мисс Грир.

ЭЛЬЗА. Привет! Я пошла переодеваться.

Эльза выходит

КЭРОЛАЙН. Как доехал, Филип? Благополучно? (*Целует его*.)

ФИЛИП. Ничего. Как вы тут?

КЭРОЛАЙН. О!.. Хорошо. Эмиас там, на террасе. Извини, я должна привести себя в порядок. Мы приглашены на чай к Мередиту.

Кэролайн выходит, Филип проходит на террасу

ЭМИАС (*поднимая голову и улыбаясь*). Привет, Фил! Рад тебя видеть. Чудесное лето! Давно такого не было.

ФИЛИП (*подходит к Эмиасу*). Можно взглянуть?

ЭМИАС. Да. Я уже заканчиваю.

ФИЛИП (*глядя на картину*). Здорово!

ЭМИАС. Нравится? Хотя какой из тебя судья! Ты старый филистимлянин.

ФИЛИП. Я довольно часто покупаю картины.

ЭМИАС. Способ вложить деньги? И довольно выгодно? Потому что кто-то сказал, будто «Икс» или «Игрек» подает надежды и пойдет в гору? Знаю я тебя, старый мошенник! Во всяком случае, эту ты не купишь! Не продается.

ФИЛИП. Хороша, ничего не скажешь!

ЭМИАС (*глядя на портрет*). Это точно. (*Внезапно делается серьезным*.) Иногда кажется, лучше бы я ее никогда не встречал.

ФИЛИП. Помнишь, что ты сказал, когда начал писать этот портрет? «Никакого личного интереса!» А помнишь, что я ответил? *(Ухмыляется.)* «Расскажи своей бабушке!»

ЭМИАС *(одновременно с Филипом)*. «Расскажи своей бабушке!» Ладно-ладно!.. Ты был прав. Старая ты бесчувственная рыба! *(Встает, идет к столику-тележке, берет из ведерка со льдом бутылку пива и открывает ее.)* Почему бы тебе самому не завести подружку? *(Наливает себе пива.)*

ФИЛИП. У меня на них нет времени. *(Закуривает сигарету.)* На твоем месте, Эмиас, я бы с ними больше не связывался.

ЭМИАС. Хорошо тебе говорить. А я без них просто пропаду!

ФИЛИП. А как же Кэролайн? Возмущена?

ЭМИАС. А ты как думаешь? *(Берет свой стакан с пивом, подходит к скамье и садится.)* Слава Богу, хоть ты появился! Жизнь в этом доме с четырьмя женщинами хоть кого доведет до сумасшествия...

ФИЛИП. С четырьмя?

ЭМИАС *(не слушая)*. Кэролайн и Эльза постоянно подсовывают друг дружке шпильки: Кэролайн — изысканно-вежливо, а Эльза — напрямик, без церемоний. Анджела люто меня ненавидит, потому что мне удалось наконец уговорить Кэролайн отослать ее в школу. Анджеле следовало бы давно спровадить. Вообще-то она славный ребенок, но Кэролайн балует ее, и девчонка совсем распустилась. На прошлой неделе подсунула мне в постель ежа.

Филип смеется

О да, очень забавно... пока не прочувствуешь чертовы колючки на собственных пятках... И наконец, последняя капля — гувернантка! Ненавидит меня всеми фибрами души! Сидит за столом с поджатыми губами и прямо-таки источает осуждение!

МИСС УИЛЬЯМС *(за сценой)*. Анджела, пойдй переоденься.

АНДЖЕЛА *(за сценой)*. Зачем? Я и так нормально одета!

ФИЛИП. Похоже, они довели тебя.

МИСС УИЛЬЯМС *(за сценой)*. Нет, не нормально. В этих джинсах нельзя идти в гости к мистеру Мередиту Блэйку.

ЭМИАС. Nil desperandum!¹ *(Пьет.)*

¹ Никогда не следует впадать в отчаяние *(лат.)*.

АНДЖЕЛА *(вбегая)*. Мерри все равно, в чем я буду!
(Подбегает к Филипу и тянет его, заставляя встать)
Привет, Филип!

На террасе появляется мисс Уильямс

МИСС УИЛЬЯМС. Добрый день, мистер Блэйк. Надеюсь, вы добрались к нам из Лондона благополучно?

ФИЛИП. В высшей степени. Благодарю вас.

АНДЖЕЛА *(подходя слева к Эмиасу)*. У тебя на ухе краска.

ЭМИАС *(рукой, вымазанной в краске, трет другое ухо)* А так?

АНДЖЕЛА *(в восторге)*. Теперь у тебя оба уха в краске! Ты не можешь в таком виде идти в гости!

ЭМИАС. Если захочу, то пойду хоть с ослиными ушами

АНДЖЕЛА *(подходит к Эмиасу сзади, обхватывает его руками за шею и смеется)*. Эмиас — осел! Эмиас — осел!

ЭМИАС *(нараспев)*. Эмиас — осел!

МИСС УИЛЬЯМС. Пойдем, Анджела

Анджела перескакивает через скамью и подбегает к мольберту

АНДЖЕЛА. И картина твоя — глупая! *(Мстительно.)* Вот возьму и напишу красной краской — «Эмиас — осел!» *(Наклоняется, хватая кисть и начинает тереть ею красную краску на палитре.)*

Эмиас поспешно встает, ставит стакан на скамью, подбегает к Анджеле и хватает ее за руку, прежде чем она успевает испортить картину

ЭМИАС. Если ты когда-нибудь притронешься хоть к одной моей картине... *(Серьезно.)* Я тебя убью. Запомни это. *(Берет тряпку и вытирает кисть.)*

АНДЖЕЛА. Ты совсем как Кэролайн... Она вечно кричит: «Я тебя убью!» ...но никогда этого не делает. Да куда ей! Она даже осу убить не может! *(Мрачно.)* Хоть бы ты скорее дорисовал Эльзу... чтоб она наконец уехала.

ФИЛИП. Она тебе не нравится?

АНДЖЕЛА *(раздраженно)* Нет По-моему, с ней такая скукота! Понять не могу, зачем Эмиас здесь ее держит

Филип и Эмиас переглядываются Эмиас идет к Анджеле

Наверное, она тебе платит кучу денег за то, что ты ее рисуешь?

ЭМИАС *(обняв Анджелу рукой за плечи, поворачивает ее к двери)* Иди пакуй вещички. Поезд завтра в четыре пятнад-

цать — скатертью дорожка! *(Шутя подталкивает ее, затем отворачивается.)*

Анджела ударяет Эмиаса по спине. Тот оборачивается и падает на скамью. Анджела принимается колотить его кулаками по груди.

АНДЖЕЛА. Ненавижу тебя... ненавижу! Если бы не ты, Кэролайн никогда не отправила бы меня в школу!

ФИЛИП. Осторожно... пиво! *(Подходит к скамье, берет стакан с пивом и ставит на столик-тележку.)*

АНДЖЕЛА. Захотел от меня избавиться! погоди... я с тобой повоюю... Я покажу!.. Я...

МИСС УИЛЬЯМС *(строго)*. Анджела, пойдем!

АНДЖЕЛА *(зло и чуть не плача)*. О-о, ладно, иду! *(Бежит в комнату.)*

Мисс Уильямс следует за ней. В это время из холла в комнату входит Эльза. Она в платье и выглядит восхитительно. Анджела, злобно глянув на нее, убегает. За ней уходит мисс Уильямс.

ЭМИАС. Уф! Почему ты меня не защищал? Вот как меня измолотили! Досиня!

ФИЛИП *(прислонившись к арке перголы)*. Не только досиня! На тебе все цвета радуги.

Эльза выходит на террасу, идет к мольберту.

На тебе столько краски, что... *(При виде Эльзы замолкает.)*

ЭМИАС. Привет, Эльза! Принарядилась? Ты окончательно сразишь старину Мерри.

ФИЛИП *(сухо)*. Да.. Я.. Я все люблюсь картиной. *(Проходит к мольберту и смотрит на портрет.)*

ЭЛЬЗА. Скорее бы он ее закончил. Терпеть не могу сидеть не двигаясь. Эмиас ворчит, раздражается, грызет кисти и не слышит, что ему говорят.

ЭМИАС. Всем натурщицам следовало бы отрезать языки.

Эльза подходит и садится рядом с Эмиасом на скамью.

(Оценивающе смотрит на нее.) Все равно не дойдешь в таких туфельках к Мерри — там идти через поле!

ЭЛЬЗА *(кокетливо поворачиваясь из стороны в сторону и постукивая туфлей о туфлю)*. А мне незачем идти через поле *(С напускной скромностью)*. Он заедет за мной на машине.

ЭМИАС. Знак особого внимания, да? *(Усмехается.)* Как только это тебе удастся, чертенок?

ЭЛЬЗА (*шутливо*). Не понимаю, о чем ты.

Эмиас и Эльза поглощены друг другом.

ФИЛИП. Пойду приведу себя в порядок.

ЭМИАС (*не слыша Филипа; Эльзе*). Понимаешь! Прекрасно понимаешь. (*Подвигается ближе, чтобы поцеловать ее в ухо. Вдруг осознав, что Филип что-то сказал, оборачивается к нему.*) Что?

ФИЛИП (*невозмутимо*). Пойду помою руки.

Филип проходит через комнату и выходит в холл, закрыв за собой дверь.

ЭМИАС (*смеясь*). Славный малый наш старина Фил!

ЭЛЬЗА. Ты ведь его очень любишь, правда?

ЭМИАС. Я знаю его всю свою жизнь. Замечательный парень!

ЭЛЬЗА (*глядя на портрет*). По-моему, совсем на меня не похоже.

ЭМИАС. Не корчи из себя знатока живописи, Эльза! (*Встает.*) Ты в этом ничего не смыслишь.

ЭЛЬЗА (*вполне довольна*). Какой ты грубый!.. У тебя все лицо в краске. Ты так и пойдешь?

Эмиас подходит к коробке с красками, берет тряпку, смоченную скипидаром, и возвращается к Эльзе.

ЭМИАС. Вытри-ка меня.

Эльза берет тряпку и стирает пятна краски с лица Эмиаса.

Смотри, в глаза не попади!

ЭЛЬЗА. Стой спокойно! (*В следующий миг обнимает его за талию.*) Ты кого любишь?

ЭМИАС (*неподвижно; тихо*). Сюда выходят окна комнаты Кэролайн... и Анджелы.

ЭЛЬЗА. Я хочу поговорить с тобой о Кэролайн.

ЭМИАС. Не теперь. Я не в настроении.

ЭЛЬЗА. Незачем откладывать. Должна же она когда-нибудь узнать!

ЭМИАС (*усмехаясь*). Мы можем сбежать на викторианский манер и приколоть записку к ее подушечке для булавок.

ЭЛЬЗА. По-моему, ты не прочь так сделать, но мы должны быть абсолютно честными.

ЭМИАС. Скажите пожалуйста! Какие мы!

ЭЛЬЗА. О-о! Прошу тебя, будь серьезным!

ЭМИАС. Я и так серьезный. Я не хочу шума, сцен и истерик. Надо соблюдать приличия, Эльза! *(Мягко отстраняет ее.)*

ЭЛЬЗА. Не понимаю, почему обязательно должны быть сцены и истерики. У Кэролайн, наверное, хватит достоинства и гордости, чтобы не допустить ничего подобного. *(Ходит по террасе.)*

ЭМИАС *(снова углубляется в работу над картиной)*. Ты так думаешь? Ты не знаешь Кэролайн.

ЭЛЬЗА. Если семейная жизнь не удалась, надо спокойно и разумно признать этот факт.

ЭМИАС. Превосходный совет консультанта по вопросам брака! Кэролайн меня любит и устроит невероятный скандал.

ЭЛЬЗА. Если Кэролайн действительно тебя любит, она должна желать тебе счастья!

ЭМИАС *(с усмешкой)*. С другой женщиной? Она, пожалуй, скорее отравит тебя, а меня пырнет ножом!

ЭЛЬЗА. Какая нелепость!

ЭМИАС *(вытирая руки о тряпку и кивнув в сторону картины)*. Ну что же! На сегодня все. До завтрашнего утра. *(Роняет тряпку, встает и подходит к Эльзе.)* Красивая, красивая Эльза... *(Берет ее лицо в свои руки.)* Какую несусветную чушь ты несешь! *(Целует ее.)*

Анджела пробегает через террасу и скрывается в перголе. Эльза и Эмиас поспешно отстраняются друг от друга. В комнату из холла входит мисс Уильямс, проходит через террасу и смотрит влево

МИСС УИЛЬЯМС *(зовет)*. Анджела!

ЭМИАС *(подходит)*. Она убежала во-о-он туда! Вам ее поймать?

МИСС УИЛЬЯМС. Нет, не надо. Она вернется сама, как только увидит, что никто не обращает на нее внимания.

Эльза проходит в комнату

ЭМИАС. В этом что-то есть.

МИСС УИЛЬЯМС. Она ведь еще ребенок. Взросление — нелегкое дело. Сейчас у нее стадия сплошных шипов и колючек.

ЭМИАС. Только не надо о колючках! Слишком живо вспоминается окаянный еж!

МИСС УИЛЬЯМС. Это было очень скверно с ее стороны.
ЭМИАС. Иногда я просто диву даюсь, как вы ее терпите.
МИСС УИЛЬЯМС. Я смотрю вперед. Со временем Анджела станет прекрасной женщиной. Выдающимся человеком.
ЭМИАС. А по-моему, Кэролайн все-таки ее балует.
(Входит в комнату.)

Мисс Уильямс идет к застекленной двери. Ей слышен разговор в комнате.

ЭЛЬЗА (шепотом Эмиасу). Она нас видела?

ЭМИАС. Бог ее знает! По-моему, у меня лицо не только в краске, но и в твоей помаде. (Покосившись на террасу, торопливо выходит.)

Входит мисс Уильямс, мгновение колеблется — уйти или нет — и решает остаться.

МИСС УИЛЬЯМС. Вы не бывали в доме мистера Блэйка, не так ли, мисс Грир?

ЭЛЬЗА (резко). Нет.

МИСС УИЛЬЯМС. Это восхитительная прогулка. Можно идти по берегу или через лес.

Входят Кэролайн и Филип. Кэролайн окидывает взглядом комнату, затем выглядывает на террасу. Филип рассматривает деревянную голову на столе.

КЭРОЛАЙН. Все готовы? Эмиас пошел смыть с себя краску.

ЭЛЬЗА. Зря. Все равно художники не такие, как другие люди.

Кэролайн не обращает на слова Эльзы внимания.

КЭРОЛАЙН (идет к креслу, стоящему слева; Филипу). А тебя, Фил, здесь не было, когда Мерри решил устроить тут пруд с лилиями? (Садится.)

ФИЛИП. Боюсь, что нет.

ЭЛЬЗА. Люди в деревне только и говорят о своем саде.

Пауза. Филип смотрит на Эльзу, потом садится на козетку лицом к деревянной голове.

КЭРОЛАЙН (обращаясь к мисс Уильямс). Вы не звонили ветеринару насчет Тоби?

МИСС УИЛЬЯМС Звонила, мисс Крейл. Он придет завтра утром.

КЭРОЛАЙН. Тебе нравится эта голова, Фил? Эмиас купил ее в прошлом месяце.

ФИЛИП. Да, хороша!

КЭРОЛАЙН. Это работа молодого норвежского скульптора. Эмиас о нем очень высокого мнения. Мы хотим на следующий год поехать к нему в Норвегию.

ЭЛЬЗА. По-моему, это маловероятно.

КЭРОЛАЙН. В самом деле, Эльза? Почему же?

ЭЛЬЗА. Вы очень хорошо знаете.

КЭРОЛАЙН (*непринужденно*). Как загадочно вы выражаетесь! Мисс Уильямс, не будете ли вы так добры... мой портсигар... (*Показывает на столик справа.*) Он на этом столике.

Мисс Уильямс идет к столику, берет портсигар, открывает его и подает Кэролайн. Филип вынимает свои сигареты, встает и предлагает Кэролайн

(*Берет сигарету из своего портсигара.*) Я, если не возражаешь, закурю свои.

Филип зажигает сигарету Кэролайн, потом и сам закуривает

ЭЛЬЗА. Это была бы неплохая комната, если бы здесь все как следует устроить и выбросить всю эту кучу старомодной рухляди.

Филип смотрит на Эльзу

КЭРОЛАЙН. Нам она нравится такой, какая есть. Она будит много воспоминаний.

ЭЛЬЗА (*громко и агрессивно*). Когда тут буду жить я, то выкину весь этот хлам!

Филип подходит к Эльзе и предлагает ей сигарету

Нет, спасибо. Огненного цвета занавески... и французские обои. (*Филипу.*) Вы не находите, что это будет замечательно?

КЭРОЛАЙН (*ровным тоном*). Вы хотели бы купить Олдерберри?

ЭЛЬЗА. Мне незачем его покупать.

КЭРОЛАЙН. Что вы хотите этим сказать?

ЭЛЬЗА. Зачем притворяться? Полно, Кэролайн, вы прекрасно знаете, что я имею в виду.

КЭРОЛАЙН. Понятия не имею, уверяю вас.

ЭЛЬЗА. О-о! К чему прятать голову в песок и притворяться, будто ничего не знаете! Мы с Эмиасом любим друг друга. Это его дом, а не ваш.

На террасу вбегает Анджела, останавливается у стеклянной двери и слушает.

И когда мы поженимся, я буду жить с ним здесь.

КЭРОЛАЙН (*сердито*). По-моему, вы с ума сошли!

ЭЛЬЗА. О нет! Будет намного проще, если мы будем честны. А с вашей стороны самое разумное... дать ему свободу.

КЭРОЛАЙН. Не говорите глупостей!

ЭЛЬЗА. Глупостей, да? Спросите его сами.

Входит Эмиас. Анджела незаметно проскальзывает в комнату.

КЭРОЛАЙН. Спрошу. Эмиас, Эльза говорит, что ты хочешь жениться на ней. Это правда?

ЭМИАС (*после небольшой паузы, Эльзе*). Какого черта? Не могла придержать язык?

КЭРОЛАЙН. Это правда?

ЭМИАС. Не будем сейчас говорить об этом.

КЭРОЛАЙН. Нет, будем.

ЭЛЬЗА. Так будет честнее по отношению к Кэролайн — сказать ей правду.

КЭРОЛАЙН (*холодно*). О вашей честности по отношению ко мне говорить вряд ли стоит. Это правда, Эмиас?

Эмиас с загнанным видом переводит взгляд с Эльзы на Кэролайн.

ЭМИАС (*Филипу*). Вот ведь женщины!

КЭРОЛАЙН (*в ярости*). Это правда?

ЭМИАС (*вызывающе*). Хорошо! Правда! Но я не хочу сейчас говорить об этом.

ЭЛЬЗА. Вот видите?! Так что не стоит вам быть собакой на сене. Никто не виноват. Надо просто вести себя разумно. Надеюсь, вы с Эмиасом останетесь добрыми друзьями.

КЭРОЛАЙН. Добрыми друзьями? Только через его труп!

ЭЛЬЗА. Что это значит?

КЭРОЛАЙН. Это значит, что я убью Эмиаса, прежде чем отдать его вам.

Кэролайн выходит. Мертвая тишина. Мисс Уильямс, увидев на кресле сумочку Кэролайн, берет ее и поспешно выходит следом.

ЭМИАС. Добилась своего. Теперь начнутся сцены, ссоры и вообще бог весть что!

ЭЛЬЗА. Должна же она знать.

ЭМИАС (*идет к террасе*). Ей незачем было знать, пока картина не кончена. Как, черт побери, человек может работать, если женщины, как осы, жужжат ему в уши!

ЭЛЬЗА. По-твоему, нет ничего важнее твоей живописи!

ЭМИАС (*кричит*). Для меня нет ничего важнее!

ЭЛЬЗА. Ну а я я считаю, что важно быть честным!

Эльза в ярости выбегает в холл. Эмиас входит в комнату

ЭМИАС. Дай мне сигарету, Фил.

Филип протягивает ему портсигар.

(*Садясь на козетку верхом.*) Все женщины одинаковы. Обожают скандалы... Почему она, черт побери, не могла придержать язык?! Я должен кончить картину, Фил. Это моя лучшая вещь. А теперь две бешенные бабы хотят все испортить! (*Закуривает.*)

ФИЛИП. Предположим, она откажется дать тебе развод?

ЭМИАС (*погружен в свои мысли*). Что?

ФИЛИП. Я сказал... предположим, Кэролайн откажется развестись с тобой. Предположим, что она заартачится?

ЭМИАС. О, это!.. Кэролайн никогда не станет мстить. Ты не понимаешь, старина!

ФИЛИП. И ребенок. Нельзя забывать о ребенке.

ЭМИАС. Послушай, Фил! Я знаю, ты желаешь мне добра, но перестань каркать, старый ворон! Я сам справлюсь со своими проблемами. Все будет хорошо, вот увидишь.

ФИЛИП. Ты оптимист!

Входит Мередит.

МЕРЕДИТ (*радостно*). Привет, Фил! Только что из Лондона? (*Эмиасу.*) Надеюсь, ты не забыл, что после полудня все собираются у меня. Я на машине. Думаю, Кэролайн и Эльза подъедут со мной, чтобы не идти пешком по такой жаре.

ЭМИАС (*вставая*). Только не эта парочка! Если Кэролайн поедет, то Эльза пойдет пешком, а если поедет Эльза, то пешком пойдет Кэролайн. Так что выбирай! (*Выходит на террасу, садится к мольберту и снова начинает работать.*)

МЕРЕДИТ. Что это с ним? Что-нибудь случилось?

ФИЛИП. Все стало известно.

МЕРЕДИТ. Что?

ФИЛИП. Эльза сообщила Кэролайн, что они с Эмиасом собираются пожениться. *(Злобно)* Для Кэролайн это было шоком!

МЕРЕДИТ. Нет! Ты шутишь!

Филип пожимает плечами, берет журнал, садится в кресло и читает.

(Выходит на террасу.) Эмиас! Ты... Этого не может быть... Неужели это правда?

ЭМИАС. Я пока не знаю, о чем ты говоришь. Чего не может быть?

МЕРЕДИТ. Ты и Эльза. Кэролайн...

ЭМИАС *(вытирает кисть)*. Ах, это!..

МЕРЕДИТ. Послушай, Эмиас, ты не можешь из-за минутного увлечения разрушить свою семейную жизнь. Я знаю, Эльза привлекательна...

ЭМИАС *(ухмыляясь)*. Неужели заметил?

МЕРЕДИТ. Я вполне могу тебя понять — такая девушка, как Эльза, вскружит голову любому мужчине. Но подумай о ней самой... Ведь она очень молода. Потом она может горько сожалеть об этом. Разве ты не можешь взять себя в руки? Ради малышки Карлы! Порви с Эльзой и вернись к своей жене.

Эмиас задумчиво смотрит на него.

Поверь мне, это правильно. Я знаю.

ЭМИАС *(тихо)*. Ты славный парень, Мерри! Но слишком сентиментальный.

МЕРЕДИТ. Подумай только, в какое положение ты поставил Кэролайн, когда привез сюда эту девушку!

ЭМИАС. Ну и что? Я хотел написать ее портрет.

МЕРЕДИТ. Дьявол бы побрал все твои картины!

ЭМИАС. Этого не добьются все истерички Англии!

МЕРЕДИТ *(сидясь на скамью)*. Просто позор, как ты всегда относился к Кэролайн. Она была несчастна с тобой.

ЭМИАС. Я знаю... знаю. Я устроил ей адскую жизнь... и она... терпела все... как святая. Но она знала, на что идет. Я ей с самого начала сказал, что я эгоист и распушенный подлец. Но на этот раз все иначе.

МЕРЕДИТ. Да, чтобы привести в дом возлюбленную и продемонстрировать ее Кэролайн,— такого еще не было!

ЭМИАС (*подходит к столику с напитками*). По-моему, Мередит, ты никак не можешь понять, что, когда я пишу картину, все остальное не имеет никакого значения... а тем более какие-то две ревнивые скандалистки. (*Берет стакан пива.*)

На террасу выходит Анджела и идет к мольберту. Она в хлопчатобумажном платье, умытая и опрятная.

Не тревожься, Мерри! Все будет в порядке. (*Отпивает глоток пива.*) Фу-у! Оно теплое! (*Поворачивается и видит Анджелу.*) Привет, Анджи! Ты очень славно выглядишь.

АНДЖЕЛА. О... Да! Эмиас. Почему Эльза говорит, что она выйдет за тебя замуж? Ведь так нельзя! У человека не может быть две жены. Это называется двоеженством. (*Доверительно.*) Тебя за это посадят!

Эмиас смотрит на Мередита, ставит свой стакан, берет Анджелу за плечи и отводит в сторону.

ЭМИАС. Откуда ты все это знаешь?

АНДЖЕЛА. Я сама все слышала с террасы.

ЭМИАС (*усаживаясь на скамеечку перед мольбертом*). Знаешь, кончай это дело — подслушивать.

В комнату входит Эльза. В руках у нее сумочка и перчатки. Она кладет их на столик.

АНДЖЕЛА (*обиженно и возмущенно*). Я не подслушивала... Я не могла не слышать. Почему Эльза так говорит?

ЭМИАС. Это, дорогая, такая шутка.

Входит Кэролайн.

КЭРОЛАЙН. Пора выходить! Тем из нас, кто пойдет пешком.

МЕРЕДИТ (*поднимаясь*). Я отвезу тебя.

КЭРОЛАЙН. Я предпочла бы прогуляться пешком.

Эльза выходит на террасу.

Возьми с собой в машину Эльзу.

ЭЛЬЗА. Вы и правда выращиваете лекарственные травы и всякие другие необыкновенные растения?

КЭРОЛАЙН (*обращаясь к Анджеле*). Так тебе больше идет! Да и ты ведь не будешь в школе носить джинсы!

АНДЖЕЛА. Школа!.. Лучше бы ты про нее не напоминала!

МЕРЕДИТ. Я готовлю сердечные средства и еще кое-какие снадобья. У меня своя маленькая лаборатория.

ЭЛЬЗА. Какая прелесть! А мне покажете?

Кэролайн, взглянув на Эльзу, подходит к Анджеле и поправляет ей косички.

МЕРЕДИТ. Боюсь, я прочитаю вам целую лекцию. Травы — мое хобби!

ЭЛЬЗА. А правда, что некоторые травы собирают ночью в полнолуние?

КЭРОЛАЙН (*Анджеле*). Знаешь, я уверена: когда немного попривыкнешь к школе, тебе там даже понравится.

МЕРЕДИТ (*Эльзе*). Это предрассудки!

ЭЛЬЗА. Значит, вы так не делаете?

МЕРЕДИТ. Нет.

ЭЛЬЗА. Они опасны?

МЕРЕДИТ. Да. Некоторые из них.

КЭРОЛАЙН (*оборачиваясь*). Внезапная смерть в маленьком пузырьке. Белладонна. Болиголов.

Анджела подбегает к Мередиту и обхватывает его руками за талию

АНДЖЕЛА. Помните, вы читали нам однажды что-то... о Сократе... о том, как он умер.

МЕРЕДИТ. Да, кониин... действующее вещество болиголова.

АНДЖЕЛА. Это было здорово! Так интересно... Мне даже захотелось выучить греческий.

Все смеются. Эмиас встает и берет свой ящик с красками.

ЭМИАС. Довольно разговоров. Пора отправляться. Где Фил? (*Зовет.*) Фил!

ФИЛИП. Иду!

Эмиас выходит и Филип встает, откладывая журнал. В комнату входит Эльза и берет свои перчатки и сумочку

АНДЖЕЛА (*подходит к Кэролайн*). Кэролайн! (*Взволнованным шепотом.*) Ведь это невозможно... Правда, невозможно, чтобы Эльза вышла замуж за Эмиаса?

Кэролайн отвечает спокойно. Ее слышит только Мередит.

КЭРОЛАЙН. Эмиас женится на ней только после моей смерти.

АНДЖЕЛА. Хорошо. Значит, это была шутка. *(Убегает.)*

МЕРЕДИТ *(подходит к Кэролайн)*. Кэролайн... дорогая моя... не знаю, что и сказать...

КЭРОЛАЙН. Не надо, Мерри... Все кончено... Я тоже...

Филип выходит на террасу.

ФИЛИП. Леди ждет, чтобы ее подвезли.

МЕРЕДИТ *(в замешательстве)*. Ох!

Мерedit заходит в комнату и удаляется вместе с Эльзой. Появляется мисс Уильямс, некоторое время стоит в нерешительности, глядя вслед Мерeditу и Эльзе, затем подходит к стеклянной двери и слышит окончание разговора между Филипом и Кэролайн.

КЭРОЛАЙН *(оживленно)*. Пойдем лесом, Фил, хорошо?

ФИЛИП. Кэролайн... могу я выразить свое сочувствие?

КЭРОЛАЙН. Не надо.

ФИЛИП. Может быть, теперь ты сознаешь, что совершила ошибку?

КЭРОЛАЙН. Выйдя за него замуж?

ФИЛИП. Да.

КЭРОЛАЙН *(глядя в глаза Филипа серьезно)*. Как бы все ни обернулось... никакой ошибки я не сделала. *(Прожим небрежным тоном.)* Пойдем!

Кэролайн и Филип уходят. Мисс Уильямс выходит на террасу.

МИСС УИЛЬЯМС *(зовет)*. Миссис Крейл! *(Проходит перед скамьей.)* Миссис Крейл!

Кэролайн возвращается.

КЭРОЛАЙН. Да, мисс Уильямс?

МИСС УИЛЬЯМС. Я иду в деревню. Нужно ли отправить письма, которые лежат на вашем письменном столе?

КЭРОЛАЙН. О да, пожалуйста... Я о них забыла.

МИСС УИЛЬЯМС. Миссис Крейл...

Кэролайн оборачивается.

...Если я чем-нибудь могу быть полезна... чем-то помочь...

КЭРОЛАЙН *(поспешно)*. Пожалуйста. Все должно идти по-прежнему... Давайте вести себя как ни в чем не бывало.

МИСС УИЛЬЯМС (*горячо*). Вы держитесь просто замечательно!

КЭРОЛАЙН. О нет-нет! (*Подходит к мисс Уильямс.*) Дорогая мисс Уильямс! (*Целует ее.*) Вы всегда были для меня таким утешением!

Кэролайн поспешно уходит. Мисс Уильямс смотрит ей вслед. Затем, заметив на столике-тележке пустую пивную бутылку и стакан ставит бутылку в ведро для льда и со всем этим уходит в дом. Свет постепенно гаснет. Прожектор освещает Джастина.

ДЖАСТИН. Теперь мы переходим к событиям следующего утра, семнадцатого августа. Мисс Уильямс?

Прожектор гаснет. В темноте слышен голос мисс Уильямс.

МИСС УИЛЬЯМС. Мы с миссис Крейл просматривали список Анджелиных вещей для школы. Миссис Крейл выглядела усталой и несчастной, но держалась молодцом. Зазвонил телефон в садовой комнате, и я пошла туда снять трубку.

Садовая комната и терраса залиты утренним светом. На столике-тележке стоят чистый стакан и бутылка пива, ведро со льдом нет. Филип сидит на террасе на каменной скамье и читает воскресную газету. Звонит телефон. Из холла входит мисс Уильямс, идет к телефону и берет трубку. В другой руке у нее список. Вслед за ней входит Кэролайн с очками в руке. Она смотрит в сторону телефона, но потом устало проходит к креслу и садится.

(*В трубку.*) Да?.. О, доброе утро, мистер Блэйк. Да, он здесь. (*Смотрит на террасу и зовет.*) Мистер Блэйк, это ваш брат. (*Держит трубку.*)

Филип поднимается, складывает газету, идет в комнату и берет трубку.

ФИЛИП (*в трубку*). Слушаю.

МИСС УИЛЬЯМС. Все, миссис Крейл, со списком закончили. Не хотите ли просмотреть его еще раз? (*Садится на козетку.*)

КЭРОЛАЙН (*берет список*). Давайте посмотрим. (*Надевает очки и просматривает список.*)

ФИЛИП (*в трубку*). Что?.. Что ты сказал?.. Господи! Ты уверен? (*Оглядывается на Кэролайн и мисс Уильямс.*) Я сейчас не могу говорить... Да, лучше приходи сюда. Я тебя встречу. Мы все обсудим... и решим, как лучше поступить...

КЭРОЛАЙН (*к мисс Уильямс*). А как же с этим?

МИСС УИЛЬЯМС (*глядя в список*). Без этих вещей вполне можно обойтись.

ФИЛИП (*в трубку*). Нет, сейчас я не могу... Есть сложности... Ты уверен? Да, но ты бываешь иногда немно-го рассеян. Может, не туда поставил... Хорошо. Раз ты уверен... До встречи. (*Кладет трубку. Смотрит озабоченно на Кэролайн и мисс Уильямс, идет на террасу и начинает взволнованно ходить взад-вперед.*)

КЭРОЛАЙН (*возвращая список мисс Уильямс*). Надеюсь, что поступаю с Анджелой правильно. (*Снимает очки.*)

МИСС УИЛЬЯМС. По-моему, вы должны быть в этом абсолютно уверены, миссис Крейл.

КЭРОЛАЙН. Мне очень хочется сделать так, как было бы лучше для нее.

МИСС УИЛЬЯМС. Поверьте, что касается Анджелы, вам не в чем себя упрекнуть.

КЭРОЛАЙН. Я... изуродовала ее на всю жизнь. Шрам останется навсегда.

Филип смотрит в сад сквозь перголу.

МИСС УИЛЬЯМС. Сделанного не воротишь.

КЭРОЛАЙН. Не воротишь... Тогда я поняла, какой у меня злобный нрав. С тех пор я всегда настороже. Но вы понимаете, почему я ее всегда немного балую?

МИСС УИЛЬЯМС. Школьная жизнь пойдет ей только на пользу. Необходим контакт со сверстниками. Вы правильно делаете... Уверяю вас. (*Деловито.*) Пожалуй, я пойду дальше укладывать вещи. Она, кажется, хотела взять с собой какие-то книги.

Мисс Уильямс выходит в холл. Кэролайн устало откидывается в кресле. Слева входит Филип и стоит, обернувшись назад. Появляется Эмиас с ящиком с красками.

ЭМИАС (*к Филипу; раздраженно*). Где эта девица? (*Идет к мольберту.*) Почему она не может встать вовремя?

Филип продолжает смотреть в сад и не отвечает.

(*Садится, кладет рядом с собой ящик с красками, готовит все к работе.*) Ты ее не видел, Фил? Да что с тобой? Тебя что, не накормили завтраком?

ФИЛИП (*поворачиваясь*). Что? О да, разумеется. Я... я жду Мерри. Он должен прийти. (*Смотрит на часы.*) Не знаю, какой он пойдет дорогой. Забыл спросить. Верхней или нижней? Я мог бы пойти и встретить.

ЭМИАС. Нижняя дорога короче. *(Встает и идет в комнату.)* Где, черт побери, эта девчонка? *(Обращаясь к Кэролайн.)* Ты не видела Эльзу? *(Идет к двери.)*

КЭРОЛАЙН. Не думаю, что она уже встала.

Эмиас идет к двери на террасу.

Эмиас, подойди сюда! Я хочу с тобой поговорить.

ЭМИАС *(открывая дверь на террасу)*. Не сейчас.

КЭРОЛАЙН *(твердо)*. Сейчас.

Эмиас растерянно закрывает дверь и возвращается. На террасу из дальней двери входит Эльза в шортах и блузке.

ФИЛИП *(Эльзе)*. Опоздываете! Вы сегодня прекрасно выглядите.

ЭЛЬЗА *(сияя)*. Правда? Я это чувствую.

Филип выходит влево. Эльза идет к скамье и садится

ЭМИАС. Кэролайн, я уже тебе сказал. Я не хочу это обсуждать. Мне жаль, что Эльза все выболтала. Я просил ее не делать этого.

КЭРОЛАЙН. Ты не хочешь скандала, пока не кончишь картину, не так ли?

ЭМИАС *(подходит к Кэролайн)*. Слава Богу, что ты понимаешь.

КЭРОЛАЙН. Я тебя прекрасно понимаю.

Эльза, услышав повышенные голоса, встает, подходит к стеклянной двери и подслушивает.

ЭМИАС. Очень хорошо. *(Наклоняется, чтобы поцеловать Кэролайн.)*

Кэролайн отворачивается, встает и проходит мимо Эмиаса

КЭРОЛАЙН. Я могу все понять, но это не значит, что я стану все безропотно принимать! *(Повернувшись к нему.)* Ты в самом деле собираешься жениться на этой девушке?

ЭМИАС *(приближается к ней)*. Милая, я очень люблю и тебя... и ребенка. Ты это знаешь. И всегда буду. *(Внезапно грубо.)* Но неужели трудно понять: я женюсь на Эльзе, и никто, черт побери, меня не остановит!

КЭРОЛАЙН. Сомневаюсь.

ЭМИАС. Если ты не дашь мне развода, мы все равно будем жить с ней вместе, и я дам ей свое имя по одностороннему обязательству.

На террасе слева появляется Филип, видит, что Эльза подслушивает, и, не замеченный ею, прислоняется к опоре перголы.

КЭРОЛАЙН. Вижу, ты все продумал.

ЭМИАС. Я люблю Эльзу... и намерен за нее бороться.

КЭРОЛАЙН (*дрожа*). Поступай как хочешь... Но я тебя предупреждаю...

ЭМИАС (*оборачиваясь*). Что это значит?

КЭРОЛАЙН (*неожиданно резко*). Это значит, что ты мой... и я не собираюсь тебя отпускать.

Эмиас приближается к Кэролайн.

Чем отдать тебя ей, я скорее...

ЭМИАС. Кэролайн, не глупи!

КЭРОЛАЙН (*со слезами в голосе*). Все эти твои женщины... Ты просто недостойн жить!

ЭМИАС (*пытаясь обнять ее*). Кэролайн...

КЭРОЛАЙН. Я не шучу! (*Отталкивает его.*) Не прикасайся ко мне. (*Идет к двери; в слезах.*) Это слишком жестоко... слишком жестоко.

ЭМИАС. Кэролайн...

Кэролайн уходит. Эмиас, пожав плечами, поворачивается к стеклянной двери на террасу. Эльза поспешно отступает в сторону и, заметив Филипа, напускает на себя безразличный вид.

(*Выйдя на террасу, Эльзе.*) А-а, наконец-то! (*Идет к своей скамеечке у мольберта и садится.*) Что это ты выдумала? Потерять пол-утра! Прими нужную позу.

ЭЛЬЗА (*глядя на Эмиаса поверх мольберта*). Мне нужно взять пуловер. Что-то холодно.

ЭМИАС. О нет! Это изменит все световые рефлексy на лице!

ЭЛЬЗА. У меня есть желтый... как эта блузка... И все равно ты же сегодня пишешь руки. Ты сам так сказал. (*Скривившись, убегает в левую дверь.*)

ЭМИАС (*кричит ей вдогонку*). Откуда ты знаешь, что я пишу! Это знаю только я. Вот дьяволыщина! (*Выдавливает краску из тюбика на палитру и смешивает краски.*)

ФИЛИП. Неприятности с Кэролайн?

ЭМИАС (*поднимая голову*). Ты что-то слышал, да? Я так и знал. Нужно же было Эльзе открывать рот! Кэролайн закатила истерику и ничего не желает слышать...

ФИЛИП (*отвернувшись*). Бедняжка Кэролайн. (*Произносит это без сочувствия, наоборот, в голосе слышно удовлетворение.*)

Эмиас испытующе смотрит на Филипа.

ЭМИАС. С Кэролайн все в порядке. Так что можешь не тратить на нее зря свою жалость.

ФИЛИП (*идет влево*). Ты просто невозможен, Эмиас! Пожалуй, я не стал бы обвинять Кэролайн, вздумай она с тобой расправиться.

ЭМИАС (*раздраженно*). Перестань шагать взад-вперед, Фил! Ты меня отвлекаешь. По-моему, ты собирався встречать Мерри.

ФИЛИП. Я боюсь его пропустить.

ЭМИАС. К чему вообще такая спешка? Ты только вчера его видел.

ФИЛИП (*обиженно*). Если я тебя раздражаю, то я ухожу.

Уходит за перголу. Появляется Элиза. Через руку у нее переброшен пуловер.

ЭМИАС (*подняв голову*). Наконец-то! Дай-ка мне пива. Страшно хочется пить. Зачем только в такой день тебе понадобился пуловер? Жарища — свариться можно! Следующий раз тебе понадобятся боты и грелка...

Эльза бросает пуловер на скамью, подходит к столику-тележке и наливает в стакан пиво.

(*Встает, отходит от мольберта и, повернувшись, смотрит на картину.*) Это лучшее из всего, что я сделал. (*Подходит к картине и наклоняется над ней.*) Как думаешь, Да Винчи понимал, что он создал, когда закончил «Джоконду»?

Эльза подходит со стаканом пива и протягивает его Эмиасу

ЭЛЬЗА. Джо... кого?

ЭМИАС (*берет стакан*). Джо... Мону Лизу! Эх, невежественная ты сучка! А-а, не важно! (*Пьет.*) Фу! Теплое... Разве там нет ведера со льдом?

ЭЛЬЗА (*сидясь на скамью*). Нет. (*Принимает заданную позу.*)

ЭМИАС. Вечно у нас кто-нибудь что-нибудь забудет. Ненавижу теплое пиво! (*Зовет.*) Эй, Анджела!

АНДЖЕЛА (*за сценой*). Что-о?

ЭМИАС. Принеси-ка мне бутылку пива из холодильника!

Слева появляется Анджела.

АНДЖЕЛА. А почему я?..

ЭМИАС. Из простого человеколюбия! Ну же, будь умницей!

АНДЖЕЛА. Ну ладно. *(Показывает Эмиасу язык и убегает.)*

ЭМИАС. Ничего не скажешь — прелестный ребенок!
(Садится к мольберту; Эльзе.) Левую руку чуть выше!

Эльза двигает левую руку.

Так лучше. *(Отпивает пиво.)*

Из холла в комнату входит мисс Уильямс и идет на террасу

МИСС УИЛЬЯМС *(Эмиасу)*. Вы не видели Анджелу?

ЭМИАС. Она только что пошла в дом, принести мне пива. *(Продолжает писать.)*

МИСС УИЛЬЯМС. О!

Мисс Уильямс удивленно поворачивается и быстро уходит. Эмиас продолжает работать над картиной. Машинально начинает насвистывать

ЭЛЬЗА *(через несколько минут)*. Обязательно нужно свистеть?

ЭМИАС. А почему бы и нет?

ЭЛЬЗА. Именно это?

ЭМИАС *(не понимает)*. Что... Это? *(Напевает.)* «Когда поженимся, что станем делать?» *(Усмехается.)* Да, не очень тактично.

Входит Кэролайн. В руке у нее бутылка пива.

КЭРОЛАЙН *(подходит к Эмиасу; холодно)*. Вот твое пиво. Извини, что забыли про лед.

ЭМИАС. Спасибо, Кэролайн. Будь добра, открой, пожалуйста!

Кэролайн берет стакан, подходит к столику-тележке и, стоя спиной к зрителям, открывает бутылку и наливает пиво в стакан. Эмиас снова начинает насвистывать тот же мотив, спохватывается и замолкает.

КЭРОЛАЙН *(берет стакан пива и бутылку и подает Эмиасу)*. Твое пиво.

ЭМИАС *(беря стакан)*. Надеешься, что я им подавлюсь? *(Усмехается.)* За надежды! *(Пьет.)* Фу, это еще хуже, чем прежде! Но оно хоть холодное.

Кэролайн ставит бутылку около ящика с красками, идет в комнату и выходит. Эмиас продолжает рисовать. Появляется запыхавшийся Мередит.

МЕРЕДИТ. Фил здесь?

ЭМИАС. Он пошел тебе навстречу.

МЕРЕДИТ. Какой дорогой?

ЭМИАС. Нижней.

МЕРЕДИТ. А я шел верхней.

ЭМИАС. Вы же не можете гоняться друг за другом! Лучше сядь и подожди.

МЕРЕДИТ *(вынимает носовой платок и вытирает лоб)*. Жарко. Пойду в дом. Там прохладнее.

ЭМИАС. Выпей чего-нибудь холодного. Пусть кто-нибудь из женщин позаботится.

Мередит входит в комнату и растерянно смотрит по сторонам, не зная, что предпринять.

ЭМИАС *(глядя на Эльзу)*. У тебя чудесные глаза. *(Пауза.)* Пожалуй, оставлю-ка я руки и сосредоточусь на глазах. Мне что-то не вполне удалось уловить выражение.

Мередит подходит к двери и смотрит на террасу.

Можешь двигать руками сколько угодно... Кажется, я нашел! Теперь, ради Бога, сиди тихо, не разговаривай.

Мередит отворачивается.

ЭЛЬЗА. А мне и не хочется разговаривать.

ЭМИАС. Это что-то новенькое!

В комнату входит Анджела. В руках у нее поднос, на нем кувшин с лимонадом и два стакана. Ставит поднос на стол.

АНДЖЕЛА. Освежающие напитки!

МЕРЕДИТ. Ну, спасибо, Анджела! *(Подходит к подносу и наливает себе стакан лимонада.)*

АНДЖЕЛА. Хотелось сделать вам приятное. *(Выходит на террасу. Обращаясь к Эмиасу.)* Что, получил свое пиво?

ЭМИАС. Конечно. Ты мировая девчонка!

АНДЖЕЛА *(смеясь)*. Я очень добрая, не правда ли? Ха-ха! Подождешь — увидишь!

Вбегает в комнату и уходит в холл. Мередит пьет мелкими глотками лимонад.

ЭМИАС (*подозрительно*). Этот ребенок что-то замышляет. (*Потирает правое плечо.*) Странно!

ЭЛЬЗА. В чем дело?

ЭМИАС. Что-то суставы немеют. Должно быть, ревматизм.

ЭЛЬЗА (*насмешливо*). Бедный ревматический старичок!

Слева входит Филип.

ЭМИАС (*посмеиваясь*). Скриплю от старости! Привет, Фил! Мерри ждет тебя в доме.

ФИЛИП. Хорошо. (*Идет в комнату.*)

Мерedit ставит стакан на поднос и подходит к Филипу. Эмиас продолжает рисовать.

МЕРЕДИТ. Слава Богу, ты пришел! Я уже не знал, что и делать.

ФИЛИП. Когда ты позвонил, Кэролайн и гувернантка были в комнате.

МЕРЕДИТ (*тихо*). Из моей лаборатории пропал пузырек.

ФИЛИП. Ты уже это говорил. Что в нем было?

МЕРЕДИТ. Кониин.

ФИЛИП. Болиголов?

МЕРЕДИТ. Да, кониин — чистый алкалоид болиголова.

ФИЛИП. Опасный?

МЕРЕДИТ. Очень.

ФИЛИП. У тебя нет никаких предположений, кто бы мог его взять?

МЕРЕДИТ. Нет. Я всегда держу дверь закрытой.

ФИЛИП. Ты запер ее вчера?

МЕРЕДИТ. Ты же знаешь, что запер. Ты сам видел.

ФИЛИП. Может, сам же куда-нибудь и переставил... куда-нибудь засунул...

МЕРЕДИТ. Я им вчера все показывал. И потом все убрал на место, в шкафчик.

ФИЛИП. Кто выходил из комнаты последним?

МЕРЕДИТ (*неохотно*). Кэролайн... Я ждал, пока она выйдет.

ФИЛИП. Но ты не следил за ней?

МЕРЕДИТ. Нет.

ФИЛИП (*уверенно*). Значит, взяла Кэролайн.

МЕРЕДИТ. Ты в самом деле так думаешь?

ФИЛИП. И ты тоже... Иначе с чего бы ты так перепугался!

МЕРЕДИТ. Значит, вот что было у нее на уме вчера... когда она сказала, что для нее все кончено. Она надумала покончить с собой.

ФИЛИП. Ну-ну, не вешай нос! Она же еще живая!
МЕРЕДИТ. Ты видел ее сегодня утром? Ничего такого не заметил?

ФИЛИП. По-моему, все как всегда.

МЕРЕДИТ. Что будем делать?

ФИЛИП. Тебе лучше с ней поговорить.

МЕРЕДИТ. Не знаю, как и подступиться...

ФИЛИП. Я бы сказал прямо: «Ты вчера взяла у меня кониин. Верни его, пожалуйста».

МЕРЕДИТ. Прямо так и сказать?

ФИЛИП. Ну а ты что предлагаешь?

МЕРЕДИТ. Я не знаю. *(Внезапно лицо его светлеет.)* Я думаю, еще есть время. Не станет же она его пить, пока не отправится спать, как ты думаешь?

ФИЛИП *(сухо)*. Наверное, нет. Если она вообще собирается его пить.

МЕРЕДИТ. Думаешь, не собирается?

ФИЛИП. Может быть, он ей нужен для театральной сцены с Эмиасом. «Откажись от этой девушки, а не то я убью себя».

МЕРЕДИТ. Это не похоже на Кэролайн.

ФИЛИП. Ну что же, ты ее лучше знаешь.

МЕРЕДИТ. Ты недолюбливаешь Кэролайн. Раньше ты был без ума от нее... Помнишь? *(Встает.)*

ФИЛИП. Короткий приступ телячьей нежности. Это было несерьезно.

МЕРЕДИТ. А потом... ты ополчился против нее.

ФИЛИП *(сердито)*. Давай вернемся к настоящему.

МЕРЕДИТ. Да-да, разумеется.

Входит Кэролайн.

КЭРОЛАЙН. Привет, Мерри! Оставайся с нами на ленч, хорошо? Через несколько минут садимся за стол.

МЕРЕДИТ. Спасибо.

Кэролайн идет на террасу и останавливается около мольберта, глядя на Эмиаса.

ЭЛЬЗА *(Эмиасу)*. Я должна отдохнуть.

ЭМИАС *(довольно невнятно)*. Оставайся на месте, черт побери!

МЕРЕДИТ *(Филипу)*. После ленча я уведу Кэролайн в сад и поговорю с ней. Хорошо?

Филип кивает, Эльза поднимается со скамьи и потягивается. Мередит подходит к столику и берет свой недопитый лимонад.

КЭРОЛАЙН (*настойчиво*). Эмиас...

ФИЛИП (*выходит на террасу*). Похоже, Кэролайн, ты очень занята этим утром.

КЭРОЛАЙН (*Филипу; через плечо*). Я? О да! Я собираю Анджелу, ей скоро ехать. (*Эмиасу; очень настойчиво*.) Ты это сделаешь, Эмиас. Ты должен. Сегодня же.

Эмиас проводит рукой по лбу. Речь его делается все менее четкой.

ЭМИАС. Хорошо... Я присмотрю... как она пакует свои вещи...

КЭРОЛАЙН. Хотелось бы отправить Анджелу без лишнего шума. (*Входит в комнату*.)

Филип входит в комнату за ней следом. Эльза сидит. Эмиас трясет головой, пытаясь сбросить охватившее его оцепенение.

ФИЛИП (*Кэролайн*). Ты слишком балуешь эту девчонку.

КЭРОЛАЙН. Мы будем ужасно скучать, когда она уедет.

ФИЛИП. А где маленькая Карла?

КЭРОЛАЙН. Поехала на неделю погостить у своей крестной. Послезавтра должна вернуться.

МЕРЕДИТ. Что будет делать мисс Уильямс, когда уедет Анджела?

КЭРОЛАЙН. Она уже нашла себе место в Бельгийском посольстве. Мне ее будет не доставать.

Из холла слышен звук гонга, возвещающий время ленча.

Ну вот и ленч!

В комнату стремительно вбегает Анджела.

АНДЖЕЛА. Как я проголодалась! (*Бежит на террасу; к Эмиасу и Эльзе*.) Вы, двое, — на ленч!

В дверях появляется мисс Уильямс. Кэролайн подходит к столику и берет свой портсигар.

ЭЛЬЗА (*поднимаясь со скамьи и беря свой пуловер*). Иду!

Анджела возвращается в комнату.

(*Эмиасу*.) А ты идешь?

ЭМИАС (*нечленораздельно*). Я... а-ах!

МИСС УИЛЬЯМС (*Анджеле*). Постарайся по возможности не кричать, когда в этом нет никакой необходимости.

АНДЖЕЛА. Я и не кричу.

Анджела выходит, мисс Уильямс следует за ней.

КЭРОЛАЙН (*идет к двери; обращаясь к Мередиту и показывая на стакан с лимонадом*). На твоём месте я бы взяла это с собой.

ФИЛИП (*глядя на Мередита*). Что... лимонад?

КЭРОЛАЙН (*Филипу*). Для тебя есть бутылка прекрасного...

ФИЛИП. Chateau Neuf du Pape? Отлично! Эмиас ещё его не прикончил?

КЭРОЛАЙН (*Мередиту*). Твой приход, Мерри, — такой приятный сюрприз!

МЕРЕДИТ. Я, собственно, пришёл повидать Филя, но всегда рад остаться на ленче.

Кэролайн и Филип выходят. В комнату входит Эльза.

(*Обращаясь к Эльзе.*) А Эмиас?

ЭЛЬЗА (*идет к двери в холл*). Он там хотел что-то закончить.

Эльза выходит. Мередит следует за ней

АНДЖЕЛА (*за сценой*). Он терпеть не может прерывать работу ради ленча.

Кисть падает из руки Эмиаса. Свет медленно гаснет. Луч прожектора освещает Джастина.

ДЖАСТИН. Итак, все ушли на ленч, оставив Эмиаса на террасе за работой. После ленча в комнату вошли мисс Уильямс и миссис Крейл с чашкой кофе. Пожалуйста, мисс Уильямс!

Прожектор гаснет. В темноте слышится голос мисс Уильямс.

МИСС УИЛЬЯМС. Мистер Крейл часто отказывался от ленча и продолжал работать. В этом не было ничего необычного. Но он любил, чтобы ему приносили чашку кофе. Я налила кофе, и миссис Крейл понесла его на террасу. Я пошла за ней. Во время судебного процесса я рассказала о том, что увидела, но было кое-что, о чем я умолчала и не рассказывала никому. Но сейчас, полагаю, я должна это сделать.

Загорается свет. Эмиас лежит на земле перед мольбертом. В комнате на козетке стоит поднос с кофе. Мисс Уильямс наливает кофе и подаёт Кэролайн, та берёт чашку и несёт на террасу.

КЭРОЛАЙН (*выходя на террасу*). Эмиас! (*Увидев Эмиаса на земле, в ужасе.*) Эмиас!.. (*На мгновение замирает, потом ставит чашку на скамью, бросается к Эмиасу, становится рядом на колени и берет его руку.*)

Мисс Уильямс поспешно выходит на террасу и подходит к Кэролайн

Он... кажется, он... мертв! (*В отчаянии.*) Скорее врача! Сделайте что-нибудь!

Мисс Уильямс быстро идет в комнату. Как только она подходит к стеклянной двери, Кэролайн осторожно оглядывается, берет свой носовой платок, поднимает пивную бутылку, вытирает ее, а затем вкладывает в руку Эмиаса, прижимая его пальцы к бутылке.
В комнату из холла входит Мередит

МИСС УИЛЬЯМС (*Мередиту*). Вызовите доктора Фосетта! Скорее! Мистеру Крейлу плохо.

Мередит мгновение изумленно смотрит на мисс Уильямс, затем поспешно идет к телефону и берет трубку. Мисс Уильямс выходит на террасу как раз в тот момент, когда Кэролайн прижимает пальцы Эмиаса к бутылке, и мисс Уильямс замирает на месте. Кэролайн встает, быстро подходит к столику-тележке, ставит бутылку и стоит, глядя в сад. Мисс Уильямс медленно отворачивается и входит в комнату

МЕРЕДИТ (*в трубку*). Четыре-два, пожалуйста! Доктор Фосетт? Звонят из Олдербери... Не могли бы вы приехать немедленно? Мистер Крейл серьезно заболел...

МИСС УИЛЬЯМС. Он...

МЕРЕДИТ (*к мисс Уильямс*). Что? (*В трубку.*) Минутку! (*Снова к мисс Уильямс.*) Что вы сказали?

Входят Эльза и Филип. Они шутят и смеются

МИСС УИЛЬЯМС (*четко*). Я сказала, что он мертв.

Мередит кладет трубку.

ЭЛЬЗА (*изумленно глядя на мисс Уильямс*). Что вы сказали? Мертв? Эмиас? (*Бросается на террасу и широко раскрытыми глазами смотрит на Эмиаса.*) Эмиас! (*Делает судорожный вдох, подбегает к нему, опускается на колени и трогает его голову.*)

Кэролайн поворачивается. Все остальные неподвижны.

(*Тихо.*) Эмиас!

Пауза. Филип выбегает на террасу и останавливается у скамьи, а мисс Уильямс — около застекленной двери. Следом за ним выходит Мередит.

(Смотрит на Кэролайн.) Вы его убили! Говорили, что убьете, и так и сделали. Убили, чтобы он не достался мне!
(Вскакивает и бросается на Кэролайн.)

Филип пытается удержать Эльзу; та истерически кричит. Из холла входит Анджела.

МИСС УИЛЬЯМС *(Эльзе)*. Успокойтесь. Возьмите себя в руки.

ЭЛЬЗА *(в неистовстве)*. Она убила его! Убила!

ФИЛИП. Уведите ее в дом... и уложите.

Мередит уводит Эльзу в комнату.

КЭРОЛАЙН. Мисс Уильямс, не пускайте сюда Анджелу... Не надо, чтобы она видела.

Мередит уводит Эльзу в холл. Мисс Уильямс мгновение смотрит на Кэролайн, потом, решительно сжав губы, уходит в комнату. Филип опускается около Эмиаса на колени и шупает пульс.

АНДЖЕЛА. Мисс Уильямс, что это? Что случилось?

МИСС УИЛЬЯМС. Пойдем в твою комнату, Анджела. Произошел несчастный случай.

Мисс Уильямс и Анджела выходят в холл.

ФИЛИП *(глядя на Кэролайн)*. Это убийство.

КЭРОЛАЙН *(отшатываясь; внезапно нерешительно)*. Нет. Он сам...

ФИЛИП *(тихо)*. Можешь рассказывать это... полиции.

Свет медленно гаснет. Проектор освещает Джастина.

ДЖАСТИН. Между тем прибыла полиция. Полицейские нашли пузырек из-под кониина в ящике в комнате Кэролайн. Она призналась, что брала его... но сказала, что не использовала, и поклялась, будто понятия не имсет, почему он пуст. На пузырьке из-под яда были отпечатки пальцев Мередита и ее собственные. На террасе нашли раздавленную ногой глазную пипетку со следами кониина. Таким образом стало ясно, как яд попал в пиво. Анджела рассказала, что достала свежую бутылку пива из холодильника. Мисс

Уильямс взяла пиво у девочки и передала Кэролайн, которая открыла бутылку и подала Эмиасу. Все это вы только что слышали. Ни Мередит Блэйк, ни Филип Блэйк не касались бутылки и к ней не подходили. Неделю спустя Кэролайн Крейл была арестована по обвинению в убийстве.

Прожектор гаснет. Через некоторое время свет снова загорается. Сцена та же, что и в самом начале этого действия. На стене снова висит портрет Эльзы. Филип стоит возле дивана. Мередит сидит на диване, Анджела — на диванном валике. Эльза стоит перед дверью в холл. Мисс Уильямс сидит на козетке, а Карла — в кресле. Джастин стоит у застекленной двери с записной книжкой в руке. Все в пальто и головных уборах. Эльза взволнована. У Мередита подавленный вид, у Филипа — агрессивный. Мисс Уильямс сидит, плотно сжав губы. Анджела поглощена какой-то мыслью.

ФИЛИП. Ну вот, мы и разыграли это неслыханное шоу, и оно оказалось крайне неприятно и даже болезненно для некоторых из нас. Но что мы узнали? Ничего такого, чего не знали раньше. (*Сердито смотрит на Джастина.*)

Джастин улыбается. Филип выходит на террасу, останавливается у скамьи и закуривает сигарету.

ДЖАСТИН (*задумчиво*). Я бы так не сказал.

МЕРЕДИТ. Все вернулось... Как будто было вчера... Как больно!

ЭЛЬЗА (*садится на диван рядом с Мередитом*). Да. Но его уж не вернешь!

АНДЖЕЛА (*Джастину*). Что же вы узнали такого, что не было вам известно раньше?

ДЖАСТИН. Мы дойдем до этого.

ФИЛИП. Разрешите обратить ваше внимание на то, что, по всей видимости, никто не заметил. (*Подходит к Джастину.*) Все, что мы слышали и в чем сами принимали участие, — всего лишь воспоминания и, возможно, неточные.

ДЖАСТИН. Совершенно верно.

ФИЛИП. И стало быть, абсолютно бесполезные. У нас ведь нет фактов. Только смутные воспоминания о них.

ДЖАСТИН. То, что мы слышали, действительно свидетельскими показаниями считаться не может, однако определенную ценность все-таки представляет.

ФИЛИП. В каком смысле?

ДЖАСТИН. Мы узнали, что именно каждый запомнил или, наоборот, предпочел забыть.

ФИЛИП. Очень умно — но не очень существенно.

АНДЖЕЛА (*Филипу*). Я с вами не согласна. Я...

ФИЛИП (*перебывая Анджели*). И я хотел бы обратить внимание еще кое на что. Дело не только в том, кто что запомнил или забыл. Бывает еще и умышленная ложь!

ДЖАСТИН. Разумеется.

АНДЖЕЛА. В этом все дело, как мне кажется. Или я ошибаюсь?

ДЖАСТИН. Вы мыслите в правильном направлении, мисс Уоррен.

ФИЛИП. Послушайте, что все это значит? Если кто-то умышленно лжет... тогда... почему...

АНДЖЕЛА. Вот именно.

ФИЛИП (*подходя к Джастину; злобно*). Вы хотите сказать, что собрали всех нас, потому что один из нас повинен в убийстве?

АНДЖЕЛА. Разумеется. Вы только сейчас это поняли?

ФИЛИП. Никогда в жизни не слышал такой оскорбительной чуши!

АНДЖЕЛА. Если Эмиас не покончил с собой и если его убила не Кэролайн, значит, это сделал один из нас.

ФИЛИП. Но ведь совершенно ясно, даже из того, что мы сейчас услышали, что никто не мог убить Эмиаса, кроме Кэролайн.

ДЖАСТИН. Не уверен, что это можно утверждать наверняка.

ФИЛИП. О Господи!

ДЖАСТИН. Существует проблема, которую вы сами только что упоминали: возможность лжи. Когда свидетельство одного человека подтверждается или подкрепляется другим, тогда его можно считать проверенным. Однако кое-что из услышанного мы вынуждены принимать на веру. Например, с самого начала мы должны были положиться исключительно на слова мистера Мередита Блэйка о том, что произошло между ним и Кэролайн Крейл.

МЕРЕДИТ (*с негодованием*). Однако...

ДЖАСТИН (*поспешно*). О, я не оспариваю достоверность того, что вы рассказали. Я лишь обращаю ваше внимание на то, что разговор мог быть совсем иным.

МЕРЕДИТ. Он в точности такой — разумеется, в той мере, в какой вообще можно говорить о точности шестнадцать лет спустя.

ДЖАСТИН. Безусловно. Однако вспомните, погода стояла тогда прекрасная и все окна были открыты. Это значит, что большинство разговоров, даже те, которые, казалось, велись *tete-a-tetes*, могли быть или действительно были услышаны. Но не все.

МЕРЕДИТ. Это вы обо мне?

Пауза. Джастин смотрит в свою записную книжку.

ДЖАСТИН. Не только. Я выбрал вас, потому что именно вы начали воспоминания.

МИСС УИЛЬЯМС. Я хотела бы сразу заявить, что мое сообщение о случившемся абсолютно правдиво. Не было свидетеля, который мог бы подтвердить то, что я видела... как Кэролайн Крейл стирала отпечатки пальцев с бутылки, но я клянусь, что именно так все и было, как я рассказала. *(К Карле.)* Мне очень жаль, Карла, что я должна была это рассказать, но я надеюсь, что вы достаточно мужественны, чтобы смотреть правде в лицо.

АНДЖЕЛА. Карла хотела знать правду.

ДЖАСТИН. И как раз это ей поможет! *(Подходит к мисс Уильямс.)* Вы даже не подозреваете, мисс Уильямс, что ваши слова подтверждают не вину Кэролайн Крейл, а ее невиновность.

Удивленные восклицания всех присутствующих. Филипп встает.

МИСС УИЛЬЯМС. Что вы имеете в виду?

ДЖАСТИН. Вы сказали, что видели, как Кэролайн Крейл взяла носовой платок и вытерла пивную бутылку, а потом приложила к ней пальцы своего мужа.

МИСС УИЛЬЯМС. Да.

ДЖАСТИН. К пивной бутылке?

МИСС УИЛЬЯМС. Разумеется. К бутылке.

ДЖАСТИН. Но, мисс Уильямс, в бутылке яда не было... Ни малейшего следа. Кониин был в стакане.

АНДЖЕЛА. Вы хотите сказать?..

ДЖАСТИН. Я хочу сказать, что раз Кэролайн стерла отпечатки пальцев с бутылки, значит, она думала, что кониин был в бутылке. Будь она отравительницей, она, конечно, знала бы, где находился яд. *(Поворачивается к Карле.)*

КАРЛА. Конечно!

ДЖАСТИН. Мы все собрались здесь сегодня, по просьбе одного человека — дочери Эмиаса Крейла. Вы удовлетворены, Карла?

Карла встает; Джастин садится в кресло.

КАРЛА. Да. Удовлетворена. Я теперь знаю. О, я узнала многое!

ФИЛИПП. Что именно?

КАРЛА. Я узнала, что вы, Филип Блэйк, были страстно влюблены в мою мать и, когда она отказала вам и вышла замуж за Эмиаса, вы ей этого так и не простили. (*Мереди-ту.*) А вы думали, что все еще любите мою мать.. но на самом деле любили Эльзу.

Мередит смотрит на Эльзу, которая торжествующе улыбается

Но все это не имеет значения... Важно то, что я поняла, почему моя мать так странно вела себя во время судебного процесса. Я знаю, что она пыталась скрыть (*подходит к Джастину*) и почему стерла отпечатки пальцев с бутылки. Вам тоже все ясно, Джастин?

ДЖАСТИН. Не совсем.

КАРЛА. Был только один человек, которого Кэролайн могла бы попытаться защитить. (*Поворачивается к Анджеле.*) Вы!

АНДЖЕЛА (*выпрямляясь*). Я?

КАРЛА. Да. Это совершенно ясно. Вы постоянно подстраивали Эмиасу всякие каверзы. А тут и вовсе впали в ярость... Даже решили отомстить — за то, что, по-вашему, именно он решил спровадить вас в школу.

АНДЖЕЛА. Он был абсолютно прав.

КАРЛА. Но тогда вы так не думали. Вы были в бешенстве! Это вы взяли из холодильника бутылку пива для Эмиаса, хотя отнесла ее Кэролайн. Как-то раньше вы уже подливали что-то ему в пиво. Когда Кэролайн увидела, что Эмиас мертв и рядом с ним лежат бутылка и стакан, — все это сразу пришло ей в голову...

АНДЖЕЛА. Она считала... я его убила?!

КАРЛА. Она не считала, что вы сделали это умышленно... Просто хотели, как обычно, поиздеваться над ним... чтобы его стошнило, но не рассчитали дозу. Как бы то ни было, она подумала, что его убили вы, и решила любой ценой вас спасти. О, разве вы не видите? Все сходится! Как поспешно она отправила вас в Швейцарию, как старалась, чтобы вы ничего не узнали об аресте и судебном процессе.

АНДЖЕЛА. Она, должно быть, просто сошла с ума!

КАРЛА. Ее мучила вина перед вами — за то, что она сделала, когда вы были еще ребенком. Так что на свой лад она заплатила долг.

ЭЛЬЗА (*Анджеле*). Значит, это были вы?

АНДЖЕЛА. Не говорите глупостей. Конечно нет! Вы хотите сказать, что верите этой нелепой истории?

КАРЛА. Кэролайн этому верила.

ДЖАСТИН. Да, Кэролайн верила. Это многое объясняет.

АНДЖЕЛА (*к Карле*). А вы, Карла? Вы верите?

КАРЛА (*помолчав*). Нет.

АНДЖЕЛА. О-о! (*Садится на диван.*)

КАРЛА. Но... другой версии нет.

ДЖАСТИН. Я полагаю, она может быть. (*Встает и проходит влево*) Скажите, мисс Уильямс, возможно ли, чтобы Эмиас Крейл помогал Анджеле укладывать ее вещи?

МИСС УИЛЬЯМС. Разумеется нет! Ему такое и в голову бы не пришло!

ДЖАСТИН. И тем не менее вы, мистер Филип Блэйк, слышали, будто Эмиас Крейл сказал: «Я присмотрю, как она пакует свои вещи». Я полагаю, вы ошиблись.

ФИЛИП. Послушайте, Фогг, у вас хватает наглости намекать, что я солгал?

Свет постепенно гаснет

ДЖАСТИН. Я ни на что не намекаю. Однако разрешите вам напомнить, что общая картина событий, которую мы получили, построена на запомнившихся разговорах.

Прожектор высвечивает Джастина.

Память — единственная нить, которая связывает все фрагменты нашей картины, но связь эта очень тонкая и ненадежная. Я полагаю, что один из разговоров, который мы слышали, происходил совсем иначе. Предположим, вот так.

Луч прожектора гаснет. Через мгновение загорается свет. Сцена снова представляет собой садовую комнату и террасу шестнадцать лет назад. Кэролайн сидит в кресле. Эмиас собирается открыть дверь и выйти, но поворачивается к Кэролайн.

ЭМИАС. Я уже сказал тебе, Кэролайн, что не хочу обсуждать это сейчас.

КЭРОЛАЙН. Ты не хочешь скандала, пока не закончишь картину. Все дело в этом, не так ли?

Эмиас подходит и наклоняется над Кэролайн

О, я очень хорошо тебя понимаю.

Эмиас хочет ее поцеловать

(*Встает и переходит влево.*) То, что ты делаешь, Эмиас, — чудовищно! Ты собираешься поступить с этой девушкой так же, как поступал с остальными. Ты был в нее влюб-

лен, но теперь это прошло. Все, чего ты хочешь, — кружить ей голову, пока не кончишь картину.

ЭМИАС (*улыбаясь*). Ну хорошо. Признаю. Для меня имеет значение картина.

КЭРОЛАЙН. Но как же девушка?

ЭМИАС. У нее это пройдет.

КЭРОЛАЙН (*умоляюще*). О! Ты должен ей сказать. Теперь... сегодня же. Нельзя так продолжать. Это слишком жестоко.

ЭМИАС (*подходя к Кэролайн*). Хорошо! Я отправлю ее! Пусть пакует свои вещи. Но картина...

КЭРОЛАЙН. Будь она проклята, эта картина! Все эти твои женщины... Ты просто недостойн жить!

ЭМИАС. Кэролайн! (*Пытается обнять.*)

КЭРОЛАЙН. Я не шучу! Нет, не прикасайся ко мне (*Идет вправо.*) Это слишком жестоко!

Кэролайн выходит. Свет гаснет. Проектор освещает Джастина.

ДЖАСТИН. Да. Разговор происходил именно так. Кэролайн просила, но не за себя. Фраза, услышанная Филипом Блэйком: «Я присмотрю, как она пакует свои вещи», — на самом деле звучала чуть иначе и относилась вовсе не к Анджеле. Филип Блэйк слышал голос умирающего человека, который пытался сказать, что прогонит свою любовницу: «Я отправлю ее. Пусть пакует свои вещи».

Проектор гаснет. Зажигается свет. Все присутствующие на своих прежних местах.

Эту фразу Эмиас, несомненно, произносил и раньше, по отношению к другим любовницам, но на этот раз он говорил о вас (*поворачивается к Эльзе*), не правда ли, леди Мелкшэм? Вы были в шоке от подслушанного вами разговора — и действовали незамедлительно! Вы заметили, что Кэролайн накануне взяла пузырек с конином, и сразу нашли его, когда ходили за пуловером. Вы действовали осторожно: набрали яда в глазную пипетку, спустились вниз, прикрыв ее пуловером, и, когда Эмиас попросил пива, вылили содержимое пипетки в стакан и подали его Эмиасу. Затем снова сели на скамью позировать. Вы наблюдали за тем, как он пил. Видели, как появились первые симптомы: онемение конечностей, постепенное расстройство речи. Вы сидели и смотрели, как он умирает. Это портрет женщины, наблюдающей, как умирает человек, которого она любила.

Эльза стремительно подходит к портрету и смотрит на него.

Человек, писавший этот портрет, не знал, что с ним происходит. Однако это здесь... в глазах.

ЭЛЬЗА *(жестко)*. Он заслужил смерть! *(Смотрит на Джастина.)* Вы умный человек, мистер Фогг, однако у вас нет ни малейшей возможности хоть что-нибудь предпринять. *(Выходит в холл.)*

Полная тишина. Затем все сразу начинают говорить. Карла выходит на террасу и останавливается около скамьи.

ФИЛИП. Однако... однако неужели мы и вправду не можем ничего предпринять?

МЕРЕДИТ. Не могу поверить! Просто не могу поверить!

АНДЖЕЛА. Это так очевидно... Как мы были слепы!

ФИЛИП. Что мы можем сделать, Фогг?.. Что, черт побери, мы можем сделать?

ДЖАСТИН. Юридически — боюсь, ничего.

ФИЛИП. Ничего?.. То есть как это — ничего? Ведь эта женщина фактически призналась... Я не уверен, что вы правы, Фогг! *(Выходит через холл.)*

АНДЖЕЛА *(тоже направляясь к двери в холл, Джастину)*. Как вы странно, но вы правы.

МИСС УИЛЬЯМС *(идя к двери в холл)*. Невероятно! Совершенно невероятно. Трудно поверить!

Мисс Уильямс и Анджела выходят. Филип возвращается.

ФИЛИП *(Джастину)*. В самом деле, Фогг, — я не вполне уверен, что вы правы. Завтра же утром я свяжусь с моим адвокатом. *(Опять уходит.)*

МЕРЕДИТ. Эльза... Уж на нее я никак не мог подумать! Совершенно невероятно! Кэролайн мертва... Эмиас мертв... Нет ни одного свидетеля... *(Поворачивается, уже в дверях.)* Или есть? *(Качает головой и уходит через центральную дверь.)*

Карла сидит на каменной скамье. Джастин смотрит на нее из комнаты, затем тоже выходит на террасу.

ДЖАСТИН. Ну а теперь что вы хотели бы предпринять, Карла?

КАРЛА *(тихо)*. Ничего. Она уже приговорена, не так ли?

ДЖАСТИН. Приговорена?

КАРЛА. К пожизненному заключению... В себе самой. Благодарю вас!

ДЖАСТИН. Теперь вы вернетесь в Канаду и выйдете замуж. Юридического доказательства, разумеется, нет, но мы можем предоставить вашему Джеффу более-менее удовлетворительный ответ.

КЛАРА. В этом нет надобности. Я не собираюсь выходить за него замуж. И уже сказала ему об этом.

ДЖАСТИН (*поднимая голову*). Но... почему?

КАРЛА (*задумчиво*). По-моему, я его переросла. И я не хочу возвращаться в Канаду. В конце концов, мое место здесь.

ДЖАСТИН. Вам покажется здесь... одиноко.

КАРЛА (*с озорной улыбкой*). Нет, если я выйду замуж за англичанина. (*Хмуро.*) Если бы я могла заставить вас влюбиться в меня...

ДЖАСТИН. Заставить? Как вы думаете, чего ради я все это устраивал?

КАРЛА (*вставая*). Вы принимаете меня за мою мать. Но я — дочь не только Кэролайн. Ведь Эмиас — мой отец, так что во мне сидит немало от дьявола. И я хочу, чтобы вы меня любили.

ДЖАСТИН. Об этом можете не беспокоиться! (*Улыбается и обнимает ее.*)

КАРЛА (*смеясь*). А я и не беспокоюсь.

Целуются. Через центральную дверь входит Мередит.

МЕРЕДИТ (*входя*). Могу я предложить вам что-нибудь выпить, прежде чем... (*Видит, что в комнате никого нет, подходит к стеклянной двери и выглядывает на террасу.*) О-о! (*Улыбается.*) Подумать только! (*Удаляется.*)

Свет постепенно гаснет.

З а н а в е с

ТРОЙНОЕ ПРАВИЛО

ПЬЕСА

Перевод

В ЧЕЛНОВОЙ

Rule of Three
The Rats
Afternoon at the Seaside
The Patient
1962

© Перевод Челнокова В , 2001

© Редакция Издательство «Артикул-принт», 2001

Крысы

Одноактная пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

САНДРА ГРЕЙ, элегантная красавица, уверенная в своей неотразимости, лет 30-ти.

ДЖЕННИФЕР БРАЙС, молодая женщина лет 30-ти, с непроницаемым, чуть язвительным выражением лица.

ДЭВИД ФОРРЕСТЕР, красавец 38 лет; за внешним обаянием и хорошими манерами проглядывает черствая, безжалостная душа.

АЛЕК ХАНБЕРИ, щеголеватый, очень женоподобный молодой человек с вычурными, немужскими манерами, 29 лет.

Квартира Майкла Торренса в Хэмпстеде. Погожий летний вечер, около половины седьмого.

Комната в современной однокомнатной квартире, обставленная легкой функциональной мебелью. Из окна видны крыши домов. Одна из дверей ведет на балкон, другая — в ванную и кухню. Под окном стоит огромный старинный сундук темного дерева, обитый медью и латунными гвоздиками. На полках видны восточные кофейники с длинными носиками, глиняные кувшины, на стене висит кинжал восточной работы, у окна клетка с попугаем.

В дверь квартиры звонят, потом стучат. Из-за сцены доносится голос Сандры.

САНДРА. Есть тут кто-нибудь? Кто дома?

Входит Сандра — элегантная красавица, лет тридцати, вполне сознающая свою привлекательность.

Пат, Майкл! *(заглядывает в кухню, потом на балкон, затем идет к креслу, вешает на него свою шаль, садится, снимает перчатки и кладет их в сумку. Берет со стола пачку сигарет, обнаружив, что она пуста, кладет на место. Достает из сумочки сигареты, закуривает.)* Это неслыханно! *(Встает, прохаживается с нарастающим раздражением, поглядывает на часы.)* Хорошенькие манеры, нечего сказать. *(Выходит на балкон.)*

Слышно, как в замке поворачивается ключ

ДЖЕННИФЕР. О! Открыто!

Входит Дженнифер. Вынув ключ из замка, она кладет его в сумочку; увидев шаль на кресле, останавливается и поворачивается к балкону.

Привет, Сандра.

САНДРА *(возвращается в комнату)*. Дженнифер! Сто лет тебя не видела.

ДЖЕННИФЕР. Что ты тут делаешь?

САНДРА. То же, что и ты, — пришла на вечеринку слишком рано. Глупо себя чувствуешь, когда являешься раньше всех, правда?

ДЖЕННИФЕР. Что за вечеринка? По какому поводу?

САНДРА. Ну не совсем вечеринка. Торренсы просто сказали — заходи на коктейль.

ДЖЕННИФЕР. Торренсы пригласили тебя сегодня на коктейль?

САНДРА. Почему бы нет? А разве ты не для этого пришла?

ДЖЕННИФЕР. Не совсем. *(Отвернувшись, фыркает.)*

САНДРА. А почему бы Торренсам не пригласить меня на коктейль?

ДЖЕННИФЕР. Ну конечно... будь они в Англии...

САНДРА. Ты хочешь сказать, их нет в Англии?

ДЖЕННИФЕР. Гм-м-м. Они в Жуане.

САНДРА. Но Пат Торренс звонила мне в среду, позавчера.

ДЖЕННИФЕР. Да неужели?

САНДРА. Да.

ДЖЕННИФЕР. Только не надо сочинять, моя милая! Да еще так настаивать — все ведь шито белыми нитками!

САНДРА. Ну знаешь, Дженнифер!

ДЖЕННИФЕР. Начинаю понимать: ты выпросила у Пат Торренс ключ и теперь с кем-то здесь встречаешься. Признавайся — с кем? Скажи. А то я сама догадаюсь!

САНДРА. Глупости! Говорю тебе, позвонила Пат Торренс и пригласила меня...

ДЖЕННИФЕР. О, милочка, только не заводи все сначала, а! Придумай что-нибудь получше. Может, она просила тебя зайти покормить попугая?

САНДРА. Вообще-то да... она упоминала...

ДЖЕННИФЕР. Эту маленькую скотинку уже согласилась кормить я. *(Вынимает из сумки пакет с кормом, подходит к Сандре, читает надпись.)* «Ловбад Баджи Фуд. Вашему попугаю это понравится». До чего же Пат забывчива! Поручила нам обеим одно и то же!

САНДРА. Ну, знаешь, Дженнифер...

ДЖЕННИФЕР. Ну, не сердись. Я пошутила. Какая прелесть — застукать тут твоего дружка! Уж подруге-то ты могла бы рассказать, кто он. Честное слово, я буду нема как могила.

САНДРА. Размечталась!

ДЖЕННИФЕР. Ну же, не злись, дорогуша. Но только удивляюсь — как это Торренсы поощряют подобные дела? Я-то всегда считала их людьми строгих правил! Когда долго живешь в колониальной глуши, на дальних рубежах империи, это сказывается. *(Встает коленями на пуфик.)* Дорогуша, ну-ка выкладывай, с кем у тебя интрижка?

САНДРА. Нет у меня ни с кем никакой интрижки!

ДЖЕННИФЕР. Тогда чего ради ты заявила в квартиру Торренсов, хотя они уехали во Францию, и рассказываешь мне сказки про коктейль?

САНДРА. Видимо, произошло какое-то недоразумение — знаешь, как это бывает по телефону. Может быть, Пат говорила про ту неделю. Честно, я была в полной уверенности, что попаду в веселую компанию.

ДЖЕННИФЕР. Как на духу — ты правда ни с кем не собиралась здесь встречаться?

САНДРА. Разве что с Джоном.

ДЖЕННИФЕР. С твоим мужем?

САНДРА. Да. Он сказал, что присоединится к нам, как только освободится на работе.

ДЖЕННИФЕР. Милый Джон! Он душка, правда?

САНДРА. А как же!

ДЖЕННИФЕР. Такой милый, простой, доверчивый человек! Он тебя просто боготворит, правда?

САНДРА. Нельзя сказать, чтобы я была ему несимпатична.

ДЖЕННИФЕР. Блестящее определение! Мужчины вообще не находят тебя несимпатичной, да? Совсем наоборот.

САНДРА. Может, тебе лучше заняться попугаем, раз уж ты утверждаешь, что пришла его покормить?

ДЖЕННИФЕР. Сандра! Неужели ты считаешь, я пришла сюда, чтобы с кем-то встретиться?

САНДРА. Что ты! Про тебя такого не вообразить!

ДЖЕННИФЕР. Вот язва! *(Подходит к клетке, вынимает поддон, насыпает корм из пакета.)* Цып-цып-цып, на, пожалуйста, кушай. Это специально для попугаев. Слушай, Сандра, тебе не кажется, что этот попугай малость не того? Да и вообще Торренсы малость не того. Все эти путешествия по загадочным местам, все эти сувениры. Правда, однажды я и сама стащила пепельницу из «Карлтона» в Каннах, так до сих пор не могу себе этого простить. И почему у них только одна птичка, почему не парочка? Посмотри на этого бедняжку, заперт в клетке один-одинешенек и прямо извелся по подружке. Но если уж вас станет двое, придется соблюдать верность, правда? Тоже тоска! Господи, да он с утра выпил воды столько, сколько весит сам! Ну, не беда, мамочка нальет тебе еще — а может, он хотел бы джину? Если только это он! Как их различают?

Дженнифер выходит. Сандра идет на балкон.

Дженнифер приносит блюдо с водой, ставит его в клетку, затем забирает пакет с кормом.

Кого ты там высматриваешь, дорогая? Торренсов? Говорю тебе, они за границей. А может, ты все-таки еще кого-нибудь ждешь? Ну что ж, на сегодня мои дела закончены, и я ухожу. До свиданья, Сандра.

САНДРА. Я с тобой. Видно, оставаться не имеет смысла.

ДЖЕННИФЕР. А как же Джон? Ведь он придет.

САНДРА. О, Джон — он может...

Звонок в дверь.

ДЖЕННИФЕР. Кажется, это он. *(Открывает дверь и прячется за ней.)*

Входит Дэвид Форрестер. В первую минуту он замирает от неожиданности, но справляется с собой.

ДЭВИД. Привет, Сандра.

САНДРА *(удивленно)*. Дэвид?

ДЖЕННИФЕР *(выходит из-за двери)*. Здравствуйте!

ДЭВИД. Привет!

САНДРА. Э-э... Мистер Форрестер — миссис Брайс.

ДЖЕННИФЕР. Очень приятно.

ДЭВИД. И мне также.

САНДРА. Дэвид, кажется, ты тоже перепутал день. Дженнифер говорит, Торренсы за границей.

ДЭВИД. Вот как. Значит, нас будет только трое.

ДЖЕННИФЕР. О, я просто зашла покормить попугая.

ДЭВИД. О, понятно. Симпатичный парень. Он разговаривает?

ДЖЕННИФЕР. Только на суахили.

ДЭВИД. Очень выразительный язык, насколько я знаю.

ДЖЕННИФЕР. Ладно, пора мне. Очень приятно было познакомиться. *(Насмешливо смотрит на Сандру.)* До свиданья, дорогая.

Дженнифер уходит.

ДЭВИД. Что это за дьявол в юбке?

САНДРА. Дженнифер Брайс.

ДЭВИД. Твоя подруга?

САНДРА. Как тебе сказать...

ДЭВИД. Что она тут делала?

САНДРА. Ты же слышал. Приходила кормить попугая. А ты-то что тут делаешь?

ДЭВИД. Дорогая... я пришел повидаться с тобой.

САНДРА. Со мной?

ДЭВИД. Кстати, а чья это квартирка?

САНДРА. Торренсов.

ДЭВИД. О, понятно. *(Осматривается.)* Очень мило и удобно. *(Улыбаясь, подходит к дивану.)* Неужели Торренсы вдвоем на нем умещаются? Сомневаюсь!

САНДРА. Думаю, он раскладывается.

ДЭВИД. А, раскладной. Сандра... *(Страстно целует ее.)*

САНДРА *(отвечает тем же)*. Дэвид...

ДЭВИД. Как долго...

САНДРА. Слишком долго!

Снова целуются

ДЭВИД. Целую неделю!

САНДРА. Но в понедельник мы же были в театре...

ДЭВИД. Я не это имел в виду.

Садятся на диван.

Тебе тоже показалось долго?

САНДРА. Целая вечность! Хорошо бы нам не надо было скрываться.

ДЭВИД. Приходится.

САНДРА. Все время хитрить, тщательно все рассчитывать. Так надоело!

ДЭВИД (*внезапно высвобождается из объятий*). Так будет не всегда, но пока что... Эта дамочка — чертовски не повезло, что она тут оказалась. Что она может подумать?

САНДРА. О нас?

ДЭВИД. Да.

САНДРА. М-м... Боюсь, что...

ДЭВИД. Пойдет и разстрезвонит, да? Чертовское невезение. До сих пор мы были так осторожны.

САНДРА. Я сказала ей, что Джон заберет меня отсюда.

ДЭВИД. И она поверила?

САНДРА. Она бы поверила, если бы в это время не вошел ты.

ДЭВИД. Я и говорю — чертовское невезение. Надо сказать, ты отлично изобразила удивление.

САНДРА. Но я и вправду удивилась.

ДЭВИД. Как это может быть, если ты сама просила меня прийти сюда?

САНДРА. Я не просила тебя приходить.

ДЭВИД. Не просила?

САНДРА. Нет!

ДЭВИД. Но мне передали сообщение.

САНДРА. Какое сообщение?

ДЭВИД. Не могли бы вы встретиться с миссис Грей в полседьмого по адресу Олбери-Мэншнс, пятьсот тринадцать. Это Олбери-Мэншнс?

САНДРА. Да, конечно.

ДЭВИД. Ну и что теперь?

САНДРА. Дэвид, все это очень странно. Торренсы позвонили и пригласили меня к себе на коктейль.

ДЭВИД. Давай сначала. Кто такие эти Торренсы?

САНДРА. Майкл и Пат. Недавно вернулись не то из Малой Азии, не то из Африки, не знаю. По линии то ли ООН, то ли ЮНЕСКО.

ДЭВИД. Заметно. Обстановочка соответствующая. Итак, Торренсы позвонили, пригласили тебя, и ты пришла. Очевидно, ты перепутала день. Никаких признаков подготовки к приему гостей. Как ты вошла?

САНДРА. Я позвонила — и обнаружила, что дверь не заперта. Зашелка поставлена на стопор.

ДЭВИД. Да. Странно.

САНДРА. Очень странно. Но самое странное то, что в прошлую субботу Торренсы, оказывается, уехали во Францию, на Ривьеру — так как же Пат Торренс могла позвонить мне позавчера?

ДЭВИД. Она сама тебе звонила? А не кто-то по ее поручению?

САНДРА. Нет, это была Пат — по крайней мере, мне так показалось.

ДЭВИД. Но теперь ты не уверена? Ты узнала ее голос?

САНДРА. Я не так уж хорошо ее знаю. Она сказала: «Говорит Пат Торренс». Мне и в голову не пришло, что это может быть не она.

ДЭВИД. За всем этим что-то кроется, но я не пойму что.

САНДРА. Я тоже. И мне это очень не нравится.

ДЭВИД. Но какой в этом смысл? Позвонить тебе, представиться Пат Торренс, заманить сюда тебя, потом меня — якобы ты меня пригласила. Но чего ради?

САНДРА. А вдруг...

ДЭВИД. Что?

САНДРА. А вдруг это Джон?

ДЭВИД. Джон?

САНДРА. Временами мне кажется, будто он что-то заподозрил.

ДЭВИД. Ты мне не говорила.

САНДРА. Потому что не была уверена.

ДЭВИД. Джон... Но как он связался с Торренсами? Неужели он мог уговорить миссис Торренс позвонить тебе и...

САНДРА. Чепуха. Он с ней едва знаком.

ДЭВИД. Он мог снять у них квартиру, а потом попросить кого-нибудь позвонить тебе, назваться Пат Торренс...

САНДРА. Но зачем? Чего ради?

ДЭВИД. Девочка моя, пошевели мозгами. Чтобы застукать нас. На месте преступления.

САНДРА. О, понимаю.

ДЭВИД. Может, в ванной спряталась парочка детективов в котелках?

Дэвид заглядывает в ванную и на кухню.

Там даже котелок не спрячешь. Да и здесь все голо, как на ладони. Может, это означает, что он сам заявится сюда, чтобы застать нас за грязными играми!

САНДРА. Как это гадко... отвратительно!

ДЭВИД. Не суди его строго! В конце концов, полагаю, всякому мужу неприятно обнаружить, что у жены имеется любовник. Сколько времени вы женаты?

САНДРА. Три года.

ДЭВИД. И старина Джон все еще склонен ревновать?

САНДРА. Конечно, он ревнивый, ты же знаешь. Но с другой стороны, он простофиля редкостный. Провести его ничего не стоит. Я была совершенно уверена, что он ничего не подозревает, — до последнего времени.

ДЭВИД. Что ж, стало быть, нашелся доброжелатель и сообщил ему эту приятную новость, хоть мы соблюдали осторожность.

САНДРА. Кто-нибудь обязательно да узнает.

ДЭВИД. Да. В таком случае, думаю, нам лучше побыстрее сматываться отсюда. Встретимся завтра на обычном месте — только убедись, что за тобой не следят. Мы не можем рисковать, чтобы кто-то... Собирайся.

Сандра идет за сумкой и шалью Дэвид берет со стола шляпу
Звонок в дверь

САНДРА. Как ты думаешь, кто это?

ДЭВИД. Чш-ш! Если это Джон и если он ничего не услышит, то уйдет.

Снова раздается звонок

САНДРА. Дверь... она открыта.

ДЭВИД. Черт! Забыл снять зашелку со стопора! (*Усаживает Сандру на диван.*) Ради Бога, расслабься. Держи сигарету. Ну же!

Сандра берет сигарету, Дэвид дает ей прикурить, закуривает сам и отходит в сторону

Входит Алек, на нем элегантнейший костюм, на руках перчатки

Алек!

АЛЕК. А, здравствуй, Дэвид. Приветик, Сандра. Какое разочарование, дорогие мои! Похоже, мы все трое пришли на вечеринку слишком рано.

САНДРА. Ну и вечеринка! Мы вот сами только что удивлялись.

АЛЕК. Да, как-то не очень похоже, верно? Где тартинки, где коктейль, где маслины? Но полагаю, вечеринка все-таки состоится здесь? Торренсы не перенесли ее, часом, в какое-нибудь другое местечко?

ДЭВИД. Это... мы и сами гадаем.

АЛЕК. А вы давно здесь?

САНДРА. О, я пришла пять минут назад, а Дэвид только-только вошел.

АЛЕК. Я понял. То есть вы пришли не вместе!

ДЭВИД. Нет.

САНДРА (*одновременно с ним*). Нет.

Алек пристально смотрит на них.

Тебе Пат позвонила?

АЛЕК. Нет, Майкл. Он, похоже, безалаберный малый, хотя я его не слишком хорошо знаю. Он просто сказал, не подъеду ли я сюда вечером. Ну так в полседьмого. Ну вот я и...

ДЭВИД. ...прифрантился!

АЛЕК. Между прочим, я только что с приема. Дорогой мой, ну и публика теперь пошла, фи! Я уж надеялся, хоть эта вечеринка будет на уровне!

ДЭВИД. Это Майкл так сказал?

АЛЕК. Нет, он просто сказал — приходи, мол, выпьем (*открывает секретер*), но сказать можно по-разному. Ага, здесь кое-что есть. Я уверен, он собирался с нами что-то отметить. (*Достает бутылку виски; она почти пуста.*) О! (*Ставит виски на место, достает джин.*) А, джин! Годится? Вот и тоник.

САНДРА. Прекрасно.

Алек наливает три стакана джина с тоником.

ДЭВИД. Что ж, мне все ясно. Вероятно, Торренсы дают прием, но где-то в другом месте, и либо они думают, что мы знаем где, либо просто забыли сказать.

АЛЕК. А все же это довольно странно, вы не находите?

Дэвид подходит к Сандре с двумя стаканами.

Я имею в виду, что они забыли сказать это всем троим.

Дэвид замирает, но потом отдает Сандре ее стакан.

Что ж, уместен будет тост за отсутствующих друзей. За Торренсов!

Пьют.

САНДРА. Кто-то говорил... вообще-то это сказала Дженнифер Брайс, будто Торренсы за границей. Я ей не поверила, но хотелось бы знать...

АЛЕК. Дженнифер Брайс! Она была здесь?

САНДРА. Она приходила кормить...

ДЭВИД. Попугая.

АЛЕК. Надо же, какая интригуемая история! Погодите, погодите! Значит, Торренсы уехали. Кто-то, неизвестно кто, приглашает сюда нас троих. Но зачем? Вот поворотик, а? Прямо как в книжке. Может, они рассчитывают, что мы где-нибудь тут найдем подсказку — куда нам теперь направляться. Да... Какие оригинальные вещи у Торренсов! *(Снимает кофейник с полки над диваном.)* Наверное, из Багдада. Ой! Какой странный у него носик!

САНДРА. Жуткий!

АЛЕК. Это ты верно сказала. *(Ставит кофейник на место.)* Именно жуткий. Вообще, вся эта квартирка какая-то жутковатая. Голое холодное пространство. Четыре стены и минимум необходимых для жизни вещей. Страшное место, если, не дай Бог, дверь захлопнется и придется здесь остаться навеки!

ДЭВИД. Самая обыкновенная современная квартира. Не выдумывай, Алек.

АЛЕК. Дэвид, какой ты чуткий, ты не позволяешь разыграться мрачным фантазиям. *(Подходит к сундуку.)* А вот эта вещь, как я понимаю, называется «дамасский сундук невесты». Похоже, проточена червем. *(Подходит к кинжалу, висящему на стене, и вынимает его из ножен.)* Ой! А это кровавый кинжал — зарезать неверную жену. Дэвид, смотри, какая красивая инкрустация на рукоятке. Бери смелее, он же тебя не укусит.

ДЭВИД *(берет кинжал, сухо)*. Да, красивая. *(Возвращает кинжал Алеку.)*

АЛЕК. Ах, Дэвид, нет у тебя чувства прекрасного! *(Подает кинжал Сандре.)* Сандра, скажи, правда, он очень мил?

САНДРА *(берет кинжал)*. Прекрасный кинжал. *(Отдает кинжал Алеку.)*

АЛЕК *(идет с кинжалом на балкон)*. А что там? Пять этажей. Вот это высота! *(Выходит на балкон.)* Как утес в Корнуолле. Прямо создан для самоубийства. Ой, выронил! *(Входит в комнату.)* Я уронил кинжал. Хорошо, не на голову прохожему. Придется за ним спуститься. Вот досада. Ладно, заодно поищу портье.

САНДРА. Не думаю, чтобы тут был портье.

АЛЕК. Ну, должен быть управляющий домом. Заскочу к нему и узнаю, правда ли Торренсы уехали и не сдали ли они кому-нибудь квартиру.

ДЭВИД. Может, мы пойдем...

АЛЕК. Нет-нет, оставайтесь, пейте, чувствуйте себя как дома. Я сейчас!

Уходит.

ДЭВИД. Надо же было этому хлыщу заявиться. У него самый ядовитый язык во всем Лондоне.

САНДРА. По-твоему, он подумал, что мы тут оказались неспроста?

ДЭВИД. Ручаюсь. И растрезвонит, будто это мы уговорили Торренсов сдать нам квартиру для свиданий.

САНДРА. Давай уйдем!

ДЭВИД. Нет, погоди. Нехорошо, если мы выйдем вместе. Скажи, Алек и Джон — друзья?

САНДРА. Так, приятели. Кому Алек действительно был предан, так это моему первому мужу, Барри. И страшно горевал, когда Барри умер.

ДЭВИД. Когда он упал со скалы в Корнуолле?

САНДРА. Да. Алек тогда пустил слух, будто это я столкнула Барри со скалы.

ДЭВИД. А разве нет?

САНДРА. Ты что!

ДЭВИД. Ничего.

САНДРА. Я тогда сама чуть не свалилась. Это было ужасно! После проливного дождя случился оползень.

ДЭВИД (*задумчиво*). Значит, Алек тебя здорово не любит.

САНДРА. Подозреваю, что женщин он вообще не любит.

ДЭВИД. Но тебя особенно.

САНДРА. Не понимаю, к чему ты клонишь?

ДЭВИД. Я просто думаю — а если за всем этим стоит Алек? Что, если это он нас сюда заманил?

САНДРА. Зачем бы ему это?

ДЭВИД. Чтобы дать сигнал Джону, что мы оба тут. А тот пришел бы и нас застукал.

САНДРА. Это нелепо. А даже если Алек так и сделал — самому-то ему зачем сюда приходить? Это разрушило бы весь план.

ДЭВИД. Да-да, ты права. Во всяком случае, мы тоже можем уйти. Пойдем вниз, составим компанию нашему другу Алексу.

САНДРА. Признаться, хотелось бы все-таки получить от него какое-то объяснение, а то очень уж странно. Я не могу поверить, что...

Дэвид дергает ручку входной двери.

ДЭВИД. Привет! Дверь-то заперта!

САНДРА. О, наверное, просто замок соскочил со стопора.

ДЭВИД (*снова дергает ручку*). Нет-нет, не этот замок. Видишь, внизу еще один, врезной. Кажется, он заперт.

САНДРА. Но этого не может быть. Мы же спокойно вошли...

ДЭВИД. Похоже, кто-то запер нас снаружи.

САНДРА. Запер?

ДЭВИД. Да.

САНДРА. Ерунда какая-то. Мы можем... Кто запер дверь?

ДЭВИД. Алек.

САНДРА. Алек? Зачем Алеку запирасть нас? Сейчас же начнем колотить в дверь, кричать...

ДЭВИД. Нет, не надо. Подожди минутку, сядь. Сначала подумаем. Происходит что-то очень странное. Может, нас запер Алек, а может, кто-то другой. Некто привлекает нас сюда, с тобой он говорит голосом Пат Торренс, а мне передает приглашение якобы от тебя. Кто бы это ни был, но он сумел заманить нас сюда, и вот мы заперты вдвоем.

САНДРА. Что за чушь. Надо только покричать как следует!

ДЭВИД. Кричи, кричи. Чего ты добьешься? Скандала? Мы встретились на чужой квартире, в отсутствие хозяев, с известными намерениями, а какой-то шутник нас взял и запер!

САНДРА. Тогда чем скорее мы поддадимся на эту провокацию, тем лучше. Поднимем страшный шум, а потом объясним, что все это розыгрыш.

ДЭВИД (*грубо, злобно*). Ты что, не понимаешь — нельзя допустить скандала! Это перечеркнет все мои шансы на продвижение. Если только Джон начнет дело о разводе, мне конец.

САНДРА. Какая же ты скотина! Ни о ком не думаешь, кроме себя. А я? А как же мое доброе имя?

ДЭВИД. Ха! У тебя его никогда не было.

Сандра дает ему пощечину.

Садись, ты.

Сандра садится на диван.

Дай подумать. Так. Кто-то подстроил нам ловушку, и мы попались. Мы должны придумать, как выбраться.

САНДРА. Ты все еще считаешь, что это Джон. Я не верю.

ДЭВИД. Я думаю, что это Алек. Алек ненавидит меня до колик, всегда ненавидел. (*Идет к сундуку.*) Если предположить, что Алек надавил на Джона... (*Резко останавливается перед сундуком, глядя на пол.*)

САНДРА. Что там?

ДЭВИД (*опускается на колени и что-то трогает на полу*). Опилки. Кучка опилок. А эти дырки вовсе не червь проточил: их просверлили, вон, четыре круглые дырочки. Для воздуха, чтобы в сундуке можно было дышать.

САНДРА (*вскакивает*). Что?

ДЭВИД (*пятился от сундука*). Что, если Алек все-таки насплетничал Джону, а потом предложил ему спрятаться в сундуке, а сам пообещал нас сюда заманить.

САНДРА. Ты хочешь сказать... ты хочешь сказать, что сейчас Джон прячется в этом сундуке? Что он здесь? Что он слышал все, что мы тут говорили... что... что...

ДЭВИД. Я думаю, это возможно, вполне возможно. (*Подходит к сундуку, заглядывает в него, потом опускает крышку.*) О Боже!

САНДРА. Что там? Что там? (*Идет к сундуку.*)

ДЭВИД. Нет! Не заглядывай туда!

САНДРА. Что там?

ДЭВИД (*усаживает ее в кресло*) Ну-ка сядь. Только не ори. Закрой рот. Нужно обмозговать.

САНДРА. Скажи...

ДЭВИД. Это Джон. Там, в сундуке. Мертвый.

САНДРА. Мертвый? Джон?

ДЭВИД. Он убит. Это ты сделала?

САНДРА. Я? Что ты несешь?

ДЭВИД. Когда я пришел, ты была здесь. Ты передала мне сообщение...

САНДРА. Зачем мне убивать Джона в чужой квартире, а потом звать сюда тебя?

ДЭВИД. Чтобы повязать меня, дорогая. Ты пару раз намекала, что не прочь выйти за меня замуж. А ведь ты знала, что твой развод для меня неприемлем — это гибель всей моей карьеры.

САНДРА. Ты думаешь, я хотела, чтобы нас обоих повесили за убийство?

ДЭВИД. Нет, ты рассчитывала, что мы выкрутимся. Квартира чужая, так? Хозяева уехали. Кто может знать, что мы с тобой здесь были? Портье внизу нет, никто не видел, как мы вошли, с этим местом мы никак не связаны.

САНДРА. С таким же успехом я могу сказать, что это ты убил Джона. Пришел сюда, дождался Джона, убил его, засунул в сундук, а потом ушел, выследил, когда я приду, и вернулся.

ДЭВИД. Знаешь, не болтай вздор. Беда в том, что ты чертовски тупа.

САНДРА. Вот оно, твое настоящее нутро! Заговорило! И куда девалось хваленое обаяние?! Гнида ты, вот ты кто — гнида и крыса!

ДЭВИД. А ты кто? Скольких мужиков ты затащила в свою постель, хотел бы я знать?

САНДРА. Ах ты ублюдок! Грязный, вонючий ублюдок!

Звонит телефон. Дэвид пядится к дивану. Оба глядят на сундук, потом Сандра смотрит на Дэвида.

(Дрожащим голосом.) Кто... как ты думаешь, кто это?

ДЭВИД. Не знаю.

САНДРА. Может, нам...

ДЭВИД. Не надо.

САНДРА. Может, это Алек снизу звонит.

Дэвид идет к телефону.

Нет, не надо.

ДЭВИД. Голова не соображает. Совершенно не соображает. *(Садится на диван. Потом встает, чтобы снять трубку. Телефон умолкает. Дэвид оттирает пот со лба.)*

САНДРА. Если это был Алек, он теперь подумает самое худшее?

ДЭВИД. Если б это был Алек, он бы поднялся посмотреть... Не думаю, что это Алек.

САНДРА. А кто — как ты думаешь?

ДЭВИД. Не знаю. Не знаю. Нужно подумать, нам нужно все хорошо обдумать. Кто-то заманил сюда нас, кто-то заманил сюда Джона. Кто-то запер нас снаружи. Алек. Это Алек. *(Подходит к сундуку, поднимает крышку, закрывает ее и выходит на балкон.)*

САНДРА. Ты куда?

ДЭВИД *(возвращается)*. Помнишь, Алек уронил с балкона кинжал? Он еще сказал, что пошел подобрать его.

САНДРА. Ну и что?

ДЭВИД. Так вот, он его не подобрал. Он так и лежит внизу.

САНДРА. Не понимаю.

ДЭВИД. Этим кинжалом был заколот Джон. Разве ты не понимаешь? Отпечатки на кинжале видны.

САНДРА. Не понимаю! Ничего не понимаю. Это какой-то кошмар.

ДЭВИД. За всем кошмаром стоит один человек — наш друг Алек. Смотри: он говорит Джону, что мы с тобой здесь встретимся, предлагает ему просверлить дырки в сундуке и спрятаться. Потом закалывает Джона и оставляет его в сундуке. Уходит, выслеживает, когда мы придем, а потом возвращается сам. Ведь это он привлек наше внимание к этому кинжалу. Он дал мне подержать кинжал, заставил взять его в руки.

Потом тебя. Помнишь? А сам все время был в перчатках. Как ты не понимаешь?! На кинжале остались наши с тобой отпечатки, и этого уже не исправишь! Потом он ушел и запер дверь, запер нас вместе с убитым. Двоих людей, у которых лучший в мире мотив для убийства.

САНДРА. Но это безумие, безумие...

ДЭВИД. Твои отпечатки и мои, никаких других на кинжале нет. И нам ни черта не остается, кроме как ждать прихода полиции.

САНДРА. Полиции? Почему полиции?

ДЭВИД. Неужели непонятно — следующим шагом Алека, вполне логичным, будет вызвать сюда полицию.

САНДРА. Алек с ума сошел! Он сумасшедший! Зачем это ему?

ДЭВИД. Ты говорила, он был предан твоему первому мужу, Барри. Достаточно посмотреть на Алека, чтобы понять, какого рода была эта преданность.

САНДРА. Ну? А при чем тут Джон?

ДЭВИД. Ты столкнула Барри со скалы?

САНДРА. Да нет же! Я уже говорила тебе...

ДЭВИД. Послушай, Сандра. Лично меня совершенно не колышет, столкнула ты его или нет. Но мы должны это уточнить, чтобы понять мотивы Алека. Что, столкнула? Влюбилась в Джона, а Джон такой простофиля! Развод тебя не устраивал, ведь Барри был богат, а Джон беден. И вот вы с Барри остались одни на той скале, а такой шанс нельзя было упустить. И ты столкнула Барри. *(Трясет ее за плечи.)* Стокнула? Говори, столкнула?

Наконец Сандра молча кивает.

(Отпуская ее.) И Алек знал!

САНДРА. Он не мог знать.

ДЭВИД. Алека не проведешь. Он не просто подозревал — он был убежден. Он выжидал. Ты вышла замуж за Джона, потом Джон тебе надоел, и ты завела интрижку со мной. И тут появился у Алека шанс — шанс наказать Джона, тебя и меня. Сумасшедший, говоришь? Разумеется, сумасшедший. Но вопрос не в этом, а в том, что нам сейчас делать?

САНДРА. Нам нужно выбраться отсюда.

ДЭВИД. Понятно. Вот только как?

САНДРА. Будем стучать в дверь. Будем кричать.

ДЭВИД. Какое к черту кричать? Ну, придет кто-нибудь, выпустит нас, а потом найдут труп — и мы попались! Придут за убийство, а оправдания будут такие фантастичес-

кие, что ни один адвокат не поверит. Боже мой, ты даже сказала той бабе, Брайс, что будешь ждать Джона!

САНДРА. Но мы скажем, что приходил Алек, мы объясним...

ДЭВИД. Идиотка! Алек будет все начисто отрицать. Не зря он тут ни разу не снял перчаток. Он скажет, что и близко не подходил к этому дому. Наверняка уже состряпал себе шикарное алиби.

САНДРА. Но может быть, кто-нибудь видел, как он сюда вошел...

ДЭВИД. В здешнем-то крольчатнике? Сомневаюсь. Выход, должен быть какой-то выход... *(Выходит на кухню, возвращается.)* Черт, там только две сточные трубы *(Выглядывает на балкон.)*

САНДРА. Может, есть пожарный спуск?

ДЭВИД. Он наверняка в общем коридоре. С балкона можно уйти только одним путем — сигануть вниз. Но должен быть выход, какой-то выход...

САНДРА. Телефон! Можно кому-нибудь позвонить. Мы скажем, что...

ДЭВИД. Да-да! Как же я раньше не догадался, черт возьми! *(Другим тоном.)* Кому звонить-то? И что мы скажем?

Они смотрят друг на друга, затем отводят глаза. Звонит телефон

САНДРА. Ответь! Ради Бога ответь! Хуже уже не будет!

ДЭВИД. Да. Да, тут ты права. *(Встает, подходит к телефону, берет трубку и некоторое время стоит, слушает; в трубку, измененным голосом.)* Алло? *(Накрыв рукой трубку, поворачивается к Сандре.)* Это Алек.

САНДРА. Алек?

Дэвид слушает, затем бросает трубку на рычаг.

Что? Что он сказал?

ДЭВИД. Он сказал, что мы попались, как крысы в ловушку; мы в крысоловке! Он говорит, через несколько минут появится полиция.

САНДРА. Полиция! *(Кидается к балкону.)* Полиция! Нет, нет! Должен быть какой-то выход.

ДЭВИД. Выход только один — с балкона вниз.

САНДРА. Самоубийство? Ты рехнулся. Мы расскажем, мы все объясним. Они поверят...

ДЭВИД. Нас арестуют за убийство. И приговорят.

САНДРА. Нет! *(Смотрит на полукруглое окно над входной дверью.)* Должен быть выход, должен быть. *(Идет к ко-*

фейному столику, все с него смахивает на пол, подтаскивает к двери, влезает на него, просовывает руку в окно.)

ДЭВИД. Что ты пытаешься сделать, ты, дуреха! Проща-
рапать себе выход? Царапай! Царапай!

САНДРА *(слезает со стола)*. Я не делала этого! Я не убивала Джона! Ты во всем виноват, ты! Зачем мы вообще встречались? Почему ты не мог оставить меня в покое?

ДЭВИД. Мерзкая ведьма, ты сама меня в это втравила.

САНДРА. Видеть тебя не могу! Мне смотреть на тебя противно! Холодный, черствый, жестокий, самовлюбленный, порочный. Никому на свете не сделал ни черта хорошего, все только себе.

Дэвид швыряет ее на диван и хватается за горло.

Раздается стук в дверь

ГОЛОС. Откройте. Полиция.

Дэвид выпрямляется

ДЭВИД. Пусть входят! В первый раз ты ушла от них. Теперь не уйдешь.

Стук повторяется

ГОЛОС. Открывайте, живо!

САНДРА. Ненавижу тебя.

ДЭВИД. А может, тебе дадут пятнадцать лет тюрьмы. Как тебе это понравится?

Сандра падает в кресло

Пятнадцать лет в камере.

Стук повторяется.

ГОЛОС. Мы выломаем дверь.

ДЭВИД. Зачем им я? Они пришли за тобой, а не за мной. Это ты убила Барри, а не я. Какого черта, я не дам впутать себя в это дело.

Раздаются удары в дверь — тяжелые, размеренные, непрерывные
Сандра истерически хохочет, потом замолкает

САНДРА. Крысы в ловушке, вот что мы такое. Крысы в ловушке.

З а н а в е с

Полуденный берег

Одноактная пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МИСТЕР СОМЕРС, меланхолический мужчина средних лет.
НОРИН СОМЕРС, его жена, бойкая дамочка за 30, хорошенькая, но простоватая.

ДЖОРДЖ ГРУМ, пожилой толстяк флегматического типа.
МИССИС ГРУМ, его жена, пятидесятилетняя сплетница.
БОБ УИЛЕР, молодой человек лет 30-ти, остряк и балагур.
ПЛЯЖНЫЙ СТОРОЖ, старик в униформе, со слезящимися глазами и красным носом.

МИССИС ГАННЕР (мамуля), властная немолодая особа.
ПЕРСИ ГАННЕР, ее сын, миловидный меланхолический юноша.

КРАСОТКА, молодая девица умопомрачительной внешности.

ФОЛИ, инспектор.

МАМАША.

МАЛЬЧИК.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Приморский пляж. Летний день.

На небольшом возвышении — три пляжные кабинки. На одной надпись «Байд-э-Уи», на другой «Мон-Дезир», на третьей «Бен-Невис», — а также подзорная труба — для обозрения залива. Вниз, к кромке воды, от каждой кабинки ведут короткие лесенки. У их подножия среди различного пляжного мусора виден недостроенный замок из песка. Чуть в стороне стоит шезлонг.

Двери «Мон-Дезира» и «Бен-Невиса» закрыты, но «Байд-э-Уи» открыта; видно, что она забита скарбом — чашками, плащами, складными стульями и т. п. Перед ней на таких же стульях сидят мистер и миссис Грум. Миссис Грум вяжет, ее супруг пытается читать газету. На песке растянулись миссис Сомерс и Боб Уилер, оба в купальных костюмах. Мистер Сомерс — бледный и усталый — сидит в шезлонге, одетый в пальто и шарф, рядом торчит тяжелая трость. Рядом валяется ворох только что снятой одежды: брюки, платье, комбинация и т. д. Норин Сомерс украшает ракушками песчаный замок. За сценой благим матом орет мальчик и заливисто лают собаки.

БОБ (*снимает ведро с верхушки замка*). Ну вот.

НОРИН. Умница.

БОБ. Сказочный замок для девушки моей мечты.

НОРИН. Берегись, Артур услышит.

БОБ. Он спит.

НОРИН. Как всегда.

БОБ. Девушка моей мечты, я тебя люблю. (*Вынимает из коробки шоколадную конфету и ест.*) Нет, честно, люблю.

НОРИН. Эй, ты слопал мою последнюю конфетку! (*Швыряет коробку на песок.*)

БОБ (*подбирает коробку и бросает ее в сторону маленькой урны*). Ай-яй-яй. Соблюдайте чистоту в Британии!

Слышно, как низко пролетает самолет, вслед ему лают собаки.

НОРИН. Есть еще ракушки?

БОБ (*подбирает раковину*). Пожалуйста. Гляди какая!

Мамаша проходит по пляжу.

МАМАША. Эрни! Эрни! Перестань, я кому сказала! (*Бобу.*) Нет, я не вам. Я сыну. Оставь собаку в покое, она укусит!

НОРИН. Та-та-та, вот так всегда.

Из-за сцены влетает большой мяч, следом входит молодой человек, перешагивает через лежащих на песке, забирает мяч и уходит.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Извините. Извините. Извините.

МАМАША. Эрни!

БОБ. На пляже не соскучишься, а?

МАМАША. Пошел бы поплескался в водичке. Смотри, вот Берт купается. Почему бы тебе тоже не искупнуться?

МАЛЬЧИК (*за сценой*). Не хочу купа-аться, бу-у!

МАМАША. Я привезла тебя на море, думала, ты будешь радоваться, плескаться, плавать — а ты что? Только ревешь как ненормальный.

МАЛЬЧИК (*за сценой*). Не хочу-у, бу-у!

МАМАША. Ну раз ты так, я пошла одна.

МАЛЬЧИК (*за сценой*). Бу-у!

МАМАША. Заткнись!

БОБ. Ну и детка, а?

МАМАША. Что-о?! (*Уходит.*)

НОРИН. Когда я в первый раз попала на море, я и сама орала так, что голова разрывалась. Дескать, море мокрое, а песок грязный. Все новое поначалу никому не нравится.

БОБ. Это хорошо, когда есть занятие получше, чем плескаться в море, а, Норри?

НОРИН. Да тише ты, Боб! Ты шокируешь Артура.

БОБ. Как можно шокировать старину Артура! Его ничем не проймешь, верно, Арти?

Мистер Сомерс только устало улыбается.

НОРИН. Ну ладно, пойду еще разик искупнусь. Пошли, Боб.

БОБ. Да холодно.

НОРИН. Неженка!

БОБ. Вам, теткам, холод нипочем. Во какая защита! *(Шлепает ее по заду.)*

НОРИН. Э, это уж слишком. Слушай, махнем до мола, а? Спорим, я раньше доплыву?

БОБ. Идет. Отмечай старт. *(Сам убегает.)*

НОРИН *(бежит за ним)*. Эй, так нечестно!

Мистер Сомерс встает, откладывает газету, берет свою патку, поднимается по лесенке и идет к выходу с пляжа

МИССИС ГРУМ *(неодобрительно)*. Должна тебе сказать, Джордж, не тот уже Литл-Слипинг, совсем не тот!

ДЖОРДЖ. Совсем, что ли, слипся?

МИССИС ГРУМ. Публика не та. На следующий год я и не подумаю сюда ехать.

ДЖОРДЖ. А...

МИССИС ГРУМ. Болтают, орут, отпускают пошлые шуточки! Как будто они на пляже одни.

ДЖОРДЖ. А ты не слушай, дорогая.

МИССИС ГРУМ. Что ты сказал?

ДЖОРДЖ. Сказал, что не надо их слушать.

МИССИС ГРУМ. Не болтай вздор, Джордж.

ДЖОРДЖ. Не буду, дорогая.

МИССИС ГРУМ. А этот шутник ей даже не муж. Она замужем за другим.

ДЖОРДЖ. А ты откуда знаешь?

Из-за сцены вылетает мяч, следом вбегает молодой человек

МИССИС ГРУМ. Ну, знаете!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Извините. *(Забирает мяч и уходит.)*

МИССИС ГРУМ. Мамаши не могут уследить за своими детьми! Молодые люди и девушки скачут чуть не нагишом и пуляют мячом куда попало. Не дают приличным людям спокойно отдохнуть!

ДЖОРДЖ. Юность бывает только раз.

МИССИС ГРУМ. Чушь! Полнейшая чушь!

ДЖОРДЖ. Да, дорогая.

МИССИС ГРУМ. Когда мы были молодые, мы так себя не вели. А во времена моей матери мужчины и девушки вообще купались на разных пляжах.

ДЖОРДЖ. Вот кому не позавидуешь!

МИССИС ГРУМ. Что ты сказал?!

ДЖОРДЖ. Ничего, дорогая. Совсем ничего. Кажется, ночью здесь произошло ограбление.

МИССИС ГРУМ. Прямо здесь? В Литтл-Слипинге?

ДЖОРДЖ. Да. Ограбили леди Бекман.

МИССИС ГРУМ. Что? Ту самую леди Бекман, у которой норковые шубы и чудный «роллс-ройс»? Она что, здесь?

ДЖОРДЖ. В отеле «Эспланада».

МИССИС ГРУМ. А что украли, норковую шубу?

ДЖОРДЖ. Нет. Изумрудное кольцо.

МИССИС ГРУМ. Изум... О? *(Возвращается к вязанию.)*
Да у нее таких еще полдюжины, точно тебе говорю. Как это она еще заметила, что что-то пропало!

Мистер Сомерс возвращается, идет к шезлонгу и садится.

ДЖОРДЖ. Думают, что это грабитель-акробат. Вечером все были на танцах, а он взобрался по водосточной трубе и влез в окно ванной комнаты.

МИССИС ГРУМ. Так ей и надо!

Входит пляжный сторож, старик в униформе, со слезящимися глазами и красным носом. Подходит к мистеру Сомерсу.

СТОРОЖ. Четыре пенса, пожалуйста. *(Снимает фуражку, вытирает пот со лба, снова надевает.)*

Мистер Сомерс поглощен чтением журнала

Четыре пенса за шезлонг.

МИСТЕР СОМЕРС. О! *(Дает монету.)* Хороший денек, совсем тепло.

СТОРОЖ. Сдача, шесть пенсов, шиллинг, два шиллинга. Хороший денек — это куча хлопот. Посмотрели бы вы, что на стоянке творится! Не протолкнешься. Некоторые поставят машину и уйдут, так она и стоит до вечера.

МИСТЕР СОМЕРС. Неужели за этим никто не следит?

СТОРОЖ. А, есть тут старый Джо, да только ему в одиночку не управиться. С самого обеда машины идут потоком, паркуются где попало. Эх, помню, раньше летом здесь на-

роду было мало, два десятка, не больше, и всё местные жители — тихо, культурно... Эй! Эй вы! Перестаньте бросаться камнями, прибьете кого-нибудь!.. Мальчишки! Всегда готовы баловаться. *(Глядит на море; свистит в свисток.)* Эй, лодка номер двенадцать, ваши полчаса закончились! Вылезайте!.. А? *(Уходит, продолжая свистеть.)*

МИССИС ГРУМ *(заткнув уши)*. Ну и звук!

Влетает мяч и попадает в Джорджа. Входит молодой человек.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Извините! *(Забирает мяч и бросает его за сцену.)*

Из-за сцены раздается отчаянный вопль миссис Ганнер — мамули.

Извините. *(Уходит.)*

Входит негодующая мамуля, отряхивая с себя песок. Следом идет Перси, ее сын.

МАМУЛЯ *(свирено)*. Ну, я не представляю, до чего может дойти молодежь. Просто не представляю! Всю меня осыпал песком! Перси, открывай домик. *(Дает ему ключ.)*

Перси открывает кабинку «Бен-Невис» и выносит мамулин стул.

МИССИС ГРУМ. Добрый день, миссис Ганнер.

МАМУЛЯ. Добрый день, миссис Грум. Добрый день, мистер Грум.

Джордж приподнимает шляпу, не отрываясь от газеты.

ПЕРСИ. Пожалуйста, мамуля. Как тебе поставить?

МАМУЛЯ. Так хорошо, спасибо, золотко. *(Садится.)*

Перси выносит стул себе.

Нет, пожалуй, нужно немного повернуть. *(Встает.)*

Перси чуть поворачивает стул. Мамуля садится, Перси тоже.

И мое вязанье.

Перси встает, выносит из кабинки вязанье и полотенце; полотенце кладет на свой стул, вязанье ставит возле мамули.

Нет. С той стороны.

Перси невозмутимо переставляет корзинку с вязаньем на другую сторону, отдает ей ключ и садится.

Он такой хороший сын! Не то чтобы я заставляла его все время сидеть возле меня. «Пойди погуляй, поразвлекайся», — говорю я ему. Мы-то, старухи, привыкли уже, что нам никакого внимания. Но он вчера даже в кино не пошел, потому что ему показалось, что у меня болит голова.

МИССИС ГРУМ. Мило, очень мило. Как приятно слышать такие вещи!

ДЖОРДЖ. А у вас правда голова болела?

МАМУЛЯ (с достоинством). Она прошла.

ДЖОРДЖ. Ручаюсь, тут же прошла. Начнем с того, что она вовсе и не болела.

Миссис Грум смотрит на Джорджа убийственным взглядом, и тот замолкает.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (из-за сцены). Пер-си! Пер-си, иди сюда, мы тебя ждем!

ПЕРСИ. Иду-у!

МАМУЛЯ. Кто там, золотко? Не разгляжу.

ПЕРСИ. Это Эди и Том.

МАМУЛЯ. Эди — это та рыжая девица, которая хотела затащить тебя на автобусную экскурсию?

ПЕРСИ. Да, она, Эди. Они взяли лодку. (Делает несколько шагов к лесенке.)

МАМУЛЯ. Перси, я думаю, сегодня для этого нет времени.

Перси возвращается.

Хорошо бы ты купил мне еще моток шерсти, пока не закрылись магазины.

ПЕРСИ. Но я вроде как обещал...

МАМУЛЯ. Конечно, если хочешь, то ступай, золотко. Я не желаю быть камнем у тебя на шее, если ты хочешь поразвлечься. Я слишком хорошо знаю, что мы, старики, — обуза для молодых.

ПЕРСИ. О, но послушай, мамуля...

МАМУЛЯ. Я и сама добреду до магазина — если спадет жара. А то сейчас у меня немного прихватило сердце.

ПЕРСИ. Нет-нет, я схожу за шерстью. Мне что-то не очень хочется кататься на лодке.

МАМУЛЯ. Тебе ведь правда не хочется, золотко? Ты с детства неважно переносил качку.

ПЕРСИ. Сегодня море спокойное... Пойду им скажу.
(*Подавленный, уходит.*)

МАМУЛЯ. Я знала, что на самом деле ему вовсе не хотелось кататься. Просто Перси очень добрый, а иные девицы так пристанут к мужчине, что тому уже неудобно отказываться. Эта Эли вообще не подходит Перси.

МИССИС ГРУМ. На его счастье, вы за ним присматриваете.

МАМУЛЯ. Да. Когда появится действительно хорошая девушка, я буду только рада, если Перси с ней подружится.

ДЖОРДЖ. Да неужели?

МАМУЛЯ. Уверяю вас! Я не какая-нибудь старая карга. Знаете, некоторые матери не выносят, когда их сын с кем-нибудь гуляет. А я только радуюсь. Я хотела бы, чтобы Перси почаще уходил от меня. Но он настолько мне предан, что я не могу оттолкнуть его. Говорит: «Мамуля, с тобой мне лучше, чем с любой девушкой». Забавно, правда?

ДЖОРДЖ. Да уж.

МИССИС ГРУМ (*смерив Джорджа суровым взглядом, улыбается мамуле*). Ах, недаром говорится, что лучший друг мальчика — это его мама.

Из «Мон-Дезира» выходит красотка — в бикини, с ярким макияжем. На плечах у нее накидка с надписью «Je t'aime»¹, в руках шикарная пляжная сумка и дамская сумочка. Пока она запирает дверь кабинки, миссис Грум и мамуля оглядывают ее с головы до пят.

КРАСОТКА. Медам, месье, добрый день! (*Спускается на песок и садится в центре.*)

Миссис Грум и мамуля смотрят друг на друга, потом на красотку.

МАМУЛЯ. Француженка!!

Обе вяжут.

Джордж подался вперед, вытаращив глаза. Мистер Сомерс также вытянул шею и уставился на красотку. Та вынимает из сумки сигарету, но ее зажигалка не работает. Джордж и мистер Сомерс одновременно бросаются зажечь ей сигарету. Джордж успевает первым. Оба переглядываются.

КРАСОТКА (*Джорджу, ослепительно улыбаясь, с легким акцентом*). О, благодарю. Вы очень любезны.

ДЖОРДЖ. О, нисколько, нисколько, я с удовольствием...

Она роняет зажигалку. Мистер Сомерс поднимает и вручает ей.

¹ Я тебя люблю (*фр.*).

КРАСОТКА (*с той же улыбкой, Сомерсу*). О, какая я не-
ловкая. Большое спасибо.

МИСТЕР СОМЕРС. Не за что, не за что... я счастлив...

Мужчины опять переглядываются и возвращаются на свои места

МИССИС ГРУМ. Джордж, что сегодня идет в «Павильо-
не», на пристани?

ДЖОРДЖ (*все еще пожирает глазами красотку*). Что?

МИССИС ГРУМ. Джордж, ты меня слышишь?

ДЖОРДЖ. А? Что?

МИССИС ГРУМ. Я — спрашиваю — что — идет — в «Па-
вильоне»?

ДЖОРДЖ (*суетливо ищет в газете*). О, вот, «Эта жен-
щина искушает меня».

Небольшая пауза, потом красотка встает и снимает накидку. Влетает
мяч, она его отбивает.

Входит молодой человек, видит красотку и приходит в сильнейшее
волнение.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я ужасно извиняюсь. Мяч... от-
скочил...

КРАСОТКА. Все в порядке. Не беспокойтесь!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. О, о, я бы не хотел... ни за что на
свете... вы уверены, что не ушиблись?

КРАСОТКА. Ну конечно нет.

ДЕВИЧИЙ ГОЛОС (*из-за сцены*). Фред!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Иду! (*Красотке*.) Это моя сестра.

ДЕВИЧИЙ ГОЛОС. Фред!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Иду!

Молодой человек уходит, держа мяч и оглядываясь через плечо на
красотку, спотыкается на песчаном склоне.

МИССИС ГРУМ. Джордж!

Джордж, виновато глянув на нее, делает вид, что читает газету, а сам
из-за газеты наблюдает за красоткой. Та уходит

МАМУЛЯ. Это у них называется бикини. Их нужно зап-
ретить. Архиепископу Кентерберийскому давно следовало
бы их осудить в проповеди.

МИССИС ГРУМ. Ни одна приличная девушка такого не
наденет.

Медленно входит Перси

МАМУЛЯ. Проводил своих друзей?

ПЕРСИ. Да, они уплыли. Пойду куплю тебе шерсть.

МАМУЛЯ. Знаешь, я подумала, что мне и так хватит.

ДЖОРДЖ. Вы ведь прекрасно знали это с самого начала.

Миссис Грум, свирепо взглянув на Джорджа, издает смущенный смешок, адресованный мамуле. Джордж подходит к подзорной трубе, направляет ее в сторону, куда ушла красotka, и роется в кармане в поисках мелочи.

МИССИС ГРУМ. Нечего зря деньги тратить, Джордж.

ДЖОРДЖ. Там корабль. Не буду, дорогая. *(Садится.)*

МАМУЛЯ. Перси, ты бы пошел поплавал.

ПЕРСИ. Не хочется. Холодно стало, солнце почти ушло.

МАМУЛЯ. О, но это так полезно! У тебя каникулы! Ты должен развлекаться.

ПЕРСИ. В одиночку не очень-то развлечешься!

МАМУЛЯ. Иди-иди, золотко. Не тяни. Морская вода пойдет тебе на пользу.

Перси угрюмо стаскивает рубашку и брюки, бросает их рядом с брюками Боба.

МАМУЛЯ. Положи свои вещи в каbinку.

ПЕРСИ *(угрюмо)*. Им и здесь хорошо.

Из воды выбегает Норин и, налетев на Перси, сбивает его с ног.
Боб следует за ней

НОРИН. Ой, извиняюсь. Надо же! Никогда не вижу, куда бегу.

ПЕРСИ. Ничего, все в порядке.

НОРИН. Так чудесно, так тепло.

БОБ. Не верь ей, парень. Окаменеешь. *(Бежит на месте, потом вытирается.)*

Перси уходит.

НОРИН. Эх ты! Хиляк, вот ты кто.

БОБ *(играя мускулатурой)*. Это я хиляк? А ну пощупай, какие мышцы.

Норин роняет полотенце. Боб подхватывает ее, кружит, потом оба садятся возле песчаного замка. Мамуля и миссис Грум демонстративно отворачиваются.

НОРИН (*кладет голову на колени мистеру Сомерсу*). Обалдеть можно.

БОБ. О! Какая несправедливость! Как насчет того, чтобы погреть на солнышке это великолепное тело, а? (*Ложится на полотенце и выбивает ладонями дробь на животе.*)

Норин растягивается на песке.

МИССИС ГРУМ. Миссис Ганнер...

МАМУЛЯ. Простите?

МИССИС ГРУМ. Вы слышали, этой ночью случилось ограбление? Леди Бекман, про нее еще постоянно пишут в газетах! Та, у которой меха норки, — так вот, она осталась без изумрудного кольца!

МАМУЛЯ. Не удивлюсь, если она сама у себя его стащила — ради страховки. Обычная история.

ДЖОРДЖ. В газете говорится, что это был вор-акробат.

МИССИС ГРУМ. Летом эти воры-акробаты так и рыщут по всему побережью. Помнишь, Джордж, в прошлом году здесь тоже было ограбление, и тоже вор-акробат. У какой-то кинозвезды украли бриллиантовый браслет.

ДЖОРДЖ (*сонно*). Не помню.

МИССИС ГРУМ. Ну как же! Было столько шума. Напечатали фотографию окна, и водосточной трубы, и кучу ее портретов, писали о новой картине, в которой она снимается.

ДЖОРДЖ. Неплохая реклама.

Боб щекочет Норин ракушкой.

НОРИН. Отстань, хулиган! (*Бежит вокруг песчаного замка и спотыкается о ноги мамы.*) Ох, извините, ну надо же.

МАМУЛЯ. Я упустила петлю.

НОРИН. О, давайте я вам подниму.

МАМУЛЯ. Нет, благодарю вас.

НОРИН. Давайте же. Я очень хорошо умею поднимать петли.

МАМУЛЯ (*злобно*). Нет, ни в коем случае.

БОБ (*стоя на четвереньках лицом к мамуле*). А нельзя ли полюбезней, а?

МАМУЛЯ (*ледяным тоном*). Прошу прощения.

НОРИН. Брось, Боб. Арти, дай сигаретку! (*Берет из кармана мистера Сомерса две сигареты и зажигает обе.*)

БОБ. Что-то здесь стало холодно как в морге. (*Надевает на голову ведро и исполняет дикарский танец.*)

НОРИН. Пожалуйста, Боб, сядь. Держи сигарету.

Боб берет сигарету и садится. Слышен лай собаки

МАМАША *(за сценой)*. Эрни! Эрни! Ах ты гадкий мальчишка! Эрни!

НОРИН. Жаль, не взяла приемник. Послушали бы Адама.

БОБ. Это мур. Мне подавай старых менестрелей.

(Поет.) «О, я люблю бывать на побережье...»

НОРИН. Как я хочу на море побывать!..

БОБ. «Я люблю гулять по длинным пром-пром-пром...»

БОБ и НОРИН *(вместе)*. «Там оркестр играет тидли-ом-пом-пом...»

БОБ. «О, я люблю...»

ДЖОРДЖ *(подхватывает)*. «...бывать на побережье! Как я хочу на море!..»

Миссис Грум осаживает его взглядом, и Джордж замолкает
Слышно, как пролетает самолет.

БОБ. А тебе хотелось бы оказаться в нем, там, наверху, а, Норин? Самолет-то двухместный.

НОРИН. Боб, ты рехнулся? Ты же первый до смерти испугаешься. Сам знаешь.

Входит инспектор Фоли, высокий, в форме, за ним — пляжные сторож.

БОБ. Испугаюсь? Я? Я испугаюсь... *(Замечает инспектора.)*

ДЖОРДЖ. Ба, да это инспектор Фоли! Помните нас с прошлого года? Я Грум!

ИНСПЕКТОР. Здравствуйте, мистер Грум. Здравствуйте, миссис Грум.

ДЖОРДЖ. Ну как преступление?

ФОЛИ. Ха! Похоже, вы решили на досуге допросить меня?

МИССИС ГРУМ. Это инспектор Фоли — миссис Ганнер.

ФОЛИ *(мамule)*. Добрый день, мэм. *(Джорджу.)* Но, к несчастью, это я при исполнении, а не вы, мистер Грум.

ДЖОРДЖ. Ищите грабителя-акробата?

ФОЛИ. Правильно мыслите.

ДЖОРДЖ. Здесь ему не размахнуться. *(Кивает на кабинки.)*

ФОЛИ. А мы получили любопытную информацию: вчера вечером дети играли на пляже в полицейских и воров, или в космические войны, или во что там еще сейчас играют, и

они видели, как кто-то крался между кабинками, как раз вот тут.

Боб толкает Норин в бок.

Пожалуй, они не обратили бы на это внимания, если бы, завидев их, тот человек не бросился бежать.

МИССИС ГРУМ. Как я полагаю, он собирался что-то украсть из кабинки?

ФОЛИ. По их словам, наоборот, он пытался что-то засунуть в кабинку через заднее окошко. А утром — дети-то сообразили — это могло быть колье леди Бекман. Передача сообщнику.

БОБ. Чудненько! Ну, обыскивайте меня, офицер, я не виновен.

МИСТЕР СОМЕРС. Перестань кривляться, Боб.

БОБ. О, чтоб мне провалиться! Я уж решил, вы умерли. *(Поворачивается к остальным.)* Я думал, он умер.

Норин смеется.

ДЖОРДЖ. И вы теперь обыскиваете все кабинки?

ИНСПЕКТОР. Только в этой части пляжа. Первые три мы уже обработали. Дети говорят, это было не далее шестой кабинки.

ДЖОРДЖ. Мать, ты не заметила изумрудного ожерелья в наших роскошных апартаментах?

МИССИС ГРУМ. Да ты что! Думаешь, оно может быть в «Байд-э-Уи»? *(С удовольствием.)* Вообще у нас там столько всего, что я могла и не заметить. Зайдите, инспектор, и хорошенько поищите.

ФОЛИ. Спасибо, миссис Грум.

ДЖОРДЖ. А если вы его найдете, нам что-нибудь перепадет?

ФОЛИ *(заходит в кабинку «Байд-э-Уи»)*. Вознаграждение в тысячу фунтов. Обещано сэром Рупертом Бекманом.

ДЖОРДЖ. Недурно.

Входит Перси.

БОБ. А может, срок дадут за укрывательство краденного.

МИССИС ГРУМ. Как вы смеете!

ПЕРСИ. В чем дело?

БОБ. Привет, старина. Мы все попали под подозрение, особенно те, кто занимает пляжные кабинки.

НОРИН. Из-за изумрудного ожерелья, которое вчера стащили у леди Бекман.

МИССИС ГРУМ. Кто-то видел, как его засунули в окно кабинки.

ДЖОРДЖ. Еще неизвестно, что туда засунули, — может, совсем даже не колье.

БОБ. А любовную записку или похабную книжку.

НОРИН. Ой, Боб, ну ты даешь!

БОБ. Но мы с тобой, старушка, чисты. (*Смотрит на миссис Грум.*) Мы рылом не вышли — снимать пляжные кабины. Не то что приморская знать. Мы простые пляжники, не им чета. (*Приставляет к глазу ракушку наподобие лорнета и пародийно-светским тоном.*) Если у вас нет кабинки в Литл-Слипинге, вы сущее ничтожество и вам не место в приличном обществе.

МАМУЛЯ. Потратившись на аренду пляжной кабинки, люди рассчитывают, что они смогут спокойно посидеть возле нее в тишине.

БОБ. Скажите, о чопорная леди, что плохого, если люди развлекаются?

МАМУЛЯ. А раньше тут собирались люди из общества!

ПЕРСИ (*с несчастным видом*). Послушай, мамуля, ты ведь совсем не то имела в виду, правда? Мы же не хотели никого обидеть. Уверен, мы все хотим одного — отдохнуть на море в свое удовольствие.

Проходит мамаша с пучком водорослей в руке.

БОБ. Конечно, парень. Я не против. Я просто пошутил.

Проходя мимо Норин, мамаша задевает ее водорослями.

МАМАША. Едва я дотронулась до водорослей, сразу поняла — становится сыро.

ФОЛИ (*выходит из кабинки*). Ну, миссис Грум, как говорят агенты по недвижимости, у вас полная меблировка.

МИССИС ГРУМ. Когда мы здесь, «Байд-э-Уи» становится для нас вторым домом. Я люблю устраиваться с комфортом. Здесь даже можно приготовить чай и даже ленч. У нас есть и граммофон, и приемник, и пальто, и плащи, и шитье...

ФОЛИ. В самом деле. Вам самим там уже места не остается.

Делает знак сторожу, и оба переходят к кабинке мамули

СТОРОЖ (*читает по бумажке*). «Бен-Невис» — миссис Ганнер, вот эта леди.

ФОЛИ. Это ваша кабинка, мадам?

МАМУЛЯ. Конечно.

ФОЛИ. Не возражаете, если я зайду посмотреть?

МАМУЛЯ. А у вас есть ордер на обыск?

БОБ. Ой! Ой!

ФОЛИ. Нет.

МАМУЛЯ. Тогда сходите и возьмите.

ПЕРСИ. Послушай, мамуля...

МАМУЛЯ. Тихо, Перси.

ФОЛИ. Но, мадам, я не понимаю, почему вы возражаете...

МАМУЛЯ. Уж эта леди Бекман! Со всеми ее норковыми шубами и «роллс-ройсами»! Посылает полицейских рыскать по чужим кабинкам! Позор! Я этого не допущу!

ПЕРСИ. Но послушай, мамуля...

МАМУЛЯ. Перси, ты замолчишь наконец?

СТОРОЖ. Мадам, будьте умницей. Такой леди, как вы, не очень-то к лицу на глазах у всех идти в полицейский участок с офицером — так оно и будет. Мистер Фоли — очень милый джентльмен, он просто хочет удостовериться, что в вашей кабине ничего такого нет, чему там быть не положено. Дело-то, знаете, не в ожерелье. А если там бомба?

Мамуля слегка напугана. Джордж склоняется над газетой Боб смеется.

МАМУЛЯ. Бомба? Как бомба?

СТОРОЖ. Нынче время такое — не знаешь, чего и ждать. То тебе коммунисты, то атомные бомбы.

МАМУЛЯ. Прекрасно! (*Величественно.*) Можете войти, инспектор.

Фоли заходит в «Бен-Невис»

ДЖОРДЖ (*сторожу*). А вы малый не промах, а?

СТОРОЖ (*приосанясь*). Приходится, работа такая. Цельный день неприятности. К этим дамам пододец нужен — и все будет путем. На пляже всякого народа насмотришься!

БОБ. Тысяча фунтов премия! Фью! Имеет смысл подсушиться. Это все равно что выиграть в лотерею или в пульку, а, Арти?

Фоли выходит из кабинки

К подзорной трубе подходит красотка.

МИСТЕР СОМЕРС. Чтобы в пульку выиграть, нужны мозги.

НОРИН. Шик! Если бы я нашла изумрудное ожерелье, то тысяча была бы моя!

ФОЛИ (*смотрит на среднюю кабинку*). «Мон-Дезир».
СТОРОЖ (*читает по списку*). «Бен-Невис» — миссис Ган-
нер. «Мон-Дезир» — миссис Мургатройд. Давненько я ее не
видал. Наверное, там никого нет. (*Стучит в дверь кабинки.*)
КРАСОТКА. Да-а? Вы что-то хотите, пожалуйста? Я могу
что-то сделать?

Джордж смотрит на красотку.

МИССИС ГРУМ. Джордж!
СТОРОЖ. Это кабинка миссис Мургатройд?
КРАСОТКА (*усиленно кивает*). О да. Она подруга моей
тети. Она сказать мне, я могу пользоваться ее кабинка.
Она дать мне ключ. (*Вынимает из-за бюстгальтера ключ.*)
ФОЛИ (*берет ключ*). О! Я инспектор Фоли. Вы позволи-
те проверить...
КРАСОТКА. Вы инспектор? Да? Вам не нравится мой
костюм? Этого мало? Да?
ДЖОРДЖ. Нет.
БОБ. Мамзель, это превосходно!
СТОРОЖ. Мы не из-за костюма, мисс. У нас здесь ши-
рокие взгляды, не то что у некоторых. Видите ли, приклю-
чилось ограбление, и вот инспектор решил... э... может, в
вашу кабинку чего-то подкинули.
КРАСОТКА. Не понимаю. Кто подкинуть? Что?
ДЖОРДЖ. Изумрудное кольцо.
КРАСОТКА. Изумрудное кольцо! В мою кабинку? Зачем?
С'n'est pas possible. Je ne nese pas comprendre. Qui l'aurait
faite, une belle chose. Mais c'est complètement fou¹.
ДЖОРДЖ. Да... в общем... э... да.
ФОЛИ. Мадмуазель, ву... разрешите мне войти?
КРАСОТКА. О да, я разрешать. (*Садится.*)

Фоли заходит в «Мон-Дезир». Красотка роняет темные очки. Перси
кидается поднять их.

О, благодарю. Вы очень добрый.

ПЕРСИ. Не стоит благодарности. (*Садится.*)

КРАСОТКА (*к Перси*). Вы уже купались? Море очень хо-
лодное?

ПЕРСИ. Нет, ни чуточки. То есть да, холодное.

¹ Это невозможно. Я не могу понять. Кто бы мог это сделать?
Это полнейшее безумие (*фр.*).

КРАСОТКА. Видимо, вы храбрее, чем я. Когда море холодное, я не храбрая.

Фоли выходит из кабинки.

ФОЛИ. Там практически ничего нет.

КРАСОТКА. Да, очень мало. Чашки, блюдца и пачка чая, и пресное английское печенье. Я не люблю ваше английское печенье.

МАМУЛЯ. Перси, оденься. Ты простудишься.

ПЕРСИ. Что?.. Ах да!

МИСТЕР СОМЕРС. Да, становится прохладно.

НОРИН. Что ж, коли веселье закончилось, может, по пляжу пробежимся? Двинули, Боб? Пока, Артур! *(Уходит.)*

БОБ *(встает, оборачивается к красотке)*. Что ж, ореву-ар? *(Все еще глядя на нее, начинает пробежку.)*

Норин возвращается.

НОРИН. Боб! Ты идешь или как?

БОБ *(с досадой)*. Да иду я. У меня парлеву с этой птичкой...

НОРИН. Это ж просто французская!.. *(Толкает Боба, и оба уходят.)*

ФОЛИ. Извините за беспокойство.

Фоли уходит. Мистер Сомерс с трудом встает, тяжело опираясь на трость.

СТОРОЖ. Вам помочь, сэр?

МИСТЕР СОМЕРС. Справлюсь. *(Проходя мимо красоти, приподнимает шляпу.)* Бон жур! *(Уходит.)*

Сторож удаляется тоже.

КРАСОТКА. Бедный человек. *(Достает из пачки сигарету.)* О... пожалуйста, не будете ли вы так добры...

ПЕРСИ *(подскакивает к красотке)*. Конечно да, что угодно.

КРАСОТКА. Зажигалка — она запакована...

Джордж встает, вынимает свою зажигалку. Перси выхватывает зажигалку у Джорджа и подносит ей огонь.

Благодарю.

МАМУЛЯ. Оденься, Перси! Холодно!

ПЕРСИ. Одеться? О... да... *(Идет к «Бен-Невису».)*

ДЖОРДЖ. Эй, Ромео! *(Протягивает руку.)*

Перси кидается обратно, отдает Джорджу зажигалку, подходит к шез-лонгу, хватается брюки Боба и свою рубашку и уходит в кабинку. Джордж садится. Красотка мурлыкает какую-то мелодию. Джордж не сводит с нее жадного взгляда. Миссис Грум и мамуля переглядываются.

МИССИС ГРУМ *(складывает вязанье и решительно встает)*. Пошли, Джордж! Пройдемся к киоску и выпьем чаю.

ДЖОРДЖ. Не уверен, что мне хочется чаю.

МИССИС ГРУМ. Мы пойдем и выпьем чаю, Джордж.

ДЖОРДЖ. Вот как? Ну, тогда ладно. *(В спину миссис Грум.)* Шла бы ты...

МИССИС ГРУМ. Дай руку, не можешь, что ли?!

Джордж помогает ей спуститься по лесенке.

Вы идете, миссис Ганнер?

МАМУЛЯ *(покосившись на Перси и красотку)*. Ну, может, через минуту.

МИССИС ГРУМ. Киоск закрывается в пять.

КРАСОТКА *(вставая)*. Думаю, я пойду принять купание. *(Берет купальную шапочку и уходит.)*

Перси, в рубашке и брюках, выходит из кабинки и смотрит ей вслед.

МАМУЛЯ. Мы с миссис Грум идем пить чай.

ПЕРСИ. И правильно делаете. Я не хочу. Я пойду прой-дусь. *(Собирается идти вслед за красоткой.)*

МАМУЛЯ. Нет, Перси, ты останешься здесь, пока мы не вернемся. Ты понял? Никуда не уходи. А то что-нибудь украдут. И в обычные-то дни ничего оставлять нельзя, а с этими грабителями-акробатами и прочими опасными личностями предосторожность не помешает. За вещами мистера и миссис Грум тоже пригляди.

ПЕРСИ. О да!

Джордж подходит к Перси, и оба смотрят в ту сторону, куда ушла красотка.

МАМУЛЯ. В тот киоск, куда мы ходили вчера, я не пойду. Моя чашка была в губной помаде, да и девица мне не понравилась.

Мамуля и миссис Грум уходят. Джордж идет за ними, но прежде поворачивается к Перси и подмигивает ему.

ДЖОРДЖ. Желаю удачи, мой мальчик.

Перси жалобно смотрит на него.

Послушай, Перси, мальчик мой, ты должен постоять за себя, пока не поздно.

ПЕРСИ. Что вы имеете в виду?

ДЖОРДЖ. Опасная вещь — быть слишком уж хорошим сыном. Дело благодарное, но можно хватить через край. Умей за себя постоять. Будь мужчиной.

МИССИС ГРУМ. Джордж!

ДЖОРДЖ. Иду! (*Уходит.*)

Перси один сидит на пляже, жалобно глядя перед собой. Похлопывает по правому карману брюк в поисках сигарет, потом так же рассеянно по левому. Хмурится, что-то нащупав, и медленно вытаскивает сверкающее изумрудное кольцо. Смотрит на него в недоумении, потом с ужасом быстро вскакивает, сует кольцо обратно в карман, снова вынимает и смотрит, вытаращив глаза.

НОРИН (*за сценой*). Пошли, Боб, что ты копаешься?

БОБ (*за сценой*). Да полотенце уронил.

Перси проворно сует кольцо в карман и опять садится на песок
Входит Норин.

НОРИН. Ну ты че, Боб, идешь или как? Совсем обалдел! Перекурил, что ли?

БОБ (*за сценой*). Да ну, две пачечки за день,— об чем речь!

Перси становится на колени.

НОРИН. Ни фиги себе!

Перси не реагирует.

(*Смотрит на него.*) Алло, что-то стряслось?

ПЕРСИ. Нет... да.

НОРИН. Ну, ты выбери одно что-нибудь, а я пока переоденусь. Переодеваться на пляже — это, я вам скажу, уметь надо. В самый интересный момент полотенце обязательно свалится. (*Спускает бретельки бюстгалтера и обматывается полотенцем.*)

БОБ *(входит, тяжело дыша)*. Ф-фу!

НОРИН. Отвали, Боб. Обожди, пока я стану миссис Респектабельность. А сейчас я в любую минуту могу стать миссис Грубость.

БОБ. Ой, черт, извиняюсь. Ну, переоденешься — свистни. Где старичок Артур? А, вот он, вот он, моцион совершает. *(Уходит.)*

ПЕРСИ. Хотел бы я знать, что мне делать.

НОРИН. Пардон? *(Позволяет полотенцу сползти.)* Ах, чтоб тебе... Вы, мистер... как вас?

ПЕРСИ. Перси Ганнер.

НОРИН. Да, поддержи-ка! *(Подает край полотенца.)* Вот так, чтобы не упало. *(Извивается так, что полотенце снова сползает.)* Где моя одежда? Где мой... Лифчик! Лифчик! Лифчик! О, отпустите, пожалуйста. *(Отбирает у Перси полотенце.)* Вы будете следить. Да не за мной! За мужиками! *(Достает лифчик и стряхивает его.)* Зараза, полон пес-ка! *(Надевает.)* Крючок, зараза... Перси, поддержи-ка за оба конца. *(Дает ему полотенце.)*

Перси берет полотенце, держит его, растопырив руки и глядя в пространство.

(Застегивает бюстгалтер и проскальзывает в платье, потом выходит из-за полотенца.) Оп-ля!

Перси роняет полотенце

Ты не застегнешь мне «молнию», голубчик?

Перси подходит к ней и пытается застегнуть «молнию» на платье.

Эти «молнии» — просто мученье. Попробуй с разгону.

Перси удается застегнуть «молнию».

Не забудь крючок сверху.

Перси застегивает крючок.

Что, навыка-то нету? Ой, какой ты серьезный — что-то стряслось? *(Под платьем стаскивает с себя купальник.)*

ПЕРСИ. Хотел бы я знать, что мне делать.

НОРИН. Где мои носовые платки? *(Бросает купальник на песок, роется в своей сумке, достает бумажный носовой платок и сморкается.)* Ну так что с тобой стряслось, голубчик? *(Достает зеркальце и щетку, приглаживает волосы.)*

ПЕРСИ (*показывает колье*). Смотрите! Я только что нашел у себя в кармане.

НОРИН. Ты его... 'ты хочешь сказать, это та самая штука-кенция, из-за которой весь сыр-бор?

ПЕРСИ. Должно быть, это она. А вы как думаете?

НОРИН. И ты нашел его... то есть как это — нашел? Ты чего, не знал, что оно там?

ПЕРСИ. Понятия не имел.

НОРИН. Так это не ты его туда положил?

ПЕРСИ. Конечно не я! Только что его там не было — когда я пошел купаться.

НОРИН. Так это его туда подложили?

ПЕРСИ. Вероятно.

НОРИН. Но кто? Кто? А-а, понятненько...

ПЕРСИ. Что вы имеете в виду?

НОРИН. Где мои трусы? (*Достает из сумки трусы.*) Все в песке!

Когда трусы уже у Норин на шиколотках, входит молодой человек с мячом. Присвистнув, уходит.

ПЕРСИ. Вы сказали, вам стало понятно. Что вы поняли?

НОРИН (*став на колени возле песчаного замка, расчесывая волосы*). Конечно. Это она их подсунула...

ПЕРСИ. Она? Вы имеете в виду...

НОРИН. Фифочку из «Мон-Дезира».

ПЕРСИ. Нет! Я не верю!

НОРИН. А кто ж еще? Твои шмотки валялись на песке, так? Пришла полиция. Наверное, оно у ней было в пляжной сумке. И когда они принялись обыскивать твою кабинку, она взяла и засунула их тебе в штаны.

ПЕРСИ. Да... да, по-моему, так могло быть.

НОРИН. Эй, выше нос. Отнесешь эту штуку инспектору и получишь премию — тысячу фунтов, только подумай!

ПЕРСИ. А ее посадят в тюрьму!

НОРИН. Ага! (*Пихает его в грудь.*) Детка, эта мамзель не иначе как из той же банды. Грабитель-акробат крадет вещи и прячет их к ней в кабинку, а она на следующий день приходит и забирает.

ПЕРСИ. Да, по-моему, так могло быть. Но она такая молодая!

НОРИН. Может, она этим с детства промышляет. Их еще мамки учат воровать в магазинах.

Входит Боб, берет свои свитер.

БОБ *(сварливо)*. Я умираю от холода, а тебе все хаханьки? Почему не крикнула, что готова?

НОРИН. Боб, ты ни в жисть не догадаешься! Знаешь, что нашел мистер... Перси?..

ПЕРСИ. Перси Ганнер.

НОРИН. Знаешь, что он нашел? *(Берет у Перси кольцо.)* Сделай вдох, сосчитай до трех и помалкивай, чтоб потом не пожалеть! *(Показывает кольцо.)*

Голова Боба вылезает из свитера, и он видит кольцо.

БОБ. Иди ты! Камушки, из-за которых такой ор. Откуда?

НОРИН. Вот он. *(Показывает на Перси.)* Нашел у себя в штанах, представляешь? Я говорю, это ему кое-кто подложил.

БОБ. И кто же?

НОРИН. Та девчонка, ясное дело. Иностранка. Больше некому, скажи? Ей-богу, она.

БОБ. Точно, точно — это она.

ПЕРСИ. Нет!

БОБ. Старик, Норри-то дело говорит.

ПЕРСИ. Нет, не верю. Я не верю!

НОРИН. Все вы, мужчины, одинаковые. Вон она идет.

Входит красотка, Перси набрасывает на нее ее накидку.

КРАСОТКА. О, благодарю. Холодно, вода. Я сунула ногу, только палец и сказала «нет»! Я... *(Видит кольцо. Пауза, продолжает изменившимся голосом.)* А, у вас мое кольцо?

БОБ. Вы говорите, оно ваше?

КРАСОТКА. Но да — конечно!

ПЕРСИ. Но... оно было украдено.

КРАСОТКА. А, понимаю. Вы думаете, что это то кольцо. Нет, это мое. Это — как это говорится? — бижутерия. *(Подходит к Норину и проворно забирает кольцо. Надевает его и поворачивается к Перси.)* Красиво, правда? Где вы его нашли?

ПЕРСИ. Оно было у меня в кармане.

КРАСОТКА. У вас в кармане? Вы его взяли? Но зачем?

ПЕРСИ. Я его не брал.

КРАСОТКА. О, понимаю. Вы не знали, что вы его взяли. Я про такое слышала: клоп... м... kleptomания. Когда невозможно удержаться. Но хорошо — я получила назад свое кольцо, и больше не будем об этом говорить. *(Поднимается по центральной лесенке.)*

БОБ *(неприятно)*. Нет! Не выйдет.

Красотка останавливается.

КРАСОТКА. Что вы желаете?

БОБ. Вы не уйдете с этой штукой.

ПЕРСИ (*вдруг посмотрев на свои ноги*). Минутку! Это не мои брюки. В моих были сигареты. (*Бобу.*) Вот мои брюки. А это ваши. Оно было в вашем кармане.

БОБ (*злобно, красотке*). Давай сюда, быстро.

КРАСОТКА. Не дам.

Перси надвигается на Боба. Боб срывает с красотки кольцо и бежит, та ставит ему подножку, он падает и роняет кольцо.

Входит Фоли, за ним мистер Сомерс. Фоли поднимает кольцо.

ФОЛИ. Держите его!

БОБ. Ой, колено! Я что-то сломал!

КРАСОТКА (*уже без акцента*). Оно было у него в кармане брюк. Их по ошибке надел другой джентльмен.

ПЕРСИ. Я надел не те брюки.

МИСТЕР СОМЕРС. Что тут происходит?

НОРИН. Ничего не понимаю, что случилось?

НОРИН. Артур, это то самое кольцо. Которое увели у леди Бекман. Представляешь, оно было в кармане у Боба!

БОБ. Это подлог!

НОРИН. Ну не верится, прямо не верится!

МИСТЕР СОМЕРС. У Боба?

ФОЛИ (*к Норин*). Насколько хорошо вы знаете этого человека?

МИСТЕР СОМЕРС. Мы познакомились, как сюда приехали — неделю назад.

НОРИН. Мы живем в одном пансионате.

МИСТЕР СОМЕРС. Он казался таким приятным, компанейским парнем. Мы тут всюду ходили все втроем.

ФОЛИ. Вот как.

НОРИН. Прямо не верится. Боб — грабитель-акробат!

БОБ (*вставая*). Все это ошибка, говорю вам! Кто-то засунул эту штуку мне в карман. Это подтасовка фактов!

ФОЛИ. Об этом ты в участке расскажешь. Одевайся! (*Подталкивает Боба к шезлонгу.*) Неплохо провернул дельце, мой мальчик. Может, станешь богаче на тысячу фунтов.

БОБ. Это не мои брюки.

ПЕРСИ. Минутку. (*Снимает брюки.*)

ФОЛИ (*Бобу*). Ботинки твои?

ПЕРСИ. Вы же понимаете, не правда ли, что эта девушка совершенно ни при чем? Извините меня.

ФОЛИ (*ухмыляясь*). Давайте-ка я вас познакомлю.

Входят Джордж и миссис Грум.

Эта дама — полицейский, Алиса Джонс.

Перси роняет брюки

Отличная работа, Джонс. Ловко вы подставили ему под-
ножку.

КРАСОТКА. Спасибо, сэр.

ФОЛИ. Пошли!

БОБ. Француженка-коп на английском пляже. Расскажу
старшему продавцу — не поверит!

Фоли и Боб уходят

ПЕРСИ. Женщина-полицейский Алиса Джонс!

КРАСОТКА. Да.

МИСТЕР СОМЕРС. Вам удалось меня провести.

ПЕРСИ. Так здесь вы находились при исполнении обя-
занностей?

КРАСОТКА. Да.

ПЕРСИ. Вы... вы не похожи на полицейского.

КРАСОТКА. А мне и незачем.

ПЕРСИ. И что вы будете делать теперь?

КРАСОТКА. Отдыхать — я получила отгул.

ПЕРСИ. Послушайте, вы могли бы... мы можем сходить
в «Павильон» перекусить, а потом посмотреть шоу?

КРАСОТКА. С удовольствием.

Входит мамуля.

Я только надену на себя что-нибудь. (*Заходит в свою ка-
бинку.*)

ПЕРСИ. Ах да! (*Надевает брюки.*)

МИССИС ГРУМ. Эта девица — полицейский!

МАМУЛЯ. Перси, в чем дело? Что тут происходит?

ПЕРСИ. Я обнаружил изумрудное кольцо леди Бекман.

МИССИС ГРУМ. Нет, вы можете в такое поверить?!

ДЖОРДЖ. Так значит, это ты его нашел? Тысяча фунтов,
считай, в кармане! Надеюсь, тебе позволят их потратить.

МАМУЛЯ. Тысяча фунтов!

ДЖОРДЖ. Свободные средства — вот основа независи-
мости!

ПЕРСИ. Я не о деньгах думаю. Я о мисс...

МАМУЛЯ. Перси, что ты сказал этой девушке?

ПЕРСИ. Пригласил ее в «Павильон».

МАМУЛЯ. Вздор. Ты не должен был этого делать. Ты ее
мало знаешь.

ПЕРСИ. Скоро я узнаю ее получше.

ДЖОРДЖ. Ручаюсь, узнаешь!

МИССИС ГРУМ. Джордж!

МАМУЛЯ. Боже мой! Это уж слишком. Кажется, у меня опять разбивается голова. *(Плюхается на стул.)*

Миссис Грум едва успевает выхватить с сиденья мамулино вязанье

МИССИС ГРУМ. Оп!

НОРИН. Пойдем-ка домой. Боб — грабитель-акробат! Нет, слышали? Пошли, Артур?

МИСТЕР СОМЕРС. Через минутку, дорогая. Ты иди.

НОРИН *(подталкивает Перси в бок)*. Ну, Перси, не те-ряйся. Держи хвост пистолетом, Ганнер! *(Уходит.)*

МИССИС ГРУМ. Подойди позаботься о маме, Перси. По-моему, ей плохо.

ПЕРСИ. Как ты, мамуля?

МАМУЛЯ. Сердце...

ДЖОРДЖ. Ну, начинается!

ПЕРСИ. Где твоя нюхательная соль? *(Достает из ее сум-ки соль и подносит ей к носу.)*

Мамуля отводит его руку

ДЖОРДЖ. На, обмахни ее вот этим.

Перси берет у Джорджа газету и обмахивает правое ухо мамули; она закрывает его рукой. Перси переходит на левую сторону.
Входит мамаша.

МАМАША. Эрни! Берт! Собирайтесь оба, а то не успеем на автобус!

МАМУЛЯ. О, опять эта женщина!

МАМАША. Эрни!

МАМУЛЯ. Надо же, какой голос!

МАМАША. Ну, я задам тебе, когда поймаю! Эрни!!! *(Ухо-дит.)*

КРАСОТКА *(выходит из кабинки)*. Я готова.

ПЕРСИ. Я очень сожалею... Я хочу сказать... моя мама плохо себя чувствует.

МАМУЛЯ. Боюсь, я для тебя такая обуза, мое золотко, но мне действительно очень плохо!

ПЕРСИ. Может быть *(жалобно смотрит на миссис Грум)*, вы будете так добры...

МАМУЛЯ (*красотке*). Я уверена, вы меня понимаете, мисс...

КРАСОТКА. Джонс. Алиса Джонс.

МАМУЛЯ. Мисс Джонс. Мне так жаль, но у меня в самом деле ужасная головная боль, даже подташнивает.

Перси снова принимается обмахивать ее.

КРАСОТКА (*бодро*). Ах как плохо. Я знаю, что вам нужно — вам нужен отдых. Когда плохо себя чувствуешь, мужчины совершенно бесполезны, верно? Пойдем, Перси, дадим твоей маме спокойно отдохнуть.

ПЕРСИ. Мамуля...

МАМУЛЯ. О Боже... (*Закрывает глаза.*)

КРАСОТКА (*к Перси*). Ну?

ПЕРСИ. Я...

КРАСОТКА. Что ж, всем до свиданья. (*Уходит.*)

ПЕРСИ. Подождите! Мисс Джонс! (*Отдает газету миссис Грум и бежит следом.*)

ДЖОРДЖ. Молодец! Ох молодец!

Миссис Грум обмахивает мамулю.

МАМУЛЯ. Вот до чего я дожила. Мой собственный мальчик уходит и оставляет меня самым бессердечным образом. Ужасная девица. Настоящая полицейская ищейка!

МИССИС ГРУМ (*обмахивает себя*). Бедняжка, как я вам сочувствую.

МАМУЛЯ (*вставая*). Что ж, нечего зря сидеть. Пойду домой, если только смогу сама дойти.

МИССИС ГРУМ. Я пойду с вами.

МАМУЛЯ. Да еще оставил мне самой запирать «Бен-Невис»! Я к этому не привыкла.

МИССИС ГРУМ. Джордж!

Джордж откладывает газету и идет заносить стулья в «Бен-Невис».

МАМУЛЯ. Это совсем непохоже на моего Перси. Не знаю, что на него нашло.

ДЖОРДЖ. А я знаю.

МАМУЛЯ. Посмотрите, чтобы ничего не оставалось.

Джордж заносит второй стул, отходит к своему собственному и берется за газету.

Мистер Грум, не будете ли вы так добры...

Джордж снова встает, берет у мамули ключ и запирает кабинку.

Хорошо заперли?

ДЖОРДЖ. Вот ваш ключ. Давайте мы вас проводим домой.

МАМУЛЯ. О да, проводите меня домой. Все знают, что я могу умереть в любую минуту. Никому нет дела, жива я или умерла.

МИССИС ГРУМ. Нет, Джордж, ты нам не нужен.

Миссис Грум и мамуля уходят.

ДЖОРДЖ. Женщины!

МИСТЕР СОМЕРС. Одно слово — женщины.

Джордж складывает стулья, заносит их в кабинку.

Входит пляжный сторож, подбирает мусор в корзину, обнаружив лифчик, поднимает его.

СТОРОЖ. Вот сказали по радио, завтра дождь пойдет. Вдруг. Никогда еще не сказали впопад. Опять будет чертов прекрасный денек.

ДЖОРДЖ (*смотрит на лифчик*). Это не мой.

Сторож удаляется. Джордж подходит к песчаному замку.

МИСТЕР СОМЕРС. Ну наконец-то! (*Встает, распрямляет ноги, подходит к замку, выкапывает из него колбе и протягивает Джорджу.*) Держи, старина.

ДЖОРДЖ. Так оно все время было у вас! А как же то, другое?

МИСТЕР СОМЕРС. А, то копия. Вчера не было времени от него избавиться. Проклятая горничная проторчала там лишних два часа. Хорошо Норин придумала шуточку — положить его Бобу в карман.

ДЖОРДЖ. С такими шуточками она далеко пойдет. Бедняга Боб.

МИСТЕР СОМЕРС. Что ж, кого-то надо было оставить в дураках. А Боб, на мой взгляд, словно создан для этой роли. Он нагловат, не мешает его проучить. Ничего, составят на него протокольчик...

ДЖОРДЖ. А тем временем мы... Вот я — почтенный ювелир. Ничуть не похож на скупщика краденого, а?

МИСТЕР СОМЕРС. А я не похож на грабителя-акробата, а? *(Садится в шезлонг.)*

Джордж идет к своей кабинке, закрывает дверь и вешает замок.

МИССИС ГРУМ. Джордж!

Появляется миссис Грум.

Пошли, Джордж. Или ты собираешься всю ночь просидеть на пляже? Миссис Ганнер в ужасном состоянии.

ДЖОРДЖ. Так и надо старой перечнице.

МИССИС ГРУМ. А? Скажу тебе одну вещь. На следующий год я сюда не поеду.

ДЖОРДЖ. Наверное, ты права, дорогая. Не стоит слишком долго маячить в одном и том же месте.

МИСТЕР СОМЕРС. Простите, огонька не найдется?

Джордж дает мистеру Сомерсу прикурить.

МИССИС ГРУМ. На следующий год я поеду в Клактон. *(Уходит.)*

ДЖОРДЖ. Клактон. Да, думаю, там тоже что-нибудь найдется. Клактон. Да, неплохо, очень неплохо. *(Уходит.)*

Мистер Сомерс закидывает ногу на ногу и надвигает на лоб шляпу.

З а н а в е с

Пациентка

Одноактная пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАЦИЕНТКА (миссис Уингфилд), женщина-инвалид средних лет.

БРАЙЕН УИНГФИЛД, муж пациентки, писатель-романист, крепыш лет 35-ти.

ЭММЕЛИНА РОСС, сестра пациентки, высокая мрачная женщина, лет 40.

УИЛЬЯМ РОСС, брат пациентки, невысокий темпераментный брюнет лет 35-ти.

БРЕНДА ДЖЕКсон, секретарь Уингфилда, высокая очень красивая женщина 25 лет.

ЛАНСЕН, долговязый парень в очках, специалист по медицинской аппаратуре.

МЕДСЕСТРА, высокая красивая женщина с бесстрастным лицом.

ДОКТОР ГИНЗБЕРГ, черноволосый мужчина лет 44-х, с умным, живым лицом.

ГРЕЙ, инспектор, приятный мужчина средних лет.

Больница. Август, середина дня.

Квадратная палата, простая, стерильно чистая. Занавесками отгорожена ниша; занавески сейчас раздвинуты, внутри виден секрестер. Рядом некий электрический аппарат, со шкалами, красными лампочками и т.д. Вокруг стола в центре комнаты — кресло и четыре стула.

На больничной тележке кипит включенный стерилизатор.

Лансен, в белом халате, возится с аппаратом. Возле тележки стоит медсестра, она держится профессионально корректно. Раздается телефонный звонок.

Входит доктор Гинзберг.

ГИНЗБЕРГ. Не беспокойтесь, сестра, я отвечу. *(Снимает трубку.)* Да?.. О, инспектор Грей, хорошо. Пригласите его в палату номер четырнадцать, пожалуйста. *(Подходит к электрическому аппарату.)* Как дела, Лансен? Закончили?

ЛАНСЕН. Да, все в порядке. Я буду включать его вот сюда. *(Показывает.)*

ГИНЗБЕРГ. Но вы в нем вполне уверены? Мы не можем позволить себе даже ни малейшей осечки!

ЛАНСЕН. Вполне уверен. Будет работать, как часы.

ГИНЗБЕРГ. Хорошо. *(Смотрит на стулья.)* По-моему, такая официальность ни к чему. *(Переставляет стул.)* Э-э... а этот к стене. *(Выходит.)*

МЕДСЕСТРА. Да, доктор. *(Поднимает стул.)*

ЛАНСЕН. Осторожно! *(Берет у нее стул и ставит к правой стене.)*

МЕДСЕСТРА *(указывая на аппарат)*. А что это такое?

ЛАНСЕН. Новая техника.

МЕДСЕСТРА. А, вот оно что.

ЛАНСЕН. Беда с вами, люди, не уважаете вы науку

В сопровождении Гинзберга входит инспектор Грей.

ИНСПЕКТОР. Здравствуйте.

ГИНЗБЕРГ. Все готово, инспектор.

ИНСПЕКТОР. Вот это и есть ваше хитроумное устройство?

ЛАНСЕН. Здравствуйте, инспектор.

ГИНЗБЕРГ. Да, оно успешно прошло испытание, инспектор.

ЛАНСЕН. Работает безупречно. Малейшее прикосновение обеспечивает контакт. Я гарантирую — сбоев не будет.

ГИНЗБЕРГ. Хорошо, Лансен, мы позовем вас, когда вы понадобится.

Лансен выходит.

(Медсестре.) Сестра Картрайт подготовила пациентку?

МЕДСЕСТРА. Да, доктор. Подготовила.

ГИНЗБЕРГ. Видите ли, инспектор, сестра Бонд изъявила желание остаться и помочь мне в эксперименте.

ИНСПЕКТОР. И прекрасно. Такая любезность с вашей стороны!

МЕДСЕСТРА. Отнюдь нет, инспектор. Просто я пытаюсь сделать все, что в моих силах. Я никогда не оставляла своего поста, даже в перерыв, если состояние миссис Уингфилд казалось мне чересчур подавленным.

ГИНЗБЕРГ. Никто и не обвиняет вас, сестра. Так, значит, все пришли?

ИНСПЕКТОР. Да, они внизу.

ГИНЗБЕРГ. Все четверо?

ИНСПЕКТОР. Все четверо. Брайен Уингфилд, Эммелина Росс, Уильям Росс и Бренда Джексон. Уйти они не могут. Я выставил охрану.

ГИНЗБЕРГ. Вы должны понимать, инспектор, что самочувствие моей пациентки для меня превыше всего. При первых же признаках коллапса или, наоборот, излишнего возбуждения, едва я замечу, что эксперимент оказывает на

нее неблагоприятное воздействие — я его прекращу. Вам все понятно, сестра?

МЕДСЕСТРА. Да, доктор.

ИНСПЕКТОР. Разумеется, на другое я и не рассчитывал. А вы не боитесь, что риск все же слишком велик?

ГИНЗБЕРГ. Если бы я думал, что риск слишком велик, я бы не разрешил эксперимент. Но нынешнее состояние миссис Уингфилд обусловлено психологическими причинами, это результат глубокого шока. Температура, сердце, пульс — все сейчас в норме. *(Медсестре.)* Сестра, вы уже знакомы с родственниками. Спуститесь в приемную и пригласите их сюда. Если начнут задавать вопросы, прошу вас конкретных ответов не давать.

МЕДСЕСТРА. Да, доктор. *(Выходит.)*

ИНСПЕКТОР. Итак, приступаем.

ГИНЗБЕРГ. Да.

ИНСПЕКТОР. Будем надеяться на лучшее. Кому-нибудь из родственников разрешали с ней видеться?

ГИНЗБЕРГ. Мужу, естественно. А также позволяем зайти на несколько минут брату и сестре. При этом всегда присутствовала сестра Картрайт, которой поручено за ней ухаживать. Мисс Джексон не навещала миссис Уингфилд и не просила об этом.

ИНСПЕКТОР. Ну что ж. Не могли бы вы с ними предварительно побеседовать? Так сказать, обрисовать картину?

ГИНЗБЕРГ. Разумеется, если вы желаете... Значит, миссис Уингфилд упала с балкона третьего этажа.

ИНСПЕКТОР. Да, да.

ГИНЗБЕРГ. Поразительно, однако, что она не разбилась насмерть. Контузия головного мозга, вывих плеча и перелом левой ноги.

Медсестра открывает дверь. Входят Брайен Уингфилд, Уильям Росс, Эммелина Росс. Все трое взволнованы.

Медсестра выходит.

Здравствуйте, мисс Росс, присаживайтесь. Мистер Росс! Добрый день, мистер Уингфилд.

УИНГФИЛД. Вы посылали за нами — это не по поводу моей жены? Плохие новости?

ГИНЗБЕРГ. Нет, мистер Уингфилд. Никаких плохих новостей.

УИНГФИЛД. Слава Богу. Когда нас позвали, я испугался, вдруг ей стало хуже.

ГИНЗБЕРГ. Никаких перемен нет — ни к худшему, ни, увы, к лучшему.

ЭММЕЛИНА. Моя сестра все еще без сознания?

ГИНЗБЕРГ. В параличе, не может ни двигаться, ни говорить.

ЭММЕЛИНА. Какой ужас! Просто ужас!

ИНСПЕКТОР. Мисс Джексон с вами?

УИНГФИЛД. Она идет следом за нами.

Входит Бренда Джексон.

Доктор Гинзберг — мой секретарь мисс Джексон.

ГИНЗБЕРГ. Добрый день.

РОСС. Бедная Дженни! Какой ужас, когда с человеком такое случается! Иногда мне кажется, лучше бы она совсем разбилась.

УИНГФИЛД. Нет! Только не это!

РОСС. Я понимаю твои чувства, Брайен. Но... я все-таки... Она теперь все равно что живой мертвец, правда, доктор?

ГИНЗБЕРГ. Для вашей сестры еще остается надежда, мистер Росс.

БРЕНДА. Но она ведь не останется в таком состоянии навсегда? Ей же станет лучше, правда?

ГИНЗБЕРГ. В случаях подобного рода дать прогноз очень трудно. Все травмы заживут, это так. Кости срастутся, вывих уже вправлен, раны на голове почти зажили.

УИНГФИЛД. Тогда почему же она не выздоравливает? Почему не становится такой, как была?

ГИНЗБЕРГ. Вы касаетесь области, которая пока еще недостаточно изучена. Видите ли, паралич миссис Уингфилд явился следствием травмы.

ЭММЕЛИНА. Из-за этого несчастного случая?

ГИНЗБЕРГ. Несчастный случай — это кажущаяся причина.

РОСС. Как это, кажущаяся?

ГИНЗБЕРГ. Полагаю, миссис Уингфилд, падая с балкона, испытала некий необычайный страх. Она получила не столько физическую, сколько психическую травму, что и привело к состоянию полного паралича.

УИНГФИЛД. Уж не хотите ли вы сказать, что... может, вы, как и инспектор, думаете, будто моя жена пыталась покончить с собой? Я в это ни капельки не верю.

ИНСПЕКТОР. Я не утверждал, что считаю это попыткой самоубийства.

УИНГФИЛД. Вы наверняка так думали, иначе ни вы, ни ваши люди не кружили бы здесь, как стервятники.

ИНСПЕКТОР. В подобных случаях нужна полная ясность.

РОСС. Господи, все ведь очень просто! Она много месяцев болела. Почувствовала слабость, потому что в первый раз встала с постели — практически в первый раз. Вышла на балкон, оперлась на перила, но вдруг голова закружилась, и она упала на землю. Там перила очень низкие.

ЭММЕЛИНА. Не распаляйся, Уильям, не кричи.

РОСС (*Эммелине*). Ты права, зайчик, но разговаривать спокойно на эту тему я просто не в состоянии. (*Гинзбергу*.) Думаете, приятно, когда полиция вмешивается в ваши семейные дела?

УИНГФИЛД. Знаешь, Билл, уж если кому вопить, так это мне, а я ведь сдерживаюсь.

БРЕНДА. Зачем нас сюда позвали?

ИНСПЕКТОР. Минуточку, мисс Джексон. Мисс Росс, я попрошу вас рассказать поподробнее о своей сестре. Была ли она склонна по всякому поводу унывать, впадать в депрессию?

ЭММЕЛИНА. Она всегда была очень нервной, возбудимой.

РОСС. Я бы не сказал.

ЭММЕЛИНА. Мужчинам этого не понять. Я знаю, что говорю. Думаю, инспектор, что болезнь могла угнетать сестру, а чувство подавленности вместе со всем остальным, что ее тревожило и мучило...

Бренда идет к двери.

ИНСПЕКТОР. Куда вы, мисс Джексон?

БРЕНДА. Я ухожу. Я не член семьи, я всего лишь секретарь мистера Уингфилда. Остаться здесь я не вижу смысла. Меня просили прийти вместе со всеми, но если вы собираетесь снова и снова рассуждать о несчастном случае — правда ли это несчастный случай или попытка самоубийства, — то мне тут делать нечего.

ИНСПЕКТОР. Мисс Джексон, «снова и снова» не будет. Мы собираемся провести эксперимент.

БРЕНДА. Эксперимент? Какой эксперимент?

ИНСПЕКТОР. Доктор Гинзберг объяснит. Садитесь, мисс Джексон.

Бренда возвращается и садится.

Доктор Гинзберг!

ГИНЗБЕРГ. Пожалуй, для начала я сделаю конспективный обзор того, что известно мне самому и о чем мне рассказали. Последние два месяца миссис Уингфилд страдала от некоей непонятной болезни, поставившей в тупик ее лечащего врача доктора Хорсфилда, — в чем ссылаюсь на его собственное авторитетное свидетельство. Однако через некоторое время состояние ее стало улучшаться. Впрочем, несмотря на явную положительную динамику, при ней по-прежнему дежурила медсестра. В интересующий нас день, а именно десять дней назад, миссис Уингфилд после обеда встала с постели, и медсестра Бонд усадила ее в легкое кресло возле открытого окна. Погода стояла прекрасная. У миссис Уингфилд была книга и радиоприемник. Убедившись, что у пациентки есть все необходимое, сестра, как обычно после обеда, вышла пройтись. О том, что случилось дальше, мы можем только гадать. Но в половине четвертого все услышали крик. Мисс Росс, сидевшая в комнате внизу, видела, как мимо окна что-то пролетело. Оказалось, это миссис Уингфилд упала с балкона своей комнаты. В момент падения рядом с ней никого не было. А всего в доме в это время находилось четыре человека — те самые четверо, что сейчас здесь собрались.

ИНСПЕКТОР. Может быть, вы, мистер Уингфилд, расскажете, что было потом?

УИНГФИЛД. По-моему, я уже столько раз это повторял! Я вычитывал гранки у себя в кабинете. Услышал снаружи крик, шум. Кинулся к боковой двери, выбежал на террасу и нашел — нашел бедную Дженни. Минутой позже подбежала Эммелина, потом Уильям и мисс Джексон. Мы вызвали врача.

ГИНЗБЕРГ. Я... я...

ИНСПЕКТОР. Да-да, мистер Уингфилд, продолжать нет необходимости. Мисс Джексон, не продолжите ли теперь вы?

БРЕНДА. Мистер Уингфилд попросил у меня справку в энциклопедии, и я как раз была в библиотеке, когда услышала суматоху и топот бегущих людей. Я отложила книгу и вышла к ним на террасу.

ИНСПЕКТОР. Мистер Росс?

РОСС. Что? А-а. Я все утро играл в гольф, я всегда играю по субботам. Пришел домой, хорошенько пообедал и прилег соснуть. Меня разбудил крик Дженни. Я даже сначала подумал, что мне это снится. Потом слышу внизу шум, выглядываю в окно — а она лежит на террасе, и вокруг собрались люди. О Господи, неужели нужно все это повторять без конца?

ИНСПЕКТОР. Я только хотел подчеркнуть тот факт, что никто из присутствовавших в доме не может сказать, что же произошло... Никто, кроме самой миссис Уингфилд.

РОСС. Но все очень просто, я уже говорил. Бедная Дженни переоценила свои силы. Вышла на балкон, наклонилась — и пожалуйста. Элементарный несчастный случай, с каждым может произойти.

УИНГФИЛД. Нельзя было оставлять ее одну. Это моя вина.

ЭММЕЛИНА. Брайен, но ведь ей полагалось отдыхать после обеда, так врач велел. Мы все собирались зайти к ней в полпятого выпить чаю, а до тех пор, начиная с трех часов, ей полагалось отдыхать.

ИНСПЕКТОР. Мисс Росс, несчастным случаем это трудно объяснить. Ведь на балконе есть перила.

РОСС. Нет, нет. У нее закружилась голова, и она потеряла равновесие. Я сам наклонялся, чтобы проверить. Такое запросто могло случиться.

ИНСПЕКТОР. При таком маленьком росте, как у миссис Уингфилд, вывалиться через перила балкона, даже если кружится голова, — задача непростая.

ЭММЕЛИНА. Мне очень неприятно это говорить, но, думаю, вы правы в своих подозрениях. Бедняжка Дженни так переживала, что повредила умом. А приступ депрессии, наверное, переполнил чашу...

УИНГФИЛД. Ты все твердишь, будто она покушалась на самоубийство. Я в это не верю. Не верю!

ЭММЕЛИНА (*со значением*). У нее было от чего впасть в депрессию.

УИНГФИЛД. Что ты хочешь этим сказать?

ЭММЕЛИНА. Ты и сам прекрасно знаешь, что я хочу сказать. Я не слепая, Брайен.

УИНГФИЛД. Никакой депрессии у Дженни не было. Ей не с чего было в нее впадать. У тебя злоба разыгралась, Эммелина, и ты все выдумала.

РОСС. Не трогай мою сестру!

БРЕНДА. Это был несчастный случай. Конечно, несчастный случай. А мисс Росс просто пытается... пытается...

ЭММЕЛИНА. Да, и что же я пытаюсь сделать?

БРЕНДА. Просто вы из тех женщин, что строчат анонимки и клеветы. Из-за того, что ни один мужчина ни разу не взглянул на вас...

ЭММЕЛИНА. Как вы смеете!

РОСС. О боже мой! Женщины! Прекратите, вы обе!

УИНГФИЛД. Думаю, нам всем надо остыть. Мы говорим о чем-то совершенно постороннем. А что действительно нужно выяснить, так это состояние духа Джени в тот день, когда она упала. Ну так вот я, как муж, знаю ее достаточно хорошо, и ни минуты не сомневаюсь, что она не помышляла о самоубийстве.

ЭММЕЛИНА. Потому что тебе не хочется сомневаться, не хочется признать свою вину!

УИНГФИЛД. Вину? В чем?

ЭММЕЛИНА	} (вместе).	А кто ее до этого довел?
РОСС		Что ты такое говоришь?
УИНГФИЛД		Да как ты смеешь!

БРЕНДА. Это неправда!

ГИНЗБЕРГ. Господа, господа! Прощу вас! Приглашая вас сюда, я, честно говоря, не ожидал, что спровоцирую взаимные обвинения.

РОСС. Да ну? Я в этом не уверен.

ГИНЗБЕРГ. Нет, собирался лишь провести эксперимент.

БРЕНДА. Мы это уже слышали, но вы так и не сказали, что за эксперимент.

ГИНЗБЕРГ. Как только что сказал инспектор Грей, лишь один человек знает, что случилось в тот день, — сама миссис Уингфилд.

УИНГФИЛД. А она рассказать не может. К сожалению!

ЭММЕЛИНА. Расскажет, когда поправится.

ГИНЗБЕРГ. Думаю, вы не вполне представляете тяжесть ее состояния, мисс Росс. Могут пройти месяцы, даже годы, прежде чем миссис Уингфилд из него выйдет.

УИНГФИЛД. Не может быть.

ГИНЗБЕРГ. Да, мистер Уингфилд. Не буду вдаваться в детали, но у людей, ослепших в результате шока, зрение иногда восстанавливалось через пятнадцать — двадцать лет. Паралитики в подобных случаях тоже лет двадцать не могли ходить. Случается, что другой шок ускоряет восстановление утраченной способности, но жесткой зависимости здесь нет. (Инспектору.) Позвоните, пожалуйста.

Инспектор подходит к дверям и нажимает звонок.

УИНГФИЛД. Я не совсем понимаю, к чему вы ведете, доктор.

ИНСПЕКТОР. Сейчас узнаете, мистер Уингфилд.

ГИНЗБЕРГ. Мисс Джексон...

Бренда встает. Гинзберг снимает со стула сумку Эмmeliны и передает ей.

ЭММЕЛИНА. Спасибо.

Гинзберг подходит к окну и закрывает жалюзи. На сцене темнеет.
Гинзберг включает одну из ламп.

ГИНЗБЕРГ. Инспектор, будьте любезны.

Инспектор включает другую лампу.

Лансен открывает дверь и ввозит каталку с пациенткой, за ним идет медсестра. Они ставят каталку в центре. Голова пациентки вся в бинтах, видны только глаза и нос. Она совершенно неподвижна, глаза открыты.

Лансен подвозит аппарат поближе к пациентке и разворачивает его
Гинзберг становится рядом.

УИНГФИЛД. Дженни, дорогая!

Эммелина молча подходит к каталке.

БРЕНДА. Что происходит? Что вы пытаетесь сделать?

ГИНЗБЕРГ. Миссис Уингфилд, как я уже сказал, полностью парализована. Она не может ни двигаться, ни говорить.

Уингфилд отворачивается.

Но мы согласились в том, что только она знает, что с ней в тот день произошло.

БРЕНДА. Она без сознания. Она может оставаться без сознания — о, вы же говорили, годами.

ГИНЗБЕРГ. Я не говорил — без сознания. Миссис Уингфилд не может двигаться и говорить, но она видит и слышит; и я думаю, весьма вероятно, что ее ум остается столь же острым, как и прежде. Она знает, что случилось. Она хотела бы нам сообщить, но, к сожалению, не может.

УИНГФИЛД. Вы думаете, она нас слышит? Думаете, она понимает, что мы ей говорим, что чувствуем?

ГИНЗБЕРГ. Думаю, да.

УИНГФИЛД (*подходит к пациентке*). Дженни! Дженни, дорогая моя! Ты меня слышишь? Я знаю, это было ужасно, но теперь все будет хорошо.

ГИНЗБЕРГ. Лансен!

ЛАНСЕН. Я готов, сэр, в любую минуту.

ГИНЗБЕРГ. Я говорил, что миссис Уингфилд не может нам ничего сообщить, но, кажется, теперь мы нашли способ. Доктор Зальцберген, который является специалистом по этому виду паралича, навещал ее и заметил слабое шеве-

ление пальцев ее правой руки — повторяю, крайне слабое, едва уловимое. Она не может поднять руку, но три пальца правой руки сохранили подвижность. Мистер Лансен собрал соответствующий аппарат электрического типа. Видите, вот маленькая резиновая груша. Если нажать на грушу, на панели аппарата загорается красная лампочка. Малейшее движение вызывает вспышку. Будьте добры, Лансен!

Лансен дважды сжимает грушу. На аппарате дважды загорается красная лампочка.

Сестра, откройте правую руку пациентки.

Медсестра кладет руку пациентки на покрывало.

Лансен, между первыми тремя пальцами. Осторожно!

Лансен вкладывает грушу в правую руку пациентки.

Теперь я задам несколько вопросов миссис Уингфилд.

РОСС. Задавать ей вопросы? О чем вы говорите? Какие такие вопросы?

ГИНЗБЕРГ. Вопросы о том, что случилось в тот субботний день.

РОСС. Так вот что вы затеяли!

ГИНЗБЕРГ. Эксперимент был предложен мистером Лансеном и мной.

УИНГФИЛД. Но нельзя же всерьез на это полагаться? А если у нее просто мышечные спазмы?

ГИНЗБЕРГ. Я думаю, скоро мы убедимся, может миссис Уингфилд отвечать на вопросы или нет.

УИНГФИЛД. Я возражаю! Это опасно для нее. Это отсрочит ее выздоровление. Я не разрешаю! Я не даю согласия.

БРЕНДА *(тепло)*. Брайен! *(Оглядывается на инспектора и отходит в сторону.)*

ГИНЗБЕРГ. Здоровью миссис Уингфилд ничто не угрожает, — я ручаюсь. Сестра!

Медсестра становится возле пациентки и кладет пальцы на ее запястье.

При малейших признаках коллапса вы знаете что делать.

МЕДСЕСТРА. Да, доктор.

БРЕНДА. Мне это не нравится... не нравится.

ЭММЕЛИНА. Еще бы.

БРЕНДА. А вам?

ЭММЕЛИНА. Я думаю, это может оказаться интересно.

РОСС } Я не верю...

УИНГФИЛД } (вместе). Инспектор, я надеюсь...

ИНСПЕКТОР. Прошу тишины! Мы должны соблюдать полную тишину. Доктор готов начать.

Пауза.

ГИНЗБЕРГ. Миссис Уингфилд, вы едва избежали смерти и сейчас находитесь на пути к выздоровлению. Телесные повреждения заживают. Мы понимаем, что вы парализованы, не можете ни говорить, ни двигаться. Чего я от вас хочу... если вы понимаете, что я говорю, постарайтесь шевельнуть пальцами так, чтобы сжать грушу. Попробуете?

Пауза, затем пальцы пациентки двигаются, и загорается красная лампочка. Все четверо делают выдох. Инспектор внимательно наблюдает за четырьмя посетителями. Гинзберг не сводит взгляд с пациентки. Лансен следит за аппаратурой и сияет от удовольствия каждый раз, как загорается лампочка.

Вы слышали и поняли, что мы сказали, миссис Уингфилд?

Одна красная вспышка.

Спасибо. Теперь я предлагаю следующее: если вы отвечаете «да», то нажимаете грушу один раз, если «нет» — два раза. Понятно?

Одна вспышка.

А теперь, миссис Уингфилд, какой будет сигнал для «нет»?

Две короткие вспышки.

Я думаю, всем ясно, что миссис Уингфилд понимает, что я говорю, и может отвечать на вопросы. Возвращаемся к субботе четырнадцатого числа. Вы ясно помните, что случилось в тот день?

Одна вспышка.

По возможности я буду задавать вопросы так, чтобы не утомлять вас. Итак, я полагаю, что вы пообедали, встали, и медсестра усадила вас в кресло возле окна. Вы остались одна, в комнате у открытого окна; предполагалось, что вы будете отдыхать до половины пятого. Я правильно излагаю?

Одна вспышка.

Вы немного поспали?

Одна вспышка.

А потом проснулись...

Одна вспышка.

Вышли на балкон?

Одна вспышка.

Вы прислонились к перилам?

Одна вспышка.

Вы потеряли равновесие и упали?

Пауза. Лансен наклоняется что-то подкрутить в аппарате

Минутку, Лансен! Вы упали?

Одна вспышка.

Но вы не теряли равновесие?

Две вспышки. Всеобщий выдох.

У вас закружилась голова? Вы почувствовали слабость?

Две вспышки.

УИНГФИЛД. Инспектор, я...

ИНСПЕКТОР. Чш-ш!

Уингфилд отворачивается.

ГИНЗБЕРГ. Миссис Уингфилд, теперь вам самой придется рассказать нам, что случилось дальше. Я буду произносить алфавит. Когда дойду до той буквы, которая вам нужна, нажмите грушу. Я начинаю. А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т

Одна вспышка.

Вы дали мне букву Т. Рискну угадать, а вы скажете мне, прав ли я. Вы имели в виду слово «толкнуть»? Вас толкнули?

Одна вспышка. Общее смятение. Бренда отшатывается, закрыв лицо руками. Эмелина неподвижна

БРЕНДА. Нет, это неправда!

РОСС. Что за черт!

УИНГФИЛД. Это беззаконие!

ГИНЗБЕРГ. Прошу тишины. Нельзя волновать пациентку. Миссис Уингфилд, у вас, очевидно, есть что сказать еще. Я снова начинаю перечислять буквы. Гласные. А, Е, И, О, У.

Одна вспышка.

ГИНЗБЕРГ. Итак, У?

Одна вспышка.

ГИНЗБЕРГ. За «У» следует согласная. Какая, миссис Уингфилд? А, Б.

Одна вспышка.

Б? Вместе — УБ?

Одна вспышка.

Следующая буква будет «И»?

Одна вспышка. Инспектор и Гинзберг переглядываются

У-Б-И... Миссис Уингфилд, вы пытаетесь сказать нам, что случившееся в тот день не было несчастным случаем? Что это было покушение на убийство?

Одна вспышка.

УИНГФИЛД. Это невероятно! Абсолютно невероятно. Это невозможно, говорю вам, невозможно!

БРЕНДА (*одновременно*). Это неправда. Она не понимает, что говорит.

ЭММЕЛИНА (*одновременно*). Что за вздор. Бедная Дженни сама не знает, что делает.

РОСС (*одновременно*). Убийство! Убийство! Не может быть! Ты хочешь сказать, к нам забрался убийца?

ГИНЗБЕРГ. Тихо, господа! Пожалуйста. Прошу вас.

ЭММЕЛИНА. Да она сама не знает, что говорит.

ИНСПЕКТОР. Думаю, знает.

ГИНЗБЕРГ. Миссис Уингфилд, кто-то незнакомый вошел в дом и напал на вас?

Две короткие вспышки.

Вас толкнул кто-то из живущих в доме?

Пауза, потом одна вспышка.

УИНГФИЛД. Боже мой!

Красная лампочка загорается несколько раз

МЕДСЕСТРА. Доктор, пульс учащается.

ИНСПЕКТОР. Еще немного. Нам нужно имя.

ГИНЗБЕРГ. Миссис Уингфилд, вы знаете, кто вас толкнул?

Одна вспышка

Я собираюсь составить имя по буквам. Вы понимаете?

Одна вспышка.

Хорошо. А, Б.

Одна вспышка

«Б». Правильно?

Несколько вспышек.

МЕДСЕСТРА. Доктор! У нее коллапс.

ГИНЗБЕРГ. Плохо. Я не решаюсь продолжать. Сестра!

Медсестра идет к тележке за шприцем, возвращается, протягивает шприц Гинзбергу.

Благодарю вас, Лансен. *(Сломав кончик ампулы, наполняет шприц и делает укол пациентке в вену.)*

Лансен отключает аппарат, вынимает из пальцев пациентки грушу и откатывает прибор в нишу за занавеску.

Сестра, выключите, пожалуйста, стерилизатор.

МЕДСЕСТРА. Да, доктор.

Медсестра выключает стерилизатор Гинзберг подходит к тележке и вместе с медсестрой откатывает ее в сторону

УИНГФИЛД. Ну, как она?

ГИНЗБЕРГ. Возбуждение оказалось слишком сильным. Ничего, это пройдет. Ей нужно просто немного отдохнуть. Через полчаса мы сможем подвести итог.

УИНГФИЛД. Я запрещаю вам продолжать! Это опасно!

ГИНЗБЕРГ. Думаю, вам придется предоставить мне решать, что для нее лучше. Подкатим миссис Уингфилд к окну. Там ей будет спокойнее.

Гинзберг и медсестра отвезят пациентку к окну

ЭММЕЛИНА. Можно не сомневаться, кого она имела в виду. Б! Легко догадаться, верно, Брайен?

УИНГФИЛД. Ты всегда ненавидела меня, Эммелина. Всегда держала камень за пазухой. Запомни раз и навсегда: я не пытался убить жену.

ЭММЕЛИНА. Ты что же, станешь отрицать, что у тебя интрижка с этой женщиной?

БРЕНДА. Это неправда.

ЭММЕЛИНА. Мне можете не говорить. Вы же были по уши влюблены в него.

БРЕНДА. Ну допустим. Я была в него влюблена. Но все кончилось сто лет назад. Ответных чувств он ко мне не питал. Все прошло. Говорю вам, все прошло!

ЭММЕЛИНА. В таком случае странно, что вы остались у него секретарем.

БРЕНДА. Я не хотела уходить. Я... да ладно, что там! Я хотела быть возле него!

ЭММЕЛИНА. Наверно, надеялись убрать с дороги Джени, тут вы бы его быстренько утешили и стали бы миссис Уингфилд номер два.

УИНГФИЛД. Эммелина, ради Бога!

ЭММЕЛИНА. Пожалуй, «Б» означает Бренда.

БРЕНДА. Вы ужасная женщина! Я вас ненавижу. Это неправда.

РОСС. Брайен либо Бренда. Похоже, выбор сужается.

УИНГФИЛД. Не сказал бы. А может, «Б» означает брат? Или Билл?

РОСС. Она звала меня не Билл, а Уильям.

УИНГФИЛД. В конце концов, кто выигрывает от смерти бедной Джени? Не я, а ты. Вы с Эммелиной. Это вы получите ее деньги.

ГИНЗБЕРГ. Прошу вас, прошу вас, господа! Я не могу допустить здесь подобного препирательства. Сестра, проводите их, пожалуйста, в приемную.

МЕДСЕСТРА. Хорошо, доктор.

РОСС. Мы не можем находиться все вместе в одной комнате — мы сразу начнем поливать грязью друг друга!

ИНСПЕКТОР. Ну пойдите еще куда-нибудь. Главное, ни один из вас не должен покидать помещение больницы. Понятно?

УИНГФИЛД. Хорошо.

РОСС. Да.

ЭММЕЛИНА. Я и не собираюсь никуда уходить. Моя совесть чиста.

БРЕНДА. А я думаю — это сделали вы.

ЭММЕЛИНА. Что вы хотите этим сказать?

БРЕНДА. Вы ее ненавидели, вы всегда ее ненавидели. И вы получите ее деньги, вы с вашим братцем.

ЭММЕЛИНА. Вынуждена огорчить вас, но мое имя начинается не на букву «Б».

БРЕНДА. Ну и что? А предположим, миссис Уингфилд все-таки не видела того, кто ее толкнул с балкона.

ЭММЕЛИНА. Но она сказала, что видела.

БРЕНДА. Но предположим, что нет. Разве непонятно, какое возникает искушение? Она ревновала Брайена ко мне — о да, она знала про нас и очень ревновала! А когда эта машина дала ей возможность поквитаться с нами — со мной — разве вы не понимаете, до чего силен соблазн сказать: «Это Бренда толкнула меня». Так могло быть, могло!

ИНСПЕКТОР. Версия несколько натянутая.

БРЕНДА. Нет, нет! Вы не знаете, на что способна ревнивая женщина. А миссис Уингфилд, запертая в своей комнате, все лежала и думала, подозревала, гадала, не продолжем ли мы с Брайеном встречаться. Никакой натяжки, говорю вам. Эта версия очень легко может оказаться правдой.

УИНГФИЛД. А знаете, инспектор, это вполне возможно.

БРЕНДА (*Эммелине*). А вы ее ненавидели.

ЭММЕЛИНА. Я? Свою собственную сестру?

БРЕНДА. Я часто видела, как вы на нее смотрите. Вы любили Брайена, дело чуть ли не до помолвки дошло, а потом из-за границы приехала Дженни и увела его. О, она как-то раз мне все рассказала. Вы ее так и не простили. И с тех пор вы ее возненавидели. Я думаю, что в тот день вы вошли в комнату, увидели, что она оперлась о перила, и решили, что нельзя упускать случай. Вы подошли и толкнули ее...

ЭММЕЛИНА. Инспектор! Почему вы не прекратите это?

ИНСПЕКТОР. Боюсь, мне этого не хотелось бы, мисс Росс. Я нахожу вашу беседу очень информативной.

ГИНЗБЕРГ. Извините, но я настаиваю на том, чтобы все покинули комнату. Пациентке нужен отдых. Через

двадцать минут мы сможем подвести итог. Сестра проводит вас вниз.

МЕДСЕСТРА. Хорошо, доктор.

Росс, Эммелина, Уингфилд и Бренда идут к выходу.

ИНСПЕКТОР. Мисс Росс, вы не могли бы на минутку задержаться?

Пауза. Бренда выходит, за ней Росс, медсестра и Уингфилд.

ЭММЕЛИНА. Ну, что такое?

ИНСПЕКТОР. Я хотел бы задать вам парочку вопросов. Не хотелось смущать вашего...

ЭММЕЛИНА. Моего брата? Смутить Уильяма? Это невозможно, вы его не знаете. У него нет никакого самоуважения. Даже не стесняется признаться, что не знает, где бы еще подзаработать!

ИНСПЕКТОР. Это очень интересно, но я-то имел в виду, что мои вопросы могут смутить вашего зятя.

ЭММЕЛИНА. Ах, Брайена. Что же вы хотите узнать?

ИНСПЕКТОР. Мисс Росс, вы видите насквозь всех своих родственников. От человека столь... пронизательного ничто не укроется. Вы знаете о жизни вашей сестры и зятя, об отношениях между ними. Пока что вы, вполне резонно, о многом умалчивали. Но теперь вам известны наши подозрения, вы убедились минуту-другую назад, что они не беспочвенны, и это меняет дело, не правда ли?

ЭММЕЛИНА. Да, я тоже так думаю. Что вы хотите узнать?

ИНСПЕКТОР. Скажите, связь между мистером Уингфилдом и мисс Джексон была серьезной?

ЭММЕЛИНА. Только не для него. Его связи серьезными не бывают.

ИНСПЕКТОР. А была ли она вообще, эта связь?

ЭММЕЛИНА. Конечно. Вы же слышали. Бренда почти что призналась в этом.

ИНСПЕКТОР. Но вы и раньше об этом знали?

ЭММЕЛИНА. Я могла бы привести вам массу доказательств, но не хочу. Уж придется вам поверить мне на слово.

ИНСПЕКТОР. Когда это началось?

ЭММЕЛИНА. Примерно год назад.

ИНСПЕКТОР. И миссис Уингфилд узнала об этом?

ЭММЕЛИНА. Да.

ИНСПЕКТОР. И как она реагировала?

ЭММЕЛИНА. Устроила Брайену выволочку.

ИНСПЕКТОР. А он?

ЭММЕЛИНА. Все отрицал, конечно. Сказал, что она выдумывает. Вы же знаете, что такое мужчины! Всегда выкрутятся! Она требовала, чтобы он выпроводил эту девицу, но Брайен ни в какую, мол, ему жалко терять такого хорошего секретаря.

ИНСПЕКТОР. А миссис Уингфилд из-за этого сильно переживала?

ЭММЕЛИНА. Очень.

ИНСПЕКТОР. Настолько сильно, что решила лишиться себя жизни?

ЭММЕЛИНА. Будь она здоровой и сильной — другое дело, но болезнь доконала ее. И у нее начались всякие фантазии ГИНЗБЕРГ. Какие фантазии, мисс Росс?

ЭММЕЛИНА. Да так, выдумки.

ИНСПЕКТОР. Почему в тот день миссис Уингфилд осталась одна?

ЭММЕЛИНА. Ей самой так захотелось. Мы все предлагали побыть с ней, но она сказала, что у нее есть книги и радио. По некоторым причинам она предпочитала оставаться одна.

ИНСПЕКТОР. Кто предложил отпустить с дежурства медсестру?

ЭММЕЛИНА. Так обычно принято при персональном уходе. Патронажной сестре положено два часа отдыха среди дня.

ИНСПЕКТОР. По поводу связи с мистером Уингфилдом мисс Джексон сказала «это закончилось сто лет назад». Скажите, это не так?

ЭММЕЛИНА. Я думаю, на какое-то время они прекратили такого рода отношения. А может, просто стали осторожнее. Но к моменту, когда произошел несчастный случай, все опять наладилось, будьте спокойны!

ИНСПЕКТОР. Похоже, вы в этом вполне уверены.

ЭММЕЛИНА. Я живу с ними бок о бок! Я вам кое-что покажу. *(Достает из сумки листок бумаги и подает инспектору.)* Я нашла это в холле в большой китайской вазе. Кажется, они пользовались ею как почтовым ящиком.

ИНСПЕКТОР *(читает)*. «Дорогая, осторожнее. Кажется, она что-то подозревает. Б»

ЭММЕЛИНА. Это почерк Брайена. Вот видите!

ГИНЗБЕРГ. Вы не возражаете, инспектор, если я задам несколько вопросов?

ИНСПЕКТОР. Нет, пожалуйста, доктор.

ГИНЗБЕРГ. Меня интересуют фантазии, о которых вы упоминали, мисс Росс. Что конкретно вы имели в виду?

ЭММЕЛИНА. Просто болезненное воображение несчастной женщины. Видите ли, она долго болела, а обещанного выздоровления никак не наступало!

ГИНЗБЕРГ. И она полагала, что это неспроста?

ЭММЕЛИНА. Она... она просто была ужасно расстроена.

ИНСПЕКТОР. Значит, все-таки думала, что это неспроста.

ЭММЕЛИНА. Ну... да.

ГИНЗБЕРГ. Она считала, что эти двое ее медленно управляют? Так?

ЭММЕЛИНА. Да.

ГИНЗБЕРГ. Она сама вам так сказала?

ЭММЕЛИНА. Да.

ГИНЗБЕРГ. А что ей сказали вы?

ЭММЕЛИНА. Что все это чепуха, конечно.

ГИНЗБЕРГ. А вы сами не предпринимали каких-нибудь шагов?

ЭММЕЛИНА. О каких шагах вы говорите?

ГИНЗБЕРГ. Вы не обсуждали этого с лечащим врачом? Не брали пищу на анализ?

ЭММЕЛИНА. Нет, конечно. Это просто болезненный бред!

ГИНЗБЕРГ. Возможно, что и нет. Ведь такие случаи бывают, и гораздо чаще, чем принято думать. По своим симптомам отравление малыми дозами мышьяка, а чаще всего применяется именно мышьяк, практически неотличимо от гастрита.

ЭММЕЛИНА. Брайен на такое не способен — нет!

ГИНЗБЕРГ. А девица?

ЭММЕЛИНА. Да! Да, я так и думаю. Жаль, мы этого теперь уже не узнаем.

ГИНЗБЕРГ. Вот тут вы ошибаетесь, мисс Росс. Об отравлении могут свидетельствовать различные пробы. Следы мышьяка находят в волосах, в ногтях...

ЭММЕЛИНА. Я в это не верю! Никогда не поверю, что это Брайен! Инспектор, я вам больше не нужна?

ИНСПЕКТОР. Нет, мисс Росс.

Эммелина идет к столу, чтобы забрать записку, но инспектор успевает схватить ее раньше

Она останется у меня. Это улика

ЭММЕЛИНА. Да, конечно. *(Выходит.)*

ГИНЗБЕРГ. Так-с, кое-что мы получили.

ИНСПЕКТОР. Да. Из китайской вазы в холле. Интересно.

ГИНЗБЕРГ. Это его почерк?

ИНСПЕКТОР. О да, это почерк Брайена Уингфилда. Знаете, он пользовался большим успехом у дам. Сбивал их, как кегли. На свою беду, те воспринимали его всерьез.

ГИНЗБЕРГ. Что-то очень он похож на Казанову. Кропа-ет исторические романы. Большой эрудит...

ИНСПЕКТОР. В истории тоже хватает грязи... Ох... *(Замечает, что сидит в кресле Гинзберга, и встает.)*

ГИНЗБЕРГ. Благодарю вас. Значит, развязка нашего исторического романа еще впереди?

ИНСПЕКТОР. Да уж. Соберите вместе четырех рассерженных людей, которые бросают друг другу обвинения, возьмите злоющую тетку и дайте ей выболтать все секреты — и вот вам свежий материал для романа, а?

ГИНЗБЕРГ. Это плюс к тому, что вы уже знали. Кстати, чем вы располагали до сих пор?

ИНСПЕКТОР. Несколькоими непреложными фактами. Рассмотрим их под финансовым углом зрения. Брайен Уингфилд — человек бедный, его жена — богатая. Ее жизнь застрахована в его пользу — деньги не слишком большие, но позволили бы ему снова жениться, если бы он захотел. А капитал находится в доверительном управлении, поэтому если она умрет бездетной, все достанется брату и сестре. Если верить Брайену, она сказала брату, что больше не намерена за него платить. Хотя думаю, что все равно ей пришлось бы.

ГИНЗБЕРГ. Так кто же этот Б? Брайен? Бренда? Брат Билл? Или Эммелина — без всякого Б?

ИНСПЕКТОР. Эммелина без... Эммелина? Постойте-ка, что-то я сегодня слышал, когда все они были здесь... Нет, не вспомню.

ГИНЗБЕРГ. Может, Б — это бандит?

ИНСПЕКТОР. Нет, ни в коем случае. На этот счет есть исчерпывающие данные. Прямо перед домом проходит дорога, и там дежурил констебль. Оба крыла дома и въездные ворота были ему прекрасно видны. В тот день никто не входил и не выходил из дома.

ГИНЗБЕРГ. Знаете, инспектор, вы попросили меня о сотрудничестве — а сами осторожничайте, не выкладываете карты на стол. Скажите прямо — что вы предполагаете.

ИНСПЕКТОР. Я не предполагаю. Я знаю.

ГИНЗБЕРГ. Что?

ИНСПЕКТОР. Возможно, я ошибаюсь — хотя вряд ли. Подумайте сами, доктор. У вас есть еще семь минут.

ГИНЗБЕРГ. Ха! О да. *(Подходит к пациентке.)* Миссис Уингфилд! Спасибо за помощь, миссис Уингфилд. Сейчас мы подходим к критической точке эксперимента.

ИНСПЕКТОР. Миссис Уингфилд, мы сейчас уйдем, оставим вас практически без охраны. Никто из подозреваемых не знает, что к вам вчера вернулась способность к речи. Они не знают, что на самом деле вы не видели того, кто столкнул вас с балкона. Вы отдаете себе отчет, что это значит?

ПАЦИЕНТКА. Один из них попытается...

ИНСПЕКТОР. Безусловно. Кто-то войдет в эту палату.

ГИНЗБЕРГ. Вы уверены, что действительно этого хотите, миссис Уингфилд?

ПАЦИЕНТКА. Да, да, я должна знать... я должна знать, кто...

ИНСПЕКТОР. В таком случае — не бойтесь. Мы будем рядом. Если кто-то приблизится к вам или притронется...

ПАЦИЕНТКА. Я знаю, что делать.

ИНСПЕКТОР. Спасибо, миссис Уингфилд, вы замечательная женщина. Наберитесь храбрости еще на несколько минут, и мы поймем убийцу. Положитесь на меня. Вернее, на нас с доктором.

ГИНЗБЕРГ. Готовы?

Они вывозят каталку на середину комнаты

ИНСПЕКТОР. Вот так.

ГИНЗБЕРГ. Не пройти ли нам в мой кабинет? Некоторые записи, с учетом версии об отравлении, вас могли бы заинтересовать.

ИНСПЕКТОР. Да, и еще, если можно, я хотел бы посмотреть рентгенограмму. *(Выключает свет и уходит вместе с Гинзбергом.)*

В темноте входит медсестра с маленьким шприцем и скрывается за занавеской.

ПАЦИЕНТКА. Помогите! На помощь!!

Входит инспектор

ИНСПЕКТОР. Все в порядке, миссис Уингфилд, мы здесь!

Входит Гинзберг, зажигает свет и подбегает к пациентке

ПАЦИЕНТКА. Помогите! Убивают! *(Показывает на занавеску.)* Там!

ИНСПЕКТОР. Как она?

ГИНЗБЕРГ. В полном порядке. Вы оказались очень храброй, миссис Уингфилд.

ИНСПЕКТОР. Спасибо, миссис Уингфилд. Убийца угодил нам прямо в руки. Записка в китайской вазе — это все, чего мне не хватало. Брайену Уингфилду вряд ли понадобилось бы писать тайные послания секретарше, с которой он видится каждый день. Он писал кому-то другому Ну, и дежурный констебль. Он подтвердил под присягой, что никто не входил в дом и не выходил из него. *(Повернувшись лицом к занавеске.)* Похоже, в тот день вы не воспользовались своим правом уйти с дежурства на прогулку. Можете выходить из-за занавески, сестра Бонд.

Медсестра выходит из-за занавески Свет гаснет

З а н а в е с

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Эхнатон»

Написанная примерно в то же время, что и «Смерть на Ниле», эта пьеса из жизни Древнего Египта увидела свет только спустя 35 лет.

Суть конфликта — попытка фараона Эхнатона заставить египтян-многобожников признать единое божество — Атона, бога Солнца. Сын и наследник Аменхотепа III, этот фараон даже сменил имя, назвавшись Эхнатонем, то есть сыном Атона, дабы показать преданность новому божеству. В трактовке Кристи это добрый, мягкий человек, с благородным сердцем, но слабой волей, правитель, чья попытка вести свой народ путями мира и любви заканчивается тем, что измученная и деморализованная страна делается добычей врагов. Лучший друг Эхнатона, молодой воин Хoremхем, тайно почитает Амона, самого могущественного из прежних богов. Преданность Эхнатона и Хoremхеба друг другу оказывается сильнее, чем разница их характеров и убеждений, и сохраняется даже несмотря на то, что Хoremхем понимает: блаженный, «не от мира сего» фараон, пренебрегая интересами государства, ведет Египет к полной зависимости от агрессивных соседей.

По мере того как Эхнатон все глубже погружается в свои светлые видения о торжестве мира, отказываясь защищать собственную страну от врагов и предпочитая увещевать их отказаться от воинственных устремлений, положение Египта все более ухудшается, пока наконец Хoremхем не осознает, что интересы царя и страны разошлись и что ему самому предстоит делать выбор. И вот Эхнатон низложен, и Тутанхатон, наследуя престол фараона, отказывается от своего имени и начинает править под именем Тутанхамона.

Неизвестно, стремилась ли Агата Кристи отразить столь актуальное для 30-х годов противостояние политики агрессии

и умиротворения, и показать с горькой иронией все безумие идей пацифизма, во всяком случае, такой подтекст в пьесе явно прочитывается. Вообще «Эхнатон» пьеса очень интересная, и, похоже, литературные агенты Агаты Кристи просто не приложили достаточных усилий, чтобы добиться постановки этого безусловно некоммерческого произведения, к тому же несвойственного для детективного автора. К этому времени Кристи успела написать только одну пьесу — «Черный кофе» — детектив с участием Пуаро, и ее агенты, несомненно, решили, что в их собственных интересах — заставить автора сосредоточиться исключительно на производстве детективной продукции.

«Эхнатон» на самом деле произведение удивительной глубины. В нем затронуты столь сложные понятия, как различие между суеверием и благочестием, как опасность бескомпромиссной борьбы с предрассудками, самооценку искусства, природа любви, конфликт между разными взглядами на верность и изначальная трагичность любых перемен. Однако при всем этом «Эхнатон» вовсе не дидактический трактат, здесь есть и драматическая мощь, и выверенная логика развития сюжета, и ярко очерченные характеры, и убедительность и образная сила авторских доводов.

В течение тридцати пяти лет «Эхнатон» пребывал в забвении, пока однажды в 1972 году во время уборки Агата Кристи не наткнулась на машинописную рукопись. Хотя пьеса так и не увидела сцены, писательница решила, что ее надо, по крайней мере, опубликовать.

Пьеса вышла в Англии в 1972 году.

Перевод Л. Беляевой под редакцией Е. Чевкиной выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Паутина»

В то время как две пьесы Кристи, «Мышеловка» и «Свидетель обвинения», продолжали собирать аншлаги, Питер Сондерс решил осуществить еще один проект. На ленче в ресторане «Мирабель» в Мэйфере он устраивает встречу Агаты Кристи с популярной в то время британской киноактрисой Маргарет Локвуд, которая десять лет назад была самой высокооплачиваемой британской кинозвездой, но теперь, устав от роли роковой красотки, подвизалась на подмостках известного в то время театра «Савой», где сыграла, в частности, в «Питере Пэне»

Барри и в «Пигмалионе» Шоу, а теперь мечтала о роли комедийного плана.

Агата Кристи согласилась написать для нее роль, которая помогла бы раскрыть ее комедийный талант. Согласилась она и на просьбу Локвуд, чтобы в пьесе была роль для известного комедийного актера Уилфреда Хайда Уайта. Правда, когда рукопись была завершена, Уайту его роль не понравилась, и ее сыграл Феликс Эйmlер.

Премьера «Паутины», осуществленная Уоллесом Дугласом, состоялась в Королевском театре Ноттингема. После гастрольного тура спектакль был показан в лондонском театре «Савой», где прошел 774 раза, войдя в вест-эндскую обойму «хитов» Кристи наряду с «Мышеловкой» и «Свидетелем обвинения». В то время все три пьесы шли в Лондоне одновременно.

Сама писательница была довольна «Паутиной». Она с удовольствием писала роль для Маргарет Локвуд, у которой, по ее мнению, «необыкновенный комедийный талант сочетается с драматическим». Впрочем, и великолепная игра Локвуд также немало способствовали успеху постановки.

Сюжет пьесы весьма остроумный. Убитый — неизвестный на первый взгляд мужчина, в дальнейшем, как выясняется, оказывается знаком кое-кому из домочадцев. Почему его убили — такая же загадка, как и то, кто это сделал, и попытка главной героини убедить инспектора полиции, что никакого убийства не было, и одновременно выяснить, кто же убийца, как запутывают, так и забавляют зрителя.

Эта милая комедия-триллер, разумеется, не претендует на соперничество с такими виртуозными детективными пьесами, как «Свидетель обвинения» и «Мышеловка», однако в своей категории она кажется весьма удачной. А как оригинально миссис Кристи использует такой затасканный прием, как потайная дверь! «Кларисса таинственно исчезает» — декламировала Маргарет Локвуд, входя туда под гром восторженных аплодисментов.

Тогда еще никто не знал, что «Паутина» окажется последним сценическим триумфом Кристи. Последующие ее пьесы шли с большим или меньшим успехом, но ни одна из них не могла соперничать с блистательным трио 50-х — «Мышеловкой», «Свидетелем обвинения» и «Паутиной».

В 1960 году продюсерским центром «Данцигер Бразерс» по «Паутине» был снят фильм.

Пьеса опубликована в 1954 году.

Перевод Ф. Сарнова выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Вернуться, чтобы быть повешенным»

Через десять лет после написания романа «К нулю» миссис Кристи в сотрудничестве с Джерардом Вернером создает его сценическую версию, и 4 сентября 1956 года агентство Питера Сондерса и режиссер Мюррей Макдоналд ставят ее под названием «Вернуться, чтобы быть повешенным» в лондонском театре «Сент-Джеймс».

После первого же спектакля произошло очень неприятное событие — обозреватель одной из лондонских газет в своем очерке беспардонно раскрыл имя убийцы, чем конечно же сослужил театру плохую службу — количество желающих посмотреть спектакль резко пошло на спад. И все же, несмотря на это, пьеса еще полгода продержалась на сцене. В один из вечеров спектакль неожиданно посетила королева Елизавета, на общих основаниях приобретя билет в ложу первого яруса. Питер Сондерс так вспоминает о создавшейся ситуации: «В тот вечер нам пришлось тяжело. У меня возникла мысль пересадить галерку и верхний ярус в бельэтаж, чтобы создать впечатление полного зала. Я был очень доволен результатом, но едва начался спектакль и я поднялся в бельэтаж, я в ужасе понял: королеве прекрасно виден весь партер, где сидит от силы человек пятьдесят».

Все действие пьесы происходит в гостиной дома, который, как сказано в авторской ремарке, находится «в Солтकिрке, графство Корнуолл» — хотя ясно, что на самом деле Агата Кристи изобразила свой любимый Девон. Самоубийца Макуинтер из числа действующих лиц исключен, его роль выполняет пожилой адвокат Тривз. Первого менее существенного убийства тоже не происходит. Любовные отношения в пьесе также складываются иначе, чем в романе, изменилась и концовка.

В дальнейшем пьесу экранизировали. Мэри Лоу вспоминала, что Агата Кристи, присутствовавшая на озвучании фильма, поначалу стеснялась и робела, но постепенно держалась все тверже и увереннее и уже сама давала указания. Впоследствии фильм был признан одной из лучших экранизаций произведений Кристи.

Впервые пьеса вышла в Англии в 1956 году.

На русский язык переведена Е. Чевкиной специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Вердикт»

Эта пьеса необычна уже тем, что не является детективом. Хотя убийство и имеет место, в нем нет никакой загадки, оно происходит на глазах у публики, которую на сей раз миссис

Кристи и не пытается запутать. Впрочем, «Вердикт» — пьеса не столько об убийстве, сколько об опасности людского идеализма.

В «Автобиографии» Агата Кристи утверждает, что, несмотря на отсутствие успеха у публики, «Вердикт» (название, на ее взгляд, неудачное) ее саму вполне удовлетворяет. И продолжает «Сначала я назвала пьесу «Вдали от амарантовых полей» — парафраз Уолтера Лэндора — «Не цветут амаранты по эту сторону могилы». Я и по сей день уверена, что это лучшая моя пьеса, если не считать «Свидетеля обвинения». А провалилась она, думаю, потому, что это не детектив и не триллер, и речь в ней идет не об убийстве, а о том, насколько опасен законченный идеалист, особенно для тех, кто его любит, и о том — сколь многим позволительно жертвовать во имя идеи, в которую он верит, а окружающие нет».

«Милосердие начинается дома» — еще одна заложенная в «Вердикте» идея. Миссис Кристи сочинила интереснейшую драму, где события разворачиваются вокруг профессора-идеалиста, из лучших побуждений все разрушающего — и не потому, что его взгляды отличаются от общепринятых, но оттого, что ему недостает воображения представить себе даже ближайшие последствия собственных поступков.

Агата очень надеялась на успех «Вердикта», тем не менее пьеса продержалась в репертуаре всего один месяц, а затем была снята. Этому способствовало и досадное недоразумение на премьере, когда занавес был опущен на сорок секунд раньше, чем это было нужно, из-за чего никто не увидел неожиданного возвращения одного из главных персонажей и концовка оказалась скомканной. «Вместо кардинального поворота сюжета в самое последнее мгновение, — пишет «Дейли телеграф», — публике показали патетическую сцену отречения и прощания, которая выглядела насквозь фальшиво и банально».

Впрочем, «Вердикт» время от времени появляется на сцене, хоть и не столь часто, как остальные пьесы Кристи. И, надо сказать, несмотря на отсутствие детективного сюжета, смотрится он с не меньшим интересом.

После неудачной премьеры неунывающая Агата только хмыкнула — «Хорошо хоть «Таймс» не опубликовал разгромной статьи», — и немедленно приступила к работе над следующей пьесой. Спустя всего месяц был готов «Нежданный гость».

«Вердикт» впервые вышел в Англии в 1958 году.

Переведен М. Макаровой специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Нежданный гость»

Ничуть не обескураженная провалом «Вердикта», Агата Кристи вскоре пишет еще одну пьесу, а Питер Сондерс тут же договаривается о ее постановке. Премьера состоялась 12 августа 1958 года в театре «Датчес», где в течение последующих восемнадцати месяцев было дано 604 представления.

«Нежданный гость» — это, можно сказать, детектив, замаскированный под антидетектив.

Преступление расследуют двое — проницательный и саркастичный инспектор и поэтического склада сержант, все время цитирующий Китса. К концу второго и последнего акта они находят и избивают убийцу. А может, не избивают? Впрочем, это уже тайна Агаты Кристи, ибо последние реплики звучат весьма неопределенно. Возможно ли, чтобы Кристи позволила убийце уйти от наказания? Если так, то, видимо, она считает, что убийство Ричарда Уорвика — калеки с садистскими наклонностями — само по себе справедливое деяние.

Личность убитого, если судить по описанию, данному его женой, отчасти была списана с человека, которого Агата Кристи прекрасно знала.

В пьесе Кристи высказывает несколько любопытных суждений. Например, одно из них звучит приблизительно так: «На самом деле чувствительный пол — это мужчины. Женщины черствее. Мужчина не может убить походя. А женщина, очевидно, может».

«Нежданный гость» — в полном смысле авторская пьеса и не только потому, что она сочинена самой писательницей, а не инсценирована кем-то другим по ее рассказу или роману, но и потому, что, в отличие от «Мышеловки» и «Свидетеля обвинения», сочинялась именно как пьеса, а не переделывалась из прежних произведений. Это несомненно одна из лучших пьес Кристи, с живыми и емкими характерами и неожиданными поворотами сюжета, который при этом весьма прост для восприятия.

«Нежданный гость» получил очень хорошую критику, что было особенно отрадно на фоне недавнего провала «Вердикта». «После провала последней пьесы, — писала «Дейли телеграф» — в определенных кругах было решено просить Скотленд-Ярд провести расследование, кто же убил Агату Кристи как автора. Однако после вчерашней премьеры «Нежданного гостя», совершенно ясно, что «труп» еще подает признаки жизни. Так что хоронить мастера детективов пока еще рановато».

Пьеса вышла в Англии в 1950 году.

Перевод В. Челноковой выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Возвращение к убийству»

Много лет спустя после написания романа «Пять поросят» миссис Кристи решает адаптировать его для сцены под названием «Возвращение к убийству».

Впервые пьеса была поставлена в Эдинбурге. Лондонская премьера состоялась 23 марта 1960 года на сцене театра «Датчес».

Пуаро в очередной раз был исключен из состава действующих лиц, и его функции достались молодому и привлекательному адвокату Джастину Фоггу. Именно ему было предоставлено вместе с миссис Крейл установить невиновность ее матери. Тщательность, с которой автор подошел к переработке материала романа, вызывает уважение, тем не менее сюжет все-таки здорово хромает, а ретроспективные сцены второго действия вызывают вопросы даже у не слишком искушенного зрителя.

Пьеса была снята с репертуара после 31 представления, и возобновляется чрезвычайно редко.

Сразу же после премьеры один очень известный критик написал в «Дейли мейл»: «В пьесе есть все, что обычно бывает у Кристи, к тому же она хорошо поставлена, прекрасно сыграна и доставляет зрителю несомненное удовольствие. И все же я был ужасно раздражен тем, что сразу же догадался, кто преступник. Обычно бывает приятно наблюдать, как миссис Кристи в пух и прах разбивает все твои предположения. На этот раз возникло ощущение, что меня просто обманули».

Впервые пьеса вышла в Англии в 1960 году.

Переведена А. Вашенко специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Тройное правило»

«Крысы»

«Полуденный берег»

«Пациентка»

Три одноактные пьесы, предназначенные для представления в один вечер, стали прощанием Агаты Кристи с лондонской театральной публикой. Еще через десять лет она напишет свою последнюю пьесу, но та будет показана лишь на предва-

рительном гастрольном туре и лондонского Вест-Энда так и не увидит.

Эти три короткие пьесы совершенно ничем не объединены и очень не похожи друг на друга. Во время первого представления под общим названием «Тройное правило» они исполнялись в следующем порядке: сначала — «Крысы», затем «Полуденный берег» и наконец «Пациентка». Однако какой-либо жесткий порядок следования для этих пьес совершенно неважен, как необязательно и их исполнение в один вечер (в качестве отдельных одноактных пьес они, кстати, представляют довольно большой интерес для любительских театров).

«Крысы». Компактная мелодрама с очень динамичным сюжетом. Разворачивается в квартире в Хемпстеде с участием всего четырех персонажей (молодых мужчин и женщин), из которых один представлен автором как «молодой человек лет двадцати восьми — двадцати девяти, гомосексуального вида». Трое остальных представлены более доброжелательно, хотя у зрителя все равно создается впечатление, что все они по-своему «крысы». В конце концов двое из них угодяют в ловушку. Необходимо отметить, что важный сюжетный элемент пьесы позаимствован из повести «Тайна испанского сундука».

Центральная пьеса, «Полуденный берег», в сравнении с двумя другими, в известной мере разочаровывает. Она весьма рыхла по конструкции с довольно вялым сюжетом, хотя в то же время дает некоторую разрядку драматической атмосферы, присущей предыдущей и последующей пьесам трилогии.

Прелесть «Полуденного берега» — в обаянии старомодной, довоенной атмосферы (хотя события в пьесе не отнесены к какому-либо конкретному времени) быта мелких буржуа, отдыхающих на многолюдном пляже некоего курорта. И место действия, и сюжет отчасти напоминают рассказ «Изумруд раджи», вошедший в сборник «Тайна Листердейла». Интересны персонажи пьесы — их целых двенадцать — с различной речевой характеристикой — от стилизации под «джентльменство» до натурального кокни. Как заметил один из лондонских обозревателей: «Ай да Агата, а мы и предположить не могли! Столько лет сочинять триллеры — и вдруг «Полуденный берег»! Словно взяла и послала нам пикантную открытку из Брайтона — тот же свежий, грубоватый юмор»

В третьей пьесе, «Пациентка», действие происходит в доме престарелых, где весьма неординарным способом удастся выяснить у женщины-инвалида, парализованной и утратившей способность говорить, было ли ее падение с балкона случайным или ее кто-то толкнул. Подсказок множество, среди них

немало неожиданных, но имя преступника становится известно лишь в самом конце. Все происходит очень быстро. «Можете выйти из-за занавески», — приглашает его инспектор полиции. Тот выходит на сцену. Свет гаснет. Занавес.

Во время предварительного показа «Тройного правила», которое состоялось в Абердине, «Пациентка» заканчивалась иначе — тогда преступник не показывался публике. В первом сценическом варианте пьеса заканчивалась тем, что звучал записанный на пленку голос Агаты Кристи, говорящей, что все подсказки даны и сами зрители должны понять, кто же злоумышленник...

На первом же представлении в Абердине становится ясно, что концовка не годится, и Питер Сондерс отправляет телеграмму в Тегеран, где находилась тогда с мужем писательница, информируя ее, что пришлось вернуться к альтернативной концовке. Так что когда 20 декабря 1962 года состоялась лондонская премьера «Пациентки», это был превосходный детективный триллер с бесспорным финалом.

В оценке «Триптиха» критики разошлись — от «вкусного и сочного ассорти, какого наши театры не знали уже много лет» до высказывания, что «кирпич без соломы рассыпается, что и доказала миссис Кристи». «Тройное правило», продержалось на сцене лондонского театра «Датчес» немногим больше двух месяцев. Постановку осуществил режиссер Хьюберт Грегг, тот самый, что ставил «Отложенное убийство», «Нежданного гостя» и «Возвращение к убийству».

Все три пьесы опубликованы в 1962 году.

Перевод В. Челноковой выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

А. Титов

СОДЕРЖАНИЕ

ЭХНАТОН. <i>Пьеса</i>	5
ПАУТИНА. <i>Пьеса</i>	205
ВЕРНУТЬСЯ, ЧТОБЫ БЫТЬ ПОВЕШЕННЫМ. <i>Пьеса</i>	301
ВЕРДИКТ. <i>Пьеса</i>	379
НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ. <i>Пьеса</i>	455
ВОЗВРАЩЕНИЕ К УБИЙСТВУ. <i>Пьеса</i>	527
ТРОЙНОЕ ПРАВИЛО. <i>Одноактные пьесы</i>	609
Библиографическая справка	677

Издательство «Артикул-принт»
осуществляет издание Собрания сочинений
АГАТЫ КРИСТИ
в 20 томах

В настоящее время вышли из печати
и имеются в наличии
1—9, 11—17, 19, 20 (1, 2, 3, 4), 22, 23, 24, 25 тома
Готовятся к выходу 10, 18, 21, 26, 33, 34 тома

Информацию по приобретению уже
вышедших томов и вопросам оптовых
поставок можно получить
по телефону:

(095) 289-30-37

В Москве
все вышедшие тома
можно приобрести в магазинах:

«БИБЛИО-ГЛОБУС»
ул. Мясницкая, 6
проезд: ст. метро «Лубянка»

«МОСКВА»
ул. Тверская, 8
проезд: ст. метро «Тверская»

Иногородным читателям,
желающим оформить подписку и получить
любые из вышедших томов по почте,
следует обращаться по адресу:

ПКП «Техника — Быт — Сервис»
390000, Рязань, почтамт, а/я 12
Тел. (0912) 76-15-87

Кристи А.

К-82 Собрание сочинений. Т.25.

Эхнатон; Паутина; Вернуться, чтобы быть повешенным; Вердикт; Нежданный гость; Возвращение к убийству; Тройное правило; Пьесы. Пер. с англ./ Сост. А. Титов. — М.: Артикул-принт, 2001. — 687 с.

ISBN 5-93776-018-2 (т. 25)

В двадцать пятый том Собрания сочинений Агаты Кристи вошли пьесы «Эхнатон», «Паутина», «Вернуться чтобы быть повешенным», «Вердикт» «Нежданный гость», «Возвращение к убийству», «Тройное правило»

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том двадцать пятый

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
А Титова

Литературный редактор *Е Чевкина*
Выпускающий редактор *Г. Шафигуллина*
Научный редактор *В. Мурат*
Дизайн и верстка *Н. Матякина*
Корректор *О Наренкова*

ИД № 00803 от 20 01 2000

Подписано в печать 10 12 2001 Формат 84×108^{1/16}, Бумага газетная
Гарнитура «Таймс» Печать высокая Усл. печ. л. 42 Уч.-изд. л. 41
Тираж 25 000 экз. (1-й завод 1—10 000) Заказ № 2940

Издательство «Артикул-принт»
129081, Москва, Полярная, 9-4

Отпечатано с готовых диалозитивов на ордена Трудового Красного Знамени
ГУПП «Детская книга» Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникации
127018, Москва, Сушевский вал, 49

ISBN 5-93776-018-2

9 785937 760180 >